

СОВРЕМЕННЫЙ УЧЕНЫЙ

№4, 2021 год

Подписано к публикации: 28.07.2021

*Главный редактор журнала:
доктор педагогических наук,
профессор*

**Солопанова Ольга
Юрьевна**

**«Современный ученый»
включен в список ВАК с
12.02.2019г., РИНЦ (Elibrary.ru)
и в Международную базу дан-
ных Agris.**

eLIBRARY.RU

**Свидетельство о регистрации
СМИ:** Эл № ФС77-72620 от 04
апреля 2018г. Федеральной служ-
бой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и
массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)
ISSN 2541-8459 (online)
E-mail: zhurnalnauka2015@yandex.ru
Сайт:
<http://su-journal.ru>

Редакционная коллегия по основным направлениям работы журнала:

Айбатов Магомеднаби Магомедмирзоевич (РФ, Р. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор
Ахмедов Герман Ибрагимович (Германия, Кемниц) – доктор филологических наук, профессор
Бабаян Анжела Владиславовна (РФ, г. Пятигорск) – доктор педагогических наук, профессор
Белоцеркович Денис Валерьевич (РФ, г. Хабаровск) – кандидат юридических наук, доцент
Бурибаева Майнура Абильтяевна (Казахстан, г. Астана) – кандидат филологических наук, доцент
Быстрой Елена Борисовна (РФ, г. Челябинск) – доктор педагогических наук, профессор
Ваджибов Малик Джамалутдинович (РФ, Р. Дагестан) – кандидат филологических наук, доцент
Гребенникова Вероника Михайловна (РФ, г. Краснодар) – доктор педагогических наук, профессор
Дулебова Ирина (Словакия, г. Братислава) – PhD
Ежова Татьяна Владимировна (РФ, г. Оренбург) – доктор педагогических наук, доцент
Жамулдинов Виктор Николаевич (Казахстан, г. Павлодар) – кандидат юридических наук, профессор
Зумбулидзе Ия Гурамовна (Грузия, г. Кутаиси) – доктор филологических наук, профессор
Ибрагимов Жамаладен Ибрагимович (Казахстан, Астана) – доктор юридических наук, профессор
Каминская Елена Альбертовна (РФ, г. Москва) – доктор культурологии, кандидат педагогических наук, доцент
Киквидзе Инга Джимшеровна (Грузия, г. Кутаиси) – доктор филологических наук, профессор
Коршунова Ольга Николаевна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор юридических наук, профессор
Кротенко Ираида Абесаломовна (Грузия, г. Кутаиси) – доктор филологических наук, профессор
Кудрявцева Екатерина Львовна (Германия, г. Гюстро) – кандидат педагогических наук, доцент
Магомедова Тамара Ибрагимовна (РФ, Р. Дагестан) – доктор педагогических наук, профессор
Малярчук Наталья Николаевна (РФ, г. Тюмень) – доктор педагогических наук, доцент
Мамирова Кулаш Нурбергеновна (Казахстан, г. Алматы) – кандидат педагогических наук, доцент
Метревели Медиа Гивиевна (Грузия, г. Телави) – доктор педагогических наук, профессор
Мирзоев Махмашариф Сайфович (РФ, г. Москва) – доктор педагогических наук, профессор
Михальчук Тамара Григорьевна (Белорусия, г. Могилев) – кандидат филологических наук, доцент
Наджиева Флора Султан гызы (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор
Небрятенко Геннадий Геннадьевич (РФ, г. Ростов-на-Дону) – доктор юридических наук, профессор
Оганян Татьяна Борисовна (РФ, г. Ростов-на-Дону) – доктор педагогических наук, доцент
Пешкова Христина Вячеславовна (РФ, г. Воронеж) – доктор юридических наук, профессор
Рзаев Фикрет Чингиз оглу (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор
Сенюгноева Наталия Анатольевна (РФ, г. Екатеринбург) – доктор педагогических наук, доцент
Сирота Елена Владимировна (Молдова, г. Бельцы) – кандидат филологических наук, доцент
Халифаева Анжела Курбановна (РФ, Р. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор
Хамеди Могадам Мохсен Али (Иран, г. Тегеран) – кандидат филологических наук
Хван Людмила Борисовна (Узбекистан, г. Нукус) – кандидат педагогических наук, профессор
Шатковская Татьяна Владимировна (РФ, г. Ростов-на-Дону) – доктор юридических наук, профессор
Шмачилина-Цибенко Светлана Витальевна (РФ, г. Омск) – доктор педагогических наук, доцент
Щербакова Елена Евгеньевна (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор педагогических наук, профессор
Яковлева Надежда Олеговна (РФ, г. Краснодар) – доктор педагогических наук, профессор

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Бетанова С.С.**
ВКЛЮЧЕНИЕ СЕМЬИ УЧАЩЕГОСЯ С РАССТРОЙСТВАМИ
АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА В СИСТЕМУ КОМПЛЕКСНОЙ
РЕАБИЛИТАЦИИ В УСЛОВИЯХ НАДОМНОГО ОБУЧЕНИЯ 8
- Воронин Д.Е., Ибрагимов И.Ф., Колясов Р.Р.,
Миннибаев Э.Ш., Курмаев З.Ф.**
ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ АДАПТИВНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ
КУЛЬТУРЫ ДЛЯ ЛИЦ С УМСТВЕННОЙ ОТСТАЛОСТЬЮ 13
- Парамзин В.Б., Пугачев И.Ю., Васильченко О.С., Разновская С.В.**
ЭФФЕКТИВНОСТЬ КОМПЛЕКСНОГО ПРИМЕНЕНИЯ ДЫХАТЕЛЬНЫХ
УПРАЖНЕНИЙ В ПРОЦЕССЕ АДАПТАЦИИ ОБУЧАЮЩЕЙСЯ
МОЛОДЕЖИ К УСЛОВИЯМ СРЕДНЕГОРЬЯ НА ЛЫЖНЫХ СБОРАХ 18
- Алиханова Р.А.**
ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ ШКОЛЬНИКОВ
НА ЭТНОПЕДАГОГИЧЕСКОМ ПОТЕНЦИАЛЕ СЕМЬИ 25
- Черницкий Р.С., Лепешкина С.В.**
ФОРМИРОВАНИЕ РЕГУЛЯТИВНЫХ УНИВЕРСАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ
ДЕЙСТВИЙ У УЧАЩИХСЯ 11-12 ЛЕТ СРЕДСТВАМИ САМБО 29
- Володина Д.В., Юрьева Ю.С.**
ПРИМЕНЕНИЕ СМЕШАННОГО ОБУЧЕНИЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ
ИНСТРАННОГО ЯЗЫКА В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ 33
- Дашкуева П.В.**
РОЛЬ СЕМЬИ В РАЗВИТИИ МОТИВАЦИИ К УЧЁБЕ
ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА 40
- Пугачев И.Ю., Васильченко О.С., Разновская С.В., Парамзин В.Б.**
МЕТОД «ПРОСЕИВАНИЯ» В ВЫБОРЕ ИНФОРМАТИВНЫХ
ТЕСТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ ФИЗИЧЕСКОГО
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ 46
- Емельянова Н.Р.**
ВОСПИТАНИЕ В ГИМНАЗИЯХ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ
XIX – НАЧАЛА XX ВВ. В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЫ 52
- Кюрегина А.В.**
ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗВИТИЯ БИОЭТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
В ПЕДАГОГИКЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ 57
- Косогорова Л.А., Крутиков В.К.**
ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ШКОЛЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ 64
- Ибрагимов И.Ф., Корнев О.А., Шалавина А.С.,
Галиуллин Р.М., Лифанов А.А.**
ОСОБЕННОСТИ ВЫПОЛНЕНИЯ СЕРДЦЕМ НАСОСНОЙ
ФУНКЦИИ У МАЛЬЧИКОВ-БОРЦОВ ГРЕКО-РИМСКОГО СТИЛЯ
ПОСЛЕ МЫШЕЧНОЙ НАГРУЗКИ В ПЕРИОД ВОССТАНОВЛЕНИЯ 69

Боровик Д.А., Мягкова С.Н. СПЕЦИФИКА УПРАЖНЕНИЙ В ЗАНЯТИЯХ ИСТОРИЧЕСКИМ ФЕХТОВАНИЕМ И ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИЕЙ	76
Соколов В.Л., Костенко Е.Г., Толстых О.С., Амбарцумян Н.А., Фликова А.Н. АНАЛИЗ ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ, ЗАНИМАЮЩИХСЯ СПОРТИВНОЙ АКРОБАТИКОЙ В МУЖСКИХ ПАРАХ	79
Лебедева И.Н., Лопатина Л.В. ИССЛЕДОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ УМЕНИЙ У ДОШКОЛЬНИКОВ С ДИЗОНТОГЕНЕЗОМ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО- КОММУНИКАТИВНОГО РАЗВИТИЯ В ИНКЛЮЗИВНЫХ ГРУППАХ	85
Фурсова П.В. СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ВУЗЕ	91
Коренной В.Г. РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ ТАНЦЕВ В РЕКРЕАТИВНО-ДОСУГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОЛОДЕЖИ Г. МОСКВЫ	95
Кравцова Л.М., Чикалин М.В., Сарайкин Д.А. ОСОБЕННОСТИ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА	99
Сидоренко И.А. СОПРЯЖЕННОЕ РАЗВИТИЕ ФИЗИЧЕСКИХ КАЧЕСТВ У ШКОЛЬНИКОВ (12-13 ЛЕТ) СРЕДСТВАМИ ХАТХА-ЙОГИ	103
Чжао Цзюньчэн ТЕХНОЛОГИЯ СОЗДАНИЯ ИНТЕГРИРОВАННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ ПОДДЕРЖКИ УПРАВЛЕНИЯ БИБЛИОТЕКОЙ ВЫСШЕГО УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ	108
Автионова Н.И., Байдецкая Е.А., Гребенникова В.М., Руденко Е.Ю. УЧЕТ ОСОБЕННОСТЕЙ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ КАК УСЛОВИЕ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ИХ ОБРАЗОВАНИЯ В ВУЗЕ	114
Хакуз П.М., Нетребко Е.Н. НАУЧИТЬ И НАУЧИТЬСЯ МЫСЛИТЬ	121
Косогорова Л.А., Крутиков В.К. СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ ИМИДЖА ШКОЛЫ	127
Тетина С.В., Гутрова Ю.В. СОВРЕМЕННЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ФОРМИРОВАНИИ И РАЗВИТИИ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАМОТНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ	133
Мурзина Е.В. МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ УНИВЕРСИТЕТА	139

Котловской С.А. ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ НА ОСНОВЕ CROSSFIT С УЧЕТОМ ОПЫТА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН	144
ЯЗЫКОЗНАНИЕ	
Васильева Н.М. НАРУШЕНИЕ ОРФОГРАФИЧЕСКИХ НОРМ ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АККАУНТА NVKSAKHA СЕТИ INSTAGRAM)	148
Шадиева Д.К., Мухиддинова Г.Н. НЕГАТИВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И УГРОЗЫ РАЗВИТИЮ РУССКОГО ЯЗЫКА В СМИ	153
Долгиева А.М. ЗАИМСТВОВАННАЯ ЛЕКСИКА В РЕГИОНАЛЬНОМ ВАРИАНТЕ РУССКОГО ЯЗЫКА	157
Заболотняя Д.Ю. УРОВНИ ОРИЕНТИРУЮЩЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТОВ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ РЕКЛАМЫ	162
Масалова М.А. АКТУАЛИЗАЦИЯ МАНИПУЛЯТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ В ИНАУГУРАЦИОННОЙ РЕЧИ Б. ОБАМЫ. СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	168
Палкина Н.Н. КОННОТАТИВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ЗООНИМОВ	173
Погорелова И.В., Коренева А.О. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ВЕКТОРЫ ЛИБФИКСНОЙ ДЕРИВАЦИИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	178
Акимова А.С. О ТЕРМИНОЛОГИИ ЯКУТСКОГО ХОМУСА	184
Дударова Л.М., Долгиева А.М. АНГЛИЦИЗМЫ В РЕГИОНАЛЬНОМ ВАРИАНТЕ РУССКОГО ЯЗЫКА	188
Мукосеева Я.Ю. СТРУКТУРНО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕНОСТИ НОМИНАЦИЙ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОБЪЕКТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ПУТЕВЫХ ЗАПИСОК УЧЕНЫХ-ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII В.)	191
Небольсина М.С. СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ ГЛАГОЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ В КОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ	198
У Цзыпэн ОБРАЗ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ « КРЫМ » В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	203
Ханоян Л.О. «ПОЭТИКА ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ, ДЕРЕВЕНСКОЙ, АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ. КОНТАМИНАЦИЯ ЯЗЫКОВЫХ ФАКТОВ» (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА А.Н. ПЛЕТНЕВА «ШАХТА»)	208

Земцова О.В. КОНТРАСТИВНЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИКИ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ	213
Мельгунова А.В. ОСОБЕННОСТИ СУБСТАНТИВНЫХ КОМПОЗИТОВ С КОМПОНЕНТОМ TRAUM «СНОВИДЕНИЕ» В МОНОГРАФИИ З. ФРЕЙДА «ТОЛКОВАНИЕ СНОВИДЕНИЙ»	220
У Цзыпэн ОСОБЕННОСТИ МОДЕЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ «ГУСАР»	225
Дреева Дж.М., Фарниева Б.У. МОДАЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ МОДАЛЬНОСТИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Р. КИПЛИНГА)	231
Халина Н.В., Каширских А.А., Фурсова А.Н., Сухомлинова Л.А. ФРАЗЕОМЕДИАОБРАЗ КАК МАРКЕР ВКЛЮЧЕНИЯ АКТУАЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В МЕНТАЛЬНЫЙ ЛЕКСИКОН ПОТРЕБИТЕЛЯ МЕДИЙНОГО КОНТЕНТА	238
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Гатауллин З.Ш. УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ПО ДЕЛАМ О ВОВЛЕЧЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ	246
Тронина Е.Г. К ВОПРОСУ О КОНСТИТУЦИОННОЙ ПРИРОДЕ ПРАВА НА ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	251
Красильников Т.С. ВОЛОСТНОЙ СУД В СИСТЕМЕ СУДОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ	256
Манукян К.А., Васильев А.М. КРИПТОДЕНЬГИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА КРИМИНОГЕННУЮ СРЕДУ	261
Диденко К.В. К ВОПРОСУ О МЕХАНИЗМЕ ЗАЩИТЫ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОТ ПРЕСТУПНЫХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ И ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ В СЕМЬЕ	266
Зорина Е.А., Медведева А.А., Метельков А.Н., Трапезникова М.М. УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ РАБОТОДАТЕЛЯ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВ РАБОТНИКОВ	270
Гатауллин З.Ш. УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ	278
Литвяк О.В. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА ПСИХОПАТА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ПОСРЕДСТВОМ МОДУЛЯЦИИ ВЫСКАЗЫВАНИЙ	283

Щербенко Л.Р., Щербенко В.Н. К ВОПРОСУ ОБ АНТОНИМИИ В ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ	288
Гантемиров К.Р. ИСТОРИЯ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ПРИВИЛЕГИЙ НА ИЗОБРЕТЕНИЯ В РОССИИ ДО XIX ВЕКА КАК ПРЕДПОСЫЛКА ВОЗНИКНОВЕНИЯ ИХ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ	292
Страхова С.В. ПРОБЛЕМЫ НАЗНАЧЕНИЯ СУДЕБНОГО ШТРАФА ПРИ ОСВОБОЖДЕНИИ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ	299
Шацкая Е.А. ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА В КОНТЕКСТЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	304
Магомедова Е.А., Воробьева М.О., Зайцева М.А. АДВОКАТУРА КАК ИНСТИТУТ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ	313
Слепцов А.Н., Слепцова И.А. К ВОПРОСУ О СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ ПО ВОПРОСАМ ЗАЩИТЫ ИСКОННОЙ СРЕДЫ ОБИТАНИЯ И ТРАДИЦИОННОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ МАЛОЧИСЛЕННЫХ ЭТНИЧЕСКИХ ОБЩНОСТЕЙ	319
Абдулгалимова А.Г. ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ И ФРАНЦИИ	323
Мохов А.Ю. РАССМОТРЕНИЕ ЖАЛОБ НА НАРУШЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД В СИСТЕМЕ ПОЛНОМОЧИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	327

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

*Бетанова С.С., кандидат психологических наук, доцент,
Московский государственный областной университет*

ВКЛЮЧЕНИЕ СЕМЬИ УЧАЩЕГОСЯ С РАССТРОЙСТВАМИ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА В СИСТЕМУ КОМПЛЕКСНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ В УСЛОВИЯХ НАДОМНОГО ОБУЧЕНИЯ

Аннотация: старшекласники с нарушениями интеллекта и эмоционально-волевыми В соответствии «Законом об образовании в РФ» для детей, которые не могут учиться в классе общеобразовательной школы по состоянию здоровья, организуется обучение на дому. Так, на основании рекомендации медицинского учреждения нуждаются в индивидуальных занятиях на дому и освобождаются от посещения массовой школы дети с РАС – расстройствами аутистического спектра. По данным современных исследователей, различные формы РАС встречаются в 4-26 случаях из 10 тысяч, что составляет 0,04-0,26% от общей детской популяции. В то же время отмечается тенденция к увеличению частоты данного нарушения развития, представляющего собой серьезный барьер для полноценного общения большого ребенка с окружающими. Для обучающихся этой категории предусмотрена адаптированная образовательная программа, которая должна учитывать особенности их психофизического состояния и обеспечивать коррекцию нарушений развития и социальную адаптацию. В современных научных источниках представлены многие исследования, раскрывающие разные аспекты изучаемого феномена. Тем не менее, вопрос комплексной реабилитации учащихся с РАС в условиях надомного обучения рассмотрен узко, также мало сведений о возможности включения родителей такого ребенка в данный комплексный процесс. В статье приводится пример индивидуальной программы комплексной реабилитации ученика с ранним детским аутизмом (РДА), имеющего сочетанные нарушения развития. Сложная структура дефекта при РДА, включающем как первичные симптомы, так и вторичные проявления социально-адаптивного характера, потребовала от педагога надомной формы обучения выявить наиболее эффективные формы взаимодействия с ребенком, включить их в учебный план, провести работу по развитию психолого-педагогической компетентности родителей ребенка для приобщения их к комплексной программе реабилитации, что в итоге привело к существенному положительному результату – улучшению всех показателей в учебе и поведении ученика.

Ключевые слова: комплексная реабилитация, расстройства аутистического спектра, сочетанные нарушения развития, надомная форма обучения, включение семьи в систему, компетентность родителей учащегося с РАС

Методологическую основу исследования составили труды Л.С. Выготского, М.Ф. Гнездилова, А.Н. Граборова, Г.М. Дульнева, Л.В. Занкова, Ф.М. Новика, В.Г. Петровой, И.М. Соловьева, Ж.И. Шиф, свидетельствующие о значительном потенциале детей с дефектами развития, резерве здоровых качеств, которые могут проявиться в благоприятных условиях системы образования и являются основой их успешного обучения воспитания, адаптации в общество.

Надомное обучение является одной из форм коррекционно-педагогической помощи детям с сочетанными нарушениями развития. Оно является составной частью системы специального образования и организовано в виде индивидуального обучения детей. Такая форма часто наиболее соответствует возможностям учеников с РДА, РАС, диагноз у которых осложнен интеллектуальными и речевыми нарушениями, сопровождается специфическими поведенческими проблемами. Для подобных случаев предусмотрены максимально

расширенные формы взаимного сотрудничества и комплексного сопровождения учеников [3] нашей ситуации в комплексную реабилитацию наравне со специалистами медиками, психологами, социальным работником мы включили семью ученика, возложив экспериментальную деятельность на педагога-надомника, новатора в своей профессии.

Основными задачами педагога, помимо собственно обучения ребенка с ведущим расстройством – РАС на дому, являются:

- расширение представлений об окружающем мире;
- социально-бытовая ориентировка и приобретение навыков самообслуживания;
- формирование коммуникативных навыков;
- развитие личности: самостоятельность, ответственность, активность и т.п. [2].

Нами были определены две дополнительные задачи для надомного учителя с целью успешности обучения, воспитания и адаптации ученика:

- развитие психолого-педагогической компетентности родителей;

- включение семьи в комплексную реабилитацию ребенка с РАС.

Методы исследования

Анализ личного дела и медицинской карты обучающегося.

Беседа с родителями и анкетирование. (Опросник для родителей: Шкала навыков, необходимых для социальной адаптации (по D. Norris and P. Williams, 1975).

Наблюдение за проявлением социальной адаптивности и навыков взаимодействия исследуемого ученика.

Педагогический анализ социального развития по методике «Социограмма» (по Х.С. Гюнцбургу).

Составление характеристики обучающегося.

Анализ медицинской карты и личного дела обучающегося

Обучающийся Кирилл Д., 8,5 лет. Ребенок от второй беременности с угрозой прерывания (ребенок из двойни). Вес при рождении 2290 г, рост 49 см. Оценка по шкале Апгар 7-8 баллов. Физическое развитие по возрасту. В плане неврологии – недоразвитие мелкой моторики, нарушение координации. Психическое состояние: умственное развитие ниже нормы (задержка психического развития), гиперактивен, неусидчив. Состояние органов чувств: близорукость и астигматизм. Часто болеет простудными заболеваниями. Данные психолого-педагогического и логопедического обследования: ребенок неконтактен, левую и правую стороны не различает, складывает фигуры по образцу, восприятие цвета не нарушено, восприятие времени отсутствует. Внимание неустойчивое, запоминает и воспроизводит после многократного повторения определенный порядок действия, не может выделить главное, существенное в сюжетной картинке. Сравнивает предметы по параметру дальше/ближе, больше/меньше с большим трудом. Отсутствует понимание причинно-следственных связей, не способен производить мыслительные операции анализа, синтеза, отвлечения/обобщения. Ребенок с логопедическими проблемами: не выговаривает ряд звуков, словарный запас не соответствует возрастной норме, навык составления предложений в устной речи не устойчив. Навык сознательного счета не сформирован. Целенаправленность деятельности отсутствует. Ребенок эмоционально не устойчив, легко возбудим, наблюдается неадекватность реакций на внешние раздражители. Способен улавливать эмоциональный смысл беседы. В результате обследования психолого-медико-педагогической комиссией вынесено следующее заключение: «Атипичный аутизм. Задержка психоречевого развития. Социальная дезадаптация. Рекомендовано обучение по адаптированной общеобразовательной программе (3-й ва-

риант) на дому». Ребенок воспитывается в полной многодетной социально благополучной семье, которая проживает в многоквартирном доме в черте города. Сестра-близнец не имеет отклонений в развитии и посещает общеобразовательное учреждение. Кирилл Д. до поступления в школу около 8 месяцев посещал детское дошкольную общеобразовательную организацию, откуда родители были вынуждены его забрать, потому что он вел себя агрессивно по отношению к детям в группе. Воспитанием ребенка в основном занимается мама, которая находится в отпуске по уходу за младшим ребенком.

Беседа с родителями и анкетирование родителей

По инициативе родителей была собрана психолого-медико-педагогическая комиссия, которая пришла к выводу, что целесообразно будет обучать ребенка на дому. Родители согласились с мнением комиссии. Между педагогом специальной (коррекционной) школы и членами семьи обучающегося установились отношения взаимопонимания. Родители стараются выполнять рекомендации педагога, обеспечивают необходимые условия для проведения занятий. В семье к ребенку относятся благожелательно, любят таким, какой он есть.

Вместе с тем, результаты наблюдения, беседы, анкетирования демонстрируют низкий уровень педагогической компетентности родителей, необходимых успешности обучения, воспитания и социальной адаптации их ребенка. Взрослые члены семьи смогли с трудом привить ребенку некоторые навыки самообслуживания, необходимые в пределах привычной жилой площади. Но за пределами квартиры мальчик оказывается совершенно беспомощным. Родители хотели бы более плотно включиться в комплексную реабилитацию их ребенка, чтобы добиться его адаптации к окружающему.

Наблюдение за проявлением социальной адаптивности и навыков взаимодействия

Педагог коррекционной школы (мастер спорта по легкой атлетике, имеющая дополнительное образование – учитель физической культуры) начала работать с Кириллом в сентябре по программе 1 класса для учащихся с умственной отсталостью (АООП – 3й вариант). За время работы были сделаны следующие наблюдения. Ребенок настороженно относится к новым людям, появляющимся в радиусе его общения. На контакт идет не охотно, отличается неустойчивостью эмоционального фона. С трудом переключается на общение с другим человеком. Во время учебных занятий стремится уединиться от членов семьи. Контакт с несколькими собеседниками затруднителен, вызывает

раздражение ребенка, агрессию. Учебный материал мальчик усваивает с трудом, после многократных повторений. Неудачи в учебной деятельности вызывают отказ от работы, но доброжелательное отношение педагога стимулирует желание довести начатое до конца. В ситуации успеха ребенок откликается на поощрения, выраженные в вербальной и тактильной форме. В быту жизнь ребенка организована при помощи режима дня. Кирилл самостоятельно моет руки, одевается и раздевается, ест, пользуется туалетом. Способен убрать свои игрушки и школьные принадлежности. Совместных игр с сестрами нет. Кирилл бывает на прогулке только в сопровождении взрослых, при этом не контактирует с другими детьми.

Слабо сформированы речь и познавательная способность. Связной речи нет, но Кирилл понимает простые вопросы и дает правильные, односложные ответы. Не совсем понимает пространственные ориентиры (справа наверху; слева внизу и пр.). Ориентироваться во времени не может. Операции с числами производит на элементарном уровне, может механически сосчитать до десяти. Рисовать не умеет, навык использования карандаша находится на очень низком уровне. Читать или копировать слова не в состоянии. Способен нанизывать крупные бусы, конструктивно использовать пластилин или крупный конструктор, но работать с ножницами не может. Общая моторика развита чуть лучше, способен стоять на носочках, прыгать на двух ногах, уверенно может играть с мячом, но упражнения, требующие равновесия не способен выполнить.

Кирилл очень любит воду и все, что с ней связано. Вода успокаивает мальчика, возвращает ему состояние душевного равновесия. Он ходит с отцом в бассейн, стремится выполнять домашние поручения, в которых присутствует вода.

С учетом результатов первичной диагностики был разработан индивидуальный реабилитационный комплекс, с включением в его выполнение членов семьи. Основой комплекса стали занятия в условиях бассейна, которые имеют в данном случае неоспоримые преимущества: позволяют ребенку принять факт существования других людей, кроме членов семьи, способствуют развитию гигиенических навыков и навыков самообслуживания, развивают общую и мелкую моторику, в определенной степени формируют пространственные представления, развивают навыки взаимодействия с другими участниками игры. В условиях жилища, в привычной для ребенка среде, происходит проверка сознательного применения полученного умения.

Для Кирилла педагогом было составлено следующее расписание занятий: вторник – занятие в

бассейне (продолжительность 40-45 минут); понедельник, среда, четверг и пятница – занятия на дому, (2 занятия, продолжительность каждого занятия 25-35 минут).

Система занятий в бассейне

Подготовка к занятиям в бассейне начинается дома. Кирилл со временем научился узнавать день занятия. Мама заранее приготавливает мальчику необходимые для посещения бассейна вещи. Затем под руководством мамы Кирилл укладывает в сумку вещи в порядке, называемом мамой. Вместе с педагогом коррекционной школы семья (мама, папа, сестра-близнец) идет в бассейн. По пути педагог обращает внимание мальчика на сезонные изменения в окружающей природе, на особенности погоды. Желательно, чтобы маршрут от дома до бассейна был один и тот же, таким образом, вырабатывается определенный стереотип. Педагог акцентирует внимание мальчика на «опасных» участках дороги. По приходе в бассейн взрослые напоминают о необходимости здороваться с посетителями и сотрудниками. Родители оплачивают время пребывания в бассейне, иногда предоставляя возможность ребенку самому расплатиться в кассе и взять ключ от вещевого шкафчика. Эти действия – необходимая составляющая процесса научения ребенка с аутизмом обращению с деньгами. Далее Кирилл с отцом идут в раздевалку, а потом принимают душ. Ребенок, видя действия других людей, под руководством отца учится самостоятельно складывать свою одежду в шкафчик, пользоваться мочалкой и мылом. В бассейне педагог коррекционной школы проводит с ребенком занятие, в котором родители и сестра тоже принимают участие. Перед тем как начать занятия, педагог проводит с мальчиком несколько упражнений, направленных на подготовку мышц к пребыванию в воде (махи руками и ногами, наклоны, повороты корпуса). Мальчик не испытывает страха перед вхождением в воду. Педагог обязательно поощряет ребенка за правильное выполнение упражнений.

Занятия в воде начинаются с выполнения упражнений, знакомящих со свойствами воды. Затем проводятся упражнения, связанные с развитием общей и мелкой моторики («Клад», «Поиск жемчуга»), далее – упражнения, направленные на развитие умения действовать в паре (Качели»), собственно плавание. В конце занятия необходимо провести упражнения, способствующие релаксации мальчика. Ребенок лежит на воде. Кто-то из родителей поддерживает ребенка под спину. Процесс расслабления сопровождается словами педагога: «Ложись удобней. Закрой глаза. Дыши спокойно и ровно. Дай своим ногам и рукам отдохнуть, вытяни и расслабь их. Давайте помолчим и

прислушаемся к звукам вокруг себя». Общий принцип построения занятия в бассейне – от активных упражнений к более спокойным. Пребывание в бассейне завершается принятием душа и одеванием. Чтобы оценить эмоциональное и физическое состояние ребёнка, по дороге домой взрослые интересуются настроением и самочувствием Кирилла.

Система занятий на дому

В систему уроков входят общеобразовательные предметы, предлагаемые учебным планом специальной (коррекционной) школы: 1) письмо и развитие речи, 2) чтение и развитие речи, 3) математика, 4) изобразительное искусство, 5) музыка и пение, 6) физическая культура, 7) развитие устной речи на основе изучения предмета и явлений окружающей действительности, 8) развитие психомоторики и сенсорных навыков, 9) логопедия, 10) трудовое обучение, 11) тренинги. Также включены игры и упражнения с водой (стирка, мытьё посуды, переливание воды из сосуда в сосуд, пускание корабликов и т.п.). Каждый урок проходит с учетом навыков, приобретенных в ходе занятий в бассейне и упражнений с водой.

По прошествии нескольких месяцев было проведено повторное наблюдение за учебной деятельностью Кирилла, анкетирование его родителей. Если во время первых занятий с педагогом коррекционной школы реальное рабочее время, т.е. когда Кирилл оставался на своем месте и с помощью взрослого пытался выполнить задание, составляло 10 минут на протяжении часа. Причем эти 10 минут складывались из коротких промежутков времени (иногда по 10-20 сек.), между которыми ребёнок выбегал из комнаты или ходил кругами, раскачиваясь и шумно вокализируя, прятался за занавеской, размахивал руками, то есть

искал повод, чтобы уклониться от выполнения инструкций педагога. То после мероприятий комплексной реабилитации полезное время на занятии увеличилось, мальчик стал меньше нервничать, выполнял задания охотнее и даже пытался повторять за педагогом слова, сопровождающие игровые тренинги. Ребенок стал терпимее к окружающим незнакомым людям, менее возбудим в условиях большого скопления людей. Родители стали брать его с собой в гости. Под присмотром родителей Кирилл способен общаться с другими детьми. Ребенок научился чистить зубы, аккуратно складывать свою одежду, чего до занятий не умел. Он освоил совместные игры с сестрами, принимает участие в играх с мячом. У мальчика появились обязанности внутри семьи, важность выполнения которых он осознает, – выемка корреспонденции из почтового ящика.

Мы предположили, что обучение, воспитание, адаптация к социуму ученика с сочетанными нарушениями развития (РДА, ЗППР) ребенка с аутизмом в условиях надомного обучения будет успешным в ситуации включения членов его семьи в систему комплексной реабилитации.

Разработанный на основе интереса и потребностей ребенка комплекс мероприятий психолого-педагогической реабилитации с включением физической активности в бассейне, релаксационной возможности воды, соблюдение социальных стандартов и правил посещения общественного места, при непосредственном участии членов семьи ребенка с РАС позволил добиться значительных результатов не только в академических и социальных компонентах АООП, но и повысить уровень психолого-педагогической компетентности родителей.

Литература

1. Бетанова С.С. Психологические технологии сопровождения семьи ребёнка с особыми образовательными потребностями // В сборнике: Актуальные вопросы проектирования психолого-педагогических технологий с детьми и подростками с особыми образовательными потребностями: Сборник статей по итогам научно-практической конференции с международным участием. 2019. С. 7 – 12.
2. Бетанова С.С. Пути самоактуализации выпускника с ограниченными возможностями здоровья, обучающегося на основе адаптированной образовательной программы // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 25. С. 386 – 390.
3. Бетанова, С.С., Иванова А.Ю. Проектирование образовательной среды ресурсного класса для детей с РАС // Инновации Наука. Образование. 2021. № 25. С. 403 – 410.
4. Глущенко В.В., Глущенко И.И. Методические аспекты развития практической психологии высшего образования в условиях информационных технологий // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. 2017. Т. 7. № 9. С. 16 – 31.
5. Завоеванная Н.С. Особенности психологического просвещения с помощью ресурсов интернет (на примере авторского психологического сайта) // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. 2017. Т. 7. № 9. С. 32 – 37.
6. Щукин А.С., Юрьев Н.К. Психологическое просвещение и информирование: в чем разница? // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. 2017. Т. 7. № 9. С. 38 – 42.

References

1. Betanova S.S. Psihologicheskie tehnologii soprovozhdenija sem'i rebjonka s osobymi obrazovatel'nymi potrebnostjami. V sbornike: Aktual'nye voprosy proektirovanija psihologo-pedagogicheskikh tehnologij s det'mi i podrostkami s osobymi obrazovatel'nymi potrebnostjami: Sbornik statej po itogam nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. 2019. S. 7 – 12.
2. Betanova S.S. Puti samoaktualizacii vypusknika s ogranichennymi vozmozhnostjami zdorov'ja, obuchajushhegosja na osnove adaptirovannoj obrazovatel'noj programmy. Innovacii. Nauka. Obrazovanie. 2021. № 25. S. 386 – 390.
3. Betanova, S.S., Ivanova A.Ju. Proektirovanie obrazovatel'noj sredy resursnogo klassa dlja detej s RAS. Innovacii Nauka. Obrazovanie. 2021. № 25. S. 403 – 410.
4. Glushhenko V.V., Glushhenko I.I. Metodicheskie aspekty razvitija prakticheskoj psihologii vysshego obrazovanija v uslovijah informacionnyh tehnologij. Nauka. Mysl': jelektronnyj periodicheskij zhurnal. 2017. T. 7. № 9. S. 16 – 31.
5. Zavoevannaja N.S. Osobennosti psihologicheskogo prosveshhenija s pomoshh'ju resursov internet (na primere avtorskogo psihologicheskogo sajta). Nauka. Mysl': jelektronnyj periodicheskij zhurnal. 2017. T. 7. № 9. S. 32 – 37.
6. Shhukin A.S., Jur'ev N.K. Psihologicheskoe prosveshhenie i informirovanie: v chem raznica? Nauka. Mysl': jelektronnyj periodicheskij zhurnal. 2017. T. 7. № 9. S. 38 – 42.

*Betanova S.S., Candidate of Psychological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Moscow Region State University*

INCLUSION OF THE FAMILY OF A STUDENT WITH AUTISM SPECTRUM DISORDERS IN THE SYSTEM OF COMPREHENSIVE REHABILITATION IN THE CONDITIONS OF HOME-BASED EDUCATION

Abstract: high school students with intellectual and emotional-volitional disabilities in accordance with the "Law on Education in the Russian Federation", home education is organized for children who cannot study in a general education school class for health reasons. Thus, on the basis of the recommendation of a medical institution, children with autism spectrum disorders need individual lessons at home and are exempt from attending mass school. According to modern researchers, various forms of ASD occur in 4-26 cases out of 10 thousand, which is 0.04-0.26% of the total child population. At the same time, there is a tendency to increase the frequency of this developmental disorder, which is a serious barrier to the full communication of a sick child with others. For students of this category, an adapted educational program is provided, which should take into account the peculiarities of their psychophysical state and provide correction of developmental disorders and social adaptation. Modern scientific sources present many studies that reveal different aspects of the phenomenon under study. However, the issue of comprehensive rehabilitation of students with ASD in home-based education is considered narrowly, and there is also little information about the possibility of including the parents of such a child in this complex process. The article provides an example of an individual program of comprehensive rehabilitation of a student with early childhood autism (ECA) who has combined developmental disorders. The complex structure of the defect in ECA, which includes both primary symptoms and secondary manifestations of a socially adaptive nature, required the teacher of the home-based form of education to identify the most effective forms of interaction with the child, include them in the curriculum, work on the development of psychological and pedagogical competence of the child's parents to introduce them to a comprehensive rehabilitation program, which ultimately led to a significant positive result-improvement of all indicators in the student's learning and behavior.

Keywords: comprehensive rehabilitation, autism spectrum disorders, combined developmental disorders, home-based education, inclusion of the family in the system, competence of the parents of a student with ASD

*Воронин Д.Е., кандидат педагогических наук, доцент,
Поволжская государственная академия физической
культуры, спорта и туризма,
Ибрагимов И.Ф., кандидат биологических наук, доцент,
Казанский государственный энергетический университет,
Казанский институт (филиал) Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста России),
Казанский государственный медицинский университет,
Колясов Р.Р., кандидат педагогических наук, доцент,
Казанский государственный медицинский университет,
Миннибаев Э.Ш., кандидат биологических наук, доцент,
Курмаев З.Ф., старший преподаватель,
Казанский (Приволжский) федеральный университет*

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ АДАПТИВНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ДЛЯ ЛИЦ С УМСТВЕННОЙ ОТСТАЛОСТЬЮ

Аннотация: в статье проанализированы исторические аспекты развития адаптивной физической культуры для лиц с умственной отсталостью. Внимание акцентируется на изучении исторических этапов становления данной отрасли, направленной на укрепление здоровья, достижение необходимого уровня работоспособности и адаптации лиц указанной нозологии к обществу, как в нашей стране, так и за рубежом. Полностью освещена популярность параолимпийского движения, целью которого является использование физической культуры в качестве толчка к развитию культурной, социальной и физической составляющей людей с ограниченными возможностями и умственной отсталостью. История адаптивного спорта для лиц с нарушением интеллекта (с умственной отсталостью), получившего свое развитие в рамках движения «Спешл Олимпикс», уходит своими корнями в 60-е годы XX века. В июле 1968 года были проведены первые международные Специальные Олимпийские игры на Воинском поле в Чикаго: 1000 спортсменов с умственной отсталостью из 26 штатов США, а также из Канады участвовали в соревнованиях по легкой атлетике, плаванию и хоккею.

В статье показано, что исторический опыт внедрения адаптивной физической культуры для данных лиц показал, что людям, которые имеют умственную отсталость, занятия физическими нагрузками приносят большое удовольствие и сильный эмоциональный заряд бодрости, стимулируют развитие личностных качеств, способствуют демонстрации ими высоких спортивных результатов. Отмечается, что специальное олимпийское движение является эффективным средством социальной интеграции, способствует развитию коррекционно-компенсаторных функций у людей с умственной отсталостью, позволяет лицам указанной нозологии лучше адаптироваться к общественной жизни.

Ключевые слова: исторические аспекты, адаптивная физическая культура, развитие, лица с умственной отсталостью, спорт

Введение

Активный процесс внедрения гуманистического аспекта в жизнь общества требует соответствующих условий, которые могут гарантировать влияние в общественную систему огромного количества людей с ограниченными возможностями. Государство поставило перед собой важную задачу, которая заключается в создании такого уровня жизнедеятельности, которое способно установить здоровый контакт с внешним миром, обеспечить благоприятную динамику лечения, коррекции и восстановления психолого-педагогической и физиологической, социально-общественной приспособленности лиц с ограниченными возможностями, преимущественно детей. Внесение изменений в устоявшуюся модель поведения общества, с существующими положениями, по определению ко-

торых именно человек и общество образуют единое, теоретическое целое социальных явлений, заставило пересмотреть значение и роль в обществе людей с умственной инвалидностью.

Инновации в области развития физической культуры и спорта поставили целью обеспечить правильное формирование компенсаторных механизмов у лиц с нарушением интеллекта, изучения стадий развития заболевания, определение зависимости проявления компенсации от времени проявления отклонения, его степени тяжести, уровня помощи педагогической поддержки, определение значимости сензитивных периодов развития различных функций в компенсационный период, а также обозначение значимости практической деятельности как условия для преодоления губительного эффекта на физическую, социальную и пси-

хологическую составляющую человека с патологиями головного мозга [2]. Последнее время активно развивается адаптивная, физическая культура, которая несет в себе цель стать самостоятельной научной дисциплиной, сформировать жизненно-важные навыки и умения, а также помочь в развитии и усовершенствовании психологических и физических качеств лицам с нарушениями интеллекта. Двигателем процесса развития адаптивного направления в физической культуре является рациональная организация физической нагрузки, способствующая качественной жизни с использованием имеющихся двигательных функций, уровня здоровья, природного потенциала, духовной составляющей для того, чтобы сформировать или развить психологические и физические возможности, соответствующие стандартам общества [5].

Методы и организация исследования

Многие ученые, такие как Н. Бакина, А. Дмитриев, С. Евсеева, Т. Круцевич, И. Ляхова, Р. Чудной и многие другие уделяли в своих работах особое внимание изучению роли физической культуры в адаптации людей с ограниченными возможностями в своих работах.

Исследователи считают, что необходимо рассмотреть историю развития адаптивной физической культуры и спорта, что позволит спрогнозировать тенденции и будущее данного направления [1, 4, 5]. К сожалению, количество научных работ, освещающих тему развития и применения адаптивной физической культуры к лицам с ограниченными возможностями и отклонениями в работе систем головного мозга недостаточно, поэтому существует необходимость в дальнейшем изучении этой области для того, чтобы дать ей грамотное обоснование значимости и полезности. Целью статьи является проведение детального анализа и исследование исторических этапов развития адаптивного спорта для лиц, страдающих физическими и умственными отклонениями, в результате которого, будут представлены существующие проблемы и возможности их нивелирования. В исследовании использовались преимущественно эмпирические методы анализа, такие как: статистическая обработка данных, сбор информации из разных источников, а также проведение анкетирования и опросов.

Результаты исследования и их обсуждение

В последние десять лет, происходит изменение отношения общества к инвалидности. Данный процесс привел к возникновению мнения том, что необходимо использовать ресурсы и потенциал людей с умственной отсталостью с целью предоставления и проявления данными лицами своих возможностей.

Именно поэтому, тридцать лет назад, еще в XX в. была произведена разработка реабилитационных мероприятий. Сейчас активно обсуждается вопрос о том, какие требования должны применяться к адаптивной физической культуре как дисциплине, чтобы она получила одобрение в обществе и была удостоена статуса самостоятельной профессии и науки. Эта задача возложена на комитет здравоохранения Российской Федерации, постоянно обсуждается и пополняется идеями и разработками. В XXI в. уже проведены некоторые реформационные мероприятия и утверждена важность двигательной функции для лиц с ограниченными умственными возможностями.

Действия исследователей, некоторых государственных органов направлены на поиск вариантов использования физической культуры, которые позволят повысить работоспособность и будут способствовать адаптации людей-инвалидов как «в», так и «к» современному обществу [4].

Можно обозначить следующие этапы становления развития спортивного движения инвалидов на мировом уровне: I – лечебно-профилактическая, физическая культура – 1945-1947 гг.; II – реабилитационный спорт – 1948-1959 гг.; III – адаптивный спорт (спорт инвалидов) – 1960 – по настоящее время [2]. Первый, кто обратил внимание на вопросы, связанные с внедрением в жизнь спорта для людей с отклонениями в умственной работе был В. Кащенко, именно он придавал огромное значение оздоровительным мероприятиям, таким как гимнастика, игры, развивающие моторику, массаж, ЛФК на базе школы-санатория [5]. Ведущий дефектолог А. Граборов еще в 20-е годы активно занимался разработкой мероприятий, направленных на привлечение всех центров мышления, мышечной активности у умственно отсталых детей на основе спортивных тренировок [2]. В начале XX в. особое значение в коррекционной школе отводилось такой дисциплине, как «психическая ортопедия». Это некая система упражнений, которая помогала исправлять и совершенствовать психическое состояние путем заданий, где необходимо было работать пальчиками рук, руками. Помимо этого, в оздоровительный план коррекционной школы добавлялись такие дисциплины как рисование, пение, уроки труда и физкультуры в привычном ее понимании. Начиная с 60-х годов 20-го века физическое воспитание учеников стало неотъемлемой частью учебного процесса. Первым исследователем детей с отставанием в умственных способностях стал Н. Козленко (1962). Согласно его заключениям, дети с отклонениями в работе умственной деятельности ожидаемо отстают от здоровых детей при выполнении заданий, требующих применения мелкой

моторики, точности и скорости движений [2]. В 1977 г. В. Мозговой, несмотря на запреты, взял на себя ответственность за экспериментальное изучение сложных упражнений воспитанниками специальных учреждений на уроках физкультуры [4]. Ему удалось доказать, что для нормализации процесса необходимо правильно подобрать программу тренировок и создать уникальную методику, которая позволяет достичь сначала активного движения, а затем регулировать скоростью этих действий. Под руководством Б. Сермеева началась активная работа в составе специалистов Р. Белова, А. Дмитриева, А. Плешакова, А. Самилчева, В. Туманцева и др. началась в 70-е годы 20-го века. Активная деятельность велась в отношении детей с отклонениями для развития их двигательной активности [1, 5]. Начало истории внедрения адаптивной физкультуры в жизнь детей с отклонениями начинается с середины 60-х годов, когда Юнис Кеннеди Шрайвер решила опробовать эксперимент с детьми с ограниченными возможностями и организовать в своем доме лагерь для таких особенных детишек, чтобы изучить физический потенциал путем спортивных упражнений [2, 5]. На первом этапе выяснили, что люди с отклонениями умственной работы испытывают невероятный спектр эмоций при занятиях физическими нагрузками и их возможности безграничны. Это говорит о том, что спортивные упражнения стимулируют выработку личностных качеств, совершенствованию собственного я и возможность к приобретению социальной адаптации за счет общения в кругу таких же активных подопечных [2, 5]. После этого эксперимента, с 64-го года в США массово открываются летние лагеря со специальной программой физической нагрузки для людей с ограничениями. Финансирование обеспечивала компания «Фандейшн Кеннеди». Эта система активна до сих пор. Юнис Кеннеди Шрайвер, осознавал, что людям с умственной отсталостью необходимы особые условия в спорте, и он организовал международное соревнование, которое проходило с 19 по 20 июня в 1968 г. В ходе этого мероприятия проходили соревнования по легкой атлетике и спортивному плаванию. А уже в декабре 1968 состоялась официальная регистрация «Специал Олимпикс» – благотворительной компании, которая финансирует проведение этих мероприятий. Целью подобных мероприятий стало оказание поддержки людям с отклонениями и помощь в реализации их собственного «Я» с рождения и до преклонного возраста в мире спорта. Это движение постоянно вносит изменения в свою спортивную программу, постепенно расширяя направления в зависимости от специфики заболеваний участвующих спортсменов. Особенной популяр-

ностью эти соревнования пользуются на территории Америки и поражают разнообразием дисциплин: теннис, ролики, футбол, плавание, легкая атлетика, волейбол, баскетбол, кегли, фигурное катание и др. [5]. Проведение олимпиады базируется на индивидуальных, результативных тренировках и справедливости бальной оценочной системы. Всем спортсменам предоставляется выбор выступать на том уровне, на котором он чувствует, что может справиться, используя по максимуму свои возможности. Главное отличие обычной олимпиады от Паралимпиады – это то, что в ней могут участвовать лица с задержкой умственного развития не зависимо от уровня атлетической подготовки. До 70-х годов подобные мероприятия проходили на территории Америки, хотя и предпринимались попытки перейти на мировую арену. Летом того же года удалось выступить на территории Франции с количеством участников в 600 человек. Результатом стал огромный интерес со стороны общественности и самих спортсменов. Стоит обратить внимание на то, что люди с отклонениями не воспринимают себя инвалидами, к тому же, готовы побороться за звание лучшего, находят новые знакомства и реализуют себя в обществе. Через 15 лет ООН объявит 1988 год – годом спорта и организует программу нового поколения. Основными видами спорта были баскетбол, бейсбол и волейбол. На восьмом съезде спортсменов в 1991 году было приглашено около 6000 спортсменов из 144 стран мира. Наконец-то спортивные состязания смогли выйти на международную арену. В 2005 году состоялись зимние специальные олимпийские игры в Японии с участием 1800 атлетов из 84 стран мира, в дальнейшем, была проведена летняя олимпиада в Шанхае – 2007 г., Специальная олимпиада в Греции – 2011 г., зимой 2013 г. в Пхенчхане участвовало 2300 спортсменов из 111 стран. Соревнование состоялось среди лыжников, сноубордистов, хоккеистов, конькобежцев и фигуристов. На сегодняшний день паралимпийское движение включает около 50 направлений подготовки. В связи с ростом популярности, специальные олимпийские игры имеют собственный девиз: «Позволь мне одержать победу, но, если осуществить я это не смогу, позволь мне использовать всю свою смелость в этой попытке».

Подобные мероприятия будут проводиться и в дальнейшем, так, в 2022 году Специальная Олимпиада под названием Special Olympics International пройдет в столице Татарстана, поражая своим масштабностью. Она готова принять около 2000 спортсменов без особых отклонений в развитии, а также 3000 волонтеров и большое количество почетных приглашенных гостей [7].

Можно предположить, что известность особого олимпийского направления объясняется тем, что оно позволяет развить уровень физической подготовки людям с отклонениями. Безусловно занятие спортом активизирует процесс работы всех систем организма тем самым, способствуя самостоятельной коррекции компенсаторных функций даже при наличии умственных нарушений, тем самым помогая адаптироваться в обществе и стать его частью.

Выводы

Обобщив и проанализировав информацию о развитии адаптивной физической культуры по отношению к лицам, страдающим умственной отсталостью было определено:

- движение запускает стимуляцию и развитие личностных качеств, которые мотивируют на получение высоких достижений в спортивной деятельности людей с отклонениями в развитии;

- рассмотренный вид физической деятельности активно прорабатывает не только физическую составляющую, но и способствует адаптации в обществе, общению внутри социума и получения эмоций, имеющих положительную окраску;

- осуществление физической деятельности у лиц с ограниченными возможностями помогают им реализоваться и стать личностью в обществе, появляются возможности добиться успехов не только в физической активности, но и в других аспектах жизни, что воплощает в реальность идеи справедливости и человечности;

- предполагаем дальнейшую необходимость отслеживания развития физической культуры для лиц с умственной отсталостью, учитывая безусловность дальнейших изменений в рамках научного, информационного и общественного пространства внутри адаптивной физкультуры как дисциплины.

Литература

1. Байкина Н.Г. Индивидуальные методики адаптивной физической культуры для лиц с сенсорными нарушениями: учеб. пособие. для студентов вузов. Запорожье: ЗНУ, 2013. 654 с.
2. Дмитриев А.А. Физическая культура для специальных образовательных учреждений: учеб. пособ. для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Академия, 2004. 159 с.
3. Ибрагимов И.Ф. Сафиуллин Т.Н. Физическая культура и спорт как метод социальной адаптации детей с ограниченными возможностями здоровья // Проблемы и перспективы физического воспитания, спортивной тренировки и адаптивной физической культуры: материалы Всероссийской с международным участием научно-практической конференции (19 ноября 2017). Казань: Поволжская ГАФКСиТ. 2019. С. 1103 – 1106.
4. Круцевич Т., Когут И. Предпосылки возникновения и развития адаптивного спорта // Физическое воспитание, спорт и культура здоровья в современном обществе. 2013. № 1 (21). С. 336 – 342.
5. Частные методики адаптивной физической культуры: учеб. пособ. / Под ред. Л.В. Шапковой. М.: Советский спорт, 2004. 464 с.
6. Харченко Л.В., Синельникова Т.В., Турманидзе В.Г. Теория и методика адаптивной физической культуры для лиц с сенсорными нарушениями: учебное пособие. Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2015. 108 с. ISBN 978-5-7779-2016-4 // Электронно-библиотечная система IPR BOOKS: [сайт]. URL: <http://www.iprbookshop.ru/59660.html> (дата обращения: 16.02.2021)
7. Дело совсем не в рекордах // Российская газета [сайт]. URL: <https://rg.ru/2020/06/29/reg-pfo/v-2020-godu-kazan-primet-specialnuiu-zimnuiu-olimpiadu.html> (дата обращения: 16.02.2021)

References

1. Bajkina N.G. Individual'nye metodiki adaptivnoj fizicheskoj kul'tury dlja lic s sensornymi narushenijami: ucheb. posobie. dlja studentov vuzov. Zaporozh'e: ZNU, 2013. 654 s.
2. Dmitriev A.A. Fizicheskaja kul'tura dlja special'nyh obrazovatel'nyh uchrezhdenij: ucheb. posob. dlja stud. vyssh. ped. ucheb. zavedenij. M.: Akademija, 2004. 159 s.
3. Ibragimov I.F. Safiullin T.N. Fizicheskaja kul'tura i sport kak metod social'noj adaptacii detej s ogranichennymi vozmozhnostjami zdorov'ja. Problemy i perspektivy fizicheskogo vospitanija, sportivnoj trenirovki i adaptivnoj fizicheskoj kul'tury: materialy Vserossijskoj s mezhdunarodnym uchastiem nauchno-prakticheskoj konferencii (19 nojabrja 2017). Kazan': Povolzhskaja GAFKSiT. 2019. S. 1103 – 1106.
4. Krucevich T., Kogut I. Predposylki vzniknovenija i razvitija adaptivnogo sporta. Fizicheskoe vospitanie, sport i kul'tura zdorov'ja v sovremennom obshhestve. 2013. № 1 (21). S. 336 – 342.
5. Chastnye metodiki adaptivnoj fizicheskoj kul'tury: ucheb. posob. Pod red. L.V. Shapkovoj. M.: Sovetskij sport, 2004. 464 s.

6. Harchenko L.V., Sinel'nikova T.V., Turmanidze V.G. Teorija i metodika adaptivnoj fizicheskoj kul'tury dlja lic s sensornymi narushenijami: uchebnoe posobie. Omsk: Omskij gosudarstvennyj universitet im. F.M. Dostoevskogo, 2015. 108 c. ISBN 978-5-7779-2016-4. Jelektronno-bibliotechnaja sistema IPR BOOKS: [sajt]. URL: <http://www.iprbookshop.ru/59660.html> (data obrashhenija: 16.02.2021)

7. Delo sovsem ne v rekordah. Rossijskaja gazeta [sajt]. URL: <https://rg.ru/2020/06/29/reg-pfo/v-2020-godu-kazan-primet-specialnuiu-zimniju-olimpiadu.html> (data obrashhenija: 16.02.2021)

*Voronin D.E., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Volga State Academy of Physical Education, Sports and Tourism,
Ibragimov I.F., Candidate of Biological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Kazan State Power Engineering University,
Kazan Institute (branch) of All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia),
Kazan State Medical University,
Kolyasov R.R., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Kazan State Medical University,
Minnibaev E.Sh., Candidate of Biological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Kurmaev Z.F., Senior Lecturer,
Kazan (Volga Region) Federal University*

HISTORICAL ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF ADAPTIVE PHYSICAL EDUCATION FOR PEOPLE WITH MENTAL RETARDATION

Abstract: the article analyzes the historical aspects of the development of adaptive physical education for persons with mental retardation. Attention is focused on the study of the historical stages of the formation of this industry, aimed at improving health, achieving the required level of performance and adaptation of persons of this nosology to society, both in our country and abroad. The popularity of the Paralympic movement is fully covered, the purpose of which is to use physical education items as an impetus to the development of the cultural, social and physical component of people with disabilities and mental retardation. The history of adaptive sports for people with intellectual disabilities (with mental retardation), which was developed within the framework of the Special Olympics movement, goes back to the 60s of the XX century. In July 1968, the first International Special Olympic Games were held at the War Field in Chicago: 1000 athletes with mental retardation from 26 US states, as well as from Canada, competed in athletics, swimming and ice hockey. The article shows that the historical experience of the introduction of adaptive physical education for these persons has shown that physical activity brings great pleasure and a strong emotional charge of vigor to people with mental retardation, stimulates the development of personal qualities, and helps them demonstrate high sports results. It is noted that the special Olympic movement is an effective means of social integration, contributes to the development of correctional and compensatory functions in people with mental retardation, and allows individuals of this nosology to adapt to social life better.

Keywords: historical aspects, adaptive physical culture, development, persons with mental retardation, sport

*Парамзин В.Б., кандидат педагогических наук, доцент,
Краснодарское высшее военное училище,
Пугачев И.Ю., кандидат педагогических наук, доцент,
Военный институт физической культуры,
Васильченко О.С., старший преподаватель,
Кубанский государственный университет
физической культуры спорта и туризма,
Разновская С.В., кандидат биологических наук,
Петрозаводский государственный университет*

ЭФФЕКТИВНОСТЬ КОМПЛЕКСНОГО ПРИМЕНЕНИЯ ДЫХАТЕЛЬНЫХ УПРАЖНЕНИЙ В ПРОЦЕССЕ АДАПТАЦИИ ОБУЧАЮЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ К УСЛОВИЯМ СРЕДНЕГОРЬЯ НА ЛЫЖНЫХ СБОРАХ

Аннотация: в исследованиях, проведенных в рамках лыжных физкультурно-оздоровительных сборов в условиях среднегорья с обучающимися различных спортивных специализаций основное внимание уделялось временной адаптации, а именно – акклиматизации организма.

Цель работы заключалась в определении эффективности применения дыхательных упражнений в сочетании с упражнениями аэробной направленности, выполняемых в полумаске в процессе адаптации к условиям среднегорья на лыжных сборах.

В исследованиях участвовали 37 студентов, находящихся 21 день в условиях совместного проживания с одинаковыми физическими нагрузками, которые были распределены на экспериментальную и контрольную группы. В экспериментальной группе дополнительно выполнялись упражнения на дыхание и упражнения аэробной направленности в специальных масках, затрудняющих дыхание. По результатам ортостатической пробы выявлены ориентировочные сроки этапов акклиматизации обучающихся: стадия высокой реактивности началась на второй день после приезда на сборы (разница 22 уд/мин) и продолжалась с постепенным понижением в экспериментальной группе до пятого дня (14,2 уд/мин), а в контрольной – до четвертого дня (14,8 уд/мин), но на пятый – увеличилась (17,8 уд/мин). Выравнивание и полная акклиматизация (ортостатическая устойчивость) началась с шестого дня в экспериментальной группе (11-13 уд/мин), в контрольной – с девятого (10-14 уд/мин). Динамика результатов проб Штанге, Генчи, Серкина, выполняемых обучающимися экспериментальной группы по окончании микроциклов подтвердила этапность стабилизации и развития функциональных систем первой очереди адаптации в рамках аэробной физической нагрузки, выполняемой в полумасках и специальных дыхательных упражнениях. Экспериментальная группа более «мягко» прошла процесс акклиматизации к неблагоприятным факторам среднегорья, кроме этого изменения показателей жизненной емкости легких, экскурсии грудной клетки и волевого коэффициента показали укрепление мышечной системы, участвующей в дыхании и повышение волевых качеств.

Ключевые слова: обучающаяся молодежь, акклиматизация, среднегорье, дыхательные упражнения, функциональные пробы, спортивно-оздоровительные сборы

Введение

Одним из видов адаптации, которая носит временный характер и не сопровождается морфофизиологическими изменениями, является процесс акклиматизации, который проходит в нескольких стадиях: начальной, высокой реактивности, выравнивания и полной акклиматизации. Этот процесс может протекать в острой форме не более семи дней и обычной – от десяти до четырнадцати суток. В основном первые признаки проявляются со второго и заканчиваются четвертым днем пребывания в новом климате. По времени воздействия неблагоприятных факторов адаптация классифицируется на кратковременную и длительную. Кратковременная адаптация начинает действовать сразу после появления негативного раздражителя, происходит полная мобилизация всех резервов

организма, которые действуют на пределе своих возможностей, это быстрый ответ организма на гипоксию с одновременной мобилизацией транспортных систем по переносу кислорода, увеличением частоты дыхания и сердечных сокращений. Пределы адаптации человека обусловлены функциональной активностью его наследственного аппарата, возрастом, состоянием здоровья и степенью тренированности. В процессе систематической физической нагрузки в среднегорье организм спортсмена успешнее адаптируется к умеренной работе и труднее справляется с интенсивным трудом [12].

По данным научных исследований организацию тренировочного процесса в среднегорье целесообразно планировать с началом нового микроцикла, при этом данный микроцикл должен совпа-

дать с периодом понижения физиологической нагрузки. При исследовании в горах апробированы различные виды микроциклов (4, 7 и 10-дневных), лучшим вариантом является привычный для спортсмена микроцикл, но по содержанию необходимо придерживаться концептуальных рекомендаций: тренировочные занятия необходимо проводить с первого дня; объем и особенно интенсивность необходимо снизить до 50-75%; разминка должна удлиняться и индивидуализироваться, а нагрузка повышаться постепенно и плавно. При несоблюдении данных рекомендаций процесс акклиматизации может замедляться, а основная цель первых тренировочных дней – достижение быстрой акклиматизации [3]. При решении этой задачи эффективны длительные прогулки по пересеченной местности, равномерный бег умеренной интенсивности, кратковременные подъемы на большие высоты. При переходе к специализированной тренировке следует учитывать, что организм человека быстрее приспособляется к объему тренировочной работы и труднее к ее интенсивности [11]. При этом одним из критериев срочной адаптации является способность к быстрому восстановлению организма после физических нагрузок.

Основными функциями организма, оперативно реагирующими на изменение внешних условий жизнедеятельности, являются нервная, сердечно-сосудистая и дыхательная [9, 15]. Эти физиологические системы отвечают, в первую очередь, за краткосрочную высотную адаптацию – акклиматизацию. Адаптационные возможности организма расширяются в процессе систематических физических тренировок, в которых учитываются адекватное восстановление после постепенно повышающихся нагрузок, оздоровительные силы природы и гигиенические факторы [4, 8, 10].

Основными задачами исследования являлись: обеспечение оперативного и текущего контроля состояния дыхательной, нервной и сердечно-сосудистой систем обучающихся в процессе лыжных сборов в условиях среднегорья; верификация конкретных сроков стадии высокой реактивности, выравнивания и полной акклиматизации организма на физическую нагрузку в условиях среднегорья; обеспечение благоприятной начальной адаптации к повышению возможностей дыхательной, нервной и сердечно-сосудистой систем.

Организация и методы исследований

В исследованиях участвовали девушки и юноши от 18 до 20 лет, находящиеся 21 день в условиях спортивного сбора. При распределении студентов по группам (ЭГ и КГ) учитывалась спортивная специализация, показатели физической, технической и функциональной подготовленности. В основу экспериментальной программы с первого дня

пребывания были включены специальные дыхательные упражнения, выполняемые до 8 мин в подготовительной и заключительной частях три раза в день на утренней физической зарядке, первого занятия до обеда и второго занятия после обеда и отдыха. Для тренировки межреберных мышц от 15 до 30 мин в основных частях занятий выполнялись циклические аэробные упражнения в полумаске (полумаска фильтрующая У-2К FFP1 R поролон), как силового характера, так и в передвижении на лыжах [7]. Практические занятия с постепенным увеличением объемов и с минимальной интенсивностью планировались в первые три дня. Объемы двигательной активности создавались на дневных тренировках за счет подготовки учебной площадки и тренировочной трассы.

Были экспериментально спланированы три микроцикла по шесть тренировочных дней, каждый из которых был разделен на две части. Между микроциклами проводились восстановительные процедуры, в конце микроцикла – тестирование параметров физического состояния. Один раз в неделю проводились контрольные тренировки в лыжных гонках на один километр, в конце сборов были проведены соревнования в гонке на 5 и 10 км. В воскресные дни планировались походы или физкультурно-оздоровительные мероприятия. Для контроля функционального состояния организма обучающейся молодежи ежедневно проводился анализ выполнения ортостатической пробы, по результатам которой вносились коррективы в тренировочные нагрузки как индивидуального, так и группового характера [14].

Первый микроцикл (втягивающий) включал в себя две части по три дня. В день приезда (первая часть) проводилось первое тестирование, далее – три тренировочных занятия с подготовкой лыжной трассы по среднему и глубокому снегу с большим объемом работы и с минимальной интенсивностью, дыхательные упражнения проводились с первого дня. Основная направленность тренировочной работы заключалась в постепенном повышении нагрузки в условиях среднегорья, тренировки функциональных систем, особенно сердечно-сосудистой, дыхательной и нервно-психической, совершенствование равновесия и перенос центра тяжести с лыжи на лыжу и «привыкание к снегу». Кроме этого, осуществлялось сплочение коллектива, взаимопомощь и реализация психологической совместности в процессе общения и взаимодействия, обучающихся [13]. В следующие три тренировочных дня первого микроцикла в объемы тренировочной работы включались имитационные и подводящие упражнения для совершенствования технической подготовленности в передвижении на лыжах, а также пере-

движение на лыжах с небольшой интенсивностью (пульс – не выше 150 уд/мин). В ЭГ дополнительно использовались полумаски. В содержание второго и первой части третьего микроцикла (базовый и подводящий; соревновательный) включались разнообразные имитационные и подводящие упражнения. Объем и интенсивность двух равномерных тренировок в микроцикле увеличилось до 90 мин, повторные тренировки в подъем проводились два раза в микроцикле (от 60 до 120 м со скоростью от 50% до 80% от максимальной, ЧСС – до 180 уд/мин). В конце базового микроцикла использовалась переменная тренировка до 10 (8) км с ускорениями до 500 м в подъемы через 1-1,5 км. В соответствии с показателями ортостатической пробы формировались индивидуальные задания. Особое внимание самочувствию уделялось в ходе занятий при проведении интервальной и повторных тренировок. Соревновательный микроцикл был направлен на снижение объемов нагрузки и повышение технической и тактической подготовленности и заканчивался состязаниями на 5 и 10 км. Во втором и третьем микроциклах в равномерных и переменных тренировках пульсовая установка не применялась по причине различных специализаций обучающихся, при этом ставилась задача на выполнение задания 50–80% мощности от максимальных возможностей. Кроме тренировочных занятий в физкультурные мероприятия в свободные дни входили туристические походы с различными перепадами высот и длительностью.

В процессе исследования использовались методы анализа и обобщения научной и специальной литературы, антропометрические исследования, тестирование с использованием функциональных проб с задержкой дыхания и изменением ЧСС, педагогический эксперимент, методы математической статистики [1, 2, 5]. Изменения показателей дыхательной системы и волевых качеств исследовались с помощью проб Штанге, Генчи, Серкина. Кроме этого, по показателям пробы Штанге рассчитывался волевой коэффициент, по которому определялся уровень развития волевого качества «терпение», входящее в структуру эмоционально-волевой устойчивости, отражающее способность человека преодолевать субъективное ощущение усталости во время физических и нервно-психических нагрузок [6]. Для определения изменения мышечной системы, участвующей во внешнем дыхании, дополнительно были проанализированы результаты ЖЕЛ и экскурсия грудной клетки. Все указанные выше пробы обладают методической простотой и доступностью, что немаловажно в процессе спортивных сборов в условиях разреженности воздуха. Состояние вегетативной

нервной системы проверялось ортостатической пробой, которая проводилась ежедневно после сна и являлась показателем возможности вегетативной нервной системы регулировать функциональное состояние организма, в нашем случае – определять степень тренированности обучающегося (утомление, перетренированность, перенапряжение). Артериальное давление замерялось один раз в неделю, контроль за изменениями проводился субъективно и учитывался методом записи в специально разработанный журнал.

Результаты исследований и их обсуждение

В исследованиях принимали участие девушки и юноши, средний возраст составил 18–20 лет. По полученным результатам изменения показателей функционального состояния дыхательной и вегетативной нервной системы диагностировалась реакция организма на физические нагрузки, сроки и степень начальной адаптации. Основным недостатком проб и замеров является их субъективность, то есть зависимость от мотивированности испытуемых и их морально-волевых качеств, а также из-за неопытности или недобросовестности лиц, реализующих тестирование.

Все полученные изменения показателей, зафиксированные в ходе статистической обработки, по причинам недостаточного времени проведения исследований, а также вариативного физического состояния обучающихся не являлись достоверными, но динамика и процентное изменение в разной степени характеризует положительное изменение показателей в исследуемых группах. Для определения примерных сроков стадии высокой реактивности, выравнивания и полной акклиматизации (ортостатическая устойчивость) организма на физическую нагрузку были проанализированы среднесуточные показатели ортостатической пробы в двух группах. Самая высокая разница между возбуждением и торможением вегетативной нервной системы (22 уд/мин) у всех обучающихся зафиксирована на утро второго дня, что говорит о начале акклиматизации – стадии высокой реактивности. В ЭГ эта стадия длилась до пятого дня (14,2 уд/мин), а в КГ – до четвертого (14,8 уд/мин), но на пятый она увеличилась (17,8 уд /мин). Выравнивание и стабилизация началась с шестого дня в ЭГ (11-13 уд/мин), в КГ – с девятого (10-14 уд/мин). Поскольку стадии выравнивания и полной акклиматизации было определить достаточно трудно, потому что со второй недели физические нагрузки стали увеличиваться, а ортостатическая проба оставалась в физиологических рамках, мы сделали вывод о волнообразном незаметном переходе одной стадии в другую. Хотя, по косвенным показателям – самочувствие, активность, настроение, аппетит и сон, фиксируемых в дневниках,

можно отметить нестабильность нервной системы еще три дня во втором микроцикле в основном у обучающихся КГ. В итоге ежедневный контроль состояния нервной системы показал положительную динамику восстановления, как в экспериментальной, так и в контрольной группе, что говорит о своевременном внесении корректировок в тренировочный процесс и соответствие восстановительных мероприятий физическим нагрузкам. В ЭГ процесс восстановления в течении ночного сна проходил стабильнее и менее вариативно. Это способствовало проявлению высокой физической работоспособности на протяжении сборов.

Текущий контроль изменения функциональных показателей осуществлялся с помощью физиологических проб и измерений окружности и экскурсии грудной клетки. Установлено, что значение ЖЕЛ в ЭГ составляло до эксперимента $3,53 \pm 0,32$ л, после $3,96 \pm 0,36$ л (увеличение на 18%), а в КГ до эксперимента $3,34 \pm 0,27$ л, после $3,20 \pm 0,24$ л (снижение на 4,4%). В ЭГ увеличение окружности грудной клетки составило: в покое 0,6%, на вдохе 0,57%, на выдохе 1,01%, ЭГК 19,09%. В КГ положительная динамика в двух показателях следующая: на выдохе 0,7% и ЭГК 11,6%. Ухудшения произошли в покое на 0,32%, а на вдохе показатели не изменились. По всей вероятности, положительные изменения в ЭГ произошли из-за комплексного применения дыхательных упражнений, причем улучшение проходило поступательно во всех микроциклах. Это дало возможность предварительно установить, что для развития дыхательной системы целесообразно применять комплекс, состоящий из дыхательных упражнений и различных приспособлений, затрудняющих дыхание в процессе выполнения разнонаправленных циклических аэробных упражнений, в том числе и силовых. Это дополнительно развивает и укрепляет мышцы грудного отдела, увеличивает объем грудной клетки за счет повышения эластичности мышц, участвующих во вдохе и выдохе.

В процессе применения комплекса дыхательных упражнений показатели пробы Штанге в ЭГ снизились на 8,18% (до эксперимента $54,5 \pm 3,14$ с, после $50,04 \pm 2,97$ с), а в КГ несколько больше на 10,77% (до эксперимента $51,27 \pm 5,63$ с, после $45,77 \pm 4,5$ с). Отрицательные изменения произошли и в пробе Генчи в ЭГ на 11,42% (до эксперимента $30,47 \pm 3,74$ с, после $26,99 \pm 3,84$ с), а в КГ показатель пробы увеличился на 4,59% (до эксперимента $27,88 \pm 3,3$ с, после $29,15 \pm 3,2$ с). В рамках изменения показателей в пробе Штанге уровень состояния дыхательной системы соответствует – «хорошему», а по пробе Генчи обе группы характеризуются «удовлетворительным» критерием. По нашему мнению, в ЭГ снижение произошло по

причине большего утомления организма за счет выполнения аэробной и силовой нагрузки в полумасках. На этом фоне прирост волевого коэффициента, который в конце эксперимента приблизился к единице и увеличился на 52,94%, а в контрольной снизился на 47,3%, показал, что ЭГ способна терпеть физический дискомфорт дольше. Это подтверждает фаза «терпения».

Одним из показателей приспособления организма к нагрузке является увеличение задержки дыхания в пробе Серкина на втором этапе после нагрузки (на 2,16 с), что характеризует улучшение адаптационных механизмов и повышение уровня тренированности организма в сочетании с волевыми качествами.

Выполнение комплекса дыхательных упражнений ускорило адаптацию дыхательной и нервной систем за счет возросшего уровня функционального состояния дыхательной системы обеспечивать удаление образующегося углекислого газа и устойчивость организма к недостатку кислорода. Общая динамика изменений функционирования дыхательной и вегетативной систем заключается в снижении в первом микроцикле, стабилизации и повышении во втором микроцикле, общим ростом в третьем. Положительная динамика в отдельных показателях (волевой компонент, вторая фаза пробы Серкина, ЖЭЛ, экскурсия грудной клетки) зафиксирована только в ЭГ. По нашему мнению, в первом микроцикле в процессе акклиматизации к нехватке кислорода в воздухе дыхательная система перешла на учащенное, а не глубокое дыхание, что повлияло на длительность задержки дыхания и скорость восстановления после нагрузки. Кроме этого, в КГ на протяжении двух микроциклов поступление кислорода в организм происходило не за счет объема вдыхаемого воздуха, а за счет частоты дыхания. По этой причине мышцы, задействованные в дыхательном процессе, работали не с полной амплитудой и в какой-то мере потеряли свою способность к сокращению и растяжению, что привело к снижению показателей ЖЕЛ, экскурсии грудной клетки и задержке дыхания во второй фазе пробы Серкина. В ЭГ нехватку кислорода в воздухе обучающиеся компенсировали за счет более глубокого вдоха и длительности его задержки, которая стала возможным за счет регулярной целенаправленной тренировки дыхательной системы, а именно, совершенствованием дееспособности межреберных мышц, мышечного корсета, волевого компонента, укрепления диафрагмы, развития механических свойств легких, увеличения времени противостояния недостатку кислорода.

Заключение

Комплексное применение дыхательных упражнений в процессе лыжных сборов обучающихся в условиях среднегорья укрепило группу мышц, участвующих во вдохе и выдохе, что показало увеличение жизненной емкости легких и экскурсии грудной клетки в увеличении резервов дыхательной и сердечно-сосудистой систем, общей (аэробной) выносливости, что позволило более «мягко» пройти процесс адаптации к неблагоприятным внешним и внутренним факторам окружающей среды. Выполнение функциональных проб и тестов в оперативном, текущем и этапном контро-

ле физического состояния позволило качественно вносить коррективы в индивидуальный и групповой тренировочный процесс и правильно использовать физкультурно-оздоровительные и восстановительные мероприятия, избежать перетренированность и переутомление обучающейся молодежи. В ходе исследований верифицированы и уточнены примерные сроки этапов акклиматизации обучающихся: стадия высокой реактивности начинается на второй день после приезда на сборы и продолжается с постепенным понижением в ЭГ до пятого дня. Выравнивание и стабилизация в ЭГ начинается с шестого дня, а в КГ – с девятого дня.

Литература

1. Болотин А.Э., Парамзин В.Б., Яцык В.З. Методы исследования физического состояния и резервных возможностей организма у биатлонистов в процессе развития выносливости // В сборнике: Физическая культура и спорт. Олимпийское образование: Материалы МНПК. 2019. С. 250 – 252.
2. Благодаров Д.В., Васильченко О.С. Методические подходы к контролю физической подготовленности лыжников-гонщиков // В книге: Тезисы докладов XLVII НК студентов и молодых ученых вузов ЮФО: Материалы конференции. 2020. С. 182.
3. Васильченко О.С., Подгорная А.С. Исследование процесса акклиматизации и адаптации обучаемых в процессе лыжных сборов в среднегорье // В книге: Тезисы докладов XLVII НК студентов и молодых ученых вузов ЮФО: Материалы конференции. 2020. С. 186.
4. Васильченко О.С., Подгорная А.С. Методика развития способности противостоять недостатку кислорода в процессе занятий лыжной подготовкой в среднегорье // В книге: Тезисы докладов XLVII НК студентов и молодых ученых вузов ЮФО: Материалы конференции. 2020. С. 187.
5. Горбиков И.И., Яцык В.З., Васильченко О.С., Парамзин В.Б., Разновская С.В. Эффективность различных методик комплексного контроля физического состояния начинающих лыжников в процессе тренировочных сборов // Современный ученый. 2020. № 1. С. 71 – 75.
6. Киселев А.О. Терпение как показатель волевых качеств и определение уровня его развития // В книге: Тезисы докладов XLVII НК студентов и молодых ученых вузов ЮФО: Материалы конференции. 2020. С. 246.
7. Кожевников П.С., Парамзин В.Б. Использование нестандартного инвентаря, оборудования и специальных приспособлений в тренировке лыжника-гонщика // В книге: Тезисы докладов XLVI НК студентов и молодых ученых вузов ЮФО: Материалы конференции. 2019. С. 43.
8. Мащенко О.В., Парамзин В.Б., Васильченко О.С., Разновская С.В. Адаптационные способности курсантов на начальном этапе обучения, как условия эффективной образовательной деятельности // В сборнике: Актуальные вопросы научно-методического обеспечения системы подготовки спортивного резерва в Российской Федерации: материалы ВНПК с международным участием. Казань, 2020. С. 192 – 195.
9. Парамзин В.Б., Яцык В.З., Болотин А.Э., Пунич С.В., Нюняев И.В. Различия в реакции дыхательной системы бегунов на средние и длинные дистанции и их влияние на скорость восстановления // Физическая культура, спорт – наука и практика. 2018. № 4. С. 51 – 57.
10. Парамзин В.Б., Васильченко О.С., Разновская С.В. К вопросу об изменении силовых показателей обучаемых в процессе первоначальной адаптации к образовательной деятельности // Материалы научной и НМК ППС КГУФКСТ. 2019. Т. 48. С. 283 – 284.
11. Парамзин В.Б., Васильченко О.С. Изменение показателей дыхательной системы студентов под воздействием специальной тренировки на лыжных сборах в условиях среднегорья // Материалы научной и НМК ППС КГУФКСТ. 2020. № 1. С. 185 – 186.
12. Подгорная А.А., Парамзин В.Б., Лашин Д.Н. Развитие специальной выносливости лыжников в условиях сборов в среднегорье // В сборнике: Спортивное движение: опыт, проблемы, развитие: Сборник материалов ВНПК с международным участием. 2020. С. 214 – 216.
13. Подгорная А.С., Парамзин В.Б. Признаки заинтересованности студентов в обучении // В книге: Тезисы докладов XLVI НК студентов и молодых ученых вузов ЮФО: Материалы конференции. 2019. С. 53.

14. Пугачев И.Ю., Парамзин В.Б., Васильченко О.С., Разновская С.В. Контроль физической готовности спортсмена на различных этапах спортивной подготовки // В сборнике: Актуальные вопросы научно-методического обеспечения системы подготовки спортивного резерва в РФ: материалы ВНК с международным участием. Казань, 2020. С. 220 – 224.

15. Разновская С.В., Парамзин В.Б., Фотина О.В., Бочков А.В. Применение средств профессионально-прикладной физической культуры для повышения защитных механизмов организма от влияния негативных факторов, сопровождающих процесс обучения // Евразийское Научное Объединение. 2019. Т. 5. № 3 (49). С. 330 – 333.

References

1. Bolotin A.E., Paramzin V.B., YAcyk V.Z. Metody issledovaniya fizicheskogo sostoyaniya i rezervnykh vozmozhnostej organizma u biatlonistov v processe razvitiya vynoslivosti. V sbornike: Fizicheskaya kul'tura i sport. Olimpijskoe obrazovanie: Materialy MNPК. 2019. S. 250 – 252.

2. Blagodarov D.V., Vasil'chenko O.S. Metodicheskie podhody k kontrolyu fizicheskoy podgotovlennosti lyzhnikov-gonshchikov. V knige: Tezisy dokladov XLVII NK studentov i molodyh uchenykh vuzov YUFO: Materialy konferencii. 2020. S. 182.

3. Vasil'chenko O.S., Podgornaya A.S. Issledovanie processa akklimatizacii i adaptacii obuchaemykh v processe lyzhnykh sborov v srednegor'e. V knige: Tezisy dokladov XLVII NK studentov i molodyh uchenykh vuzov YUFO: Materialy konferencii. 2020. S. 186.

4. Vasil'chenko O.S., Podgornaya A.S. Metodika razvitiya sposobnosti protivostoyat' nedostatku kisloroda v processe zanyatij lyzhnoj podgotovkoj v srednegor'e. V knige: Tezisy dokladov XLVII NK studentov i molodyh uchenykh vuzov YUFO: Materialy konferencii. 2020. S. 187.

5. Gorbikov I.I., YAcyk V.Z., Vasil'chenko O.S., Paramzin V.B., Raznovskaya S.V. Effektivnost' razlichnykh metodik kompleksnogo kontrolya fizicheskogo sostoyaniya nachinayushchih lyzhnikov v processe trenirovochnykh sborov. Sovremennyy uchenyj. 2020. № 1. S. 71 – 75.

6. Kiselev A.O. Terpenie kak pokazatel' volevykh kachestv i opredelenie urovnya ego razvitiya. V knige: Tezisy dokladov XLVII NK studentov i molodyh uchenykh vuzov YUFO: Materialy konferencii. 2020. 2020. S. 246.

7. Kozhevnikov P.S., Paramzin V.B. Ispol'zovanie nestandartnogo inventarya, oborudovaniya i special'nykh prispособlenij v trenirovke lyzhnika-gonshchika. V knige: Tezisy dokladov HLVI NK studentov i molodyh uchenykh vuzov YUFO: Materialy konferencii. 2019. S. 43.

8. Mashchenko O.V., Paramzin V.B., Vasil'chenko O.S., Raznovskaya S.V. Adaptacionnye sposobnosti kursantov na nachal'nom etape obucheniya, kak usloviya effektivnoj obrazovatel'noj deyatel'nosti. V sbornike: Aktual'nye voprosy nauchno-metodicheskogo obespecheniya sistemy podgotovki sportivnogo rezerva v Rossijskoj Federacii: materialy VNPК s mezhdunarodnym uchastiem. Kazan', 2020. S. 192 – 195.

9. Paramzin V.B., YAcyk V.Z., Bolotin A.E., Punich S.V., Nyunyaev I.V. Razlichiya v reakcii dyha-tel'noj sistemy begunov na srednie i dlinnye distancii i ih vliyanie na skorost' vosstanovleniya. Fizicheskaya kul'tura, sport – nauka i praktika. 2018. № 4. S. 51 – 57.

10. Paramzin V.B. Vasil'chenko O.S., Raznovskaya S.V. K voprosu ob izmenenii silovykh pokazatelej obuchaemykh v processe pervonachal'noj adaptacii k obrazovatel'noj deyatel'nosti. Materialy nauchnoj i NMPК PPS KGUFKST. 2019. T. 48. S. 283 – 284.

11. Paramzin V.B., Vasil'chenko O.S. Izmenenie pokazatelej dyhatel'noj sistemy studentov pod vozdejstviem special'noj trenirovki na lyzhnykh sborah v usloviyah srednegor'ya. Materialy nauchnoj i NMPК PPS KGUFKST. 2020. № 1. S. 185 – 186.

12. Podgornaya A.A., Paramzin V.B., Lashchin D.N. Razvitie special'noj vynoslivosti lyzhnikov v usloviyah sborov v srednegor'eю V sbornike: Sportivnoe dvizhenie: opyt, problemy, razvitie: Sbornik materialov VNPК s mezhdunarodnym uchastiem. 2020. S. 214 – 216.

13. Podgornaya A.S., Paramzin V.B. Priznaki zainteresovannosti studentov v obuchenii. v knige: Tezisy dokladov HLVI NK studentov i molodyh uchenykh vuzov YUFO: Materialy konferencii. 2019. S. 53.

14. Pugachev I.YU, Paramzin V.B., Vasil'chenko O.S., Raznovskaya S.V. Kontrol' fizicheskoy gotovnosti sportsmena na razlichnykh etapah sportivnoj podgotovki. V sbornike: Aktual'nye voprosy nauchno-metodicheskogo obespecheniya sistemy podgotovki sportivnogo rezerva v RF: materialy VNPК s mezhdunarodnym uchastiem. Kazan', 2020. S. 220 – 224.

15. Raznovskaya S.V., Paramzin V.B., Fotina O.V., Bochkov A.V. Primenenie sredstv professional'no-prikladnoj fizicheskoy kul'tury dlya povysheniya zashchitnykh mekhanizmov organizma ot vliyaniya negativnykh faktorov, soprovozhdayushchih process obucheniya. Evrazijskoe Nauchnoe Ob"edinenie. 2019. T. 5. № 3 (49). S. 330 – 333.

*Paramzin V.B., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Krasnodar Higher Military School,
Pugachev I.Yu., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Military Institute of Physical Education,
Vasilchenko O.S., Senior Lecturer,
Kuban State University of Physical Education, Sports and Tourism,
Raznovskaya S.V., Candidate of Biological Sciences (Ph.D.),
Petrozavodsk State University*

EFFICIENCY OF THE INTEGRATED APPLICATION OF RESPIRATORY EXERCISES IN THE PROCESS OF ADAPTATION OF STUDENT YOUTH TO THE CONDITIONS OF MIDDLE MOUNTAINS AT SKI TRAINING CAMPS

Abstract: in the studies carried out in the framework of ski physical education and health-improving camps in the mid-mountain conditions with students of various sports specializations, the main attention was paid to temporary adaptation, namely, to the acclimatization of the body.

The purpose of the work was to determine the effectiveness of the use of breathing exercises in combination with aerobic exercises, performed in a half mask in the process of adaptation to the conditions of middle mountains ski training camps.

The research involved 37 students who spent 21 days living together with the same physical activity, which were divided into the experimental and control groups. In the experimental group, breathing exercises and aerobic exercises were additionally performed in special masks that impede breathing. According to the results of the orthostatic test, the approximate timing of the stages of acclimatization of students was revealed: the stage of high reactivity began on the second day after arriving at the training camp (the difference was 22 beats/min) and continued with a gradual decrease in the experimental group until the fifth day (14.2 beats/min), and in the control - up to the fourth day (14.8 beats/min), but on the fifth - it increased (17.8 beats/min). Leveling and complete acclimatization (orthostatic stability) began on the sixth day in the experimental group (11–13 beats/min), in the control - from the ninth day (10–14 beats/min). The dynamics of the results of the Shtange's, Genchi's, Serkin's tests performed by the students of the experimental group at the end of the microcycles confirmed the stages of stabilization and development of functional systems of the first stage of adaptation within the framework of aerobic physical activity performed in half masks and special breathing exercises. The experimental group more "gently" passed the process of acclimatization to the unfavorable factors of middle mountains, in addition to this change in the vital capacity of the lungs, chest excursions and volitional coefficient showed strengthening of the muscular system involved in breathing and increasing volitional qualities.

Keywords: student youth, acclimatization, middle mountains, breathing exercises, functional tests, sports and fitness training

*Алиханова Р.А., кандидат педагогических наук, доцент,
Чеченский государственный педагогический университет*

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ ШКОЛЬНИКОВ НА ЭТНОПЕДАГОГИЧЕСКОМ ПОТЕНЦИАЛЕ СЕМЬИ

Аннотация: развитие индивида можно определить как длительный процесс присвоения им социально-исторического опыта, накопленного социумом, в котором живет подрастающая личность. Отношения между различными этносами, населяющими область, в которой живет ребенок – часть тех знаний о людях, которые он усваивает в процессе воспитания. Первым источником этих знаний и культуры общения является семья ребенка. Семья – это институт социализации его личности, именно в семье ребенок получает свой первый опыт взаимодействия с социумом. В данной статье рассматривается один из педагогических аспектов семейного воспитания, которому в настоящее время уделяется недостаточное внимание: этнический аспект. Между тем этот аспект очень важен для духовно-нравственного воспитания, поскольку в нем задействованы традиционные народные этические ценности.

Ключевые слова: семейная педагогика, этнопедагогический потенциал, духовно-нравственное воспитание, этнические традиции, народные этические ценности, межкультурная коммуникация

В процессе социализации людей происходит совершенствование мира, в котором они живут и занимаются трудовой деятельностью, и чаще всего они это не осознают. Под процессом социализации индивида понимается адаптация человека к определенным условиям. Формирование личности происходит благодаря применяемому обществом средствами [6, с. 27]. Процесс социализации чрезвычайно важен, поскольку помогает людям познать социальные ценности и нормы, которые являются общепринятыми, и именно это помогает обществу существовать как единое целое, а культурные ценности передаются из одного поколения в другое. Сферы, в которых активно применяются механизмы социализации, различны: это может быть и знакомство с обычаями своего общества, и выработка вкуса в модных направлениях.

При всем том, говоря о социальной культуре человечества, мы не можем иметь в виду некий однородный монолит: на нашей планете множество различных народов, чья жизнь нередко существенно отличается от той, что мы привыкли видеть вокруг себя. Одни из этих общностей являются результатом «генетической и языково-культурной близости (например, восточнославянские народы), другие – следствие длительного культурного взаимовлияния в пределах единой историко-этнографической области (народы Прибалтики, Северного Кавказа), третьи – итог религиозного и связанного с ним культурного единства (исламские народы)» [4, с. 18]. На территории России живут представители всех этих культур, соответственно, современному россиянину необходимо обладать навыками межкультурной коммуникации. Детство предоставляет для формирования навыков такой коммуникации наиболее благоприятные условия, поскольку у ребенка «еще не сложились стереотипные формы эмоционально-

оценочного отношения к представителям других национальностей» [4, с. 23].

Для ребенка – любое отношение, знание о котором он получил от взрослого, будет естественным. Став старше, он уже может относиться к этому более критически, но, все же, будет в значительной степени, ориентироваться на услышанное от взрослого, точнее – на увиденное в поведении взрослого. Между понятием культуры этноса (или культуры социальной группы) и идентичностью индивида (под которой понимается осознание человеком своей принадлежности к группе) прослеживается тесная взаимосвязь, благодаря чему становится возможным определение собственного места в социокультурном пространстве.

Особую роль в установлении идентичности и умению строить межкультурный диалог играет семья. Семья относится к явлениям, которая несмотря на огромное разнообразие социальных структур в различных этнокультурах нашей страны, везде выступает как отчетливо выраженная социальная единица. В любом обществе на семью всегда оказывалось социальное влияние со стороны общественных и государственных институтов. Существует оно и сегодня. Но в современном мире это влияние заключается «в проведении государственной семейно-ориентированной политики на уровне идеологизации семейных ценностей» [1, с. 72]. Безусловно, права Д.М. Целоева, утверждающая, что «все начинается в семье, все выходит из семьи. Это аксиоматичное выражение четко дает ориентиры для каждого человека. Основу для формирования чувства патриотизма и гражданственности закладывает семья» [10].

В каждой семье укореняются свои традиции и обычаи, и у ребенка, находящегося в родительской семье, формируется комплекс установок и ориентаций на общепринятые нормы поведения в каче-

стве члена семьи. Здесь имеет место процесс самоидентификации, т.е. ребенок осознает, что он является представителем определенного пола (гендера), поэтому обязан следовать правилам, которые действуют в этом обществе. И, разумеется, эта самоидентификация касается этнических характеристик, которые тоже являются элементами самоидентификации индивида. Тем более, что этнические различия часто связаны именно с гендером.

Традиционная модель семьи предписывает «мужчине выполнение инструментальной функции, связанной с материальным обеспечением семьи, в то время как женщина-домохозяйка, занимаясь воспитанием детей и выполнением домашней работы, выполняет экспрессивную функцию» [3, с. 167]. В современном мире эта модель сохранилась далеко не во всех этнических культурах, поэтому уже можно говорить о традиционной модели как модели национальной, еще свойственной отдельным этносам.

И, следовательно, если ребенок растет в такой семье, он получает определенные знания о гендерных ролях, и задача этнопедагогического плана состоит в том, чтобы не оценивать ни традиционную, ни иные семейные модели с позиций «лучше/хуже», но показать ребенку как фактическую данность существование различных моделей.

Это является и частью духовно-нравственного воспитания. Как известно, этические воззрения любой этнической культуры не содержат принципов, противоречащих принципам иных времен и других этносов.

Д.М. Целоева говорит об этом: «Каждый воспитатель в семье (мать, отец, бабушка, дед, тетя, дядя, ближайшие родственники) требуют от ребенка конкретных, закрепившихся в народной педагогике, действий посредством примерно одинакового арсенала методов и средств» [10].

Но при всем том, среди многочисленных и разнообразных ценностных понятий, на наш взгляд, особенно отчетливо выделяется группа ценностей, получивших название универсальных, или общечеловеческих. Универсальность можно объяснить так: фундаментом главных черт таких ценностей является биологическая природа человека и общепринятые свойства социального взаимодействия. К примеру, в любой культуре мира осуждаются воровство, убийство, обман, хотя границы терпимости этих явлений различны [5, с. 276].

Понять связь между нравственностью и культурой (говоря точнее, понять, какое место занимает нравственность в культуре) можно, однако это зависит не только и даже не столько от той или иной трактовки культуры какого-либо этноса. Общество всегда отторгает проявления зла, укреп-

ляя существующие правила поведения и морали. Между этими правилами и культурой прослеживается тесная связь исключительно в том плане, что формулировка понятий добра и зла происходит в рамках специфических черт конкретной культуры. Об этом упоминает и Р.А. Хачидогов: «Главной целью нравственного воспитания жители Северного Кавказа считали приобщение молодого поколения к таким общечеловеческим ценностям, как добро, благородство, мужественность, способность противостояния жизненным трудностям, уважительное отношение к старшим, к женщинам, помощь ближнему» [9, с. 163].

Поэтому этнопедагогический потенциал семьи должен способствовать формированию нравственной культуры, независимо от конкретной национальной принадлежности ее членов. У ребенка надлежит формировать понимание того, что любая этническая культура содержит примерно одинаковые этические принципы, и поэтому его самоидентификация как представителя той или иной национальности – это особенности внешних (тоже по своему важным и интересным) проявлений культуры, в то время как внутренние являются общечеловеческими принципами [7, с. 162].

Если же говорить о методах духовно-нравственного воспитания с использованием этнопедагогического потенциала семьи, то он может базироваться на национальных сказках и песнях. Национальный фольклор «определяет своеобразие эстетического восприятия не только природы, но и предметного мира, в частности, произведений искусства, что пробуждает активное, действенное отношение ребенка к окружающему, снабженное определенными акцентами, зависящими от особенностей культуры, в которой он воспитывается» [8, с. 16].

В этой связи совершенно справедливы слова Р.А. Алихановой о том, что «произведения фольклора, устного народного творчества каждого народа – это неоценимый источник для воспитания этих качеств; при умелом использовании в сочетании с педагогическими методами, приемами, средствами способны дать положительный результат» [2, с. 85].

В этом же ключе трактуются и слова Р.А. Алихановой, приводящей в пример чеченский фольклор, который «богат большим количеством притч, в которых затрагиваются вопросы любви к родине и торжества справедливости, честности и непраздности, гостеприимства и уважительного отношения к людям старшего поколения» [2, с. 87].

В этой же связи Р.А. Хачидогов пишет, что «благодаря народной мудрости воспитания, основанной на традициях и обычаях, у северокавказских народов бытовала своеобразная система под-

готовки молодежи к жизни, составляющая понятие «этнопедагогика», которая на протяжении многих тысячелетий вырабатывала приемы познания окружающего мира. Именно поэтому и сегодня актуальны ее средства и методы в социализации личности» [9, с. 154].

Таким образом, подводя итог сказанному, следует заметить, что полиэтничная среда как данность современного мира стала необходимым условием жизни и деятельности в нем. Монокультурное окружение для человека, живущего в современной России, найти практически невозможно. Но для нашей страны полиэтничность была

характерна на протяжении столетий, так что доброжелательное отношение к иным народностям зафиксировано у нас почти на генетическом уровне.

Однако для того, чтобы это отношение проявлялось и закреплялось как норма поведения, все же необходимо определенное воспитательное воздействие. Поэтому формирование этнокультурной осведомленности детей обусловлено современными гуманистическими, аксиологическими и этнопедагогическими принципами культурного диалога, необходимого для жизни в сегодняшнем мире.

Литература

1. Азаров Ю.П. Семейная педагогика. М.: Норма, 2017. 381 с.
2. Алиханова Р.А. Этнопедагогика семьи в воспитании патриотизма и гражданственности у подрастающего поколения // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки. 2019. Т. 13. № 2. С. 85 – 91.
3. Гурко Т.А. Брак и родительство в России. М.: Вагриус, 2016. 325 с.
4. Енгибарян Р.В. Краснов Ю.К. Этнос в современном мире. М.: Вагриус, 2018. 576 с.
5. Ерасов Б.С. Социальная культурология. М.: Вагриус, 2018. – 591с.
6. Круглов Б.С. Социальная направленность личности. М.: Дрофа, 2016. 213 с.
7. Мажаренко С.В. Формирование этнокультурной осведомленности детей в образовательном учреждении. Владикавказ, 2019. 225 с.
8. Станиславова И.Л. Современная семья и внутренний мир ребенка // Семья и школа. 2019. № 4. С. 16 – 18.
9. Хачидогов Р.А. Педагогическая система северокавказских народов и социализация подрастающего поколения // Историческая и социально-образовательная мысль. 2020. Т. 12. № 4-5. С. 154 – 164.
10. Целоева Д.М. Язык этно-педагогики (на материале Северного Кавказа) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-etnopedagogiki-na-materiale-severnogo-kavkaza> (дата обращения: 02.05.2021)

References

1. Azarov YU.P. Semejnaya pedagogika. M.: Norma, 2017. 381 s.
2. Alihanova R.A. Etnopedagogika sem'i v vospitanii patriotizma i grazhdanstvennosti u podrastayushchego pokoleniya. Izvestiya Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Psihologopedagogicheskie nauki. 2019. T. 13. № 2. S. 85 – 91.
3. Gurko T.A. Brak i roditel'stvo v Rossii. M.: Vagrius, 2016. 325 s.
4. Engibaryan R.V. Krasnov YU.K. Etnosy v sovremennom mire. M.: Vagrius, 2018. 576 s.
5. Erasov B.S. Social'naya kul'turologiya. M.: Vagrius, 2018. – 591s.
6. Kruglov B.S. Social'naya napravlennost' lichnosti. M.: Drofa, 2016. 213 s.
7. Mazharenko S.V. Formirovanie etnokul'turnoj osvedomlennosti detej v obrazovatel'nom uchrezhdenii. Vladikavkaz, 2019. 225 s.
8. Stanislavova I.L. Sovremennaya sem'ya i vnutrennij mir rebenka. Sem'ya i shkola. 2019. № 4. S. 16 – 18.
9. Hachidogov R.A. Pedagogicheskaya sistema severokavkazskih narodov i socializaciya podrastayu-shchego pokoleniya. Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'. 2020. T. 12. № 4-5. S. 154 – 164.
10. Celoeva D.M. YAzyk etno-pedagogiki (na materiale Severnogo Kavkaza) [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-etnopedagogiki-na-materiale-severnogo-kavkaza> (data obrashcheniya: 02.05.2021)

*Alikhanova R.A., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Chechen State Pedagogical University*

SPIRITUAL AND MORAL EDUCATION OF PUPILS ON THE ETHNOPEDAGOGICAL POTENTIAL OF THE FAMILY

Abstract: the development of an individual can be defined as a long-term process of assigning them the socio-historical experience accumulated by the society in which the growing personality lives. The relationship between different ethnic groups inhabiting the area in which the child lives is part of the knowledge about people that he learns in the process of education. The first source of this knowledge and culture of communication is the child's family. The family is the institution of socialization of his personality, it is in the family that the child receives his first experience of interaction with society. This article examines one of the pedagogical aspects of family education that is currently receiving insufficient attention: the ethnic aspect. Meanwhile, this aspect is very important for spiritual and moral education, as traditional folk ethical values are involved in it.

Keywords: family pedagogy, ethnopedagogical potential, spiritual and moral education, ethnic traditions, folk ethical values, intercultural communication

*Черницкий Р.С., аспирант,
Лепешкина С.В., кандидат педагогических наук, доцент,
Московская государственная академия физической культуры*

ФОРМИРОВАНИЕ РЕГУЛЯТИВНЫХ УНИВЕРСАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ДЕЙСТВИЙ У УЧАЩИХСЯ 11-12 ЛЕТ СРЕДСТВАМИ САМБО

Аннотация: *введение:* занятия самбо получили широкое распространение в качестве формы внеурочных занятий, однако в литературе отсутствуют сведения о влиянии этих занятий на формирование регулятивных универсальных действий у школьников 11-12 лет.

Цель исследования: определение особенностей влияния внеурочных занятий самбо на формирование регулятивных универсальных учебных действий у школьников 11-12 лет.

Методика и организация исследования. Разработана экспериментальная программа формирования регулятивных универсальных учебных действий у детей 11-12 лет в рамках внеурочных занятий самбо. Оценка эффективности предложенной программы произведена в рамках педагогического эксперимента, проведенного на базе МОУ «Инженерно-технологический лицей» г. Люберцы Московской области с сентября 2019 года по март 2020 года. Для оценки эффективности предложенной программы использованы такие показатели сформированности регулятивных учебных действий, как: общая оценка сформированности регулятивных универсальных учебных действий; уровень сформированности внимания; уровень сформированности саморегуляции в интеллектуальной деятельности.

Результаты исследования и их обсуждение. У школьников посещавших внеурочные занятия самбо произошло достоверное повышение общей оценки регулятивных универсальных учебных действий и уровня сформированности саморегуляции в интеллектуальной деятельности. Также у школьников посещавших внеурочные занятия самбо произошло незначительное повышение уровня сформированности внимания.

Выводы. Определена возможность использования внеурочных занятий самбо с целью формирования регулятивных универсальных учебных действий у школьников. Внеурочные занятия самбо рекомендованы как эффективная форма занятий в формировании регулятивных универсальных учебных действий у школьников 11-12 лет.

Ключевые слова: самбо; внеурочные занятия; средний школьный возраст; регулятивные универсальные учебные действия

Введение

Самбо является перспективной формой внеурочных занятий в рамках реализации программ ФГОС. Направленность тренировочного процесса на внеурочных занятиях самбо позволяет формировать универсальные учебные действия (УУД). Среди УУД отдельного внимания заслуживают регулятивные УУД ввиду их важности в образовательном процессе школьников. Однако сведений о влиянии внеурочных занятий самбо на уровень сформированности регулятивных УУД в тематической литературе недостаточно, ввиду чего исследование данной проблемы актуально. Целью работы является определение особенностей влияния внеурочных занятий самбо на формирование регулятивных УУД школьников 11-12 лет.

Методика

Исследование проведено на базе МОУ «Инженерно-технологический лицей» г. Люберцы Московской области. В исследовании приняли участие 40 учеников 5-6 классов в возрасте от 11 до 12 лет. Эксперимент проведен в период с сентября 2019 г. по март 2020 г.

Контрольная группа была сформирована из учащихся ($n=20$) не посещавших внеурочные занятия, а экспериментальная из учащихся ($n=20$) посещавших внеурочные занятия самбо. Различий в учебном плане школьников обеих групп не было. Учебный план внеурочных занятий самбо с экспериментальной группой представлен в табл. 1.

Таблица 1

Учебный план внеурочных занятий самбо экспериментальной групп

№	Раздел программы	Кол-во часов	Содержание раздела
1	Теоретическая подготовка	6	Краткий обзор истории развития самбо; Краткие сведения о влиянии физических нагрузок на организм; Гигиена, врачебный контроль, предупреждение травм; Основы техники и тактики самбо; Правила соревнований.
2	Общая и специальная физическая подготовка	28	Общая физическая подготовка (ОРУ, подвижные игры, акробатические упражнения), специальные упражнения (подводящие упражнения, акробатические упражнения).
3	Технико-тактическая подготовка	36	Обучение технике и тактике самбо
4	Участие в соревнованиях	4	Соревнования по самбо по облегченным правилам
5	Контрольные испытания	2	Блок контрольных испытаний
Общее количество часов		76	

Общая оценка уровня сформированности регулятивных УУД осуществлялась на основании критериев представленных в работах Э.Ф. Насыровой и Н.Л. Васениной [4, с. 115]. Оценка уровня сформированности внимания осуществлялась с использованием пробы на внимание предложенной П.Я. Гальпериным и С.Л. Кабленицкой [4]. Оценка уровня сформированности саморегуляции в интеллектуальной деятельности осуществлялась с использованием методики «Изучение саморегуляции» по У.В. Ульенковой [2]. Формирование регулятивных УУД осуществлялось за счет реализации в рамках учебно-тренировочных занятий таких форм сотрудничества, как: совместная деятельность тренера и занимающихся; проектная деятельность занимающихся; дискуссия; рефлексия. Перечисленные формы сотрудничества предполагали ряд специальных действий, обуславливающих формирование регулятивных УУД. В качестве специальных действий выступают: выполнение комплексов упражнений по составленным схемам; предложение учениками нововведений в

занятия; проведение подвижных игр с элементами судейства и экспертных оценок.

Оценка уровня сформированности регулятивных УУД осуществлялась на основании таких показателей, как: общая оценка сформированности регулятивных УУД; уровень сформированности внимания; уровень сформированности саморегуляции в интеллектуальной деятельности. Обработка результатов исследования проводилась при помощи программы Microsoft Excel. Обработка результатов предполагала подсчет среднего арифметического (\bar{X}) и стандартного отклонения (σ). Определение достоверности различий осуществлялось при помощи: парного двухвыборочного t-теста для средних, при сравнении выборок связанных данных; двухвыборочного t-теста с одинаковыми или различными дисперсиями при сравнении несвязанных выборок данных.

Результаты и их обсуждение

Рассмотрим показатели, отражающие уровень сформированности у учащихся контрольной группы (табл. 2).

Таблица 2

Показатели, отражающие уровень сформированности регулятивных УУД учащихся контрольной группы

Показатель	$\bar{X} \pm \sigma$		p – level
	До	После	
Общая оценка регулятивных УУД, баллы	0,60±0,50	0,70±0,47	0,08
Уровень сформированности внимания, кол-во допущенных ошибок	4,05±1,90	2,05±0,83	0,00
Уровень сформированности саморегуляции в интеллектуальной деятельности, баллы	2,95±1,54	2,80±1,11	0,13

По результатам проведенного исследования у учащихся контрольной группы произошел ряд изменений в рассматриваемых показателях, однако изменения характеризующиеся статистической достоверностью отмечены лишь по показателю уровня сформированности внимания ($p < 0,01$). Общая оценка регулятивных УУД незначительно

выросла, а уровень сформированности саморегуляции в интеллектуальной деятельности остался на прежнем уровне.

Показатели сформированности регулятивных УУД учащихся экспериментальной группы представлены в табл. 3.

Таблица 3

Показатели, отражающие уровень сформированности регулятивных УУД учащихся экспериментальной группы

Показатель	X±σ		p – level
	До	После	
Общая оценка регулятивных УУД, баллы	0,65±0,49	0,80±0,41	0,04
Уровень сформированности внимания, кол-во допущенных ошибок	4,20±1,94	2,10±0,79	0,00
Уровень сформированности саморегуляции в интеллектуальной деятельности, баллы	2,90±1,33	2,20±0,89	0,01

В соответствии с показателями экспериментальной группы (табл. 3) сделано заключение о выраженном влиянии внеурочных занятий самбо на показатели сформированности регулятивных УУД. По всем рассматриваемым показателям отмечены статистически достоверные изменения ($p < 0,05$). У учеников экспериментальной группы произошел выраженный прирост общей оценки регулятивных УУД, повысился уровень сформированности внимания и уровень сформированности саморегуляции в интеллектуальной деятельности.

Общая оценка регулятивных УУД повысилась в обеих обследованных группах учеников, однако достоверный прирост данного показателя произошел у учеников посещавших занятия самбо. По показателю общей оценки регулятивных УУД на момент начала и завершения исследования между учениками контрольной и экспериментальной группы отсутствуют статистически достоверные различия.

На момент начала исследования у учеников обеих групп отмечаются средний уровень сформированности внимания, при этом между группами отсутствуют статистически достоверные ($p > 0,05$) различия. После проведения исследования, т.е. к середине учебного года, у учеников

контрольной и экспериментальной группы произошло снижение количества допускаемых ошибок в тестах, что свидетельствует о высоком уровне сформированности внимания, при этом различия между группами не являются статистически достоверными ($p > 0,05$).

Уровень сформированности саморегуляции в интеллектуальной деятельности на момент начала исследования не различался между группами. По результатам проведения исследования данные показатели различаются между группами со статистической достоверностью ($p < 0,05$). Изменения уровня сформированности саморегуляции в интеллектуальной деятельности произошли лишь у учеников экспериментальной группы, что подтверждается фактом статистической достоверности различий между исходными и заключительными показателями ($p < 0,05$).

Выводы

По результатам проведенного исследования сделано заключение о высокой эффективности внеурочных занятий самбо в формировании регулятивных УУД у учеников 11-12 лет. Таким образом, можно рекомендовать внеурочные занятия самбо как эффективную форму внеурочных занятий в формировании регулятивных УУД у школьников.

Литература

1. Антонюк С.Д., Кожевникова И.В. Реализация инновационной программы «самбо в школу» в рамках учебного предмета «физическая культура» в условиях реализации федерального государственного образовательного стандарта // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. Т. 21. №. 9 (161). С. 50 – 57.
2. Гильманова Ю.Б., Лысенко М.И. Психологическое сопровождение формирования и развития универсальных учебных действий учащихся. Казань, 2010. 180 с.

3. Лукин А.А., Галочкин Г.П., Щетинин Н.В. Борьба самбо. Вариативная часть физической культуры: учебно-методическое пособие для студентов и преподавателей. Воронеж: Воронежский государственный архитектурно-строительный университет, ЭБС АСВ, 2016. 50 с.

4. Насырова Э.Ф., Васенина Н.Л. Оценка сформированности универсальных учебных действий учащихся в ходе проектной деятельности на уроках технологии // Наука и школа. 2016. № 4. С. 112 – 117.

References

1. Antonyuk S.D., Kozhevnikova I.V. Realizaciya innovacionnoj programmy «sambo v shkolu» v ramkah uchebnogo predmeta «fizicheskaya kul'tura» v usloviyah realizacii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta. Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2016. T. 21. №. 9 (161). S. 50 – 57.

2. Gil'manova YU.B., Lysenko M.I. Psihologicheskoe soprovozhdenie formirovaniya i razvitiya universal'nyh uchebnyh dejstvij uchashchihsya. Kazan', 2010. 180 s.

3. Lukin A.A., Galochkin G.P., SHCHetinin N.V. Bor'ba sambo. Variativnaya chast' fizicheskoy kul'tury: uchebno-metodicheskoe posobie dlya studentov i prepodavatelej. Voronezh: Voronezhskij gosudarstvennyj arhitekturno-stroitel'nyj universitet, EBS ASV, 2016. 50 s.

4. Nasyrova E.F., Vasenina N.L. Ocenka sformirovannosti universal'nyh uchebnyh dejstvij uchashchihsya v hode proektnoj deyatel'nosti na urokah tekhnologii. Nauka i shkola. 2016. № 4. S. 112 – 117.

*Chernitskiy R.S., Postgraduate,
Lepeshkina S.V., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Moscow State Academy of Physical Education*

FORMATION OF REGULATORY UNIVERSAL EDUCATIONAL ACTIONS FOR 11-12 YEAR OLD PUPILS AT SAMBO CLASSES

Abstract: introduction. Sambo lessons have become widespread as a form of extracurricular activities, however, there is no information in the literature about the influence of these lessons on the formation of regulatory universal actions in schoolchildren of 11-12 years old.

Purpose of the study: to determine the characteristics of the influence of extracurricular sambo lessons on the formation of regulatory universal educational actions in schoolchildren of 11-12 years old.

Research methodology and organization. An experimental program for the formation of regulatory universal educational actions in 11-12 year old children in the framework of extracurricular sambo lessons was developed. The effectiveness of the proposed program was assessed as part of a pedagogical experiment conducted on the basis of the Engineering and Technological Lyceum, Lyubertsy, Moscow Region from September 2019 to March 2020. To assess the effectiveness of the proposed program, we used such indicators of the formation of regulatory educational actions as: general assessment of the formation of regulatory universal educational actions; level of attention formation; the level of formation of self-regulation in intellectual activity.

Research results and their discussion. Schoolchildren who attended extracurricular sambo classes had a significant increase in the overall assessment of regulatory universal educational actions and the level of self-regulation formation in intellectual activity. Also, among schoolchildren who attended extracurricular sambo classes, there was a slight increase in the level of attention formation.

Conclusions. The possibility of using extracurricular sambo lessons for the purpose of forming regulatory universal educational actions in schoolchildren was determined. Extracurricular sambo lessons are recommended as an effective form of training in the formation of regulatory universal educational actions among 11-12 year old schoolchildren.

Keywords: sambo; extracurricular activities; middle school age; regulatory universal learning activities

*Володина Д.В., кандидат филологических наук, доцент,
Юрьева Ю.С., кандидат педагогических наук, доцент,
Сибирский государственный университет путей сообщения*

ПРИМЕНЕНИЕ СМЕШАННОГО ОБУЧЕНИЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ

Аннотация: данная статья посвящена одному из актуальных вопросов высшего образования, применение смешанной формы обучения при изучении дисциплины «Иностранный язык» в техническом вузе. Авторы статьи на основе теоретического анализа представили свое понимание «смешанного обучения» и его основных моделей, которые были рассмотрены с точки зрения эффективности обучения иностранного языка. В работе были выделены критерии, в соответствии с которыми сравнивали смешанное и традиционное обучения. Целью данной работы было проанализировать и сопоставить смешанное и традиционное обучение, а также выявить, на формирование, каких общеучебных и языковых навыков в большей степени влияет данная форма обучения при изучении дисциплины «Иностранный язык». С этой целью было проведено исследование, результаты которого представлены в статье. Кроме того, в данной работе авторами была предпринята попытка выявить степень вовлеченности обучающихся в образовательный процесс в смешанной форме обучения.

Ключевые слова: смешанное обучение, традиционное обучение, иностранный язык, технический вуз, модели, общеучебные навыки, языковые навыки, электронные формы обучения, инструменты/средства обучения

Развитие информационных технологий оказали огромное влияние на все сферы жизнедеятельности человека, и система образования, как отражение общественных преобразований, не является исключением. Интеграция информационных образовательных технологий с традиционной формой обучения на протяжении долгого времени происходила достаточно равномерно и поступательно. Внедрение интернет технологий, онлайн обучения, элементов дистанционного обучения, электронной обучающей среды (moodle, i-spring) оказали естественное влияние на традиционную форму обучения и модифицировали ее. Несмотря на тот факт, что информационные технологии давно стали неотъемлемой частью нашей жизни, для системы образования они являются явлением новым и не изученным в полной мере. Тем не менее, электронные формы обучения продолжают совершенствоваться, и возможности их использования открывают широкие перспективы как обучающимся, так и преподавателям.

Говоря о развитии системы высшего образования последних десятилетий, стоит отметить, что традиционная форма обучения уже некоторое время применяет информационные образовательные технологии: практически все вузы с различной степенью активности разрабатывают контент для электронных образовательных ресурсов (ЭОР), moodle, i-spring. С одной стороны, это является императивом для образовательного пространства, с другой стороны ЭОР служат в качестве удобного инструмента для оптимизации процесса обучения. Так, в актуальных учебных планах увеличивается доля самостоятельной работы студентов, тогда как объем аудиторной или кон-

тактной работы на некоторых направлениях подготовки заметно сокращается.

Поэтому применение ЭОР в традиционной форме обучения преследует комбинированные цели: сокращение времени работы в аудитории; увеличение мобильности и предоставление доступности. Стоит, однако, отметить, что в данном случае речь идет о применении ЭОР в незначительном процентном соотношении касательно традиционных форм обучения.

Изменения, возникшие вследствие пандемии 2020, поставили систему образования перед необходимостью освоения нового формата – дистанционного, который, сам по себе, не являлся на тот момент совершенно новым: он активно использовался для получения дополнительного профессионального образования, а также для заочного обучения. Абсолютно новым стало его соотношение по отношению к традиционной форме обучения – все ступени образования перешли на дистанционное обучение. С одной стороны, это стало единственной возможностью продолжить процесс обучения и сохранить здоровье как обучающимся, так и преподавателям. А с другой стороны, пандемия выявила проблемы следующего характера: недостаточное количество разработанных электронных курсов и освоенных электронных образовательных платформ; неготовность как преподавателей, так и обучающихся полностью отказаться от традиционных форм обучения. Быстрее всех в данной ситуации сориентировались разработчики электронных платформ (zoom, true conf) – они предоставили свои услуги для образовательных целей [4].

Таким образом, вынужденный переход от традиционного к дистанционной форме обучения

способствовал внедрению смешанной формы обучения, под которым понимается совокупность применения электронного обучения с использованием компьютерных технологий и форм традиционного обучения [3].

Целью нашего исследования является проанализировать и сопоставить смешанное обучение и традиционное. Выявить, на формирование каких общеучебных и языковых навыков в большей степени влияет данная форма обучения при изучении дисциплины «Иностранный язык» в неязыковом (техническом) вузе.

Для достижения данной цели нами были использованы методы теоретического исследования (анализ и синтез научной литературы по данному вопросу) и эмпирического (анкетирование студентов и описание опыта применения смешанного обучения в неязыковом вузе).

Впервые о смешанной форме обучения (blended/hybrid/web-enhanced learning) заговорили

такие ученые как Пит Шарм, Куртис Бонк и Чарльз Грехем, Барни Баретт, Мартин Оливер и другие, благодаря которым и появилась не только формулировка «гибридное» или «смешанное обучение», но и первый опыт внедрения данной формы в научной сфере. Определение Бонка и Грехема звучит следующим образом: «это форма обучения, совмещающая традиционное обучение в ходе личного общения с обучением посредством компьютерных технологий» [7].

В этой связи смешанное обучение рассматривается, как правило, по принципу сходства или различия с традиционной формой обучения. Мы считаем целесообразным выделить следующие компоненты, сравнение которых позволит определить специфику каждой формы обучения, а именно: инструментальный, методический, процессуальный и оценочный или контролирующий компоненты (рис. 1).

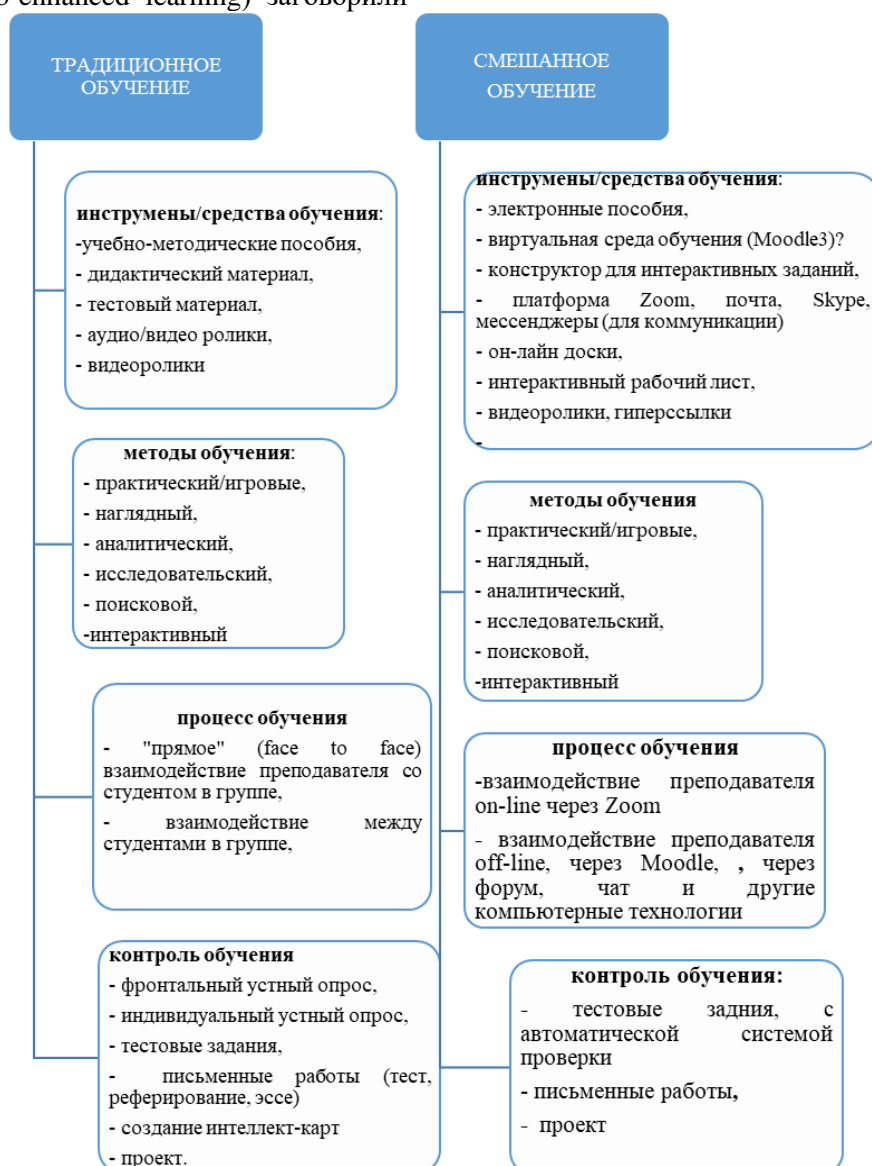

Рис. 1. Сопоставительный анализ смешанной и традиционной форм обучения

Здесь важно отметить, что сочетание традиционного или смешанного обучения может происходить на уровне дисциплины или образовательной программы. В контексте нашей работы рассмотрение функционирования выше упомянутых форм обучения будет происходить на примере дисциплины «Иностранный язык». Изучение иностранного языка в техническом вузе носит преимущественно практико-ориентированный характер и направлен на формирование навыков устной и письменной коммуникации на профессиональную тематику.

Итак, инструменты и средства обучения традиционной и смешанной формы обучения отчасти схожи. Например, учебные (учебно-методические) и электронные пособия, тестовый материал и видео/аудиоролики активно применяются при реализации обеих форм обучения. Виртуальная среда обучения Moodle, конструктор для интерактивных заданий, гиперссылки, платформы Zoom, Teams, электронная почта, мессенджеры являются инструментами только смешанной формы обучения. Рассматривая методический аппарат, нами не было выявлено глобальных отличий, что говорит о том, что применяемые методы по сути своей не отличаются кардинально. Здесь, скорее, уместнее отметить насколько разный инструментарий, необходимый для реализации этих методов – в смешанной форме обучения он более гибкий и разнообразный. Явные отличия наблюдаются же в организации самого процесса: при традиционной форме, взаимодействие между преподавателем и студентом происходит напрямую, что в свою очередь влияет не только на результат обучения, но и на воспитание/становление эмоционального интеллекта, кроме того взаимодействие между самими студентами способствует формированию таких умений как: умение ощущать и поддерживать обратную связь в общении, умение управлять собой, своими психическими состояниями, управлять настроением, то есть, речь идет о контактном обучении.

Касательно смешанной формы обучения следует сказать, что формат взаимодействия преподавателя и студента осуществляется посредством различных компьютерных технологий и чаще обратная связь может происходить с задержкой. Тем не менее, данная форма обучения способствует формированию творческого, активного специалиста, который может принимать решения в любой нестандартной ситуации.

Безусловно, это касается общих установок к процессу проведения занятий. Если же речь идет о достижении конкретных целей для конкретных

задач, необходимо учитывать ожидаемый конечный результат: для формирования навыков диалогической речи (навыка ведения переговоров) походит, скорее, традиционная форма обучения, при которой имитируется ситуация реальной коммуникации, участники могут также проконсультироваться по поводу возникающей коммуникативной проблемы у преподавателя, в то время как для закрепления и контроля сформированности навыков диалогической речи вполне может подойти смешанная форма обучения.

В отношении организации и реализации контроля важно понимать, о каком его виде и цели идет речь. Так, скажем, текущий контроль можно и лучше проводить в традиционной фронтальной форме, чтобы выявить уровень усвоения материала и/или скорректировать при необходимости образовательный процесс в плане использования инструментария для достижения поставленной цели. Для промежуточного контроля вполне оптимальным является смешанная форма – таким образом, студент может отследить свой академический прогресс. Рассматривая контроль выполнения языкового проекта (итоговая форма контроля по дисциплине «Иностранный язык»), важно подчеркнуть, что форма контроля его зависит от этапа его выполнения: на начальных стадиях допустимо применять смешанную форму, в то время как защита языкового проекта должна проходить в традиционной форме в виде устного опроса с ведением дискуссии.

То есть, смешанная форма обучения, будучи достаточно гибкой структурой, позволяет ориентироваться на разные типы обучающихся: тех, кому комфортнее обучаться в привычной среде, взаимодействуя с преподавателем в аудитории, и тех, кто лучше самостоятельно учится при электронной форме обучения. Кроме того, она способствует достижению различных целей на разных этапах их реализации.

Описывая основные характеристики смешанной формы обучения, следует отметить, что студенты при смешанном обучении могут выбрать либо традиционный режим обучения в аудитории, где они могут получить личное взаимодействие с преподавателем и другими студентами, либо они могут выбрать обучение с поддержкой информационных компьютерных технологий. Обычно преподаватель определяет формат в зависимости от рассматриваемой темы и поставленной цели. Важной особенностью смешанного обучения является то, что преподаватели очень динамичны, технически подкованы и полностью обучены работе в форматах традиционного и смешанного обучения. Кроме того смешанное обучение развивает навыки использования современных технологий, т.к. сего-

дня все профессии требуют знаний в области ИКТ, а обучающиеся, участвующие в смешанном обучении, получают возможность использовать имеющиеся технологии в полной мере.

Традиционно, в смешанном обучении принято выделять 4 основные модели: модель взаимодействия лицом к лицу, модель онлайн взаимодействия, ротационная модель/модель ротации, модель перевернутого класса. Рассмотрим подробнее каждую из перечисленных моделей. Первая модель взаимодействия лицом к лицу похожа на традиционную форму взаимодействия преподавателя и обучающегося в аудитории. Данный подход подразумевает, что не у всех обучающихся в группе будут проходить дополнительное онлайн обучение, поскольку оно в основном ориентировано на индивидуальные потребности тех учеников, которые испытывают трудности или хотели бы пойти дальше.

Модель онлайн взаимодействия напрямую противопоставляется традиционному обучению, поскольку она полностью полагается на цифровую форму обучения. Она сочетает в себе как синхронное обучение (вебинары, тренинги и т. д.), так и асинхронное обучение (самостоятельное изучение электронных курсов с элементами самостоя-

тельного контроля обучающимся времени и темпа выполнения заданий). Применяя данную модель обычно нет необходимости в личных встречах, но они также могут быть организованы при необходимости.

Ротационная модель предполагает разбиение группы обучающихся на более мелкие для выполнения различных типов задач на разных этапах по очереди, что позволяет обучающимся с различными типами стилей обучения получить максимальную пользу от обучения.

Модель перевернутого класса комбинирует в себе онлайн и оффлайн обучение, где элементы лекций и практических домашних заданий меняются местами. Обучающимся предлагается изучить новое содержание дома перед занятием, а время в аудитории посвящается активному обучению и применению вновь приобретенных навыков. Это может быть сделано в форме дискуссий, тематических исследований или проектной работы. Задача преподавателей состоит в том, чтобы направлять обучающихся, отвечая на вопросы и поддерживая их в применении концепций курса. Сравнительный анализ основных параметров моделей смешанного обучения представлен в табл. 1.

Таблица 1

Сравнение моделей смешанного обучения

Модель/Навык	Взаимодействие преподаватель студент	Форма взаимодействия (индивидуальная, групповая)	Наличие самостоятельной работы	Синхронность обучения
Онлайн обучение	+/-	индивидуальная/групповая	+	+
Ротационная модель	+	индивидуальная/в малых группах	+	-
Лицом к лицу	+	групповая/индивидуальная	-/+	+
Перевернутый класс	+/-	-/(индивидуальное освоение материала)	+	-

Как следует из табл. 1, модели смешанного обучения предполагают обязательное участие преподавателя в процессе обучения в разной степени активности: немедленная реакция при онлайн обучении и при модели «лицом к лицу», а при использовании оставшихся моделей студенты получают обратную связь в отсроченном формате, на наш взгляд взаимодействие в таком формате с преподавателем может значительно снизить мотивацию студента.

Модель онлайн обучения и лицом к лицу осуществляется в режиме реального времени, т.е. синхронное обучение позволяет получать немедленную обратную связь, что и является ценным. Тогда как ротационная модель и модель перевернутого класса характеризуются асинхронностью обучения. Доступ к образовательному контенту

зависит от наличия интернета, но при его наличии в любое время и из любой точки мира. Данная модель обучения характеризуется большей гибкостью и у обучающихся есть больше времени на изучение материала, что является положительным моментом для самоорганизованных студентов. Модель «перевернутый класс» увеличивает долю самостоятельной работы студентов, что способствует развитию самостоятельности и мотивированности в обучении, кроме того данный подход решает вопрос пассивности студентов. Но при изучении нового материала студент не имеет возможности получить своевременный ответ на возникшие вопросы, кроме того ни все обучающиеся выполняют домашнее задание, соответственно на уроке у них не будет никого интереса. К сожалению, данная модель не всегда будет действенной.

Рассматривая применение смешанной формы обучения на примере дисциплины «Иностранный язык» в Сибирском государственном университете путей сообщения (СГУПС), следует отметить, что преподаватели кафедры «Иностранные языки» органично внедряют элементы электронного обучения, как в аудиторную, так и внеаудиторную деятельность. Под электронными инструментами для осуществления смешанного обучения в вузе используется электронная образовательная платформа Moodle 3 [2], zoom, true conf, ispring. Смешанная форма обучения, на которую вуз осуществляет переход в период пандемии, отражается как на содержании обучения, так и на его результатах.

В данной работе нами предпринята попытка выявить степень вовлеченности обучающихся в образовательный процесс в смешанной форме

обучения и диагностировать его результаты. В качестве объектов эксперимента были выбраны студенты 2 курса специальностей «Эксплуатация железных дорог» и «Строительство железных дорог» СГУПС. Всего были опрошены 43 человека. Выбор данной категории студентов обусловлен тем, что 1 семестр 1 курса обучения в техническом вузе они начали в традиционной форме обучения, затем второй семестр был переведен в дистанционную форму, в 3 и 4 семестрах 2 курса они обучались по смешанной форме. Нашей задачей было выявить особенности уровня усвоения иностранным языком (по видам речевой деятельности и языковым навыкам) и общеучебным умениям в период традиционного и смешанного обучения. Итак, студентам было предложено по 5-балльной системе оценить навыки, используемые в процессе обучения. Результаты приведены в рис. 2.

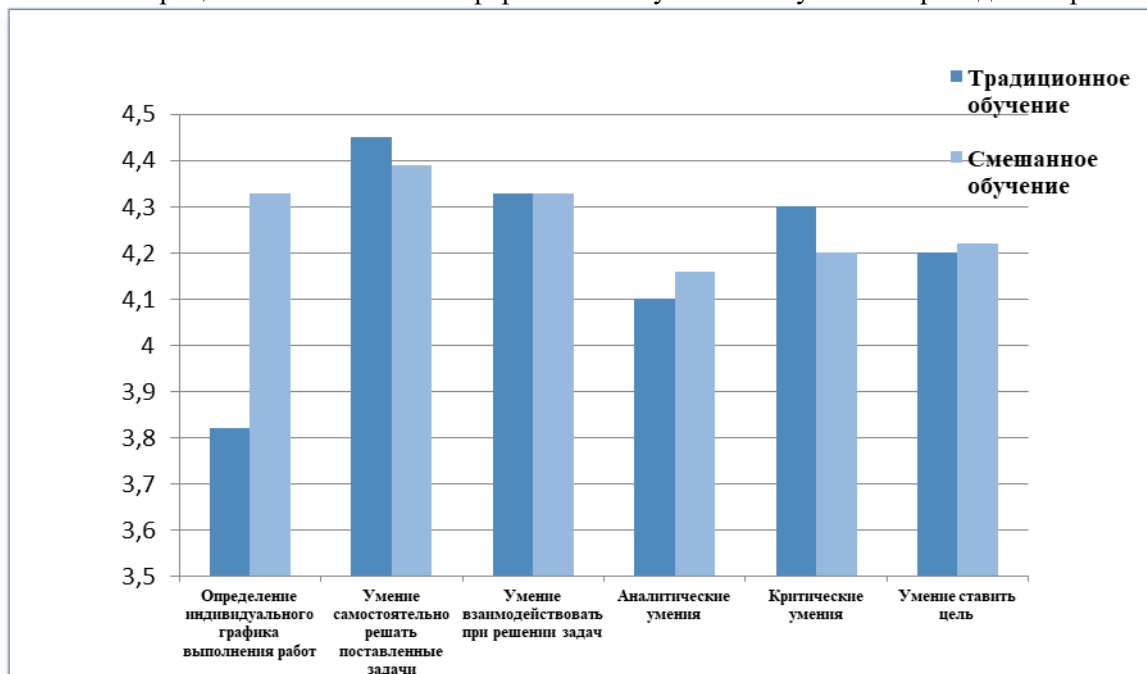

Рис. 2. Сформированность общеучебных навыков в различных формах обучения

Из рис. 2 следует, что основным преимуществом смешанного обучения студенты считают умение определять индивидуальный график работы (4,33 против 3,82 традиционной формы обучения). Также по их оценкам улучшились показатели постановки цели и поиска, отбора и обработки информации. Примечательно то, что неизменным (4,33) с точки зрения студентов осталось умение взаимодействия и сотрудничества при выполнении

поставленных задач. Незначительно снизилась по сравнению с традиционной формой обучения оценка студентов своих способностей при самостоятельном решении поставленных задач и аргументации суждения.

Эти умения нашли свое отражение в качестве усвоения языковых навыков, представленных на рис. 3.

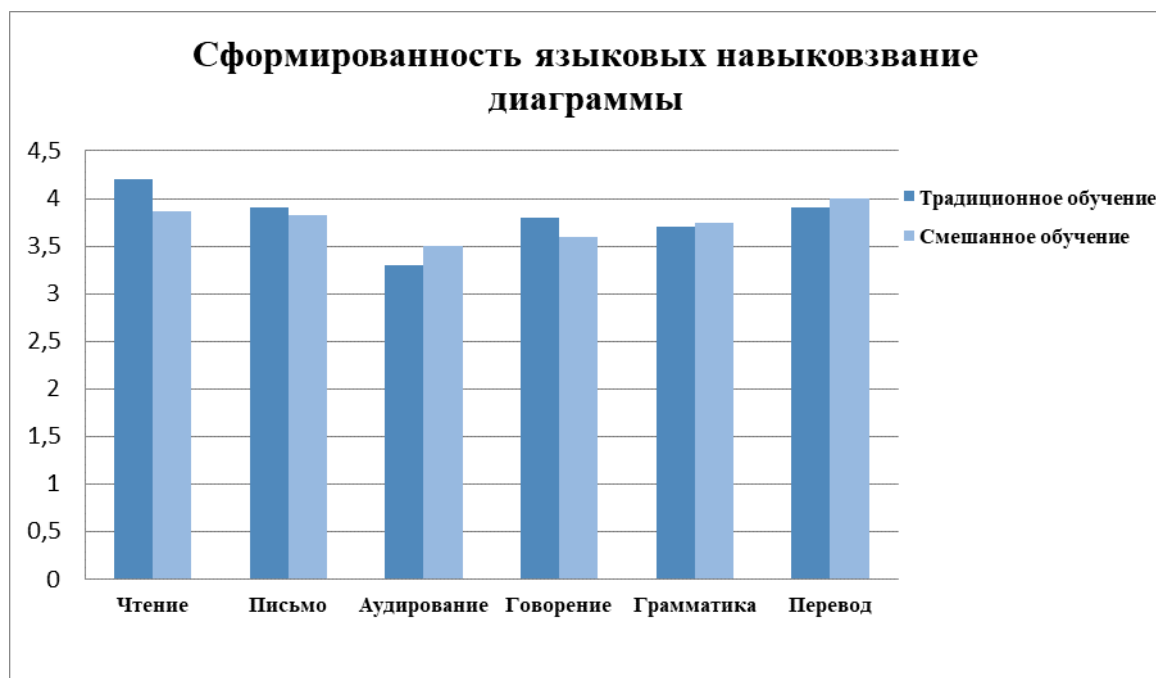

Рис. 3. Сформированность языковых навыков (по видам речевой деятельности)

Согласно данным, представленным на рис. 3, наибольшие положительные изменения в смешанной форме обучения, по мнению студентов, у них произошли в отношении перевода. Далее следуют аудирование и грамматика. По нашему мнению это связано с тем, что при традиционной форме обучения в аудитории не всегда может быть отведено достаточное количество времени на выполнение заданий данных видов деятельности, в то время как в смешанной форме обучения преподаватели выбирают электронные платформы для выполнения подобных работ, тем самым студенты могут выбрать необходимое для каждого из них время на выполнения задания (индивидуальный график работы). Прогнозируемо понизился показатель оценки навыка говорения, так как данный вид деятельности прочно ассоциируется как у преподавателей, так и у студентов исключительно с традиционной формой обучения. Ухудшение по сравнению с традиционной формой обучения навыков письма и чтения можно также объяснить тем, что студенты привыкли к тому, что преподаватели в традиционной форме обучения могут

синхронно исправить возникающие при письме и чтении ошибки фонетического и орфографического характера.

Сравнивая результаты опроса, представленные на рис. 2 и 3, следует отметить следующее: общеучебные умения (определение индивидуальной образовательной траектории, умение ставить цель, работать в команде), сформированные студентами при обучении в смешанной форме, способствуют успешному усвоению языковых навыков.

Таким образом, можно заметить следующую тенденцию: учитывая, что смена любой парадигмы влечет за собой ряд сложностей как объективного, так и субъективного характера, стремительный переход вузов на смешанную форму обучения не представляет собой кардинальную отмену предшествующего опыта в угоду новой реалии. Напротив, находясь в стадии становления, смешанное образование использует наиболее эффективные инструменты и методы традиционного обучения, придавая тем самым новый импульс образовательному процессу.

Литература

1. Аверкова М.А. «Смешанное обучение: возможности и риски. Организация образовательного процесса по технологии на основе моделей смешанного обучения». Пенза, 2020. 44 с.
2. Володина Д.В., Юрьева Ю.С. Возможности применения электронной платформы Moodle при обучении иностранному языку в техническом вузе // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2016. № 8. С. 80 – 89.
3. Володина Д.В., Юрьева Ю.С. Использование электронных средств обучения иностранному языку в системе непрерывного образования в вузах: Теория и практика: Материалы I Международной научно-практической конференции / Под ред. Э.Г. Скибицкого. 2019. С. 95 – 101.

4. Володина Д.В., Юрьева Ю.С. Непрерывное образование в реалиях дистанционного обучения // Современный ученый. 2020. №6. С. 106 – 111
5. Волежжанина И.С., Чусовлянова С.В. Организация дистанционного обучения иностранному языку для профессиональной коммуникации в отраслевом информационно-образовательном пространстве // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения. 2016. № 3 (38). С. 64 – 71.
6. Чусовлянова С.В. Самостоятельная работа студента в виртуальной образовательной среде // В сборнике: Восток – Запад: теоретические и прикладные аспекты преподавания европейских и восточных языков: Материалы Международной научно-практической конференции / Сибирский государственный университет путей сообщения. 2018. С. 41 – 43.
7. Curtis J. Bonk, Charles R. Graham The Handbook of Blended Learning: Global Perspectives, Local Designs // Pfeiffer. 2006 Clark, D. blended Learning: An Epic White Paper [электронный ресурс] // Epic Group plc. 2003. 44 p. <http://www.alapitvany.oktopusz.hu/domain9/files/modules/module15/261489EC2324>

References

1. Averkova M.A. «Smeshannoe obuchenie: vozmozhnosti i riski. Organizaciya obrazovatel'nogo processa po tekhnologii na osnove modelej smeshannogo obucheniya». Penza, 2020. 44 s.
2. Volodina D.V., YUr'eva YU.S. Vozmozhnosti primeneniya elektronnoj platformy Moodle pri obuchenii inostrannomu yazyku v tekhnicheskom vuze. Sovremennye issledovaniya social'nyh problem (elektronnyj nauchnyj zhurnal). 2016. № 8. S. 80 – 89.
3. Volodina D.V., YUr'eva YU.S. Ispol'zovanie elektronnyh sredstv obucheniya inostrannomu yazyku v sisteme nepreryvnogo obrazovaniya v vuzah: Teoriya i praktika: Materialy I Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Pod red. E.G. Skibickogo. 2019. S. 95 – 101.
4. Volodina D.V., YUr'eva YU.S. Nepreryvnoe obrazovanie v realiyah distancionnogo obucheniya. Sovremennyy uchenyj. 2020. №6. S. 106 – 111
5. Volegzhaniina I.S., CHusovlyanova S.V. Organizaciya distancionnogo obucheniya inostrannomu yazyku dlya professional'noj kommunikacii v otraslevom informacionno- obrazovatel'nom prostranstve. Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta putej soobshcheniya. 2016. № 3 (38). S. 64 – 71.
6. CHusovlyanova S.V. Samostoyatel'naya rabota studenta v virtual'noj obrazovatel'noj srede. V sbornike: Vostok – Zapad: teoreticheskie i prikladnye aspekty prepodavaniya evropejskih i vostochnykh yazykov: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Sibirskij gosudarstvennyj universitet putej soobshcheniya. 2018. S. 41 – 43.
7. Curtis J. Bonk, Charles R. Graham The Handbook of Blended Learning: Global Perspectives, Local Designs // Pfeiffer. 2006 Clark, D. blended Learning: An Epic White Paper [электронный ресурс]. Epic Group plc. 2003. 44 p. <http://www.alapitvany.oktopusz.hu/domain9/files/modules/module15/261489EC2324>

*Volodina D.V., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Yuryeva Yu.S., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Siberian State University of Transport*

THE USE OF BLENDED LEARNING IN THE STUDY OF FOREIGN LANGUAGES AT TECHNICAL UNIVERSITY

Abstract: this article is devoted to one of the topical issues of higher education, the use of a blended form of education in the study of the discipline “Foreign language” in a technical university. The authors of the article, based on a theoretical analysis, presented their understanding of “blended learning” and its main models, which were considered from the point of view of the effectiveness of teaching a foreign language. The article highlighted the criteria according to which blended and traditional education was compared. The purpose of this work was to analyze and compare blended and traditional education, as well as to identify which general educational and language skills are more influenced by this form of education when studying the discipline “Foreign language”. For this purpose, a study was conducted, the results of which are presented in the article. In addition, in this work, the authors attempted to identify the degree of involvement of students in the educational process in a blended form of education.

Keywords: blended learning, traditional learning, foreign language, technical university, models, general learning skills, language skills, electronic educational resources, tools of education

*Дашкуева П.В., кандидат педагогических наук, доцент,
Чеченский государственный педагогический университет*

РОЛЬ СЕМЬИ В РАЗВИТИИ МОТИВАЦИИ К УЧЁБЕ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Аннотация: высокий уровень актуальности темы настоящего исследования определяет ряд фундаментальных факторов. И в первую очередь необходимо отметить, что максимальный показатель мотивации к обучению человек начинает демонстрировать в тот момент, когда складывается ситуация, при которой его близкое и дальнее окружение одновременно создают для этого самые благоприятные предпосылки и условия. Близкое окружение постепенно взрослеющего ребёнка в первую очередь представлено семьёй, школьным коллективом, одноклассниками и друзьями. Именно по этой причине можно сделать безусловный вывод о том, что наибольшее влияние на процесс становления и личностного развития ребёнка оказывает именно ближнее окружение. В свою очередь в системе близкого окружения ребёнка фундаментальное значение и влияние оказывается со стороны семьи. Не вызывает сомнений тот факт, что семьи бывают разными, и такого рода отличия в некоторых случаях бывают колоссальными. Такой значимый показатель как состав семьи, а также взаимоотношения, которые в такой семье складываются между её членами и с окружающими, определяют, в конечном итоге то, как человек будет относиться к окружающему миру, видеть всё в позитивном или отрицательном ключе, а также на основании указанной взаимосвязи и особенностей протекает процесс становления взглядов и позиции человека, формируется его система взаимоотношения с окружающими.

Ключевые слова: развитие, мотивация, процесс образования, семья, влияние

Социализацию необходимо рассматривать в качестве продолжительного процесса, который демонстрирует свой непрерывный характер и протекает в течение всей жизни человека. Говорить о человеке, как о сформировавшейся личности можно только тогда, когда он пройдёт определённый этап социализации, что предполагает определённое время общения и взаимодействия с окружающими людьми. Не представляется возможным реализовать процесс духовного, социального и психического развития человека, если он будет находиться за пределами социума. В целом подобную позицию, согласно которой именно среда имеет предопределяющее значение в процессе становления личности, поддерживают все педагоги мира, при этом противоречия в их позициях прослеживаются лишь только в том, что представители научного сообщества говорят о различном уровне влияния, которое оказывает среда.

По мнению специалистов, социология выступает в качестве такого научного течения, которое демонстрирует свой многоаспектный характер. Ключевая задача, что нужно решить в процессе развития и заключается в том, чтобы осуществить максимально глубокое исследование института семьи и брака. Таким образом, уже в древние времена первые ученые и философы, размышляя над сутью и содержанием всего того, что их окружает, акцентировали внимание на исследование таких значимых вопросов, как:

- Что именно следует понимать под семьёй?
- Условия и предпосылки возникновения семьи как таковой?

- Определение ключевых этапов, при поступательном прохождении которых возник институт семьи?

- Характерные особенности, присущие семейному институту, который имеет место на современном этапе развития человека?

Безусловно, на этом перечень ключевых вопросов не исчерпывается, так как продолжать его можно бесконечно долго, мы выделили те, что, по нашему мнению, являются наиболее значимыми.

Ранее в работе мы уже отмечали, что представители философского научного течения и в целом представители научного сообщества древних лет, уже в тот период активно интересовались изучением основных аспектов института семьи. Так, свою философскую концепцию по этому поводу развивали Платон и Аристотель, а в последующие исторические эпохи изучением семьи занимались Конт, Спенсер, Морган, Баховен, Маркс, Энгельс, Дюркгейм и пр.

XX век также выступил в качестве переломного момента, в результате чего интерес к рассмотрению института семьи среди представителей научного сообщества вновь актуализировался, что было обусловлено большим количеством специфических характерных признаков, присущих именно этой эпохе.

В древние же времена Аристотель, рассматривая институт семьи и погружаясь в философские размышления по этому поводу, отмечал, что общество и государство как таковые возникли в результате существенного расширения института семьи. Именно поэтому, можно сделать весьма

обоснованный вывод о том, что государство и общество берут своё начало из рода, то есть из достаточно большой первобытной семьи [1, с. 64].

Наличие характерной взаимосвязи между институтом семьи и обществом также подтверждается тем, что семью саму как таковую представляется возможным рассматривать в качестве своеобразного уменьшенного до минимума общества.

Так, вряд ли кто-то опровергнет высказывание о том, что в процессе жизни семьи обеспечивается реализация определенных социальных функций в её границах, семья в целях своего выживания осуществляет различные виды хозяйственной деятельности, которая в свою очередь производится в соответствии с принятыми именно в этой семье принципами разделения труда, некоторые члены семьи наделены определенными властными полномочиями и реализуют управленческий функционал, тогда как другие члены семьи находятся в подчинении более старших и значимых членов. Также в границах семьи принимаются меры для сохранения и передачи в дальнейшем молодым поколениям семейных культурных традиций, принятого именно в границах этой семьи порядка ведения быта, устанавливается свой порядок взаимодействия с окружающим социумом и т.д.

В момент появления человека на свет, его нельзя назвать личностью, которая социализировалась в обществе, можно отметить, что новорождённый младенец это только биологическое существо, но затем, поступательным образом переходя от одного этапа взросления к другому, малыш также поступательно проходит все основные этапы социализации, так протекает процесс его личностного становления, и в конечном итоге в определённый момент его уже можно назвать существом социальным. Таким образом, на этом основании можно сделать вывод о том, что одна из отличительных особенностей семьи заключается в том, что ей одновременно присуще биологическое и социальное. Одна из фундаментальных функций, которая реализуется за счёт семьи, подразумевает под собой функцию посредническую, так как именно семейный институт можно назвать проводником, при помощи которого каждый отдельный человек получает возможность взаимодействовать с обществом.

Таким образом, именно в условиях семьи в силу того влияния, которое семья оказывает на человека, он занимает определенную общественную позицию, становясь при этом полноправным членом социума.

Ещё одна значимая функция, которую выполняет семья, подразумевает под собой функцию оградительную, так именно за счет семейного института человек получает надлежащую защиту от

негативного воздействия, которое может быть оказана обществом, а также создает необходимые условия для сохранения индивидуальности каждого отдельного человека.

В силу этого мы можем отметить, что семья, демонстрирует необычайно высокий уровень социальной значимости, так как именно оно является одним из решающих факторов в процессе общественного развития. На этом основании семья рассматривается и изучается не только в границах социологии, но и в ряде смежных научных областей. Так, представляют собой объект пристального научно исследовательского интереса, семья с точки зрения обеспечения её изучения, стоит на стыке таких научных течений, как философия, история, антропология, этнография, демография, социальная психология и статистика и, безусловно, социология [13, с. 65].

Ранее в работе мы уже отмечали, что семейный институт характеризуется своей многоаспектностью, так как процесс его становления протекал достаточно продолжительный период времени, по мере исторического эволюционирования родоплеменных отношений, когда также поступательным образом развивались материальные и духовные отношения между супругами, между родителями и детьми, между кровными братьями и сестрами. В настоящий момент этот особенный тип отношений представители научно-практического сообщества обозначают при помощи следующих понятий «супружество», «родительство», «родство». В свою очередь указанные отношения и их определения в дальнейшем применяются, для того чтобы сформулировать исчерпывающее определение семьи как таковой.

На сегодняшний день представители научного сообщества в процессе своей научной деятельности смогли разработать обширный перечень определений семьи. В контексте достижения целей настоящего исследования, по нашему мнению, целесообразнее всего использовать следующую формулировку определения термина "семья": семья – это объединение двух или более людей, в основе которого лежат брачные, родительские и родственные отношения, члены такого объединения находятся в состоянии тесной взаимосвязи друг с другом, так как их связывает совместный быт, они имеют общие места проживания, реализуют совместные имущественные отношения, стараются в той или иной форме поддерживать друг друга.

Именно на этом основании мы можем сделать вывод о том, что только в том случае, когда при исследовании некоторого объединения людей, будет получено возможность доказать наличие всех указанных выше признаков, только в этом случае

можно рассматривать такое объединение людей именно как семью. Также ранее в работе мы уже отмечали, что современный исторический период развития человеческого сообщества отличается большим количеством специфических черт и признаков и по этой причине обозначенное выше понятие нередко применяется для того, чтобы использовать его в отношении неполных семей, в частности, таких семейных институтов, где отсутствуют дети, или институты семьи, где воспитанием ребёнка занимается один из родителей [3, с. 67].

Представители научного сообщества также разработали многоаспектную классификацию семьи, которая включает в себя четыре группы семей. Каждая из обозначенных групп в свою очередь проявляет разную степень адаптации к условиям социума, когда уровень такой адаптации может быть высоким, средним, низким и очень низким. Таким образом, на этом основании выделяются семьи благополучные, семейные институты, которые входят в группу риска, неблагополучные семьи, и асоциальные.

Определяя благополучную семью, можно отметить, что её основная отличительная особенность заключается в том, что процесс выполнения функций в границах семейного института реализуется бесперебойно и только при наступлении некоторых критических ситуаций привлекается социальный педагог. Благополучная семья в большинстве случаев демонстрирует высочайший уровень потенциальной способности к адаптации, за счёт существенного материального, психологического и другого потенциала, сосредоточенного в её руках. В результате чего такой семье не требуется значительного периода времени для адаптации к возникающим у ребёнка потребностям, и посему процесс воспитания ребёнка и его развития также реализуется бесперебойно и с достижением наиболее высокого уровня эффективности.

Определяя специфические черты, присущие семьям, относящимся к группе риска, прежде всего, можно заметить, что речь в данном случае пойдет о том, что такие семьи демонстрируют в той или иной мере значительные отклонения от принятых норм. На этом основании можно сделать вывод о том, что такие семьи являются в той или иной мере неблагополучными. В эту категорию необходимо включить неполные семьи, семьи, которые имеют низкий материальный достаток и прочие аналогичные семейные институты, по причине того, что в силу влияния указанных выше факторов, адаптивные способности таких семей снижаются, а порой и вовсе становятся минимальными. По этой причине при решении задачи, связанной с воспитанием и обеспечением максимального раз-

вития ребёнка, семьи из группы риска вынуждены сосредотачивать весь совокупный свой потенциал и проводить трудоемкую работу в области решения указанных задач, в силу чего потребность в привлечении социального педагога здесь будет гораздо более высокой. Также социальный педагог в данном случае будет решать такие фундаментальные задачи, как организация и реализация на непрерывной основе мониторинга для отслеживания состояния семьи; отслеживание, фиксация и принятие мер для устранения факторов дезадаптирующего порядка; выявление скрытых потенциальных источников и положительных характеристик, которые могут быть направлены на то, чтобы устранить влияние со стороны негативных факторов. Социальный педагог в процессе своей деятельности направлен, прежде всего, на то чтобы оказывать таким семьям посильную помощь.

Неблагополучные семьи могут демонстрировать низкий социальный статус в той или иной области жизни, при этом иногда на практике складываются такие ситуации, когда невысокий или минимальный статус неблагополучная семья демонстрирует в нескольких сферах жизни, в результате чего она не обладает никакими потенциальными возможностями, которые позволят должным образом решить задачу по воспитанию и обеспечению становления личности своего ребёнка, также способности к адаптации у таких семей являются минимальными, в некоторых случаях таких возможностей у них попросту нет.

Таким образом, в процессе воспитания ребёнка в условиях неблагополучных семей, указанная деятельность испытывает на себе влияние со стороны широкого спектра негативных факторов, сам по себе воспитательный процесс никакого значимого эффекта не приносит. По этой причине на социальный педагог должен находиться с такими семьями в состоянии постоянного взаимодействия, помогая им в решении возникающих проблем, а также оказывая помощь и содействие в процессе воспитания.

Безусловно, асоциальные семьи есть такой вариант семейных институтов, который является максимально сложным и одновременно максимально отрицательным. Реализовать с такими семьями процесс, какого бы то ни было взаимодействия, практически не представляется возможным, сам по себе подобный семейный институт необходимо перестраивать на корню. Родители в асоциальных семьях в большинстве случаев ведут аморальный образ жизни, связаны с криминалом, жилищно-бытовые условия их ужасны, ни о какой санитарии и гигиене говорить не представляется возможным, дети предоставлены сами себе, никто не заботится об их пропитании, зачастую дети в

таких семьях отстают в развитии, является педагогически запущенными, и что самое страшное, нередко эти дети являются жертвами насилия.

Для налаживания продуктивной работы с такими семьями недостаточно усилий одного социального педагога, здесь работа с семьёй организуется в системе: социальный работник – правоохранительные органы – опека и попечительство [4].

Можно разработать ещё одну условную классификацию, когда в качестве критерия для деления будет выступать число родителей в семье: на этом основании семья может быть полной, когда воспитанием ребёнка занимаются оба родителя проживающие вместе; неполная семья – родители могут развестись, или кто-нибудь из родителей может умереть и др. причины.

Большое количество проблем также возникает в неполных семьях. Как показывают результаты проведенных исследований, каждый член неполной семьи находится в депрессивном состоянии той или иной степени интенсивности, это обусловлено нарушением привычного уклада жизни после ухода одного из родителей и разрывом эмоционально значимых отношений.

Наибольшее количество неполных семей в условиях российской действительности включают в себя семьи, где он присутствуют мать и ребёнок или несколько детей. На этом основании можно сделать вывод о том, что неполную семью можно назвать неполной материнской семьёй. Также как показывают исследования в материнских семьях, личность ребёнка уже во время этапа раннего детства подвергается значительной деформацией, что обусловлено издержками воспитания в такой семье.

Основная особенность и положительная черта благополучной семьи заключается в том, что мама в ней отвечает за создание положительного эмоционального фона, обстановки понимания и доверия между всеми другими членами семьи, папа же в такой семье является непререкаемым авторитетом, именно он контролирует поведение других членов семьи, вносит по своему усмотрению коррективы.

Таким образом, если отец в семье отсутствует, возникает существенная опасность того, что у ребёнка будут развиваться разнообразные по своему характеру отклонения в ходе психического развития. Некоторые представители научного сообщества в своих работах и вовсе отмечают, что при воспитании ребёнка в материнской семье, где отсутствует отец, дефицит мужского внимания в последующие периоды взросления ребенка может быть выражен в следующих формах:

- нарушения в интеллектуальной сфере;

- чрезмерная привязанность ребенка к матери [2, с. 115].

Основные особенности интеллектуального развития ребёнка, которые воспитываются в условиях неполной семьи, можно наиболее ярко наблюдать в период школьного детства, так как именно на данном этапе малышу необходимо проявлять наиболее интенсивную умственную активность.

Поэтому в ситуации, когда ребёнок утрачивает связь с отцом именно в указанный период, математические способности ребенка испытывают на себе наибольшее отрицательное воздействие, обусловленное влиянием этого фактора

Кроме того, мать ребёнка в данном случае также будет находиться в состоянии дисгармонии, что обуславливает существенное негативное влияние на процесс становления личности ребёнка. Такое развитие событий обусловлено тем, что нередко взрослые рассматривают детей в роли наиболее удобного объекта, на которого можно выплеснуть все накопившиеся отрицательные эмоции, возникшие в результате необходимости переживания ситуации расставания с супругом (-ой).

Родители здесь вовсе не заботятся о том, что ребёнок также находится в состоянии глубокого стресса, он страдает ему страшно от того, что его семья разрушается. Развод родителей, даже если он протекает относительно гладко, дети расценивают как ситуацию надлома, что в свою очередь провоцирует такие эмоциональные переживания, которые будут с ребёнком в течение всей его дальнейшей жизни.

Также врачи по результатам своих исследований и наблюдений отмечают, что здоровье ребёнка является объектом сильнейшего влияния со стороны стрессовой ситуации, обусловленной разводом родителей. Так, накопленная к настоящему моменту статистика свидетельствует о том, что у одного из пяти детей, которым поставлен диагноз невроз в детском возрасте, в определенный момент своей жизни пережил ситуацию разлуки с родителями. Также статистика свидетельствует, что дети из неполных семей зачастую страдают различными психическими расстройствами и невротическими реакциями, всё это может быть выражено в различных фобиях, в нарушении сна, в агрессии и злобе, склонности к насилию и т.д. Также такие дети в большинстве своём испытывают наиболее интенсивное чувство одиночества и утраты.

Психологический микроклимат, который складывается в семье, имеет определяющее влияние при реализации процесса воспитания детей, так как именно в условиях семьи в сознании ребенка закладываются основы нравственности, эстетики и этики и пр.

Проанализировав все представленные выше виды семьи, можно отметить, что ключевые особенности, которые характерны для благополучной полноценной семьи заключаются в том, что такая семья является полной, взаимоотношения между членами семьи являются сильными интенсивными и эмоционального положительными, все члены семьи готовы при необходимости объединить усилия, для того чтобы бороться с возникающими трудностями и адаптироваться к изменившейся обстановке.

А в условиях неполной семьи такие черты для неё будут не характерны, но при этом будет иметься множество негативных предпосылок и тенденций.

Чаще всего в ситуации потери ребёнком отца в наибольшей степени негативное влияние подобная ситуация оказывает на процесс умственного развития малыша. Таким образом, если наступает ситуация, когда ребенок лишается отца по причине его смерти, именно это оказывает наиболее сильное негативное влияние на успехи ребенка в школе, в том случае, если эта ситуация развивалась в

момент поступления ребёнка в школу или в течение первых нескольких лет школьного обучения. Ситуация воспитания ребёнка в материнской семье также характеризуется тем, что в силу отсутствия мужчины в семье сильнейшее влияние указанный аспект оказывает на то, как у ребёнка будет сформирован интерес к учебе и дальнейшему образованию [6, с. 94].

Так как в результате потери отца в условиях семьи нарушается психологический микроклимат, дети вынуждены испытывать сильнейший стресс, их преодолевают внутренние переживания, в результате всё это оказывает наиболее сильное влияние на степень мотивации к учебе.

По результатам производства аналитической оценки всех осуществленных за последний период времени исследовательских мероприятий в изучаемом направлении мы смогли установить, что семья является базовым институтом социальной среды и оказывает прямое и наиболее сильное воздействие на показатели мотивации детей младшего школьного возраста.

Литература

1. Бреслав Г.М. Эмоциональные особенности формирования личности в детстве: Норма и отклонения. М.: Педагогика, 2010. 228 с.
2. Брэдвей Л. Как научить ребенка учиться. М.: ЮНВЕС, 2013.
3. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. М., 2008.
4. Мир детства: Младший школьник. М.: Педагогика.2001. 221 с.
5. Мухина В.С. Детская психология. М., 2010. 352с
6. Учебная деятельность младшего школьника / Под ред. Ю.З. Гильбуха. Киев: Наукова Думка, 1993.
7. Эльконин Д.Б. Психология обучения младшего школьника. М.: Просвещение, 1974.

References

1. Breslav G.M. Emocional'nye osobennosti formirovaniya lichnosti v detstve: Norma i otkloneniya. M.: Pedagogika, 2010. 228 s.
2. Bredvej L. Kak nauchit' rebenka učit'sya. M.: YUNVES, 2013.
3. Bozhovich L.I. Lichnost' i ee formirovanie v detskom vozraste. M., 2008.
4. Mir detstva: Mladshij shkol'nik. M.: Pedagogika.2001. 221 s.
5. Muhina V.S. Detskaya psihologiya. M., 2010. 352s
6. Uchebnaya deyatel'nost' mladshego shkol'nika. Pod red. YU.Z. Gil'buha. Kiev: Naukova Dumka, 1993.
7. El'konin D.B. Psihologiya obucheniya mladshego shkol'nika. M.: Prosveshchenie, 1974.

*Dashkueva P.V., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Chechen State Pedagogical University*

THE ROLE OF THE FAMILY IN THE DEVELOPMENT OF LEARNING MOTIVATION OF YOUNG SCHOOL CHILDREN

Abstract: the high level of relevance of the topic of this research is determined by a number of fundamental factors. And first of all, it should be noted that a person begins to demonstrate the maximum indicator of motivation for learning at the moment when a situation arises in which his close and distant surroundings simultaneously create the most favorable prerequisites and conditions for this. The close environment of a gradually maturing child is primarily represented by family, school staff, classmates and friends. It is for this reason that an unconditional conclusion can be made that the closest environment has the greatest influence on the process of formation and personal development of a child. In turn, in the system of the child's close environment, the fundamental importance and influence is from the family. There is no doubt that families are different, and such differences in some cases are colossal. Such a significant indicator as the composition of the family, as well as the relationships that develop in such a family between its members and with others, ultimately determine how a person will relate to the world around him, see everything in a positive or negative way, as well as on the basis of the specified relationship and characteristics, the process of formation of the views and position of a person proceeds, his system of relationships with others is formed.

Keywords: development, motivation, education process, family, influence

*Пугачев И.Ю., кандидат педагогических наук, доцент,
Военный институт физической культуры,
Васильченко О.С., старший преподаватель,
Кубанский государственный университет
физической культуры спорта и туризма,
Разновская С.В., кандидат биологических наук,
Петрозаводский государственный университет,
Парамзин В.Б., кандидат педагогических наук, доцент,
Краснодарское высшее военное училище*

МЕТОД «ПРОСЕИВАНИЯ» В ВЫБОРЕ ИНФОРМАТИВНЫХ ТЕСТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ ФИЗИЧЕСКОГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Аннотация: в статье рассмотрены актуальные предпосылки к применению наиболее прогрессивного и объективного кибернетического метода дифференцированного подбора разнонаправленных физических упражнений для оптимального комплексного педагогического контроля результатов процесса физического совершенствования обучающихся с точки зрения обоснования критериев «должных величин». Основной научной концепцией являлся метод «просеивания», заключающийся в биометрическом поэтапном сравнении данных множественных и частных коэффициентов корреляции. Метод наиболее объективен в определении интегрального показателя, объединяющего различные уровни развития физических, функциональных и антропометрических качеств, в связи с тем, что обучающиеся имеют гетерохронные уровни функционального состояния и подготовленности, а процесс физического совершенствования представляет прямолнейное повышение трудности нормативов, от курса к курсу. Это противоречие требует более конкретный и информативный подбор упражнений, входящих в проверочные комплексы, которые объективно оценивают общее физическое состояние обучающихся с учетом возрастных, половых, функциональных и антропометрических показателей. Теоретической основой исследований являлись научные данные по проблемам педагогической оценки и оценочной деятельности педагога (Б.Г. Ананьев, Н.В. Кузьмина), теории физической подготовки (Т.Г. Джамгаров, Л.А. Вейднер-Дубровин и др.), проверки и оценки физической подготовки (Р.М. Кадыров, Ю.К. Демьяненко), теории тестирования двигательных способностей (Е.Я. Бондаревский, М.А. Годик, и др.), концепции «минимизации» (В.Л. Марищук), теории пластического обеспечения функций организма (Ф.З. Меерсон), теории адаптации (Ф.З. Меерсон, В.П. Казначеев и др.), теории гетерохронности (Л.С. Выготский, Б.Г. Ананьев и др.).

Предложенный научно-методический подход позволил получить максимальную информацию о характере физической подготовленности с учетом функционального состояния организма и антропометрического развития обучающихся высшей школы при минимально возможном числе контрольных упражнений. Кроме того, данный принцип обеспечил отбор наиболее значимых тестов.

Ключевые слова: обучающиеся высшей школы, педагогический контроль, биометрический анализ, информативные тесты

Введение

Наиболее актуальным направлением исследований в области физического воспитания является нормативная база проверки и оценки уровня развития как отдельных физических и специальных качеств, так и общей физической подготовленности обучающихся на процессуальном этапе учебного процесса [5, 9, 12-15]. Простота, точность и объективность оценки физического состояния учащихся является основой дальнейшего планирования, организации и обеспечения процесса физической культуры, а динамика результатов отражает качество и компетентность руководства и управления системой физического совершенствования молодежи, способствуя формированию их мотивации к полноценным занятиям [10].

На сегодняшний день анализ специальной литературы по изучению вопросов системы проверки и оценки выявил несколько наиболее часто применяемых концепций, в зависимости от объективных и субъективных факторов образовательной деятельности, а также научных исследований, проводимых на отдельно взятом этапе [1, 2]. Исследуемые проблемы проверки рассматриваются как оценочная деятельность педагога при опросе или выполнении определённого задания (теста, упражнения) учеником, определения метрологических свойств тестов, критериев физической подготовленности, обучающихся [4]. Наиболее яркими концепциями и теориями в построении процесса оценивания является теория специальной направленности, методология построения долж-

ных норм, теория тестов и оценок физической подготовленности, которые предполагают выбор контрольных упражнений и нормативную шкалу оценивания, где результат соответствует определенному баллу [3, 11]. Но в связи с отсутствием разработок по объективной дифференциации критериев по подбору разнонаправленных контрольных упражнений, составление проверочных комплексов для учащихся разрабатывается крайне фрагментарно.

С ростом требований к определению интегрального показателя, объединяющего различные уровни развития физических, функциональных и антропометрических качеств, а также различные уровни подготовленности обучаемых и линейного повышения трудности нормативов от курса к курсу (семестра к семестру), возрастает необходимость рассмотрения возможности разработки и применения научного обоснования к оптимальному педагогическому контролю процесса физического совершенствования с точки зрения обоснования критериев «должных величин» при гетерохронном развитии различных физических качеств [6-8]. Основной научной концепцией исследования является метод «просеивания», заключающийся в биометрическом поэтапном сравнении данных множественных и частных коэффициентов корреляции.

В этой связи целью исследования являлось обоснование научно-методического подхода (технологии) разработки информативных контрольных тестов педагогического контроля физической подготовленности обучающихся высшей школы для определения критериев управления процесса их физического совершенствования.

Методика исследования

В процессе исследования использовались тео-

ретические методы (анализ и синтез, абстрагирование и т.п.), моделирование, прогнозирование, тестирование физической подготовленности, педагогическое наблюдение, педагогический эксперимент, статистическая обработка результатов.

Результаты исследования

На первом этапе разрабатывалась методика педагогического контроля, проводилось практическое тестирование и математико-биометрическая обработка полученных результатов. Проанализированы репрезентативные результаты тестирования 998 обучающихся по упражнениям, характеризующим основные физические качества из гетерогенных разделов физической подготовки.

В контексте работы следует отметить, что в практике физической подготовки весьма важно определить основные контрольные упражнения, косвенно характеризующие специальные задачи при отсутствии достаточно выраженного внешнего критерия. При этом, руководствуясь исследованиями Р.М. Кадырова [3] о представлении моторики человека как модернизируемого «n-мерного континуума», можно предположить, что основными являются моторные действия, в наилучшей степени отражающие интегративную совокупность двигательных заданий.

Статистические параметры результатов физической подготовленности обучающихся, полученные по выполнению наиболее значимых и традиционно используемых контрольных упражнений, представлены в табл. 1. В частности, первым значимым тестом выделилось упражнение «прыжок ноги врозь через коня (козла) в длину», при этом коэффициент множественной корреляции (КМК) соответствовал частным коэффициенту корреляции между тестом и составным критерием (суммарный балл по всем упражнениям) – 0,709.

Таблица 1

Статистические параметры значимых упражнений, выполняемых обучающимися высшей школы

№№ упр	Упражнения (тесты)	Статистические параметры			
		X	δ	V %	m
1	Плавание на 100 м (мин, с)	1,17	16,0	13,6	1,5
2	Бег 1 км (с)	212,8	12,2	5,7	1,2
3	Бег 100 м (с)	14,3	0,5	4,0	5,4
4	Подъем переворотом на перекладине (кол-во раз)	4,0	1,4	36,6	0,14
5	Лыжная гонка на 10 км (с)	3143,0	209,8	6,6	19,9
6	Упражнение на перекладине (балл)	4,5	1,8	33,1	0,1
7	Упражнение на брусьях (балл)	4,1	1,4	24,1	0,14
8	Упражнение в прыжке через коня (козла) в длину (балл)	3,5	1,6	29,7	0,15

Следующим значимым тестом явилась лыжная гонка на 10 км. Уравнение приняло вид:

$$Y = 22,02 + 0,46 X_8 - 0,055 X_2 - 0,0024 X_5,$$

где, X_2 , X_5 , X_8 – порядковый номер расположения

упражнений, подвергнутых биометрическому анализу. Коэффициент множественной корреляции при этом составил 0,875 (табл. 2).

Таблица 2

Изменение коэффициентов частной и множественной корреляции значимых упражнений

№№ упр	Эквивалентное равенство	ЧКК – «частный коэффициент корреляции» (усл.ед)	КМК – «коэффициент множественной корреляции» (усл.ед)
8	$y = 22,02 + 0,46x_8 + 0,0024x_5$	0,702	0,709
5		0,675	0,875
2		0,648	0,917

Третьим по значимости идентифицирован тест, характеризующий скоростную выносливость – бег на 1 км.

Уравнение множественной регрессии имело следующий вид:

$$Y = 15,61 + 0,48 X_1 - 0,062 X_2,$$

где:

Y – суммарный балл;

X_{81} – результат в упражнении «прыжок через коня (козла)»;

X_2 – результат в беге на 1 км.

Заметим, что коэффициент множественной корреляции увеличился до 0,917.

Следующими по значимости тестами выделились гимнастические упражнения, плавание на 100 м вольным стилем, подъем переворотом на перекладине и бег на 100 м. Они в определенной мере эквивалентны ранее выделенным упражнениям, поэтому процесс отбора был прекращен на данном этапе. Надо отметить, что значимость (взаимосвязь с суммарным баллом) упражнения при применении метода «просеивания», считается выше в том случае если ЧКК и КМК остаются почти на одном уровне, при условии высокого уровня ЧКК и уменьшается при повышении КМК.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о

том, что для проверки физической подготовленности обучающихся высшей школы в качестве основных контрольных упражнений, косвенно характеризующих интегративные задачи физического совершенствования, целесообразно выбирать аутентичные тесты, включающие в себя ловкость, быстроту и координационные способности, а также двигательные (моторные) средства на общую и силовую выносливость.

Заключение

Таким образом, предложенный научно-методический подход позволяет получить максимальную информацию о характере физической подготовленности обучающихся высшей школы при минимально возможном числе контрольных упражнений. Кроме того, данная технология обеспечивает отбор наиболее значимых информативных тестов педагогического контроля процесса физического совершенствования обучаемого, в зависимости от специальных задач образовательного процесса.

Представляется, что результаты исследований могут являться научными предпосылками концепции «динамического соответствия тестируемых критериев эффективности управления психофизическим состоянием человека».

Литература

1. Благодаров Д.В., Васильченко О.С. Методические подходы к контролю физической подготовленности лыжников-гонщиков // В книге: Тезисы докладов XLVII НК студентов и молодых ученых вузов ЮФО: Материалы конференции. 2020. С. 182.
2. Горбиков И.И., Яцык В.З., Васильченко О.С., Парамзин В.Б., Разновская С.В. Эффективность различных методик комплексного контроля физического состояния начинающих лыжников в процессе тренировочных сборов // Современный ученый. 2020. № 1. С. 71 – 75.
3. Кадыров Р.М. Критерии проверки и оценки физической подготовленности военнослужащих: дис. ... д-ра пед. наук. Л.: ВИФК, 1991. 314 с.
4. Кадыров Р.М., Пугачев И.Ю., Панков В.П., Малашенко С.А., Солнцев Д.А. Дискуссионные положения проверки и оценки физической готовности военнослужащих к боевой деятельности // В сб.: Военный институт физической культуры – центр подготовки специалистов силовых структур: проблемы, опыт, перспективы: мат-лы ВНИК: в 2-х ч. 2019. С. 123 – 127.

5. Парамзин В.Б. Целесообразность формирования теоретических знаний по физической культуре курсантов и слушателей военно-учебных заведений с помощью экспресс тестов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2007. № 5 (49). С. 68 – 72.
6. Парамзин В.Б., Киселев А.О., Разновская С.В. Характеристика факторов военно-профессиональной деятельности и физического состояния курсантов-девушек, обучающихся в военном училище летчиков // В сборнике: Физическая культура и спорт. Олимпийское образование. Материалы МНПК. 2019. С. 135 – 137.
7. Парамзин В.Б., Болотин А.С., Разновская С.В. Эффективность применения акробатических упражнений для развития и оценки ловкости у студентов летных специальностей // Современный ученый. 2019. № 3. С. 133 – 138.
8. Парамзин В.Б. Васильченко О.С., Разновская С.В. К вопросу об изменении силовых показателей обучаемых в процессе первоначальной адаптации к образовательной деятельности // Материалы научной и НМК ППС КГУФКСТ. 2019. Т. 48. С. 283 – 284.
9. Парамзин В.Б., Васильченко О.С., Разновская С.В. Методика разработки оценочных нормативов выполнения подготовительных упражнений для поэтапного повышения результатов в подтягивании на перекладине // Материалы ННМК ППС КГУФКСТ. 2019. Т. 48. С. 281 – 282.
10. Подгорная А.С., Парамзин В.Б. Признаки заинтересованности студентов в обучении // В книге: Тезисы докладов XLVI НК студентов и молодых ученых вузов ЮФО: Материалы конференции. 2019. С. 53.
11. Пугачев И.Ю. Модернизация биометрических технологий в системе физической подготовки военно-образовательного учреждения // Известия Российского гос. педагогич. ун-та им.А.И. Герцена. 2012. № 152. С. 185 – 195.
12. Пугачев И.Ю., Парамзин В.Б., Васильченко О.С. Разновская С.В. Контроль физической готовности спортсмена на различных этапах спортивной подготовки // Актуальные вопросы научно-методического обеспечения системы подготовки спортивного резерва в РФ: Мат-лы ВНК с международным участием. Казань, 2020. С. 220 – 224.
13. Пугачев И.Ю. Возможности дискретно-математического обеспечения физической культуры и спорта средствами педагогического контроля // В сборнике: Актуальные вопросы физического и адаптивного физического воспитания в системе образования: Сборник материалов II Всероссийской с международным участием НПК. 2020. С. 151 – 156.
14. Пугачев И.Ю. Перспективное направление научных исследований в аспекте педагогического контроля физического состояния человека // В сборнике: Перспективные направления научных исследований в области физической культуры и спорта (теория и практика): Сборник статей Итоговой научно-практической конференции за 2018 г.: в 2-х ч. 2019. С. 95 – 103.
15. Соловьев В.В. Пугачев И.Ю. Инновационный подход к определению технологии оценки физической работоспособности и здоровья специалистов вузов // Ученые записки ун-та им. П.Ф. Лесгафта. 2007. № 8 (30). С. 90 – 92.

References

1. Blagodarov D.V., Vasil'chenko O.S. Metodicheskie podhody k kontrolyu fizicheskoy podgotovlennosti lyzhnikov-gonshchikov. V knige: Tezisy dokladov XLVII NK studentov i molodyh uchenykh vuzov YUFO: Materialy konferencii. 2020. S. 182.
2. Gorbikov I.I., YAcyk V.Z., Vasil'chenko O.S., Paramzin V.B., Raznovskaya S.V. Effektivnost' razlichnykh metodik kompleksnogo kontrolya fizicheskogo sostoyaniya nachinayushchih lyzhnikov v processe trenirovochnykh sborov. Sovremennyyj uchenyj. 2020. № 1. S. 71 – 75.
3. Kadyrov R.M. Kriterii proverki i ocenki fizicheskoy podgotovlennosti voennosluzhashchih: dis. ... d-ra ped. nauk. L.: VIFK, 1991. 314 s.
4. Kadyrov R.M., Pugachev I.YU., Pankov V.P., Malashenko S.A., Solncev D.A. Diskussionnye polo-zheniya proverki i ocenki fizicheskoy gotovnosti voennosluzhashchih k boevoj deyatel'nosti. V sb.: Voennyj institut fizicheskoy kul'tury – centr podgotovki specialistov silovykh struktur: proble-my, opyt, perspektivy: mat-ly VNPК: v 2-h ch. 2019. S. 123 – 127.
5. Paramzin V.B. Celesoobraznost' formirovaniya teoreticheskikh znanij po fizicheskoy kul'ture kursanto i slushatelej voenno-uchebnykh zavedenij s pomoshch'yu ekspress testov. Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2007. № 5 (49). S. 68 – 72.
6. Paramzin V.B., Kiselev A.O., Raznovskaya S.V. Harakteristika faktorov voenno-professional'noj deyatel'nosti i fizicheskogo sostoyaniya kursantov-devushek, obuchayushchihsya v voen-nom uchilishche letchikov. V sbornike: Fizicheskaya kul'tura i sport. Olimpijskoe obrazovanie. Ma-terialy MNPK. 2019. S. 135 – 137.

7. Paramzin V.B., Bolotin A.S., Raznovskaya S.V. Effektivnost' primeneniya akrobaticeskikh uprazhnenij dlya razvitiya i ocenki lovkosti u studentov letnyh special'nostej. *Sovremennyj uchenyj*. 2019. № 3. S. 133 – 138.
8. Paramzin V.B., Vasil'chenko O.S., Raznovskaya S.V. K voprosu ob izmenenii silovyh pokazatelej obuchajemyh v processe pervonachal'noj adaptacii k obrazovatel'noj deyatel'nosti. *Materialy nauchnoj i NMK PPS KGUFKST*. 2019. T. 48. S. 283 – 284.
9. Paramzin V.B., Vasil'chenko O.S., Raznovskaya S.V. Metodika razrabotki ocenocnyh normativov vypolneniya podgotovitel'nyh uprazhnenij dlya poetapnogo povysheniya rezul'tatov v podtyagivanii na perekladine. *Materialy NNMK PPS KGUFKST*. 2019. T. 48. S. 281 – 282.
10. Podgornaya A.S., Paramzin V.B. Priznaki zainteresovannosti studentov v obuchenii. V knige: *Tezisy dokladov HLVI NK studentov i molodyh uchenyh vuzov YUFO: Materialy konferencii*. 2019. S. 53.
11. Pugachev I.YU. Modernizaciya biometricheskikh tekhnologij v sisteme fizicheskoj podgotovki voenno-obrazovatel'nogo uchrezhdeniya. *Izvestiya Rossijskogo gos. pedagogich. un-ta im.A.I. Gercena*. 2012. № 152. S. 185 – 195.
12. Pugachev I.YU., Paramzin V.B., Vasil'chenko O.S., Raznovskaya S.V. Kontrol' fizicheskoj gotovnosti sportsmena na razlichnyh etapah sportivnoj podgotovki. Aktual'nye voprosy nauchno-metodicheskogo obespecheniya sistemy podgotovki sportivnogo rezerva v RF: *Mat-ly VNPk s mezhdunarodnym uchastiem. Kazan', 2020*. S. 220 – 224.
13. Pugachev I.YU. Vozmozhnosti diskretno-matematicheskogo obespecheniya fizicheskoj kul'tury i sporta sredstvami pedagogicheskogo kontrolya. V sbornike: *Aktual'nye voprosy fizicheskogo i adaptivnogo fizicheskogo vospitaniya v sisteme obrazovaniya: Sbornik materialov II Vserossijskoj s mezhdunarodnym uchastiem NPK*. 2020. S. 151 – 156.
14. Pugachev I.YU. Perspektivnoe napravlenie nauchnyh issledovanij v aspekte pedagogicheskogo kontrolya fizicheskogo sostoyaniya cheloveka. V sbornike: *Perspektivnye napravleniya nauchnyh issledovanij v oblasti fizicheskoj kul'tury i sporta (teoriya i praktika): Sbornik statej Itogovoj nauchno-prakticheskoy konferencii za 2018 g.: v 2-h ch.* 2019. S. 95 – 103.
15. Solov'ev V.V., Pugachev I.YU. Innovacionnyj podhod k opredeleniyu tekhnologii ocenki fizicheskoj rabotosposobnosti i zdorov'ya specialistov vuzov. *Uchenye zapiski un-ta im. P.F. Lesgafta*. 2007. № 8 (30). S. 90 – 92.

*Pugachev I.Yu., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Military Institute of Physical Education,
Vasilchenko O.S., Senior Lecturer,
Kuban State University of Physical Education, Sports and Tourism,
Raznovskaya S.V., Candidate of Biological Sciences (Ph.D.),
Petrozavodsk State University,
Paramzin V.B., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Krasnodar Higher Military School*

**METHOD OF "SIFTING" IN THE SELECTION OF INFORMATIVE
TESTS OF PEDAGOGICAL CONTROL PHYSICAL IMPROVEMENT
OF HIGHER SCHOOL STUDENTS**

Abstract: the article considers the actual prerequisites for the use of the most progressive and objective cybernetic method of differentiated selection of multidirectional physical exercises for optimal complex pedagogical control of the results of the process of physical improvement of students in terms of substantiating the criteria of "proper values". The main scientific concept was the "sifting" method, which consists in biometric step-by-step comparison of data of multiple and partial correlation coefficients. The method is the most objective in determining an integral indicator that combines different levels of development of physical, functional and anthropometric qualities, due to the fact that students have heterochronous levels of functional state and fitness, and the process of physical improvement is a straightforward increase in the difficulty of standards, from course to course. This contradiction requires a more specific and informative selection of exercises included in testing complexes, which objectively assess the general physical condition of students, taking into account age, sex, functional and anthropometric indicators. The theoretical basis of the research was scientific data on the problems of pedagogical assessment and evaluative activity of a teacher (B.G. Ananyev, N.V. Kuzmina), the theory of physical training (T.G. Dzhamgarov, L.A. Veydner-Dubrovin, etc.), tests and assessments of physical fitness (R.M. Kadyrov, Yu.K. Demyanenko), the theory of testing motor abilities (E.Ya. Bondarevsky, M.A. Godik, and others), the concept of "minimization" (V.L. Marishchuk), the theory of plastic support of body functions (F.Z.Meerson), adaptation theory (F.Z.Meerson, V.P. Kaznacheev, etc.), the theory of heterochronism (L.S. Vygotsky, B.G. Ananyev and etc.).

The proposed scientific and methodological approach made it possible to obtain maximum information about the nature of physical fitness, taking into account the functional state of the body and anthropometric development of students of higher education with the minimum possible number of control exercises. In addition, this principle ensured the selection of the most significant tests.

Keywords: students of higher education, pedagogical control, biometric analysis, informative tests

*Емельянова Н.Р., кандидат педагогических наук, доцент,
Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина*

ВОСПИТАНИЕ В ГИМНАЗИЯХ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ. В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЫ

Аннотация: в статье показан воспитательный опыт российских гимназий второй половины XIX – начала XX вв. Факты, приведенные в историко-педагогической литературе, позволили сделать конкретные выводы относительно роли и значимости воспитания, организации воспитательного процесса в учреждениях данного типа, представлявшей собой определённую систему, а также об особенностях культурно-образовательной ситуации изучаемого периода в целом. Стремление к реформированию среднего образования, а также возрождение гимназического образования в России сегодня обусловили необходимость изучения системы воспитания дореволюционных гимназий.

Задачами автор видит выявление смысла, содержания, особенностей организации процесса воспитания в мужских и женских гимназиях, отношения к гимназическому воспитанию представителей педагогической мысли. Методологической основой послужили архивные документы и труды современных ученых, затрагивающих принципы дореволюционного воспитания в контексте современного. В этой связи автор затронул ситуацию в сфере школьного воспитания на сегодняшний день.

Представленные материалы могут быть использованы при изучении дисциплины *История педагогики и образования*, курсов по выбору, при организации научно-исследовательской и практической работы студентов, а также в воспитательной работе общеобразовательных учреждений.

Ключевые слова: воспитательная направленность образовательного процесса, регламентация процесса воспитания, система воспитания, наказание, значение гимназии, воспитание в современной школе

Во все эпохи школы оказывали большое влияние на культуру и прогресс в обществе, находясь и сами в центре социальных изменений [15, с. 39].

Развитие гимназического образования во второй половине XIX столетия обусловило возникновение системы гимназического воспитания, способствовавшей формированию качественно новой культурной среды, что затронуло не только столичные, но также губернские и уездные города России.

Как и процесс обучения, воспитательный процесс в гимназиях также был регламентирован различного рода правительственными документами [12, с. 51].

Министром народного просвещения Д.А. Толстым в 1874 г. были утверждены «Правила для учеников» и «Правило о взысканиях», а в 1877 г. – «Инструкции для классных наставников». В этих документах были названы необходимыми для формирования такие качества обучающихся, как уважение к закону, преданность государю и отечеству, чувство чести и др. [7, с. 120].

Многие современные исследователи (Г.Н. Козлова, И.В. Смотров и др.) считают, что воспитание в дореволюционной гимназии было более значимым, чем обучение.

Религиозность, полностью отсутствующая в современной школе, являлась важным звеном в гимназическом воспитании того времени. При приёме в гимназию обязательным требованием являлось знание молитв. В учебных планах гимназий предмет Закон Божий всегда занимал первую

строку, хотя и при небольшом количестве часов [6, с. 75].

В воскресные, праздничные дни и накануне этих дней гимназисты обязаны были посещать Богослужение, а в страстную седмицу исповедоваться и причащаться, о чём гимназическому начальству предоставлялись сведения от священника. Обязательной являлась утренняя молитва до начала уроков [7, с. 121].

М.М. Пришвин, обучавшийся в Елецкой гимназии, вспоминал, что самым главным предметом было поведение, являвшееся даже более важным, чем Закон Божий. Для пребывания в гимназии необходимо было иметь 5 баллов по поведению и Закону Божьему [11, с. 41]. Имеющие 4 балла подлежали негласному контролю, а тройка по поведению предполагала исключение из гимназии без права поступления в какое-либо другое учебное учреждение. Однако в течение учебного года гимназисты могли иметь по поведению оценку «3», но им предоставлялась возможность исправиться в следующем месяце [16]. В настоящее время исключение из школы по причине недостойного поведения является крайне редким, почти невозможным и предусматривает только вопиющие случаи.

Выпускников гимназий, имевших по поведению «4», не принимали в университет, поэтому гимназисты нередко оставались на второй год в выпускном классе для того, чтобы заработать оценку «5» [16]. Сегодня, к сожалению, при приёме в университет поведение не учитывается.

Тремя баллами по поведению оценивались проступки, повлекшие за собой серьёзные меры взыскания (своевольные отлучки, недобросовестное исполнение ученических обязанностей, нарушение правил приличия и др.) [7, с. 197].

Гимназисты были обязаны обращаться друг к другу только на «Вы», приветствовать знакомых снятием фуражки и поклоном головы, быть вежливыми и не разговаривать громко.

Требовалось также соблюдение установленной для всех формы одежды: костюм, фуражка, поясной ремень с пряжкой и шинель. Шапки носить запрещалось, но разрешалось зимой набрасывать на фуражку башлык [16].

Сегодня вежливое общение между обучающимися присутствует фрагментарно, а форма соблюдается приблизительно.

В отличие от современных школьников, гимназистам воспрещалось толпами ходить по улице в свободное от учения время, курить и употреблять хмельные напитки [12, с. 93]. Посетить театр или цирк можно было только с разрешения инспектора гимназии. К наиболее частым видам наказаний относились строгий выговор, лишение обеда или прогулки, стояние на коленях во время урока, арест на несколько часов [13, с. 45].

Преподавателям вменялось в обязанность воспитывать личным примером, поэтому требования к ним были очень высокими. Например, преподавательница немецкого языка была уволена из Елецкой гимназии за курение в присутствии учащихся [7, с. 127]. В сегодняшней же школе стало нормой повальное курение обучающихся.

Возвращаться после каникул надлежало в строго назначенный срок. Ученик обязательно представлял начальству билет, выданный гимназией, в котором родители указывали время его отправления из дома. Если гимназист не явился вовремя и не предоставил сведений о причине отсутствия, то он считался выбывшим и только педагогический совет имел право решать, принимать ли его вновь, учитывая успехи по дисциплинам.

Обучающиеся, отсутствующие на уроках, обязаны были изучить самостоятельно весь пройденный материал. Исключение составлял тот случай, когда в связи с болезнью требовалось прекращение занятий по рекомендации гимназического врача.

Воспитательный процесс контролировал инспектор, избиравшийся из числа опытных учителей. Для наблюдения за гимназистами существовали должности надзирателя, классного наставника и его помощника. Помощник классного наставника наблюдал за учениками в общественных местах во внеурочное время. Он также был обязан посещать дома гимназистов для выяснения причи-

ны отсутствия на занятиях. Поэтому пропуск занятий без уважительных причин был крайне редким. Если гимназия имела пансион, то при нём имелась должность гимназического воспитателя, одного на 0 пансионеров.

Гимназистам г. Ельца разрешалось находиться на улице без родителей только до 18 часов, а для посещения кино или театра разрешение у инспектора можно было взять только на выходной или праздничный день, для чего у учащихся имелись специальные бланки, которые нужно было заполнить. Гимназисту, появившемуся в общественном месте без такого разрешения, которое проверялось дежурившим на улице надзирателем, оценка за поведение снижалась на 1 балл [7, с. 124-125].

В некоторых российских губерниях (Вологодской, Орловской) учащимся гимназий запрещено было находиться на улице после 19 часов без особого разрешения. Полиция задерживала гимназиста даже несмотря на присутствие родителей. Репорт о нарушениях подавался директору гимназии [7, с. 125].

Подобная иерархия должностей для наблюдения за учащимися в общественных местах, наблюдение как таковое, тем более задержание полицией по названной причине в современной ситуации даже не предполагаются.

В 1870-е гг. в российских гимназиях ввели специальные книжки для того, чтобы записывать домашнее задание. Эти книжки являлись некоторым прообразом современных дневников, но отличались тем, что предполагали выставление оценок не только за поведение, но и за внешний вид, прилежание и др. Благодаря подобным книжкам родители были осведомлены о жизни детей в гимназии, содействуя тем самым воспитательному процессу [16], чего нельзя сказать о ситуации в современной школе.

Наиболее частым видом наказания было «оставление» в гимназии на 1 час с сообщением об этом родителям. Обычным являлось заключение в карцер от 1 до 4 часов с выполнением письменного задания, а иногда – до 8 часов с содержанием на чёрном хлебе. Использовались также задержание в гимназии в воскресные и праздничные дни до 3 часов и выговор классного наставника с занесением в штрафной журнал [18].

Чаще всего наказания применялись за общение с педагогом в грубой форме [7, с. 128]. В архивных документах Орловской мужской гимназии не упоминаются взыскания за курение табака, употребление неприличных выражений и уклонение от посещения занятий [2, с. 90].

Поощряли гимназистов в конце учебного года за успехи в учёбе и примерное поведение. Награда 1 степени предполагала вручение похвального ли-

ста и книги, а награда 2 степени – похвального листа [16].

В 1872-1873 учебном году награды 1 и 2 степени получили 20% учеников Елецкой гимназии [7, с. 130].

К воспитательной работе, проводимой в гимназии, можно отнести организацию празднования церковных и знаменательных дат, литературные беседы, проводившиеся каждый месяц, постановку пьес зарубежных классиков (В. Шекспир, Ж. Б. Мольер), организацию экскурсий, занятия верховой ездой и др. Например, Орловская мужская гимназия имела собственные хор и оркестр, являвшихся постоянными участниками различного рода мероприятий, на которых ими исполнялись произведения классического репертуара [7, с. 130].

В женских гимназиях также проводились литературно-музыкальные, вокальные вечера, литературные чтения с обсуждением произведений, рефератов на актуальные темы [1]. В программы вечеров входило выступление хора, вокальные и инструментальные номера, игра оркестра, постановка сенок и балет. Названные вечера могли посещать юноши из мужских гимназий [10].

Во время каникул основным видом воспитательной работы являлись экскурсии, летние поездки по городам России с посещением других гимназий [7, с. 133].

Частым явлением были поездки гимназистов за границу. Ученицы Елецкой гимназии посетили Францию, где участвовали во Всемирной выставке «Образование и воспитание» [17]. А группа учеников частной Елецкой гимназии А.Ф. Павловского также побывала в Париже, но с экскурсией и с целью совершенствования разговорных навыков французского языка [9].

Одним из элементов воспитания было ученическое самоуправление, включавшее в себя дежурство, репетиторство, управление гимназическим хором, заведывание библиотекой [6, с. 100].

Часто гимназисты выпускали рукописные журналы и газеты. В Орловской мужской гимназии издавались журнал «Школьные досуги» и газета «Пансионские известия». В «Школьных досугах» имели место рассказы, стихи, рецензии на литературные произведения. «Пансионские известия» рассказывали о гимназической жизни [4, с. 115].

В женских гимназиях правила были столь же строгие, как и в мужских. Например, в педагогических классах при женских гимназиях уровень воспитанности обучающихся имел первостепенное значение, так как педагогические классы осуществляли подготовку учительниц для начальной школы. Наличие высокого уровня общей культуры являлось для них обязательным условием: ученицы с отметкой ниже четырех баллов по поведению

не допускались к итоговым испытаниям в то время как уровень подготовки по изучаемым дисциплинам допускал отметку «удовлетворительно» [14, с. 7]. Также имела место система требований к профессиональной культуре. Например, во время проведения пробного урока никто из присутствующих на уроке не имел права делать ученице, преподающей урок замечания и вмешиваться в ее действия [3, с. 133]. Благодаря различным видам практической подготовки, выпускницы педагогического класса имели навыки и умения руководить детьми «с педагогическим тактом». На педагогических конференциях они свободно высказывали свои мысли, но «серьезное отношение к делу» не позволяло никому из них говорить «без надлежащей обдуманности» [3, с. 136-137].

Пристальное внимание к поведению учениц говорит о том, что формирование личности воспитанниц являлось частью учебного процесса.

О педагогическом классе Курской женской Мариинской гимназии С.Г. Кутепова пишет, что выпускницам необходимо было обладать высоким уровнем культуры для того, чтобы уметь воспитывать. В связи с этим в гимназии проводилась большая внеурочная работа. Традиционным было проведение литературных вечеров, литературно-музыкальных встреч, имевших воспитательный и образовательный характер одновременно [8, с. 207].

Воспитательную направленность имел процесс обучения в женской гимназии М.Н. Стоюниной. Своей целью он ставил «гармоническое развитие сил душевных и телесных», что должно было обеспечить «свободное развитие индивидуальности каждой ученицы», а также «умственные интересы» [5, с. 11-12].

В общественных местах гимназистки также должны были находиться в форме и с гимназическим билетом [7, с. 136].

Из дореволюционной гимназии пришли в современную школу дни здоровья, игравшие важную роль в воспитании обучающихся гимназий. В течение года их должно было быть не менее семи. По сравнению со спортивными, проводимыми в школе сегодня, они имели культурно-просветительский характер и предполагали посещение музеев, театров, проведение экскурсий [7, с. 116]. По количеству дней здоровья в учебном году и по их культурной составляющей сегодняшняя школа уступает старой гимназии.

Из вышесказанного становится очевидным, что в гимназиях второй половины XIX – начала XX вв. существовала детально разработанная система воспитательной работы, обусловленная требованиями общества и образовательной ситуации.

Несмотря на то, что советская школа не копировала систему воспитания дореволюционной гимназии, роль воспитательной работы была в ней достаточно велика. Что касается современных школ (гимназий и лицеев), то воспитательная составляющая образовательного процесса здесь незначительная даже по сравнению с советской школой, а с гимназией изучаемого периода не имеет ничего общего. И причина этого заключается, на наш взгляд, не только в кризисе среднего образования сегодня, но и в том, что гимназия прошлого – это, несмотря на всесословность, элитарное учебное учреждение, в котором обучались одаренные представители различных сословий.

Если школьное образование – феномен всей культуры российского общества [15, с. 15], то исходя из этого и всего вышесказанного, необходимо заключить, что сегодня на воспитательный опыт дореволюционных гимназий второй половины XIX – начала XX вв. следует обратить пристальное внимание. Он заслуживает серьезного изучения в условиях реформирования и совершенствования школьного образования в России и может оказаться весьма полезным, так как представляет собой пример разумной и результативной организации воспитательного процесса.

Литература

1. Ветошко А. От мадам Лёвен до госпожи Гиттерман // Орловский вестник. 2000. 10 августа.
2. Воробьева В.Я. Роль Орловской гимназии начала XX века в образовании и воспитании юношества // Первые Денисьевские чтения: материалы научно-практической конференции по проблемам истории, теории и практики библиотечного дела, библиографии и книговедения. Орёл: Издательский дом «Орлик», 2004. С. 88 – 95.
3. Ельницкий К.В. Значение педагогического образования для женщин и организация занятий в педагогическом классе при Омской женской гимназии // Семья и школа. 1881. № 8-9. С. 120 – 138.
4. Ерёмин А.И., Жукова Ю.В. Рукописный журнал орловских гимназистов начала XX века «Школьные досуги» (источниковедческий обзор) // Образование и общество. 2005. № 1 (30). С. 113 – 120.
5. Женская гимназия М.Н. Стоюниной в 1888-1889 учебном году // Женское образование, педагогический листок для родителей, наставниц и наставников. 1889. № 6-7. С. 11 – 12.
6. Козлова Г.Н. Русская классическая гимназия как воспитательная система (вторая половина XIX века): дис. ... канд. пед. наук. Н. Новгород, 1996. 200 с.
7. Кузовлев В.П., Перцев В.В., Саввина О.А. Развитие гимназического образования в Орловской губернии. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2006. 236 с.
8. Кутепова С.Г. Подготовка домашних воспитателей и учителей в истории отечественной педагогики // Проблемы профессионального воспитания будущего учителя: теории и опыт. Курск: Изд-во Курского гос. пед. ун-та, 2000. 268 с.
9. Махортов М.А. Когда всё начиналось // Красное знамя. 2001. 21 августа.
10. Митусова А. О ельчанке Марии Захаровне Коровиной // В краю родном. 1996. 17 октября.
11. Пришвина В.Д. Путь к слову. М.: Молодая гвардия, 1984. 262 с.
12. Смотрова И.В. Становление и развитие гимназического образования в России в XIX – начале XX вв. (на материале Саратовской губернии): дис. ... канд. пед. наук. Саратов, 2003. 214 с.
13. Трохина О.М. Из истории народного образования в Орловской губернии (досоветский период) // Образование и общество. 1999. № 1. С. 44 – 49.
14. Учебный план и программы учебных предметов для VIII дополнительного класса женских гимназий Московского учебного округа. М., 1899. 96 с.
15. Федорова Н.М. История педагогики и образования. Управление школьным образованием в России в XIX-XX веках: учебное пособие для вузов. 2-е изд. М.: Юрайт, 2020. 267 с.
16. Шиков С. С. Из воспоминаний выпускников // Красное знамя. 1996. 28 сентября.
17. ГАЛО. Ф. 42. Оп. 1. Д. 139. Л. 1-5. Переписка с попечителем Московского округа об участии в Парижской всемирной выставке «Образование и воспитание».
18. ГАОО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 2786. Л. 9 об. Отчёт Орловской мужской гимназии за 1895 г.

References

1. Vetoshko A. Ot madam Lyoven do gospozhi Gitterman. Orlovskij vestnik. 2000. 10 avgusta.
2. Vorob'yova V. YA. Rol' Orlovskoj gimnazii nachala XX veka v obrazovanii i vospitanii yunoshhestva. Pervye Denis'evskie chteniya: materialy nauchno-prakticheskoy konferencii po problemam istorii, teorii i praktiki bibliotecnogo dela, bibliografii i knigovedeniya. Oryol: Izdatel'skij dom «Orlik», 2004. S. 88 – 95.

3. El'nickij K.V. Znachenie pedagogicheskogo obrazovaniya dlya zhenshchin i organizaciya zanyatij v pedagogicheskom klasse pri Omskoj zhenskoj gimnazii. Sem'ya i shkola. 1881. № 8-9. S. 120 – 138.
4. Eryomin A.I., Zhukova YU.V. Rukopisnyj zhurnal orlovskih gimnazistov nachala XX veka «SHkol'nye dosugi» (istochnikovedcheskij obzor). Obrazovanie i obshchestvo. 2005. № 1 (30). S. 113 – 120.
5. Zhenskaya gimnaziya M.N. Stoyuninoy v 1888-1889 uchebnom godu. Zhenskoe obrazovanie, pedagogicheskij listok dlya roditel'ej, nastavnic i nastavnikov. 1889. № 6-7. S. 11 – 12.
6. Kozlova G.N. Russkaya klassicheskaya gimnaziya kak vospitatel'naya sistema (vtoraya polovina XIX veka): dis. ... kand. ped. nauk. N. Novgorod, 1996. 200 s.
7. Kuzovlev V.P., Percev V.V., Savvina O.A. Razvitie gimnazicheskogo obrazovaniya v Orlovskoj gubernii. Elec: EGU im. I.A. Bunina, 2006. 236 s.
8. Kutepova S.G. Podgotovka domashnih vospitatelej i uchitelej v istorii otechestvennoj pedagogiki. Problemy professional'nogo vospitaniya budushchego uchitelya: teorii i opyt. Kursk: Izd-vo Kurskogo gos. ped. un-ta, 2000. 268 s.
9. Mahortov M.A. Kogda vsyo nachinalos'. Krasnoe znamya. 2001. 21 avgusta.
10. Mitusova A. O el'chanke Marii Zaharovne Korovinoj. V krayu rodnom. 1996. 17 oktyabrya.
11. Prishvina V.D. Put' k slovu. M.: Molodaya gvardiya, 1984. 262 s.
12. Smotrova I.V. Stanovlenie i razvitie gimnazicheskogo obrazovaniya v Rossii v XIX – nachale XX vv. (na materiale Saratovskoj gubernii): dis. ... kand. ped. nauk. Saratov, 2003. 214 s.
13. Trohina O.M. Iz istorii narodnogo obrazovaniya v Orlovskoj gubernii (dosovetskij period). Obrazovanie i obshchestvo. 1999. № 1. S. 44 – 49.
14. Uchebnyj plan i programmy uchebnyh predmetov dlya VIII dopolnitel'nogo klassa zhenskih gimnazij Moskovskogo uchebnogo okruga. M., 1899. 96 s.
15. Fedorova N.M. Istoriya pedagogiki i obrazovaniya. Upravlenie shkol'nym obrazovaniem v Rossii v HHH-HKH vekah: uchebnoe posobie dlya vuzov. 2-e izd. M.: YUrajt, 2020. 267 s.
16. SHikov S. S. Iz vospominanij vypusknikov. Krasnoe znamya. 1996. 28 sentyabrya.
17. GALO. F. 42. Op. 1. D. 139. L. 1-5. Peregovorka s popечителем Moskovskogo okruga ob uchastii v Parizhskoj vseмирной выставке «Образование и воспитание».
18. GAOO. F. 78. Op. 1. D. 2786. L. 9 об. Otchyot Orlovskoj muzhskoj gimnazii za 1895 g.

*Emelyanova N.R., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Yelets State University named after I.A. Bunin*

UPBRINGING IN RUSSIAN GYMNASIUMS OF THE SECOND HALF OF THE XIX-BEGINNING OF XX CENTURIES IN THE CONTEXT OF THE MODERN SCHOOL

Abstract: the article shows the upbringing experience of Russian gymnasiums of the second half of the XIX-early XX centuries. The facts given in the historical and pedagogical literature allowed us to draw certain conclusions about the organization of the educational process in institutions of this type and the peculiarities of the cultural situation of the studied period. The desire to reform secondary education, as well as the revival of gymnasium upbringing in Russia today, led to the need to study the system of upbringing of pre-revolutionary gymnasiums.

The tasks of the author are to identify the meaning, content, features of the organization of the process of upbringing in men's and women's gymnasiums, the attitude to the gymnasium education of representatives of pedagogical thought. The methodological basis is based on archival documents and the works of modern scientists dealing with the principles of pre-revolutionary education in the context of modern education. In this regard, the author touched upon the current situation in the field of school upbringing.

The materials can be used in the study of the discipline *History of Pedagogy and Education*, elective courses, in the organization of research and practical work of students as well as in the educational work of general education institutions.

Keywords: upbringing orientation of the educational process, regulation of the process of upbringing, the system of upbringing, punishment, the value of the gymnasium, upbringing in a modern school

*Кюрегина А.В., кандидат педагогических наук, доцент,
Национальный исследовательский университет
Московский энергетический институт*

ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗВИТИЯ БИОЭТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В ПЕДАГОГИКЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Аннотация: актуальность исследования определяется тем, что в условиях глобализации и социально-экологического кризиса встает вопрос о соотношении национальных и общечеловеческих ценностей, о расширении этических границ и включении в этический круг живых существ, отличных от человека, о сохранении и трансформации национальных традиций, и в этой связи особое значение имеет педагогический опыт наиболее образованной части российского общества, оказавшейся в эмиграции в XX веке, в особенности, после событий 1917 года. Цель настоящего исследования заключается в выявлении взаимосвязи педагогических идей, высказываемых представителями отечественной эмиграции, с биоэтической мыслью. Его задачи состоят в том, чтобы выявить биоэтический потенциал общепедагогических положений, присутствующих Русскому зарубежью, и в том, чтобы исследовать идеи, непосредственно связанных с ценностным отношением к природе и ко всякой жизни. В процессе исследования выявлено, что многие ключевые положения педагогики русскоязычного сообщества, такие как идеи о свободе личности, о необходимости взаимосвязи технического прогресса и этики, о главенствовании нравственного воспитания, о познании родной культуры через познание культуры других народов, о самостоятельном мышлении как критерии истинной образованности, о необходимости выработки стремления к самосовершенствованию и преобразованию окружающего мира естественным образом могут быть воплощены в жизнь при биоэтическом подходе к формированию личности, предусматривающем выработку ценностного отношения к живой природе и соответствующую расстановку приоритетов.

Ключевые слова: педагогика Русского зарубежья, аксиологический подход, гуманизм личности, национальные и общечеловеческие ценности, биоэтические ценности, трансформация этических норм, альтруистическое поведение, биоэтическое образование

В настоящее время в связи с социально-экологическим кризисом встал вопрос о пересмотре традиционной системы ценностей, о включении в нее живых существ, отличных от человека, о корректировке повседневного образа жизни, в соответствии с нуждами природы. При этом немало важно, что сложность перехода от традиционного антропоцентрического мировоззрения к биоцентрическому определяется не только базовыми знаниями людей о природе и соответствующими ценностными установками, но и общими подходами к формированию личности. В данном исследовании мы проанализируем биоэтический потенциал ряда положений образования, которые были характерны для Русского зарубежья. Педагогика русского сообщества, находящегося за пределами России, была выбрана в качестве объекта исследования во-первых, ввиду того, что после революции 1917 года в эмиграции оказалась наиболее образованная часть общества, во-вторых, с учетом того, что тенденция к принятию биоэтических ценностей в развитых странах обозначилась несколько раньше, чем в России. Соответственно, предпосылки формирования ценностного отношения к живой природе, которые наблюдаются в педагогических трудах Русского зарубежья, представляют для нас особый интерес.

В процессе изучения литературы мы выяснили, что особенности педагогики Русского зарубежья

исследуются в трудах Л.И. Богомоловой [1], В.М. Мальцевой [2], Е.Г. Осовского [3] и других педагогов; Е.Э. Шергалин выявляет вклад российских эмигрантов в естественнонаучное и природоохранное образование прежде всего посредством натуралистического подхода [4]. Между тем, нами не было найдено работ, где бы проводилась связь между прогрессивными идеями, высказываемыми педагогами Русского зарубежья, и гармонизацией взаимодействия людей, других живых существ и биосферы.

Исследователь педагогики Русского зарубежья Е.Г. Осовский выявил, что ей был присущ аксиологический подход, то есть, содержание, цели и задачи определялись ценностными ориентирами; при этом в ней отрицалась технократия, ставящая во главу угла технический прогресс, и подход, основанный на политической целесообразности [3]. Л.И. Богомолова в исследовании на ту же тематику указывает, что если советская педагогика связывала жизнь человека с внешними обстоятельствами, то педагогика Русского зарубежья подчеркивала независимость жизненного пути от происходящего вовне; если в советской педагогике нравственное воспитание рассматривалось в одном ряду с трудовым, умственным и другими аспектами формирования личности, то в среде мыслителей русской эмиграции оно считалось главной целью, и ему были подчинены остальные

составляющие воспитания [1]. То есть, общая направленность эмигрантской педагогической мысли совпадает с биоэтической концепцией формирования личности, проанализированной нами в более раннем исследовании [5], в том, что в обоих случаях отвергается выстраивание приоритетов в соответствии с экономической или иной прагматической сообразностью, а ориентиром служат духовные стремления; при этом принятие во внимание нужд не только человека, но и других живых существ делает ценностный подход более последовательным и мобилизует человека на поиск научных и практических решений, позволяющих удовлетворить потребности всех субъектов жизни.

Закономерно, что в условиях эмиграции особую актуальность обрел вопрос, связанный с передачей национальной культуры. Среди разных точек зрения на решение данной проблемы отметим с одной стороны, идею о главенствовании общечеловеческих ценностей, с другой – о национальной культуре как наиболее естественном способе их выражения. Так, С.И. Гессен придерживался мнения, что всякое качественное образование способствует развитию культурного потенциала нации; при этом нацию он видел как сообщество индивидуумов [6]. Между тем М.Н. Ершов был убежден в необходимости культуросообразного подхода к формированию ценностей, отрицая при этом противопоставление общечеловеческого и национального [7]. Н.О. Лосский указывал на необходимость постижения родной культуры через познание культуры других народов [8, с. 44-45]. То есть, в прогрессивной педагогической мысли Русского зарубежья мы наблюдаем предпосылки к отказу от искусственных ограничений, имеющих национальный, религиозный и т.д. характер, к осознанию того, каким образом этические нормы трансформируются с течением времени, к пониманию патриотизма как стремления обогатить культурный потенциал народа и искоренить недостатки, присущие ему, к раскрытию собственного потенциала ради личного и общественного блага – что подразумевает восприятие жизни как базовой ценности. Это закладывает основу для того, чтобы объективно рассматривать положительные и отрицательные аспекты и национальных, и мировых традиций и практик, связанных с отношением к природе, трансформировать их, по мере развития социума, науки и техники, использовать мировой опыт многосторонних биоэтических трансформаций, с учетом отечественных реалий.

Смежный вопрос, исследуемый педагогами Русского зарубежья, связан со свободой личности и ее ролью в формировании ценностей, с непред-

взятым взглядом на наблюдаемые явления. С.И. Гессен подчеркивает, что по своей цели образование должно быть свободным, что оно призвано формировать людей, способных создавать свой особый путь, но свобода от произвола отличается следованием определенным законам [9, с. 64-87; 10]. У него прослеживается идея, что развитие личности и культурных ценностей открывает новые грани свободы [11]. И.А. Ильин указывал на отрицательную роль дедуктивного мышления в высшем образовании, потому что оно приучает делать выводы из уже готовой мысли, тогда как индукция открывает путь к объективному и непредвзятому наблюдению за реальностью [12], особо он отмечал, что научное исследование не терпит авторитета, а навязанный способ мыслей убивает мышление, более того, без свободы, при полностью предписанном образе действий человек перестает развиваться духовно [13, с. 798]. В качестве критерия истинной образованности он отмечал не эрудицию, а способность к самостоятельному мышлению, суждениям и созерцанию [13, с. 735-736]; при этом он подчеркивает опасность образования и прогресса вне этики и духовной культуры, так как в данном виде оно открывает путь к вседозволенности и к злоупотреблению растущими техническими возможностями [13, с. 676-682, с. 800]. В.В. Зеньковский, будучи священнослужителем, вместе с тем, отрицал ортодоксальную теоцентрическую направленность педагогики, был убежден в свободе человека, в индивидуальности каждого ребенка, необходимости поиска себя [14, с. 41-43; 15]. Показательно, что он, как и И.А. Ильин, отрицательно относился к интеллектуальному развитию вне нравственности и стремления к самосовершенствованию [14, с. 43-44]; серьезную задачу педагогики он видел в том, чтобы связать свободу личности и ее гуманизм, мобилизовать человека на преобразование мира, на преодоление в нем зла и насилия [2, 15]. Таким образом, в трудах ряда прогрессивных педагогов Русского зарубежья, во-первых, обосновывается необходимость отказа от стереотипного мышления, от принятия за стандарт общественных практик лишь ввиду того, что они долго существуют и получили большое распространение, во-вторых, в качестве грани между допустимыми и недопустимыми действиями указывается причинение вреда их участникам, в-третьих, подчеркивается неразрывная связь свободы и духовной культуры, этики. Интеграция биоэтического образования способствует реализации этих положений в том, что оно, во-первых, служит стимулом к преодолению стереотипов, связанных с антропоцентрическим восприятием человека и окружающего мира, к стремлению разносторонне трансформировать образ жизни ради

гармоничного сосуществования с природой, во-вторых, дает возможность осознать принесение вреда живым существам как объективный критерий непозволительных действий и ограничитель свободы.

Еще одним аспектом эмигрантской педагогической мысли на стыках с биоэтической мыслью стала теория альтруизма, выдвинутая П. Сорокиным [16; 17]. Выявлено [18], что в процессе исследовании данного явления он использовал интегральный подход, концентрируя внимание на биологических, психологических, культурных, социологических составляющих альтруистического поведения, при этом он связывал будущее человечества с глобальным созидательным альтруизмом и общими базовыми ценностями, позволяющими прекратить конфликты и войны. Между тем, как показали многочисленные современные педагогические, психологические, социологические исследования [19, 20, 21, 22, 23], важнейшей предпосылкой для формирования эмпатии является выработка гуманизма к животным ввиду того, что они являются наиболее уязвимым звеном, и их страдания менее очевидны, чем страдания человека. С другой стороны, очевидно, что необходимость сохранения экосистем ради нужд живых существ требует совместных действий государств, и, таким образом, открывает путь к предотвращению конфликтов. То есть, развитие биоэтических ценностей, направленное на минимизацию всяких страданий, закладывает основу для альтруистического поведения, исследуемого П. Сорокиным.

Наконец, в отдельных трудах педагогов русской эмиграции присутствуют идеи, непосредственно касающиеся экологического и биоэтического образования. В частности, Н.К. Рерих и Е.И. Рерих в разработанном ими учении Живой Этики подчеркивают, что уровень культуры человека и состояние природы взаимосвязаны, что человеку необходимо научиться сотрудничать с силами природы ввиду подверженности ее законам, что наблюдение за природными явлениями составляет основу для выработки синтетического мышления и способности проникать в суть объектов [24, 25]. Н.О. Лосский высказывает мысль, что многие бедствия, переживаемые человеком, являются результатом потребительского отношения к природе, и их можно было бы избежать в случае гармоничного сосуществования с ней [26, с. 135]. В качестве составляющих нравственности он указывал воспитание любви не только к человеку, но и к другим живым существам, благодаря этому происходит расширение сознания ценностей [26, с. 132-133; 27, с. 107-108]. Нравственным поступком он называет тот, который совершен на основании любви ко всякой жизни, а действием, содержащим в себе

отрицательную ценности, - такое, которое умаляет чью-то жизнь, и которое должно вызывать у человека чувство неудовлетворенности и стимулировать его к поиску новых путей решения проблем. Н.О. Лосский подчеркивает, что именно это стремление, направленное на большой гуманизм к человеку и всем живым существам, составляет основу эволюции [26, с. 134]. Биолог и педагог Н.В. Полуниин стал одним из первопроходцев мирового природоохранного просвещения. Еще до того, как экологический кризис стал очевидным фактом, осознаваемым большинством людей, Н.В. Полуниин в своих научных трудах поставил вопрос о поиске баланса между потребностями человека и ресурсами планеты [28, 29, 30, 31] – именно осознание значительности и насущности экологических проблем заставило его отказаться от исследований Арктики, которыми он ранее занимался, и сосредоточить внимание на вопросах сверхпотребления и загрязнения. Он распространял и популяризировал экологическую педагогическую мысль, создав ряд организаций по охране биосферы, печатных органов, публикующих материалы на данную тему (Environmental Conservation, Biological Conservation) [4]. Однако в его исследованиях преобладает холистический, то есть, целостный, основанный на сохранении комплексных природных систем подход к глобальным экологическим проблемам.

Исследованные нами аспекты педагогики российской эмиграции особенно актуальны в современных условиях, когда особенно остро встал вопрос о глобализации, об аксиологическом подходе в образовании, о соотношении и взаимодействии общечеловеческих и национальных ценностей, о личных и общественных интересах, о праве человека на самоопределение и самореализацию и критериях ограничения свобод. Выполненный анализ трудов педагогов Русского зарубежья и современных исследований, посвященных данному аспекту педагогики, показал, что ряд положений, которые обосновываются прогрессивными деятелями российской эмиграции, могут быть в последовательной, всесторонней мере и естественным путем воплощены в жизнь при реализации биоэтической практики в повседневной жизни, при включении живых существ, отличных от человека, в этический круг. Между тем, их авторы не связывали реализацию своих идей с выработкой ценностного отношения ко всем живым существам. Более того, даже в тех трудах, где есть элементы непосредственно биоэтической мысли, не указывается, каким образом реализовать ее на практике. Соответственно, перспективным направлением дальнейших исследований может стать использование идей ценностного отношения ко всякой жизни при творческом применении педагогического опыта Русского зарубежья в современных реалиях.

Литература

1. Богомолова Л.И. Педагогика российского зарубежья в контексте диалога // Российское Зарубежье: образование, педагогика, культура. 20-50-е годы XX века: Материалы Второй Всерос. науч. конф. «Образование и пед. мысль Рос. Зарубежья. 20-50-е годы XX века» (Саранск, 16-18 окт. 1997 г.) / под ред. чл.-корр. РАО, д-ра пед. наук, проф. Е.Г. Осовского. Саранск: МГПУ им. М.Е. Евсевьева, 1998. С. 62 – 67.
2. Мальцева В.М. Проблема развития личности в трудах В. В. Зеньковского. // Российское Зарубежье: образование, педагогика, культура. 20-50-е годы XX века: Материалы Второй Всерос. науч. конф. «Образование и пед. мысль Рос. Зарубежья. 20-50-е годы XX века» (Саранск, 16-18 окт. 1997 г.) / под ред. чл.-корр. РАО, д-ра пед. наук, проф. Е.Г. Осовского. Саранск: МГПУ им. М.Е. Евсевьева, 1998. С. 113 – 122.
3. Осовский Е.Г. Российское зарубежье: педагогическая наука в изгнании (20-е – 30-е годы XX века) // Российское Зарубежье: образование, педагогика, культура. 20-50-е годы XX века: Материалы Второй Всерос. науч. конф. «Образование и пед. мысль Рос. Зарубежья. 20-50-е годы XX века» (Саранск, 16-18 окт. 1997 г.) / под ред. чл.-корр. РАО, д-ра пед. наук, проф. Е.Г. Осовского. Саранск: МГПУ им. М.Е. Евсевьева, 1998. С. 8 – 22.
4. Шергалин Е.Э. Вклад российских эмигрантов и их потомков в природоохранное движение и Просвещение // Русское зарубежье: история и современность: сб. ст., вып. 5. / Ред. Ю.Н. Мухачев (гл. ред.) и др. М.: ИНИОН РАН. 2016 С. 15 – 34.
5. Кюрегян А.В. Гуманизация образования в зарубежной школе и педагогике (XIX-XXI вв.). дис. ... канд. пед. наук. М., 2014. 189 с.
6. Гессен С.И. Нация и человечество. Национальное образование // Педагогическое наследие Русского Зарубежья. 20-е годы: кн. для учителя / сост. и авт. вступ. ст. П.В. Алексеев. М.: Просвещение, 1993. С. 223 – 233.
7. Ершов М.Н. Школа и национальная проблема. Социально педагогический очерк. Хабин: б.и., 1926. 83 с.
8. Лосский Н.О. Характер русского народа. Книга вторая. М.: Ключ 1990. 94 с.
9. Гессен С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. М.: Школа-пресс. 1995. 448 с.
10. Гессен С.И. Мировоззрение и образование // Хрестоматия. Педагогика Российского зарубежья / Сост. Е.Г. Осовский, О.Е. Осовский. М.: Институт практической психологии. 1996. С. 147 – 168.
11. Люрья Н.А. Идеи С.И. Гессена о свободе и принуждении и современное образование // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2017. Т. 3 (69). С. 70 – 76.
12. Ильин И.А. Что за люди коммунисты? // Ильин И.А. Наши задачи. Статьи 1948-1954 гг. Т. 2. Париж: Издание Русского Обще-Воинского Союза, 1956. С. 506 – 510.
13. Ильин И.А. Путь к очевидности // Ильин И.А. Путь к очевидности: сочинения. М.: ЭКСМО-пресс, 1998. 912 с.
14. Зеньковский В.В. Педагогика. М.: Издательство Православного Свято-Тихоновского Богословского Института, 1996. 153 с.
15. Осовский Е.Г., Кирдяшова Е.В. Педагогическая деятельность и взгляды В.В. Зеньковского (1881-1962) // Российское Зарубежье: образование, педагогика, культура. 20-50-е годы XX века: Материалы Второй Всерос. науч. конф. «Образование и пед. мысль Рос. Зарубежья. 20-50-е годы XX века» (Саранск, 16-18 окт. 1997 г.) / под ред. чл.-корр. РАО, д-ра пед. наук, проф. Е.Г. Осовского. Саранск: МГПУ им. М.Е. Евсевьева, 1998. С. 103 – 113.
16. Sorokin P.A. Altruistic love: a study of American “good neighbors” and Christian saints. Boston: Beacon Books, 1950. 253 p.
17. Sorokin P.A. The Reconstruction of humanity. Boston: Beacon Press, 1948. 247 p.
18. Долгов А.Ю. Теория альтруизма Питирима Сорокина: глобальная перспектива // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. №2. С. 32 – 44.
19. Борохов Б.Д. Борохов А.Д. Жестокость как мета-когнитивный механизм саморегуляции // Медицинская психология в России. 2017. Т. 9. № 1. С. 1 – 20.
20. Amato J.A. Suffering and the promise of a world without pain // Suffering and bioethics, ed. by R.M.Green, N.J. Palpant. New York: Oxford University Press, 2014. P. 61-88.
21. Faver C.A. School-based humane education as a strategy to prevent violence: Review and recommendations // Children and Youth Services Review. 2010. № 32 (3). P. 365 – 370.
22. Mims D., Waddell R. The effects of transformational humane education on at risk youth in an alternative school setting // Journal of Education and Human Development. March 2015. Vol. 4. № 1. P. 189 – 195.

23. Smith B.L. Animals Made Americans Human: Sentient Creatures and the Creation of Early America's Moral Sensibility // *Journal of Animal Ethics*. 2012. Vol. 2. № 2. P. 126 – 140.
24. Агни Йога (Знаки Агни Йоги). М.: Международный Центр Рерихов, 2008. 600 с.
25. Соколова Б.Ю. Взаимовлияние природы и человека в философии живой этики // *Культура и экология – основы устойчивого развития России. Зеленый мост через поколения. Ч. 1: материалы международного форума (Екатеринбург, 12-15 апреля 2019)*. Екатеринбург, УрФУ, 2019. С. 105 – 109.
26. Лосский Н.О. Условия абсолютного добра: Основы этики // Лосский Н.О. Условия абсолютного добра: основы этики; Характер русского народа. М.: Политиздат, 1991. С. 24-235.
27. Айрапетова В.В. Теоретико-методологические основы духовно-нравственного развития личности в наследии философа Н.О. Лосского: дис. ... канд. пед. наук. Пятигорск, 2000. 163 с.
28. Polunin N. Conceivable ecodisasters and the Reykjavik imperative // *Environmental Conservation*. Vol. 6. Issue 2. Summer, 1979. P. 105 – 109.
29. Polunin N. Energy use and the biosphere // *Environmental Conservation*. Spring 1987. Vol. 14. Issue 1. P. 4 – 5.
30. Polunin N. Geneses and progress of the world campaign and council for the biosphere // *Environmental Conservation*. Winter 1984. Vol. 11. Issue 4. P. 293 – 298.
31. Polunin N. Thoughts on Some Conceivable Ecodisasters // *Environmental Conservation*. Autumn 1974. Vol. 1. Issue 3. P. 177 – 189.

References

1. Bogomolova L.I. Pedagogika rossijskogo zarubezh'ya v kontekste dialoga. Rossijskoe Zarubezh'e: obrazovanie, pedagogika, kul'tura. 20-50-e gody XX veka: Materialy Vtoroj Vseros. nauch. konf. «Obrazovanie i ped. mysl' Ros. Zarubezh'ya. 20-50-e gody XX veka» (Saransk, 16-18 okt. 1997 g.). pod red. chl.-korr. RAO, d-ra ped. nauk, prof. E.G. Osovskogo. Saransk: MGPU im. M.E. Evsev'e-va, 1998. S. 62 – 67.
2. Mal'ceva V.M. Problema razvitiya lichnosti v trudah V.V. Zen'kovskogo. Rossijskoe Zarubezh'e: obrazovanie, pedagogika, kul'tura. 20-50-e gody XX veka: Materialy Vtoroj Vseros. nauch. konf. «Obrazovanie i ped. mysl' Ros. Zarubezh'ya. 20-50-e gody XX veka» (Saransk, 16-18 okt. 1997 g.). pod red. chl.-korr. RAO, d-ra ped. nauk, prof. E. G. Osovskogo. Saransk: MGPU im. M.E. Evsev'eva, 1998. S. 113 – 122.
3. Osovskij E.G. Rossijskoe zarubezh'e: pedagogicheskaya nauka v izgnanii (20-e – 30-e gody XX veka). Rossijskoe Zarubezh'e: obrazovanie, pedagogika, kul'tura. 20-50-e gody XX veka: Materialy Vtoroj Vseros. nauch. konf. «Obrazovanie i ped. mysl' Ros. Zarubezh'ya. 20-50-e gody XX veka» (Saransk, 16-18 okt. 1997 g.). pod red. chl.-korr. RAO, d-ra ped. nauk, prof. E.G. Osovskogo. Saransk: MGPU im. M.E. Evsev'eva, 1998. S. 8 – 22.
4. SHergalin E.E. Vklad rossijskih emigrantov i ih potomkov v prirodoohrannoe dvizhenie i Prosveshchenie. Russkoe zarubezh'e: istoriya i sovremennost': sb. st., vyp. 5. Red. YU.N. Muhachev (gl. red.) i dr. M.: INION RAN. 2016 S. 15 – 34.
5. Kyuregyan A.V. Gumanizaciya obrazovaniya v zarubezhnoj shkole i pedagogike (XIX-XXI vv.). dis. ... kand. ped. nauk. M., 2014. 189 s.
6. Gessen S.I. Naciya i chelovechestvo. Nacional'noe obrazovanie. Pedagogicheskoe nasledie Russkogo Zarubezh'ya. 20-e gody: kn. dlya uchitelya. sost. i avt. vstup. st. P.V. Alekseev. M.: Prosveshchenie, 1993. S. 223 – 233.
7. Ershov M.N. SHkola i nacional'naya problema. Social'no pedagogicheskij ocherk. Habin: b.i., 1926. 83 s.
8. Losskij N.O. Harakter russkogo naroda. Kniga vtoraya. M.: Klyuch 1990. 94 s.
9. Gessen S.I. Osnovy pedagogiki. Vvedenie v prikladnuyu filosofiyu. M.: SHkola-press. 1995. 448 s.
10. Gessen S.I. Mirovozzrenie i obrazovanie. Hrestomatiya. Pedagogika Rossijskogo zarubezh'ya. Sost. E.G. Osovskij, O.E. Osovskij. M.: Institut prakticheskoy psihologii. 1996. S. 147 – 168.
11. Lyr'ya N.A. Idei S.I. Gessena o svobode i prinuzhdenii i sovremennoe obrazovanie. Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya. 2017. T. 3 (69). S. 70 – 76.
12. Il'in I.A. CHto za lyudi kommunisty? Il'in I.A. Nashi zadachi. Stat'i 1948-1954 gg. T. 2. Parizh: Izdanie Russkogo Obshche-Voinskogo Soyuz, 1956. S. 506 – 510.
13. Il'in I.A. Put' k ochevidnosti. Il'in I.A. Put' k ochevidnosti: sochineniya. M.: EKSMO-press, 1998. 912 s.
14. Zen'kovskij V.V. Pedagogika. M.: Izdatel'stvo Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo Bogoslovskogo Instituta, 1996. 153 s.

15. Osovskij E.G., Kirdyashova E.V. Pedagogicheskaya deyatel'nost' i vzglyady V.V. Zen'kovskogo (1881-1962). Rossijskoe Zarubezh'e: obrazovanie, pedagogika, kul'tura. 20-50-e gody XX veka: Materialy Vtoroj Vseros. nauch. konf. «Obrazovanie i ped. mysl' Ros. Zarubezh'ya. 20-50-e gody XX veka» (Saransk, 16-18 okt. 1997 g.). pod red. chl.-korr. RAO, d-ra ped. nauk, prof. E.G. Osovskogo. Sa-ransk: MGPU im. M.E. Evsev'eva, 1998. S. 103 – 113.
16. Sorokin P.A. Altruistic love: a study of American “good neighbors” and Christian saints. Boston: Beacon Books, 1950. 253 p.
17. Sorokin P.A. The Reconstruction of humanity. Boston: Beacon Press, 1948. 247 p.
18. Dolgov A.YU. Teoriya al'truizma Pitirima Sorokina: global'naya perspektiva. ZHurnal sociologii i social'noj antropologii. 2015. №2. S. 32 – 44.
19. Borohov B.D. Borohov A.D. ZHestokost' kak meta-kognitivnyj mekhanizm samoregulyacii. Medicinskaya psihologiya v Rossii. 2017. T. 9. № 1. S. 1 – 20.
20. Amato J.A. Suffering and the promise of a world without pain. Suffering and bioethics, ed. by R.M.Green, N.J. Palpant. New York: Oxford University Press, 2014. P. 61-88.
21. Faver C.A. School-based humane education as a strategy to prevent violence: Review and recommendations. Children and Youth Services Review. 2010. № 32 (3). P. 365 – 370.
22. Mims D., Waddell R. The effects of transformational humane education on at risk youth in an alter-native school setting. Journal of Education and Human Development. March 2015. Vol. 4. № 1. P. 189 – 195.
23. Smith B.L. Animals Made Americans Human: Sentient Creatures and the Creation of Early America’s Moral Sensibility. Journal of Animal Ethics. 2012. Vol. 2. № 2. P. 126 – 140.
24. Agni Joga (Znaki Agni Jogi). M.: Mezhdunarodnyj Centr Rerihov, 2008. 600 s.
25. Sokolova B.YU. Vzaimovliyanie prirody i cheloveka v filosofii zhivoj etiki. Kul'tura i ekologiya – osnovy ustojchivogo razvitiya Rossii. Zelenyj most cherez pokoleniya. CH. 1: materialy mezhdunarodnogo foruma (Ekaterinburg, 12-15 aprelya 2019). Ekaterinburg, UrFU, 2019. S. 105 – 109.
26. Losskij N.O. Usloviya absolyutnogo dobra: Osnovy etiki. Losskij N.O. Usloviya absolyutnogo dobra: osnovy etiki; Harakter russkogo naroda. M.: Politizdat, 1991. S. 24-235.
27. Ajrapetova V.V. Teoretiko-metodologicheskie osnovy duhovno-nravstvennogo razvitiya lichnosti v nasledii filozofa N.O. Losskogo: dis. ... kand. ped. nauk. Pyatigorsk, 2000. 163 s.
28. Polunin N. Conceivable ecodisasters and the Reykjavik imperative. Environmental Conservation. Vol. 6. Issue 2. Summer, 1979. P. 105 – 109.
29. Polunin N. Energy use and the biosphere. Environmental Conservation. Spring 1987. Vol. 14. Issue 1. P. 4 – 5.
30. Polunin N. Geneses and progress of the world campaign and council for the biosphere. Environmenal Conservation. Winter 1984. Vol. 11. Issue 4. P. 293 – 298.
31. Polunin N. Thoughts on Some Conceivable Ecodisasters. Environmental Conservation. Autumn 1974. Vol. 1. Issue 3. P. 177 – 189.

*Kyuregina A.V., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
National Research University
Moscow Power Engineering Institute*

PREREQUISITES FOR DEVELOPMENT OF BIOETHICAL THINKING IN THE PEDAGOGY OF RUSSIAN EMIGRATION

Abstract: the actuality of the research is determined by the fact that in the conditions of social and environmental crisis as well as globalization the issues of relation between national and universal values, of the ethical boundaries extension and inclusion into them beings other than human, of preserving and transforming national traditions rise, and in this regard pedagogical experience of the most educated part of Russian society that emigrated in the XX century, after the events of 1917 is of especial importance. The purpose of the research is to reveal the connection between the pedagogic ideas expressed by Russian emigrants and bioethical thinking. Its tasks are to reveal the bioethical potential of general pedagogic theses typical for Russian emigration and to research the ideas that are directly connected with ethical treatment to nature and to any life. In the process of the research it was revealed that many key issues of the Russian emigration pedagogy, such as the ideas of personality freedom, of the obligatory connection between technical progress and ethics, of learning national culture through learning other peoples' cultures, of independent thinking as a criterion of genuine education, of the necessity of forming the aspiration to self-improvement and to transforming the world can be implemented naturally in case of bioethical approach to personality formation involving the development of ethical treatment to living nature and the respective priorities setting.

Keywords: pedagogy of Russian emigration, axiological approach, humanism of personality, national and universal values, bioethical values, transformation of ethical norms, altruistic behavior, bioethical education

*Косогорова Л.А., кандидат педагогических наук, ректор,
Институт управления, бизнеса и технологий,
Крутиков В.К., доктор экономических наук, профессор,
Институт управления, бизнеса и технологий,
Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского*

ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ШКОЛЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация: в статье исследуются проблемы и перспективы внедрения в школах, наряду с традиционными образовательными формами и методами, проектной деятельности, которая рассматривается, как обоснованное продолжение главного направления системы обучения, связанного с переводом умений в навыки, развитием образного мышления ученика и использованием полученных навыков в реальных жизненных ситуациях. В условиях развития Интернета, широкого использования цифровых технологий, достижения лучших результатов в обучении на основе цифровых компетенций, проектная деятельность учит находить и критически оценивать информацию, формирует самостоятельную, мотивированную личность, способную верно реагировать на возникающие, в ходе реализации проекта, вызовы и угрозы. Проектирование рассматривается, как инновационный процесс, в котором школьник участвует непосредственно, обеспечивая эффективное решение конкретных задач. В ходе реализации образовательного процесса, учитель, в соответствии с требованиями, спецификой и особенностями условий, обучает ученика методам разработки проекта, использованию инструментов анализа и оценки эффективности результатов проекта. Постоянное совершенствование методов контроля, осуществляемого учителем, над ходом реализации школьником проекта, воспитывает ответственность, формирует креативность обучаемого.

В результатах исследования формулируется идея о том, что гармонизация традиционных и инновационных форм и методов образовательной деятельности позволит повысить эффективность процесса обучения и воспитания школьников.

Ключевые слова: система школьного образования, творческое развитие школьника, проектная деятельность, Интернет, цифровых технологий, эффективность обучения

Введение

В настоящее время происходят серьезные трансформации в системе школьного образования. Изменяются стандарты, критерии оценки качества, реализуются новые технологии обучения. Во главу угла ставится процесс формирования самостоятельной личности, которая способна реализовать полученные знания в практической действительности.

Одной из перспективных форм учебного процесса выступает проектная деятельность, призванная совершенствовать знания и умения, эффективно использовать в решении возникающих проблемных вопросов.

Определению роли, которую играет внедрение проектирования в школе, и подходам, обеспечивающим решение проблем, препятствующих реализации потенциала проектной деятельности посвящены труды Блохина А.Л., Каргополова И.С., Лазарева В.С., Липкина А.И., Маслова П.А., Матяш Н.В., Топилиной Н.В., Чанова М.В., и др. [1-9].

Изучение человека, как предмета познания, представлено в работах Ананьева Б. Г., Выготского Л.С., Слободчикова В.И., Цукермана Г.А., и других [10-12].

Применения проектной деятельности, как демонстрируют результаты научных исследований и

практика применения, обеспечивает разработку новых подходов к решению проблем в различных сферах жизни человека.

Проектирование на уровне школьной программы обеспечивает интеллектуальное совершенствование учащихся, так как постановка, одновременно, познавательных и практических задач требует владения навыками аналитической работы по конкретным ситуациям, определения целей, разработки мероприятий, обеспечивающих достижения поставленной цели, умения оценивать эффективность достигнутых результатов.

Представленная форма учебной деятельности, обеспечивает высокую результативность процессу развития знаний, освоения навыками, повышает личностные самооценки, формирует индивидуальное, креативное видение при решении стоящих задач.

Требуется дальнейшая разработка научно-методологических подходов и практических рекомендаций для обеспечения учителей, организующих учебный процесс, стройной дидактической системой проектного метода, способной вовлечь школьников в проектную деятельность.

Методы

В ходе проведения научно-исследовательской работы применялись современные методы систематического качественного анализа фактического

материала, полученного в результате целенаправленного наблюдения, с применением информационно-коммуникационных технологий, за педагогическими явлениями. С учетом педагогических концепций и теории проектирования, их понятийной и терминологической системы, использовались метод системного, сравнительного анализа статистического, монографического и текстового материала, включая контент-анализ публикаций в СМИ, а также, метод экспертных оценок.

Применение современных методов, позволило обосновать целесообразность и эффективность применения в школьной образовательной деятельности, метода проектов, по-новому осмыслив назначение метода проектов и обеспечивать его применение на основе современных представлений.

Результаты

В теории проектирования понятие «проект» имеет латинские корни. Проект переводится, как «брошенный вперед, выступающий, выдающийся вперед», что наиболее полно отражает содержание проектирования.

Проект можно определить, как деятельность, предполагающую осуществление комплекса, каких-либо действий, обеспечивающих достижение определенных целей.

Проектная деятельность обладает следующими общими признаками:

- формулирование конкретной цели, на достижение которой направлен проект;
- индивидуальность (уникальность) каждого проекта;
- системный, скоординированный характер операций, используемых в проекте;
- наличие временных и ресурсных ограничений для реализуемого проекта;
- обязательная, регулярная оценка результатов, достигнутых в проекте. [13.]

Современное проектирование, осуществляемое в школе, выступает в качестве универсального способа постановки задач и поиска индивидуальных подходов к их решению.

Проектная деятельность расширяет возможности творческого развития школьника и формирует алгоритм решения задач, возникающих в любых сферах жизни.

Условно, алгоритм можно сформулировать, как последовательность предпринимаемых действий: «выявление проблемы – формулирование цели – обработка гипотез – оценка результатов».

Школьнику предоставляется возможность, в начале проектирования, принять решение полностью самостоятельно, а в конечном итоге, обеспечить создание собственного продукта.

Подобная форма обучения должна развивать креативное мышление, формировать чувство персональной ответственности, переводить умения в навыки.

Между тем, как демонстрируют результаты проведенных исследований, в школах преобладает практика подмены такой главной цели осуществления проектной деятельности, как развитие мышления школьников, на традиционную цель – расширение знаний.

Инерционный характер, применяемых форм обучения, проявляется в формализме, или попытках введения в заблуждение, путем представления рефератов, докладов, эссе и иных привычных материалов, которые преподносятся как проекты школьников.

Для активного включения учащихся и учителей в проектную деятельность, требуется решить следующие проблемы:

- переосмыслить происходящие изменения в школьной образовательной деятельности, на основании чего, гармонизировать традиционные и инновационные формы и методы обучения;
- сформировать условия, необходимые для внедрения проектной деятельности в школе, начиная с учебно-методического обеспечения учащихся и учителей, внедряющих проекты, и завершая созданием современной материально-технической базы;
- преодолеть формализм, как при оценке показателей работы учителя («больше проектов, лучше показатели»), так и в мотивации школьников к занятию проектами, формируемой на уроках, благодаря таланту учителя, а не стремлением школьника закрыть, благодаря проекту, плохие оценки («скачать из Интернета»);
- внедрить понимание, что проект имеет инновационное содержание, позволяет внести свой персональный вклад в решение конкретных проблем, стать сопричастным к происходящим в жизни реальным событиям, быть услышанным и оцененным по достоинству, что само по себе мотивирует к учебе и саморазвитию [1-9].

Обсуждение

Академик РАО, профессор Лазарев В. С., опираясь на достижения педагогики, психологии и теории проектирования, обосновывает целесообразность включения школьников в проектную деятельность. По мнению академика, проектирование выступает в качестве универсального способа выявления и разрешения проблем, которое применяется в любых сферах деятельности человека, а в школьной образовательной практике, оказывает активное влияние на интеллектуальное развитие учащихся. Результаты проведенного исследова-

ния, полностью подтверждают мнение, сформулированное В.С. Лазаревым [3, 4].

Профессор Матяш Н.В., в своих исследованиях, посвященных проектной деятельности, как форме учебно-познавательной активности школьников, приводит понятие «проектная компетентность», относительно всех уровней образования. Что касается школьной образовательной практики, исследователь, в соответствии с современной образовательной парадигмой, считает, что реализация творческих проектов, призвана обеспечить создание единой системы при наличии различных уровней и сторон процесса обучения. Можно согласиться с мнением Н.В. Матяш при условии, если система объединена единством поставленной цели и наличием обязательной мотивации к ее достижению [7].

Топилина Н.В., в своих исследованиях, убедительно доказывает, что проектирование, как форма учебной деятельности, является эффективным способом развития знаний, умений и навыков. Креативная составляющая, содержащаяся в форме, способствует углублению полученных знаний, самореализации учащегося, формирует индивидуальное видение в решении проблемных вопросов. Можно лишь дополнить мнение Н.В. Топилиной, что самостоятельность дополняется таким качеством, как умение работать в группе [8].

Маслов П.А., рассматривает проектную деятельность, как творческую деятельность, направленную на самостоятельное решение учащимся поставленных познавательных задач. Проектирование позволяет преодолеть недостатки унификации системы образования. Безусловно, унификация, опирающаяся на стереотипы, зачастую не позволяет школьникам, в полной мере, реализовать свои потенциалы [6].

Чанова М.В., расширяет тематику исследований, рассматривая метод проектов с позиций преподавания школьного курса «География России». Изучая процесс модернизации современного географического образования, приходит к выводам о высоких образовательных возможностях, мировоззренческой значимости внедрения проектирования в основной школе. По мнению исследователя, метод проектов, создает условия для личностного и профессионального самоопределения школьников. В тоже время, необходимо отметить факт недостаточного обеспечения методическими рекомендациями образовательного процесса с использованием проектирования, при изучении курса «География России» [9].

Каргополов И.С., приходит к выводам о том, что проектную деятельность следует применяться в рамках всех преподаваемых школьных дисциплин, но с учетом особенностей личности школь-

ника. Исследователь уверен, что главной задачей школьного образования, выступает подготовка ученика к применению полученных знаний в практических условиях.

Соглашаясь с И.С. Каргополовым, следует учитывать только реальные возможности к реализации проектной деятельности. Неукоснительное выполнение государственного образовательного стандарта, сталкивается с необеспеченностью школ, в плане материального и методического снабжения [2].

Выводы

Результаты, полученные в ходе проведения исследования, позволяют сделать вывод о том, что большинство опрошенных школьников и родителей не удовлетворены современной формой преподавания, а подача информации, представленной в рекомендуемой школьной литературе (учебники, пособия и прочее), отличается архаичностью.

Применяемая модель обучения не отличается индивидуальностью и слабо способствует овладению навыками, сформулированными в федеральном государственном образовательном стандарте.

Внешняя и внутренняя среда обитания школьника, переполнена некачественной («фейковой») информацией, что радикально меняет функции учителя, который выступает не в качестве единственного поставщика знаний, а в роли ответственного, надежного проводника обучаемого по потокам постоянно изменяющейся информации.

На учителя лежит обязанность привить школьнику навыки исследователя, который умеет формулировать задачи и осуществлять поиск правильных, непротиворечивых сведений, а также, на их основе, принимать верные решения. То есть учитель должен поставить обучаемого на путь логического и творческого мышления.

Но сама, современная модель обучения, опирающаяся не на изучении разных точек зрения, а на выбор уже обозначенного типового ответа в тесте, не способствует привитию школьникам умения формулировать задачу и искать способы ее решения.

Таким образом, учителю, при внедрении проектирования, как инновационной формы учебной деятельности, приходится сталкиваться с многочисленными проблемами.

Следует помнить, что проектная деятельность призвана возродить интерес школьника к реальному миру, а не к искусственно созданному виртуальному миру, как, в большинстве своем, средству бесцельного времяпровождения пользователей.

Проектирование мотивирует желание исследовать реальную среду обитания, прививает навыки общения, умения управлять процессом, влияет на

достижение личного успеха, закладывает фундамент для самореализации во взрослой жизни.

Проектная деятельность позволяет школьнику идентифицироваться, осознать свои отличия от других сверстников, понять собственные предпочтения, сильные и слабые стороны своей лично-

сти.

Благодаря реализации собственных интересов в рамках проектирования, школьник развивается, учится преодолевать трудности, выстраивает взаимоотношения с окружающими людьми, набирается жизненного опыта.

Литература

1. Блохин А.Л. Метод проектов как личностно-ориентированная педагогическая технология. Ростов-на-Дону, 2005.
2. Каргополов И.С. Проектная деятельность в школе // Молодой ученый. 2019. № 46 (284). С. 277 – 279.
3. Лазарев В.С. Проектная деятельность в школе: учеб. пособие для учащихся 7-11 классов. Сургут: Сургутский гос. пед. ун-т, 2014. 135 с.
4. Лазарев В.С. Проектная деятельность в школе: неиспользуемые возможности [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proektnaya-deyatelnost-v-shkole-neispolzue-mye-vozmozhnosti/viewer> (дата обращения: 24.04.2021)
5. Липкина А.И. Самооценка школьника. Москва, 2014.
6. Маслов П.А. Проектная деятельность как условие самореализации младших школьников на уроках технологии. Духовно-нравственное воспитание в пространстве современного образования. Волгоград: Изд-во ВГИПК РО, 2007. Вып. 5.
7. Матяш Н.В. Проектная деятельность младших школьников: книга для учителя начальных классов. Москва: Вентана-Граф, 2013.
8. Топилина Н.В. Развитие познавательных интересов учащихся начальных классов средствами проектной деятельности // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 2 (69).
9. Чанова М.В. Приобретение учащимися опыта творческой деятельности при использовании метода проектов в обучении географии. Научно-методическое партнёрство в сфере образования // Материалы III Региональной научно-практической конференции, 15 ноября 2005 г. Новосибирск: НГУЭУ, 2006.
10. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Санкт-Петербург: Питер, 2015.
11. Выготский Л.С. Педагогическая психология. Москва: АСТ, Астрель, Люкс, 2015.
12. Давыдов В.В., Слободчиков В.И., Цукерман Г.А. Младший школьник, как субъект учебной деятельности [Электронный ресурс]. URL: <http://www.culturedialogue.org/drupal/ru/node/1998> (дата обращения: 22.04.2021).
13. Зайцев Ю.В., Крутиков В.К., Дорожкина Т.В. Управление проектами Калуга. ИП Стрельцов И.А. (Изд-во «Эйдос») 2015. С. 5 – 14.

References

1. Blohin A.L. Metod proektov kak lichnostno-orientirovannaya pedagogicheskaya tekhnologiya. Rostov-na-Donu, 2005.
2. Kargopolov I.S. Proektnaya deyatel'nost' v shkole. Molodoj uchenyj. 2019. № 46 (284). S. 277 – 279.
3. Lazarev V.S. Proektnaya deyatel'nost' v shkole: ucheb. posobie dlya uchashchihsya 7-11 klassov. Surgut: Surgutskij gos. ped. un-t, 2014. 135 s.
4. Lazarev V.S. Proektnaya deyatel'nost' v shkole: neispol'zuemye vozmozhnosti [Elektronnyj resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proektnaya-deyatelnost-v-shkole-neispolzue-mye-vozmozhnosti/viewer> (data obrashchenie: 24.04.2021)
5. Lipkina A.I. Samoocenka shkol'nika. Moskva, 2014.
6. Maslov P.A. Proektnaya deyatel'nost' kak uslovie samorealizacii mladshih shkol'nikov na urokah tekhnologii. Duhovno-nravstvennoe vospitanie v prostranstve sovremennogo obrazovaniya. Volgograd: Izd-vo VGIPK RO, 2007. Vyp. 5.
7. Matyash N.V. Proektnaya deyatel'nost' mladshih shkol'nikov: kniga dlya uchitelya nachal'nyh klassov. Moskva: Ventana-Graf, 2013.
8. Topilina N.V. Razvitie poznavatel'nyh interesov uchashchihsya nachal'nyh klassov sredstvami proektnoj deyatel'nosti. Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2018. № 2 (69).
9. CHanova M.V. Priobretenie uchashchimisya opyta tvorcheskoj deyatel'nosti pri ispol'zovanii metoda proektov v obuchenii geografii. Nauchno-metodicheskoe partnyorstvo v sfere obrazovaniya. Materialy III Regional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii, 15 noyabrya 2005 g. Novosibirsk: NGUEU, 2006.
10. Anan'ev B.G. SChelovek kak predmet poznaniya. Sankt-Peterburg: Piter, 2015.

11. Vygotskij L.S. Pedagogicheskaya psihologiya. Moskva: AST, Astrel', Lyuks, 2015.
12. Davydov V.V., Slobodchikov V.I., Cukerman G.A. Mladshij shkol'nik, kak sub"ekt uchebnoj deyatel'nosti [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.culturedialogue.org/drupal/ru/node/1998> (data obrashcheniya: 22.04.2021).
13. Zajcev YU.V., Krutikov V.K., Dorozhkina T.V. Upravlenie proektami Kaluga. IP Strel'cov I.A. (Izd-vo «Ejdos») 2015. S. 5 – 14.

*Kosogorova L.A., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Rector,
Institute of Management, Business and Technology,
Krutikov V.K., Doctor of Economic Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Institute of Management, Business and Technology,
Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky*

PROJECT ACTIVITY AT SCHOOL: PROBLEMS AND PROSPECTS

Abstract: the article examines the problems and prospects of introducing project activities in schools, along with traditional educational forms and methods, which is considered as a reasonable continuation of the main direction of the training system associated with the transfer of abilities into skills, the development of imaginative thinking of a student and the use of acquired skills in real life situations. In the context of the development of the Internet, the widespread use of digital technologies, achieving the best results in training based on digital competencies, project activity teaches you to find and critically evaluate information, forms an independent, motivated person who is able to correctly respond to challenges and threats that arise during the implementation of the project. Design is considered as an innovative process in which the student participates directly, providing an effective solution to specific tasks. During the implementation of the educational process, the teacher, in accordance with the requirements, specifics and features of the conditions, teaches the student the methods of project development, the use of tools for analyzing and evaluating the effectiveness of project results. The constant improvement of the methods of control carried out by the teacher over the progress of the project implementation by the school educates responsibility, forms the creativity of the student.

The results of the study formulate the idea that the harmonization of traditional and innovative forms and methods of educational activity will increase the efficiency of the process of teaching and educating schoolchildren.

Keywords: school education system, student's creative development, project activity, Internet, digital technologies, learning efficiency

*Ибрагимов И.Ф., кандидат биологических наук, доцент,
Казанский государственный энергетический университет,
Казанский государственный медицинский университет,
Казанский институт (филиал) Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста России),
Корнев О.А., старший преподаватель,
Казанский государственный медицинский университет,
Шалавина А.С., кандидат биологических наук, доцент,
Галиуллин Р.М., старший преподаватель,
Лифанов А.А., старший преподаватель,
Казанский (Приволжский) федеральный университет*

ОСОБЕННОСТИ ВЫПОЛНЕНИЯ СЕРДЦЕМ НАСОСНОЙ ФУНКЦИИ У МАЛЬЧИКОВ-БОРЦОВ ГРЕКО-РИМСКОГО СТИЛЯ ПОСЛЕ МЫШЕЧНОЙ НАГРУЗКИ В ПЕРИОД ВОССТАНОВЛЕНИЯ

Аннотация: в представленной работе проводится подробное описание различных существующих вариантов определения возможной разницы между частотой сердечных сокращений, ударным объемом крови, минутным объемом кровообращения, а также общим периферическим сопротивлением сосудов, исходя из частоты и уровня сложности получаемой спортивной нагрузки на мышцы, а также при восстановлении после определенного периода времени (в течение 5 минут), после выполнения мышечной нагрузки (какой, к примеру, может быть Гарвардский степ-тест). Кроме этого, проводится подробное сравнение возможных индивидуальных особенностей в процессе изменения режима работы сердца у юных спортсменов с экспериментальной и контрольной группы. На протяжении 3 лет проведения регулярных занятий борьбой, которые были связаны с большим количеством физической нагрузки на мышцы, было замечено большое различие между частотой сердечных сокращений, ударным объемом крови, минутным объемом кровообращения, а также общим периферическим сопротивлением сосудов. Представленные в этой статье результаты, полученные в процессе проведения исследования, смело могут быть использованы тренерами при проведении оценки физической подготовки детей и подростков, и как ориентир правильной организации учебно-тренировочного занятия.

Ключевые слова: экспериментальная группа, контрольная группа, насосная функция сердца, частота сердечных сокращений, ударный объем крови, минутный объем кровообращения, общее периферическое сопротивление сосудов, единоборства, нагрузка на мышцы

Основное правило, которого стоит придерживаться с целью правильной организации работы сердца – постоянное и активное движение. В тех исследованиях, которые существуют в наше время, практически никакого внимания не уделяется вопросам работы сердца в процессе физических нагрузок. Практически нет исследований, которые бы отражали частоту сокращений сердечной мышцы, объем кровообращения за одну минуту времени, а также процесс периферического сопротивления всех сосудов юных спортсменов 8-14 лет. Насосная функция сердца, при условии регулярного посещения спортивных занятий, была изучена множеством ученых [1, 2, 9, 10]. Но все изученные нами труды, в основном, уделяли больше всего внимания описанию существующих исследований работы сердца у взрослых спортсменов. При этом, изменения насосной функции сердца детей практически не рассматривается в изученных научных исследованиях.

Ежегодно все большее количество детей хотя бы регулярно посещают спортивные занятия по дан-

ному виду единоборств. При этом, изученные в процессе проведения теоретической части исследования материалы, очень мало внимания уделяют описанию существующих отличий между насосной функцией сердца спортсменов 8-14 лет.

В данной работе мы исследуем показатели: частоту сокращений сердца, ударный объем крови, минутный объем кровообращения, а также общее периферическое сопротивление сосудов у спортсменов. В этом исследовании приняли участие 90 спортсменов 8-14 лет, которые часто посещают спортивные занятия по греко-римской борьбе в Детской Юношеской Спортивной Школе №2 г. Чистополя, РТ. Респонденты распределились на 3 группы по критерию их возраста, уровня спортивной подготовки и имеющегося спортивного опыта: первая группа – спортсмены 8-10 лет (спортивный опыт – 1 год), вторая группа – 10-12 лет (спортивный опыт – 2 года) и третья группа – 12-14 лет (спортивный опыт – 3 года).

Цель статьи: цель настоящей исследовательской работы состоит в исследовании частоты со-

кращений сердечной мышцы у спортсменов от 8 до 14 лет, которые профессионально занимаются греко-римской борьбой. Так же важно провести исследование в вопросах объема кровообращения за одну минуту времени и проанализировать процесс периферического сопротивления сосудов у юных спортсменов.

Исходя из цели, были выявлены нижеследующие задачи настоящей исследовательской работы:

1. Провести всесторонний анализ, по результату которого можно будет сделать обоснованные выводы о разнице между частотой сокращений сердечной мышцы, объеме кровообращения за одну минуту времени и процессе периферического сопротивления сосудов у юных спортсменов в возрасте от 8 до 14 лет, которые профессионально занимаются греко-римской борьбой.

2. Выявить наиболее важные различия в данной области в процессе прохождения восстановления после активных спортивных нагрузок.

Методы исследования

Основные методы исследования – это метод наблюдение и фиксирования результатов. Само исследование проводилось в течение 1 года, в различные периоды времени года – октябрь, январь и май. Частота сокращений сердечной мышцы измерялась дважды у спортсменов, при каждой их тренировки – до начала занятий и после, когда происходил процесс восстановления организма. Для то-

го, чтобы описать насосную функцию сердца был применен метод Кубичека в соавторстве с Пушкарем [5, 11].

Для того, чтобы провести соответствующие измерения на спортсмена надевалось несколько токовых электрода: 2 из них размещались на шее и животе, так же был помещен один электрод на область грудной клетки. Для определения степени правильности полученных результатов, они были перепроверены при помощи классической методики – t-критерия Стьюдента.

Полученные результаты, после проведенного исследования. Основные результаты представлены на рис. 1 настоящей работы. По результатам исследования было выявлено, что среди спортсменов, возраст которых от 8 до 10 лет, наблюдается снижение частоты сокращений сердечной мышцы уже после 5 минуты покоя. Но это актуально только для тех спортсменов, которые посещают регулярные занятия в течение 1 года. Частота сердечных сокращений очень сильно меняется у исследуемых спортсменов 10-12 лет, которые часто посещают спортивные занятия по греко-римской борьбе на протяжении 2 лет. Это говорит о том, что в период октября частота сердечных сокращений меняется на 5 минуте, в период января – на 4 минуте процесса восстановления, а в период мая – на 3 минуте отдыха.

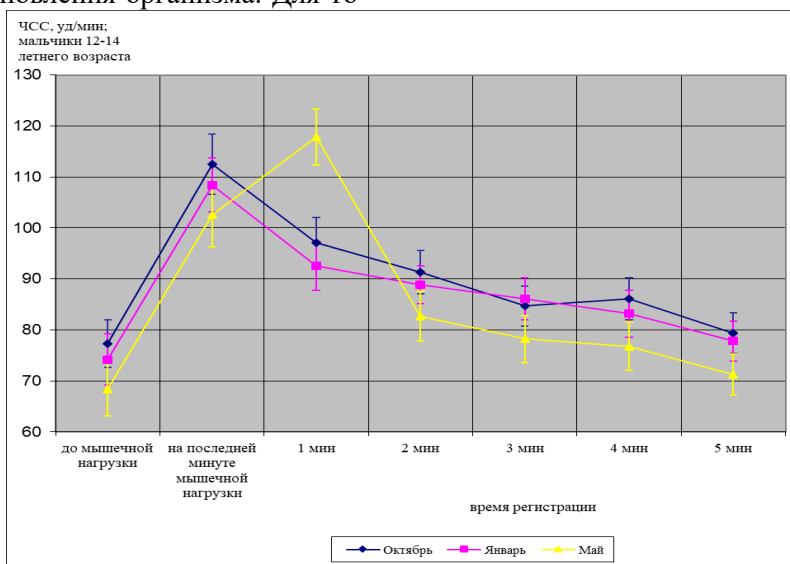

Рис. 1. ЧСС (уд/мин) у мальчиков экспериментальной группы, до мышечной нагрузки и в период восстановления после выполнения Гарвардского степ-теста

У спортсменов 12-14 лет, из-за частого посещения спортивных занятий по данному виду единоборств в течение 3 лет, частота сердечных сокращений меняется на 2 минуте отдыха. При этом, у тех респондентов, которые не посещают никаких спортивных занятий, частота сердечных сокращений меняется не раньше, чем на 4 минуте. Проанализировав полученные в процессе проведения ис-

следования данные, можно сделать выводы, что у не занимающихся спортом в процессе проведения степ-теста, восстановительный процесс частоты сердечных сокращений гораздо медленнее.

У спортсменов 8-10 лет (рис. 2) ударный объем крови меняется в период мая на 5 минуте прохождения процесса восстановления. У респондентов, которые совсем не занимаются никаким видом

спорта, не меняется даже после 5 минут процесса восстановления. Спустя 2 года проведения данного исследования, было замечено, что у спортсменов ударный объем крови меняется в период октября на 4 минуте, в период января и мая – на 3 минуте отдыха. В группе респондентов, не уделяющих должного внимания посещению спортивных занятий, в период октября показатели изменились на 5 минуте отдыха, а в период мая – на 4

минуте процесса восстановления. Лучше всего ударный объем крови меняется у спортсменов, которые посещают спортивные занятия борьбой от 3 лет. Ударный объем крови изменился уже на 1 и 2 минуте прохождения процесса восстановления. При этом у тех респондентов, которые не занимаются абсолютно никаким видом спорта, ударный объем крови изменился не раньше 4 минуты процесса восстановления.

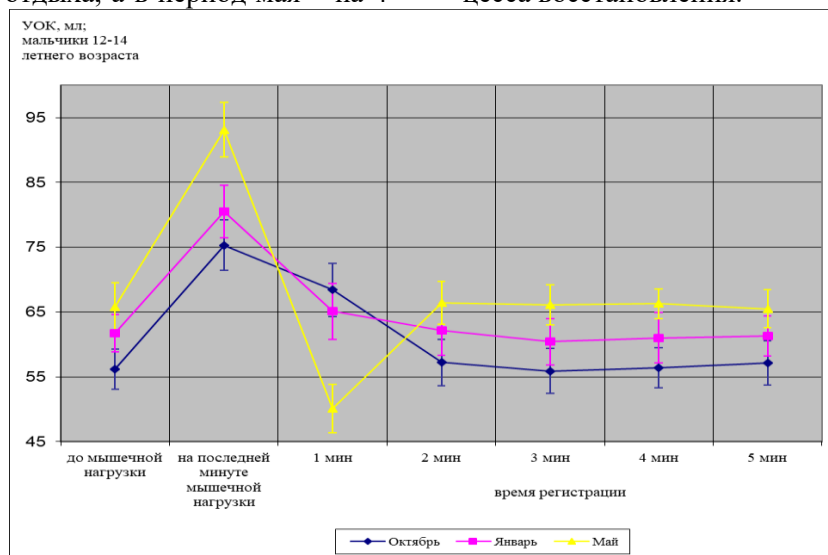

Рис. 2. УОК (мл) среди юношей исследовательской группы, до начала занятий и в период покоя после выполнения Гарвардского степ-теста.

У спортсменов 12-14 лет, на 3 году занятий – в мае, была обнаружена «отрицательная фаза» ударного объема крови при восстановлении (рис.2). Кроме этого, в другие периоды отдыха подобные изменения не происходят. Это доказывает то, что уменьшение уровня ударного объема крови происходит не раньше 3 года частого посещения спортивных занятий – в период самой лучшей физической подготовки. Вполне вероятно, происходит это из-за того, что сердце хочет покоя, поэтому возникает необходимость для самостоятельного снижения ударного объема крови. В этот период времени можно достичь хороших результатов в работе сердечной мышцы [7]. Если же сердце будет натренировано, то оно так или иначе увеличится в размере, за счет более сильного сокращения мышц [8].

У спортсменов (рис. 3), которые часто посещают спортивные занятия не меньше года, минутный объем кровообращения меняется в период октября на 4 минуте, а в период января и мая уже на 3 минуте состояния покоя. Говоря об исследуемой группе, в ней изменения были замечены уже на 4 минуте отдыха в октябре и январе. В мае данный показатель сократился на 1 минуту. По проше-

ствии двух лет в период октября и января объем кровообращения за 1 минуту изменился на 3 минуте, а в мае уже на 1 минуте состояния покоя. В контрольной группе, спустя 2 года проведения исследования, снижение минутного объема кровообращения произошло в период октября, января и мая на 3 минуте процесса восстановления. У молодых спортсменов, которые посещают спортивные занятия 3 года, минутный объем кровообращения изменился на 1 минуте. В контрольной группе – на 3 минуте отдыха. Исходя из полученных результатов в процессе проведения данного исследования, минутный объем кровообращения у респондентов, которые совсем не уделяют времени спортивным занятиям, происходит гораздо медленнее. Вполне вероятно, что это объясняется тем, что при большом уровне спортивной нагрузки не удастся достичь нужного уровня кровообращения в мышцах, а также доставку к ним достаточного количества кислорода. Процесс вывода продуктов метаболизма продолжается и после окончания полученной спортивной нагрузки на мышцы из-за высокого уровня минутного объема кровообращения.

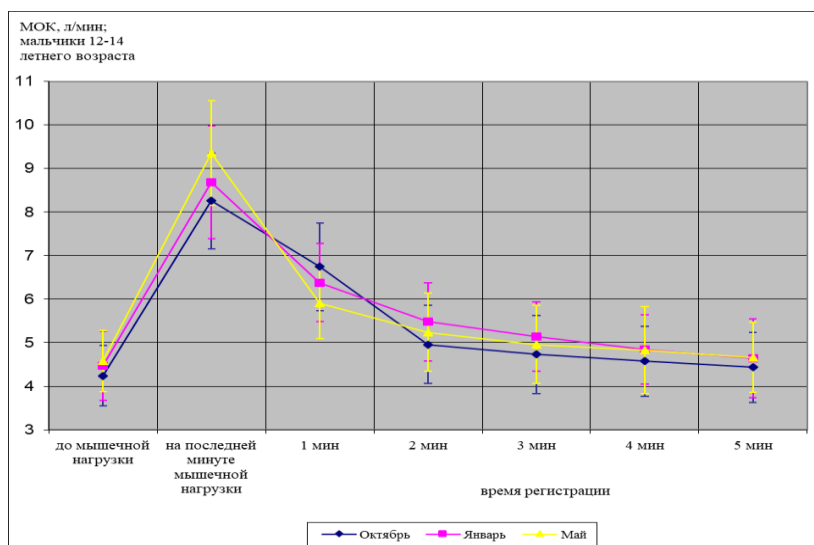

Рис. 3. МОК (л/мин) у мальчиков экспериментальной группы, до мышечной нагрузки и в период восстановления после выполнения Гарвардского степ-теста

Высокие значения минутного объема кровообращения у спортсменов говорит о том, что для сердца свойственным является привыкание к низкому уровню питательных веществ и воздуха, которые поступают в человеческий организм. Именно поэтому, сердечное сокращение происходит в зависимости от объема крови. В литературе обращается внимание на то, что от массы крови в организме человека напрямую будет зависеть и его наполненность, и процесс сокращения (МОК) [11].

Из вышеизложенного следует, что постоянные спортивные занятия достаточно сильно влияют на сердечно-сосудистую систему. Уровень работы сердца немного лучше у спортсменов. Увеличение

уровня частоты сокращений сердца, исходя из нагрузки на мышцы, у мальчиков из экспериментальной группы, происходит из-за частоты сердечных сокращений, а также ударного объема крови, а у мальчиков из контрольной группы – частоты сердечных сокращений.

У спортсменов 8-10 лет (рис. 4) изменение общего периферического сопротивления сосудов происходит в мае на 5 минуте процесса восстановления. В группе респондентов, не имеющих отношения к спорту, восстановление общего периферического сопротивления сосудов не происходит и после 5 минуты, прошедшей с начала покоя.

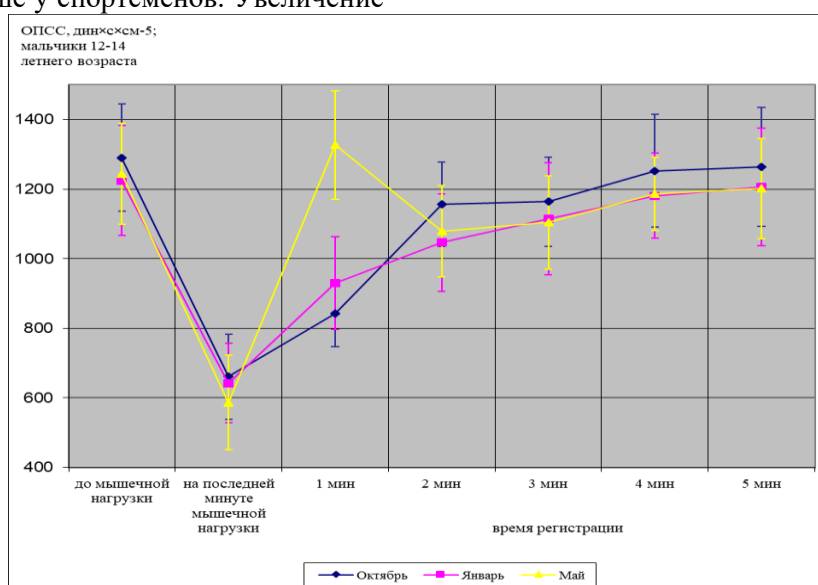

Рис. 4. ОПСС (дин/с/см⁵) у юношей исследуемой группы, до тренировки и в период отдыха после выполнения Гарвардского степ-теста

В рамках данного исследования не менее важно отметить тот факт, что спустя два года непрерывных тренировок греко-римской борьбы общее периферическое сопротивление сосудов восстановилось на 4 минуте, но только в октябре и январе, а в период мая месяца уже на 2 минуте процесса восстановления. У респондентов, не имеющих отношения к спорту, после 2 лет проведения исследования, общее периферическое сопротивление сосудов восстановилось не раньше майского периода, на 5 минуте отдыха. Быстрее всего восстановилось общее периферическое сопротивление сосудов у спортсменов 12-14 лет, занимающихся борьбой на протяжении 3 лет, в период октября на 2 минуте, в период января и мая – на 1 минуте. У исследуемых, которые совсем не занимаются спортом, общее периферическое сопротивление сосудов восстановилось в период октября на 5 минуте, в период января и мая – на 4 минуте. По этой причине можно предположить, что у тех, кто регулярно занимается греко-римской борьбой, при постепенном увеличении спортивного опыта, потраченное время на процесс восстановления общего периферического сопротивления сосудов будет становиться гораздо меньше.

Важной является та информация, что у спортсменов 12-14 лет после 3 лет систематических занятий, сразу же после первой минуты отдыха повышается периферическая сопротивляемость сосудов. Правда все это приводит к отрицательным показателям ударного объема крови в организме спортсмена. При этом, на 1 и 2 году постоянных спортивных тренировок такие изменения не были замечены.

Заключение

Постоянные спортивные занятия достаточно сильно влияют на сердечно-сосудистую систему. Улучшение работы сердца было выявлено больше у спортсменов, чем у тех, кто совершенно не занимается никаким видом спорта. При этом, стоит обратить внимание на тот факт, что увеличение частоты сокращений сердца, после проведения

интенсивных спортивных занятий, у спортсменов является причиной того, что становится большим ударный объем крови.

Вышеизложенные факты дают нам основание сделать **выводы**:

1. В ходе проведенного исследования спортсменов было выявлено, что после нагрузки на мышцы из-за спортивных занятий, время восстановления частоты сердечных сокращений существенно сокращается.

2. Как ни странно, замеченное сокращение ударного объема крови при восстановлении после обычной нагрузки, содействует увеличению систолического выброса крови (ударного объема крови).

3. После выполнения степ-теста, весьма трудно добиться оптимального уровня кровообращения в наиболее перегруженных мышцах. Вместе с тем, процесс выведения продуктов метаболизма не заканчивается сразу же после окончания тренировки.

4. В процессе высокой нагрузки на организм, сердцу приходится приспосабливаться к новым условиям. Потому что в этот момент сердце получает намного меньше питательных веществ, в связи с чем происходит учащенный процесс кровообращения в организме.

5. В результате исследования было выявлено, что общая масса тела спортсмена оказывает непосредственное влияние на объем крови, проходящий по организму в одну минуту времени.

6. Было выявлено, что на начальном этапе объем крови намного выше, чем сразу после тренировки. Это обусловлено тем, что в организме происходит процесс общего периферического сопротивления сосудов с большей скоростью, чем во время относительного покоя организма. Если же говорить о пониженном уровне ОПСС, то он обусловлен тем, что уровень венозного возврата крови так же понижен, что и приводит к отрицательной фазе ударного объема крови.

Литература

1. Абзалов Р.А., Вахитов И.Х., Сафин Р.С., Кабыш Е.Г. Показатели ударного объема крови у юношей, занимающихся упражнениями динамического и статического характера // Теор. и практ. физической культуры. 2002. № 2. С. 13 – 14.
2. Бальсевич В.К. Онтокинезиология человека. М.: ТиПФК, 2000. 275 с.
3. Нигматулина Р.Р. Насосная функция сердца развивающегося организма и ее регуляция при мышечной тренировке: дис. ... докт. биол. наук. Казань, 1999. 455 с.
4. Павлова О.И. Особенности сердечного выброса у спортсменов разной квалификации, специализации и возраста: дис. ... канд. биол. Наук. Казань, 1997. 89 с.
5. Пушкарь Ю.Т., Большов В.Н., Елизарова Н.А. и др. Определение сердечного выброса методом тетраполярной реографии и его методологические возможности // Кардиология. 1977. № 7. С. 85 – 90.
6. Теплов С.И. Кровоснабжение и физиология организма. Л.: Наука. 1987. 123 с.

7. Маркосян А.А. Вопросы возрастной физиологии. М.: Просвещение, 1974. 223 с.
8. Парин В.В., Баевский Р.М., Волков Ю.П. и др. Космическая кардиология. Л.: Медицина, 1967. 267 с.
9. Файзрахманов И.И. Особенности насосной функции сердца лиц, занимающихся национальной борьбой «Куреш»: дис. ... канд. биол. наук. Казань, 2006. С. 19.
10. Хайруллина Г.Н. Адаптация насосной функции сердца спортсменов – дзюдоистов к мышечным нагрузкам: дис. ... канд. биол. наук. Казань, 2003. С. 22.
11. Kubichek W.Q., Karnegis I.N., Petterson R.P. et al. Development and evolution of an impedance cardi-acoutput system // *Aerosp. med.* 1966. Vol. 37. № 12. P. 1208 – 1212.

References

1. Abzalov R.A., Vahitov I.H., Safin R.S., Kabyshev E.G. Pokazateli udarnogo ob"ema krovi u yunoshej, zanimayushchihsya upravleniyami dinamicheskogo i staticheskogo haraktera. *Teor. i prakt. fizicheskoy kul'tury.* 2002. № 2. S. 13 – 14.
2. Bal'sevich V.K. *Ontokineziologiya cheloveka.* М.: ТiPFK, 2000. 275 s.
3. Nigmatulina R.R. Nasosnaya funkciya serdca razvivayushchegosya organizma i ee regulyaciya pri myshechnoj trenirovke: dis. ... dokt. biol. nauk. Kazan', 1999. 455 s.
4. Pavlova O.I. Osobennosti serdechnogo vybrosa u sportsmenov raznoj kvalifikacii, specializacii i vozrasta: dis. ... kand. biol. Nauk. Kazan', 1997. 89 s.
5. Pushkar' YU.T., Bol'shov V.N., Elizarova N.A. i dr. Opredelenie serdechnogo vybrosa metodom tetrapolyarnoj reografii i ego metodologicheskie vozmozhnosti. *Kardiologiya.* 1977. № 7. S. 85 – 90.
6. Teplov S.I. *Krovosnabzhenie i fiziologiya organizma.* L.: Nauka. 1987. 123 s.
7. Markosyan A.A. *Voprosy vozrastnoj fiziologii.* М.: Prosveshchenie, 1974. 223 s.
8. Parin V.V., Baevskij R.M., Volkov YU.P. i dr. *Kosmicheskaya kardiologiya.* L.: Medicina, 1967. 267 s.
9. Fajzrahmanov I.I. Osobennosti nasosnoj funkcii serdca lic, zanimayushchihsya nacional'noj bor'boj «Kurash»: dis. ... kand. biol. nauk. Kazan', 2006. S. 19.
10. Hajrullina G.N. Adaptaciya nasosnoj funkcii serdca sportsmenov – dzyudoistov k myshechnym nagruzkam: dis. ... kand. biol. nauk. Kazan', 2003. S. 22.
11. Kubichek W.Q., Karnegis I.N., Petterson R.P. et al. Development and evolution of an impedance cardi-acoutput system. *Aerosp. med.* 1966. Vol. 37. № 12. P. 1208 – 1212.

*Ibragimov I.F., Candidate of Biological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Kazan State Power Engineering University,
Kazan State Medical University,
Kazan Institute (branch) of All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia),
Kornev O.A., Senior Lecturer,
Kazan State Medical University,
Shalavina A.S., Candidate of Biological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Galiullin R.M., Senior Lecturer,
Lifanov A.A., Senior Lecturer,
Kazan (Volga Region) Federal University*

FEATURES OF THE HEART PUMPING FUNCTION IN BOYS-WRESTLERS OF THE GRECO-ROMAN STYLE AFTER A MUSCLE LOAD DURING THE RECOVERY PERIOD

Abstract: this paper provides a detailed description of the various existing options to determine the possible difference between heart rate, stroke volume, minute volume of blood circulation, and total peripheral vascular resistance, based on the frequency and level of complexity of the resulting athletic load on the muscles, as well as during recovery after a certain period of time spent on heavy athletic load on the muscles (which, for example, can be the Harvard step test). In addition, a detailed comparison of possible individual features in the process of changing the mode of heart function in men with the experimental and control groups of the studied respondents is carried out. Over the course of 3 years of regular sports activities, which were associated with a large amount of physical activity on the muscles, a large difference was observed between the heart rate, stroke volume of blood, minute volume of blood circulation, as well as the total peripheral vascular resistance. The results presented in this article, obtained in the course of the study, can be safely used by coaches when assessing the physical fitness of clients and the correctness of the organization, as well as conducting sports activities.

Keywords: experimental group, control group, heart pumping function, heart rate, stroke volume of blood, minute volume of blood circulation, total peripheral vascular resistance, martial arts, muscle load

*Боровик Д.А., аспирант,
Мягкова С.Н., доктор педагогических наук, профессор,
Российский государственный университет физической
культуры, спорта, молодежи и туризма*

СПЕЦИФИКА УПРАЖНЕНИЙ В ЗАНЯТИЯХ ИСТОРИЧЕСКИМ ФЕХТОВАНИЕМ И ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИЕЙ

Аннотация: в современных условиях популяризации спорта среди молодёжи и политики приобщения максимально возможного количества молодых людей к занятиям физической культурой, становится необходимым изучение новых, зарождающихся, потенциальных дисциплин, способных охватить и заинтересовать новые слои населения для вовлечения в занятия физической культурой. Историческое фехтование и историческая реконструкция включают в себя физическое воспитание личности, через средства физической культуры, является зрелищным видом физической активности, в некоторой степени, благодаря романтизированному образу рыцарей. Это новое, динамично развивающееся движение обладает перспективами в изучении и дальнейшем применении результатов в области физического воспитания.

Цель данного исследования определить специфичные, эффективные методы спортивной подготовки в историческом фехтовании и исторической реконструкции. В качестве задач ставится:

1. Определить, базируясь на теоретическом изучении источников литературы наиболее значимые для исторического фехтования физические качества;
2. Провести педагогический эксперимент с разработанной методикой упражнений, а также оценить динамику показателей результативности спортсменов, занимающихся историческим фехтованием и исторической реконструкцией;

Подобное исследование способно дать практическую значимость результатов, а именно обосновать возможность использования специальных упражнений в занятиях историческим фехтованием и исторической реконструкцией как инструмента повышения результативности спортсменов в клубах исторической реконструкции.

Ключевые слова: историческая реконструкция, историческое фехтование, современный мечевой бой, исторический средневековый бой, боевые искусства

В основу изучения воздействия упражнений, используемых в историческом фехтовании и исторической реконструкции ложится исследование специфического характера занятий и тренировок спортсменов этого боевого искусства. Наиболее ценными физическими качествами для достижения высоких результатов на соревнованиях в историческом фехтовании являются быстрота, сила, выносливость. Эти качества выделяются исследователями как основные, но комплексно, как и в других контактных видах спорта, задействуются все доступные характеристики.

В историческом фехтовании и исторической реконструкции выносливость позволяет спортсмену поддерживать высокий темп ведения боя в заключительной части поединка, при условии, что в тренировочном процессе эффективно и рационально адаптированы нагрузки различного объёма, обеспечивающие оптимизацию физического состояния спортсменов.

При проведении последовательного педагогического эксперимента, из выбранных 20 занимающихся клуба исторической реконструкции и фехтования «Ромейская Рота» были сформированы две группы по 10 человек в возрасте от 18 до 24 лет, контрольная и экспериментальная. Кон-

трольная группа на протяжении исследования продолжала заниматься историческим фехтованием по имеющейся программе клуба, к экспериментальной группе для выявления эффективности применили разработанную методику занятий.

Спортсмены занимались специальной физической подготовкой три раза в неделю, первое тренировочное занятие (вторник) было направлено на развитие быстроты, путём парных упражнений в стойке с определённой очерёдностью действий спортсменов, но без интервалов при смене ведущего в паре. Второе тренировочное занятие (четверг) – на развитие скоростной выносливости, где увеличивалась продолжительность боёв со строгим контролем интенсивности выполнения. Третье тренировочное занятие (суббота) направлено на обучение и совершенствование техники и тактики ведения поединка. Здесь спортсмены оттачивали мастерство в таких упражнениях как: «ладья», регулирующую дистанцию боя противников, не позволяя им входить в клинч, упражнение «цифры» ключ к удачному выполнению которого лежит в обманных движениях и финтах, упражнение «острова», требующее заранее определить тактику перемещения, а также множественные командные схватки с различной численностью бойцов.

В каждом из трёх занятий, первые 30 минут занимали разминочный бег, беговые упражнения, общая разминка с использованием общеразвивающих и специальных упражнений. Большое внимание уделяется разминке запястья, на которое приходится повышенная нагрузка и на разминку которого направлены основная часть специальных упражнений.

Оценивая активность действий спортсменов исторического фехтования и исторической реконструкции в начале педагогического эксперимента, параметр количество ударов в минуту для контрольной группы составлял в среднем 64,6 удара, для экспериментальной группы 61,4 удара в минуту. Каждая атака включала в себя несколько комбинированных ударов, а между атаками происходило выжидание, подбор момента и ложные выпады соперников.

Также оценивалась надёжность атак в процентном отношении своевременно начатых и успешных атак к провалившимся или малоэффективным, в личных поединках один на один. Для контрольной группы соотношение составило в среднем 26,34%, для экспериментальной группы 25,68%.

Параметр результативности оценивался по количеству нанесённых соперниками ударов в поражаемую зону с присуждением за каждый по одному победному баллу. Для контрольной группы параметр составил в среднем 48,5 победных баллов, для экспериментальной группы в среднем 44,6 победных баллов, набранных победителем в поединке.

Чтобы дополнить параметр результативности также учитывались количество отражённых, заблокированных ударов противника, парирование которых не допустило получения оппонентом победного балла. Для контрольной группы количество парирований составило в среднем 72,6 ударов, для экспериментальной группы 71,8 ударов.

Определялся показатель комбинационности, также в процентном соотношении проведённых приёмов в связке, комбинации к общему количеству осуществлённых атак. Для контрольной группы это соотношение составило в среднем 63,9%, а для экспериментальной группы 62,4% за личный поединок один на один.

Показатель тактическая подготовленность атак оценивался в процентном соотношении тактически подготовленных приёмов к общему количеству проведённых атак. В данном параметре учитывались как успешно нанесённые удары принёсшие победные баллы, так и провалившиеся атаки, но осуществлённые или начатые тактически, верно. Для контрольной группы параметр составил в среднем 37,3% для экспериментальной группы в среднем 35,8%.

Анализ избранных параметров подготовленности спортсменов исторического фехтования и исторической реконструкции показал отсутствие достоверных различий между показателями участников контрольной и экспериментальной групп, что допускает заключить вывод об относительной однородности выборки испытуемых.

После применения к экспериментальной группе разработанной методики в конце педагогического эксперимента были повторно проведены измерения тех же показателей у обеих групп спортсменов.

Оценивая активность действий спортсменов исторического фехтования и исторической реконструкции, параметр количество ударов в минуту для контрольной группы в конце педагогического эксперимента составило 65,8 удара в среднем. Для экспериментальной группы этот показатель вырос в среднем до 68,4 ударов в минуту.

Показатель надёжность атак в процентном отношении успешных атак к провалившимся или малоэффективным для контрольной группы в конце эксперимента составил в среднем 27,86%, а для экспериментальной группы поднялся в среднем до 29,16%.

Параметр результативности нанесённых атак в конце педагогического эксперимента для контрольной группы составил в среднем 50,5 баллов. Этот параметр для экспериментальной группы составил в среднем 54,2 победных балла.

Дополнительно оценив результаты парирования и отражения ударов соперника показатель составил для контрольной группы в среднем 76,9 ударов, а для экспериментальной группы к концу педагогического эксперимента составил в среднем 79,6 ударов.

Показатель комбинационности, проведённых приёмов в связках для контрольной группы составил в среднем 65,1%. Этот же показатель комбинационности для экспериментальной группы в конце эксперимента составил в среднем 67,8%.

Тактическая подготовленность проведённых атак для контрольной группы составила в среднем 38,6%, для экспериментальной группы показатель в среднем находится на уровне 40,2%.

Таким образом по результатам основного педагогического эксперимента можно заключить, что применение разработанных специфических упражнений в подготовительном периоде спортсменов исторического фехтования и исторической реконструкции позволило существенно повысить результативность и работоспособность занимающихся. Тренировочный процесс нового характера показал более высокую эффективность относительно традиционной клубной методики подготовки.

Литература

1. Акопян А.О. Управление тренировочным процессом в спортивных единоборствах. М.: Медицина и спорт. 2005. № 9. С. 1412.
2. Арансон М.В. Биологическое обоснование тренировочной и соревновательной деятельности в историческом фехтовании: автореф. дис. ... канд. биолог. наук / Всерос. науч.-исслед. ин-т физ. культуры и спорта. Москва, 2007. 23 с.
3. Кадер А.М. Движение исторической реконструкции как среда самореализации личности в сфере досуга: автореф. дис. ... канд. педаг. наук / С.-Петербург. гуманитар. ун-т профсоюзов. Санкт-Петербург, 2018. 26 с.
4. Калмыков С.В. Основы индивидуализации подготовки спортсменов-единоборцев. Улан-Удэ: Бурятское книж. изд-во, 1994. 151 с.
5. Новиков А.А. Основы спортивного мастерства: монография по управлению тренировочным процессом единоборцев. М.: Советский спорт, 2012. 256 с.
6. Шаронова Е.В. Движение исторической реконструкции в России: глубокая периодизация феномена // Молодежь в науке и культуре XXI века: научные школы: материалы международного научно-творческого форума, 1-2 ноября 2018 г. Челябинск: ЧГИК, 2018. С. 86 – 98.

References

1. Akopyan A.O. Upravlenie trenirovochnym processom v sportivnyh edinoborstvah. M.: Medicina i sport. 2005. № 9. S. 1412.
2. Aranson M.V. Biologicheskoe obosnovanie trenirovochnoj i sorevnovatel'noj deyatel'nosti v istoricheskom fekhтовании: avtoref. dis. ... kand. biolog. Nauk. Vseros. nauch.-issled. in-t fiz. kul'tury i sporta. Moskva, 2007. 23 s.
3. Kader A.M. Dvizhenie istoricheskoy rekonstrukcii kak sreda samorealizacii lichnosti v sfere dosuga: avtoref. dis. ... kand. pedagog. Nauk. S.-Peterb. gumanitar. un-t profsoyuzov. Sankt-Peterburg, 2018. 26 s.
4. Kalmykov S.V. Osnovy individualizacii podgotovki sportsmenov-edinoborcev. Ulan-Ude: Buryatskoe knizh. izd-vo, 1994. 151 s.
5. Novikov A.A. Osnovy sportivnogo masterstva: monografiya po upravleniyu trenirovochnym processom edinoborcev. M.: Sovetskij sport, 2012. 256 s.
6. SHaronova E.V. Dvizhenie istoricheskoy rekonstrukcii v Rossii: glubokaya periodizaciya fenomena. Molodezh' v nauke i kul'ture XXI veka: nauchnye shkoly: materialy mezhdunarodnogo nauchno-tvorcheskogo foruma, 1-2 noyabrya 2018 g. CHelyabinsk: CHGIK, 2018. S. 86 – 98.

*Borovik D.A., Postgraduate,
Myagkova S.N., Doctor of Pedagogic Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Russian State University of Physical Education, Sport, Youth and Tourism*

SPECIFIC EXERCISES IN HISTORICAL FENCING AND HISTORICAL RECONSTRUCTION

Abstract: in modern conditions of the popularization of sports among youth and the policy of involving the maximum possible number of young people in physical education, it becomes necessary to study new, emerging, potential disciplines that can cover and interest new segments of the population for involvement in physical education. Historical fencing and historical reconstruction include physical education of the individual, through the means of physical education, is a spectacular form of physical activity, to some extent, thanks to the romanticized image of the knights. This new, dynamically developing movement has prospects in the study and further application of the results in the field of physical education.

The purpose of this research is to determine specific, effective methods of sports training in historical fencing and historical reconstruction. The tasks are:

1. Determine, based on a theoretical study of literature sources, the most significant physical qualities for historical fencing;
2. Conduct a pedagogical experiment with the developed methodology of exercises, as well as assess the dynamics of performance indicators of athletes involved in historical fencing and historical reconstruction;

Such a study is capable of giving the practical significance of the results, namely, to substantiate the possibility of using special exercises in the lessons of historical fencing and historical reconstruction as a tool for increasing the effectiveness of athletes in the clubs of historical reconstruction.

Keywords: historical reconstruction, historical fencing, modern sword fighting, historical medieval battle, martial arts

*Соколов В.Л., кандидат педагогических наук, доцент,
Костенко Е.Г., кандидат педагогических наук,
Толстых О.С., старший преподаватель,
Амбарцумян Н.А., старший преподаватель,
Фликова А.Н.,
Кубанский государственный университет
физической культуры, спорта и туризма*

АНАЛИЗ ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ, ЗАНИМАЮЩИХСЯ СПОРТИВНОЙ АКРОБАТИКОЙ В МУЖСКИХ ПАРАХ

Аннотация: психологическое обеспечение тренировочного процесса является неотъемлемой частью подготовки спортсменов, нацеленной на достижения высоких результатов в ходе ведения соревновательной борьбы. В современном мире спорта остается актуальным поиск путей, средств и методов направленных на оптимизацию взаимоотношений при совместной деятельности, в том числе и в различных видах акробатики.

Цель исследования: анализ коммуникативных способностей и психологической совместимости, занимающихся спортивной акробатикой.

В исследование принимали участие студенты и преподаватели Кубанского государственного университета физической культуры и спорта, мужские пары, занимающиеся спортивной акробатикой на этапе совершенствования спортивного мастерства.

Проведено психологическое тестирование для определения уровня сработанности и совместимости, развития коммуникативных способностей, занимающихся спортивной акробатикой в мужских парах

Анализ индивидуально – психологических особенностей спортсменов показал влияния уровня сработанности и совместимости на достигнутый результат в ходе ведения соревновательной борьбы.

Результаты данной работы можно применять в практической деятельности тренеров по спортивной акробатике для комплектования акробатических пар и групп с учётом индивидуально-психологических и личностных особенностей партнёров.

Ключевые слова: анализ, уровень, совместимость, сработанность, коммуникативные способности

Акробатика относится к категории сложно координационных видов спорта, характеризующихся большим объемом и интенсивностью физических нагрузок с выполнением динамических и статических упражнений по удержанию массы собственного тела и партнеров (групповая, парная акробатика) [5]. Все партнеры в паре или группе должны принадлежать к одной из возрастных категорий: 11-16 лет, 12-18 лет, 13-19 лет, 14 и старше (старшие категории).

Профессиональная карьера спортсмена напрямую зависит от того, как у него складываются взаимоотношения с тренером, как чувствует себя в команде, как проявляет себя, как лидер, насколько грамотно получает информацию о соперниках [6]. На практике зачастую при формировании групп и пар в недостаточной мере уделяется внимание индивидуально-психологическим особенностям, и

как следствие возникают негативные взаимоотношения, конфликтные ситуации, повышается эмоциональная напряженность, происходит смена партнеров или полная раскомпоновка состава [3]. Решение данных проблем напрямую связано с развитием в течение жизни и тренировок коммуникативных способностей. Общение особенно важно для представителей командных видов спорта, а именно для спортивных акробатов. В связи с этим возникла необходимость исследования целью которого является анализ коммуникативных способностей и психологической совместимости, занимающихся спортивной акробатикой.

Коммуникативные способности являются важной и неотъемлемой частью спортивной деятельности, в том числе и в спортивной акробатике, включающие общение спортсмена с тренером, командой, соперниками, а также судьями (рис. 1).

Рис. 1. Коммуникации спортсмена

Эффективность и результативность этого общения зависит от уровня развития коммуникативных способностей занимающегося, приобретённого им в течение жизни.

Уровень психологической совместимости, в основе которой лежат личностные качества (рис. 2), определяется как сходством каких-либо одних качеств членов коллектива, так и различием других [1].

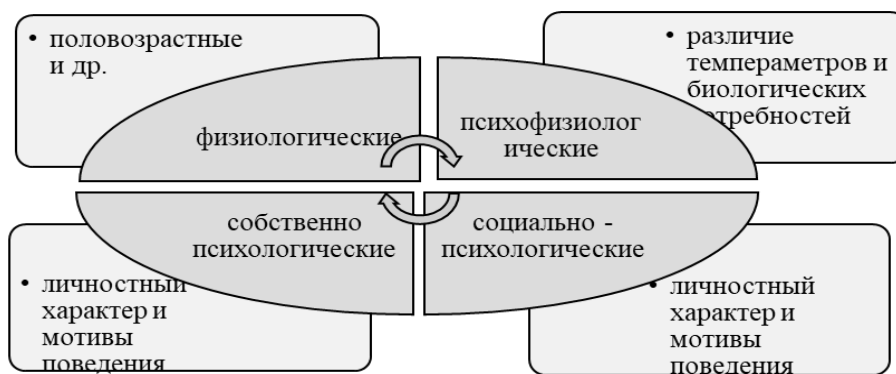

Рис. 2. Личностные качества психологической совместимости

Целью эмпирического исследования являлось выявление уровня развития коммуникативных способностей и психологической совместимости, занимающихся спортивной акробатикой с помощью теста «СРАСОВ» (Н.Н. Обозов) [4] и теста «Коммуникативные способности» [2].

Для выявления уровня сработанности и совместимости акробатических составов было проведено исследование, в котором приняли участие 10 человек: 5 мужских пар с квалификацией кандидаты в мастера спорта (табл. 1).

Таблица 1

Результаты исследования сработанности и совместимости в мужских парах на этапе совершенствования спортивного мастерства

№	Занимающийся	Амплуа	Разряд	Сработанность	Оценка	Совместимость	Оценка
1	Р.	верхний	КМС	6	Удовл.	6	Удовл.
	И.	нижний	КМС	10	Отл.	11	Отл.
	Общий балл				16	Хор.	17
2	М.	верхний	КМС	6	Удовл.	6	Удовл.
	Г.	нижний	КМС	6	Удовл.	11	Отл.
	Общий балл				12	Удовл.	17

Продолжение таблицы 1

3	Г.	верхний	КМС	6	Удовл.	9	Хор.
	П.	нижний	КМС	9	Хор.	10	Отл.
	Общий балл			15	Хор.	19	Отл.
4	С.	верхний	КМС	6	Удовл.	6	Удовл.
	Ф.	нижний	КМС	7	Хор.	9	Хор.
	Общий балл			13	Хор.	15	Хор.
5	К.	верхний	КМС	8	Хор.	8	Хор.
	Х.	нижний	КМС	6	Удовл.	9	Хор.
	Общий балл			14	Хор.	17	Хор.

Анализ показывает, что максимальный балл по показателю совместимости (12 из 12) не был достигнут спортсменами, но при этом самыми высокими баллами (11 из 12) обладают 2 спортсмена: И. из пары №1 и Г. из пары №2. Оба акробата в паре выполняют амплуа нижнего. Самые низкие показатели совместимости (6 из 12) по мнению их партнеров показали спортсмены Р. (№1), М. (№2) и С. (№4), стоит заметить, что все спортсмены выполняют амплуа верхнего.

Средняя оценка нижних по показателям совместимости составила 10 баллов, а верхних – 7. Данная разница может быть обусловлена в силу возраста, так как верхние младше своих партнёров и у них еще развиваются все морально-волевые качества.

Большинством акробатических пар был достигнут хороший уровень совместимости: в паре №1,2,5 показатель совместимости равен 70,83%, в паре №3 был выявлен самый высокий показатель (19 из 24) равный 79,16%, а в паре №4 самый низкий (15 из 24) показатель совместимости – 62,5%.

Максимальный балл по показателю сработанности не был достигнут спортсменами. Наивыс-

шего балла (10 из 12) достиг акробат И. из пары №1. Остальные спортсмены показали среднее значение уровня сработанности равное 6 баллам.

Оценка уровня сработанности верхних в большинстве случаев была ниже или равна оценке нижних, за исключением пары №5, тут верхний показал более высокую сработанность. Средняя оценка сработанности верхних равна 6,4 балла, а у нижних – 7,6. Общая оценка уровня сработанности также достигалась за счет более высокой оценки нижних.

Наиболее высокий уровень сработанности показала пара №1, их общий балл равен 16, что составило 66,6%. Самый низкий уровень сработанности показала пара №2, 12 из 14 возможных баллов – 50%.

Анализ результатов теста «СРАСОВ» говорит о том, что уровень совместимости выше уровня сработанности (рис. 3). Разница между данными показателями составила в среднем 13,4%. Это может быть обусловлено тем, что партнеры психологически высоко оценивают качества и усилия, но при этом в процессе работы недостаточно удовлетворены результатами.

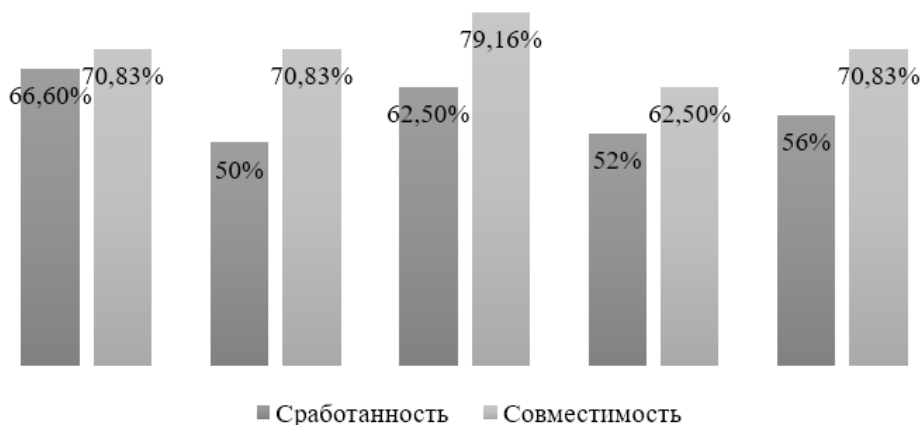

Рис. 3. Анализ результатов теста «СРАСОВ» в мужских парах на этапе совершенствования спортивного мастерства

Оценка коммуникативных способностей проводилась по методике «Коммуникативные способности» (табл. 2), наивысший результат – 0,75 по-

казал спортсмен К. и его оценка составила «4», а самый низкий у И. равный 0,45 и соответствующий оценке «3».

Таблица 2

Коммуникативные способности в мужских парах на этапе совершенствования спортивного мастерства

№	Занимающийся	Амплуа	Разряд	Результат	Оценка
1	Р.	верхний	КМС	0,65	4
	И.	нижний	КМС	0,45	3
2	М.	верхний	КМС	0,65	4
	Г.	нижний	КМС	0,5	3
3	Г.	верхний	КМС	0,65	4
	П.	нижний	КМС	0,55	3
4	С.	верхний	КМС	0,55	3
	Ф.	нижний	КМС	0,65	4
5	К.	верхний	КМС	0,75	4
	Х.	нижний	КМС	0,7	4

Оценка данных тестирования говорит о том, что в большинстве случаев уровень развития коммуникативных способностей верхних выше уровня нижних. В среднем разница между показателями представителей различных амплуа составила 8%.

Сопоставление показателей теста «СРАСОВ» с показателями теста «Коммуникативные способности» свидетельствует о том, что прямой взаимосвязи между уровнем развития коммуникативных способностей и процессами сработанности и совместимости не наблюдается (рис. 4).

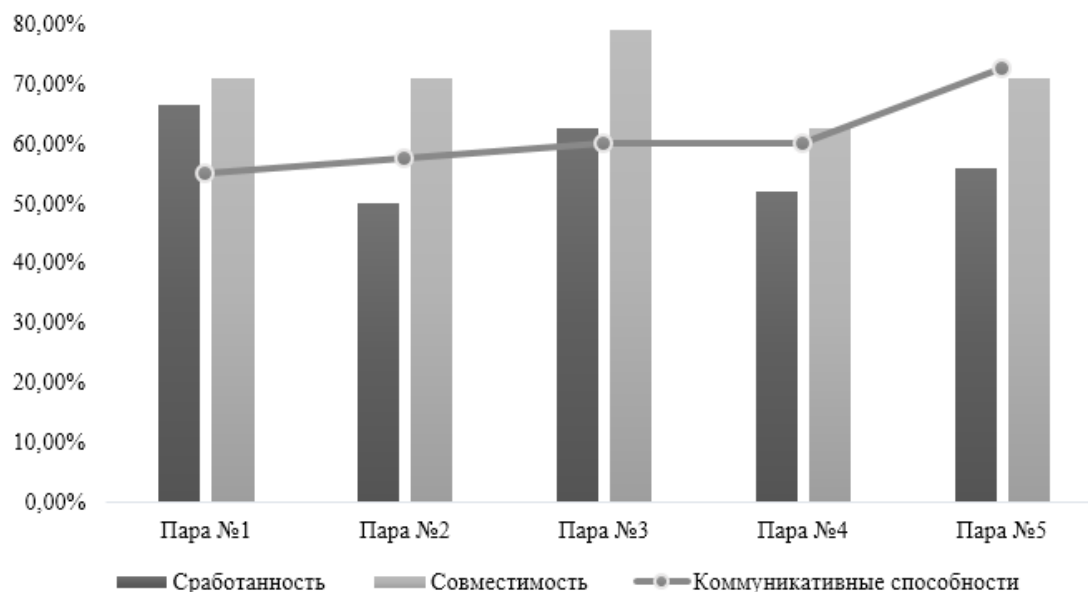

Рис. 4. Сопоставление показателей тестов «СРАСОВ» и «Коммуникативные способности»

Результатом любой деятельности является результат. Конкретно для спортивной деятельности оценкой эффективности всех сторон подготовленности является результат, достигнутый вследствие ведения соревновательной борьбы, то есть, место, занятое в соревновательной таблице.

По результатам соревнований первенства и чемпиона ЮФО, проводимых в феврале 2021 года представленными парами были заняты следующие места:

Пара №1 – 3 место. При этом у данной пары были выявлены хорошая совместимость и сработанность, но уровень развития коммуникативных способностей находится на отметке «удовлетворительно».

Пара №2 – 7 место. На момент проведения исследования данной парой были достигнуты удовлетворительная сработанность и хорошая совместимость, уровень коммуникативных способностей соответствует оценке «удовлетворительно».

Пара №3 – 1 место. Данная пара достигла отличной совместимости, сработанность на хорошем уровне, общий уровень развития коммуникативных способностей – удовлетворительный.

Пара №4 – 11 место. Уровень совместимости и сработанности данной пары – хороший, коммуникативные способности развиты «удовлетворительно».

Пара №5 – 6 место. Уровень сработанности и совместимости пары находится на отметке «хорошо», развитие коммуникативных способностей также достигло оценки «хорошо».

Анализ индивидуально – психологических особенностей в мужских парах на этапе совершенствования спортивного мастерства показал влияния уровня сработанности и совместимости на достигнутый результат в ходе ведения соревновательной борьбы. Спортивная акробатика способствует развитию не только физических качеств и функциональных систем организма, но и формирует коммуникативные способности и навыки. Данный факт необходимо учитывать тренерам по спортивной акробатике для комплектования акробатических пар и групп с учётом индивидуально-психологических и личностных особенностей партнёров.

Литература

1. Бабушкин Г.Д., Кулагина Е.В. Психологическая совместимость и срабатываемость в спортивной деятельности. Омск, 2001. 109 с.
2. Батаршев А.В., Алексеева И., Майорова Е. Диагностика профессионально важных качеств. Москва: Питер, 2006. 186 с.
3. Костенко Е.Г., Соколов В.Л. Модернизация методики воспитания свойств личности акробатов, специализирующихся в мужских парах // E-Scio. 2019. № 6 (33). С. 711 – 714.
4. Обозов Н.Н. Подходим ли мы друг к другу на работе и в личной жизни. Спб.: Береста, 1997. 31 с.

5. Ратушина Е.В. Комплектование парно-групповых составов спортивной акробатики на основе учета совместимости индивидуально-психологических особенностей партнеров: автореф. дис. ... канд. педаг. наук. Омск, 1998. 20 с.

6. Соколов В.Л., Костенко Е.Г., Лысенко В.В., Толстых О.С., Почитальнов Ю.В. Анализ свойств личности квалифицированных акробатов, специализирующихся в парах // Современный ученый. 2019. № 3. С. 80 – 84.

References

1. Babushkin G.D., Kulagina E.V. *Psihologicheskaya sovmestimost' i srabatyvaemost' v sportivnoj deyatel'nosti*. Omsk, 2001. 109 s.

2. Batarshhev A.V., Alekseeva I., Majorova E. *Diagnostika professional'no vazhnyh kachestv*. Moskva: Piter, 2006. 186 s.

3. Kostenko E.G., Sokolov V.L. *Modernizaciya metodiki vospitaniya svojstv lichnosti akrobatov, specializiruyushchihся v muzhskih parah*. E-Scio. 2019. № 6 (33). S. 711 – 714.

4. Obozov N.N. *Podhodim li my drug k drugu na rabote i v lichnoj zhizni*. Spb.: Beresta, 1997. 31 s.

5. Ratushina E.V. *Komplektovanie parno-grupovyh sostavov sportivnoj akrobatiki na osnove ucheta sovmestimosti individual'no-psihologicheskikh osobennostej partnerov: avtoref. dis. ... kand. pedag. nauk*. Omsk, 1998. 20 s.

6. Sokolov V.L., Kostenko E.G., Lysenko V.V., Tolstyh O.S., Pochital'nov YU.V. *Analiz svojstv lichnosti kvalificirovannyh akrobatov, specializiruyushchihся v parah*. *Sovremennyj uchenyj*. 2019. № 3. S. 80 – 84.

Sokolov V.L., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,

Kostenko E.G., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.),

Tolstykh O.S., Senior Lecturer,

Ambartsumyan N.A., Senior Lecturer,

Flikova A.N.,

*Kuban State University of
Physical Education, Sports and Tourism*

ANALYSIS OF INDIVIDUAL-PSYCHOLOGICAL PECULIARITIES OF ACROBATIC SPORTSMEN IN MEN'S PAIRS

Abstract: psychological support of the training process is an integral part of the training of athletes aimed at achieving high results in the course of competitive wrestling. In the modern world of sports, the search for ways, means and methods aimed at optimizing relationships in joint activities, including in various types of acrobatics, remains relevant.

The purpose of the study is to analyze the communicative abilities and psychological compatibility of acrobatic sportsmen.

The study involved students and teachers of the Kuban State University of Physical Education and Sports, male pairs engaged in sports acrobatics at the stage of improving sports skills.

Psychological testing was conducted to determine the level of harmony and compatibility, the development of communicative abilities of acrobatic sportsmen in male pairs

The analysis of individual psychological characteristics of athletes showed the influence of the level of harmony and compatibility on the achieved result during the conduct of competitive wrestling.

The results of this work can be applied in the practical activities of sports acrobatics coaches for completing acrobatic pairs and groups, taking into account the individual psychological and personal characteristics of partners.

Keywords: analysis, level, compatibility, harmony, communication skills

*Лебедева И.Н., кандидат педагогических наук, доцент,
Лопатина Л.В., доктор педагогических наук, профессор,
Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена*

ИССЛЕДОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ УМЕНИЙ У ДОШКОЛЬНИКОВ С ДИЗОНТОГЕНЕЗОМ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО- КОММУНИКАТИВНОГО РАЗВИТИЯ В ИНКЛЮЗИВНЫХ ГРУППАХ

Аннотация: с целью поиска путей оптимизации социально-коммуникативного развития дошкольников проведено исследование коммуникативных умений дошкольников с дизонтогенезом психического развития. Рассмотрены результаты исследования коммуникативно-речевых умений дошкольников с задержкой психического развития, значимые для реализации образовательной деятельности в области «социально-коммуникативное развитие» в группах образовательных учреждений с совместным образованием дошкольников с ограниченными возможностями здоровья и нормотипичных детей. Социально-коммуникативное развитие предполагает развитие общения и взаимодействия дошкольника со взрослыми и сверстниками, необходимое для социализации детей при переходе на следующую ступень образования, что определяет практическую значимость результатов исследования коммуникативных умений дошкольников с задержкой психического развития в различных ситуациях общения и целесообразность их использования в педагогическом процессе в инклюзивных дошкольных группах комбинированной направленности. В исследовании реализован коммуникативно-деятельностный подход. Материалом для исследования послужила организация совместной деятельности детей, посещающих инклюзивные группы в дошкольном образовательном учреждении, по трём направлениям: игровая деятельность, сотрудничество со сверстником и взрослым в процессе организации и осуществления совместного дела, интерпретация содержания изображения в процессе рассказывания. Качественные и уровневые характеристики коммуникативно-речевых умений дошкольников седьмого года жизни с дизонтогенезом психического развития свидетельствуют о низкой инициативности по отношению к партнёру-сверстнику, неустойчивости и ситуативности взаимоотношений, слабо сформированных навыках спонтанной коммуникации, фактическом отсутствии сотрудничества при выполнении совместного дела, о преобладании репрезентативной стратегии в ситуации «рассказывание-слушание». Качественная неоднородность и вариативность нарушений коммуникативно-речевых умений дошкольников с задержкой психического развития ставит задачу поиска организационно-дидактических условий их социально-коммуникативного развития.

Ключевые слова: инклюзия, дизонтогенез, коммуникативные умения, социально-коммуникативное развитие, социальный опыт, социализация, речемыслительная деятельность

Инклюзивная образовательная среда в группах комбинированной направленности дошкольного учреждения рассматривается как совокупность социального, материального и содержательного компонентов и предполагает соответствие каждого из них особым образовательным потребностям ребёнка [1, 5]. В инклюзивных группах актуализируется задача обеспечения условий для продвижения в приобретении социального опыта каждому дошкольнику, в том числе и ребёнку с дизонтогенезом психического развития. Представления о самооценности дошкольного периода детства, понимании его роли в процессе непрерывного развития личности определяют важность обеспечения качества образования в области социально-коммуникативного развития дошкольника при дизонтогенезе психического развития [1, 9, 11].

Развитие навыков межличностного взаимодействия ребёнка со сверстниками и взрослыми и коммуникативные умения рассматриваются как узкое поле в широкой области социально-

коммуникативного развития. Прослеживается устойчивый интерес исследователей к проблеме изучения коммуникативных умений и коммуникативной компетенции разных категорий детей с ограниченными возможностями здоровья [2, 3, 6, 7, 15 и др.]. Неоднородность в состоянии коммуникативных и речевых умений детей, находящихся в инклюзивных группах комбинированной направленности, усложняет задачу учёта образовательных потребностей участников образовательного процесса, где взаимодействуют дети с разным уровнем речевого, познавательного, социально-коммуникативного развития. Структурирование содержательного компонента инклюзивной образовательной среды в области социально-коммуникативного развития дошкольников требует учёта специфических особенностей речемыслительной деятельности дошкольника при дизонтогенезе психического развития [9, 11, 16].

Описание методики исследования и краткое изложение результатов. Исследование коммуни-

кативно-речевых умений базируется на единстве когнитивной функции языка, связывающей язык с мыслительной деятельностью, и его коммуникативной функции, обеспечивающей решение коммуникативных задач в различных ситуациях общения со взрослым и сверстником [4, 8, 12, 14, 16]. Исследование проведено по трём направлениям: в игровой деятельности детей; в процессе сотрудничества со сверстниками в организации и осуществлении совместного дела; при интерпретации содержания изображения [10, 13, 17]. Таким образом, изучение качественных и уровневых характеристик коммуникативно-речевых умений у дошкольников производилось через анализ ситуативных и контекстных высказываний в симметричных и асимметричных ситуациях общения [16] с соблюдением реальности условий общения. Под симметричными ситуациями общения рассматривались ситуации взаимодействия сверстников друг с другом; асимметричные ситуации представлены ситуациями индивидуального взаимодействия взрослого и ребёнка. В исследовании приняли участие дошкольники седьмого года жизни ($n=80$), посещающие дошкольные группы комбинированной направленности. Экспериментальную группу составили дети с задержкой психического развития по заключению психолого-медико-педагогической комиссии ($n=42$) с системным недоразвитием речи, характеризующимся наличием развёрнутой фразовой речи с выраженными элементами лексико-грамматического и фонетико-фонематического недоразвития (в соответствии с заключением по результатам логопедической диагностики). Контрольную группу ($n=38$) составили типично развивающиеся дошкольники с нормальным уровнем психического и речевого развития.

Диагностика коммуникативных умений дошкольников в процессе игровой деятельности проводилась в экспериментальном задании «Принятие роли в игре» [17]. Эксперимент осуществлялся методом включенного наблюдения за игрой детей, организованной по заданному сюжету. Время наблюдения за игрой фактически не ограничивалось, его должно было быть достаточно для экспертной оценки и формулировки выводов по наблюдению. Максимальное количество участников игры определялось сюжетом и специально не регламентировалось, минимальное количество – двое детей. В процессе наблюдения за выполнением задания оценочные критерии были разделены на два блока: содержание игры и её речевое оформление. Содержание игры в большей степени значимо как показатель знаково-символического развития дошкольника при дизонтогенезе психического развития. Проводилась шкальная оценка по следующим параметрам речевого оформления

игры: речевая активность в игре; использование «ролевой речи»; инициативные и реактивные реплики по отношению к сверстникам и взрослому; частота речевых обращений к партнёрам по игре; характер ситуативных и контекстных высказываний. Выявлены отличия по параметрам речевого оформления игры у детей экспериментальной и контрольной группы. Использование «ролевой речи» зафиксировано у 84,2% ($n=32$) детей контрольной группы и только 33,3 % ($n=14$) в экспериментальной группе детей. Сохранение ролевых отношений вызывало существенные сложности у детей с дизонтогенезом психического развития в совместной игре, что проявилось в низком показателе речевых реактивных реплик по отношению к сверстникам: 59,5% ($n=25$) детей с задержкой психического развития вербально не выражали своего отношения к сообщению собеседника; реактивные реплики 23,8% ($n=10$) детей оказывались не связаны тематически с инициативной репликой. Инициативные реплики 92,8% ($n=39$) детей экспериментальной группы в обращении к взрослому оказывались внеконтекстными по отношению к игре, либо отражали не ролевые, а реальные отношения между детьми. Характер игрового и речевого взаимодействия со сверстниками в игре у детей с задержкой психического развития отличался эпизодической активностью, низкой частотой обращений к партнёрам, преобладанием «внеролевого» содержания.

Оценка коммуникативных умений в процессе сотрудничества со сверстниками проводилась в экспериментальном задании «Рисование парных изображений» [13]. Наблюдение осуществлялось в ситуации совместной мыслительной деятельности, предлагались силуэтные изображения простых парных предметов и цветные карандаши, ставилась задача украсить предметы так, чтобы они были одинаковыми. В ходе исследования выявлялись специфические виды взаимоотношений, складывающиеся в процессе решения мыслительных и практических задач. Анализ проведён на основании наблюдения за выполнением деятельности двадцати пар детей с задержкой психического развития и восемнадцати пар детей контрольной группы. В контрольной группе в 27,7% ($n=5$) случаев отмечено сотрудничество при выполнении задания, характеризующееся свободным обменом мнениями, выражением согласия, просьбы, что привело к единому результату деятельности в соответствии с инструкцией к заданию. В экспериментальной группе случаев сотрудничества не зафиксировано. В 15% пар экспериментальной группы ($n=3$) и 72,3% ($n=13$) контрольной группы зафиксировано формальное сотрудничество, характеризующееся наличием признаков сотрудни-

чества, но результат деятельности у каждого свой. В 60% пар экспериментальной группы (n=12) наблюдалось неустойчивое сотрудничество с дальнейшей сменой вида взаимоотношений в отношении «соперничество-борьба», характеризующиеся стремлением захватить инициативу одним из участников деятельности. Проводилась шкальная оценка по параметрам инициативности и чувствительности к воздействию сверстника, качественно оценивались инициативные и реактивные реплики партнёров по совместной деятельности.

Для оценки коммуникативно-речевых умений в ситуации «рассказывание – слушание» была использована деятельность по словесной интерпретации содержания картины [10]. Соотношение языковой и коммуникативной компетенции в деятельности «рассказывание-слушание» рассматривается через призму текстовой деятельности и в связи с умением структурировать информацию, выражать её вербально, используя доступные речевые умения [4, 12, 14]. Выявлен неоднородный характер нарушений перцептивно-мыслительной деятельности дошкольников с задержкой психического развития при восприятии и интерпретации содержания картины. Отдельного обсуждения требует выбор ребёнком коммуникативной стратегии словесной интерпретации содержания изображения [14]. Характер связных высказываний детей экспериментальной группы преимущественно соответствовал репрезентативно-иконической стратегии (71,4%) и репрезентативно-символической стратегии (28,6%). В экспериментальной группе дошкольников не было случаев использования нарративной (повествовательной) стратегии, в контрольной группе признаки нарративной стратегии с установкой на передачу информации графического текста языковыми средствами в ситуации «рассказывание – слушание» продемонстрировали 65,7% детей седьмого года жизни.

Обсуждение результатов исследования. Последовательное применение анализа экспериментального материала позволяет говорить о наличии пониженной мотивации речевой деятельности, нарушениях речевого поведения, регуляторных процессов, выраженных коммуникативных затруднений у дошкольников с задержкой психического развития в различных ситуациях общения. Выявлено, что у детей с задержкой психического развития затруднена полноценная вербальная коммуникация со сверстником, способность решать коммуникативные задачи в разных сферах и ситуациях общения с помощью языка (в игровой деятельности, в сотрудничестве со сверстником, при рассказывании) требует целенаправленного формирования с учётом особых образовательных

потребностей ребёнка. Недостаточная сохранность психофизиологических предпосылок речи при задержке психического развития у дошкольников определяет отклонения в формировании не только речевых, но и коммуникативных умений. На основе шкальных оценок по выделенным параметрам изучения коммуникативно-речевых умений в игровой деятельности, в сотрудничестве со сверстником, при интерпретации содержания изображения выявлена несформированность коммуникативно-речевых умений у дошкольников с дизонтогенезом психического развития разной степени выраженности с неоднородными характеристиками. *Низкий* уровень коммуникативно-речевых умений был зафиксирован у 69 % (n=29) детей с задержкой психического развития, что проявилось в неустойчивости и ситуативности взаимоотношений со сверстниками, слабой инициативности общения. На данном уровне коммуникативно-речевых умений у детей наблюдалась низкая чувствительность как к воздействию партнёра-сверстника, так и взрослого, что свидетельствует о дефицитности коммуникативной функции языка в симметричных и асимметричных ситуациях общения. Неполноценность когнитивных процессов и речемыслительной деятельности, обуславливающих нарушение переработки смысловой информации в пределах ситуации, приводят к фактическому отсутствию сотрудничества при взаимодействии с партнёром в симметричных ситуациях общения, быстрому «исключению» такого ребёнка из игровой деятельности как не проявляющего речевых реакций на логику действия других игроков. Возможность структурировать информацию в продуктивном связном высказывании ограничивается перечислением объектов, действий, их признаков, но не выходит за пределы выделения внешних связей, что соответствует репрезентативной коммуникативной стратегии в ситуации «рассказывание – слушание». Сложности в интерпретации высказываний сверстников и взрослого часто приводят к ошибочному впечатлению о намерениях говорящего, к рассогласованию коммуникативных действий, что особенно проявляется в игровой и совместной продуктивной деятельности со сверстниками. Среди показателей, характеризующих *средний* уровень коммуникативно-речевых умений выделена относительная сформированность умения вступать в процесс общения, навыков спонтанной коммуникации, достаточно сформированная чувствительность к воздействиям партнёра-взрослого, но низкая реактивность к воздействиям партнёра-сверстника. Данный уровень коммуникативно-речевых умений характерен для 31% (n=13) детей экспериментальной группы с дизонтогенезом психического разви-

тия. Характер обращений к партнёрам по игре и совместной продуктивной деятельности свидетельствует о недостаточном умении ориентироваться в изменяющихся условиях коммуникативного взаимодействия, осуществлять прогноз поведения собеседника и развития ситуации общения в целом. Соотношение инициативных и реактивных речевых реплик, отношение общего количества взаимных высказываний к общему времени взаимодействия свидетельствует о несоответствии уровня развития мотивации общения и его операциональных составляющих. *Высокий* уровень коммуникативно-речевых умений характеризовался проявлениями осознанного интереса к общению со сверстником; активностью, самостоятельностью, адекватным и полным использованием сво-

их речевых возможностей в выполнении коммуникативных задач; способностью содействовать партнёру по общению; умением критически относиться к результатам общения. В экспериментальной группе данный уровень не зафиксирован.

При структурировании содержательного компонента инклюзивной образовательной среды в дошкольных группах необходимо учитывать характер нарушений коммуникативно-речевых умений дошкольников с задержкой психического развития, обеспечивать организационно-педагогические условия, адекватные особым образовательным потребностям в области социально-коммуникативного развития и речемыслительной деятельности данной категории детей.

Литература

1. Бабкина Н.В. Инклюзивное образование детей с задержкой психического развития: предпосылки и условия реализации // Альманах Института коррекционной педагогики. 2018. Альманах №34 URL: <https://alldef.ru/ru/articles/almanac-34/inclusive-education-of-children-with-delay-of-mental-development-prerequisites-and-conditions-of-implementation> (дата обращения: 24.05.2021)
2. Баряева Л.Б., Вечканова И.Г., Лопатина Л.В. Изучение социально-коммуникативного развития детей дошкольного возраста с задержкой психического развития // Дети с задержкой психического развития: экспериментальные исследования и направления коррекционной работы: коллективная монография. М.: Добрый мир, 2010. С. 38 – 76
3. Волковская Т.Н. К проблеме изучения коммуникативной дезадаптации дошкольников с общим недоразвитием речи // Проблемы современного педагогического образования. 2017. № 56-8. С. 322 – 327.
4. Грибова О.Е. Особенности становления процессов понимания текста у детей с тяжёлыми нарушениями речи: монография. М.: АСОУ, 2019. 204 с.
5. Григоренко Н.Ю. Логопедическое сопровождение детей раннего и дошкольного возраста с ограниченными возможностями здоровья в условиях инклюзивной практики // Специальное образование. 2016. № 2. С. 26 – 37 URL: <http://journals.uspu.ru/attachments/article/1205/3.pdf> (дата обращения: 24.05.2021)
6. Дмитриева Е.Е. Коммуникативно-речевое развитие дошкольников с интеллектуальными нарушениями // Карельский научный журнал. 2020. Т. 9. № 2 (31). С. 48 – 50. DOI: 10.26140/knz4-2020-0902-0019
7. Зимняя И.А. Лингвopsихология речевой деятельности. М.: МПСИ; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. 432 с.
8. Коробейников И.А., Бабкина Н.В. Дифференциация образовательных потребностей как основа дифференцированных условий образования детей с ЗПР // Дефектология. 2017. № 2. С. 3 – 13.
9. Лебедева И.Н. Особенности речемыслительной деятельности дошкольников с задержкой психического развития при восприятии картины // Проблемы современного педагогического образования. 2016. № 51 (4). С. 227 – 232.
10. Малофеев Н.Н. Концепция развития образования детей с ОВЗ: основные положения // Альманах Института коррекционной педагогики. 2019. Альманах №36 URL: <https://alldef.ru/ru/articles/almanac-36/the-concept-of-development-of-education-of-children-with-disabilities> (дата обращения: 24.05.2021)
11. Менг К. Коммуникативно-речевая деятельность старших дошкольников в ситуативной обусловленности (компоненты и градации) // Психолингвистика. М., 1984. С. 241 – 259.
12. Павлова Т.В. Эффективность общения дошкольников в совместной мыслительной деятельности // Психология обучения. 2015. № 8. С. 13 – 21.
13. Седов К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. М.: Лабиринт, 2004. 317 с.
14. Сорокоумова С.Н., Кисова В.В. Особенности сотрудничества старших дошкольников с задержкой психического развития со взрослым и сверстниками в учебно-познавательной деятельности // Дефектология. 2014. № 1. С. 29 – 37.

15. Чиркина Г.В. Принципы анализа и оценки сформированности коммуникативно-речевых умений детей с нарушениями речи // Коммуникативно-речевая деятельность детей с отклонениями в развитии: диагностика и коррекция: монография (под ред. Г.В. Чиркиной, Л.Г. Соловьёвой). Архангельск: Поморский университет, 2009. С. 6 – 44.

16. Эльконин Д.Б. Психология игры. М.: Владос, 1999. 360 с.

References

1. Babkina N.V. Inkluzivnoe obrazovanie detej s zaderzhkoj psihicheskogo razvitiya: predposylki i usloviya realizacii. Al'manah Instituta korrekcionnoj pedagogiki. 2018. Al'manah №34 URL: <https://alldef.ru/ru/articles/almanac-34/inclusive-education-of-children-with-delay-of-mental-development-prerequisites-and-conditions-of-implementation> (data obrashcheniya: 24.05.2021)

2. Baryaeva L.B., Vechkanova I.G., Lopatina L.V. Izuchenie social'no-kommunikativnogo razvitiya detej doshkol'nogo vozrasta s zaderzhkoj psihicheskogo razvitiya. Deti s zaderzhkoj psihicheskogo razvitiya: eksperimental'nye issledovaniya i napravleniya korrekcionnoj raboty: kollektivnaya monografiya. M.: Dobryj mir, 2010. S. 38 – 76

3. Volkovskaya T.N. K probleme izucheniya kommunikativnoj dezadaptacii doshkol'nikov s obshchim nedorazvitiem rechi. Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. 2017. № 56-8. S. 322 – 327.

4. Gribova O.E. Osobennosti stanovleniya processov ponimaniya teksta u detej s tyazhyolymi narusheniyami rechi: monografiya. M.: ASOU, 2019. 204 s.

5. Grigorenko N.YU. Logopedicheskoe soprovozhdenie detej rannego i doshkol'nogo vozrasta s ogranichennyimi vozmozhnostyami zdorov'ya v usloviyah inkluzivnoj praktiki. Special'noe obrazovanie. 2016. № 2. S. 26 – 37 URL: <http://journals.uspu.ru/attachments/article/1205/3.pdf> (data obrashcheniya: 24.05.2021)

6. Dmitrieva E.E. Kommunikativno-rechevoe razvitie doshkol'nikov s intellektual'nymi narusheniyami. Karel'skij nauchnyj zhurnal. 2020. T. 9. № 2 (31). S. 48 – 50. DOI: 10.26140/knz4-2020-0902-0019

7. Zimnyaya I.A. Lingvopsihologiya rechevoj deyatel'nosti. M.: MPSI; Voronezh: NPO «MODEK», 2001. 432 s.

8. Korobejnikov I.A., Babkina N.V. Differenciaciya obrazovatel'nyh potrebnoej kak osnova differencirovannyh uslovij obrazovaniya detej s ZPR. Defektologiya. 2017. № 2. S. 3 – 13.

9. Lebedeva I.N. Osobennosti rechemyslitel'noj deyatel'nosti doshkol'nikov s zaderzhkoj psihicheskogo razvitiya pri vospriyatii kartiny. Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. 2016. № 51 (4). S. 227 – 232.

10. Malofeev N.N. Konceptiya razvitiya obrazovaniya detej s OVZ: osnovnye polozheniya. Al'manah Instituta korrekcionnoj pedagogiki. 2019. Al'manah №36 URL: <https://alldef.ru/ru/articles/almanac-36/the-concept-of-development-of-education-of-children-with-disabilities> (data obrashcheniya: 24.05.2021)

11. Meng K. Kommunikativno-rechevaya deyatel'nost' starshih doshkol'nikov v situativnoj obuslovlennosti (komponenty i gradacii). Psiholingvistika. M., 1984. S. 241 – 259.

12. Pavlova T.V. Effektivnost' obshcheniya doshkol'nikov v sovместной мыслительной деятельности. Psihologiya obucheniya. 2015. № 8. S. 13 – 21.

13. Sedov K.F. Diskurs i lichnost': evolyuciya kommunikativnoj kompetencii. M.: Labirint, 2004. 317 с.

14. Sorokoumova S.N., Kisova V.V. Osobennosti sotrudnichestva starshih doshkol'nikov s zaderzhkoj psihicheskogo razvitiya so vzroslym i sverstnikami v uchebno-poznavatel'noj deyatel'nosti. Defektologiya. 2014. № 1. S. 29 – 37.

15. Чиркина Г.В. Принципы анализа и оценки сформированности коммуникативно-речевых умений детей с нарушениями речи. Kommunikativno-rechevaya deyatel'nost' detej s otклонениями в развитии: диагностика и коррекция: монография (под ред. Г.В. Чиркиной, Л.Г. Соловьёвой). Архангельск: Поморский университет, 2009. С. 6 – 44.

16. Эльконин Д.Б. Психология игры. М.: Владос, 1999. 360 с.

*Lebedeva I.N., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Lopatina L.V., Doctor of Pedagogic Sciences (Advanced Doctor), Professor,
A.I. Herzen Russian State Pedagogical University*

**THE STUDY OF COMMUNICATION SKILLS IN PRESCHOOLERS WITH
DYSONTOGENESIS OF MENTAL DEVELOPMENT IN THE CONTEXT OF SOCIAL
AND COMMUNICATIVE DEVELOPMENT IN INCLUSIVE GROUPS**

Abstract: in order to find ways to optimize the social and communicative development of preschoolers, a study of the communicative skills of preschoolers with dysontogenesis of mental development was conducted. The results of the study of the communicative and speech skills of preschoolers with mental retardation, significant for the implementation of educational activities in the field of “social and communicative development” in groups of educational institutions with co-education of preschoolers with disabilities and normotypic children, are considered. Social and communicative development involves the development of communication and interaction of a preschooler with adults and peers, necessary for the socialization of children during the transition to the next stage of education, which determines the practical significance of the results of the study of the communicative skills of preschoolers with mental retardation in various communication situations and the expediency of their use in the pedagogical process in inclusive preschool groups of combined orientation. The study implements a communicative-activity approach. The material for the study was the organization of joint activities of children attending inclusive groups in a preschool educational institution in three areas: play activities, cooperation with peers and adults in the process of organizing and implementing a joint business, interpretation of the content of the image in the process of storytelling. Qualitative and level characteristics of the communicative and speech skills of preschoolers of the seventh year of life with dysontogenesis of mental development indicate low initiative in relation to a peer partner, instability and situational relationships, poorly formed spontaneous communication skills, the actual lack of cooperation when performing a joint task, the predominance of a representative strategy in the “telling-listening” situation. The qualitative heterogeneity and variability of violations of the communicative and speech skills of preschoolers with mental retardation poses the task of searching for organizational and didactic conditions for their social and communicative development.

Keywords: inclusion, dysontogenesis, communicative skills, social and communicative development, social experience, socialization, speech-thinking activity

*Фурсова П.В., ассистент, аспирант,
Московский автомобильно-дорожный государственный
технический университет (МАДИ)
Институт культуры и искусств,
Московский городской педагогический институт*

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ВУЗЕ

Аннотация: на данный момент, при внедрении новых образовательных стандартов становится очевидна роль социально-культурного сопровождения в обществе. Использование данного механизма способствует образовательным учреждениям всех уровней, включая высшее образование, в формировании гуманного и всесторонне развитого подрастающего поколения, а также благоприятно влияет на развитие их личностных качеств, непрофессиональных и профессиональных навыков и ценностных отношений. Сейчас же социально-культурное основывается исключительно на педагогической деятельности, так как является одним из способов воспитательного воздействия на личность, и используется как поддержка обучающихся-иностранцев, осуществляющих процесс получения знаний на территории Российской Федерации, граждан с ограниченными возможностями, как педагогическая и психологическая поддержка одаренных детей и др. Не смотря на успешность применения социально-культурного сопровождения вышеизложенных вариациях, необходимо отметить, что данный процесс должен быть направлен на вовлечение всех студентов высшего учебного заведения, которым необходима поддержка и помощь в самоопределении. Все это указывает на необходимость реализации целенаправленной работы по социально-культурному сопровождению обучающихся, как одной из форм организации педагогической деятельности.

Ключевые слова: социально-культурное сопровождение, педагогическая деятельность, социально-культурная деятельность, высшее образование, воспитательное пространство, гуманизация образования, социально-культурная идентичность

Социально-культурное сопровождение, как часть социально-культурной деятельности, подразумевает целенаправленную деятельность сопровождающего (педагог, куратор) и сопровождаемого (обучающийся) относительно его возможностей развития, жизненных ориентиров, перспектив и взаимодействия с обществом.

Вклад развитие социально-культурной деятельности был внесен М.А. Ариарским, А.Д. Жарковым, Т.А. Кемеровой, Т.Г. Киселевой, Ю.Д. Красильниковым, В.П. Сергеевой, П. Сорокиным, Ю.А. Стрельцовым, В.В. Туевым, В.В. Чижиковым, Н.Н. Ярошенко и другими учеными в областях культурологии, педагогики, философии.

Актуальность данной темы на практике вызвана, прежде всего, некоторыми причинами, среди которых можно выделить следующие:

– быстрая смена поколений, ценностных особенностей и норм социального поведения, что вызывает резонанс в аспектах социально-культурных моделей наследия общества;

– переход от постфигуративного общества к кофигуративному (М. Мид) обозначает отсутствие передачи исторического наследия современному поколению, что негативно сказывается на социально-культурных знаниях;

– кризисное состояние традиционных систем образования и воспитания, которые не отвечают запросам общества, а также существующим соци-

альным проблемам, что негативно сказывается на формировании личности молодого поколения;

– отсутствие государственной поддержки относительно формирования гражданина своей страны среди подрастающего поколения молодых людей, недостаточное формирование представлений о своей нации и национальностях других народов, о толерантном взаимодействии между ними;

– отсутствие ценностей среди подрастающего поколения, безразличие к своей родине и своей стране, к развитию своего народа, что формирует проявление девиантного поведения, аморального относительно норм и правил воспитанной личности;

– развитие эгоистичного поведения среди молодого поколения, которое характеризуется безразличием к общественным делам, а концентрируется на самостановлении как личности путем отчуждения от общественных наименований, нетерпимость в сравнении с другими людьми, грубость и хамство;

– весомые различия между поколениями людей; большие отличия в ценностях и моральных нормах среди молодого поколения, их учителей и их родителей; все это приводит к снижению роли педагогов и авторитета взрослых в глазах подрастающего поколения;

– всестороннее изучение личности человека относительно функционирования и развития соци-

ально-индивидуальных особенностей проявления.

Стоит отметить, что в настоящее время роль педагога в воспитании обучающихся велика. Главное, чтобы педагог смог ответственно подойти к самообразованию: изучал актуальные информационные источники, посещал семинары, лекции и мастер-классы для поддержания актуальных знаний [2].

Для развития социально-культурного сопровождения в вузе в настоящее время, можно использовать разработанные педагогические модели, которые повысят социализацию обучающихся и поспособствуют эффективному социально-культурному сотрудничеству.

Для того, чтобы социально-культурное сопровождение было эффективным, стоит позаботиться о формировании воспитательного пространства. Воспитательная среда должна быть сбалансирована, чтобы педагог смог успешно реализовать социально-культурное сопровождение. Нарушение социально-культурного пространства может негативно отразиться на формировании личности. Это отразится на формировании ценностных ориентаций подрастающего поколения, что образует гиперидентичность (обостренная, с элементами фанатизма, погружение в изменившуюся реальность в ущерб ценностно-смысловой ядро личности). Слияние низких ориентацией на статусно-ролевые отношения с повышенным значением ценностно-нормативных характеристик может привести к образованию гиподентичности (ослабленной, с преобладанием ценностно-смыслового ядра, что не соответствует изменившейся реальности).

Анализ практической деятельности педагогов в области социально-культурного сопровождения показал, что формирование социально-культурного сопровождение может быть организовано при помощи различных вариантов, однако основными являются пять нижеперечисленных. Они учитывают ценность статусно-ролевых и нормативных особенностей, существующих в воспитательной среде.

1 вариант: высокое значение статусно-ролевых отношений при низких нормах поведения. При таком варианте большое внимание уделяется расположению объекта в иерархии социально-ролевых отношений. Это поможет понять логическое построение мыслей и сменить ценностные ориентации, сделав сбалансированное воспитательное пространство.

2 вариант: низкое значение и статусно-ролевых отношений, и нормативных ценностей. Сочетание низких значений как статусно-ролевых, так и ценностно-нормативных характеристик отношений. При таком варианте коммуникация не возникнет или будет формальной, служащей для отчетности.

3 вариант: низкое значение статусно-ролевых отношений по сравнению с высоким значением нормативных ценностей. Необходимо внимательно рассмотреть и проанализировать сущность формирования высокого значения ценностных качеств, провести интерпретацию полученных характеристик.

4 вариант: высокое значение и статусно-ролевых отношений, и ценностных характеристик. Такой вариант является самым благоприятным. Все характеристики изучаются, производится их анализ и интерпретация как отдельно, так и в совокупности.

5 вариант: доминирование одной из характеристик над другой.

Благоприятная среда воспитания будет достигнута при реализации четвертого варианта.

Проанализировав данные относительно становления социально-культурной личности, а также различных вариантов, можно отметить, что социально-культурное сопровождение является неотъемлемым в процессе формирования личностной идентичности. Это обусловлено тем фактом, что образовательная среда является одним из видов реализации социально-культурной деятельности. В связи с этим можно отметить важность педагогов в формирование социально-культурной идентичности личности подрастающего поколения [1]. Однако, для педагогов такая деятельность не является ключевой, а носит, как бы дополнительный характер. Это определяется следующим образом:

1) возникающие трудности при формировании социально-культурной личности из-за разности ценностных отношений молодого поколения с более старшим;

2) разрозненная воспитательная среда;

3) недостаточное количество методического материала и разработанных программ для целенаправленной работы педагогов по формированию социально-культурной личности обучающегося;

4) пониженная статусная роль педагога в иерархии обучающихся, в связи с чем педагог не воспринимается молодежью как авторитет;

5) отсутствие возможностей для целенаправленной работы по формированию социально-культурной идентичности каждой личности отдельно.

Для реализации социально-культурного сопровождения в вузе необходимо иметь некоторые сопровождающие аспекты, которые могут положительно сказаться на результативности. К ним относятся: индивидуальные образовательные маршруты, программы социально-культурного сопровождения, формирование сбалансированной воспитательной среды для социально-культурной деятельности педагога.

С педагогической точки зрения, социально-культурное сопровождение должно быть обеспечено:

– совместной педагогической деятельностью по организации социально-культурного сопровождения на базе конкретного образовательного учреждения: постановка цели, задач, этапов реализации социально-культурной деятельности, ответственных и способов оценки ее эффективности;

– возможностью вузов в рамках Федеральных государственных образовательных стандартов реализовывать индивидуальные формы обучения;

– наличием программ для индивидуального обучения;

– созданием вариативной среды, где педагоги совместно с организационной структурой образовательного учреждения и родителями сможет самостоятельно формировать часть работы по становлению личности каждого обучающегося. Это может реализовываться в качестве создания курсов, отдельных программ обучения, проведения мероприятий и т.д.

– возможностью реализации различных форм обучения на базе образовательного учреждения;

– устранением необходимости в дополнительной подготовке школьника вне стен образовательного учреждения;

– формированием роли учителя не как человека, дающего знания, а как наставника, примера для подражания и вдохновителя обучающихся на саморазвитие и самосовершенствование;

– грамотным построением учебного процесса с учетом социальных запросов общества и социально-культурного состояния личности обучающихся в целом.

Для формирования социально-культурного сопровождения в современном обществе стоит обратить внимание на ряд аспектов:

– мотивация педагогов к разработке различных программ социально-культурного воспитания студентов высших учебных заведений;

– подбор наиболее эффективных вариантов сотрудничества между государством и высшими образовательными заведениями, государственными образовательными учреждениями и частными, а также между профессорско-преподавательским составом учебного заведения и студентами;

– мотивация обучающихся к социально-культурному развитию и формированию социально-культурных основ: проведение семинаров, творческих и культурных просветительских мероприятий; работа со СМИ и социальными сетями, проведение агитации и т.д.

Для уточнения эффективности педагогической деятельности в области социально-культурного сопровождения можно опираться на следующие факты:

– заинтересованность педагога в формировании социально-культурной идентичности личности, наличие плана реализации социально-культурного сопровождения;

– наличие авторитета педагога среди студентов (не авторитарности; педагог должен быть примером для подражания и ценностной личностью в жизни обучающихся);

– состоятельность профессиональной деятельности педагога, его значимость в структуре педагогической деятельности;

– наличие необходимых знания для организации целенаправленной социально-культурной деятельности.

Таким образом, социально-культурное сопровождение студентов высшего учебного заведения является актуальным в настоящее время в педагогической деятельности. Педагогам необходимо проявить поддержку людям, оказавшимся в сложных социальных ситуациях или неспособным социализироваться в обществе. Сопровождение таких людей поможет в формировании гуманного общества, толерантного и эмпатичного.

Литература

1. Береговая О.А., Лопатина С.С., Отургашева Н.В. Тьюторское сопровождение как инструмент социокультурной адаптации иностранных студентов в российском вузе // Высшее образование в России. 2020. Т. 29. № 1. С. 156 – 165.

2. Немова Ю.Ю., Романова Г.А. Тьюторское сопровождение развития социокультурной компетентности одаренных обучающихся в системе СПО // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 58-4. С. 183 – 186.

References

1. Beregovaya O.A., Lopatina S.S., Oturgasheva N.V. T'yutorskoe soprovozhdenie kak instrument sociokul'turnoj adaptacii inostrannyh studentov v rossijskom vuze. Vysshee obrazovanie v Rossii. 2020. T. 29. № 1. S. 156 – 165.
2. Nemova YU.YU., Romanova G.A. T'yutorskoe soprovozhdenie razvitiya sociokul'turnoj kompetentnosti odarenyh obuchayushchihsya v sisteme SPO. Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. 2018. № 58-4. S. 183 – 186.

*Fursova P.V., Assistant Professor, Postgraduate,
Moscow Automobile and Road Construction State Technical University (MADI),
Institute of Culture and Arts,
Moscow City University*

SOCIAL AND CULTURAL SUPPORT OF STUDENTS AT THE UNIVERSITY

Abstract: at the moment, when introducing new educational standards, the role of socio-cultural support in society becomes obvious. The use of this mechanism contributes to educational institutions at all levels, including higher education, in the formation of a humane and comprehensively developed younger generation, and also has a positive effect on the development of their personal qualities, non-professional and professional skills and value relationships. Currently, socio-cultural education is based exclusively on pedagogical activity, as it is one of the ways of educational influence on the individual, and is used as support for foreign students who are engaged in the process of obtaining knowledge on the territory of the Russian Federation, citizens with disabilities, as pedagogical and psychological support for gifted children, etc. Despite the success of the application of socio-cultural support in the above variations, it should be noted that this process should be aimed at involving all students of higher education institutions who need support and assistance in self-determination. All this points to the need to implement purposeful work on the socio-cultural support of students, as one of the forms of organizing pedagogical activities.

Keywords: socio-cultural support, pedagogical activity, socio-cultural activity, higher education, educational space, humanization of education, socio-cultural identity

*Коренной В.Г., аспирант,
Российский государственный университет физической
культуры, спорта, молодежи и туризма*

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ ТАНЦЕВ В РЕКРЕАТИВНО-ДОСУГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОЛОДЕЖИ Г. МОСКВЫ

Аннотация: в статье описывается становление социального танца как вида рекреативно-досуговой деятельности молодежи в г. Москва в период перестройки страны. Также в статье рассматриваются основные мотивы молодежи к занятиям социальными танцами и анализируется влияние танцевальных классов на физическое и духовное развитие личности. Делается вывод, что социальный танец в Москве активно развивается и отвечает основным требованиям современной молодежи от 18 до 30 лет, которые занимаются в специализированных клубах и коллективах латиноамериканских танцев, в решении их потребностей и всестороннем развитии.

Цель нашего исследования выявить особенности занятий социальными танцами как элемента рекреативно-досуговой деятельности современной молодежи г. Москвы. В качестве задач ставится:

1. Базируясь на теоретическом изучении источников литературы, дать определение социальному танцу и изучить его роль в становлении социально-культурной сферы молодежи;

2. Провести исследование с выявлением основных мотивов молодых людей к занятиям латиноамериканскими танцами и влияния данных занятий на всесторонне развитие молодежи.

Подобное исследование способно дать практическую значимость результатов, а именно ознакомить молодых преподавателей с новым направлением танцевальной деятельности в нашей стране и предоставить основу в понимании, как осуществлять обучение молодежи в танцевальных школах, основываясь на ее предпочтениях и потребностях.

Ключевые слова: социальные танцы, здоровый образ жизни, физические качества, досуговая деятельность, физическая нагрузка

Введение

В настоящее время занятия танцами пользуются популярностью среди людей всех возрастов, особенно среди молодежи. Средства массовой информации, радио, телевидение, в том числе каналы «Культура», «Матч ТВ» активно рекламируют танцевальную деятельность в любом ее проявлении: соревнования по танцевальному спорту, танцевальные фестивали и вечеринки и т.д. В интернете набирают популярность видео, на которых люди в парах танцуют различные направления латиноамериканских танцев; аргентинское танго, сальса, бачата и др. Такой резкий рост популярности связан прежде всего с тем, что в советское время, во времена «железного занавеса» у людей отсутствовало представление о парных танцах Латинской Америки, все знания сводились к изучению двух типов хореографии: классической и народной. Если в дореволюционное время России в дворянских семьях особую роль играли танцевальные классы, в которых обучение проводили специально приглашенные из Европы хореографы и учителя, а отсутствие танцевальных навыков и неумение пригласить даму на танец считалось низкообразованностью и невежеством молодого человека, то в советские времена занятия танцами для мужчины – считалось «неприличным». Более того в основном девочки занимались балетом, фольклорной и народно-сценической хореографи-

ей, что и составляло советскую танцевальную деятельность в городах и селах. С развалом советского союза и перестройкой российской экономики стали открываться центры современного танца, на базе которых начинают зарождаться занятия социальными танцами для людей, которые раньше не танцевали, не имели специальную физическую подготовку.

Социальные танцы (Social dance) – это танцы, как правило, территорий Северной и Латинской Америки, которыми может заниматься каждый желающий не для соревновательной деятельности, а для себя. «Социальный танец» включает в себя два термина: «социум» и «танец». Иными словами, движения под музыку, сопровождающиеся физической нагрузкой, красотой, грациозностью, определенной стилистикой, взаимодействием с партнером, направленные на все слои общества, доступные для людей разных возрастов и с любой физической подготовкой, – и есть социальный танец.

В конце 90-ых XX века и начале XXI столетия танцевальные центры и организации досуга молодежи переезжают из Дворцов и Домов культуры в фитнес-клубы и спортивные школы. Социальный танец в XXI веке становится не только мощным социально-культурным явлением среди молодежи, решая их эстетическо-творческие потребности, но и элементом общей физической подготовки, в хо-

де которой всесторонне воспитываются такие физические качества, как выносливость, гибкость, быстрота, ловкость и координация. Тем самым социальный танец начинает играть важную роль в здоровом образе жизни молодых людей.

Говоря о мотивации современной молодежи к занятиям латиноамериканскими танцами на основе исследования, проводимом в 2019 году на базе двух танцевальных клубов Москвы: «Ритм» и

«Триада», следует выделить следующие мотивы (табл. 1):

- Общая физическая нагрузка для поддержания формы;
- Научиться красиво танцевать и управлять собственным телом;
- Развитие и усовершенствование физических качеств;
- Новый опыт общения с разными людьми.

Таблица 1

Основные мотивы занятий социальными танцами, %

Причины	Мужчины	Женщины	Все
Новый опыт общения с разными людьми	67,4	42,9	51,7
Физическая нагрузка для поддержания формы	30,2	59,7	47,5
Научиться красиво танцевать и управлять собственным телом	30,2	49,4	42,5
Желание попробовать что-нибудь новое	51,2	32,5	39,2
Развитие и усовершенствование физических качеств	23,3	13	16,7
Необходимость сложившейся ситуации	2,3	2,6	1,7

Респондентами, среди которых и был проведен опрос, были люди, занимающиеся латиноамериканскими танцами в танцевальных клубах и организациях г. Москвы., в возрасте от 18 до 30 лет. Из табл. 1 видно, что главным мотивом занятий танцами для женщин является физическая нагрузка,

которая помогает быть в оптимальной физической форме, сбросить лишний вес, подтянуть фигуру и т.д. Для мужчин прежде всего занятия социальными танцами это новые знакомства, новый вызов в коммуникации с людьми разных профессий и класса.

Таблица 2

Положительные открытия молодежи после занятий социальными танцами, %

Утверждения	Мужчины	Женщины	Все
Социальные танцы дают большую физическую и кардио-нагрузку, сопоставимую с бегом на длинную дистанцию	14	15,6	15
Социальные танцы — это уникальный опыт общения с разными людьми	86	51,9	64,2
Социальные танцы дают прилив энергии, оптимизм и отличное настроение на долгое время	46,5	70,1	61,7
Социальные танцы развивают гибкость, ловкость, выносливость, координацию	42,9	51,2	45,8
Социальные танцы быстро развивают зависимость быть в движении, быть в танце	7	13	10,8
Социальные танцы ничего не открыли для меня	0	0	0

Очень интересно проанализировать те открытия, которые осознанно сделали для себя молодые люди в ходе занятий социальными танцами. Были опрошены 152 человека, занимающиеся танцами в г. Москве, среди которых мужчин – 60, женщин – 92. Говоря о социальных танцах как виде рекреативно-досуговой деятельности молодежи, направленном на всестороннее развитие личности, следует выделить следующие аспекты социального танца:

- это уникальный опыт общения с разными людьми;

- дают энергетический заряд на долгое время;
- развивают гибкость, ловкость, выносливость, координацию.

Заключение

На сегодняшний день активная популяризация латиноамериканских танцев в парах не случайна, это обусловлено рядом факторов, которые были затронуты выше. Танцевальные школы и организации в Москве успешно пропагандируют социальные танцы среди молодежи, разрабатывают инновационные стандарты преподавания на разных уровнях подготовки обучающихся. С развити-

ем фитнес-индустрии на основе латиноамериканских танцев появляются новые направления такие, как Zumba, Caribbean Mix и др. Социальные танцы совершенствуются, меняется хореография, усложняются элементы, увеличивается быстрота исполнения фигур. Теперь танец перестает использоваться только как рекреативный элемент досуговой деятельности молодежи. Молодые люди начинают посещать фитнес-клубы, специализированные центры латиноамериканских танцев не только для коммуникации с разными людьми, но и для поддержания собственной физической

формы, развития таких физических качеств, как выносливость, гибкость, ловкость и координации.

В итоге среди молодых людей создается новая танцевальная культура, которая решает основные потребности занимающихся в танцевальных школах, а именно:

- Коммуникативные функции;
- Организация собственной досуговой деятельности;
- Совершенствование своего физического тела;
- Творческая самореализация.

Литература

1. Баранов А.А., Щеплягина Л.А., Ильин А.Г., Кучма В.Р. Состояние здоровья молодежи как фактор национальной безопасности // Российский педагогический журнал. 2016. № 2. С. 4 – 8.
2. Бирюкова Е.А., Котов А.С. Хастл. Танцы большого города. С-Пб., Питер: 2016. 220 с
3. Волков С.Б. Влияние бачаты на самовыражение // Эстетика. М.: Из-во Парагон, 2014. Ч. 1, гл. 3. С. 89 – 111.
4. Ершова О.В. Социальный танец в культурно-досуговой деятельности: Лекция для студентов специальности «Социально-культурная деятельность» по курсу «Технологические основы культурно-досуговой деятельности». М.: МГУКИ, 2012.
5. Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года" от 29.11.2014 N 2403-р. [Электронный ресурс]: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171835/
6. Панфилова А.В., Умеркаева С.Ш. Современные формы организации молодежного досуга // Развитие социально-культурной деятельности в условиях столичного мегаполиса: теория и практика. М.: МГПУ, 2019.

References

1. Baranov A.A., SHCHeplyagina L.A., Il'in A.G., Kuchma V.R. Sostoyanie zdorov'ya molodezhi kak faktor nacional'noj bezopasnosti. Rossijskij pedagogicheskij zhurnal. 2016. № 2. S. 4 – 8.
2. Biryukova E.A., Kotov A.S. Hastl. Tancy bol'shogo goroda. S-Pb., Piter: 2016. 220 s
3. Volkov S.B. Vliyanie bachaty na samovyrazhenie. Estetika. M.: Iz-vo Paragon, 2014. CH. 1, gl. 3. S. 89 – 111.
4. Ershova O.V. Social'nyj tanec v kul'turno-dosugovoj deyatel'no: Lekciya dlya studentov special'nosti «Social'no-kul'turnaya deyatel'nost'» po kursu «Tekhnologicheskie osnovy kul'turno-dosugovoj deyatel'nosti». M.: MGUKI, 2012.
5. Osnovy gosudarstvennoj molodezhnoj politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda" ot 29.11.2014 N 2403-r. [Elektronnyj resurs]: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171835/
6. Panfilova A.V., Umerkaeva S.SH. Sovremennye formy organizacii molodezhnogo dosuga. Razvitie social'no-kul'turnoj deyatel'nosti v usloviyah stolichnogo megapolisa: teoriya i praktika. M.: MGPU, 2019.

*Korennoy V.G., Postgraduate,
Russian State University of Physical
Education, Sport, Youth and Tourism*

THE ROLE OF SOCIAL DANCES IN RECREATIVE AND LEISURE ACTIVITIES OF YOUTH IN MOSCOW

Abstract: the article describes the formation of social dance as a type of recreational and leisure activity of young people in Moscow during the period of restructuring of the country. The article also examines the main motives of young people to engage in social dancing and analyzes the influence of dance classes on the physical and spiritual development of the individual. It is concluded that social dance in Moscow is actively developing and meets the basic requirements of modern youth from 18 to 30 years old, who are engaged in specialized clubs and groups of Latin American dances, in solving their needs and all-round development.

The purpose of our research is to reveal the peculiarities of social dance classes as an element of recreational and leisure activities of modern youth in Moscow. The tasks are:

1. To define social dances and study its role in the formation of the socio-cultural sphere of youth, based on the theoretical study of literature sources,;

2. To conduct a study to identify the main motives of young people to engage in Latin American dancing and the impact of these activities on the comprehensive development of young people.

Such a study can give the practical significance of the results, namely, to acquaint young teachers with a new direction of dance activity in our country and provide a basis in understanding how to teach young people in dance schools, based on their preferences and needs.

Keywords: social dancing, healthy lifestyle, physical qualities, leisure activities, physical activity

*Кравцова Л.М., кандидат педагогических наук, доцент,
Чикалин М.В., доцент,
Сарайкин Д.А., кандидат биологических наук, доцент,
Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет*

ОСОБЕННОСТИ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА

Аннотация: данная статья посвящена актуальной проблеме физической подготовки студентов педагогического вуза. В статье проводится сравнительный анализ эффективности физической подготовки студентов занимающихся с использованием разных средств физического воспитания. Разработана и представлена методика физической подготовки студентов вуза с выполнением тренировочных занятий по различным видам спорта (баскетбол, легкая атлетика, гимнастика).

Целью исследования является совершенствование и изучение методики физической подготовки студентов педагогического вуза.

Проведен педагогический эксперимент по сравнению эффективности различных методик физической подготовки студентов вуза. В педагогическом эксперименте приняли участие студенты второго курса в общем количестве 40 человек. Студенты были разделены на две равноценные группы по 20 человек в каждой. Состав в группах был равный 10 человек – девушки и 10 человек – юноши.

Одна группа была контрольной в данной группе проводились занятия по общей физической подготовке с выполнением общеразвивающих упражнений. Другая группа – экспериментальная, в данной группе проводились занятия по видам спорта (баскетбол, легкая атлетика, гимнастика).

Результаты проведенного педагогического эксперимента свидетельствуют о том, что занятия по физической подготовке проводимые с применением общеразвивающих упражнений способствуют повышению подготовленности студентов, однако занятия со спортивно направленностью демонстрируют больше значения прироста физических показателей.

Практическая значимость исследования заключается в реализации методики физической подготовки студентов педагогического вуза со спортивной направленностью.

Ключевые слова: методика, физическая подготовка, эксперимент, студенты, спорт, тренировка

Введение

Физическая подготовка является существенной частью и большим разделом занятий со студентами педагогического вуза по физкультурно-спортивному профилю подготовки. В процессе проведения занятий по физической подготовке студенты приобретают необходимые двигательные умения и навыки, происходит совершенствование физических качеств. При помощи средств и методов физической подготовки осуществляется формирование профессиональных компетенций студентов вуза. Физическая подготовка способствует развитию жизненно значимых качеств человека и тесным образом связана с состоянием здоровья, что является компонентом здоровьесориентированного образования.

Системе физической подготовки в настоящее время уже посвящено большое количество научных исследований [4, 5, 6 и др.]. Кроме формирования профессиональных компетенций студентов и развития физических качеств в процессе физической подготовки, исследователи отмечают психологические нюансы, которые сопровождают и являются частью процесса организации и проведения занятий по физической подготовке. Отмечается, что «мотивация к занятиям физической культурой и спортом имеет большое значение в фор-

мировании профессиональных компетенций будущих специалистов» [1, с. 20].

На процесс решения определенных задач физической подготовки студента влияет правильность выбора и умение применять методы физического воспитания. Необходимо знать, что действия студентов на занятиях физической культурой и спортом несут повторно-переменный характер. Так, например занятия спортивными играми (баскетбол, волейбол, футбол) способствуют развитию преимущественно скоростно-силовых способностей, и тактического мышления студентов. В то время как занятия гимнастикой, легкой атлетикой способствуют преимущественное развитие совершенно иных качеств (координации, общей выносливости), на занятиях фитнесом имеется силовая направленность, что предполагает совершенно иной двигательный режим [3, с. 28]. Можно говорить о том, что существует большое разнообразие средств и методов физической подготовки студенческой молодежи.

Кроме обозначенных особенностей двигательного режима, при выполнении разного рода направленности связанные с различными видами спорта. Физическая подготовка делится на общую и специальную [2, с. 14]. Данное разделение происходит из спорта высших достижений и имеет

глубокие теоретические и методические основания. В связи с этим, при подготовке студентов перед преподавателем встает вопрос о выборе направления физической подготовки: общая или специальная. Так, при занятиях «для здоровья» отдается предпочтение общей физической подготовке, а когда стоит задача достижения, какого либо спортивного результата, то необходимо использовать средства специальной физической подготовки.

Однако, такое решение вроде бы лежит «на поверхности», но имеет существенные ограничения. Так, при занятиях, каким либо видом спорта, студенту необходимо выполнять специфические, характерные упражнения для конкретного вида спорта, что может привести к одностороннему развитию физических качеств. В то же время, при выполнении упражнений общей физической подготовки (не применимых к какому-либо конкретному виду спорта) существенно теряется мотивация к занятиям, что значительно снижает эффективность занятий по физической подготовке.

Для того чтобы разобраться в проблеме соотношения общей и специальной физической подготовки нужно определиться с целями каждой и них. Целью общей физической подготовки является развитие всех физических качеств, преимущественно общей выносливости, гибкости и силовых способностей. Также в процессе общей физической подготовки может осуществляться отработка простых, технически не сложно выполняемых двигательных действий (метание мяча, бег, сгибание-разгибание в упоре). Можно говорить, что общая физическая подготовка имеет направленность на сохранение и укрепление здоровья занимающихся [7, с. 32].

Специальная физическая подготовка имеет целью совершенствование специфических физических качеств занимающихся, тесным образом, связанных с избранной спортивной специализацией. Специальная физическая подготовка занимает существенную роль во всех видах спорта, так как является основой для достижения высоких спортивных результатов. В процесс специальной физической подготовки происходит освоение и закрепление двигательных умений и навыков, развитие специфических качеств [3, с. 28].

Специальная физическая подготовка имеет существенное отличие от общей физической подготовки в направленности и цели применения. Возникает закономерный вопрос, можно ли заменить общую физическую подготовку специальной и наоборот. Как повлияет и будет ли разница между применением упражнений общей физической подготовки и специальной подготовки на развитие тех или иных физических качеств занимающихся сту-

дентов вуза. Кроме этого вопроса, нельзя не учитывать и образовательный компонент – какие знания, умения, навыки и, в конечном счете, профессиональные компетенции будут сформированы у студентов в процессе применения той или иной физической подготовки [5, с. 105].

Как видно из вышесказанного, процесс физической подготовки студентов может быть весьма разнообразен и обширен. В связи с чем, перед специалистами, работающими со студентами стоит непростая задача подбора наиболее оптимальных и эффективных средств и методов физической подготовки студентов педагогического вуза.

Целью исследования является определение наиболее эффективной методики физической подготовки студентов педагогического вуза.

Объектом исследования явился сам процесс физической подготовки студентов педагогического вуза.

Предметом исследования является методика (общей и специальной) физической подготовки студентов педагогического вуза.

Организация исследования

Исследование проводилось на базе Южно-уральского государственного гуманитарного педагогического университета (ЮУрГГПУ). В педагогическом эксперименте приняли участие студенты второго курса в общем количестве 40 человек. Студенты были разделены на две равноценные группы по 20 человек в каждой. Состав в группах был равный 10 человек – девушки и 10 человек – юноши.

Одна группа была контрольной в данной группе проводились занятия по общей физической подготовке с выполнением общеразвивающих упражнений. Другая группа – экспериментальная, в данной группе проводились занятия по видам спорта (баскетбол, легкая атлетика, гимнастика).

Педагогический эксперимент проведен в течение четырех месяцев 2020 учебного года с сентября по декабрь. Занятия по физической подготовке проводились в виде факультативов и составляли два раза в неделю по одной паре (два академических часа).

Для определения эффективности двух методик физической подготовки студентов педагогического вуза были выбраны общепринятые тесты: отжимание, в упоре лежа; прыжок в длину с места; поднимание туловища из положения, лежа на спине; бег 30 м; наклон вперед из положения, сидя ноги врозь. Результаты обработаны с применением методов математической статистики и расчета прироста спортивных показателей по формуле предложенной В.И. Усаковым.

Методика

Программа занятий по физической подготовке по экспериментальной методике заключалась в разделении четырех месяцев эксперимента на три блока. В каждом блоке выполнялись упражнения, из какого либо вида спорта. Другими словами проводились полноценные тренировочные занятия.

Первый блок посвящен легкой атлетике. В данном блоке выполнялись беговые, прыжковые упражнения, упражнения в метаниях и толканиях спортивных снарядов. Кроме технической подготовки в видах легкой атлетике, проводились кроссовые тренировки.

Второй блок был посвящен баскетболу. В данный блок входят упражнения с мячом, упражнения в передвижениях, упражнения в точности попадания в баскетбольное кольцо, а также проводились игровые тренировки.

Третий блок занятий по физической подготовке был посвящен занятиям гимнастикой [7, с. 21]. На занятиях по гимнастике изучались упражнения акробатики, выполнялись гимнастические элементы и упражнения на снарядах гимнастического многоборья. В завершении данного блока студентами были освоены целостные гимнастические комбинации.

Результаты исследования

До и после проведения педагогического эксперимента мы провели тестирование физической подготовленности студентов контрольной и экспериментальной группы, по выше описанным тестам. Как было сказано ранее, до начала проведения эксперимента обе группы были однородные и имели одинаковый уровень физической подготовленности по всем тестам. После четырех месяцев эксперимента мы выявили динамику прироста показателей физической подготовленности студентов в обеих группах.

1. В контрольном тесте «Отжимание, в упоре лежа» студенты контрольной группы улучшили результат на 4,3%, в экспериментальной группе улучшение составило 10,2%.

2. В контрольном тесте «Прыжок в длину с места» студенты контрольной группы улучшили результат на 5,5%, в экспериментальной группе улучшение составило 12,5%.

3. В контрольном тесте «Поднимание туловища из положения лежа на спине» студенты контрольной группы улучшили результат на 4,5%, в экспериментальной группе улучшение составило 11,5%.

4. В тесте «Наклон вперед из положения, сидя ноги врозь» студенты контрольной группы улучшили результат на 7,8%, в экспериментальной группе улучшение составило 10,5%.

5. В тесте «Бег 30 м» студенты контрольной группы улучшили результат на 2,2%, в экспериментальной группе улучшение составило 4,5%.

Исходя из полученных результатов эксперимента, занятия по физической подготовке проводимые с применением общеразвивающих упражнений способствуют повышению подготовленности студентов, однако занятия со спортивной направленностью демонстрируют больше значения прироста показателей.

Выводы и заключение

В заключение можно сделать вывод о том, что занятия с использованием упражнений общей физической подготовки и упражнений с выраженной спортивной направленностью повышают физическую подготовленность студентов, однако повышения показателей отличаются в пользу экспериментальной методики.

Таким образом, занятия общеразвивающими упражнениями и выполнение спортивных тренировок способствуют повышению физической подготовленности занимающихся, но их эффективность разная.

Следует отметить, что остается открытым вопрос об эффективности общей и специальной физической подготовки студентов педагогического вуза с точки зрения формирования профессиональных компетенций. Проблеме сравнения эффективности формирования знаний, умений и навыков, а также профессиональных компетенций будут посвящены дальнейшие исследования.

Исследование выполнено при финансовой поддержке ФГБОУ ВО «Шадринский государственный педагогический университет» в рамках научного проекта «Прогностическая оценка адаптационных возможностей организма студента к физическим нагрузкам разной интенсивности через параметры статокINETической устойчивости и умственной работоспособности» №ШК-024-21 от 26.03.2021.

Литература

1. Воронин С.М., Бородулина О.В. Личностно ориентированная физическая подготовка студентов // ТиПФК. 2020. № 2. С. 20.
2. Горбань И.Г., Холодова Г.Б., Гребенникова В.А., Удовиченко Е.В. Особенности физической подготовки студентов-волейболистов // Вестник ОГУ. 2020. № 1 (224). С. 14 – 20.
3. Коняхина Г.П., Сайранова О.С., Захарова Н.А. Физическая подготовка студентов вуза средствами подвижных игр и шейпинга // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2019. № 8-2. С. 28 – 31.

4. Кочетова С.В., Прянишникова Д.Н. Физическая подготовка студентов с лишним весом // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 4-1. С. 86 – 88.

5. Михайлова, Т.А. Оценка профессионально-значимых качеств учителя физической культуры у студентов вуза // В сборнике: Проблема сущности человека и типа личности: Материалы 2 и 3 межвузовских региональных конференций / Редкол.: А.В. Усова, А.Ф. Аменд, Н.Н. Тулькибаева. Челябинск, 2003. С. 105 – 106.

6. Рютина Л.Н., Туз В.В. Повышение качества общей физической подготовки студентов // Проблемы педагогики. 2017. № 3 (26). С. 50 – 51.

7. Шакамалов, Г. М. Сложнокоординационные виды спорта: учебно-методическое пособие. Челябинск: Издательский центр «Уральская академия», 2020. 91 с.

References

1. Voronin S.M., Borodulina O.V. Lichnostno orientirovannaya fizicheskaya podgotovka studentov. TiPFK. 2020. № 2. S. 20.

2. Gorban' I.G., Holodova G.B., Grebennikova V.A., Udovichenko E.V. Osobennosti fizicheskoy podgotovki studentov-volejbolistov. Vestnik OGU. 2020. № 1 (224). S. 14 – 20.

3. Konyahina G.P., Sajranova O.S., Zaharova N.A. Fizicheskaya podgotovka studentov vuza sredstvami podviznyh igr i shejpinga. Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2019. № 8-2. S. 28 – 31.

4. Kochetova S.V., Pryanishnikova D.N. Fizicheskaya podgotovka studentov s lishnim vesom. Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2019. № 4-1. S. 86 – 88.

5. Mihajlova, T.A. Ocenka professional'no-znachimyh kachestv uchatelya fizicheskoy kul'tury u studentov vuza. V sbornike: Problema sushchnosti cheloveka i tipa lichnosti: Materialy 2 i 3 mezhvuzovskih regional'nyh konferencij. Redkol.: A.V. Usova, A.F. Amend, N.N. Tul'kibaeva. CHElyabinsk, 2003. S. 105 – 106.

6. Rytina L.N., Tuz V.V. Povyshenie kachestva obshchej fizicheskoy podgotovki studentov. Problemy pedagogiki. 2017. № 3 (26). S. 50 – 51.

7. SHakamalov, G. M. Slozhnokordinacionnye vidy sporta: uchebno-metodicheskoe posobie. CHelyabinsk: Izdatel'skij centr «Ural'skaya akademiya», 2020. 91 s.

*Kravtsova L.M., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Chekalin M.V., Associate Professor,
Saraykin D.A., Candidate of Biological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
South Ural State Humanitarian and Pedagogical University*

FEATURES OF PHYSICAL TRAINING OF STUDENTS OF A PEDAGOGICAL UNIVERSITY

Abstract: this article is devoted to the actual problem of physical training of students of a pedagogical university. The article provides a comparative analysis of the effectiveness of physical training of students engaged in using different means of physical education. The methodology of physical training of university students with the implementation of training sessions in various sports (basketball, track and field athletics, gymnastics) is developed and presented.

The purpose of the study is to improve and study the methods of physical training of students of pedagogical universities.

A pedagogical experiment was conducted to compare the effectiveness of various methods of physical training of university students. With the students of the control group, physical education classes were conducted with the use of general developmental exercises, without any expressed sports orientation, and with the students of the experimental group, physical education classes were conducted according to the methodology developed by us with a sports orientation. After the completion of the pedagogical experiment, a control test of the physical fitness of the students of the control and experimental groups was conducted and their analysis was carried out using the methods of mathematical statistics.

The results of the conducted pedagogical experiment indicate that physical training classes conducted with the use of general developmental exercises contribute to improving the readiness of students, but classes with a sports orientation demonstrate more value of the increase in physical indicators.

The practical significance of the research lies in the implementation of the methodology of physical training of students of a pedagogical university with a sports orientation.

Keywords: methodology, physical training, experiment, students, sports; training

*Сидоренко И.А., доцент,
Уральский государственный университет физической культуры*

СОПРЯЖЕННОЕ РАЗВИТИЕ ФИЗИЧЕСКИХ КАЧЕСТВ У ШКОЛЬНИКОВ (12-13 ЛЕТ) СРЕДСТВАМИ ХАТХА-ЙОГИ

Аннотация: в рассматриваемой статье автором освещен вопрос сопряженного развития физических качеств у школьников среднего возраста средствами хатха-йоги. Отмечена проблема низкого уровня физической подготовленности у современных школьников. Обоснована значимость развития подвижности суставов и силы мышц на основе анализа литературных источников. Цель исследования – выявить результативность использования средств хатха-йоги в сопряженном развитии физических качеств у школьников 12-13 лет. В педагогическом исследовании участвовали школьники шестых классов г. Челябинска в количестве 50 человек. Из них составлены контрольные и экспериментальные группы мальчиков и девочек. Экспериментальная группа на третьем уроке физической культуры занималась хатха-йогой, а контрольная группа согласно базисному плану занималась по школьной программе физического воспитания. В изучаемой работе акцентировано внимание на методических аспектах проведения уроков с использованием динамических упражнений («виньяс») хатха-йоги. Результаты обработки данных дали возможность утверждать о достоверности количественных изменений в экспериментальных группах, о превосходстве в темпах прироста подвижности суставов и силы мышц по сравнению с контрольными группами. Полученные результаты позволили установить эффективность использования разработанной методики со школьниками среднего возраста.

Ключевые слова: школьники среднего возраста, физические качества, хатха-йога, подвижность суставов, сила

Актуальность

В физическом воспитании одним из основных компонентов является физическая подготовка учащихся общеобразовательной школы. В последнее время привлекает внимание проблема низкого уровня физической подготовленности подрастающего поколения, следовательно, это отражается в затруднении освоения техники движений школьной программы физического воспитания [11, с. 43].

В данный момент в школьной практике применяются принципы направленного сопряженного воздействия [2, с. 204]. А.С. Радиола отмечает, что развитие физических качеств сопряжено с определенными признаками, которые зависят от роста и развития организма. Например, развитие одного физического качества может благополучно влиять на степень развития других качеств [9, с. 80]. Л.П. Матвеев (1991) указывает, что именно в школьном обучении необходимо пристальное внимание обращать на развитие силы мышц и подвижности суставов [4, с. 94]. В проведенных исследованиях И.А. Колесникова, Меньшикова (2008) отмечается, что например, силовые качества у 42% всех школьников среднего возраста расценены как низкие, а также низкие результаты наблюдаются у трети испытуемых в показателях гибкости [5, с. 31].

Варьирование упражнений, ориентированных на развитие силы мышц и подвижности суставов, помогает обеспечить достаточную амплитуду движений при выполнении многих упражнений, а

это положительно сказывается не только на развитии максимальной силы и силовой выносливости, но и в повышении подвижности суставов [8, с. 262]. Ж.К. Холодов полагает, что совокупное применение упражнений на расслабление и упражнений силового характера позволяет улучшать надежность мышечного и связочного аппарата, эффективней воздействовать на растяжимость, эластичность мышц, прирост силы [12, с. 124]. Неудовлетворительный уровень мышечного развития и растяжимости определенных мышечных групп влияет на нарушение осанки, об этом указывается в трудах Корбина и Нобля (1980), Холланда и Девиса (1975). На этом основании, выполняя упражнения на растягивание мышц необходимо одновременно укреплять их [1, с. 12].

Для развития подвижности в суставах и силы мышц, опираясь на литературные источники и собственный опыт работы со школьниками, мы использовали в нашем научном изыскании средства хатха-йоги. Эта практика, которая влияет исключительно на функциональный и физический потенциал человека [6, с. 19, 23].

Цель исследования – выявить результативность использования средств хатха-йоги в сопряженном развитии физических качеств у школьников 12-13 лет.

Организация и технология исследования

В сравнительном обследовании участниками являлись 50 школьников шестых классов (30 мальчиков и 20 девочек) общеобразовательной школы №121 г. Челябинска. Из них были сформированы

рованы контрольная и экспериментальная группа девочек и мальчиков. Экспериментальная группа мальчиков и девочек на третьем уроке физической культуры включали динамические упражнения («виньясы») хатха-йоги [3, с. 44], в количестве тридцати пяти часов. Контрольная группа мальчиков и девочек обучались по комплексной программе физического воспитания [10, с. 130]. Для того чтобы оценить сопряженное развитие физических качеств, мы выбрали контрольные упражнения, определяющие подвижность суставов и силу мышц, и провели их со школьниками в начале и в конце эксперимента: «поднимание рук вверх с гимнастической палкой в положении лежа на животе» (у. е.); «прогибание туловища из положения лежа на животе» (у. е.); «сгибание и разгибание рук в упоре лежа» (кол-во раз); «удержание ноги в сторону» (градусы) [7, с. 78, 80].

В эксперименте, упражнения для развития подвижности суставов и силы мышц проводились за счет включения в подготовительную часть гимнастики для суставов и вариаций комплекса «Здравствуй, Солнце!». Основную часть составили динамические упражнения, то есть связки («виньясы»),

выполняемые по два-три раза, без остановки и комплекс, состоящий из этих упражнений [10, с. 131]. Вышеперечисленные положения удерживались по шесть-восемь секунд. После выполнения «виньяс» – короткий отдых около двадцати секунд. Принимая во внимание наши познания практики и комплексное изучение литературы, мы сформировали следующие методические аспекты: связки выполнялись в медленном темпе, не задерживая дыхание; упражнения постепенно усложнялись за счет изменения положений; во время выполнения дискомфорт исключить; использовался метод статических упражнений. Указанные аспекты позволили нам составить содержание практических занятий.

Обзор результатов

Полученная информация, при проведении исходных расчетов, позволила нам установить однородность выборки групп. Результаты обработки данных сведены в табл. 1 и 2, из которых мы можем утверждать о достоверности количественных изменений ($p < 0,05$) в экспериментальных группах, тогда как в контрольных говорить о не достоверных различиях ($p > 0,05$).

Таблица 1

Изменение среднегрупповых показателей уровня подвижности суставов и силы мышц у девочек (12-13 лет) в контрольных и экспериментальных группах

Контрольные упражнения	Контрольная группа (n = 10)		Экспериментальная группа (n = 10)	
	Сентябрь	Май	Сентябрь	Май
	($x \pm m$)	($x \pm m$)	($x \pm m$)	($x \pm m$)
1. Поднимание рук вверх с гимнастической палкой в положении лежа на животе (у. е.)	32,1 ± 2,8	37,5 ± 3,48	28,6 ± 2,70	43,0 ± 5,89
	t = 1,21; p > 0,05		t = 2,23; p < 0,05	
2. Прогибание туловища из положения лежа на животе (у. е.)	64,9 ± 6,0	65,0 ± 5,98	54,6 ± 5,13	75,3 ± 7,15
	t = 0,01; p > 0,05		t = 2,35; p < 0,05	
3. Сгибание и разгибание рук в упоре лежа (кол-во раз)	11,4 ± 1,74	11,8 ± 1,94	9,4 ± 0,92	13,5 ± 0,92
	t = 0,15; p > 0,05		t = 3,15; p < 0,05	
4. Удержание ноги в сторону (градусы)	76,7 ± 3,08	80,2 ± 3,08	73,5 ± 2,83	84,0 ± 3,32
	t = 0,80; p > 0,05		t = 2,41; p < 0,05	

Примечание: 1 Поднимание рук вверх с гимнастической палкой в положении лежа на животе (у. е.); 2 Прогибание туловища из положения лежа на животе (у. е.); 3 Сгибание и разгибание рук в упоре лежа (кол-во раз); 4 Удержание ноги в сторону (градусы).

Рис. 1. Динамика прироста показателей подвижности суставов и силы мышц у девочек (12-13 лет), %

Проанализировав в ходе исследования, данные всех испытуемых, мы диагностировали: «средний» уровень в подвижности плечевых суставов и силы мышц плечевого пояса, в подвижности позвоночника и силы мышц спины. «Хорошая» оценка отмечена у мальчиков в силовой выносливости мышц разгибателей рук и подвижности локтевых суставов, у девочек наблюдается «удовлетворительная» оценка. «Низкий» уровень обнаружен у мальчиков в подвижности тазобе-

ренных суставов и силы мышц ног («удержание ноги в сторону»), а у девочек уровень – «ниже среднего». Мы полагаем, что «низкий» уровень может быть связан с мышечно-сухожильной тугоподвижностью суставов в этом возрасте.

Статистический анализ при повторном тестировании указал превосходство в темпах прироста подвижности суставов и силы мышц в экспериментальных группах, как представлено на рис. 1 и 2.

Таблица 2

Изменение среднегрупповых показателей уровня подвижности суставов и силы мышц у мальчиков (12-13 лет) в контрольных и экспериментальных группах

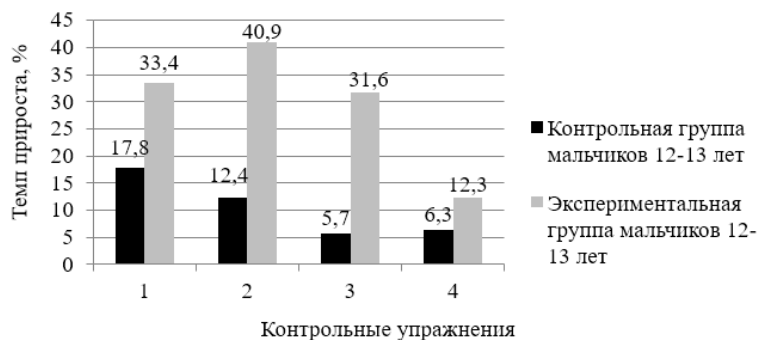
Контрольные упражнения	Контрольная группа (n = 17)		Экспериментальная группа (n = 13)	
	Сентябрь	Май	Сентябрь	Май
	(x ± m)	(x ± m)	(x ± m)	(x ± m)
1. Поднимание рук вверх с гимнастической палкой в положении лежа на животе (у. е.)	33,7 ± 3,42	40,3 ± 3,17	29,4 ± 2,17	41,2 ± 4,08
	t = 1,42; p > 0,05		t = 2,55; p < 0,05	
2. Прогибание туловища из положения лежа на животе (у. е.)	56,8 ± 5,58	64,3 ± 5,28	47,0 ± 2,55	71,2 ± 2,08
	t = 0,98; p > 0,05		t = 7,36; p < 0,05	
3. Сгибание и разгибание рук в упоре лежа (кол-во раз)	23,7 ± 2,07	25,1 ± 1,99	20,0 ± 1,68	27,5 ± 1,68
	t = 0,48; p > 0,05		t = 3,16; p < 0,05	
4. Удержание ноги в сторону (градусы)	73,6 ± 2,89	78,4 ± 1,87	69,7 ± 2,03	78,9 ± 3,03
	t = 1,40; p > 0,05		t = 2,53; p < 0,05	

У девочек экспериментальной группы мы отметили более значительное улучшение показателей, чем в контрольной группе (рисунок 1). Интенсивные темпы прироста зафиксированы в контрольных упражнениях: «поднимание рук вверх с гимнастической палкой в положении лежа на животе» – 40,2%, «сгибание и разгибание рук в

упоре лежа» – 35,9%, «прогибание туловища из положения лежа на животе» – 31,4%, «удержание ноги в сторону» – 13,3%. Как видно из рис. 2, мальчики экспериментальной группы продемонстрировали более значительное улучшение результатов по сравнению с контрольной группой. Например, самый высокий темп прироста

отмечается в контрольных упражнениях: «прогибание туловища из положения лежа на животе» – 40,9%; «поднимание рук вверх с гимнастической палкой в положении лежа на животе» – 33,4%; «сгибание и разгибание рук в упоре лежа» – 31,6%. Незначительный прирост обнаружен в подвижности позвоночника и силы мышц ног – 12,3%.

Опираясь на наш опыт и согласно исследованиям ученых низкий темп прироста в тазобедренных суставах, прежде всего, связан с тенденцией к снижению амплитуды сгибания в возрасте 12-15 лет. В контрольных группах мальчиков и девочек замечен незначительный прирост в исследуемых показателях (рис. 1 и 2).

Примечание: 1 Поднимание рук вверх с гимнастической палкой в положении лежа на животе (у. е.); 2 Прогибание туловища из положения лежа на животе (у. е.); 3 Сгибание и разгибание рук в упоре лежа (кол-во раз); 4 Удержание ноги в сторону (градусы).

Рис. 2. Динамика прироста показателей подвижности суставов и силы мышц у мальчиков (12-13 лет), %

Интересно отметить, что внедрение упражнений хатха-йоги в учебный процесс является следствием изменения показателей в экспериментальных группах, тогда как в контрольных, изменения произошли за счет индивидуального возрастного развития.

Следовательно, можно отметить, что полученные результаты подтвердили эффективность использования принципа сопряженного развития физических качеств у школьников при выполнении упражнений хатха-йоги.

Литература

1. Альтер М.Дж. Наука о гибкости. К.: Олимпийская литература, 2001. 424 с.
2. Антонюк С.Д., Курносков К.В. Реализация принципа направленного сопряженного воздействия в процессе физической подготовки юных спортсменов // Вестник Томского государственного педагогического университета. Томск, 2013. Вып. 7 (123). С. 204 – 207.
3. Дешикачар Т.К.В. Сердце йоги (совершенствование индивидуальной практики). София: ИД Гелиос, 2003. 272с.
4. Карпов В.Ю., Марьина Н.В., Скоросов К.К. Теоретико-методические аспекты сопряженного развития физических качеств и формирования техники двигательных действий у девочек среднего школьного возраста // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2015. № 6 (124). С. 91 – 96.
5. Колесникова И.А., Меньшикова Л.И., Макарова В.И. Определение физической подготовленности при проведении комплексной оценки состояния здоровья школьников // Поликлиника. 2008. № 1. С. 30 – 31.
6. Константинова Е.А. Наглядная йога. М.: АСТ, 2007. 159 с.
7. Лях В.И. Тесты в физическом воспитании школьников: пособие для учителя. М.: ООО «Фирма «Издательство ААСТ», 1998. 272 с.
8. Платонов. В.Н. Общая теория подготовки спортсменов в олимпийском спорте: учебник для вузов физ. воспитания и спорта, К.: Олимпийская литература, 1997. 583 с.
9. Радиола А.С. Комплексный подход к развитию физических качеств футболистов 8-9 лет на учебно-тренировочном занятии // Вопросы науки и образования. 2019. № 2 (45). С. 79 – 83.
10. Сидоренко И.А. Повышение уровня статической устойчивости у школьников 13-14 лет средствами хатха-йоги // Modern Humanities Success/Успехи гуманитарных наук. 2019. № 9. С. 130 – 132.

11. Старченко В.Н., Метелица А.Н. Влияние двигательных учебных заданий на актуализацию потребностей в физической подготовленности и двигательных умениях и навыках учащихся // Физическая культура в школе. 2020. № 3. С. 42 – 49.

12. Холодов Ж.К., Кузнецов В.С. Теория и методика физического воспитания и спорта: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. 5-е изд., стер. М.: «Академия», 2007. 480 с.

References

1. Al'ter M.Dzh. Nauka o gibkosti. K.: Olimpijskaya literatura, 2001. 424 s.
2. Antonyuk S.D., Kurnosov K.V. Realizaciya principa napravlennogo sopryazhennogo vozdejstviya v processe fizicheskoj podgotovki yunyh sportsmenov. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Tomsk, 2013. Vyp. 7 (123). S. 204 – 207.
3. Deshikachar T.K.V. Serdce jogi (sovershenstvovanie individual'noj praktiki). Sofiya: ID Gelios, 2003. 272s.
4. Karpov V.YU., Mar'ina N.V., Skorosov K.K. Teoretiko-metodicheskie aspekty sopryazhennogo razvitiya fizicheskikh kachestv i formirovaniya tekhniki dvigatel'nyh dejstvij u devochek srednego shkol'nogo vozrasta. Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta. 2015. № 6 (124). S. 91 – 96.
5. Kolesnikova I.A., Men'shikova L.I., Makarova V.I. Opredelenie fizicheskoj podgotovlennosti pri provedenii kompleksnoj ocenki sostoyaniya zdorov'ya shkol'nikov. Poliklinika. 2008. № 1. S. 30 – 31.
6. Konstantinova E.A. Naglyadnaya joga. M.: AST, 2007. 159 s.
7. Lyah V.I. Testy v fizicheskom vospitanii shkol'nikov: posobie dlya uchitelya. M.: OOO «Firma «Izdatel'stvo AAST», 1998. 272 s.
8. Platonov. V.N. Obshchaya teoriya podgotovki sportsmenov v olimpijskom sporte: uchebnyk dlya vuzov fiz. vospitaniya i sporta, K.: Olimpijskaya literatura, 1997. 583 s.
9. Radiola A.S. Kompleksnyj podhod k razvitiyu fizicheskikh kachestv futbolistov 8-9 let na uchebno-trenirovochnom zanyatii. Voprosy nauki i obrazovaniya. 2019. № 2 (45). S. 79 – 83.
10. Sidorenko I.A. Povyshenie urovnya staticheskoy ustojchivosti u shkol'nikov 13-14 let sredstvami hathajogi. Modern Humanities Success. Uspekhi gumanitarnyh nauk. 2019. № 9. S. 130 – 132.
11. Starchenko V.N., Metelica A.N. Vliyanie dvigatel'nyh uchebnyh zadaniy na aktualizaciyu potrebnostej v fizicheskoj podgotovlennosti i dvigatel'nyh umeniyah i navykah uchashchihsya. Fizicheskaya kul'tura v shkole. 2020. № 3. S. 42 – 49.
12. Holodov ZH.K., Kuznecov V.S. Teoriya i metodika fizicheskogo vospitaniya i sporta: ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenij. 5-e izd., ster. M.: «Akademija», 2007. 480 s.

*Sidorenko I.A., Associate Professor,
Ural State University of Physical Education*

CONJUGATE DEVELOPMENT OF PHYSICAL QUALITIES IN SCHOOLCHILDREN (12-13 YEARS OLD) BY MEANS OF HATHA YOGA

Abstract: in the article under consideration, the author highlights the issue of the conjugate development of physical qualities in middle-aged schoolchildren by means of hatha yoga. The problem of low level of physical fitness in modern schoolchildren is noted. The importance of the development of joint mobility and muscle strength is substantiated based on the analysis of literary sources. The purpose of the study is to identify the effectiveness of using hatha yoga tools in the conjugate development of physical qualities in 12-13 year old schoolchildren. The pedagogical study involved schoolchildren of the sixth grades of Chelyabinsk in the number of 50 people. Control and experimental groups of boys and girls were made up of them. The experimental group was engaged in hatha yoga at the third lesson of physical education, and the control group, according to the basic plan, was engaged in the school physical education program. The study focuses on the methodological aspects of conducting lessons using dynamic exercises ("vinyas") of hatha yoga. The results of data processing made it possible to assert the reliability of quantitative changes in the experimental groups, the superiority in the growth rates of joint mobility and muscle strength compared to the control groups. The obtained results allowed us to establish the effectiveness of using the developed methodology with middle-aged schoolchildren.

Keywords: middle-aged students, physical qualities, Hatha yoga, joint mobility, strength

Чжао Цзюньчэн,
Суйхуаский университет, Китай

ТЕХНОЛОГИЯ СОЗДАНИЯ ИНТЕГРИРОВАННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ ПОДДЕРЖКИ УПРАВЛЕНИЯ БИБЛИОТЕКОЙ ВЫСШЕГО УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ

Аннотация: современное информационное пространство характеризуется в настоящее время большим массивом информации со сложной структурой и многообразием способов доступа к нему. Цифровая среда, ставшая неотъемлемой частью современного общества, на протяжении последних десятилетий неизменно определяет характер повседневной человеческой деятельности. При этом аудитория получателей электронных услуг каждый день растет в геометрической прогрессии. Цифровые технологии становятся уникальным механизмом для разностороннего развития современного высшего учебного заведения. В настоящее время создается возможность для быстрого обмена знаниями, а также обмена опытом, проводится адаптация онлайн-обучения, идет развитие цифровых библиотек, расширяется круг субъектов, которые непосредственно получают уникальную информацию, которая раньше была доступна только для узкого круга экспертов и ученых. Все это затрагивает также и деятельность библиотек в высших учебных заведениях, постепенно изменяющих способы и каналы взаимодействия со своей аудиторией, все чаще включая в свою деятельность функцию по созданию и размещению в сети Интернет собственного электронного контента. В настоящей статье исследуется технология создания интегрированной информационной системы поддержки управления библиотекой высшего учебного заведения.

Ключевые слова: образовательная среда, создание интегрированной информационной системы, взаимодействие с аудиторией, поддержка управления библиотекой ВУЗа

Основная цель данной исследовательской работы – разработать компьютеризированную систему, которая смогла бы выполнять действия, обеспечивая при этом легкий доступ к библиотеке для библиотекарей и пользователей библиотеки. Эта система предоставляет электронные документы, такие, как книги, журналы, газеты и другие полезные файлы, которые могут предоставить доступ пользователям без каких-либо ограничений и помочь библиотекарям отслеживать библиотечную информацию [10, с. 22].

В данном исследовании также будет проведена разработка компьютеризированной системы управления библиотекой (LMS), которая поможет устранить проблему, обнаруженную в библиотеке с картотекой ручного пользования. Библиотека с картотекой ручного пользования имеет множество ограничений для пользователя, а большинство бумажных документов повреждаются после неоднократного использования.

Чтобы избавиться от «бумажной» работы в библиотеке и избежать проблем с отсутствующими файлами, предлагается ввести веб-систему LMS в АССЕ. Цели этого исследования – разработать систему, которая поможет эффективно и надежно обрабатывать и управлять функциями библиотеки АССЕ. Это может стать преимуществом для всех пользователей, поскольку они получают доступ к библиотеке в любое удобное для них время. Интернет-система управления цифровой библиотекой (DLMS) поможет создать безгра-

ничный объем цифровой информации и сделать ее доступной для всех пользователей мира [2, с. 21].

На основе выявленных проблем нами были подготовлены соответствующие рекомендации по улучшению обслуживания посетителей в библиотеках с картотекой ручного пользования. Система управления предусматривает ввод, проверку и обновление данных, а интерактивная система взаимодействует с пользователями.

Библиотечная система обеспечивает повседневную деятельность вручную, записывая данные на бумажном носителе. В большинстве стран, в частности, в России, LMS является неотъемлемой частью оперативной записи подробной информации о книгах.

В России систему управления информацией в библиотеках с картотекой ручного пользования нельзя назвать эффективной, так как многие записи, как правило, теряются из-за отсутствия компьютеризованных систем. Для этого проекта мы предлагаем разработку LMS с использованием библиотеки АССЕ. Данная система предоставит необходимый информационный репозиторий для эффективного управления библиотеками между администратором, пользователем и участниками.

В настоящее время транзакция книг в библиотеках России в большинстве случаев производится вручную, что требует существенных временных затрат (заимствование книг, возврат книг, поиск книг и добавление новых пользователей). В библиотеке с картотекой ручного пользования зачастую присутствует человеческий фактор: ведение

записей, потеря или повреждение некоторых вручную написанных файлов из-за неэффективного использования может привести к искажению информации [11, с. 23].

В свою очередь, поиск книг в библиотеке с карточкой ручного пользования зачастую отнимает много времени у пользователя. Кроме того, может возникнуть нехватка места для хранения записей по мере увеличения их количества. Разработанный нами проект поможет преодолеть «громоздкость», создаваемую записями в библиотеке с карточкой ручного пользования [6, с. 10].

Библиотека – это структурированный набор источников информации, доступных для большого количества пользователей. В библиотеках информация обычно хранится на электронных или бумажных носителях. Однако в связи с современными тенденциями цифровизации и компьютеризации использование библиотек с карточкой электронного пользования стало более практичным, так как поиск и распространение информации стало более быстрым.

LMS (Learning Management System) – это приложение, обеспечивающее свободный доступ к общему интеллектуальному капиталу образовательного учреждения для преподавателей и учащихся независимо от их территориального размещения [4]. В данной системе также задействованы книги и пользовательские модули хранения, что помогает отслеживать регистрацию пользователей и содержит подробное описание книг, которые есть в библиотеке. Компьютеризированная система поможет избежать потерю книг и записей пользователей [8, с. 52].

Эта система – система с открытым доступом для всех пользователей, однако некоторые данные (например, списки зарегистрированных пользователей, добавление электронных книг и отчеты о возвращении пользователями книг), доступны только администраторам. В целом, данная система ориентирована на сбор наиболее ценной информации для пользователей библиотеки АССЕ, а администратор системы при этом имеет полный контроль над ее управлением. В настоящей работе мы описываем управление информационными системами управления (MIS) как процедуру планирования, организации, управления персоналом, координации и контроля, направленных на достижение необходимых целей [4, с. 10].

Основная задача библиотечных систем в настоящее время – собирать, систематизировать, сохранять и предоставлять информацию. Выполняя эту функцию, библиотеки сохраняют ценные записи о культуре и искусстве, которые будут впоследствии передаваться из поколения в поколение. Библиотеки являются важным звеном в общении между

прошлым, настоящим и будущим поколениями. Получая какой-либо информационный носитель, библиотека должна подтвердить, что запись сохранена, впоследствии сделав ее доступной для массового использования. Библиотеки предоставляют пользователям доступ к информации, необходимой для работы и обучения.

Библиотечная система – это быстрорастущая база данных для поиска информации, которая нацелена на разработку компьютеризированных систем для хранения большого массива библиотечных данных библиотеки. Таким образом, разработка компьютеризированной библиотечной системы обслуживания ускорит ее работу для пользователей, так как обслуживание станет гораздо более быстрым и оперативным [1, с. 12].

Однако в работе библиотек есть много структур, которые недоступны в LMS, например, возможность входа пользователя в систему. Мы также предложили создание цифрового архива, в котором можно хранить электронные файлы. Данная система позволяет администратору осуществлять вход в систему, через которую он может контролировать ее работу.

В настоящем исследовании будет проанализирован порядок преобразования аналогового формата записей в цифровой. Исследование также охватывает порядок преобразования мультимедийных документов.

Далее рассмотрим дизайны.

Дизайн базы данных контролирует дублирование данных и представляет собой метод создания всеобщей модели базы данных. Модель базы данных состоит из необходимых логических и физических параметров хранения, необходимых для создания проекта на языке определения данных (DDL). DDL используется для создания базы данных. Полностью атрибутированная модель данных содержит необходимые структурные элементы. Метод проектирования базы данных обычно включает несколько этапов, работа которых поддерживается разработчиками базы данных [13, с. 31].

Целью этапа концептуального проектирования является построение концептуальной модели, основанной на ранее учтенных требованиях, более приближенной к окончательной физической модели. Обычно используемая концептуальная модель известна как модель проектирования (ER – Entity Relationship). Диаграмма сущности-связи (ERD) – это популярная концептуальная модель данных высокого уровня. Это полная, логическая иллюстрация данных для конкретной сферы области бизнеса. Модель ER очень важна для отображения обозначений и взаимодействий реальных предприятий на концептуальной схеме. ERD описыва-

ет все данные, которые вводятся, хранятся, преобразуются и производятся системой.

Логический дизайн. Разработка логического дизайна включает сбор и структурирование данных в определенной последовательности, известных как сущности и атрибуты. Сущность обозначает часть информации. В реляционной базе данных объект регулярно вносится в таблицу. Атрибут является модулем объекта и поддерживает определение исключительности объекта. В реляционной базе данных строка таблицы называется записью, а столбец – полем [12, с. 21].

Физический дизайн. На этом этапе проектирования описывается план построения таблиц, включая соответствующие данные, типы, размеры полей, домены атрибутов и индексы. План должен содержать адекватные данные соответствующих полей, которые может понять любой и использовать этот план для создания базы данных. В этом проекте индексы и домены атрибутов исключены из физического проектирования.

В настоящем исследовании мы фокусируемся на реляционной модели и на создании системы управления базами данных (СУБД) с использованием MySQL.

Архитектурный дизайн. Этап проектирования компьютерной архитектуры и архитектуры программного обеспечения обозначается как проектирование высокого уровня. Модель при выборе архитектуры должна учитывать все типовые списки модулей, а также их краткие функциональные возможности, их взаимосвязи интерфейсов, таблицу базы данных, диаграмму архитектуры, детали технологии и т.д. Дизайн ассимиляционного тестирования выполняется в конкретной фазе. После того, как потребности системы конкретизированы, можно определить основную спецификацию для аппаратного обеспечения, программного обеспечения, ресурсов данных и информационных продуктов, которые будут удовлетворять функциональным требованиям предлагаемой системы. Эта конструкция поможет идентифицировать и управлять связями в различных секциях.

Дизайн интерфейса. Дизайн пользовательского интерфейса (UI) включает в себя работу над графической частью интерфейса: анимацией, иллюстрациями, кнопками, меню, слайдерами, фотографиями и шрифтами [3, с. 12].

Модульный дизайн – это конструктивный подход, который подразделяет систему на более мелкие части, называемые модулями или частями, которые можно создавать независимо друг от друга, а затем использовать в разных системах.

Непосредственно сам процесс тестирования системы был направлен на выявление всех дефектов в нашем проекте. Эта программа была подвергнута набору тестовых входных данных, на основе чего были сделаны различные наблюдения и сделан вывод, будет ли программа вести себя так, как ожидалось, или нет.

Далее рассмотрим уровни тестирования.

А. Модульное тестирование. В V-модели планы модульного тестирования (УТР) разрабатываются на этапе проектирования модуля. Эти УТР необходимы для удаления ошибок на уровне кода или на уровне единицы. Единица – это наименьший объект, который может существовать независимо (например, программный модуль). Модульное тестирование подтверждает, что самая маленькая часть может функционировать должным образом, даже если она является отдельной частью других кодов.

Б. Интеграционное тестирование. Данная фаза тестирования реализуется в период архитектурного проектирования. Интеграционное тестирование доказывает, что единицы сформированы и функционируют независимо, при этом они могут сосуществовать и взаимодействовать между собой. Результаты тестирования передаются заказчику.

С. Системное тестирование. Планы тестирования системы (СТП) разрабатываются на этапе проектирования системы. Это стратегическая концепция, состоящая из трех чрезвычайно важных этапов – сегментации, таргетирования и позиционирования. Системное тестирование показывает, соответствует ли готовая система функциональным и нефункциональным требованиям [9, с. 41].

Д. Приемочное тестирование. На этапе анализа разрабатываются стратегии пользовательского приемочного тестирования (UAT). Стратегии тестирования состоят из бизнес-пользователей. Приемочное тестирование – это комплексное тестирование, необходимое для определения уровня готовности системы к последующей эксплуатации. Иными словами, UAT подтверждает, что поставленная система отвечает потребностям пользователя и что она готова к использованию в режиме реального времени.

Далее хотелось бы обсудить результаты, полученные с помощью предложенной системы. Эти результаты помогут нам продемонстрировать, что предлагаемая система обеспечивает эффективный и действенный доступ для пользователей. В табл. 1 из плана тестирования поясняются системные требования, функциональные спецификации и проектные спецификации, а также соответствующие результаты.

Таблица 1

Результаты предлагаемой системы

Прецедент	Цель теста	Условия тестирования	Ожидаемый результат	Фактический результат
Логин	Проверить логин и пароль	Если данные пользователя не верны, отобразить сообщение об ошибке	Предоставить доступ к соответствующей основной системе	Пользователь успешно входит в систему после отправки правильных учетных данных.
Добавление участников	Чтобы гарантировать успешное добавление нового пользователя в систему	Если пользователь уже существует в системе, должно появиться сообщение об ошибке	Новый пользователь должен быть успешно добавлен в систему	Если введенный адрес электронной почты уже существует в системе, отображается сообщение об ошибке. Если адрес электронной почты нового участника не существует в системе, новый участник будет успешно добавлен
Добавление книги	Чтобы убедиться, что новая книга или копия успешно добавлены в систему	Если книга уже существует в системе, это увеличит количество копий в системе	Книга должна быть успешно добавлена в систему	Если название книги, имя автора и ISBN существуют с одной и той же записью в системе, то это увеличит количество копий. Однако, если ее нет в системе, новая книга успешно добавляется.
Модуль транзакций	Чтобы убедиться в том, доступна ли книга в системе.	Если книга есть в системе, ее можно взять напрокат. В противном случае необходимо дождаться ее возврата.	Книга должна быть успешно добавлена из системы и возвращена в систему.	Если название книги, имя автора и ISBN существуют с той же записью в заимствованной системе, то мы должны дождаться возврата книги. Однако, если его нет в системе, книгу можно взять напрокат.
Архив	Чтобы убедиться, что электронные книги или электронные записи были успешно добавлены.	Если электронные книги существуют в системе, пользователи могут их взять, в противном случае следует добавить электронные книги в архив	Электронные книги должны быть успешно добавлены в систему архива	Если название электронной книги, имя автора и ISBN существуют с той же записью в системе, то будет отображаться уже сохраненное сообщение. Однако если оно не существует в системе, то новые книги будут успешно добавлены в архив.

База данных создается для хранения различных типов файлов в системе. База данных предназначена для редактирования, удаления и добавления документов в любой промежуток времени. Структура базы данных таблицы пользователя включает идентификатор пользователя, имя пользователя, пароль, имя и фамилию.

Администратор может войти в систему со своим именем пользователя и паролем. Действия по добавлению новых участников и добавлению новых книг контролируются администратором библиотеки и библиотекарями. Администратор и библиотекарь имеют авторизованный доступ для до-

бавления/редактирования/удаления книги в компьютерный архив библиотеки. Администратор библиотеки может добавлять новые книги в библиотечную систему в максимально короткие сроки [5, с. 25].

Графический интерфейс LMS – это основная страница, на которой можно пройти регистрацию, чтобы получить доступ к библиотечной системе. Информация о входе в систему отображается у администратора [7, с. 18].

Таким образом, в заключение можно сделать вывод, что данная инновационная система является эффективной и функциональной - она обеспе-

чивает быстрый отклик и с помощью этой базы данных любые файлы могут быть добавлены, скорректированы, удалены в любой момент. Эта компьютеризированная система обеспечивает са-

мый простой способ предоставления доступа пользователям в различных формах, при этом пользователи могут одновременно читать неограниченное количество электронных книг.

Литература

1. Буйневич Д.В., Матвеев А.В., Покусов В.В. Способ оценки информационно-технического взаимодействия // Научно-аналитический журнал «Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России». 2020. № 4. С. 12.
2. Буйневич М.В., Ложкина О.В., Ярошенко А.Ю. Архитектурные модели комплексной и интегрированной безопасности информационных систем: сравнительный анализ подходов // Научно-аналитический журнал «Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России». 2021. № 1. С. 21.
3. Вихрева Г.М. Библиотека и вызовы времени: глобализация, цифровизация, сетевизация // Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2019. № 35. С. 12.
4. Гендина Н.И. Цифровизация библиотечно-информационной деятельности библиотечного образования: технократические и гуманитарные компоненты // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 52. С. 10.
5. Гирш Л.В., Будрин А.Г. Управление талантами как направление развития человеческого капитала организации для создания инновации // Экономика и экологический менеджмент. 2021. № 1. С. 25.
6. Дергилёва Т.В. Академические библиотеки в свете трансформации и цифровизации науки // Учёные записки (АГАКИ). 2019. №3 (21). С. 10.
7. Иванова З.И. Учебные материалы с дополненной реальностью в высшем профессиональном образовании // БГЖ. 2021. № 1 (34). С. 18.
8. Ивина К.В., Жегульская Ю.В. Образовательная программа «Управление цифровыми проектами библиотек»: опыт разработки и перспективы реализации // Вестник ГУУ. 2020. № 3. С. 52.
9. Израйлов К.Е. Способ визуализации модулей системы обеспечения информационной безопасности // Научно-аналитический журнал «Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России». 2018. № 3. С. 41.
10. Крутева О.В., Яковлев И.В. Региональный аспект цифровизации специализированных библиотек // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2018. № 6. С. 22.
11. Нещерет М.Ю. Цифровизация процессов обслуживания в библиотеках – это уже реальность // Библиосфера. 2019. № 2. С. 23.
12. Нохрина В.А. Формирование, учет и изучение библиотечного фонда научных библиотек в условиях цифровизации // Культура: теория и практика. 2020. № 3 (36). С. 21.
13. Плиева А.О., Гузуева Э.Р., Кучмезов Р.А. Дистанционные технологии при организации самостоятельной работы студентов // МНКО. 2021. № 1 (86). С. 31.

References

1. Bujnevich D.V., Matveev A.V., Pokusov V.V. Sposob ocenki informacionno-tehnicheskogo vzaimodejstviya. Nauchno-analiticheskij zhurnal «Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta Gosudarstvennoj protivopozharnoj sluzhby MCHS Rossii». 2020. № 4. S. 12.
2. Bujnevich M.V., Lozhkina O.V., YAroshenko A.YU. Arhitekturnye modeli kompleksnoj i integrirovannoj bezopasnosti informacionnyh sistem: sravnitel'nyj analiz podhodov. Nauchno-analiticheskij zhurnal «Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta Gosudarstvennoj protivopozharnoj sluzhby MCHS Rossii». 2021. № 1. S. 21.
3. Vihreva G.M. Biblioteka i vyzovy vremeni: globalizaciya, cifrovizaciya, setevizaciya. Vestn. Tom. gos. un-ta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie. 2019. № 35. S. 12.
4. Gendina N.I. Cifrovizaciya bibliotechno-informacionnoj deyatel'nosti bibliotechnogo obrazovaniya: tekhnokraticheskie i gumanitarnye komponenty. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2020. № 52. S. 10.
5. Girsh L.V., Budrin A.G. Upravlenie talantami kak napravlenie razvitiya chelovecheskogo kapitala organizacii dlya sozdaniya innovacii. Ekonomika i ekologicheskij menedzhment. 2021. № 1. S. 25.
6. Dergilyova T.V. Akademicheskie biblioteki v svete transformacii i cifrovizacii nauki. Uchyonye zapiski (AGAKI). 2019. №3 (21). S. 10.
7. Ivanova Z.I. Uchebnye materialy s dopolnennoj real'nost'yu v vysshem professional'nom obrazovanii. BGZH. 2021. № 1 (34). S. 18.

8. Ivina K.V., ZHegul'skaya YU.V. Obrazovatel'naya programma «Upravlenie cifrovymi proektami bibliotek»: opyt razrabotki i perspektivy realizaci. Vestnik GUU. 2020. № 3. S. 52.
9. Izrailov K.E. Sposob vizualizacii modulej sistemy obespecheniya informacionnoj bezopasnosti. Nauchno-analiticheskij zhurnal «Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta Gosudarstvennoj protivopozharnoj sluzhby MCHS Rossii». 2018. № 3. S. 41.
10. Kruteeva O.V., YAKovlev I.V. Regional'nyj aspekt cifrovizacii specializirovannyh bibliotek. Interekspo Geo-Sibir'. 2018. № 6. S. 22.
11. Neshcheret M.YU. Cifrovizaciya processov obsluzhivaniya v bibliotekah – eto uzhe real'nost'. Bibliosfera. 2019. № 2. S. 23.
12. Nohrina V.A. Formirovanie, uchet i izuchenie bibliotechnogo fonda nauchnyh bibliotek v usloviyah cifrovizacii. Kul'tura: teoriya i praktika. 2020. № 3 (36). S. 21.
13. Plieva A.O., Guzueva E.R., Kuchmezov R.A. Distancionnye tekhnologii pri organizacii samostoyatel'noj raboty studentov. MNKO. 2021. № 1 (86). S. 31.

*Zhao Juncheng,
Suihua University, China*

THE TECHNOLOGY OF CREATING AN INTEGRATED INFORMATION SYSTEM FOR SUPPORTING UNIVERSITY LIBRARY MANAGEMENT

Abstract: the modern information space is characterized by a large amount of information with a complex structure and a variety of ways to access it. The digital environment, which has become an integral part of modern society, has consistently determined the nature of human activity over the past decades. The audience of e-service recipients is growing exponentially. Digital technologies are becoming a unique mechanism for the diversified development of a modern higher education institution. Currently, an opportunity is being created for a quick exchange of knowledge and experience, adaptation of online learning, the development of digital libraries is being carried out, the circle of subjects receiving unique information that was previously available only to a narrow circle of experts and scientists is expanding. All this also affects the activities of university libraries, which are gradually changing the ways and channels of interaction with their audience, increasingly including in their activities the function of creating and posting their own electronic content on the Internet. This article examines the technology of creating an integrated information system to support the library management of the university.

Keywords: educational environment, creation of an integrated information system, interaction with the audience, support for university library management

*Автионова Н.И., кандидат педагогических наук, доцент,
Байдецкая Е.А., кандидат экономических наук, доцент,
Гребенникова В.М., доктор педагогических наук, профессор,
Руденко Е.Ю., ассистент, преподаватель,
Кубанский государственный университет*

УЧЕТ ОСОБЕННОСТЕЙ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ КАК УСЛОВИЕ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ИХ ОБРАЗОВАНИЯ В ВУЗЕ

Аннотация: в статье содержатся результаты эмпирического исследования особенностей развития профессионального самосознания студентов-психологов, на основании которых даются рекомендации по совершенствованию учебно-воспитательного процесса в вузе, нацеленного на повышение качества образования будущих психологов. Эмпирическое исследование осуществлялось на базе вузов Краснодарского края. В нем приняли участие 608 студентов, обучающихся по направлению подготовки 37.03.01 – Психология; из них по 152 студента, обучающихся на 1, 2, 3 и 4 курсах. Исследование, проведенное с помощью отобранного диагностического инструментария (авторская анкета, методика «Ассоциативный ореол профессии» Е.А. Климова; тест «Самооценка» Н.М. Пейсахова; Методика изучения статусов профессиональной идентичности А.А. Азбеля), позволило выявить динамику профессионального самосознания личности студентов-психологов. На основе результатов исследования авторами сделан вывод о необходимости включения в программы подготовки студентов-психологов профориентационного направления, обеспечивающего их успешное профессиональное самоопределение в процессе обучения в вузе.

Ключевые слова: профессиональное самосознание, профессиональная идентичность, студенты-психологи, профессиональное самоопределение, профессиональное ориентирование

Вопросы повышения качества образования в вузе являются центральными в развитии педагогической теории и практики, в связи с чем они не теряют своей актуальности и значимости.

Согласно ст. 69 Федерального Закона «Об образовании», основной целью деятельности современных вузов должно стать создание условий для подготовки высококвалифицированных специалистов, способных к самостоятельному творческому труду в избранной сфере деятельности [1]. Достижение поставленной цели напрямую зависит от совершенствования, прежде всего, практико-ориентированного образования.

Однако высшее психологическое образование до сих пор строится на основе фундаментальной подготовки студентов [2]. Повышение качества образования будущих психологов предполагает необходимость сместить акцент с их теоретической подготовки на профессиональную, которая включает в себя и теоретическую, и практическую, и методическую, и мотивационную, и личностную подготовку. Для психологического образования такая переориентация играет особо важную роль, так как, во-первых, студенты-психологи обладают особой познавательной мотивацией, о чем свидетельствуют результаты проведенных исследований [3, 4, 5], во-вторых, студенты-психологи имеют свою специфику личностно-профессионального развития, заключающуюся в особенностях формирования профессионального самосознания их личности.

Учет таких особенностей является, на наш взгляд, необходимым условием совершенствования профессиональной подготовки будущих психологов и повышения качества их образования в вузе.

Целью исследования стало выявление особенностей развития у студентов-психологов профессионального самосознания и разработка на этой основе рекомендаций по повышению качества их профессиональной подготовки в вузе.

Множество точек зрения на психологическую природу, сущность, структуру, содержание самосознания личности обуславливает и разнообразные трактовки понятия «профессиональное самосознание». Б.Д. Парыгин, например, рассматривает профессиональное самосознание как осознание человеком своей принадлежности к определенной профессиональной группе [6]; С.В. Кошелева – как осознание себя профессионалом, специалистом, оценку своей профессиональной деятельности и ее результата [7]; Т.В. Миронова – как осознание человеком соответствия себя выбранной и осуществляемой профессии [8]; М.И. Кряхтунов – как анализ человеком себя с точки зрения требований профессии [9].

Разнообразие определений профессионального самосознания, однако, объединяется рассмотрением его регулирующей функции.

Так, С.В. Васьковская, анализируя профессиональное самосознание личности, подчеркивает, что данный психологический феномен обусловли-

вает саморегуляцию личностью своих профессиональных действий, что осуществляется на основе познания ею требований профессии и своих возможностей [10]; Автор акцентирует внимание на том, что профессиональное самосознание есть не что иное, как средство саморегуляции профессиональной деятельности субъекта труда [10].

Во многих трактовках профессионального самосознания (К.В. Бакланов, Е.М. Борисова, В.Д. Брагина, С.В. Васьковская, И.В. Вачков, Е.А. Климов, В.Н. Козиев, А.К. Маркова, Л.М. Митина, Т.Л. Миронова, Б.Г. Парыгин, Е.Ю. Пряжникова, В.А. Слостенин, А.И. Шутенко и др.) наблюдается сходство с определениями профессиональной идентичности. Осознание себя членом определенной профессиональной группы, оценка себя как специалиста, анализ соответствия себя требованиям профессии, образ «Я-профессионала» – все эти определения так или иначе находятся во взаимосвязи с определением профессиональной идентичности.

Вместе с тем, профессиональное самосознание формируется на этапе профессионального обучения, тогда как профессиональная идентификация охватывает весь период профессионального развития субъекта труда.

В структуре профессионального самосознания Е.А. Климов выделяет осмысление личностью своей принадлежности к определенной профессиональной общности, знание о своем соответствии с имеющимися эталонами поведения и деятельности человека-профессионала, знание своих сильных и слабых сторон, оценку своих профессиональных действий, знание областей успехов и неудач профессиональной деятельности, путей своего профессионального самосовершенствования [11]. Л.М. Митина разрабатывает другую структуру профессионального самосознания: каждый компонент (когнитивный, аффективный и поведенческий) имеет свое содержание в зависимости от рассмотрения его как компонента той или иной подсистемы профессионального самосознания – подсистемы профессиональной деятельности, профессионального общения и личностного развития [12]. С.В. Кошелева предлагает исследовать профессиональное самосознание, исходя из его структуры, представленной как взаимосвязь четырех видов представлений: представлений о себе, о содержании, условиях, целях и средствах профессиональной деятельности [7]. Е.Г. Ефремов, анализируя соотношение понятий профессионального самосознания и профессиональной идентификации, приходит к выводу о том, что профессиональное самосознание, по сути, – это установка на себя в профессиональной деятельности, в связи с чем структура профессионального самосознания

включает в себя Я-понимание, Я-отношение и Я-поведение как уровни профессиональной идентификации [13].

Становление профессионального самосознания является необходимым условием качественной профессиональной подготовки будущих психологов, так как определение себя в мире психологических профессий становится источником учебно-профессиональной мотивации, обуславливающей стремление личности стать высококвалифицированным специалистом.

В связи с этим, исследование особенностей развития профессионального самосознания у будущих психологов может стать той ориентировочной основой, на которой будут предприниматься действенные меры по повышению качества их профессиональной подготовки в вузе.

Материалы и методы

Основным методом исследования является метод поперечных срезов, позволивший проследить динамику профессионального самосознания студентов, обучающихся по направлению подготовки 37.03.01 – Психология. В исследовании были использованы следующие диагностические методики: «Ассоциативный ореол профессии» Е.А. Климова – методика, основанная на методе свободных ассоциаций (в нашем случае ассоциаций с профессией психолога); тест «Самооценка» Н.М. Пейсахова, разработанный на основе исследований С.А. Будасси, Н.А. Викторова, О.С. Чугуновой (В данном варианте содержится четыре блока качеств, каждый из которых отражает один из уровней активности личности. В первом блоке собраны качества, необходимые для общения с другими людьми. Во втором блоке сосредоточены черты характера, имеющие прямое отношение к поведению. В третьем блоке представлены качества, связанные с деятельностью субъектов, а в четвертом – признаки субъективных переживаний); Методика изучения статусов профессиональной идентичности А.А. Азбеля, а также специально разработанная анкета, позволяющая выявить готовность студентов к работе по специальности и основные мотивы выбора профессии психолога.

Основным методом исследования стал метод поперечных срезов, позволяющий выявить динамику профессионального самосознания студентов, обучающихся по программам психологического образования. Сравнительный анализ осуществлялся с помощью расчета t-критерия Стьюдента, выбор которого обусловлен проверкой на нормальное распределение исследовательских выборок.

В исследовании приняли участие 608 студентов-психологов, обучающихся на 1, 2, 3 и 4 курсах (по 152 студента соответственно).

Результаты и их обсуждение

В процессе исследования было выявлено, что стремления студентов работать по специальности фактически не изменяются. Процентные распре-

деления студентов первого и четвертого курсов, выразивших намерения трудоустроиться по специальности, не отличаются друг от друга на достоверном уровне значимости (рис. 1).

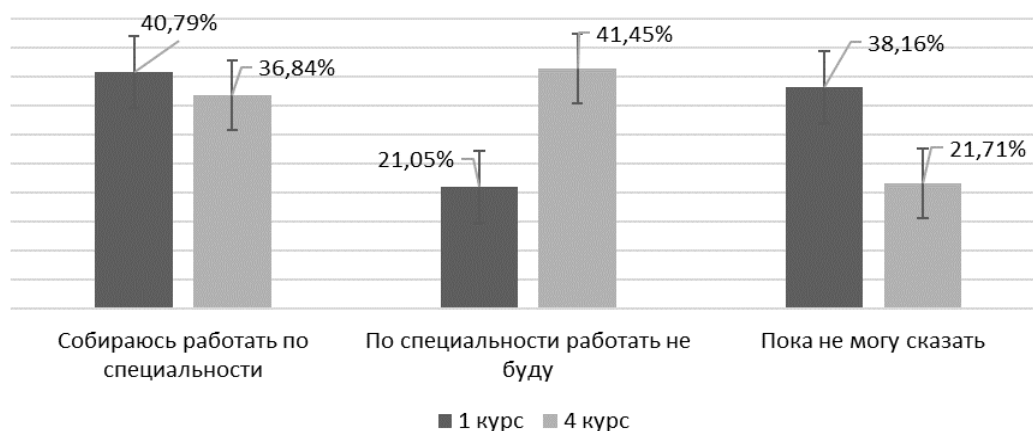

Рис. 1. Процентные распределения студентов-психологов 1 и 4 курсов по их намерениям работать по специальности (%)

Однако к четвертому курсу заметно вырастает процент тех студентов, кто не собирается работать по специальности. Почти в два раза больше студентов, чем на первом курсе, выразили свое сомнение в правильности выбора профессии. Полученные данные вполне согласуются с результатами исследований, проведенных другими авторами. Обращает на себя внимание тот факт, что среди выпускников вузов, осваивающих программы высшего психологического образования, 21,71% так и не определились, кем они будут работать по окончании вузов. Только 36,84% студентов четвертых курсов выразили свое стремление работать по специальности. Полученные данные свидетель-

ствуют о необходимости разработки дополнительных мер по повышению качества образования студентов-психологов.

Более того, динамика профессиональной идентичности студентов, обучающихся по программам бакалавриата по направлению психологического образования, показывает, что развитие профессионального самосознания их личности происходит отнюдь не линейно и что мораторий, как признак кризиса профессиональной идентичности, приходится не на середину обучения, а на тот момент, когда студент заканчивает первую ступень высшего образования (табл. 1).

Таблица 1

Динамика состояний профессиональной идентичности у студентов-психологов				
Статусы профессиональной идентичности	1 курс	2 курс	3 курс	4 курс
Неопределенное состояние профессиональной идентичности	12,4 ± 1,4	10,6 ± 1,1	13,2 ± 1,4	12,4 ± 1,2
Навязанная профессиональная идентичность	8,6 ± 0,9	7,9 ± 0,8	6,6 ± 0,8	5,9 ± 0,6
Мораторий (кризис) профессиональной идентичности	5,6 ± 0,6	8,8 ± 0,9	11,6 ± 1,3	10,6 ± 1,1
Сформированная профессиональная идентичность	8,9 ± 0,9	9,0 ± 0,9	7,4 ± 0,8	8,2 ± 0,8

Необходимо отметить, что среднегрупповые показатели состояний неопределенной профессиональной идентичности во всех группах студентов находятся в диапазоне средней степени выраженности и от курса к курсу практически не изменяются. Достоверные различия были зафиксированы только между студентами второго и третьего курсов ($p = 0,0411$), причем, сренегрупповые показатели неопределенной профессиональной идентичности в группе студентов третьего курса значимо

выше, чем второго. Данный факт может свидетельствовать о том, что к третьему курсу происходит кризис выбора профессии, что профессиональное самосознание студентов-психологов трансформируется в результате открытия для себя новых сторон выбранной профессии. Многие студенты-психологи в течение всего процесса обучения не имеют прочных представлений о своей профессиональной карьере, профессиональных целей и планов.

Вместе с тем, навязанная профессиональная идентичность характерна для небольшого числа студентов, обучающихся по программам психологического образования. Среднегрупповые показатели по данной шкале опросника во всех группах находятся в диапазоне низких значений. Однако отмечается тенденция к снижению такого состояния от первого к четвертому курсам ($p = 0,0008$).

Наибольшие межгрупповые различия были зафиксированы по показателям кризисного состояния профессиональной идентичности. Пик кризисного состояния приходится на третий курс. Сомнения по поводу правильности сделанного профессионального выбора характерны для достаточно большого числа опрошенных студентов. Такие сомнения появляются не сразу, а в процессе профессиональной подготовки.

В связи с этим, были изучены представления студентов о профессии психолога.

Было выявлено, что ассоциации со словом «психология» у студентов разных курсов отличаются своим содержанием, что свидетельствует о трансформации образа психологии в процессе их обучения в вузе (рис. 2).

Студенты первого курса связывают понятие «психология» с такими понятиями, как «гипноз» (148), «совет» (136), «прогноз, предсказания» (98), «психотерапия» (144), «лечение» (102). В сознании многих из них образ психологии еще не сформирован, что обусловлено особым статусом психолога, сложившемся в нашем обществе. Причинами такого искажения являются популярные книги по психологии, программы телепередач, быстро развивающиеся парапсихологические направления (целительство, мистика, астрология и пр.). Стереотипы восприятия психологии, таким образом, характерны для достаточно большого числа первокурсников.

Рис. 2. Частотные распределения ассоциаций со словом «Психология» у студентов-психологов разных курсов

Уже к четвертому курсу значимо возрастает количество тех студентов, кто связывает психологию с наукой (113), исследованиями (122), проведениями диагностики (150), консультирования (150). Следует обратить внимание на тот факт, что среди студентов выпускного курса нет ни одного, кто бы сравнил психологию с гороскопом (0) или предсказаниями (0). Значительно снизилась частота упоминания и таких понятий, как «совет», «лечение», «психиатрия».

Если на первых курсах профессия психолога в большей степени связывалась с медициной и, в частности, психиатрией, то уже на четвертом курсе образ данной профессии становится более адекватным: на вопрос о том, с какими профессиями связана психология, большинство студентов отме-

тили признаки, характерные профессиональной группе «человек – человек», демонстрируя при этом своеобразие профессиональной деятельности психолога.

О коррекции образа психолога в сознании студентов по мере их профессионального развития свидетельствуют результаты сравнительного анализа представлений студентов первых и четвертых курсов о профессионально важных качествах личности психолога (табл. 2, 3).

Обращает на себя внимание тот факт, что на первом курсе студенты отмечают коммуникативные качества личности психолога, исходя из собственных представлений о том, какими они должны быть.

Таблица 2

Сравнительный анализ представлений студентов о качествах психологов, необходимых им для общения с людьми

1 курс			4 курс		
Ранг	Качества личности	Средний балл	Ранг	Качества личности	Средний балл
1	Общительность	7,84	1	Ответственность	8,82
2	Откровенность	7,17	2	Обязательность	8,42
3	Искренность	6,92	3	Совместимость	7,14
4	Справедливость	5,12	4	Доброжелательность	5,68
5	Сострадательность	4,98	5	Терпимость	5,24
6	Чуткость	4,46	6	Приветливость	4,78
7	Отзывчивость	4,34	7	Вежливость	4,34
8	Заботливость	4,04	8	Тактичность	4,18
9	Вежливость	2,76	9	Обаятельность	3,14
10	Доброжелательность	2,46	10	Чуткость	2,79

Здесь первые места занимают такие качества личности, как общительность, откровенность и искренность. Представления первокурсников о психологе строятся из мнения о том, что общение с клиентом обязательно предполагает откровенный и душевный разговор, что психолог должен быть искренним, как и в межличностном общении в целом. Большинство выпускников считают, что для общения с людьми у психолога должны быть развиты, прежде всего, ответственность, обязательность и совместимость. Именно эти качества, по мнению большинства выпускников, являются необходимыми и значимыми в профессиональном общении. Отметим, что, в отличие от первокурсников, многие выпускники считают необязательными такие качества личности, как искренность и

откровенность, как и заботливость и сострадательность. Исходя из этого, можно предположить, что по мере овладения профессией психолога, у студентов формируется другой образ выбранной профессии, и именно этот образ и становится источником сомнений в правильности профессионального выбора.

Представления первокурсников о психологе как о человеке, увлеченном своим делом, искреннем и отзывчивом и, одновременно, собранном, деловитом и дальновидном, изменяются на представления выпускников о психологе как о человеке любознательном, внимательном, наблюдательном, обладающем мастерством и профессиональной компетентностью (табл. 3).

Таблица 3

Сравнительный анализ представлений студентов о качествах психологов, характеризующих особенности их профессиональной деятельности

1 курс			4 курс		
Ранг	Качества личности	Средний балл	Ранг	Качества личности	Средний балл
1	Увлеченность	9,12	1	Внимательность	8,78
2	Деловитость	8,88	2	Наблюдательность	8,64
3	Самостоятельность	8,78	3	Любознательность	8,58
4	Собранность	8,12	4	Увлеченность	7,33
5	Достоинство	6,76	5	Мастерство	7,24
6	Превосходство	6,54	6	Компетентность	7,18
7	Уверенность	6,44	7	Вдумчивость	5,54
8	Находчивость	4,92	8	Последовательность	4,48
9	Инициативность	3,13	9	Понятливость	3,24
10	Гордость	2,02	10	Самокритичность	2,82

Такая трансформация образа психологии и психолога может не совпадать с ожиданиями обучающихся, что приводит к кризису профессионального самоопределения, проявляющемуся в сомнениях по поводу правильности сделанного профессионального выбора, в поисках альтерна-

тивных возможностей построения своей профессиональной карьеры и, как следствие, в отсутствии стремления работать по получаемой специальности.

Профессиональное самосознание отражается на учебно-профессиональной мотивации студентов.

Анализ динамики учебно-профессиональной мотивации показал, что, если на первом курсе большинство обучающихся имеют в основном внутреннюю мотивацию к обучению и освоению профессии психолога, то уже на четвертом – мотивация связана у многих из них с желанием просто закончить вуз и получить диплом.

Таким образом, несовпадение ожиданий студентов относительно профессии психолога и психологии как отрасли научного знания с реальными характеристиками профессиональной деятельности обуславливает возникновение трудностей в профессиональном развитии студентов, обучающихся по программам бакалавриата психологического образования. В связи с этим, необходим поиск дополнительных мер по повышению качества профессиональной подготовки будущих психологов в вузе.

Заключение и рекомендации

Проведенное исследование позволяет прийти к выводу о том, что в целях повышения качества высшего психологического образования в основные образовательные программы должен быть включен план психолого-педагогического сопровождения процесса профессионального становления личности будущего психолога. Основной це-

лью такого сопровождения должно стать максимальное содействие актуализации у будущих психологов профессионального самоопределения. Достижение данной цели во многом зависит от приоритетов профессиональной подготовки будущих психологов. Содержание современного психологического образования опирается в основном на теоретическую подготовку, изучение основных концепций и теорий разнообразных психологических явлений. Сейчас необходима переориентация процесса обучения с позиций приоритета теоретической подготовки на позиции организации практической, методической, а также мотивационной и личностно-профессиональной подготовки.

Мотивационная подготовка будущих психологов предполагает разработку и реализацию целенаправленной программы психолого-педагогического сопровождения, основными направлениями которой должны стать: диагностическое, ориентированное на диагностику особенностей и уровня сформированности профессионального самосознания студента, активизирующее, предполагающее актуализацию профессионального самоопределения студентов; развивающее, обеспечивающее оказание помощи студентам в самопознании и саморазвитии.

Литература

1. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 24.03.2021) «Об образовании в РФ» // <https://yandex.ru/turbo/zakonrf.info/s/zakon-ob-obrazovanii-v-rf/>
2. Лисова Е.Н. Особенности профессионального становления студентов-психологов // Территория науки. 2006. № 1 (1). С. 148 – 152
3. Леденцова С.Л. Психологические особенности профессионально-личностного развития студентов-психологов в процессе освоения консультативной деятельности // Russian Journal of Education and Psychology. 2015. № 1 (45). С. 196 – 206. DOI: 10.12731/2218-7405-2015-1-27 УДК 159.98 (045)
4. Иванова Н.Г. Исследование особенностей личностно-профессионального становления будущих психологов технического и гуманитарного вуза // Фундаментальные исследования. 2006. № 10. С. 96 – 99. URL: <http://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=5519>
5. Миназова В.М., Багирова З.К. Формирование профессионального самосознания будущего педагога-психолога в процессе профессиональной подготовки // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 6 (73). 171-173
6. Парыгин Б.Д. Социальная психология. Проблемы методологии, истории и теории. СПб: СПбГУП, 1999. 592 с.
7. Кошелева С.В. Организационно-психологические детерминанты профессионального самосознания руководителей: автореф. дис. ... на соиск. учен. степ. докт. психол. наук. М., 1998.
8. Миронова Т.В. Самосознание профессионала. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского ун-та, 1999. 200 с.
9. Кряхтунов М.И. Психолого-педагогические условия профессионального саморазвития учителя // Сибирский педагогический журнал. 2005. № 5. С. 19 – 34
10. Васьковская С.В. Психологические особенности формирования профессионального самопознания будущего учителя: автореф. дис. ... на соиск. учен. степ. канд. психол. наук. Киев, 1987. 18 с.
11. Климов Е.А. Пути в профессионализм (Психологический взгляд). М.: МПСИ, 2003. 320 с.
12. Митина Л.М. Психология личностно-профессионального развития и профессиональной карьеры: общее и особенное // Российский научный журнал. 2014. № 4 (42). С. 96 – 109.

13. Ефремов Е.Г. Особенности формирования профессионального самосознания на разных этапах профессионального обучения: автореф. дис. ... на соиск. учен. степ. канд. психол. наук. Томск, 2000. 24 с.
14. Гребенникова В.М., Узунова Г.П. Тенденции развития непрерывного профессионального образования педагогов // Современные наукоемкие технологии. 2020. № 3. С. 133 – 137.

References

1. Federal'nyj zakon ot 29.12.2012 № 273-FZ (red. ot 24.03.2021) «Ob obrazovanii v RF». <https://yandex.ru/turbo/zakonrf.info/s/zakon-ob-obrazovanii-v-rf/>
2. Lisova E.N. Osobennosti professional'nogo stanovleniya studentov-psihologov. Territoriya nauki. 2006. № 1 (1). S. 148 – 152
3. Ledencova S.L. Psihologicheskie osobennosti professional'no-lichnostnogo razvitiya studentov-psihologov v processe osvoeniya konsul'tativnoj deyatel'nosti. Russian Journal of Education and Psychology. 2015. № 1 (45). S. 196 – 206. DOI: 10.12731/2218-7405-2015-1-27 UDK 159.98 (045)
4. Ivanova N.G. Issledovanie osobennostej lichnostno-professional'nogo stanovleniya budushchih psihologov tekhnicheskogo i gumanitarnogo vuza. Fundamental'nye issledovaniya. 2006. № 10. S. 96 – 99. URL: <http://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=5519>
5. Minazova V.M., Bagirova Z.K. Formirovanie professional'nogo samosoznaniya budushchego pedagoga-psihologa v processe professional'noj podgotovki. Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2018. № 6 (73). 171-173
6. Parygin B.D. Social'naya psihologiya. Problemy metodologii, istorii i teorii. SPb: SPbGUP, 1999. 592 s.
7. Kosheleva S.V. Organizacionno-psihologicheskie determinanty professional'nogo samosoznaniya rukovoditelej: avtoref. dis. ... na soisk. uchen. step. dokt. psihol. nauk. M., 1998.
8. Mironova T.V. Samosoznanie professionala. Ulan-Ude: Izd-vo Buryatskogo un-ta, 1999. 200 s.
9. Kryahtunov M.I. Psihologo-pedagogicheskie usloviya professional'nogo samorazvitiya uchitelya. Sibirskij pedagogicheskij zhurnal. 2005. № 5. S. 19 – 34
10. Vas'kovskaya S.V. Psihologicheskie osobennosti formirovaniya professional'nogo samopoznaniya budushchego uchitelya: avtoref. dis. ... na soisk. uchen. step. kand. psihol. nauk. Kiev, 1987. 18 s.
11. Klimov E.A. Puti v professionalizm (Psihologicheskij vzglyad). M.: MPSI, 2003. 320 s.
12. Mitina L.M. Psihologiya lichnostno-professional'nogo razvitiya i professional'noj kar'ery: obshchee i osobennoe. Rossijskij nauchnyj zhurnal. 2014. № 4 (42). S. 96 – 109.
13. Efremov E.G. Osobennosti formirovaniya professional'nogo samosoznaniya na raznyh etapah professional'nogo obucheniya: avtoref. dis. ... na soisk. uchen. step. kand. psihol. nauk. Tomsk, 2000. 24 s.
14. Grebennikova V.M., Uzunova G.P. Tendencii razvitiya nepreryvnogo professional'nogo obrazovaniya pedagogov. Sovremennye naukoemkie tekhnologii. 2020. № 3. S. 133 – 137.

*Avtionova N.I., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Baydetskaya E.A., Candidate of Economic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Grebennikova V.M., Doctor of Pedagogic Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Rudenko E.Yu., Assistant Professor, Lecturer,
Kuban State University*

CONSIDERATION OF THE PECULIARITIES OF THE DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL SELF-AWARENESS OF STUDENTS-PSYCHOLOGISTS AS A CONDITION FOR IMPROVING

Abstract: the article contains the results of an empirical study of the peculiarities of the development of professional self-consciousness of students-psychologists, on the basis of which recommendations are given for improving the educational process at a university, aimed at improving the quality of education of future psychologists. The empirical study was carried out on the basis of universities in the Krasnodar Territory. It was attended by 608 students studying in the training direction 37.03.01 – Psychology; 152 of them are students studied in 1, 2, 3 and 4 courses. The study carried out with the help of the selected diagnostic tools (the author's questionnaire, the methodology "Associative halo of the profession" by E.A. Klimov; test "Self-assessment" by N.M. Peysakhov; Methodology for studying the status of professional identity of A.A. Azbel) self-awareness of the personality of students-psychologists. Based on the results of the study, the authors concluded that it is necessary to include vocational guidance in the training programs for students-psychologists, which ensures their successful professional self-determination in the process of studying at university.

Keywords: professional self-awareness, professional identity, students-psychologists, professional self-determination, professional orientation

*Хакуз П.М., доктор философских наук, профессор,
Нетребко Е.Н., кандидат социологических наук,
Кубанский государственный технологический университет*

НАУЧИТЬ И НАУЧИТЬСЯ МЫСЛИТЬ

«Уча других, мы учимся сами»

Сенека

Аннотация: в статье предпринимается попытка реанимировать забытую педагогическую проблему необходимости научения студентов мыслить на занятиях по философии. В учебных планах, в государственных образовательных стандартах не сказано ничего о необходимости научить студентов мыслить. Все усилия сводятся к формальному компетентному подходу. Чтобы помочь молодым людям научиться мыслить, им нужно задавать творческие вопросы, порождающие смыслы и новый поток вопросов и собственных попыток мыслить, формулировать в свою очередь новые вопросы и познавательные проблемы. Вопрос включает процесс мышления и пробуждает в человеке истину. В педагогической практике высшей школы следует использовать больше открытых, творческих вопросов, чтобы стимулировать познавательный интерес обучающихся, их нестандартную мысль, поиск новых истин и ответов. Изложение философии в форме готовых истин противоречит природе философии. Оно должно быть преобразовано по логике мыслительных форм. Что это такое? Преподавание философии нужно построить так, чтобы оно помогло студентам «рождать» собственные мысли. Для этого студенты должны спрашивать и сами должны быть спрашиваемы. Для достижения указанных задач авторы предложили уникальный набор логично, лаконично и четко сформулированных вопросов, которые стимулируют студентов мыслить глубоко и интересно и успешно ориентироваться в современном мире. Для удобства вопросы поделены на три группы: «Что есть философия?», «Философские концепции», «Практическая философия». Вопросы составлены по избыточному принципу, предполагают возможность педагогического творчества при их возможном применении преподавателями высшей школы. Преимущества предложенных вопросов можно показать на примере экзаменов по философии. Когда студенты отвечают на мыследеятельные, мыслетворческие вопросы, то мобилизуется все, что они знают, умеют, включается понимание всей философии, хотя они отвечают на три вопроса в билете. Каждый такой вопрос в отдельности обладает потенциалом, позволяющим выявить уровень понимания экзаменуемым всего курса.

Ключевые слова: философская рефлексия, динамическая избыточность, знание и философия, познание как вопрошание, философский консенсус, тайны человеческого бытия, издержки философии, самопричинные явления, антропологическая катастрофа

В преподавании философии наблюдается парадоксальная ситуация: мыслители признают, что ее освоение возможно только через вопрошание. Можно вспомнить призывы Сократа к ведению беседы с помощью вопросов: по мнению философа, ставя один вопрос за другим и, получив на них какие-либо ответы, не следует воспринимать их как единственно возможные и правильные, нельзя удовлетвориться полученным результатом, нужно продолжать дальше формулировать вопросы. Аристотель в «Метафизике» утверждал природное стремление всех людей к знанию [1, с. 275], однако далее отмечал наличие его только у тех, у «кого есть вопросы». О возможности преподавать философию не только в форме утвердительных суждений, но и через постановку вопросов напрямую говорил Ф. Бэкон [3]. Ту же смысловую нагрузку несет представление Л. Витгенштейна об идеальной как по форме, так и по содержанию философской работе – это трактат, который состоит из не имеющих готовые ответы вопросов [2, с. 109-115].

Искусство вопрошания Х.Г. Гадамер определял через искусство спрашивания, что по его мысли тождественно мышлению в целом [5, с. 112].

Однако педагогика не вняла настоятельным требованиям больше спрашивать, чем отвечать. Дело в том, что вопрос более сложный мыслительный процесс, нежели ответ. В первом случае нужно знать о наличии лакун в своем знании, искать и находить их, не страшится своего незнания [13, с. 22].

У М. Пруста есть упрек в адрес В. Гюго: «Гюго слишком много мыслит, вместо того чтобы давать мыслить другим» [8, с. 47]. Современная высшая школа не вышла из этой парадигмы. До сих пор мы имеем «экзаменационные вопросы без вопросов» [13, с. 20], которые служат только воспроизведению полученных знаний.

Изложение философских идей в формате готовых истин противоречит самой природе данной науки. Оно должно быть преобразовано по логике мыслительных форм. Что это такое? Преподавание

философии нужно организовать и проводить так, чтобы оно помогло студентам «производить», формулировать собственные идеи. С этой целью студенты должны спрашивать и сами должны быть спрашиваемы. Это пружина мышления. Перефразируя Р. Декарта, можно сказать: «Спрашивать, следовательно, мыслить, или же: мыслить, значит спрашивать».

И. Кант в эссе «Что такое просвещение?» призывал сбросить с себя иго несовершеннолетия и иметь мужество «пользоваться своим умом» [7, с. 127]. «Пользоваться своим умом» значит мыслить и мыслить самостоятельно, что поможет успешно ориентироваться в современном мире.

Чтобы помочь молодым людям научиться мыслить, им нужно задавать творческие вопросы, вопросы, порождающие смыслы. Вопрос включает мышление и пробуждает в человеке истину. Не случайно в вопросе С.Л. Рубинштейн видел истоки и первооснову начинающейся мыслительной деятельности и зарождающегося понимания [10, с. 352].

В педагогической практике высшей школы следует использовать больше открытых, творческих вопросов. Поделемся своим опытом составления контрольных вопросов к экзамену по философии для обучающихся направлений подготовки бакалавриата. Для удобства они поделены на три группы: «Что есть философия?», «Философские концепции», «Практическая философия», что помогает студентам лучше ориентироваться в процессе подготовки к экзамену. Вопросы составлены по избыточному принципу.

Блок 1. Метафорические определения философии:

1. **Что есть философия?:** В отличие от других научных дисциплин предмет философии не может быть задан, он – «искомый, бесконечно искомый» [15, с. 35]. Видимо поэтому Аристотель назвал «философию наукой, которая находится в постоянном поиске самой себя» – Как Вы можете объяснить данную мысль?

2. **Что есть философия?:** Платон определял философию как «науку спортсменов». – В каком смысле?

3. **Что есть философия?:** Предмет философии – это придельные основания. – Аргументируйте!

4. **Что есть философия?:** «Мы ведь заботимся о гигиене тела, занимаемся физкультурой, – говорил советский философ Э. Ильенков, – и также нужно заботиться и о гигиене ума». – Философия как гигиена ума. – Объясните!

5. **Что есть философия?:** Философия – это возможность выйти в область рефлексии. – Поясните!

6. **Что есть философия?:** Х. Ортега-и-Гассет описал философию не как науку, а, как «некую непристойность». – В каком смысле? [15, с. 312]

7. **Что есть философия?:** «Философия – это архитектурное излишество, динамическая избыточность». – Ваши комментарии?

8. **Что есть философия?:** По признанию одного поэта, «он мог бы обойтись без необходимого, а вот без лишнего – нет!» – В чем необходимость философии как «лишнего»?

9. **Что есть философия?:** «Раньше мы, – писал Х. Ортега-и-Гассет, – философы, краснея, проглатывали унижительные оскорбления, бросаемые нам ученым, обвинившими нашу дисциплину в отсутствии научности». Мы отвечаем: «Да, философия – не наука. Она – больше, чем наука». – Ваши комментарии? [15, с. 22].

10. **Что есть философия?:** «Богатство философии, – утверждал В. Дильтей, – в свободе мыслящих и многообразии мысли». – Ваше толкование?

11. **Что есть философия?:** «О философии скажу одно: что в течение многих веков она разрабатывается превосходнейшими умами и, несмотря на это, в ней донныне нет положения, которое не служило бы предметом споров и, следовательно, не было бы сомнительным...» [6, с. 254].

12. **Что есть философия?:** Теории происхождения философии.

13. **Что есть философия?:** Р. Декарт, проживший необычную жизнь, является проблемой философии. – В чем она?

14. **Что есть философия?:** И. Кант считал, что «Философский консенсус не возможен и не нужен. Спор – суть философии». – Ваши комментарии?

15. **Что есть философия?:** «Философия, – писал М. Хайдеггер, – всегда несвоевременна». – В каком смысле это так?

16. **Что есть философия?:** «Истина, – пишет Л. Шестов, – которой владеет философ в настоящий момент, имеет значение («чего-нибудь да стоит»), только если она признает, что, безусловно, ни для кого не может быть обязательной». – Ваши комментарии?

17. **Что есть философия?:** Собственная жизнь философа как аргумент его философии.

18. **Что есть философия?:** «История философии, – писал К. Фишер, – это история неповторимых интеллектуальных конструкций». – Ваши комментарии?

19. **Что есть философия?:** По мысли Л. Витгенштейна, «философию можно только творить». – Ваше понимание?

20. **Что есть философия?:** Философия не обозначает ничего кроме как саму себя: если, к примеру, золотую монету достоинством в 10

марок сплюснуть, а затем принести ювелиру, он даст за него 10 марок. Словом, философия является тем, что значит. – Ваше понимание?

Блок 2. Ключевые философские идеи:

1. Философские концепции: Каков метод философствования «семи мудрецов»?

2. Философские концепции: В чем заключается смысл золотой середины Конфуция?

3. Философские концепции: Раскройте суть концепции «исправления имен» Конфуция?

4. Философские концепции: Каково учение Конфуция о благородном и низком человеке?

5. Философские концепции: Почему Гераклит считает, что «война – условие и родитель всего»?

6. Философские концепции: «Справедливость есть число, – говорил Пифагор, – помноженное само на себя». – Что он сказал?

7. Философские концепции: Что старался доказать Зенон с помощью апории и каков алгоритм его рассуждений?

8. Философские концепции: Зенон убеждал своих последователей в том, что он не только знает больше, чем они, но и большего не знает. – Как объяснить этот факт?

9. Философские концепции: Проанализируйте понимание случайности у Демокрита: как происходит что люди могут сотворить кумир из случая?

10. Философские концепции: В чем состоит суть метода познания разработанного Сократом?

11. Философские концепции: Собственная жизнь Сократа как аргумент его философии.

12. Философские концепции: К концу своих дней Сократ восклицал: «Я знаю, что я ничего не знаю». – В чем суть «знания» Сократа?

13. Философские концепции: В чем состоят основные тезисы теории идей Платона?

14. Философские концепции: В чем смысл высказывания Платона о том, что «знание как «припоминание»?»

15. Философские концепции: Когда Аристотель говорит о «первой» и о «второй» философии, о чем идет речь?

16. Философские концепции: Что является основанием для типологизации государств у Аристотеля?

17. Философские концепции: Трактаты Сенеки «О гневе», «О краткости жизни», письмо к брату «О счастливой жизни».

18. Философские концепции: Какие доказательства существования Бога выдвигает Фома Аквинский?

19. Философские концепции: Теория идолов Ф.Бэкона.

20. Философские концепции: Антиномии И. Канта.

21. Философские концепции: Каков нравственный императив И. Канта?

22. Философские концепции: И.Кант говорил, что «есть причинные явления, а есть еще и самопричинные явления». Например: «совесть – причина самой себя»; «честь – причина самой себя»; «достоинство – причина самой себя». – Ваши комментарии?

23. Философские концепции: Чем можно объяснить, что Ф. Ницше считают идеологом фашизма, в чем его идеи обосновывают притязания нацистов?

24. Философские концепции: «Свобода, совесть, честь, – говорил М. Мамардашвили, – причина самих себя». – Как Вы можете интерпретировать эти слова?

25. Философские концепции: Смысл всегда за пределами: «Суть техники не техническая» (М. Хайдеггер), «Смысл разницы полов – не в разнице полов» [14]. – Что такое смысл?

26. Философские концепции: По мнению Х. Ортеги-и-Гассет, «Человек – воплощенная проблема, рискованная авантюра, драма». – Каковы Ваши комментарии?

27. Философские концепции: Х. Ортега-и-Гассет: «Главным в феномене «Жизнь» является ее туманный характер, ее существенная проблематичность. Из этого проистекает философия». – Ваше толкование?

28. Философские концепции: «Общество, – пишет Х. Ортега-и-Гассет, – существует пока оно аристократично и перестает быть им, как только утрачивает аристократичность». – Что бы это значило?

29. Философские концепции: Свобода в определении Ж.-П. Сартра.

30. Философские концепции: Человек массы в определении Х. Ортеги-и-Гассет.

31. Философские концепции: Цивилизация в определении Х. Ортеги-и-Гассет.

32. Философские концепции: Либеральная демократия в определении Х. Ортеги-и-Гассет.

33. Философские концепции: Мысль о том, что «Наука не является универсальным фактором духовной жизни», является важным мировоззренческим достижением Х. Ортеги-и-Гассет. – Ваше толкование?

34. Философские концепции: Что означают слова Х. Ортеги-и-Гассет о том, что «Масштабные мировоззренческие идеи не конституитивны, а регулятивны»?

35. Философские концепции: Л. Витгенштейн положил начало двум важным философским направлениям. – Каким?

Блок 3. «Полезные» философские идеи:

1. Практическая философия: Ученые говорят, что «Познанию свойственен не «патриотизм», а дух «измены». – Как это понимать?

2. Практическая философия: «Тот, кто придает много значения фактам, – писал М. Пруст, – оказывается в положении, когда он не может считаться с законами. Тот, кто видит факты, не видит законов». – Ваши комментарии? [8, с. 59].

3. Практическая философия: «В обучении нужно довести человека до того, – говорил Конфуций, – чтобы он задавал вопросы. Благодаря вопросам человек идет вглубь себя». – Сформулируйте несколько актуальных для себя философских вопросов.

4. Практическая философия: «Отбросим факты, – писал Ж.-Ж. Руссо, – они мешают видеть суть» [11, с. 88]. – Как это понимать?

5. Практическая философия: Сейчас не античность – не время речей. – Слабость, вернее, бессилие слова в современном мире.

6. Практическая философия: Каждый человек в силу своей природы должен ходить в «воскресную школу» и повторять прописные истины. – Почему?

7. Практическая философия: Смелые люди бояться до и после, а во время – никогда! – Ваши комментарии?

8. Практическая философия: Б. Спиноза: «Бога мы сердим грехами, а людей – достоинствами» [12]. – Как это истолковать?

9. Практическая философия: «Знание некоторых принципов, – писал К. Гельвеций, – восполняют незнанием некоторых фактов». – Ваше толкование?

10. Практическая философия: Говорят, что «Что мир оглох от бесполезных слов». – Примеры из Вашей жизни?

11. Практическая философия: «Нужно тренировать свою память так, – писал Станислав Ежи Лец, – чтобы легко забывать». – Почему нужно забывать?

12. Практическая философия: «Мысль, как полагает М. Мамардашвили, – это знак того, что в нас происходят изменения». – Ваше понимание?

13. Практическая философия: У образованного человека другая оптика, другое видение, другой мозг. – Почему?

14. Практическая философия: «Мыслить – это значит оскорблять человечество». – В каком смысле?

15. Практическая философия: «Они не мыслят, утверждал Л. Витгенштейн, – потому, что говорят». – Ваши комментарии?

16. Практическая философия: Антропологическая катастрофа: честь, совесть, достоинство

заменены «правильным» голосованием, «правильными» решениями. – Ваше мнение?

17. Практическая философия: В какой ситуации в молчании кроется ложь?

18. Практическая философия: «Несчастлива страна, – пишет Б. Брехт, – которая нуждается в героях». – Ваше толкование?

19. Практическая философия: Преодолеть сладость греха возвыситься над кем-то как свидетельство моральной чистоты. – Как можно развить эту мысль?

20. Практическая философия: «Самый большой грех – это возвыситься над кем-то». – Ваши комментарии?

21. Практическая философия: Эпизод из «Трех мушкетеров»: Ришелье предлагает д'Артаньяну перейти к нему на службу, но он отказывается от шанса, не зная почему. Спускаясь по лестнице, вдруг его пронзила мысль: «Атос не подал бы мне руки». Он не мог совершить поступок, из-за которого Атос мог не подать руки. – Репутация как знак качества человека?

22. Практическая философия: Имя как гарантия своих слов. – Ваше толкование?

23. Практическая философия: «Если у тебя чистая совесть, – говорил М. Жванецкий, – значит, у тебя короткая память». – Как это может быть?

24. Практическая философия: «Бойся, – говорят, – человека одной книги!» – Чем он опасен?

25. Практическая философия: Говорят, что «справедливость сажает своих сторонников». – Почему?

26. Практическая философия: Что означает совет – «Не будь прав, будь мудр!».

27. Практическая философия: Мораль как личный компас. – Ваше понимание?

28. Практическая философия: Комплекс полноценности как риск для личности. – Что бы это значило?

29. Практическая философия: «Имей совесть и делай, что хочешь». – Что означает этот призыв М. Жванецкого?

30. Практическая философия: На упрек одного человека, почему он подписал письмо в поддержку деятеля культуры, Булат Окуджава ответил: «Я Вас вижу в первый и последний раз, а с зеркалом встречаюсь каждый день». – Что такое совесть?

31. Практическая философия: «Толерантность – это интерес, любопытство тем, чем ты не являешься». – Ваши рассуждения?

32. «Человек есть усилие быть человеком». – Как Вы это понимаете?

33. Практическая философия: «Если хочешь быть счастливым, – говорил М. Мамардашвили, –

научись страдать». – Почему для счастья нужно страдать?

34. Практическая философия: Патриотизм – это любовь к людям или к государству?

35. Практическая философия: «Истина не установилась, а все время устанавливается» [9, с. 47] – Что могло это значить?

Получив указанные вопросы, «нужно ясно посмотреть, в чем заключается составляющее его затруднение» [6, с. 131] и тем самым «уразуметь, что в нем отыскивается», четко увидеть, что составляет искомое.

Поступая таким образом, студенты научаются мыслить, проникать вглубь себя, обращаться к своим внутренним истокам, «центрировать себя», «пускать корень в почву» социальности. Вопросы позволяют, как говорил Р. Декарт, исследовать, «что такое я сам».

Преимущества предложенных вопросов наглядно демонстрируется на примере экзаменов по философии. Когда студенты отвечают на

стимулирующие к мыслительности и мыслетворчеству вопросы, то привлекают на помощь все знания и умения, мобилизуется понимание всей философии, хотя обучающийся всего лишь отвечает на ограниченное количество вопросов билета. Потенциально каждый подобный вопрос позволяет измерить уровень понимания обучающимся всего курса. На экзамене с обычными, традиционными вопросами студенты в лучшем случае отвечают на три информационных вопроса. Не более того! В первом случае экзаменуемый демонстрирует знание всего курса и его собственное творчество. Он показывает умение мыслить по всему курсу. Во втором же случае – владение определенным объемом информации в рамках вопросов доставшегося билета.

Кроме того, экзамен из формы контроля знаний вырастает и превращается в продолжение учебного процесса, что важно в условиях дефицита часов по философии.

Литература

1. Аристотель. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1976. 550 с.
2. Баллаева Е.А. Анализ философского мировоззрения Людвига Витгенштейна: дис. ... канд. философ. наук. М., 1979. 189 с.
3. Бэкон Ф. Новый органон. М.: Рипол-Классик, 2018. 364 с.
4. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: АСТ, 2020. 160 с.
5. Гадамер Х.Г. Истина и метод: основы современной герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
6. Декарт Р. Сочинения в двух томах. М.: Мысль, 1989. Т. 1. 654 с.
7. Кант И. Ответ на вопрос: что такое Просвещение? // Кант И. Соч. на нем. и рус. яз. М.: Чоро, 1994. Т. 1. 544 с.
8. Мамардашвили М.К. Лекции о Прусте. М.: AdMarginem, 1995. 548 с.
9. Мамардашвили М.К. Картезианские размышления. М.: «Прогресс», «Культура», 1993. 352 с.
10. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. Изд-во: Питер, 2002. 720 с.
11. Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре. Трактаты: пер. с фр. М.: «КАНОН-пресс», «Кучково поле», 1998. 416 с.
12. Спиноза Б. Сочинения: в 2-х. СПб.: Наука, 1999. Т. 1. 489 с.
13. Хакуз П.М., Гура А.Ю., Лакербай З.К. Вопрос как исполнение вопрошания // Вестник адыгейского государственного университета. 2014. Вып. 4 (148). С. 19 – 32.
14. Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993. 447 с.
15. Хосе Ортега-и-Гассет. Дегуманизация искусства. М.: Радуга, 1991. 638 с.

References

1. Aristotel'. Sobr. soch.: v 4 t. T. 1. M.: Mysl', 1976. 550 s.
2. Ballaeva E.A. Analiz filosofskogo mirovozzreniya Lyudviga Vitgenshtejna: dis. ... kand. filosof. nauk. M., 1979. 189 s.
3. Bekon F. Novyj organon. M.: Ripol-Klassik, 2018. 364 s.
4. Vitgenshtejn L. Logiko-filosofskij traktat. M.: AST, 2020. 160 s.
5. Gadamer H.G. Istina i metod: osnovy sovremennoj germenevtiki. M.: Progress, 1988. 704 s.
6. Dekart R. Sochineniya v dvuh tomah. M.: Mysl', 1989. T. 1. 654 s.
7. Kant I. Otvet na vopros: chtoe takoe Prosveshchenie? Kant I. Soch. na nem. i rus. yaz. M.: CHoro, 1994. T. 1. 544 s.
8. Mamardashvili M.K. Lekcii o Pruste. M.: AdMarginem, 1995. 548 s.
9. Mamardashvili M.K. Kartezianskie razmyshleniya. M.: «Progress», «Kul'tura», 1993. 352 s.
10. Rubinshtejn S.L. Osnovy obshchej psihologii. Izd-vo: Piter, 2002. 720 s.

11. Russo ZH.ZH. Ob obshchestvennom dogovore. Traktaty: per. s fr. M.: «KANON-press», «Kuchkovo pole», 1998. 416 s.
12. Spinoza B. Sochineniya: v 2-h. SPb.: Nauka, 1999. T. 1. 489 s.
13. Hakuz P.M., Gura A.YU., Lakerbaj Z.K. Vopros kak ispolnenie voprosaniya. Vestnik adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. Vyp. 4 (148). S. 19 – 32.
14. Hajdegger M. Vremya i bytie. M.: Respublika, 1993. 447 s.
15. Hose Ortega-i-Gasset. Degumanizaciya iskusstva. M.: Raduga, 1991. 638 s.

*Khakuz P.M., Doctor of Philosophical Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Netrebko E.N., Candidate of Sociological Sciences (Ph.D.),
Kuban State Technological University*

TEACH AND LEARN TO THINK

Abstract: the article attempts to revive the undeservedly forgotten pedagogical problem of the need to teach students to think in philosophy classes. In the curricula, in the state educational standards for philosophy, nothing is said about the need to teach students to think. All efforts are reduced to a formal, competent approach. To help young people learn to think, they need to ask creative questions, questions that generate meaning and a new stream of questions and their own attempts to think, to formulate in turn new questions and cognitive problems. The question involves the process of thinking and awakens the truth in a person. In the pedagogical practice of higher education, more open, creative questions should be used to stimulate the cognitive interest of students, their non-standard thought, and the search for new truths and answers. The presentation of philosophy in the form of ready-made truths is contrary to the nature of philosophy. It must be transformed according to the logic of thought forms. What is it? The teaching of philosophy should be structured in such a way that it helps students to create their own thoughts. To do this, students must ask and be asked themselves. To achieve these goals, the authors proposed a unique set of logical, concise and clearly formulated questions that encourage students to think deeply and interestingly and successfully navigate the modern world. For convenience, the questions are divided into three groups: "What is philosophy?", "Philosophical concepts", and "Practical philosophy". The questions are drawn up on the redundant principle, suggesting the possibility of pedagogical creativity when they can be used by teachers of higher education. The advantages of the proposed questions can be shown by the example of the philosophy exams. When students answer creative and thought-creating questions, everything they know and can do is mobilized, and an understanding of the whole philosophy is included, although they answer three questions in the ticket. Each such question individually has the potential to reveal the level of understanding of the examinee of the entire course.

Keywords: philosophical reflection, dynamic redundancy, knowledge and philosophy, cognition as questioning, philosophical consensus, the mysteries of human existence, the costs of philosophy, self-causal phenomena, anthropological catastrophe

*Косогорова Л.А., кандидат педагогических наук, ректор,
Институт управления, бизнеса и технологий,
Крутиков В.К., доктор экономических наук, профессор,
Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского,
Институт управления, бизнеса и технологий*

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ ИМИДЖА ШКОЛЫ

Аннотация: в статье исследуется деятельность школы, как открытой социально-педагогической системы, взаимодействующей с различными социальными институтами при оказании образовательных услуг. Важным современным компонентом методического продукта школы, а также, дополнительным ресурсом совершенствования образовательного учреждения, выступает динамичный, постоянно преобразующийся, процесс формирования устойчивого позитивного имиджа школы, оказывающего психологическое влияние на представителей социума, власти и бизнеса. Позитивный имидж оказывает решающее влияние на приоритетный доступ школы к лучшим человеческим, материально-техническим, информационным, и прочим ресурсам. В результате образовательное учреждение обеспечивает устойчивый рост качества образовательных услуг, что создает привлекательные условия для внедрения в образовательный процесс инноваций. Сложившиеся информационные потоки, характеризующие высокий уровень имиджа школы, в свою очередь, создают запас доверия и силы, вселяя уверенность в завтрашнем дне и раскрывая новые креативные возможности учителей и школьников. Результаты исследования позволяют сделать следующий предварительный вывод. Успешно сформированный имидж школы, опирающийся на высокопрофессиональное использование современных технологий, активен по своей сути, он воздействует на сознание, эмоции и поступки, как отдельных педагогов, школьников и их родителей, так, в целом, на весь социум, позволяя повысить эффективность процесса обучения и воспитания.

Ключевые слова: школьное образование; имидж школы; цифровые технологии; эффективность обучения

Введение

Важным аспектом восприятия и оценки школы выступает впечатление, которое она производит. Можно сделать вывод о том, что имидж, наряду с такими понятиями, как известность, популярность, репутация, выступает в качестве объективного фактора, играющего значительную роль в оценке наблюдаемого социального явления или процесса. Рассматривая подходы к пониманию термина «имидж», можно встретиться с такими его определениями, как: совокупность представлений о предмете; обобщенное человеческое восприятие; сигнал, посланный непосредственным адресатам; впечатление, оказанное личностью или организацией и другими.

В современных условиях, для достижения успеха, требуется выделиться среди тождественных объектов, объединенных на основании совпадения признаков. Завоевание известности позволяет привлечь внимание важные группы социума, разумеется, для школ это, в первую очередь, школьники, родители и инициативные, творческие педагоги.

Имидж, как социально-психологический явление, распространяется на все сферы человеческого сознания и поведения, он задает направленность и активность поведению людей, стремящихся удовлетворить свои потребности в получении качественного образования и реализации творческого потенциала.

Проблемы внешнего позиционирования организаций существовали всегда, им посвящены исследования ведущих зарубежных ученых, таких, как В. Гарденер, С. Леви, К. Боулдинг, Джеймс Грюниг, Бобби Джи и других. [1-3.]

В современных условиях проблема исследования такого явления, как имидж, проявляется более отчетливо. Образовательные организации уделяют значительное внимание формированию собственного имиджа, так как последние результаты исследований, проведенные учеными и практиками, демонстрируют взаимосвязи позитивного имиджа и эффективности деятельности организаций.

В работе использовались результаты исследований таких отечественных ученых, как Алешина И.В., Вишнякова М.С., Даниленко Л.В., Зуевская И.Н., Макаренко А.С., Пискунов М.С., Почепцов Г.Г., Самохин М.Ю., Томилова М.В., Ушаков К.М. Ушакова Н.В. и др. [4-14.]

В исследованиях достаточно обстоятельно раскрыты вопросы формирования имиджа школы, создания обаятельного образа учебного заведения, личности педагога, формирования привлекательного школьного коллектива, отличающегося работоспособностью, ответственностью (работы Макаренко А.С.). В тоже время, активные изменения, происходящие на базе внедрения в школах инновационных информационно-коммуникационных технологий, требуют проведения новых научных изысканий [8].

Методы

В ходе проведения научно-исследовательской работы применялись современные методы систематического качественного анализа фактического материала, полученного в результате целенаправленного наблюдения, с применением информационно-коммуникационных технологий, за педагогическими и социально-психологическими явлениями затрагивающими жизнь любой школы. Исследование проводилось с учетом положений педагогических концепций и оценки эффективности организационной культуры школы, а также, стили взаимодействия между участниками образовательного процесса. Применялись методы системного, сравнительного анализа статистического, монографического и текстового материала, включая контент-анализ публикаций в СМИ. Результаты применения современных методов, позволили более отчетливо продемонстрировать взаимосвязи позитивного имиджа школы с показателями успешности ее деятельности.

Результаты

Результаты проведенного исследования позволили сформулировать понятие имиджа, как целенаправленной деятельности, направленной на формирование привлекательного, уникального образа школы, гарантирующей предоставление качественных образовательных услуг, востребованных современным обществом.

Из предложенного определения имиджа можно заключить следующее:

- в определении представлены две взаимодействующие стороны, одна – обеспечивает направление потока необходимой информации, другая выступает в роли получателя, который пользуется информацией, таким образом, в социуме формируется среда имиджа школы;
- школьный имидж предстает, как своеобразный символ, который характеризуют данные, представленные в информационном потоке;
- создание имиджа непосредственно связано с информационно-коммуникационной деятельностью, осуществляемой с аудиторией социума;
- имидж не является, в полной мере, правдивым отражением характеристики объекта, но аудиторией воспринимается именно таковой;
- формируемый имидж оказывает влияние на принимаемые решения, поступки, действия и их последствия.

В практической деятельности по формированию имиджа школы, необходимо учитывать следующие положения:

- имидж, социальное явление, которое существует в определенном сообществе людей, проявляющих к нему интерес;

- имидж динамичен, изменчив, в соответствии с социально-экономическими трансформациями, происходящими в социуме;

- люди отдают предпочтение тем или иным учреждениям, предоставляющим образовательные услуги, в зависимости уровня воздействия оказываемого имиджем;

- обеспечение благоприятного отношения общественности к школе зависит от положительного имиджа и умения работать с общественным мнением социума;

- поведение людей и принимаемые ими решения, зачастую зависят от положительного имиджа школы, который выступает как инструмент воздействия на социум.

Создавая образ высококлассного образовательного учреждения, представители школы оказывают психологическое воздействие на представителей социума.

При этом они должны иметь четкое представление об особенностях и внутренних закономерностях школьной образовательной деятельности, внешней среде, в которой она осуществляется.

Внедряя в сознание целевой аудитории идеи, адекватные её ожиданиям, и качественные характеристики создаваемого привлекательного образа школы, лица, формирующие конкретный имидж, должны осознавать, что имидж неразрывно связан с репутацией образовательного учреждения, которая существует в общественном сознании долгие годы.

В качестве гарантий эффективной реализации проекта, назовем его условно «имидж школы», выступают следующие главные составляющие:

- качество оказываемых школой образовательных услуг, умение развивать и реализовывать креативные способности учеников, формировать здорового образа жизни; устанавливать и поддерживать связи с различными социальными группами;

- компетентность руководства, стиль и эффективность управления, укрепляющего доверие к школе, способствующее ее процветанию и подчеркивающее уникальность образовательного учреждения, а также командный дух и высокую культуру;

- образ педагогического персонала, отражающий эмоциональные показатели отношений в школе, включая доверие, симпатии, гармоничные межличностные отношения, а также высокий уровень компетенций, навыков и личные качества педагогов;

- атмосфера психологического комфорта, подразумевающая уважение в системе взаимоотношений «учитель – ученик»; оптимизм, взаимовыруч-

ку, безусловную психологическую поддержку участникам образовательного процесса;

- доверительные отношения руководства и педагогического персонала школы с государственной и муниципальной властью, представителями социума и бизнеса;

- внешняя атрибутика, подразумевающая наличие: собственного сайта и школьной газеты; фирменного стиля, внешнего символического единства и, разумеется, имиджа школы [15-20].

Обсуждение

Выдающийся русский педагог А.С. Макаренко отмечал необходимость формирования узнаваемого, индивидуального образа образовательного учреждения. Педагог выделал следующие составляющие, оказывающие влияние на создание образа: перспективное развитие культуры собственного стиля; наличие увлеченного, профессионального педагогического состава; разработка свода правил, как результата совместного, творческого труда всех членов коллектива; создание детского коллектива, неукоснительно следующего правилам, поддерживающего традиции и атрибуты.

Безусловно, Макаренко внес свой вклад в теорию и практику формирования позитивного имиджа образовательных учреждений, а происходящие современные изменения трансформируют имидж человека, социума, школы в соответствии с происходящими в обществе социально-экономическими процессами. Постоянной величиной остается необходимость поддержания позитивного имиджа школы, призванного обеспечить достойный уровень учебно-воспитательного процесса, формирующего личность [8].

Заведующая кафедрой педагогики и психологии семьи Института детства Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург) Хоменко И.А., детально рассматривая процесс формирования и совершенствования имиджа школы, обращает внимание на качество информационных потоков, относящихся к конкретной школе. Хоменко предостерегает, что недостаток информации, зачастую домысливается, преломляя и искажая ее. Следует обеспечивать предоставление максимально развернутой информации, содержащей полные сведения о деятельности школы и неукоснительно соблюдать требование налаживания обратной связи.

Действительно, практика показывает, что на формирование репутации школы влияют распространяемые мифы. Создание положительного имиджа не должно опираться на необъективные данные, раскрытие которых в дальнейшем, повлияет на разрушение созданного образа.

В тоже время, любой представитель педагоги-

ческого коллектива должен осознавать, что популяризация реальных достижений школы, укрепляет позиции образовательной организации, поэтому известность следует расценивать, как бесценный ресурс [19.]

Заместитель директора школы по учебной работе Зуевская И.Н., рассматривает имидж школы, как эмоционально окрашенный образ образовательного учреждения, призванный оказать психологическое воздействие на представителей социума. Воздействие решает следующие задачи: привлечение дополнительного контингента школьников за счет укрепления конкурентных позиций; расширение доступа к современным материально-техническим и информационно-коммуникационным ресурсам; создание привлекательной среды, способной сформировать условия для реализации потенциалов педагогов, обладающих инновационным мышлением.

Следует согласиться с мнением И.Н. Зуевской, так как четкое понимание задач, стоящих перед современной школой, решению которых будет способствовать высокопрофессиональная деятельность по созданию благоприятного имиджа школы, свидетельствует о высоком уровне компетенций и навыком, которыми обладает административно-педагогический состав образовательного учреждения [7]

Даниленко Л.В., канд. псих. наук, доцент кафедры социального менеджмента, начальник отдела маркетинга РГПУ имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург, утверждает, что создание определенного имиджа полностью зависит от сформированных обществом ценностей. Непрерывно происходящие современные изменения в обществе, требуют осуществления целенаправленной деятельности, обеспечивающей поддержание благоприятного имиджа образовательной организации, гармонично сочетающего с целями, задачами и требованиями социума. В настоящее время, ценность представляет образование, как составляющая общенациональной культуры, формирующей инновационную личность, комфортно чувствующую себя в демократическом обществе.

Не возникает возражений по представленной формулировке, только обществу следует предпринять более активные шаги по преодолению поляризации между богатыми и бедными, сокращению количества граждан, живущих за чертой бедности, в противном случае выпускникам школ придется столкнуться с жесткими реалиями современной социально-экономической действительности [5].

Преподаватель Академии народного хозяйства при Правительстве РФ. М.Ю. Самохин, делает вывод о том, что уровень развития технологий переносит конкуренцию в сферу взаимоотношений с

клиентами и корпоративной культуры. Преимуществом пользуются организации, установившие устойчивые, конструктивные, перспективные связи с клиентами, обладающие мощной корпоративной культурой, способные внедрять современные инновационные достижения. Опора, в деятельности подобных организаций делается на нематериальные ценности и яркие, креативные личности.

Тенденции, сформулированные Самохиным М.Ю., находят полное подтверждение и в образовательной деятельности, осуществляемой современными школами. Следует обратить внимание на то, что выполняемые образовательные функции и процедуры вышли за пределы конкретного образовательного учреждения. Школы в современных условиях обязаны быть прозрачными, гибкими к непрерывно происходящим изменениям, должны обладать мощным положительным имиджем, постоянно демонстрируемым социуму [11].

Выводы

Современная социально-экономическая ситуация, складывающаяся в настоящее время в России, требует переосмысления подходов к формированию и поддержанию имиджа школ, так как обеспечение высокого инновационного содержания и эффективности процессам, протекающим в обществе, в полной мере зависит от уровня образования. Образование выступает в качестве несущей конструкции обеспечения перспективного, цивилизационного развития страны.

Акценты работы над созданием имиджа образовательных учреждений, должны быть перенесены на новый управленческий уровень, уровень стратегического управления имиджем.

На уровне стратегического управления имиджем, следует осуществлять перманентный анализ

слабых и сильных сторон изучаемых на местах субъектов, входящих в систему школьного образования.

Результаты аналитической работы призваны выявить положительный практический опыт взаимодействия с целевыми группами социумов, классифицировать факторы, оказывающие негативное и позитивное влияния на имидж школ, предоставить обобщенные данные всем учебным заведениям.

Скоординированная деятельность ученых и практиков должна обеспечить выявление перспективных алгоритмов стратегического управления имиджем школ для дальнейшего их тиражирования на территориях субъектов Федерации.

Гармоничными элементами успешных алгоритмов должны выступать следующие составляющие:

- непрерывное совершенствование имиджа школ, педагогов, школьников в тесном контакте с представителями социумов;
- создание необходимых условий для самореализации представителей педагогических коллективов, а также раскрытия потенциала «социального тонаса» школьников и их родителей;
- создание гибкой системы школьного образования, заблаговременно реагирующей на спрос, формат, особенности запросов и темпы образовательной деятельности, исходя из потребностей общества;
- формирование самодостаточной личности, воспитанной в демократических традициях на лучших примерах отечественной системы образования.

Литература

1. Бобби Джи. Имидж фирмы. Планирование, формирование, продвижение. СПб.: «Питер», 2000.
2. Ким Сэнг Х. 1001 способ мотивации: пер, с англ. И. Воробьевой. М.: Росмэн-Пресс, 2004.
3. Бунимович Н.Т., Жаркова Г.Г., Корнилова Т.М. и др. Краткий словарь современных понятий и терминов. 3-е изд., дораб. и доп. / Сост., общ. ред. В.А. Макаренко. М.: Республика.
4. Алешина И.В. Корпоративный имидж: стратегический аспект // «Маркетинг в России и за рубежом». 1998. № 1.
5. Даниленко Л.В. Имидж учебного заведения // Справочник руководителя образовательного учреждения. 2003. № 1.
6. Вишнякова М.С. Концепция формирования имиджа компании (общий подход и рекомендации) // Практический маркетинг. 2001. № 5.
7. Зуевская И.Н. Механизм формирования позитивного имиджа школы [Электронный ресурс]. URL: <https://urok.1sept.ru/articles/210363> (дата обращения: 08.06.2021)
8. Макаренко А.С. Педагогическая поэма / Сост., вступ. ст., примеч., пояснения С. Невская. М.: ИТРК, 2003. 736 с.
9. Пискунов М.С. Имидж образовательного учреждения: структура и механизмы формирования // Мониторинг и стандарты в образовании. 1999. № 5.
10. Почепцов Г.Г. Имиджелогия. М.: «Рефл-бук»; К.: «Ваклер», 2002.
11. Самохин М.Ю. и др. Бренды в образовании // «PR в образовании» № 1, 2003.

12. Томилова М.В. Модель имиджа организации // “Маркетинг в России и за рубежом”. 1998. № 1.
13. Ушакова Н.В., Стрижова А.Ф., Имиджелогия: учебное пособие. М.: Дашков и К, 2011. 280 с.
14. Ушаков К.М. Развитие организации: в поисках адекватной теории. М.: Сентябрь, 2004.
15. Нагорнова А.Ю. Творческая самореализация детей и подростков в учреждениях дополнительного образования детей // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 3. С. 34 – 41.
16. Панасюк А.Ю. Формирование имиджа: стратегия, психотехнологии, психотехники. М.: «Омега-Л», 2008. 266 с.
17. Пелих А.С., Кизилова Т.Г., Пронченко А.Г. Имидж делового человека: учебное пособие. М.: Академия, 2015. 300 с.
18. Павлова А.А. Влияние имиджа старшеклассника на имидж ученика начальной школы. [электронный ресурс]. URL: <https://www.prodlenka.org/metodicheskie-razrabotki/320584-vlijanie-imidzha-starsheklassnika-na-imidzh-u> (дата обращения: 07.06.2021)
19. Хоменко И.А. Имидж школы: механизмы и формирования, и способы построения [Электронный ресурс]. URL: <http://www.den-za-dnem.ru/page.php?article=386> (дата обращения: 08.06.2021)
20. Шепель В.М. Имиджелогия: секреты личного обаяния. М.: ЛИНКА-ПРЕСС, 1997.

References

1. Bobbi Dzhi. Imidzh firmy. Planirovanie, formirovanie, prodvizhenie. SPb.: “Piter”, 2000.
2. Kim Seng X. 1001 sposob motivacii: p er, s angl. I. Vorob'evoj. M.: Rosmen-Press, 2004.
3. Bunimovich N.T., ZHarkova G.G., Kornilova T.M. i dr. Kratkij slovar' sovremennyh ponyatij i terminov. 3-e izd., dorab. i dop. Sost., obshch. red. V.A. Makarenko. M.: Respublika.
4. Aleshina I.V. Korporativnyj imidzh: strategicheskij aspect. “Marketing v Rossii i za rubezhom”. 1998. № 1.
5. Danilenko L.V. Imidzh uchebnogo zavedeniya. Spravochnik rukovoditelya obrazovatel'nogo uchrezhdeniya. 2003. № 1.
6. Vishnyakova M.S. Konceptiya formirovaniya imidzha kompanii (obshchij podhod i rekomendacii). Prakticheskij marketing. 2001. № 5.
7. Zuevskaya I.N. Mekhanizm formirovaniya pozitivnogo imidzha shkoly [Elektronnyj resurs]. URL: <https://urok.1sept.ru/articles/210363> (data obrashcheniya: 08.06.2021)
8. Makarenko A.S. Pedagogicheskaya poema. Sost., vstup. st., primech., pojasneniya S. Nevskaya. M.: ITRK, 2003. 736 s.
9. Piskunov M.S. Imidzh obrazovatel'nogo uchrezhdeniya: struktura i mekhanizmy formirovaniya. Monitoring i standarty v obrazovanii. 1999. № 5.
10. Pochepcov G.G. Imidzhelogiya. M.: “Refl-buk”; K.: “Vakler”, 2002.
11. Samohin M.YU. i dr. Brendy v obrazovanii. “RR v obrazovanii” № 1, 2003.
12. Tomilova M.V. Model' imidzha organizacii. “Marketing v Rossii i za rubezhom”. 1998. № 1.
13. Ushakova N.V., Strizhova A.F., Imidzhelogiya: uchebnoe posobie. M.: Dashkov i K, 2011. 280 s.
14. Ushakov K.M. Razvitie organizacii: v poiskah adekvatnoj teorii. M.: Sentyabr', 2004.
15. Nagornova A.YU. Tvorcheskaya samorealizaciya detej i podrostkov v uchrezhdeniyah dopolnitel'nogo obrazovaniya detej. Gumanitarnye nauchnye issledovaniya. 2014. № 3. S. 34 – 41.
16. Panasyuk A.YU. Formirovanie imidzha: strategiya, psihotekhnologii, psihotekhniki. M.: «Omega-L», 2008. 266 s.
17. Pelih A.S., Kizilova T.G., Pronchenko A.G. Imidzh delovogo cheloveka: uchebnoe posobie. M.: Akademiya, 2015. 300 s.
18. Pavlova A.A. Vliyanie imidzha starsheklassnika na imidzh uchenika nachal'noj shkoly. [elektronnyj resurs]. URL: <https://www.prodlenka.org/metodicheskie-razrabotki/320584-vlijanie-imidzha-starsheklassnika-na-imidzh-u> (data obrashcheniya: 07.06.2021)
19. Homenko I.A. Imidzh shkoly: mekhanizmy i formirovaniya, i sposoby postroeniya [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.den-za-dnem.ru/page.php?article=386> (data obrashcheniya: 08.06.2021)
20. SHepel' V.M. Imidzhelogiya: sekrety lichnogo obayaniya. M.: LINKA-PRESS, 1997.

*Kosogorova L.A., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Rector,
Institute of Management, Business and Technology,
Krutikov V.K., Doctor of Economic Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky,
Institute of Management, Business and Technology*

MODERN APPROACHES TO THE FORMATION OF THE SCHOOL IMAGE

Abstract: the article examines the activities of the school as an open socio-pedagogical system that interacts with various social institutions in the provision of educational services. An important modern component of the school methodological product, as well as an additional resource for improving the educational institution, is the dynamic, constantly transforming process of forming a stable positive image of the school, which has a psychological impact on representatives of society, government and business. A positive image has a decisive impact on the priority access of the school to the best human, material, technical, information, and other resources. As a result, the educational institution provides a steady increase in the quality of educational services, which creates attractive conditions for the introduction of innovations in the educational process. The established information flows that characterize the high level of the school image, in turn, create a reserve of trust and strength, instilling confidence in the future and revealing new creative opportunities for teachers and schoolchildren. The results of the study allow us to conclude that the successfully formed image of the school, based on the highly professional use of modern technologies, is active in its essence, it affects the consciousness, emotions and actions of both individual teachers, schoolchildren and their parents, and, in general, the entire society, allowing to increase the effectiveness of the learning and education process.

Keywords: school education; school image; digital technologies; learning efficiency

*Тетина С.В., кандидат педагогических наук,
Гутрова Ю.В., кандидат педагогических наук,
Челябинский институт переподготовки и
повышения квалификации работников образования*

СОВРЕМЕННЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ФОРМИРОВАНИИ И РАЗВИТИИ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАМОТНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ

Аннотация: в последние годы на развитие образования в России оказывают влияния международные исследования, в том числе, PISA. Задача современного образования обеспечить конкурентоспособность российского образования и создать условия для вхождения Российской Федерации в число десяти ведущих стран мира по качеству образования. В связи с этим, формирование и развитие функциональной грамотности в школьном образовании становится приоритетной задачей. В данной статье определена актуальность темы исследования, которая продиктована правительством РФ и определена результатами международных исследований. Для понимания сути термина «функциональная грамотность» в статье представлены наиболее известные понятия «функциональной грамотности». Авторами выявлены причины низкого уровня сформированности функциональной грамотности обучающихся образовательных организаций. Для изменения ситуации в школьном образовании в статье раскрываются причины низкого уровня сформированности функциональной грамотности обучающихся и четко обозначены пути и направления решения данной проблемы. В статье представлены и описаны структурные компоненты развивающих педагогических технологий, способствующих формированию функциональной грамотности. Обозначены эффективные педагогические практики, используемые в образовательном процессе, которые позволяют не только формировать, но и развивать функциональную грамотность обучающихся.

Ключевые слова: функциональная грамотность, формирование функциональной грамотности, развитие функциональной грамотности, педагогические практики, педагогические технологии, образовательное пространство

Отвечая запросам государство на повышения качества общего образования приоритетной целью образовательной политики становится формирование функциональной грамотности, а также умения применять в жизни знания, полученные в общеобразовательной школе. Обратимся к справочной литературе для трактования сути понятия «функциональная грамотность». В словаре приводится трактовка данного понятия как «способность человека вступать в отношения с внешней средой и максимально быстро адаптироваться и функционировать в ней» [1, с. 342]. Здесь же приводится ещё одно трактование понятия «функциональная грамотность» как «уровень знаний, умений и навыков, обеспечивающий нормальное функционирование личности в системе социальных отношений, который считается минимально необходимым для осуществления жизнедеятельности личности в конкретной конкурентной среде». Функциональная грамотность является неотъемлемым элементом базового образования школьников в наши дни. Обладание «готовностью успешно взаимодействовать с изменяющимся окружающим миром», по мнению Н.Ф. Виноградовой означает «решать различные учебные и жизненные задачи, строить социальные отношения» [2, с. 16-17].

Для понимания сути «формирование функциональной грамотности» мы опираемся на позиции

учёного А.А. Леонтьева, вслед за которым определяем рассматриваемую категорию как способность человека «использовать все постоянно приобретаемые в течение жизни знания, умения и навыки для решения максимально широкого диапазона жизненных задач в различных сферах человеческой деятельности, общения и социальных отношений» [3, с. 35].

В международной программе по оценке образовательных достижений учащихся PISA (Programme for International Student Assessment), в самом вопросе исследования заложен посыл об обладании 15-летними подростками, получившими общее образование, «знаниями и умениями, необходимыми им для полноценного функционирования в современном обществе» [4].

Согласно указу Президента РФ от 7 мая 2018 года №204 «О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024г», предлагается сконцентрировать усилия профессионального образовательного сообщества на повышении эффективности российского образования для обеспечения конкурентоспособности российской экономики, для достижения целей и целевых показателей в сфере образования.

Выполнение поставленных задач возможно при реализации образовательной концепции российского образования в соответствии со следующими требованиями:

- выделение содержательных составляющих предметных областей, связанных с формированием у обучающихся предметных, метапредметных и личностных результатов;

- содержательное наполнение учебной деятельности обучающихся приближенной к реальной практической ситуации;

- формирование стратегии поведения обучающихся в различных контекстах реальной жизни;

- применение оценочных процедур, направленных на измерение самостоятельной активности обучающихся, их способности решать проблему, проводить проекты и исследования, как индивидуально, так и в группе.

Для максимально эффективного выполнения обозначенных выше требований необходима правильная организация образовательного пространства. Верно, выбранная учебно-познавательная среда в образовательном пространстве и квалификация учительского состава образовательной организации позволяет педагогам формировать функциональную грамотность у обучающихся, развивать у них позитивные установки и внутреннюю мотивацию, а также оказывать содействие и быть готовым помочь в решении нестандартных жизненных ситуаций.

Актуальность рассматриваемой проблемы определена:

- с одной стороны, целями, поставленными Правительством РФ и необходимостью в воспитании нового поколения, способного выполнять аналитическую и творческую работу;

- с другой стороны, продиктована результатами международных отчетов исследований PISA, согласно которым 40% российских выпускников основной школы не достигают базового уровня функциональной грамотности хотя бы по одному из оцениваемых направлений.

По уровню и качеству способности использовать имеющиеся знания, умения и опыт для решения различного рода задач российские выпускники основной школы значительно уступают своим сверстникам из более 20-30 развитых стран [5].

Низкий образовательный рейтинг по всем направлениям функциональной грамотности российских обучающихся 15-летнего возраста связан с недостаточным уровнем сформированности способности переносить имеющиеся предметные знания и умения на реальные жизненные ситуации. Отметим также низкий уровень овладения обучающимися общеучебными умениями, такими как, работа с информацией, альтернативные способы решения задачи, выдвижение гипотез, организация и проведение исследований, групповых проектов.

Для изменения ситуации в образовании, необходимо, во-первых, определить причины, а во-

вторых, обозначить пути решения вышеописанной ситуации. Основная причина связана с организацией образовательного процесса в российских школах, поскольку он ориентирован на овладение знаниями и умениями, связанными с предметом. Как правило, большинство первоклассников (72%) легко справляются с простой арифметической задачей типа: «Мама дала Маше утром 25 рублей, а вечером еще 20 рублей. Сколько всего денег у Маши?» Но как только вопрос смещается в сторону метапредметного характера: «Хватит ли Маше денег купить мороженое стоимостью 34 рубля?». Количество правильных ответов становится не более 48% от всех обучающихся.

Наблюдается парадокс, «Федеральный государственный стандарт общего образования диктует требование о формировании у обучающихся планируемых результатов, выраженных в категориях универсальные учебные действия, функциональная грамотность обучающихся», а на практике учителя продолжают реализовывать «зуновскую систему образования (знания – умения – навыки)».

Таким образом, вторую причину низкого уровня сформированности функциональной грамотности обучающихся, можно сформулировать, как неготовность учителей работать по созданию учебных ситуаций, направленных на развитие и формирование метапредметных результатов обучающихся. Не все обучающиеся готовы и умеют свободно работать с информацией, не привит им ещё навык критического осмысления решаемой проблемы и не развит навык сотрудничества. Развитие вышеперечисленных навыков и умений и есть наиважнейшая задача образовательной организации и всего педагогического коллектива.

И в качестве третьей причины, отметим недостаточный уровень сформированности учебно-методической базы для учителей по формированию и оценке сформированности функциональной грамотности.

Рассмотрим условия организации учебного процесса с целью формирования функциональной грамотности обучающихся.

Если речь идёт об образовательных технологиях, которые инициируют деятельность обучающихся и порождают потребность в новых знаниях, то эти идеи положены в основу развивающей технологии обучения и наиболее полно воплощены в трудах Л.В. Занкова, В.В. Давыдова, Д.Б. Элькина. В свете рассмотрения формирования функциональной грамотности обучающихся, чрезвычайно важным является факт минимизации использования репродуктивных методов. Они заменяются эвристическими, исследовательскими. Учитель, организуя урок должен помнить о том, что где-то 60-70% его занимает самостоятельная

деятельность обучающихся. Очень важно организовать обучающихся на поисковую деятельность, т.е. искать, обрабатывать, обобщать информацию. Достижение планируемых результатов зависит от правильно подобранных заданий с формулировкой, требующей «проанализировать, доказать, объяснить, сравнить, исследовать», а не с формулировкой повелительного наклонения одного действия, где обучающимся приказывают «назвать, списать, найти, решить, выполнить».

Таким образом если «рассматривать учебную деятельность как форму развития личности, то урок, в развивающем обучении – это акт систематической учебной жизнедеятельности независимо от ее предметной характеристики. Ребенок должен научиться жить, а для этого он должен овладеть эмпатичной (чувственной) и рефлексивной оценкой актуальных и потенциальных целей и средств своей деятельности» [6, с. 19].

Вышесказанное определяет в уроке по развивающей технологии ряд обязательных структурных компонентов.

Первым обязательным компонентом является межличностный контакт учителя и обучающихся. Для того, чтобы запустить механизм способности ребенка смело и уверенно работать с «незнакомой учебной ситуацией», быть готовым к преобразованию информации, необходимо, чтобы обучающийся обладал внутренней уверенностью и готовностью к инновационной деятельности, в соответствии с возрастным этапом развития. Все это возможно при условиях положительной внутренней учебной мотивации ребенка; эмоциональной вовлеченностью в процессе решения учебной задачи и установке «мне все по плечу, я смогу справиться с любой трудностью». Когда зарождается положительный мотив учения? Когда учитель открытый, искренний, «живо» откликается на происходящее в классе, ценностно относится к мнению каждого, запускает механизм эмоционально-духовного единения, то есть предьявляет свой индивидуальный стиль деятельности.

Ко второму компоненту отнесём организацию учебного сотрудничества. Эрик Эриксон в своих работах по психологии описал ребёнка школьного возраста, осваивающего две технологии: формальную, наполненную научными знаниями, понятиями и коммуникационную [7]. Вполне очевидно, что коммуникационная технология позволяет каждому участнику проявить лидерские качества, продемонстрировать умения сотрудничать и работать в команде. Умения выполнять коллективную работу в команде создаёт предпосылки для формирования у участников деятельности когнитивных способностей, в том числе базовые основы функциональной грамотности. Какие психические

процессы положительно влияют на рассматриваемое нами понятие? Прежде всего, рефлексия, которая помогает осознать свои выполненные действия, выявить причину успеха или провала, осознать в каком направлении двигаться дальше. Когнитивные возможности человека находят своё яркое проявление в процессе диалогического взаимодействия.

Третьим компонентом развивающей технологии назовём формирование метазнания обучающихся. Психолог Джон Флейвелл ввёл в науку термин «метапознание» и доказал, как эффективно ребёнок может использовать знания собственного познания. Флейвелл описал два компонента в структуре метапознания: метазнаниевый компонент и регулятивный, связанный с управлением. Метазнаниевый компонент отражает следующие: как работает память и что я знаю о мышлении, каковы особенности внимания и способностей, индивидуальный стиль деятельности. Регулятивный компонент подсказывает какие знания необходимо использовать для эффективного решения задачи; возможности за короткое время проанализировать и запомнить информацию [8].

Три основных процесса, которые включены в регулятивный компонент - планирование или постановка цели, диагностика или отслеживание приближения к цели и оценка. И метакогнитивный, и регулятивный компоненты составляют базу для формирования и развития функциональной грамотности обучающихся. Знания каждого школьника о своих познавательных процессах, помогают им выявить какой вид памяти преобладает, что в свою очередь, позволяют обучающимся работать с информацией более креативно, исследуя различные стороны изучаемого объекта.

Важны также и метакогнитивные переживания, которые позволяют оценить: достигаемая эта гипотеза или это версия пока имеет только теоретический характер решения, насколько весомая представленная доказательная база в рассмотрении вопроса, решаемая рассматриваемая задача? Таким образом, обучающийся может выстраивать стратегию управления собственным познанием. И самое главное действовать более эффективно в ситуациях неопределенности, неоднозначности при решении учебной задачи. Почему так много мы уделяем внимания метакогнитивности? Потому что самостоятельная работа обучающихся связана с информацией различной направленности, когда нет четкого алгоритма и неизвестно требуется ли приведенная информация для решения проблемы или нет. Вполне возможно, что самостоятельная работа будет выполнена, но при условии способности обучающихся анализировать, планировать свои действия ведущие к познанию.

Для того, чтобы запустить в действие описанные выше механизмы, учителю необходимо в течение урока ставить открытые вопросы следующего плана:

- Что помогло быстро и точно вспомнить необходимую информацию?
- Что придавало уверенности в ответе у доски?
- Какие знания помогли выдвинуть интересную версию?
- Какие наблюдения на сегодняшнем уроке стали самыми ценными?
- Как часто в жизни (в каких ситуациях) мне необходимы эти знания?
- Что я могу сделать, чтобы быстро запомнить эту информацию?
- С чего целесообразнее начинать работу, чтобы осталось время на проверку?
- Как лучше распределять внимание, чтобы выполнить все задания?
- Буду ли связывать свою дальнейшую жизнь с данными знаниями?
- Зачем я это узнал?
- Как это знание будет твоею реализовано в жизни сегодня?
- Какие чувства вызывают у тебя эти знания?
- Какие идеи и соображения возникали, были ли они существенными и плодотворными, учтены ли они в решении?
- Какие возникли трудности и на каком этапе работы над заданием?
- Удастся ли самостоятельно справиться с аналогичной ситуацией, если она повторится?

К сожалению, учителя недооценивают важность вопросов, проговаривая «у нас и так мало времени на уроке». И вместе с тем, только в обсуждении возникают метакогнитивные стратегии, знания, переживания и таким образом закладывают способность обучающихся решать разнообразный круг жизненных задач с несколькими неизвестными.

В настоящее время в педагогике накоплен широкий круг педагогических технологий, способствующих формированию функциональной грамотности: коллективная система обучения, технология решения исследовательских задач, исследовательские и проектные методы, технология «дебатов», технология развития критического мышления, технология использования в обучении игровых методов: ролевых, деловых и других видов обучающих игр, обучение в сотрудничестве, информационно-коммуникационные технологии, кейс-технологии, технология деятельностного метода и др.

Каждая технология имеет свои сильные стороны, при правильном подходе учителя к процессу и организации учебной деятельности обучающихся.

Основная задача образовательной технологии – становление и развитие учебной самостоятельности обучающихся: от умения учиться к умению сотрудничать. С этой целью учителю необходимо предлагать задания, которые отличает неопределенность в способах действий (нет явных и скрытых указаний на способ действий, нужен «перевод» с быденного языка на язык предмета, допустимы альтернативные подходы и решения). Проблемность должна звучать и во внеучебном контексте и обучающимся необходимо сделать осознанное решение, сделать важный выбор, но при этом ситуация лично близка и значима. Если мы обобщим технологии, то можно сделать следующий вывод.

Функциональная грамотность как интегральный личностный показатель развития личности, адаптированной к различным жизненным ситуациям, можно формировать, используя следующие средства:

- приобретение опыта успешной деятельности обучающихся путём разрешения и принятия проблем и позитивного опыта поведения;
- создание ситуаций, имитирующих образовательную активность;
- обучение в сотрудничестве;
- поисковая деятельность (индивидуальные и групповые проекты);
- интеграция знаний (поиск общих подходов, выявление связей и аналогий);
- оценочная самостоятельность обучающихся (взаимопроверка, самопроверка).

Использование эффективных педагогических практик в образовательной деятельности позволяет формировать и развивать функциональную грамотность обучающихся. К эффективным педагогическим практикам, на наш взгляд, можно отнести, например, организация образовательных ситуаций, имитирующих образовательную деятельность обучающихся и мотивирующих их на подобную деятельность. Безусловно важно каждому участнику образовательной деятельности понимать смыслы этой деятельности, активно проявлять себя в общении, сотрудничестве, поисковой активности, быть заинтересованным в решении проблем и уметь выносить оценочное суждение.

Очень важно для формирования и развития функциональной грамотности обучающихся, прежде всего, как подчёркивает К.С. Буров «мотивировать учителей на более внимательное изучение представленных позитивных педагогических практик», что очевидно, «будет способствовать формированию уверенности учителя в получении устойчивого результата» [9, с. 117].

Наряду с педагогическими практиками для формирования и развития функциональной гра-

мотности необходимо широко внедрять в образовательный процесс педагогические технологии.

В заключении отметим, что формирование и развитие функциональной грамотности зависит от реализации педагогических практик развивающего обучения, от реализации в образовательном процессе педагогических технологий, от внедрения новой системы учебных заданий и учебных ситуаций, и наконец, от повышения квалификации са-

мого учителя и от организации образовательного пространства. Формирование и развитие функциональной грамотности – это сложный многосторонний и длительный процесс. Достижение нужных результатов возможно лишь тогда, когда умело и грамотно сочетаются различные современные педагогические практики и педагогические технологии, эффективно функционирующие в образовательном пространстве.

Литература

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Икар, 2009. 448 с.
2. Виноградова Н.Ф., Кочурова Е.Э., Кузнецова М.И. и др. Функциональная грамотность младшего школьника: книга для учителя / под ред. Н.Ф. Виноградовой. М.: Российский учебник: Вентана-Граф, 2018. 288 с.
3. Образовательная система «Школа 2100» Педагогика здравого смысла: сб. мат-лов // под науч. ред. А. А. Леонтьева. М.: Баласс, Издательский дом РАО, 2003. 140 с.
4. PISA 2018 Assessment and Analytical Framework. Paris: OECD Publishing, 2019 308 p.
5. Российский учебник [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rosuchebnik.ru/material/issledovaniya-pisa-2018-v-rossii/> (дата обращения: 27 июня 2021 г.).
6. Дусавицкий А.К., Кондратюк Е.М., Толмачёва И.Н., Шилкунова З.И. Урок в начальной школе. Реализация системно-деятельностного подхода к обучению: Книга для учителя. 3-е изд. М.: ВИТА-ПРЕСС, 2011. 288 с.: ил.
7. Эриксон Э. Детство и общество: пер. с англ. СПб.: ЛЕНАТО, 2011. 592 с.
8. Flavell J.H. Metacognitive Aspects of Problem Solving // The Nature of Intelligence. Hillsdale / ed. by L.B. Resnick. N.Y., 1976.
9. Буров К.С., Роль психолого-педагогических знаний в освоении учителями общеобразовательных школ стратегий содействия профессиональному самоопределению обучающихся // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров: научно-теоретический журнал. 2020. № 4 (45). С. 112 – 121.

References

1. Azimov E.G., SHCHukin A.N. Novyj slovar' metodicheskikh terminov i ponyatij (teoriya i praktika obucheniya yazykam). M.: Ikar, 2009. 448 s.
2. Vinogradova N.F., Kochurova E.E., Kuznecova M.I. i dr. Funkcional'naya gramotnost' mladshego shkol'nika: kniga dlya uchitelya. pod red. N.F. Vinogradovoj. M.: Rossijskij uchebnik: Ventana-Graf, 2018. 288 s.
3. Obrazovatel'naya sistema «SHkola 2100» Pedagogika zdravogo smysla: sb. mat-lov. pod nauch. red. A. A. Leont'eva. M.: Balass, Izdatel'skij dom RAO, 2003. 140 s.
4. PISA 2018 Assessment and Analytical Framework. Paris: OECD Publishing, 2019 308 p.
5. Rossijskij uchebnik [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://rosuchebnik.ru/material/issledovaniya-pisa-2018-v-rossii/> (data obrashcheniya: 27 iyunya 2021 g.).
6. Dusavickij A.K., Kondratyuk E.M., Tolmachyova I.N., SHilkunova Z.I. Urok v nachal'noj shkole. Realizaciya sistemno-deyatelnostnogo podhoda k obucheniyu: Kniga dlya uchitelya. 3-e izd. M.: VITA-PRESS, 2011. 288 s.: il.
7. Erikson E. Detstvo i obshchestvo: per. s angl. SPb.: LENATO, 2011. 592 s.
8. Flavell J.H. Metacognitive Aspects of Problem Solving. The Nature of Intelligence. Hillsdale.ed. by L.B. Resnick. N.Y., 1976.
9. Burov K.S., Rol' psihologo-pedagogicheskikh znaniy v osvoenii uchitelyami obshcheobrazovatel'nyh shkol strategij sodejstviya professional'nomu samoopredeleniyu obuchayushchihsya. Nauchno obespechenie sistemy povysheniya kvalifikacii kadrov: nauchno-teoreticheskij zhurnal. 2020. № 4 (45). S. 112 – 121.

*Tetina S.V., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.),
Gutrova Yu.V., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.),
Chelyabinsk Institute of Retraining and
Improvement of Professional Skills of Educators*

MODERN EDUCATIONAL TECHNOLOGIES IN THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF FUNCTIONAL LITERACY OF STUDENTS

Abstract: in recent years, the development of education in Russia has been influenced by international studies, including PISA. The task of modern education is to ensure the competitiveness of Russian education and create conditions for the Russian Federation to become one of the ten leading countries in the world in terms of the quality of education. In this regard, the formation and development of functional literacy in school education becomes a priority task. This article defines the relevance of the research topic, which is dictated by the government of the Russian Federation and determined by the results of international studies. To understand the essence of the term “functional literacy”, the article presents the most well-known concepts of “functional literacy”. The authors identified the reasons for the low level of functional literacy of students of educational organizations. To change the situation in school education, the article reveals the reasons for the low level of formation of functional literacy of students and clearly identifies the ways and directions of solving this problem. The article presents and describes the structural components of developing pedagogical technologies that contribute to the formation of functional literacy. The effective pedagogical practices used in the educational process are identified, which allow not only to form, but also to develop the functional literacy of students.

Keywords: functional literacy, formation of functional literacy, development of functional literacy, pedagogical practices, pedagogical technologies, educational space

*Мурзина Е.В., кандидат социологических наук, доцент,
Тюменский индустриальный университет*

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ УНИВЕРСИТЕТА

Аннотация: в статье представлены результаты анализа некоторых методических аспектов в области исследования корпоративной культуры российских высших учебных заведений. Обозначена важная роль корпоративной культуры современного университета как фундамента многих процессов: формирование благоприятного психологического климата, взаимодействие университета со стейкхолдерами, трансляция социокультурных ценностей студенческому сообществу, укрепление приверженности педагогического сообщества, развитие внутреннего и внешнего имиджа. Проанализированы основные американский и западноевропейские типологии и классификации корпоративных культур, выявлена возможность их применения в российской практике с учетом специфики становления и развития корпоративной культуры отечественных университетов.

Автор акцентирует внимание на практических аспектах применения типологий российскими исследователями, на вопросах разработки новых типологий, на взаимосвязи поставленных задач в рамках исследования корпоративной культуры и выбранного метода. Предпринимается попытка выявить преимущества использования качественных и количественных методов исследования, обозначить основные трудности в процессе использования рассмотренных методик.

Ключевые слова: культура, корпоративная культура, типологии корпоративных культур, диагностика культуры, модель корпоративной культуры

Перманентно меняющаяся внешняя среда, а также социальные, экономические, культурные и другие процессы, протекающие в ней, ставят перед системой образования актуальные вопросы, требующие системного подхода в их решении. Один из таких вопросов-вызовов заключается в поиске путей для поддержания конкурентоспособности в высоко конкурентной образовательной среде. В данном контексте, корпоративная культура высшего учебного заведения рассматривается как фактор, детерминирующий его конкурентоспособность, влияющий на успешность функционирования университета.

Само понятие культуры является фундаментальным, базовым понятием социологии, содержит в себе полифункциональные характеристики, важно отметить, что формирование общей культуры личности члена как педагогического, так и студенческого сообщества, возможно только в случае непосредственного нахождения данного члена в рамках образовательной среды, поскольку непосредственное взаимодействие с процессами, происходящими внутри нее будут способствовать передаче социокультурных ценностей и ценностного восприятия окружающего [2]. Исследования в области культуры организаций получили свое развитие в 70-80-х годах двадцатого столетия, внимание ученых было сконцентрировано на таких аспектах корпоративной культуры, как психологический климат в коллективе, эффективность применяемого в компании стиля управления, господствующих социальных норм. Известные исследователи корпоративной культуры К.С. Камерон, Р.Э. Ку-

инн, Ч. Хэнди, Р. Харрисон, Г. Хофстеде, Ф. Тромпенаарс, Э. Холла в своих работах четко прослеживали взаимосвязь культуры компании и личности руководителя, господствующим ценностям и средствам их трансляции, методами развития корпоративной культуры, применяемым системам мотивации трудовой деятельности, а также между культурой компании и ее стратегическими целями, миссией, задачами.

Исследования, целью которых выступает выявления роли корпоративной культуры в развитии и поддержании конкурентоспособности современного университета, показывают, что корпоративная культура, в случае ее перманентного развития, изучения и корректировки, может выступать фундаментом в процессах взаимодействия педагогического сообщества со студенческим, в установлении эффективного диалога между университетом и стейкхолдерами, в формировании благоприятного психологического климата [3].

Различные аспекты исследования в области корпоративной культуры высшего учебного заведения требуют не только теоретического осмысления, но и методологического обоснования. В рамках проводимых в настоящее время исследований, авторы уделяют внимание выявлению закономерностей развития культуры университета, преобладающего стиля управления университетом, господствующих в студенческом и профессорско-преподавательском сообществах ценностных ориентиров, механизмов передачи ценностей, выявлению существующих в образовательной среде субкультур и их влиянию на основную куль-

туры и др. Методологическую основу для проведения выше обозначенных эмпирических изысканий составляют так называемые типологизации культур, с помощью которых представляется возможным решение задач в области организационных конфликтов, неэффективной трансляции корпоративных ценностей университета, ошибок во взаимодействии со стейкхолдерами, ошибок в функционировании корпоративной информационной системы и пр.

Следует отметить, что специалисты в области корпоративной культуры, как показывает отечественная практика, отдают предпочтение американским подходам к типологизации, что, в-первую очередь, связано с трудностями перевода качественных параметров, отражающих суть корпоративной культуры, в количественные показатели, во-вторых, продуцирование собственной классификации корпоративной культуры, отражающей специфику российских высших учебных заведений, требует разработки дифференцированной измерительной шкалы. Измерительные процедуры предполагают выявление и отнесения культуры университета к определенному типу, что весьма затруднительно без релевантной первичной информации, которая бы включала данные об основных составляющих исследуемой корпоративной культуре. Процесс сбора первичной информации часто затруднен вследствие наложения определенных запретов нормативного или коммерческого характера.

Проводимые на основе западноевропейских или американских типологий исследования, часто можно отнести к разряду неактуальных по причине неадаптированности используемых типологий к особенностям российских университетов и в целом к специфике становления и развития корпоративной культуры российских предприятий. Для российской действительности характерен недостаток прикладных исследований корпоративной культуры высших учебных заведений, особенно это касается ценностно-ориентированным аспектам культуры. Ценности, господствующие в образовательной среде и составляющие ядро корпоративной культуры, нуждаются в их эффективной передаче, транслятором социокультурных ценностей студенческому сообществу выступает педагогическое сообщество, члены которого отмечают главенствующую роль ценностей в формировании общей культуры личности будущего выпускника университета [4]. Американские типологии корпоративных культур не учитывают ментальность и процессы становления ценностных ориентиров, их развитие и динамику в разрезе российской действительности, что делает методику исследования,

построенную на их базе, не отражающей реальные результаты.

В статье автор пытается осмыслить предпочтительность применения той или иной типологии во взаимосвязи с поставленными в процессе исследования корпоративной культуры университета задачами.

Одна из самых распространенных методологий, используемая для проведения исследований в российских компаниях, это методология К.С. Камерона и Р.Э. Куинна, целесообразность ее применения для исследований корпоративной культуры университетов ограничивается процессами формирования культуры высшего учебного заведения и выявления текущего состояния корпоративной культуры. К.С. Камерон, Р.Э. Куинн обозначили четыре основных типа культуры компании: иерархическая, рыночная, клановая, адхократическая. Данная типология призвана акцентировать внимание руководящего состава предприятия на возможных изменениях корпоративной культуры с целью возможных положительных изменений как внутреннего, так и внешнего окружения организации [1].

Клановая культура характерна для высших учебных заведений семейного типа, в которых существует преданность общим целям и задачам, а господствующие ценности воспринимаются как основополагающие всеми сотрудниками. В таких организациях создается комфортный психологический климат, способствующий личностным достижениям, приветствуется командная работа и развит командный дух. Роль руководителя заключается в сплочении членов коллектива, эффективному делегированию полномочий.

Высшие учебные заведения с рыночной культурой ориентируются на приобретении конкурентных преимуществ и лидерства в образовательной среде, высокую продуктивность, своевременном удовлетворении возникающих потребительских предпочтений. Университеты с обозначенной культурой ориентированы на результат, финансовую стабильность, использование новых образовательных технологий и инноваций.

Высшие учебные заведения с иерархической (бюрократической) культурой ориентируются в своей деятельности на правила, нормы и официальную политику в сфере образования, протекающие процессы носят формализованный характер, стратегические цели концентрируются на обретении стабильности. Руководитель обладает четкими навыками в координации и организации всех процессов на уровне университета.

Адхократические высшие учебные заведения способны быстро реагировать на меняющиеся условия, способны принимать решения в условиях

неопределенности и активно применяют нестандартные подходы к решению типовых задач, перманентно совершенствуют представляемые участникам образовательного процесса услуги.

Методология К.С. Камерона и Р.Э. Куинна проста в применении, инструментарий содержит анкету, позволяющую в короткие сроки продиагностировать несколько коллективов одновременно, построить профиль корпоративной культуры на текущий момент, а также проводить перманентные исследования с целью отслеживания характера динамики культуры университета.

Результаты исследования с помощью данной методики часто указывают на отсутствие доминирующего типа культуры, либо о наличии сразу нескольких активных типов, что может быть обусловлено определенной стадией развития высшего учебного заведения, либо свидетельствует о силе и слабости данной культуры. Российские исследователи, применяющие данную типологию, свидетельствуют о том, что итоги дают следующее понимание ситуации: на части российских предприятий отсутствует доминирующий тип культуры, либо культуры представлены в профиле одинаково, что говорит о размытом характере и слабой корпоративной культуре в целом [5].

Классификации Г. Хофстеде, Ф. Тромпенаарса, Э. Холла активно применяются в российской действительности для выявления национальных особенностей корпоративной культуры. Хофстеде акцентировал внимание на нескольких показателях, которые отражают сущностное наполнение культуры организации, таким образом, выделил типы культур: закрытый и открытый; профессиональный и цеховой; нормативный и прагматичный.

Основой рассматриваемого подхода к корпоративной культуре выступило заключение Хофстеде о том, что культура находит свое проявление в ритуалах, характерных для членов организации, в корпоративной символике, культовых личностях, ценностные же доминанты могут выступать элементом, характеризующим дифференциальные взгляды членов коллектива. Культурные проявления будут различаться в рамках различных профессиональных предпочтений, гендерных особенностях, в зависимости от принадлежности к социальной группе, а также нации [9].

На сегодняшний день национальный, гендерный, профессиональный состав участников образовательного процесса не однороден, что обуславливает актуальность использования данной классификации применительно к российским университетам, позволяет исследовать корпоративную культуру на более глубинном уровне – ценностном.

Организационные изменения, касающиеся российских высших учебных заведений, безусловно, сказываются и на их корпоративной культуре, направление организационных изменений помогает отследить типология Т.Дж. Питерса и Р.Х. Уотермана, чьи представления о сильной культуре базируются на убеждении, что «сила культуры и степень ее ориентации на текущие рыночные условия позволяют снизить вероятность возникновения необходимости в излишней формализации действий и применении строгих нормативов» [6]. Следовательно, формирование и развитие сильной культуры – приоритет для российских университетов.

Современные университеты акцентируют свое внимание на выборе оптимального, исходя из сложившихся условий, типа культуры, существующие методики и классификации не отвечают предъявляемым требованиям, именно поэтому в последние десятилетия появляются все новые типологии, разработанные российскими авторами и учитывающие специфику становления отечественных вузов. Безусловно, наличие таких затрудняющих процессы исследования, моментов, как недостаточный эмпирический материал, не выявленные национальные особенности корпоративных культур, отсутствие актуального инструментария, отсутствие доступа к результатам ранее проведенных исследований у широкой аудитории, недостаток информации о корпоративной культуре российских университетов, приводят к росту расходов на разработку новых типологий.

Методологической основой для разработки типологий отечественными исследователями используется подход Э. Шейна, в ходе многочисленных эмпирических изысканий, автор пришел к выводу о существовании нескольких уровней (как видимых, осязаемых, так и не видимых) корпоративной культуры, это: артефакты, провозглашаемые организацией ценности и базовые представления, господствующие внутри организации. Артефакты представлены в виде церемоний и ритуалов, дресс-кода, дизайна интерьера и экстерьера помещений организации, стиля и манеры общения между членами коллектива и пр.

Провозглашаемые в организации ценности фиксируются в сознании членов коллектива, выступают ядром организационной культуры, как правило, не подлежат корректировке и не подвергаются сомнению со стороны их носителей. Находят свое отражение в миссии организации, целях и стратегии развития.

Базовые представления формируются у членов коллектива в течение всей жизни, не носят неизменного характера, касаются фундаментальных аспектов существования человечества [8].

Рассматриваемый подход применяется исследователями университетской культуры с целью выявления детерминант формирования ценностных ориентиров, моделей поведения членов педагогического сообщества, уровня приверженности студенческого сообщества декларируемым ценностям и правилам поведения. Данная методика позволяет также определить содержание всех трех предложенных Шейном уровней корпоративной культуры и на основании этого внести возможные коррективы в сложившуюся культуру, нивелировать те элементы, которые препятствуют ее эффективному развитию.

В российской практике получила свое признание и развитие модель Д. Денисона, позволяющая исследователю оценить влияние господствующей в организации культуры на эффективность ее функционирования. Модель базируется на нескольких параметрах (составляющих), включающих в себя дополнительные параметры (элементы), например, миссия – стратегический фокус, цели и задачи, видение. Актуальность применения данной модели обусловлена мнением самого автора об адекватности ее применительно российского контекста особенностей развития корпоративной культуры отечественных компаний.

Практика показывает, что наиболее эффективными методами для исследования корпоративной культуры высших учебных заведений Российской Федерации можно назвать – качественные. Их очевидное преимущество заключается в возмож-

ности определить причинно-следственные связи в границах корпоративной культуры, определить ценностные ориентации и степень их возможной деформации, степень приверженности установленным правилам, нормам университетского сообщества, диагностировать наличие субкультур, уровень их влияния на общую культуру.

Говоря о качественных методах, важно отметить, что их преимущество заключается в возможности проведения корпоративной культуры на более глубинном уровне, затрагивающем ценностные ориентации, стимулы и мотивы профессиональной деятельности, особенности восприятия собственной организации, влияние психологического климата на систему ценностей индивида, соответствие целей организации жизненным приоритетам сотрудников.

Поводя итоги, следует отметить, что исследование корпоративной культуры университета, выбор методологии, типологии и инструментария детерминирован уровнем подготовки исследователя, владение теоретической базой в области корпоративной культуры, наличием времени и скорости обработки данных, количества респондентов, целями и задачами исследования, наличием доступа к первичной и вторичной информации, готовности высшего руководства к сотрудничеству по вопросам проведения исследования, знакомством исследователя с преимуществами и недостатками той или иной типологии и трудностей ее применения.

Литература

1. Камерон К.С., Куинн Р.Э. Диагностика и изменение организационной культуры. СПб.: Питер, 2001. 320 с.
2. Легостаева И.В. Генезис лексемы "культура": ретроспективно-педагогический аспект // Современный ученый. 2019. № 1. С. 106 – 110.
3. Легостаева И.В. Корпоративная культура современного университета: социологический анализ // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2019. № 2 (59). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korporativnaya-kultura-sovremennogo-universiteta-sotsiologicheskii-analiz> (дата обращения: 05.07.2021)
4. Легостаева И.В. Корпоративная культура университета в контексте профессорско-преподавательской оценки ее элементов и направлений развития // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2018. № 4. С. 101 – 110.
5. Макаренченко М.А. Исследование организационной культуры Санкт-Петербургских предприятий // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 8: Менеджмент. 2004. Вып. 3 (24). С. 53 – 77.
6. Питерс Т.Дж., Уотерман-мл. Р.Х. В поисках совершенства. Уроки самых успешных компаний. М.; СПб.; Киев: Вильямс, 2005. 558 с.
7. Фей К., Денисон Д. Организационная культура и эффективность: российский контекст // Вопросы экономики. 2005. № 4. С. 58 – 74.
8. Шейн Э. Организационная культура и лидерство. СПб.: Питер, 2002. 336 с.
9. Exploring Culture: Exercises, Stories and Synthetic Cultures. Gert Jan Hofstede, Paul Pedersen & Geert Hofstede URL: <http://www.geerthofstede.nl> (дата обращения: 02.07.2021)

References

1. Kameron K.S., Kuinn R.E. Diagnostika i izmenenie organizacionnoj kul'tury. SPb.: Piter, 2001. 320 s.
2. Legostaeva I.V. Genezis leksemy "kul'tura": retrospektivno-pedagogicheskij aspekt. *Sovremennyy uchenyj*. 2019. № 1. S. 106 – 110.
3. Legostaeva I.V. Korporativnaya kul'tura sovremennogo universiteta: sociologicheskij analiz. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2019. № 2 (59). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korporativnaya-kultura-sovremennogo-universiteta-sotsiologicheskij-analiz> (data obrashcheniya: 05.07.2021)
4. Legostaeva I.V. Korporativnaya kul'tura universiteta v kontekste professorsko-prepodavatel'skoj ocenki ee elementov i napravlenij razvitiya. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavede-nij. Sociologiya. Ekonomika. Politika*. 2018. № 4. S. 101 – 110.
5. Makarchenko M.A. Issledovanie organizacionnoj kul'tury Sankt-Peterburgskih predpriyatij. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 8: Menedzhment*. 2004. Vyp. 3 (24). S. 53 – 77.
6. Pitera T.Dzh., Uoterman-ml. R.H. V poiskah sovershenstva. *Uroki samyh uspešnyh kompanij*. M.; SPb.; Kiev: Vil'yams, 2005. 558 s.
7. Fej K., Denison D Organizacionnaya kul'tura i effektivnost': rossijskij kontekst. *Voprosy ekonomiki*. 2005. № 4. S. 58 – 74.
8. SHEjn E. Organizacionnaya kul'tura i liderstvo. SPb.: Piter, 2002. 336 c.
9. Exploring Culture: Exercises, Stories and Synthetic Cultures. Gert Jan Hofstede, Paul Pedersen & Geert Hofstede URL: <http://www.geerthofstede.nl> (data obrashcheniya: 02.07.2021)

*Murzina E.V., Candidate of Sociological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Industrial University of Tyumen*

METHODOLOGICAL ASPECTS OF THE UNIVERSITY CORPORATE CULTURE RESEARCH

Abstract: the article presents the results of the analysis of some methodological aspects in the field of research of the corporate culture of Russian higher educational institutions. The important role of the corporate culture of a modern university as the foundation of many processes is outlined: the formation of a favorable psychological climate, the interaction of the university with stakeholders, the transmission of socio-cultural values to the student community, strengthening the commitment of the teaching community, the development of internal and external image. The main American and Western European typologies and classifications of corporate cultures are analyzed, the possibility of their application in Russian practice is revealed, taking into account the specifics of the formation and development of the corporate culture of domestic universities.

The author focuses on the practical aspects of the application of typologies by Russian researchers, on the development of new typologies, on the relationship between the tasks set in the study of corporate culture and the chosen method. An attempt is made to identify the advantages of using qualitative and quantitative research methods, to identify the main difficulties in the process of using the considered methods.

Keywords: culture, corporate culture, typologies of corporate cultures, diagnostics of culture, model of corporate culture

*Котловской С.А., директор, тренер,
Спортивный клуб Союз CrossFit, CrossFit Level 1, г. Москва*

ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ НА ОСНОВЕ CROSSFIT С УЧЕТОМ ОПЫТА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Аннотация: в настоящее время существует много форм и методов подготовки спецслужб. У каждой службы, отвечающей за безопасность существует своя специальная физическая подготовка. Однако, для всех без исключения, важной составляющей остается общая физическая подготовка любого сотрудника. В результате чего актуализируется проблема внедрения новых форм и методов физкультурной составляющей для совершенствования подготовки сотрудников спецслужб к любым заданиям при выполнении работы.

Важной составляющей при внедрении чего-то нового изучение имеющегося опыта в других странах. В начале статьи рассматриваются основные принципы организации физической подготовки военнослужащих армии США с применением системы CrossFit. CrossFit – это функциональный высокоинтенсивный тренинг, который позволяет достаточно быстро и в минимально короткое тренировочное время получить высокие результаты в физической подготовке военнослужащих.

В процессе исследования автором успешно доказана эффективность функциональной подготовки на основе применения упражнений CrossFit, путем обобщения и систематизации упражнений разработаны правила масштабирования и примерные комплексы упражнений для улучшения физического состояния личного состава.

Изложенная в статье авторская методика, которая, как свидетельствует ее апробация, является быстрым способом повышения функциональной подготовки.

Автор статьи показывает результативность от тренировок, когда военнослужащие приняли участие в международном турнире среди военнослужащих специальных войск «Триатлон специального назначения», в котором участвовали лучшие команды. И по итогу вышли в финал и заняли призовое место.

Применяемая методика автором может быть масштабирована на спецслужбы, отвечающие за безопасность, так как анализ физических возможностей подготовленных атлетов CrossFit показывает, что уровень универсальной подготовки военнослужащих, можно повысить основываясь на методологической базе кроссфита.

Ключевые слова: физическая подготовка, военнослужащие, тест, упражнения

Профессия военного считается одной из самых трудных, постоянно требующей высокой физической готовности личного состава к выполнению поставленных повседневных и боевых задач. В следствии этого, большое значение отводится вопросам применения новых тренировочных технологий, получивших широкое мировое признание.

Цель представленной работы заключается в поиске оптимальных решений в вопросе физической подготовки военнослужащих, анализа точек зрения военных экспертов на основе применения упражнений CrossFit.

Одним из средств поддержания высокой работоспособности военнослужащих является физическая подготовка, которая организуется и проводится в соответствии с Наставлением по физической подготовке (далее НФП) в ВС РФ, Приказов и Директив Министра обороны РФ, распоряжений и указаний начальника Управления физической подготовки и спорта ВС РФ.

Согласно материалам темы НИР «Молодое пополнение», от 54 до 70% военнослужащих по призыву, прибывших в воинскую часть на ее попол-

нение, получают оценку «неудовлетворительно», по результатам сдачи физической подготовки [1].

В настоящее время физическая подготовка военнослужащих ВС РФ планируется и осуществляется в следующем формате: учебные занятия – 5 часов в неделю; утренняя физическая зарядка – 6 часов в неделю; физическая тренировка в процессе учебно-боевой деятельности; спортивно-массовая работа – 5 часов в неделю и самостоятельная физическая тренировка [2].

Анализ литературных источников, научно-исследовательских работ и интернет ресурсов показывает, что действующее НФП-2009 не позволяет внедрить в практику физической подготовки личного состава упражнения и комплексы, способствующие повышению функциональной подготовки военнослужащего. Это проявляется в таком аспекте как отсутствие специальной направленности по модернизации процессов преподавания и применения новых методик, способствующих формированию высокого уровня функциональной и специальной подготовки военнослужащих.

Отличительной чертой физической подготовки военнослужащих в армии США на современном

этапе является отсутствие шаблонов в планировании программ подготовки. Можно выделить основные руководящие документы по организации физической подготовки в армии США, а именно, полевой устав FM 21-20 принятый в 1998 году «Physical fitness training» и полевой устав FM 7-22 принятый в 2012 году «Army Physical Readiness Training».

Указанные полевые уставы определяют порядок и руководство физической подготовкой в армии США, описывают программы физической и специальной подготовки их планирование и реализацию. В уставах хорошо и подробно дана классификация упражнений необходимых военнослужащим для повышения физических качеств, определены основные принципы проверки уровня физической готовности личного состава.

Функциональная подготовка на основе CrossFit представляет собой систему с постоянно меняющимися функциональными упражнениями высокой интенсивности.

CrossFit оказал большое влияние на развитие американской армейской программы тренировок по физической подготовке военнослужащих.

Капитан Мэтт Макки в 2010 году предложил углубленную, всестороннюю оценку руководства по физической подготовке армии США на основе физических упражнений CrossFit. Сравнивая полевое руководство по армейской физической подготовке FM 21-20 и CrossFit он пришел к выводу, что данные программы очень похожи по теоретической основе, но заметно отличаются на практике из-за плохого программирования в армейской среде. Капитан разработал программные комплексы на основе упражнений CrossFit и применил их для физической подготовки личного состава. Это привело к положительным результатам [3].

Командование армии США обратило внимание на функциональную подготовку атлетов, занимающихся и в ноябре 2018 года, в армии США была создана команда «Warrior Fitness Team» [4].

Армия США в настоящее время требует от военнослужащих регулярного прохождения профпригодности. Для этого разработан и внедрен с октября 2020 года новый тест ACFT (Army Combat Fitness Test – армейский тест боевой готовности) который сменил существовавший тест APFT (Army Physical Fitness Test – армейский тест физической подготовки). Армейский ACFT тест представляет собой новый протокол фитнес-тестирования, более точно адаптированный под физические действия, выполняемые военнослужащими на поле боя. Новый тест обязателен для всех военнослужащих не зависимо от пола и возраста он включает 6 тестов [5]:

1. Бег на 2 мили (3,22 км). Показывает аэробную выносливость военнослужащего необходимую для выполнения сложных физических задач в бою.

2. 250-метровый спринт: солдат начинает в положении лежа, встает и бежит на 25 метров до дальней линии, возвращается к стартовой линии, тянет сани назад к дальней линии, возвращается вместе с санями к стартовой линии, захватывает две 30-фунтовые гири и бежит на 25 метров к дальней линии, возвращается с гирями к линии старта, бросает гири на линию старта, поворачивается и бежит на 25 метров к дальней линии, возвращается к линии старта. Показывает способность военнослужащего выполнять интенсивные задачи во время боя, например, перенос раненых или боеприпасов.

3. Становая тяга с максимальным весом. Показывает способность военнослужащего поднимать тяжелые предметы в том числе переносить раненых и тяжелое снаряжение.

4. Поднятие ног к локтям в висе на перекладине, повторяется до предела. Показывает силу военнослужащего в руках, плечах и туловище необходимые при преодолении препятствий.

5. Силовой бросок: солдат бросает 10-фунтовый набивной мяч назад над головой на максимальное расстояние. Показывает способность военнослужащего использовать взрывную силу для преодоления препятствий, броска снаряжения и т.п.

6. Отжимание в упоре лежа с касанием грудью пола. Проверяет силу и выносливость верхних конечностей тела, способность военнослужащего отталкивать от себя людей, предметов или быстрое вставание с земли.

Сравнительный анализ эффективности традиционных подходов и новых технологий CrossFit в процессе физической подготовки военнослужащих ВС РФ показал, что вопросы использования указанной технологии на практике остаются невостребованными. Указанные обстоятельства определяют проблемную ситуацию, заключающуюся в том, что формальный подход к организации и проведению физической подготовки в войсках не способствует повышению уровня физической готовности военнослужащих.

В результате изучения влияния CrossFit на функциональную подготовку военнослужащих было установлено, что включение в тренировку комплексов упражнений CrossFit приводит к существенным изменениям роста их функциональной подготовленности.

Нами экспериментально доказана эффективность функциональной подготовки на основе применения упражнений CrossFit, путем обобщения и

систематизации упражнений разработаны правила масштабирования и примерные комплексы упражнений для улучшения физического состояния личного состава.

Так в течение 3 месяцев под нашим руководством проводилась подготовка военнослужащих специальных войск «В» в результате подготовки были достигнуты следующие результаты:

- повысилась общая выносливость на 15-20% (т.е. увеличилось время нахождения под нагрузкой)

- возросли силовые показатели
- улучшилась техника
- развились новые навыки
- улучшились скоростные качества

После подготовки данные военнослужащие приняли участие в международном турнире среди военнослужащих специальных войск «Триатлон специального назначения», в котором участвовали лучшие команды. И по итогу вышли в финал и заняли призовое место, что характеризует данную методику как быстрый способ повышения функциональной подготовки.

Статистический анализ пятилетних наблюдений за тренировками гражданских лиц разных возрастов и с разной физической подготовкой показал, что применение комплексов CrossFit вызывает не только рост интереса к тренировке, но и

существенное улучшение функциональной подготовки занимающихся. Многие гражданские лица придя в зал не могли подтягиваться, работать со свободными весами, за короткий промежуток времени быстро уставали. Спустя 1-2 года систематических тренировок они уже уверенно делают комплексы средней и высокой сложности, уверенно работают со свободными весами, их силовые показатели возросли в 2-3 раза, а техника стала близка к идеалу. Также многие из них настолько втянулись в тренировочный процесс, что сейчас выступают на Российском и международном уровне, хотя когда впервые пришли на тренировку, даже не мечтали об этом.

Заключение

Для поддержания высокого уровня физической подготовки военнослужащих ВС РФ на наш взгляд необходимо внести ряд существенных изменений в НФП-2009. Главу 3 НФП выделить в отдельное наставление где подробно описать упражнения и комплексы CrossFit, а также порядок программирования тренировочного процесса. Анализ физических возможностей подготовленных атлетов CrossFit показывает, что уровень универсальной подготовки военнослужащих, можно повысить основываясь на методологической базе Кроссфита.

Литература

1. Бенидзе А.А. Содержание и методика подготовки обучающихся 16-17 лет по физической культуре с учетом требований комплекса «готов к труду и обороне: дис. ... на соиск. учен. степ. канд. педаг. наук. С. 5.
2. Приказ Министра обороны Российской Федерации от 31 июля 2013 г. № 560 «О внесении изменений в Наставление по физической подготовке в Вооруженных Силах Российской Федерации», утвержденное приказом Министра обороны Российской Федерации от 21 апреля 2009 г. № 200».
3. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://journal.crossfit.com/2010/06/crossfit-and-fm-21-20.tpl> (дата обращения: 03.06.2021).
4. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cross.expert/novosti/armiya-ssha-sozdala-krossfit-komandu-warrior-fitness-team.html> (дата обращения: 03.06.2021).
5. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.topendsports.com/testing/work/army/usa.htm> (дата обращения: 03.06.2021)

References

1. Benidze A.A. Soderzhanie i metodika podgotovki obuchayushchihsya 16-17 let po fizicheskoj kul'ture s uchetom trebovanij kompleksa «gotov k trudu i oborone: dis. ... na soisk. uchen. step. kand. pedagog. nauk. S. 5.
2. Prikaz Ministra oborony Rossijskoj Federacii ot 31 iyulya 2013 g. № 560 «O vnesenie izmenenij v Nastavlenie po fizicheskoj podgotovke v Vooruzhennyh Silah Rossijskoj Federacii», utverzhdennoe prikazom Ministra oborony Rossijskoj Federacii ot 21 aprelya 2009 g. № 200».
3. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://journal.crossfit.com/2010/06/crossfit-and-fm-21-20.tpl> (data obrashcheniya: 03.06.2021).
4. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://cross.expert/novosti/armiya-ssha-sozdala-krossfit-komandu-warrior-fitness-team.html> (data obrashcheniya: 03.06.2021).
5. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.topendsports.com/testing/work/army/usa.htm> (data obrashcheniya: 03.06.2021)

*Kotlovskoy S.A., Director, Coach,
Sports club CrossFit Union, CrossFit Level 1, Moscow*

**WAYS TO IMPROVE THE PHYSICAL TRAINING OF MILITARY PERSONNEL
BASED ON CROSSFIT, TAKING INTO ACCOUNT THE EXPERIENCE
OF FOREIGN COUNTRIES**

Abstract: currently, there are many forms and methods of training special services. Each service responsible for security has its own special physical training. However, for everyone, without exception, the general physical training of any employee remains an important component. As a result, the problem of introducing new forms and methods of the physical education component to improve the training of special services employees for any tasks when performing work is being updated.

An important component when introducing something new is the study of existing experience in other countries. At the beginning of the article, the basic principles of organizing physical training of US Army servicemen using the CrossFit system are considered. CrossFit is a functional high-intensity training that allows you to get high results in the physical training of military personnel quickly enough and in the shortest training time.

In the course of the research, the author successfully proved the effectiveness of functional training based on the use of CrossFit exercises, by generalizing and systematizing exercises, scaling rules and approximate sets of exercises for improving the physical condition of personnel were developed.

The author's method described in the article, which, as evidenced by its approbation, is a quick way to improve functional training.

The author of the article shows the effectiveness of training when military personnel took part in the international tournament among special forces soldiers "Special Purpose Triathlon", in which the best teams participated. And as a result, they reached the final and took the prize.

The method used by the author can be scaled to the special services responsible for security, as the analysis of the physical capabilities of trained CrossFit athletes shows that the level of universal training of military personnel can be increased based on the methodological basis of crossfit.

Keywords: physical training, military personnel, test, exercises

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

*Васильева Н.М., кандидат филологических наук,
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных
народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук*

НАРУШЕНИЕ ОРФОГРАФИЧЕСКИХ НОРМ ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АККАУНТА NVKSAKHA СЕТИ INSTAGRAM)

Аннотация: в статье представлен анализ нарушений орфографических норм якутского языка в интернет-коммуникации на материале официального аккаунта *nvksakha* национальной вещательной компании «Саха» (далее – НВК Саха) в сети Instagram. Представлены результаты системного описания нарушений их орфографирования и рассмотрены в связи с проблемами орфографической кодификации заимствованных из русского языка слов. Автором выделены типичные нарушения правил якутской орфографии, а также отмечены новые случаи заимствования из русского языка (в том числе двухкомпонентных слов), обусловленные современным развитием информационно-коммуникационных технологий и особенностями современной ситуации (пандемией COVID-19). В статье даются рекомендации по правописанию новых слов и устранению случаев несоблюдения орфографических норм.

Ключевые слова: якутский язык, Instagram, орфография, орфографические нормы, правила орфографии, заимствованные слова

Данная статья является продолжением цикла исследований материалов СМИ на предмет соблюдения орфографических норм якутского языка [см., напр., 22, 3, 4, 5]. Мониторинг якутоязычных республиканских газет и журналов осуществляется для внедрения единого орфографического режима в Республике Саха (Якутия), выявления тенденций развития языка и социальных основ возможной кодификации новых норм. Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в современной языковой ситуации наиболее уязвимой областью, где чаще всего встречается несоблюдение орфографических норм якутского языка является интернет-коммуникация.

Интернет-коммуникации, стремительно вошедшие в современный социум, по своему характеру и функциям оказываются идентичными традиционным средствам массовой коммуникации, становятся не просто источником и средством распространения информации, но и “источником нормативных образцов, определений и средств конструирования социальной реальности, организации жизненного пространства и стиля жизни человека” [10]. В этой связи возникает необходимость постоянного наблюдения, отслеживания и анализа материалов сети Интернет как языкового феномена.

Целью исследования является анализ нарушений орфографических норм якутского языка в языке интернет-коммуникации.

Для решения указанной цели решаются следующие задачи: 1) выявление и описание нарушений

орфографических правил якутского языка; 2) анализ правописания заимствованных из русского языка слов; 3) обоснование правописания неологизмов.

При выполнении поставленных задач используются метод собственно лингвистического описания и анализа, метод сплошной выборки.

Научная новизна исследования видится в том, что в нем впервые проводится анализ соблюдения орфографических норм и правил якутского языка в материалах сети Интернет.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы в разработке проблем языка СМИ. Материалом для исследования послужили около 2000 новостных сообщений за 2020-2021 гг. официального аккаунта НВК “Саха” в сети Instagram.

Лингвистической основой для анализа письменной речи интернет-коммуникации послужили нормативный источник “Орфографический словарь якутского языка” (далее – ОСЯЯ; словарь) [6] и правила якутской орфографии [7]. Выбор официального аккаунта НВК “Саха” в Instagram обусловлен устойчивым высоким интересом к нему пользователей независимо от возраста, пола и социального статуса, а, следовательно, его сохраняющейся способностью влиять на формирование позиции человека, в том числе языковой личности.

В ходе анализа допущенных нарушений орфографических норм в исследуемом аккаунте выявлено, что:

1) количество нарушений при правописании исконно якутских слов незначительно и касается в основном долгих гласных, удвоенных и непроизносимых согласных. Например: *таһырдьаангы* (по правилу № 37: *таһырдьаангы*), *ангар* (ОСЯЯ: *ангаар*), *бултка* (ОСЯЯ: *булка*), *салгыы* (ОСЯЯ: *салгыы*), *төхтөрүй* (ОСЯЯ: *төхтүрүй*), *тугу эмит* (ОСЯЯ: *тугу эмэ*), *эмкэ* (ОСЯЯ: *эмкэ*), *суруттар* (ОСЯЯ: *суруйтар*) и т.д.

2) наибольшее количество нарушений орфографических правил допущено в отношении заимствованных из русского языка слов и их словоформ.

Следует отметить, что для современной якутской орфографии проблема правописания заимствованных из русского языка слов до сих пор достаточно надежно не решена. Эти трудности, по мнению исследователей, в основном обусловлены характером освоения заимствованных слов в самом языке, их соотношением и местом в словарном составе якутского языка [9, с. 40].

ОСЯЯ отражает новую тенденцию в орфографировании заимствованных слов и несколько увеличивает количество нормативных фонетизированных вариантов. Со времен проникновения русских слов в якутский язык, всегда идет тенденция к фонетизации (якутизации) заимствованных слов. Это объясняется различием звуковых систем русского и якутского языков, а также стихийной фонетизацией заимствованных слов в дореволюционное время, когда в якутском языке было заимствовано устным путем свыше трех тысяч слов и это обстоятельство создало устойчивую традицию [8, с. 5].

В новом своде правил якутской орфографии правописание заимствованных слов основывается на 13 правилах. В материалах анализируемых сообщений встречаются различные нарушения данных правил. Анализ нарушений проводился по следующим критериям:

- 1) нарушения при правописании основ слов;
- 2) нарушения при правописании аффиксированных форм.

Отмечаются следующие типичные нарушения:

1. Правописание основ слов. При правописании заимствованных слов отмечается нарушение правила №43, в котором говорится: “Давно заимствованные русские слова, фонетически и грамматически полностью освоенные заимствующим языком и получившие широкую употребительность в разговорной речи народа, пишутся в фонетизированной форме, например: *остуол*, *куорат*, *дьыала*, *бирикээс*, *оскуола*, *сокуон*, *дьааһыла*, *ачыкы*, а также слова типа *автобус* – *оптуобус*, *журналист* – *суруналыыс*, *конкурс* – *куонкурус*, *рынок* – *ырыынак*, *студент* –

устудьуон, *тема* – *тиэмэ*» [7, с. 11-12]. Основы фонетизированных заимствованных слов должны орфографироваться согласно данному правилу и словарю.

В сообщениях НВК “Саха” заимствованные слова как, например, *аабыныстыба* ‘агентство’, *бүддьүөт* ‘бюджет’, *бырамыысыланнас* ‘промышленность’, *бэрэсидьиэн* ‘президент’, *бэстибээл* ‘фестиваль’, *дьыктаан* ‘диктант’, *испиир* ‘спирт’, *исписэлиис* ‘специалист’, *каадыр* ‘кадр’ *каадыр* ‘кадр’, *култуура* ‘культура’, *куонкурус* ‘конкурс’, *министир* ‘министр’, *министиэристикэ* ‘министерство’, *оптуобус* ‘автобус’, *өрөспүүбүлүкэ* ‘республика’, *тиэхиньикэ* ‘техника’, *устудьуон* ‘студент’, *хантараак* ‘контракт’, *хаптытаал* ‘капитал’, *харантыын* ‘карантин’, *ыстаансыя* ‘станция’, *эбийиэк* ‘объект’, *эксээмэн* ‘экзамен’ и др. последовательно правильно пишутся в фонетизированном виде.

Однако допускаются следующие нарушения правил и словаря:

-основы заимствованных слов, включенные в ОСЯЯ в фонетизированном виде, орфографируются в русской форме начертания, например: *аккумулятор* (ОСЯЯ: *өкүмүлээтэр*), *билет* (ОСЯЯ: *билиэт*), *браконьер* (ОСЯЯ: *быраканьыар*), *штаб* (ОСЯЯ: *ыстаап*), *спонсор* (ОСЯЯ: *успуонсар*), *экспедиция* (ОСЯЯ: *эспэдииссийэ*), *степень* (ОСЯЯ: *истиэпэн*), *линия* (ОСЯЯ: *линьийэ*), *дизель* (ОСЯЯ: *дишэл*), *декада* (ОСЯЯ: *дэкээдэ*), *интернет* (ОСЯЯ: *интэриниэт*), *санаторий* (ОСЯЯ: *сонотуоруй*), *грипп* (ОСЯЯ: *кириип*), *монтаж* (ОСЯЯ: *мантаас*), *диктор* (ОСЯЯ: *дииктэр*), *экономика* (ОСЯЯ: *экэниэмикэ*), *политика* (ОСЯЯ: *бэлиитикэ*), *тренер* (ОСЯЯ: *тириэньэр*), *ресторан* (ОСЯЯ: *эрэстэрээн*), *искусство* (ОСЯЯ: *ускуустуба*), *телевизор* (ОСЯЯ: *тэлэбиисэр*), *телевидение* (ОСЯЯ: *тэлэбийидэньэ*), *сертификат* (ОСЯЯ: *сэртипикээт*) и т.д.

- заимствованные слова пишутся в двух вариантах: в русской форме и фонетизированном виде, например: *история/устуоруйа*, *библиотека/бибилэтиэкэ*, *фонд/нуонда*, *бизнес/биисинэс*, *гараж/гараас*, *акция/аахсыя*, *редактор/эрэдээктэр*, *партия/баартыйа*, *сайт/саайт*, *спорт/успуорт*, *ручка/уруучука*, *гараж/гараас*, *тонна/туонна*, *студия/устуудьуйа*, *эфир/этиир*. Таких написаний относительно мало. По словарю регламентировано безвариантное написание заимствованных слов. Хотя в настоящее время ученые считают, что наличие орфографических вариантов является порой неизбежным и необходимым явлением для языка [1].

2. Правописание аффиксированных форм

заимствованных слов:

- нарушение правила №21, где говорится, что именные основы с конечными согласными *л, р, с, т* перед аффиксом *-чыт (-дьыт)* сохраняют указанные конечные согласные. *бэдэрээччиттэр* ‘подрядчики’ (вместо *бэдэрээтчиттэр*);

- нарушение правила №29, согласно которому конечные согласные основы подвергаются регрессивной ассимиляции: *пуунга* (должно быть *пуунна*) (по правилу *-н* переходит в *-н, -м*, например: *аан – аанга – ааммыт; түөн – түөнгэ – түөммүт*); *аппаратка* вместо *аппараакка*, *нокаутка* вместо *нокаукка*, *планиетка* вместо *планиекка*, *прокатка* вместо *прокакка* (согласно правилу *-т* переходит в *-к, -п*, например: *ат – акка – аппыт; хатат – хатакка – хатаппыт, суорат – суораакка – суораппыт*);

- нарушение правила №49: *спортка* (вместо *успурка*), *аэропортка* (вместо *аэропорка*), *экспортка* (вместо *экспорка*), *миллиардтан* (вместо *миллиартан*) (согласно правилу заимствованные слова, оканчивающиеся сочетанием согласных *-рд, -рт*, изменяются по аналогии с якутскими словами с конечными *-рт*, например: *аккорд – аккорду – аккорка, Альберт – Альберды – Альберка*);

- нарушение правила №55: *ступеннэрэ* вместо *ступеннара* – согласно правилу огласовка аффиксов заимствованных слов, обозначаемых в русской форме, производится по следующим правилам: а) если основа заимствованного слова содержит хотя бы один из задних гласных (*а, о, у, ы*) или *я, ю*, то аффикс пишется с гласным *ы* или *а*, например: *универмаг – универмагы – универмагтан, биология – биологияны, юрист – юриһы – юристан*);

- *тестар* (вместо *тестэр*), *сервиска* (вместо *сервискэ*), *клиптарын* (вместо *клиптэрин*), *трикинынан* (вместо *трикининэн*), *гран-принь* (вместо *Гран-прини*), *интернеттаах* (вместо *интэриниэттээх*), *интеллектаах* (вместо *интеллектээх*), *брифиннара* (вместо *брифиннэрэ*), *мас-реслингга* (вместо *мас-реслинггэ*), *телевидениетыгар* (вместо *тэлэвидэннэтигэр*), *кимберлиттаах* (вместо *кимберлиттээх*), *фермердар* (вместо *пиэрмэрдэр*) – согласно правилу, если в основе заимствованного слова все гласные передние (*и, е, э*) или *-тель*, то аффикс пишется с гласным *и, э*, например: *резидент – резидени – резиденгэ, кейс – кейскэ – кейсинэн, преподаватель – преподавательгэ – преподавателинэн*;

3. Неоднозначное написание основы заимствованных прилагательных, при этом некоторые прилагательные подвергаются законам якутской фонетики, например: *бырамысыланнай* ‘промышленный’, *бэлитичэскэй* ‘политический’, *судаарыстыбаннай* ‘государственный’,

уопсастыбаннай ‘общественный’, *хомунаалынай* ‘коммунальный’, *хапытаалынай* ‘капитальный’ и т.д.

4. Нарушения правописания аффиксов прилагательных: *диспетчерскай* (правильно: *диспетчерскэй*), *биологическай* (правильно: *биологическэй*), *юридическай* (правильно: *юридическэй*), *медицинскай* (правильно: *медицинскэй*), *диетическай* (правильно: *диетическэй*), *политехническай* (правильно: *политехническэй*), *греко-римскай* (правильно: *греко-римскэй* или *гректиш-римни*), *техническай* (правильно: *техническэй*), *култуурнай* (правильно: *култуурунай*), *санитарнай-эпидемиологическай* (правильно: *саньытаарынай-эпидемиологическэй*), *логическай* (правильно: *логическэй*), *экологическай* (правильно: *экологическэй*), *личнай* (правильно: *личнэй*). Прилагательные такого типа орфографируются согласно правилу №55.

5. Нарушения в материалах сообщений традиционных форм и неправильное фонетизирование заимствованных слов:

- написания, не соответствующие традиционному написанию заимствованных слов, например, *шайка (дуобат ‘шашки’), международнай (аан дойдутаабы ‘международный’)*;

- неправильное фонетизирование: *аакта* (ОСЯЯ: *аак ‘акт’*), *бырамысыланнас* (ОСЯЯ: *бырамысыланнас ‘промышленность’*), *бэлэсипиэт* (ОСЯЯ: *бэлэсипиэт ‘велосипед’*), *мөллүйүөн* (ОСЯЯ: *мөлүйүөн ‘миллион’*), *биэссэр* (ОСЯЯ: *биэлсэр ‘фельдшер’*), *кэриспэндиэн* (ОСЯЯ: *кэрэспэдьиэн ‘корреспондент’*), *эрэһиим* (ОСЯЯ: *эрэсими ‘режим’*), *кэллэктиип* (ОСЯЯ: *кэлэктиип ‘коллектив’*), *сэкэрэтээр* (ОСЯЯ: *сэкирэтээр ‘секретарь’*), *исписсэлиис* (ОСЯЯ: *исписэлиис ‘специалист’*), *литирэ* (ОСЯЯ: *литэрэ ‘литр’*), *миэтирэ* (СТСТ: *миэтэрэ ‘метр’*), *интэрниэт* (ОСЯЯ: *интэриниэт ‘интернет’*), *дьаарбанка* (ОСЯЯ: *дьаарбанка ‘ярмарка’*), *ырысыап* (ОСЯЯ: *ырысыап ‘рецепт’*), *асфальтаа* (ОСЯЯ: *аспааллаа ‘асфальтировать’*), *саппараапка* (ОСЯЯ: *сапыраапка ‘заправка’*), *уоқрук* (ОСЯЯ: *уокурук ‘округ’*), *обой* (ОСЯЯ: *обуой ‘обой’*), *испиктээкил* (ОСЯЯ: *испэктээк ‘спектакль’*), *колхуос* (ОСЯЯ: *холхуос ‘колхоз’*), *чаай* (ОСЯЯ: *чэй ‘чай’*);

- нарушение правил правописания прописных букв (правило №58): *бүтүн россиятаабы* (правильно: *Бүтүн Россиятаабы (Арассыыйатаабы) ‘Всероссийский’*);

- нарушения при аффиксировании географических названий (правило №55): *Нерюнгригэ* (правильно: *Нерюнгрига*), *Великай Новгород* (правильно: *Великэй Новгород*), *Певекка* (правильно: *Певеккэ*);

- написание заимствованных слов приближенно к их русским формам: *анаалис* (ОСЯЯ: *анаалыс* ‘анализ’), *медицинэ* (правильно: *медицина*), *культуура* (ОСЯЯ: *култуура* ‘культура’), *зоопарка* (правильно: *зоопарк*), *куурс* (ОСЯЯ: *куурус* ‘курс’), *ресурса* (правильно: *ресурс*), *каастин* (правильно: *кастинг*), *рейдэ* (ОСЯЯ: *эрийдэ* ‘рейд’), *конденсаат* (правильно: *конденсат*), *гаастааһын* (ОСЯЯ: *гаастааһын* ‘газификация’), *экспертизэ* (правильно: *экспертиза*), *интэрнээт* (ОСЯЯ: *интэринээт* ‘интернат’), *инспиэксийэ* (ОСЯЯ: *инспиэксийэ* ‘инспекция’), *чемпионаат* (ОСЯЯ: *чөмпүйэнээт* ‘чемпионат’).

Кроме того в текстах сообщений зафиксировано орфографирование заимствованных слов, не включенных в ОСЯЯ в фонетизированном виде: *бикипиэддьийэ* ‘википедия’, *бырассыас* ‘процесс’, *үнүбэрсизэ* ‘университет’, *үнүстүтүүт* ‘институт’, *инпиэксийэ* ‘инфекция’, *испиэктир* ‘спектр’, *муодул* ‘модуль’, *мэдициинэ* ‘медицина’. Слово *медицина*, как видно из материалов республиканских якутоязычных газет, орфографируется последовательно в фонетизированном виде *мэдициинэ* (например, в республиканских якутоязычных газетах «Кыым», «Саха сирэ», «Эркэйи»).

В аккаунте также допускается калькирование двухкомпонентных слов, например, *экосистимэ* ‘экосистема (экологическая система)’. Правописание данного типа слов противоречит фонетическим законам якутского языка (правило №55). Однако как исключение можно использовать в письменной речи.

В связи с мировой пандемией в письме употребляется устаревшее слово *хамсык* ‘мор’ вместо слова *коронавирус (COVID-19)*, которое неправильно орфографируется в данном аккаунте как *хансык*. Стало широко использоваться сочетание слов с компонентом *онлайн*. При этом пишется то полуслитно (через дефис), то раздельно, например, *онлайн-өһө* ‘онлайн-услуга’,

онлайн-дьаарбанка ‘онлайн-ярмарка’, *онлайн-быыстапка* ‘онлайн-выставка’, *онлайн-куоластааһын* ‘онлайн-голосование’, *онлайн-кэнсиэр* ‘онлайн-концерт’ или *онлайн дьарык* ‘онлайн занятие’, *онлайн үөрэх* ‘онлайн учеба’. Представляется, что в данном случае можно следовать рекомендациям по правописанию данной группы слов в русском языке – с дефисом [11]: *онлайн-быыстапка*, *онлайн-үөрэх* и др. Встречается вариантное написание (полуслитно или раздельно) сочетания *суһал штаб/суһал-штаб* ‘оперативный штаб’. В этом случае, так как слово *суһал* ‘оперативный, спешный’ является именем прилагательным, сочетание пишется без дефиса, при этом слово *штаб* должно быть фонетизировано: *суһал ыстаап*.

Таким образом, анализ материалов аккаунта *nvksakha* НВК “Саха” в социальной сети Instagram показывает, что, в целом, нарушения орфографических норм якутского языка, ошибки в указанном аккаунте встречаются нечасто. Возможно, это недочет корректоров, снижение редакторской требовательности, неопытность журналистов или отсутствие специального образования. Вместе с тем нужно особо отметить, что при некотором снижении интереса подростков и молодежи к телевидению, телевещание в сети Instagram сохраняет свою популярность и остается одним из самых мощных средств массовой информации, оказывает значительное влияние на поведение людей, изменяя характер их общения с внешним миром. При этом что и как, каким языком говорят/пишут тележурналисты, воспринимается за истинную речь. В этой связи рекомендуем работникам редакции НВК “Саха” в социальных сетях соблюдать орфографические правила и всегда следовать орфографическим правилам и орфографическому словарю якутского языка, не допускать толерантного отношения к негативным изменениям письменной речи и речевой культуры.

Литература

1. Арутюнова Е.В., Пахомов В.М. Намучились с “мерились”. К вопросу о допустимом и недопустимом в орфографии // Сибирский филологический журнал. 2016. № 3. С. 43 – 49.
2. Васильева Н.М. Сахалыы таба суруйуу билинни туруга (хаһыат матырыйаалларынан) // С.А. Новгородов и проблемы письменности народов России: Сб. науч. тр. Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2017. С. 68-70 [Электронный ресурс] URL: <http://igi.ysn.ru/files/publicasii/Novgorodov.pdf> (на якут. яз.).
3. Васильева Н.М. Об орфографии частных якутоязычных газет // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 12. С. 105 – 107.
4. Васильева Н.М. Современные тенденции в соблюдении орфографических норм якутского литературного языка // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2019. № 3 (28). С. 86 – 92. DOI: 10.25693/SVG.V.2019.02.27.13
5. Васильева Н.М. Функционирование аббревиатур в якутоязычных журналах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. № 7. С. 158 – 161.
6. Орфографический словарь якутского языка. Якутск: Бичик, 2015. 480 с. (на якут. яз.).

7. Правила якутской орфографии и пунктуации. Якутск: Бичик, 2016. 48 с. (на якут. яз.).
8. Слепцов П.А. Русские лексические заимствования в якутском языке (дореволюционный период). Якутск: Якуткнигоиздат, 1964. 196 с.
9. Слепцов П.А. Якутский литературный язык. Формирование и развитие общенациональных норм. Новосибирск: Наука, 1990. 277 с.
10. Стародубцева Л.В., Шапошникова О.О. Роль и место интернет-коммуникаций в современной жизни // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2008. № 7. URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/rol-i-mesto-internet-kommunikatsiy-v-sovremennoy-zhizni> (дата обращения: 25.04.2021)
11. <https://mel.fm/novosti/4915860-limgvisty-razrabotali-pravila-napisaniya-slov-blogger-trolling-i-oflayn> (Дата обращения: 26.04.2021)

References

1. Arutyunova E.V., Pahomov V.M. Namuchilis' s "merilis". K voprosu o dopustimom i nedopustimom v orfografii. Sibirskij filologicheskij zhurnal. 2016. № 3. S. 43 – 49.
2. Vasil'eva N.M. Sahalyu taba surujuu bilinni turuga (hahyat matyryjaallarynan). S.A. Novgorodov i problemy pis'mennosti narodov Rossii: Sb. nauch. tr. YAkutsk: IGI PMNS SO RAN, 2017. S. 68-70 [Elektronnyj resurs] URL: <http://igi.ysn.ru/files/publicasii/Novgorodov.pdf> (na yakut. yaz.).
3. Vasil'eva N.M. Ob orfografii chastnyh yakutoyazychnyh gazet. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2017. № 12. S. 105 – 107.
4. Vasil'eva N.M. Sovremennye tendencii v soblyudenii orfograficheskikh norm yakutskogo literaturnogo yazyka. Severo-Vostochnyj gumanitarnyj vestnik. 2019. № 3 (28). S. 86 – 92. DOI: 10.25693/SVG.2019.02.27.13
5. Vasil'eva N.M. Funkcionirovanie abbreviatur v yakutoyazychnyh zhurnalakh. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2020. № 7. S. 158 – 161.
6. Orfograficheskij slovar' yakutskogo yazyka. YAkutsk: Bichik, 2015. 480 s. (na yakut. yaz.).
7. Pravila yakutskoj orfografii i punktuacii. YAkutsk: Bichik, 2016. 48 s. (na yakut. yaz.).
8. Slepcov P.A. Russkie leksicheskie zaimstvovaniya v yakutskom yazyke (dorevolucionnyj period). YAkutsk: YAkutknigoizdat, 1964. 196 s.
9. Slepcov P.A. YAkutskij literaturnyj yazyk. Formirovanie i razvitie obshchenacional'nyh norm. Novosibirsk: Nauka, 1990. 277 s.
10. Starodubceva L.V., SHaposhnikova O.O. Rol' i mesto internet-kommunikacij v sovremennoj zhizni. Gumanitarij: aktual'nye problemy gumanitarnoj nauki i obrazovaniya. 2008. № 7. URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/rol-i-mesto-internet-kommunikatsiy-v-sovremennoy-zhizni> (data obrashcheniya: 25.04.2021)
11. <https://mel.fm/novosti/4915860-limgvisty-razrabotali-pravila-napisaniya-slov-blogger-trolling-i-oflayn> (Data obrashcheniya: 26.04.2021)

*Vasilyeva N.M., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.),
Institute for Humanities Research and Indigenous Studies
of the North of Siberian branch of the Russian Academy of Sciences*

VIOLATION OF SPELLING STANDARDS OF THE YAKUTSK LANGUAGE ON INTERNET COMMUNICATION (ON THE MATERIAL OF THE INSTAGRAM NETWORK ACCOUNT NVKSAKHA)

Abstract: the article present an analysis of violations of the spelling norms of the Yakut language in Internet communication on the material of the official account nvksakha of the national broadcasting company Sakha (hereinafter referred to as NVK Sakha) in the Instagram network. The results of a systematic description of violations of their spelling are presented and considered in connection of words borrowed from the Russian language. The author highlighted typical violations of the Yakut spelling rules, and also noted new cases of borrowing from the Russian language (including two-component words), due to the modern development of information and communication technologies and the peculiarities of the modern situation (the covid-19 pandemic). The article provides recommendations for spelling new words and eliminating cases of non-compliance with spelling norms.

Keywords: Yakut language, Instagram, spelling, spelling norms, spelling rules, borrowed words

*Шадиева Д.К., преподаватель,
Термезский государственный университет, Узбекистан,
Мухиддинова Г.Н., преподаватель,
Шахрисабзский филиал Ташкентского химико-
технологического института, Узбекистан*

НЕГАТИВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И УГРОЗЫ РАЗВИТИЮ РУССКОГО ЯЗЫКА В СМИ

Аннотция: в данной статье рассматриваются негативные тенденции и угрозы развитию русского языка в средствах массовой информации. Это правда, что русский остается одним из основных мировых языков. Кроме того, это язык международного общения на постсоветском пространстве, а также официальный или рабочий язык многих международных и межправительственных организаций, членами которых является Россия.

Однако если мы посмотрим на ситуацию с русским языком в мире, мы увидим некоторые тревожные тенденции. Прежде всего, в странах СНГ и Балтии, где русский язык является родным языком для значительной части населения, существует ограничение на использование русского языка и уменьшение возможностей получения образования на русском языке. Значительный спад в изучении русского языка характерен и для стран, не входящих в СНГ.

Для создания полной картины геополитики русского языка необходимо проанализировать все его составляющие, определить, какие компоненты способствуют популяризации нашего языка за рубежом, а какие – препятствуют. Кроме того, важно понимание того, можно и нужно ли что-то исправлять в сложившейся ситуации. В теории языковая геополитика любого государства должна строиться таким образом, чтобы обеспечить наиболее комфортные условия для развития языка и укрепления его позиций на международной арене. Говоря о проблемах языковой геополитики в контексте русского языка, условно можно выделить три основных фактора, влияющих на его популяризацию в России и за рубежом: лингвистический, историко-политический и культурно-социологический. В данной статье рассматривается каждый из этих факторов подробнее.

Ключевые слова: геосуть, геополитика, популяризация, статус, официальный, умение, теория, государство

Принимая во внимание геосуть русского языка, достаточно сказать, что он относится к числу международных, наряду с английским, китайским, хинди, испанским, арабским и другими языками. Определение того или иного языка как международного обусловлено следующими критериями, на основе которых и присваивается данный статус:

- количество носителей языка;
- наличие официального статуса в международном смысле этого слова;
- территория, на которой он распространён;
- сколько времени уделяется изучению этого языка в образовательных организациях и уделяется ли вообще;
- общее признание престижа культуры, представленной на этом языке. Статус международного языка очень нестабилен, он может меняться в силу политических, географических, демографических, а последние десятилетия и экономических факторов [1]. Например такие языки, как итальянский или шведский, приобретали этот статус на очень 82 короткое время. Немецкий язык в начале XX века также имел статус международного, но его сменили английский и русский языки, причём даже в местах традиционного распространения

немецкоязычного населения (речь идёт о Польше и Словакии).

Лингвистический фактор

С лингвистической точки зрения мы рассмотрим язык как отдельную единицу, проанализируем его структуру. Начнем с простого – вспомним, сколько слов в русском языке. На первой же странице поисковая система Google выдает цифру в 150 000 слов. Для сравнения, по тем же данным в английском языке около 300 000 слов.

Во-первых, в данных исследованиях не учитывались все диалектизмы, которых чуть ли не столько же, сколько литературных слов, а между тем, это внушительная часть нашего языка. Во-вторых, критерии «допуска» новых слов в каждом языке свои [3]. Например, во Франции некая Академия французского языка строго следит за тем, чтобы нововведения, не соответствующие литературному языку, не «просачивались» в словарный фонд. В английском все намного проще – придумал слово и можешь сразу вводить его в язык. Так, по подсчетам, Шекспир создал 1,7 тыс. слов из своего писательского словаря в 21 000 слов. Пушкин придумал 24 000 новых слов, – абсолютный и непревзойденный рекорд, – фактически создав тот русский язык, на котором разговаривают сегодня

наши современники [2]. И если обратиться к фактическому словарному запасу у каждого конкретного носителя того или иного языка в наше время, увидим следующее: среднестатистический активный словарный запас (т.е. те слова, которые часто используются в речи) у взрослого англичанина составляет 20 000 слов, а пассивный (это слова, значение которых мы просто знаем) – около 40 000 слов. Русскоязычные же люди, получившие высшее образование, знают в среднем 81 000 слов – существенная разница. Русский язык сложен для изучения, по сравнению, например, с английским языком, и за счёт наличия в нем сложных лингвистических конструкций: шипящие, части речи, изменяющиеся по родам, числам, лицам и падежам, и, сюрприз, – буква «ы». Не последнюю роль в восприятии языка играет и морфемный состав – огромное количество различных приставок и суффиксов, – благодаря которому существует множество производных слов (знаменитые «зелень», «зеленеет», «зеленый» наряду с английским «green»). Русский язык позволяет играть с собой, как с пластилином, что делает его невероятно трудным для освоения, как для носителей, так и для иностранцев. Историко-политический фактор. Политика государства неизбежно влечет за собой изменения во всех сферах общественной жизни. За всю историю Российского государства престиж русского языка неоднократно испытывал и падения, и взлеты. Достаточно вспомнить бытность Царской России до нападения Наполеона, когда почти в каждом благородном доме с трудом можно было отыскать человека, говорящего на русском языке. Все дворяне изъяснялись сплошь на французском, что считалось признаком образованности и умения держать себя в высшем обществе. Разумеется, французский язык быстро потерял свою популярность у русского народа после нападения Наполеона. Патриотические настроения мотивировали дворян говорить исключительно по-русски, чтобы какой-нибудь крестьянин ненароком не спутал вражеского офицера с русским дворянином, отвыкшим от русской речи. За последние 103 года ни один язык мира не пережил такое внушительное количество кризисных ситуаций, какие испытал русский язык в период, когда страна «перерождалась» – менялись правители, политические режимы, положение государства на мировой арене, а русский язык был вынужден как-то выживать. Особенно тяжело ему пришлось во времена «железного занавеса», когда население не имело права покидать страну без особого на то разрешения властей, даже простое общение или переписка с иностранцем могли дорого Вам обойтись, живи вы в то время. Еще один неоспоримый факт, оказавший огромное влияние на русский

язык – волна эмиграции. Ученые, композиторы, писатели, журналисты, художники и другие блестящие умы спешно покинули страну, и интеллигенция государства ощутимо поредела. Культура и язык неразрывно связаны между собой, поэтому лишившись половины интеллектуально-духовного генофонда, русский язык лишился и половины потенциала для собственной реализации. Своеобразная языковая изоляция продолжалась до 1993 года, пока занавес не пал. Русский язык снова оказался на международной арене. Разрыв во времени составил около 70 лет, что не могло не сказаться 84 на всех сферах общественной жизни и восприятию нашего государства иностранцами. Но на этом испытания для русского языка не закончились, ведь к власти пришел Борис Николаевич Ельцин с демократическими реформами. Проводимая политика свободного суверенитета для автономных образований искусственно поднимала рейтинг национальных языков, тем самым обеспечивая падение престижа русского языка. После распада СССР русский язык потерял статус государственного для более чем 130 млн человек, при этом данный статус сохранился только для 140 млн человек, непосредственно граждан России [4].

Культурно-социологический фактор

Как уже говорилось ранее, культура и язык всегда связаны между собой. Речь не только о стандартной трактовке понятия «культура», включающей в себя литературу, музыку и другие составляющие духовного фонда нации, но и о внутренней культуре каждого отдельного индивида. Именно благодаря ей у окружающих создается то или иное впечатление о нас, а если диалог идет между двумя людьми из разных стран, то зачастую именно от поведения человека зависит последующее «выстраивание» образа в голове его собеседника, и, как следствие, отношение к государству, гражданином которого является этот человек. Говоря о проблемах языковой геополитики, необходимо в общих чертах обрисовать психологический портрет среднестатистического россиянина в глазах граждан других стран. Связь с историей самая прямая – мы неизбежно возвращаемся к пресловутому «железному занавесу», который не мог не оказать влияние на восприятие русского человека за границей. В основном в период с 1950 года по 1993 за рубежом могли побывать только две категории населения: звезды эстрады и политики. А после распада СССР за границу хлынул поток русских людей, для которых было в новинку даже наличие в магазинах более чем 80 сортов колбасы, не говоря о других преимуществах капиталистического запада, до глубины души поразили советского человека. Не забываем и тот

факт, что данный период совпал с «лихими 90-тыми», и за границей часто встречали так называемых «новых русских», многие из которых нажили свое состояние далеко не самым честным способом. В целом это тяжелое время оставило свой отпечаток в душе русского человека и сформировало менталитет, чуждый западным странам. В то время постсоветского гражданина можно было отличить по одному выражению лица, т.к. в западных странах принято почти постоянно улыбаться, особенно это касается обслуживающего персонала. Русский же человек на фоне всех улыбающихся иностранцев настораживал своей серьезностью – ни для кого не секрет, что карманников во всех странах мира можно отпугнуть одним звуком русской речи. Создавалось впечатление, что русские люди странно себя ведут и не понимают многих вещей, которые для западного человека являются нормой. К русскому языку отношение было соответствующее. На сегодняшний день по-

ложение русского языка относительно стабильно в контексте вышеперечисленных факторов. С лингвистической точки зрения русский язык сохраняет свое многообразие форм и по-прежнему является одним из сложнейших для изучения языков в мире. Нейтральное положение государства на международной арене также поддерживает интернациональный статус русского языка. Что же касается культурного аспекта – развитие, поддержка и сохранность нашего духовного наследия зависит от каждого гражданина России, владеющего национальным языком.

Русский язык неизбежно будет подвергаться изменениям, т.к. время не стоит на месте, и глобализация затрагивает даже самые незначительные сферы общественной жизни, что уж говорить о языках. Но и в этом неизбежном процессе интеграции есть возможность сохранить самобытность, уникальность языка, если приложить к этому достаточно усилий.

Литература

1. Бельчиков Ю.А. Русский язык – богатство, достояние русской национальной культуры. М., 2001.
2. Анненкова И.В. Язык современных СМИ в контексте русской культуры // Русская речь. 2006.
3. Балашов Н.И. Сандрар и поэтический реализм XX в. // Блэз Сандрар. По всему миру и вглубь мира. М., 1971.
4. Колмакова В.В. Концепция диалогизма М.М. Бахтина в современной рекламной коммуникации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 10. Ч. 2. [<http://www.gramota.net>] Министерство культуры РФ. 2014 год – Год культуры в Российской Федерации // www.mkrf.ru] Справочно-информационный портал ГРАМОТА.РУ – русский язык для всех [Электронный ресурс//gramota.ru]
5. Романенко А.П. Советская и постсоветская массовая словесная культура: общее и различное // Советское прошлое и культура настоящего. Т. 2. Екатеринбург, 2009.
6. Щерба Л.В. Литературный язык и пути его развития (применительно к русскому языку) // Избранные работы по русскому языку. М., 1957.
7. Горбачевич К.С. Русский язык. Прошлое. Настоящее. Будущее. М.: Просвещение. 1984. С. 96 – 108.
8. Диброва Е.И. Современный русский язык: теория, анализ языковых единиц. М., 2002. 544 с.

References

1. Bel'chikov YU.A. Russkij yazyk – bogatstvo, dostoyanie russkoj nacional'noj kul'tury. M., 2001.
2. Annenkova I.V. YAzyk sovremennyh SMI v kontekste russkoj kul'tury. Russkaya rech'. 2006.
3. Balashov N.I. Sandrar i poeticheskij realizm HKH v. Blez Sandrar. Po vsemu miru i vglub' mira. M., 1971.
4. Kolmakova V.V. Konceptiya dialogizma M.M. Bahtina v sovremennoj reklamnoj kommunikacii. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2014. № 10. CH. 2. [<http://www.gramota.net>] Ministerstvo kul'tury RF. 2014 god – God kul'tury v Rossijskoj Federacii // www.mkrf.ru] Spravochno-informacionnyj portal GRAMOTA.RU – russkij yazyk dlya vsekh [Elektronnyj resurs//gramota.ru]
5. Romanenko A.P. Sovetskaya i postsovetetskaya massovaya slovesnaya kul'tu-ra: obshchee i razlichnoe. Sovetskoe proshloe i kul'tura nastoyashchego. T. 2. Ekaterinburg, 2009.
6. SHCHerba L.V. Literaturnyj yazyk i puti ego razvitiya (primenitel'no k russkomu yazyku). Izbrannye raboty po russkomu yazyku. M., 1957.
7. Gorbachevich K.S. Russkij yazyk. Proshloe. Nastoyashchee. Budushchee. M.: Prosveshchenie. 1984. S. 96 – 108.
8. Dibrova E.I. Sovremennyj russkij yazyk: teoriya, analiz yazykovykh edinic. M., 2002. 544 s.

*Shadieva D.K., Lecturer,
Termez State University, Uzbekistan,
Mukhiddinova G.N., Lecturer,
Shakhrisabz branch of the Tashkent Chemical-
Technological Institute, Uzbekistan*

NEGATIVE TRENDS AND THREATS TO THE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN THE MEDIA

Abstract: this article examines the negative trends and threats to the development of the Russian language in the media. It is true that Russian remains one of the world's main languages. In addition, it is the language of international communication in the post-Soviet space, as well as the official or working language of many international and intergovernmental organizations, of which Russia is a member.

However, if we look at the situation with the Russian language in the world, we will see some disturbing trends. First of all, in the CIS and Baltic countries, where Russian is the native language for a significant part of the population, there is a restriction on the use of the Russian language and a decrease in the opportunities for obtaining education in Russian. A significant decline in the study of the Russian language is also typical for countries outside the CIS.

To create a complete picture of the geopolitics of the Russian language, it is necessary to analyze all its components, to determine which components contribute to the popularization of our language abroad, and which hinder it. In addition, it is important to understand whether something can and should be corrected in the current situation. In theory, the linguistic geopolitics of any state should be built in such a way as to provide the most comfortable conditions for the development of the language and strengthening its position in the international arena. Speaking about the problems of linguistic geopolitics in the context of the Russian language, one can conditionally single out three main factors influencing its popularization in Russia and abroad: linguistic, historical-political and cultural-sociological. This article looks at each of these factors.

Keywords: geosubstance, geopolitics, popularization, status, official, skill, theory, state

*Долгиева А.М., аспирант,
Ингушский государственный университет*

ЗАИМСТВОВАННАЯ ЛЕКСИКА В РЕГИОНАЛЬНОМ ВАРИАНТЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация: в данной статье рассматриваются основные подходы к понятию «региональный вариант русского языка», существующие в научной литературе, исследуется заимствованная лексика на материале русского языка функционирующего на территории Республики Ингушетия.

Целью данной работы является исследование заимствованной лексики в ингушском варианте русского языка. В соответствии с поставленной целью сформулированы следующие задачи:

1. Определить основные причины заимствования иностранных слов;
2. Рассмотреть основные подходы к понятию «региональный вариант русского языка», существующие в научной литературе;

3. Исследовать заимствованную лексику на материале русского языка, используемого на территории Республики Ингушетия. Теоретической основой для написания работы послужили труды Высочиной О. «Понимание и адаптация иноязычного слова в сознании носителя языка» [1]; А.П. Майорова «Региолект и регионализмы в современной языковой ситуации России [6]»; Л.П. Крысина «Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни [4]»; Е.В. Мариновой «Вечный вопрос» о заимствованиях [5] и др.

Ключевые слова: заимствованная лексика, иноязычие, региолект, этнолект, региональный вариант литературного языка

Любой язык представляет собой динамическую систему, которая постоянно развивается и меняется. Такие изменения могут происходить через разные языковые процессы. Одним из таких процессов, бесспорно, является заимствование иноязычной лексики и выражений.

Большинство ученых – языковедов называют заимствование – процессом, при котором слово переходит из одного языка в другой. Заимствованное слово усваивается в новом (материнском) языке, и постепенно ассимилируется им.

Бытуют разные точки зрения относительно заимствования иноязычной лексики. По мнению одной группы ученых, заимствование представляет собой способ обогащения лексического запаса языка, вторая группа полагает, что иноязычная лексика является угрозой, т.е. чрезмерное засилье иностранных слов может стать причиной потери оригинальности языка.

В своей статье «Вечный вопрос» о заимствованиях, Маринова Е.В. [5, с. 10], пишет: «На протяжении всей истории русского языка в осмыслении этого «вечного вопроса» сталкивались крайние точки зрения – полное принятие заимствования, признание его абсолютной необходимости для функционирования языка и, напротив, отрицание этого процесса, трактуемого как угроза самобытности русского языка».

Ещё в середине XVIII века Сумароков А.П. рассказывал в своих статьях о том, что используемые без надобности иностранные слова приводят русский язык к «порче» и «язве». Он считал, что «чужие слова» нужно удалять из языка [5, с. 3].

В.И. Даль также был противником заимствованных слов. Он рекомендовал заменять некото-

рые иноязычные слова, словами с исконными корнями. Ярыми противниками заимствований были также А.И. Солженицын, В.В. Колесов, Т. Толстая и другие [5, с. 3].

Так как русский язык признан официальным государственным языком на всей территории Российской Федерации, здесь можно обнаружить различные «этнолекты». Это связано с тем, что в различных регионах РФ проживают люди разных национальностей, говорящие не только на русском, но и на своем родном (национальном) языке. Благодаря чему существуют и различные региональные варианты русского языка. Региональные варианты русского языка – это разновидности русского языка, характерные для определенного региона. Соответственно, можно сказать, что иноязычная лексика употребляется и в региональных вариантах русского языка.

В русский язык всегда вливались иностранные слова. Это можно объяснить тем, что Россия поддерживала много связей (политические, экономические, культурные) с другими государствами.

По мнению Рублевой О.Л., заимствование – это процесс, при котором всякое слово пришло в русский язык из другого языка [9, с. 10].

В своей работе «Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни», Крысин Л.П. пишет [4, с. 5]: «Один из наиболее живых и социально значимых процессов, происходящих в современной русской речи процесс активизации употребления иноязычных слов. Надо говорить именно об активизации употребления этих слов, а не только о новых заимствованиях, поскольку наряду с появлением заимствований-неологизмов наблюдается расширение сферы использования

специальной иноязычной терминологии, относящейся к экономике, финансам, коммерческой деятельности и некоторым другим областям».

Различают следующие типы заимствований: заимствования славянских языков и заимствования из неславянских языков. К славянским заимствованиям относятся – слова из старославянского языка (из польского, чешского, украинского и других языков). К неславянским заимствованиям – относятся слова из греческого, латинского, немецкого, французского, английского и многих других языков.

Особенно часто иноязычные слова приходят в русский язык для названия нового предмета, явления. Наряду с иностранными словами в языке также могут быть использованы и собственно русские синонимы, обозначающие одно и то же понятие: *ввоз* и *экспорт*, *вывоз* и *импорт*, *языкознание* и *лингвистика*.

Заимствованные слова постепенно изменяются под влиянием норм русского языка, т.е., происходят фонетические, морфологические и семантические изменения. Они произносятся русскими звуками, начинают изменяться по падежам и т.д. Это явление называется освоением [7, с. 50].

Причин появления иностранных слов в языке много. Высочина О.В. [1, с. 7-10] в своей работе «Понимание и адаптация иноязычного слова в сознании носителя языка» выделяет главные причины заимствований: внутрилингвистические и экстралингвистические.

К внутрилингвистическим причинам заимствования она относит:

1) Для названия новых предметов, явлений и понятий (*принтер*, *факс*, *скейтборд*, *компьютер*)

2) Необходимость разделения близких по содержанию, но отличающихся понятий. Уточняющие, конкретизирующие значения: *уют-комфорт*, *обслуживание-сервис*, *сообщение-информация*.

3) Необходимость специализации понятий в той или иной сфере. Т.е. уточнение понятий: *управление – менеджмент*, *вывоз – экспорт*, *убийца – киллер*.

4) Склонность к замене одним заимствованным словом описательного оборота, т.е. желание обозначить определенное наименование одним словом вместо словосочетания: *саммит – встреча в верхах*, *сейф – несгораемый шкаф*.

К экстралингвистическим она относит:

1) влияние культуры одного народа на культуру другого, большинство проживающих в России идеализируют европейскую (американскую) жизнь и стремятся к такой жизни: *шоп – магазин*, *байк – мотоцикл* и т.д.

2) Необходимость перекодировки понятий, т.е. иноязычное слово скрывает смысл слова: *педику-*

лез – вшивость, *канцер – рак*, *гениталии – половые органы*

3) повышение интереса к изучению чужого, иностранного языка.

Можно также выделить и социально–психологические причины, к которым относят обычно тенденцию к экспрессивности, т.е. люди употребляют в своей речи иноязычные слова для престижности: *макияж – мейкап*, *подросток – тинейджер*.

С недавнего времени в отечественной лингвистической литературе происходит выраженное распространение понятий «региолект», «региональные варианты языка». Причиной такого распространения является следующее:

1) городская речь, в том числе литературная, находится под влиянием диалектов, которые окружают город;

2) русский язык в разных регионах России обладает оригинальностью вследствие языковых контактов с представителями народов соседних государств и коренных народов;

3) русский язык в регионах отличается самобытностью вследствие своеобразной реализации словообразовательных и семантических моделей и тем самым показывает богатый потенциал своей системы [8, с. 1].

Существуют разные подходы к понятию «региональный вариант русского языка» или «региолекта».

Вопросу региональной формы речи, лексических регионализмов, их связи с диалектами русского языка поднимали такие лингвисты как В.И. Трубинский, А.С. Герд, В.И. Беликов, А.П. Майоров и др.

А.П. Майоров считает что региолект – это такое языковое образование, которое призвано обслуживать повседневное общение носителей языка в том или ином регионе полиэтничного языкового сообщества независимо от их социального положения, возраста, пола [6, с. 7].

В.И. Трубинский [10, с. 157] вводит понятие региолект, считая региолекты «новыми диалектами», новыми достаточно крупными территориально-системными образованиями, не повторяющими классического диалектного членения русского языка.

В работе Е.В. Ерофеевой [3, с. 100] встречается термин региональный вариант литературного языка, который по своему статусу является «точкой (или, скорее, областью) на оси перехода литературного языка в региолект, по своим характеристикам близкий и литературному языку, и региолекту».

А.С. Герд [2, с. 48-50] предложил термин региолект для именования речи жителей средних и ма-

лых городов, в дальнейшем ученый занимался вопросами положения диалекта среди других форм существования языка, в том числе региолектной, выявлением специфических черт последней.

Таким образом, мы понимаем, что региолект есть не что иное, как разновидность литературного языка, определенная для того или иного региона. В нашей работе речь идет о варианте русского языка на территории Ингушетии.

Русский и ингушский языки являются официальными языками на территории Ингушетии. Помимо своего родного (ингушского) языка, ингуши (преимущественно проживающие на территории Ингушетии) говорят на русском языке.

Русский язык на территории Ингушетии также подвержен проникновению в него иноязычной лексики. Заимствование слов является одной из причин приобретения языком региональных особенностей.

Разберем данное явление на материале русского языка нашего региона, в который так же могут входить слова из других языков.

Главной отличительной чертой русского языка используемого на территории нашего региона, на наш взгляд, является наличие в нем немалого количества арабских слов, заменившие не только русские, но ингушские слова, например: *Баракаллахь* вместо *спасибо*, *Альхамдулиллахь* вместо *Слава Аллаху аврат* вместо *части тела*, *далиль* вместо *доказательство*, *харам* вместо *недозволенный*, *суджуд* вместо *поклон* и т.д. В русском языке нашего региона эти слова не требуют перевода, они прочно вошли в обиходную речь. Это связано с тем, что официальной религией на территории Ингушетии является ислам.

Помимо арабских слов, в русском языке нашего региона также наблюдаются и слова из других языков, к примеру: *бухгалтер* (*Buchhalter*), *шлагбаум* (*Schlagbaum*), *карцер* (*Karzer*), *ландшафт* (*Landschaft*), *айсберг* (*Eisberg*), *бензин* (*Benzin*), *абзац* (*Absatz*), *шумахер* (*Schumacher*), *рюкзак* (*Rucksack*), *колба* (*Kolben*-дубина буквально), *парикмахер* (*Perükemacher*), *фейерверк* (*Feuerwerk*), *маляр* (*Maler*), *галстук* (*Halsstück*) – взятые из немецкого языка, или же французские слова: *акушер* (*accocher*), *аллергия* (*allergie*), *альтруист* (*altruiste*), *амплуа* (*emploi*), *амulette* (*амулет*), *entracte* (*антракт*), *aplomb* (*анпломб*) и т.д.

Все же наиболее широкое влияние на русский язык нашего региона оказывает английский язык, или английский язык американского варианта, к примеру: *аниматор* – *animation* (*художник, мультипликатор*), *адаптер* – *adapter* (*звукосниматель, зарядное устройство*), *интернет* – *internet* (*объединенная компьютерная сеть*), *пазл* – *puzzle* (*головоломка*), *радар* – *radar* (*прибор, использу-*

мый для определения местоположения). Также, здесь наблюдаются и итальянские названия блюд, десертов и напитков: *Pizza* (*пицца*) *Tiramisu* (*тирамису*), *Latte* (*латте*), *Cappuccino* (*капучино*), *vermicelli* (*вермишель*), *pasta* (*макароны*) и т.д.

Большое распространение англицизмов наблюдается в названиях кафе, ресторанов, гостиниц в Ингушетии, например: *отель Артис Плаза*, *отель Гранд Палейс*, *кафе Лофт*.

Добавление суффикса *-инг* к иноязычным словам, является также одной из особенностей русского языка нашего региона, несмотря на то, что суффикс *-ing*, наблюдается и в английском языке; в региональном варианте он служит для обозначения сокращенного варианта ингушский (инг), например: английское *шопинг* (*ходить по магазинам*) и ингушское *ШопИнг* (*магазин в Ингушетии*), *БургерИнг* (*ингушский бургер*) вместо *бургеркинг*, *МаркетИнг* (*рынок в Ингушетии*) вместо *маркетинг* и т.д.

Очень сильно заимствованная лексика употребляется в русской речи ингушской молодежи, например: *быть в френдзоне* вместо *быть другом*, *тинейджер* вместо *подросток*, *устроить митинг* вместо *собраться вместе*, *нанести макияж или сделать мейкап* – *накраситься*, *имидж – стиль одежды*, *шоу – показ*, *прайс-лист – список цен*, *секьюрити – охрана* и т.д.

Таким образом, мы видим, что иноязычная лексика проникает и в региональные варианты русского языка. Приведенные выше примеры можно считать регионализмами, отображающие особенности русского языка нашего региона.

Стало быть, заимствование новых слов – процесс, обусловленный наличием определенных причин.

Мы живем в эпоху стремительного развития технологий, и использование иноязычной лексики в языке становится нужным для выражения новых явлений или предметов (*ЭВМ – компьютер*).

В настоящее время в русском языке преобладают английские слова, и главными причинами тому, как мы считаем, являются:

1. Потребность в наименовании новых вещей, явлений, понятий.

2. Влияние культуры европейского народа, т.е. идеализация американской жизни.

3. Социально-психологические причины – тенденция к экспрессивности. Особенно распространена эта тенденция среди ингушской молодежи, т.е. использование английских слов в разговоре считается своего рода «престижем».

Таким образом, мы понимаем, что с одной стороны использование иноязычной лексики в региональном варианте русского языка, как и в литературном русском языке, также неизбежно и даже

полезно, поскольку язык обогащается и развивается.

С другой стороны, иноязычная лексика может заменить исконно русские слова, и в нередких

случаях вытеснить вовсе. Но на наш взгляд, заимствование – это явление безопасное и даже нужное для языка.

Литература

1. Высочина О.В. Понимание и адаптация иноязычного слова в сознании носителя языка. Университет Ювяскюля. Ювяскюля, 2002.
2. Герд А.С. Несколько замечаний касательно понятия «диалект» // Русский язык сегодня. Вып. 1. Азбуковник. М., 2001.
3. Ерофеева Е.В. Вероятностная структура идиомов: социолингвистический аспект. Изд-во Пермского университета. Пермь, 2005.
4. Крысин Л.П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Русский язык конца 20 столетия. М., 1996.
5. Маринова Е.В. Вечный вопрос о заимствованиях // Русская речь. М., 2014. № 3.
6. Майоров А.П. Региолект и регионализмы в современной языковой ситуации России // Известия РАН. Серия литературы и языка. Улан-Удэ, 2016. Т. 75. № 1.
7. Нетяго Н.В., Дюзенли М.В. Лексикология современного русского языка. Краткий курс для иностранных учащихся. Изд-во Уральского университета. Екатеринбург, 2016.
8. Оглезнева Е.А. Дальневосточный региолект русского языка как региональный вариант русского национального языка / Амурский государственный университет. Благовещенск, 2013.
9. Рублева О.Л. Лексикология современного русского языка: учебное пособие. Изд-во Дальневост. университета. Владивосток, 2004.
10. Трубинский В.И. Современные русские региолекты: приметы становления // Псковские говоры и их окружение. Псков, 2002.

References

1. Vysochina O.V. Ponimanie i adaptaciya inoyazychnogo slova v soznanii nositelya yazyka. Universitet YUvyaskyulya. YUvyaskyulya, 2002.
2. Gerd A.S. Neskol'ko zamechanij kasatel'no ponyatiya «dialekt». Russkij yazyk segodnya. Vyp. 1. Azbukovnik. M., 2001.
3. Erofeeva E.V. Veroyatnostnaya struktura idiomov: sociolingvisticheskiy aspekt. Izd-vo Permskogo universiteta. Perm', 2005.
4. Krysin L.P. Inoyazychnoe slovo v kontekste sovremennoj obshchestvennoj zhizni. Russkij yazyk konca 20 stoletiya. M., 1996.
5. Marinova E.V. Vechnyj vopros o zaimstvovaniyah. Russkaya rech'. M., 2014. № 3.
6. Majorov A.P. Regiolekt i regionalizmy v sovremennoj yazykovoj situacii Rossii. Izvestiya Ran. Seriya literatury i yazyka. Ulan-Ude, 2016. T. 75. № 1.
7. Netyago N.V., Dyuzenli M.V. Leksikologiya sovremennogo russkogo yazyka. Kratkij kurs dlya inostrannyh uchashchihsya. Izd-vo Ural'skogo universiteta. Ekaterinburg, 2016.
8. Oglezneva E.A. Dal'nevostochnyj regiolekt russkogo yazyka kak regional'nyj variant russkogo nacional'nogo yazyka. Amurskij gosudarstvennyj universitet. Blagoveshchensk, 2013.
9. Rubleva O.L. Leksikologiya sovremennogo russkogo yazyka: uchebnoe posobie. Izd-vo Dal'nevost. universiteta. Vladivostok, 2004.
10. Trubinskij V.I. Sovremennye russkie regiolekty: primety stanovleniya. Pskovskie govory i ih okruzhenie. Pskov, 2002.

*Dolgieva A.M., Postgraduate,
Ingush State University*

BORROWED VOCABULARY IN THE REGIONAL VERSION OF THE RUSSIAN LANGUAGE

Abstract: this article examines the main approaches to the concept of "regional version of the Russian language" existing in the scientific literature, examines the borrowed vocabulary based on the material of the Russian language functioning on the territory of the Republic of Ingushetia.

The aim of this work is to study the borrowed vocabulary in the Ingush version of the Russian language. In accordance with this goal, the following tasks are formulated:

1. To determine the main reasons for borrowing foreign words;
2. To consider the main approaches to the concept of "regional version of the Russian language" existing in the scientific literature;
3. To study the borrowed vocabulary on the material of the Russian language used on the territory of the Republic of Ingushetia. The theoretical basis for writing the work was the works of O. Vysochina "Understanding and adaptation of a foreign language word in the mind of a native speaker" [1]; A.P. Mayorov "Regiolect and regionalisms in the modern language situation in Russia [6]"; L.P. Krysina "Foreign language word in the context of modern social life [4]"; E.V. Marinova "The Eternal Question" about borrowing [5] and others.

Keywords: borrowed vocabulary, foreign languages, regiolect, ethnolect, regional variant of the literary language

*Заболотная Д.Ю., старший преподаватель,
Иркутский государственный университет путей сообщения*

УРОВНИ ОРИЕНТИРУЮЩЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТОВ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ РЕКЛАМЫ

Аннотация: цель настоящей статьи заключается в выделении и описании уровней ориентирующего воздействия, свойственных креолизованным рекламным текстам экологической направленности. Экологическая реклама представляет собой мощный социальный механизм ориентирования человека в окружающем его мире и, таким образом, изучается с точки зрения своего ориентирующего потенциала. Описываются такие подходы к изучению ориентирующей функции языка, как био-социо-когнитивный подход и традиционный когнитивный подход, приводится определение ориентирующей функции, релевантное для нашего исследования. Анализируются некоторые существующие классификации уровней ориентирующего воздействия. Выводится предположение, что выделение и классификация уровней ориентирующего воздействия носит субъективный характер и зависит от жанра текста, его целевой установки и содержания. На основе существующих исследований выделяются следующие уровни ориентирующего воздействия, присущие креолизованным текстам экорекламы: эмотивный, когнитивный, аксиологический, суггестивный, конативный. Дается характеристика некоторых значимых уровней из них на примере англоязычных рекламных текстов.

Ключевые слова: ориентирующая функция, ориентирующее воздействие, уровни ориентирующего воздействия, экореклама, креолизованный текст, лингвистика мейнстрима, био-социо-когнитивная теория языка

Экологическая реклама (далее – экореклама) представляет собой мощный социальный механизм формирования и изменения нравственных и поведенческих установок, ценностных ориентиров, отражающих взаимосвязь человека и природы [4, 5, 9]. Идея функционирования экорекламы состоит в гуманизации общества, смещении формы восприятия мира от антропоцентрической, где человек рассматривается как центр вселенной, к экоцентрической, в которой человек позиционирует себя как часть природы. Становление экосознания, выступающего конечной целью социальной экорекламы, заключается во внедрении экологических установок и ориентиров «в основании деятельности установок» [2].

Язык текстов экорекламы выполняет в данном случае ориентирующую функцию, при этом их ориентирующий потенциал выражается за счёт различных принципиальных параметров, которые учитываются при создании рекламного сообщения, когнитивно-коммуникативных способов, позволяющих выстраивать привлекательный, информационно насыщенный текст, а также уровней ориентирующего воздействия, которые проявляются при непосредственной интерпретации адресатом рекламного сообщения.

Цель настоящей работы сводится к выделению и описанию уровней ориентирующего воздействия, присущих креолизованным рекламным текстам экологической направленности.

Креолизованный текст представляет собой сочетание и взаимодействие вербального (языковой / речевой) и невербального (иные знаковые систе-

мы) компонентов на структурном, смысловом, функциональном уровнях с целью оказания комплексного воздействия на сознание адресата [1; 10]. Креолизация текстового поля экорекламы позволяет адресанту передавать его когнитивно-коммуникативные установки и мотивы в более доступной и аттрактивной форме.

В процессе изучения креолизованных текстов социальной экорекламы можно проследить, каким образом адресант организует информацию, посредством каких языковых и неязыковых единиц он стремится передать сообщение адресату, тем самым оказав на последнего ориентирующее воздействие, а также как именно происходит интерпретирование данной информации адресатом. Именно выделение и описание уровней помогает проследить осуществление ориентирующего воздействия.

Уровни ориентирующего воздействия рассматриваются в рамках концепции ориентирующей функции языка, которая на настоящий момент хотя и мало изучена, однако привлекает большой интерес в силу своего подхода к интерпретационной роли языка в целом. Ж. Фоконье рассматривал язык как способ ориентирования человека в объективном пространстве. Язык – это инструкция для создания, осмысления и принятия окружающей действительности [14, с. 18].

Современные исследования ориентирующей функции языка можно разделить на две больших группы: традиционные исследования, рассматриваемые в рамках лингвистики мейнстрима, и нетрадиционные, немейнстримовые подходы к

изучению ориентирующей функции языка. В данном случае внимание привлекает био-социо-когнитивный подход [6, 7, 13, 15, 17, 18]. В соответствии с био-социо-когнитивной теорией языка, языковые знаки изначально обладают ориентирующим потенциалом, соответственно, в процессе общения они способны оказывать влияние на коммуникантов вне зависимости от их намерений и желаний [16]. Мир каждый раз конструируется в консенсуальной области взаимодействия за счёт языковых средств, выполняющих роль ориентиров.

Согласно традиционному когнитивному подходу, ориентирующая функция языка предполагает намеренное, осознанное воздействие на человека и его роль в объективно существующем мире посредством языковых структур: «язык обеспечивает ориентацию человека и в предметном мире <...>, и в области сознания, созданной за счёт наличия в ней особой концептуальной действительности» [8, с. 68].

В рамках настоящего исследования ориентирующая функция языка определяется как сознательное, целенаправленное коммуникативное воздействие на адресата рекламы в терминах ориентирующего потенциала рекламного текста [3]. Гипотетическая степень реализованности целенаправленного коммуникативного воздействия прослеживается в уровнях ориентирующего воздействия.

О.С. Худякова при изучении специфических языковых структур и единиц в китайскоязычной блогосфере выделяет эксплицитный уровень, на котором индивиды осознанно реализуют ориентирующее воздействие, и имплицитный уровень, в рамках которого ориентирующее воздействие осуществляется неосознанно [11, с. 146]. Она также указывает на такие подуровни, как когнитивный (гносеологический), аффективный (психоэмоциональный), фатический (контактоустанавливающий) [Там же]. Данные подтипы проявляются в большей или меньшей степени в зависимости от ситуации общения. Они направлены на привлечение внимания и вовлечения адресата в коммуникативное пространство, формирование новых концептов и эмоциональных переживаний, а также расширение существующей картины мира человека.

Е.В. Шевченко, основываясь на особенностях функционирования языка, выводит следующие уровни реализации ориентирующего воздействия: контактоустанавливающий уровень (установление контакта и поддержание сотрудничества между

собеседниками), волюнтаривный уровень (выражение воли / желаний говорящего через призывно-побудительные конструкции), аффективный уровень (побуждение к выражению эмоциональных состояний), аксиологический уровень (апелляция к ценностным ориентирам) и когнитивно-познавательный уровень (формирование / модификация знания у коммуникантов). Также выделяются и анализируются их комбинаторные возможности [12].

Принимая во внимание существующие исследования в данной области, считаем возможным предположить, что их выделение и классификация носит субъективный характер в зависимости от жанра текста, его целевой установки и способов репрезентации смысла.

При изучении креолизованных текстов экорекламы нами были выделены следующие уровни ориентирующего воздействия: эмотивный уровень, когнитивный уровень, аксиологический уровень, суггестивный уровень и конативный уровень. Они прослеживаются во всех креолизованных текстах экорекламы и одновременно оказывают комплексное воздействие на сознание адресата. Ограниченные рамками статьи, мы остановимся на самых значимых для изучаемых текстов уровнях.

Ярким примером может служить видеореклама, сочетающая в себе не только языковой материал с визуальным рядом, но также и такие паралингвистические средства, как музыкальное сопровождение и интонация, играющие важную роль для привлечения и заострения внимания адресата на предлагаемой теме. Так, международной организацией Conversation International была создана серия рекламных сообщений Nature is Speaking, в которых был представлен взгляд на экологические проблемы от лица различных стихий и явлений природы. В проекте принимали участие знаменитые актёры, что также имело воздействующий эффект. Рассмотрим примеры комплексного ориентирующего воздействия данной серии рекламных сообщений на разных уровнях:

1) Reese Witherspoon is Home: “I am home. I give you comfort. I shelter your family. See me for who I am. Home, sweet home. I am your refuge. I am the floor that supports you. The foundation that keeps you steady, the walls that give you shelter, the roof that protects you. I am your home. If you don't take care of me, I cannot take care of you”. NATURE DOESN'T NEED PEOPLE. PEOPLE NEED NATURE.

Рис. 1.

2) Robert Redford is the Redwood: “– How come you’re so smart? – Kid, I’ve been around a really long time. As a matter of fact, our kind has been around longer than just about anything. I’ve seen just about everything. – Really? Like what? – Well, I’ve seen weather. All kinds of weather. – And lots of critters? – Yeah. At first there were just some bugs and spiders, then some mice and rats, and some rabbits and bears, and skunks. Then, all of a sudden, there were humans. And all hell broke loose. – Why? What did the hu-

mans do? – Well they changed wolves into dogs, rivers into lakes, and us into wood. They started using the planet like it was put there just for them. Act like they’ve got an extra one laying around. – Why do they do that? Why don’t they understand? – I don’t know. If they don’t figure out that they’re part of nature rather than just using nature, they probably won’t be around to see you grow up”. NATURE DOESN’T NEED PEOPLE. PEOPLE NEED NATURE.

Рис. 2.

Рис. 3.

3) Shailene Woodley is Forest: “I am the forest. I take in your pollution and give you clean air, purify your water and protect your shores. Yet you continue to cut me down, releasing carbon into the air and heating this planet. While some of you stand with me, most of you turn your backs on me. But I am resilient.

Let me grow and we can solve your climate problem together. When one tree falls you might not hear it, but when millions fall, I assure you – you will feel it!”. NATURE DOESN’T NEED PEOPLE. PEOPLE NEED NATURE. Nature holds at least a third of the solution to climate change.

Рис. 4.

Эмотивный уровень ориентирующего воздействия. На эмотивном уровне осуществляется привлечение внимания к рекламному сообщению за счёт различных паралингвистических и непосредственно лингвистических средств. Здесь можно выделить фон рекламного сообщения (различные

эпизоды живой природы: леса, луга, реки, океаны и др.), музыкальное сопровождение (эпические композиции), объекты-референты (конкретные объекты (*Redwood*), либо масштабные (*Forest, Earth*)), а также специально подобранных под них актёров, озвучивающих тексты (*Redford* –

Redwood; Woodley – Forest), цветовую гамму (насыщенные яркие цвета), особенности интонирования текста (женский голос, успокаивающий либо, наоборот, вызывающий тревогу, ощущение опасности; детский голос) – всё это апеллирует к наглядно-образному мышлению и психоэмоциональному переживанию, вызывая гамму эмоций от любопытства, заинтересованности, заботы, удивления до смятения, подавленности, стыда.

Еще одним средством эмотивного характера является собственно языковой компонент: повествование от первого лица и обращения к адресату за счёт соответствующих местоимений I, you (*I give you comfort. See me for who I am; I've been around a really long time; I am resilient; I assure you – you will feel it*) и, наоборот, намеренное присвоение адресату роли стороннего наблюдателя (*humans*), выраженного формами местоимений 3 л. мн.ч. they (*Well they changed wolves into dogs, rivers into lakes, and us into wood; Why do they do that? Why don't they understand?*). Этот приём вызывает у адресата чувство сопричастности, ответственности за свои действия. Немаловажную роль играют метафорические переносы, усиливающие эмоциональное влияние. Например, метафора планеты, представленной в виде дома (*I am Home*), апеллирует к чувству защищённости, надёжности (*I am the floor that supports you. The foundation that keeps you steady, the walls that give you shelter*).

На эмотивном уровне происходит аффективное восприятие креолизованного текста, способствующее вовлечению адресата в опосредованное коммуникативное пространство.

Когнитивный уровень ориентирующего воздействия. Когнитивный уровень предполагает передачу какого-либо нового знания относительно экологической проблемы, способного встроиться в уже существующую систему знаний адресата. Когнитивный уровень связан с объективной действительностью и отражает её определённый эпизод, принимая во внимание социальное окружение, целевую установку авторов, а также социальный портрет потенциальной аудитории. Выбор того или иного объекта-референта позволяет отразить направленность рекламного сообщения, его целевую установку и форму подачи материала. Например, рекламное сообщение, в котором объектом-референтом выступает красное дерево (*Redwood*), направлено на ознакомление адресата с проблемой чрезмерной вырубке лесных массивов, где произрастает данный тип деревьев.

При интерпретации креолизованных текстов адресат получает информацию о возрасте объектов живой природы: возраст красного дерева (*As a matter of fact, our kind has been around longer than just about anything*), поэтапность появления живых

сущностей и человека (*At first there were just some bugs and spiders, then some mice and rats, and some rabbits and bears, and skunks. Then, all of a sudden, there were humans*). Данные рекламные сообщения отражают идею первостепенности и важности природы и её отдельных представителей, подчёркивая их роль в жизни человека (*I take in your pollution and give you clean air, purify your water and protect your shores; Nature holds at least a third of the solution to climate change*).

За счёт видовременных форм Simple передаётся фактологическая информация (*The foundation that keeps you steady, the walls that give you shelter, the roof that protects you; They changed wolves into dogs, rivers into lakes, and us into wood. They started using the planet; Act like they've got an extra one laying around. – Why do they do that? Why don't they understand? – I don't know; Yet you continue to cut me down*). Условные предложения I типа отражают степень возможной актуализации описанных событий, заставляя адресата задуматься о логических последствиях того, что происходит в настоящее время (*If you don't take care of me, I cannot take care of you; If they don't figure out that they're part of nature rather than just using nature, they probably won't be around to see you grow up; When one tree falls you might not hear it, but when millions fall, I assure you – you will feel it*).

Аксиологический уровень ориентирующего воздействия. На аксиологическом уровне происходит наложение нового знания на систему ценностей адресата. Апелляция к ценностным ориентирам повышает ориентирующий потенциал рекламного сообщения и, соответственно, несёт социально значимые изменения. В креолизованных текстах можно выделить как ценности, являющиеся значимыми, необходимыми, правильными, так и антиценности, отражающие негативные смыслы, угрозу, разрушение и др. Основными ценностями, наличествующими в представленных примерах, являются забота, защита, поддержка (*I shelter your family. I am your refuge. I am the roof that protects you*), мудрость (*– How come you're so smart? – Kid, I've been around a really long time. I've seen just about everything*). К антиценностям можно отнести невежество (*– Why do they do that? Why don't they understand? – I don't know*), расточительство (*They started using the planet like it was put there just for them*), пренебрежение (*If you don't take care of me, I cannot take care of you; Yet you continue to cut me down, releasing carbon into the air and heating this planet*).

В целом, выделенные нами уровни ориентирующего воздействия носят комбинаторный характер и прослеживаются в любом рекламном тексте экологической направленности. Данные уровни

позволяют проследить, как может осуществляться процесс восприятия, интерпретирования креолизованного текста и, как результат, формирования осознанных внутренних установок и мотивов и соответствующих им дальнейших действий. Нали-

чие уровней ориентирующего воздействия креолизованных текстов экорекламы указывает на целесообразность выделения и дальнейшего изучения ориентирующей функции языка.

Литература

1. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М.: Изд-кий центр «Академия», 2003. 128 с.
2. Васильева В.Н., Торгунакова М.А. Современное экологическое сознание: пути и средства формирования // Журнал социологии и социальной антропологии. Том X. 2007. № 3. С. 132 – 142.
3. Верхотурова Т.Л., Заболотная Д.Ю. Параметры ориентирующего воздействия экологической рекламы // Вестник ПГУ. 2019. № 4. С. 26 – 30.
4. Иванова Е.В. Эколингвистика и роль метафоры при описании экологических проблем // Вестник ЧГУ. 2007. № 13. С. 34 – 38.
5. Коханова Л.А. Экологическая журналистика, PR и реклама. М.: ЮНИТИ, 2007. 384 с.
6. Кравченко А.В. Знак, значение, знание. Очерк когнитивной философии языка. Иркутск: Издание ОГУП «Иркутская областная типография № 1», 2001. 261 с.
7. Кравченко А.В. Когнитивный горизонт языкознания. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2008а. 320 с.
8. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. М.: Знак, 2012. 208 с.
9. Некрасова М.А. Экологическая реклама в СМИ как социальный механизм обеспечения экологической безопасности // Коммуникалогия. 2014. С. 129 – 145.
10. Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. 1990. С. 104 – 110.
11. Худякова О.С. Уровни ориентирующего воздействия специфических языковых структур и единиц в китайскоязычной блогосфере // Научный диалог. Серия: Филология. 2012. № 3. С. 138 – 160.
12. Шевченко Е.В. Ориентирующее коммуникативное воздействие в телевизионном институциональном дискурсе (на материале российских, американских и британских ток-шоу), автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2018. 24 с.
13. Arkhipov I. Biology of Cognition, Biosemiotics, and Second Language “Acquisition” // Cognitive Dynamics in Linguistic Interactions. 2012. P. 185 – 213.
14. Fauconnier G. Mental Spaces: Aspects of meaning construction in natural language. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 190 p.
15. Kravchenko A.V. Sign, meaning, knowledge: An essay in the cognitive philosophy of language. Frankfurt./Main: Peter Lang, 2003a. 251 p.
16. Kravchenko, A. V. The semantics vs. pragmatics debate in the context of the orientational function of language // Język poza granicami języka II. Semantyka a pragmatyka: spór o pierwszeństwo. 2011b. P. 11 – 23.
17. Maturana H.R. Biology of Language: The Epistemology of Reality // Psychology and Biology of Language and Thought. 1978. P. 27 – 63.
18. Varela F.G. Autopoiesis and a Biology of Intentionality // Autopoiesis and Perception: A Workshop with ESPRIT BRA 3352. 1992. P. 4 – 14.
19. Nature is Speaking. URL: <https://www.conservation.org/nature-is-speaking> (дата обращения: 20.04.2021)

References

1. Anisimova E.E. Lingvistika teksta i mezhkul'turnaya kommunikaciya (na materiale kreolizovannyh tekstov). M.: Izd-kij centr «Akademiya», 2003. 128 s.
2. Vasil'eva V.N., Torgunakova M.A. Sovremennoe ekologicheskoe soznanie: puti i sredstva formirovaniya. Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. Tom H. 2007. № 3. S. 132 – 142.
3. Verhoturova T.L., Zabolotnyaya D.YU. Parametry orientiruyushchego vozdejstviya ekologicheskoy reklamy. Vestnik PGU. 2019. № 4. S. 26 – 30.
4. Ivanova E.V. Ekolingvistika i rol' metafory pri opisanii ekologicheskikh problem. Vestnik CHGU. 2007. № 13. S. 34 – 38.
5. Kohanova L.A. Ekologicheskaya zhurnalistika, PR i reklama. M.: YUNITI, 2007. 384 s.
6. Kravchenko A.V. Znak, znachenie, znanie. Ocherk kognitivnoj filosofii yazyka. Irkutsk: Izdanie OGUP «Irkutskaya oblastnaya tipografiya № 1», 2001. 261 s.
7. Kravchenko A.V. Kognitivnyj gorizont yazykoznaneya. Irkutsk: Izd-vo BGUEP, 2008a. 320 s.

8. Kubryakova E.S. V poiskah sushchnosti yazyka: Kognitivnye issledovaniya. M.: Znak, 2012. 208 s.
9. Nekrasova M.A. Ekologicheskaya reklama v SMI kak social'nyj mekhanizm obespecheniya ekologicheskoy bezopasnosti. *Kommunikalogiya*. 2014. S. 129 – 145.
10. Sorokin YU.A., Tarasov E.F. Kreolizovannyye teksty i ih kommunikativnaya funkciya. *Optimizaciya rechevogo vozdejstviya*. 1990. S. 104 – 110.
11. Hudyakova O.S. Urovni orientiruyushchego vozdejstviya specificheskikh yazykovykh struktur i edinic v kitajskoyazychnoj blogosfere. *Nauchnyj dialog. Seriya: Filologiya*. 2012. № 3. S. 138 – 160.
12. Shevchenko E.V. Orientiruyushchee kommunikativnoe vozdejstvie v televizionnom institucional'nom diskurse (na materiale rossijskih, amerikanskikh i britanskikh tok-shou), avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2018. 24 s.
13. Arkhipov I. Biology of Cognition, Biosemiotics, and Second Language “Acquisition”. *Cognitive Dynamics in Linguistic Interactions*. 2012. R. 185 – 213.
14. Fauconnier G. *Mental Spaces: Aspects of meaning construction in natural language*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 190 p.
15. Kravchenko A.V. *Sign, meaning, knowledge: An essay in the cognitive philosophy of language*. Frankfurt. Main: Peter Lang, 2003a. 251 p.
16. Kravchenko, A. V. The semantics vs. pragmatics debate in the context of the orientational function of language. *Język poza granicami języka II. Semantyka a pragmatyka: spór o pierwszeństwo*. 2011b. P. 11 – 23.
17. Maturana H.R. *Biology of Language: The Epistemology of Reality*. Psychology and Biology of Language and Thought. 1978. P. 27 – 63.
18. Varela F.G. *Autopoiesis and a Biology of Intentionality*. *Autopoiesis and Perception: A Workshop with ESPRIT BRA 3352*. 1992. P. 4 – 14.
19. Nature is Speaking. URL: <https://www.conservation.org/nature-is-speaking> (data obrashcheniya: 20.04.2021)

*Zabolotnyaya D.Yu., Senior Lecturer,
Irkutsk State Transport University*

THE LEVELS OF ORIENTATING INFLUENCE OF CREOLIZED TEXTS IN ECOLOGICAL ADVERTISEMENT

Abstract: the article aims to identify and describe the levels of orienting influence in creolized texts of ecological advertisement. Ecological advertisement is a powerful social mechanism for orienting a person in the objective world and, thus, it is studied from its orienting potential point of view. Such approaches to the study of the orienting function of language as the bio-socio-cognitive approach and the traditional cognitive approach are described, and the definition of the orienting function that is relevant for our research is given. Some classifications of orienting influence levels are analyzed. We assume that the levels of orienting influence are individual for any text due to its genre, target and content. The following levels of orienting influence are distinguished in creolized texts of ecological advertisement: emotive level, cognitive level, axiological level, suggestive level, conative level. The English-language advertisement is analyzed and the characteristics of some significant levels are given.

Keywords: orientational function, orientational influence, the levels of orientating influence, ecological advertisement, creolized text, mainstream linguistics, bio-socio-cognitive theory of language

*Масалова М.А., аспирант,
Адыгейский государственный университет*

АКТУАЛИЗАЦИЯ МАНИПУЛЯТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ В ИНАУГУРАЦИОННОЙ РЕЧИ Б. ОБАМЫ. СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация: в данной статье анализируется первая инаугурационная речь экс-президента США Б. Обамы (2009). Для проведения исследования используются методы критического дискурс-анализа Н. Фэркло. Целями работы являются выявление идеологических компонентов и стилистических приемов, актуализирующих из в речи, а также исследование и анализ стратегий убеждения. В статье рассматриваются примененные в инаугурационной речи средства, которые сигнализируют о намерениях президента. В ходе анализа выявлены наиболее часто используемые политиком ключевые слова. Определен идеологический подтекст религиозного дискурса в речи Б. Обамы. В своем выступлении Б. Обама затрагивает ряд политических тем, причем для их введения использует многочисленные языковые средства. Выбор тем обусловлен политическими целями и желанием воздействовать на аудиторию, а именно воодушевить народ. Результаты анализа указывают на прямую связь идеологии и языка. Выявлены некоторые компоненты послания президента, средства художественной выразительности и их влияние на формирование мнения аудитории. Исследование было проведено с учетом некоторых особенностей идеологии американского политического дискурса. На основе изученного материала выделен ряд лингвистических средств для изучения механизмов языкового воздействия. Актуальность исследования обуславливается всевозрастающим интересом к разным аспектам дискурса и в ключе влияния на коллективный разум.

Ключевые слова: дискурс, критический дискурс-анализ, политический дискурс, идеология, стилистический прием, стратегии убеждения

Язык является основным условием политики, и едва ли существует область, в которой политический язык реализуется лучше, чем в политических речах.

Каждая речь, является она политической или нет, имеет следующие составляющие элементы: оратор, содержание, контекст и аудитория. Когда оратор хочет достичь своей цели, он должен уметь хорошо комбинировать данные элементы. Речь - это не что иное, как стратегический инструмент, в связи с чем существует опасность при произнесении речи перейти ту тонкую грань, при которой начинается манипуляция. Необходимыми условиями речи являются также когезия (связность) и когерентность (целостность). Она должна иметь определенную структуру, при которой её части имеют узнаваемый порядок и создают целостность.

Политическая речь, кроме того, отмечается высокой степенью персуазивности. По классическим критериям, в центре внимания политической речи находится всеобщее благополучие, что непременно сказывается на языковом оформлении соответствующей идеологии. Также речь служит для выражения личных интересов и мотивов, что не всегда соответствует всеобщему благу. Политическая речь имеет акцент не на истине, а на пользе, которая которую может получить общество, в связи с принятием соответствующего решения.

Целью речи является изложить свои собственные представления так ясно, чтобы публика совершила желаемое действие, причём оратор ис-

пользует соответствующие аргументацию и стилистические приёмы, чтобы добиться эффекта.

Согласно риторическому учению, каждая речь, в том числе политическая, должна иметь следующую структуру: вступление, основную часть, доказательство и заключение.

Политик должен пытаться в своей речи убедить публику в своих идеях, в пользе и потерях при принятии определенного решения. Чтобы достичь этой цели, он используют средства логической аргументации (*logos*), стилистические приемы, с помощью которых вызывает у публики эмоции (*pathos*) и представляет себя с хорошей стороны (*ethos*) [4].

Политическая речь – это всегда противостояние с настоящей или прогнозируемой социально-политической реальностью, и в этом контексте политическая речь является одновременно и движением и рефлексом политического действия, таким образом политические речи можно услышать, прочесть и понять как зеркало политической воли и действия [1].

Стратегической задачей американского политического дискурса, включая спикера, является завоевание поддержки аудитории. Залогом успешного персуазивного эффекта является эмоционально насыщенная речь, способная оказать воздействие на сознание и поведение аудитории, что достигается различными риторическими приемами.

Целью данной работы является попытка определить стратегии убеждения, выявить идеологиче-

ские установки и стилистические средства их эффективной актуализации в политическом дискурсе. Материалом исследования служит инаугурационное послание экс-президента США Б. Обамы в 2009 г. В анализе был применен метод критического дискурс-анализа как инструмент выявления соотношения дискурса и общества с учетом социально-культурных факторов, влияющих на построение текста и его интерпретацию [3]. Данный тип анализа является многоуровневым, что обеспечивает выявление стратегий, среди которых значимой является манипулятивная. Интертекстуальность в речи Б. Обамы выражается в виде различных цитатных и аллюзивных внесений, и, согласно теории Н. Фэркло, отражает современные культурно-общественные веяния, исторические традиции государства, равно как и особенности индивидуального ораторского стиля.

Подход Н. Фэркло к критическому дискурс-анализу является уникальным в том, что уделяя большое внимание лингвистическому анализу текстовых материалов, он разработал лингвистические средства анализа текстовых форм и структур.

Этот тип исследования является ценным, так как соединяет структурную форму языка и внешний социальный мир, который он пытается представить. Таким образом, можно получить более глубокое понимание дискурса. Для проверки лингвистических ассоциаций с такой субъективностью Н. Фэркло принимает структуру (Framework), созданную австралийским лингвистом М. Халлидеем, который развил системно-функциональную лингвистическую модель языка, чтобы проводить анализ дискурса на уровне словосочетаний (частей предложений). Соотношение дискурса и социума могут быть обнаружены посредством грамматического анализа каузальных структур. Согласно Н. Фэркло, общество и дискурс действуют в тандеме, дополняя друг друга. Дискурс формирует образ мышления людей, а языковые особенности являются транспортным средством, переносящим идеологии и восприятие социального мира [2].

Выбор языковых средств, используемых политиком, а точнее языковые средства и эмоции, которые они способны вызвать у аудитории, определяют персуазивный эффект речи, победу или поражение. Так, одним из распространенных методов воздействия на аудиторию является сокрытие слов, имеющих негативную коннотацию, использование эвфемизмов – описательных слов, нейтральных по эмоциональной нагрузке.

Политическая коммуникация, особенно та, которая происходит в рамках предвыборной кампании, характеризуется высокой степенью убеждения. При этом метафоре отводится значительная

роль в такой коммуникации. Применение различных метафор в политическом дискурсе позволяет кандидатам соотносить себя с той или иной системой моральных ценностей. Они являются мощным элементом убеждения, который находится не на уровне мнения, но глубже, давая представление о самом концепте.

Язык идеологии включает также такое понятие в составе политической доктрины, как «миранда» – эмоционально положительные слова, функцией которых является укрепление доверия к власти. «Анти-миранда» используются для того, чтобы опорочить политического оппонента или вызвать отрицательные коннотации, связанные с ним.

Кроме того, в контексте политического дискурса рассматриваются ключевые слова, которые часто используются в политической предвыборной борьбе. Они короткие, лаконичные и служат для воздействия на электорат. С помощью этих слов политические деятели стараются выразить собственное отношение к актуальной политической теме. Ключевые слова описывают общую тенденцию, цель или программу группы в виде стилистически сжатых и запоминающихся фраз или слов; они функционируют на абстрактном уровне, имеют задачу привлечь последователей, опорочить оппонента, ориентируются на слушателей, их эмоции.

В политическом дискурсе жанр инаугурационного выступления занимает особое место.

Инаугурационное послание президента выстроено согласно четкой композиционной структуре, включающей следующие разделы: благодарность предшественнику, принятие экономического кризиса, упоминание кризиса прошлого, обращение к критикам и циникам, обращение к миру, оптимистический финал.

Так, в своем выступлении Б. Обама высказывается откровенно, используя следующие фразы уже в начале послания: «The challenges... are real. They are serious and they are many» [5] (*Трудности...реальные. Они серьезные и многочисленные*). В то же время он проявляет качества лидера и решительность как, например, в следующей фразе, говоря о том, что Америка решительно даст отпор трудностям.

Б. Обама выражает надежду. Он цитирует Библию и, ссылаясь на Декларацию независимости, говорит о кризисах прошлого.

Делая краткое отступление, Барак Обама пытается убедить тех, кто скептически относится к его планам. Он использует ключевую фразу: «Their memories are short» [5] (*Их память коротка*).

Б. Обама указывает на новую внешнюю политику, которая основывается на человеческих идеалах.

Президент сравнивает американских граждан с американскими солдатами, поскольку и те, и другие олицетворяют американский дух служения.

В заключении он напоминает аудитории, что вечные американские ценности сохраняются.

В данной речи прослеживаются отсылки к мужественному прошлому Америки, подтверждающиеся историческими примерами, что связано с приверженностью американцев к старым добрым ценностям - верность, патриотизм, стойкость.

Рассмотрим примеры исторических отсылок: «mindful of the sacrifices borne by our ancestors» [5] (*Помню о жертвах праотцов*); «faithful to the ideals of our forebearers» [5] (*преданные идеалам наших отцов-основателей*).

Идеологическая позиция Б. Обамы имеет целью «вплести» инаугурационный дискурс в социальные процессы. В этом отношении прослеживаются отличия дискурса Б. Обамы от дискурса его предшественников в диахроническом ракурсе.

С первых строк просматривается отличие стиля Б. Обамы от стиля Дж. Буша, в котором многократно используется обращение «мои родные американцы» (*my kindred Americans*). Позиция Б. Обамы ориентирована на все национальности и этнические группы.

Обама осуждает корысть людей, говоря о последствиях чрезвычайной ситуации на мировом валютном рынке, он говорит о коллективной неспособности принимать решения, подготовить народ к новым временам. Таким образом, требуются значительные институциональные изменения. Президент признаёт, что война со страхом прогрессирует, тем не менее, он не упоминает террористические организации. Б. Обама использует временной дейксис «сегодня», отождествляя момент речи с точкой отсчета: «Today I say to you that the challenges we face are real, they are serious and they are many.» [5] (*Сегодня я говорю вам, что вызовы, с которыми мы столкнулись, реальны, они серьезные и многочисленны*). Притяжательное местоимение «our» (*наш*) демонстрирует солидарность с народом в сложное время. Таким образом, Б. Обама дает понять аудитории, что он является одним из них и готов вместе с народом переживать трудности на пути к изменениям к лучшему.

Президент приводит несколько примеров из истории Америки, что является характерным для подобного дискурса, упоминая сражения при Конкорде, Геттисбурге, Нормандии и Кхешани.

Прагматизм присутствует во всех высказываниях Б. Обамы. Подразумевается, что для достижения целей необходимы изменения, а не адаптация существующих догм или доктрин.

Далее Б. Обама отступает от принятой тактики противопоставления добра и зла, характерной для Дж. Буша младшего. Он подчеркивает свою решимость придерживаться той идеологии, которая способствует достижению целей: преумножение благосостояния и расширение границ свободы для граждан.

Говоря о развитии экономики, Б. Обама объясняет, что процветание экономики заключается не в увеличении объема внутреннего производства, а в благосостоянии граждан.

Затем в своей речи политик вновь упоминает американское прошлое, акцентируя внимание на исключительности американской республики. Здесь принцип справедливости прослеживается как ключевой в идеологии Б. Обамы, а именно, в его высказываниях о международном сотрудничестве, взаимопонимании между нациями, американском военном вмешательстве в чужие страны.

В следующем отрывке отчетливо прослеживается либеральная идеология, когда президент говорит о социальном и религиозном многообразии страны, которое пыталась подавить администрация Дж. Буша младшего. Таким образом, становится очевидно идеологическое отличие его взглядов от политики республиканцев, которые рассматривают общество как более традиционное и консервативное. На его взгляд, сила страны заключается именно в мультикультурности, пришедшей из разных уголков планеты.

В послании Б. Обамы наблюдается еще одно смещение в идеологической позиции администрации демократов. Бедным нациям необходимо помочь, а богатым следует проявлять больше сочувствия к нуждающимся, проявлять солидарность. Так можно достичь процветания в экономике, повысить уровень жизни граждан, в том числе духовную составляющую.

Далее Б. Обама говорит об истории как о бесконечном источнике вечных американских добродетелей, жертвенности, бескорыстия и свободы. Он характеризует американское общество так, как будто оно временно отошло от этих ценностей, и ему необходимо вновь принять их. В заключении он призывает к гражданам, говоря о долге и обязанностях перед собой и миром: усердно трудиться, быть честным, толерантным, верным, патриотичным. Эти понятия истинны во все времена, оставаясь движущей силой прогресса на протяжении всей истории.

В ходе анализа политического выступления Б. Обамы была произведена выборка и подсчет рекуррентной лексики на электронном ресурсе: www.miratext.ru/keywords-checker/. В результате исследования установлено: речь состоит из 2403 слов. Местоимения *we* (*мы*), *our* (*наш*), *us* (*нам*,

нас) используются в речи чаще всего, что подчёркивает желание Б. Обамы указать на его единение с американским обществом. Он не отделяет себя от аудитории, напротив, отождествляет себя с народом – местоимение I (я) используется лишь 3 раза. Применение персонального дейксиса как средства манипуляции вовлекает аудиторию в выступление, делает ее соавтором, а политика – выступающим от лица американского народа.

Наиболее часто встречаются следующие слова: our (66 раз), we (62 раза), us (20 раз), nation (12 раз), new (11 раз), America (10 раз), people (7 раз), world (7 раз), today (6 раз), time (6 раз), work (6 раз).

Анализ ключевых слов показал, что слова «нация» и «Америка», встречаются наиболее часто, что может быть обусловлено попыткой сконцентрироваться на проблемах внутри страны. Помимо этого, прилагательное «новый» говорит о планах и намерениях президента, его готовности к переменам.

Рассматривая американский политический дискурс, нельзя не отметить обращение к религиозному аспекту, что является распространенным явлением в речах американских политиков. Так как американцы являются религиозной нацией, политик намеренно использует в речи слово God (Бог) и его синонимы, что соответствует их представлению об окружающем мире. Б. Обама, будучи христианином, использует в своих речах прямые цитаты из Библии. Вместе с тем он зачастую высказывается иносказательно, создавая таким образом аллюзии на неё. Словами «мы остаёмся молодой нацией», но «пора взять себя в руки и приступить к работе», он апеллирует к священному писанию, а именно, к Новому завету, Коринфянам 13:11, посланию апостола Павла к церкви в Коринфе. Выбор этой части писания не является случайным. Это так называемая «глава о любви» традиционно зачитываемая на свадьбах, адресована многоконфессиональному народу Америки.

Использование языковых единиц, связанных с религиозным дискурсом, подкрепляет идею о богоизбранности Америки, что находит отражение в национальном девизе In God we trust (На Бога уповаем).

В данном политическом выступлении выявлены следующие стилистические средства образности и выразительности:

- эпитеты: «gathering clouds and raging storms» [5] (*надвигающиеся тучи и бушующие шторма*);

- метонимия: «America has carried on» [5] (*Америка устояла*);

- метафоры: «the skill or vision of those in high office» [5] (*компетентность и подход тех, кто занимает высокие должности*); «we must pick our-

selves up, dust ourselves off» [5] (*мы должны взять себя в руки, встряхнуться*);

- олицетворение: «worn-out dogmas that for far too long have strangled our politics» [5] (*обветшалые догмы, которые так долго подавляли нашу политику*);

- эмпфаза, инверсия: «For us, they toiled in sweatshops and settled the West, endured the lash of the whip and plowed the hard earth» [5] (*Ради нас они трудились в цехах и селились на Западе, терпели удары плетками и вспахивали твердые земли*);

- антитеза: «hope over fear, unity of purpose over conflict and discord» [5] (*надежда, а не страх, единая цель, а не конфликт и вражда*);

- катахреза: «forge a hard-earned peace in Afghanistan» [5] (*наладим с трудом достигнутый мир в Афганистане*);

- полисиндетон: «...these men and women struggled and sacrificed and worked» [5] (*Эти мужчины и женщины боролись и жертвовали и работали*);

- паремия: «their memories are short» [5] (*их память коротка*);

- параллелизм: «Homes have been lost, jobs shed, businesses shuttered» [5] (*Дома потеряны, рабочие места сокращены, бизнес закрыт*);

- риторическое обращение: «But know this America: They will be met» [5] (*Но знай о том, Америка: мы дадим им отпор*).

Задавая определенный ритм речи, Б. Обама трижды повторяет некоторые слова. Так, внимание аудитории акцентируется на определенных понятиях: «all are equal, all are free, and all deserve [...] pursue [...] happiness» [5] (*все равны, все свободны, все заслуживают счастья*).

С помощью подобных параллельных конструкций и противопоставлений Б. Обама повышает экспрессивность высказываний.

Заключение

В данном исследовании анализируется идеологическая составляющая инаугурационного послания Б. Обамы 2009 года. Такая характеристика соответствует представлению Н. Фэркло об идеологии, содержащейся в тексте, формирующей его на разных уровнях. Была предпринята попытка применить теорию Н. Фэркло о «произведении значений через интерпретации» и таким образом расшифровать возможные интерпретации отсылки Б. Обамы. В результате проведенного анализа:

- были выявлены ключевые идеологические компоненты речи Б. Обамы, которые отражают следующие характеристики: прагматизм, либерализм, принятие религиозного и этнического разнообразия, единство.

- анализ ключевых слов показал, что наиболее часто используемыми словами являются слова «нация», «новая» и «Америка», местоимения «мы»

и «наш», которые акцентируют принадлежность президента к данному сообществу.

- цитирование библейских текстов, а именно главы, посвящённой любви, имеет своей целью укрепление единства американского общества.

- общей темой выступления является необходимость обращения к героическому прошлому страны, освещение позитивных исторических

примеров для воодушевления нации во время глобального кризиса и угрозы терроризма.

- инаугурационная речь обладает прагматическим воздействием за счет тщательного подбора лексики, использования лингвостратегических приемов и апелляции к чувствам и эмоциям слушателей.

Литература

1. Gruenert H. Politische Geschichte und Sprachgeschichte. Ueberlegungen zum Zusammenhang von Politik und Sprachgebrauch in Geschichte und Gegenwart. Berlin/New York: de Gruyter. 1984.
2. Fairclough N. Discourse and Social Change. Cambridge: Polity Press, 1992. 272 p.
3. Fairclough N. and Wodak, R. Critical Discourse Analysis // Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction. Vol. 2. Discourse as Social Interaction. London: Thousand Oaks. 1996. 52 p.
4. Ottmers K. Rhetorik. Stuttgart, Weimar: J.B. Metzler. 1996.
5. President Barack Obama's Inaugural Address. [Электронный ресурс]. URL: www.obamawhitehouse.archives.gov/blog/2009/01/21/president-barack-obamas-inaugural-address. (дата обращения: 14.04.2021)

References

1. Gruenert H. Politische Geschichte und Sprachgeschichte. Ueberlegungen zum Zusammenhang von Politik und Sprachgebrauch in Geschichte und Gegenwart. Berlin/New York: de Gruyter. 1984.
2. Fairclough N. Discourse and Social Change. Cambridge: Polity Press, 1992. 272 p.
3. Fairclough N. and Wodak, R. Critical Discourse Analysis. Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction. Vol. 2. Discourse as Social Interaction. London: Thousand Oaks. 1996. 52 p.
4. Ottmers K. Rhetorik. Stuttgart, Weimar: J.B. Metzler. 1996.
5. President Barack Obama's Inaugural Address. [Elektronnyj resurs]. URL: www.obamawhitehouse.archives.gov/blog/2009/01/21/president-barack-obamas-inaugural-address. (data obrashcheniya: 14.04.2021)

*Masalova M.A., Postgraduate,
Adyge State University*

ACTUALIZATION OF MANIPULATIVE STRATEGIES IN BARACK OBAMA'S INAUGURAL SPEECH. STYLISTIC ASPECT

Abstract: this thesis analyzes Barack Obama's 2009 speech from the point of view of the discourse strategies. In the light of N.Fairclough's Critical Discourse Analysis, the main objectives of this study are to investigate and analyze the persuasive strategies, ideological components and stylistic devices used in political discourse. The investigation depicts the means used in the inaugural speech, which can define the overall political purposes. The most prominent words employed by the politician were revealed during the keyword analysis. The article deals with the ideological background of B. Obama's discourse as well as the analysis of Biblical references. Barack Obama uses a wide register of stylistic devices and covers a lot of political topics. They were chosen for persuasive purposes but also in order to inspire people. Special attention is paid to the stylistic choices that make part of the political manipulative strategies. This study focuses on the ideological implications encoded within the texts and reveals the rhetorical devices helping us understand the strategies used. The practical usage of this research is a possibility to use the results in the description of the American political discourse and to develop the methodology of its studying.

Keywords: discourse, critical discourse analysis, persuasive strategies, ideologies, stylistic device, political discourse

*Палкина Н.Н.,
Российский государственный аграрный университет
Московская сельскохозяйственная академия им. К.А. Тимирязева*

КОННОТАТИВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ЗООНИМОВ

Аннотация: представленная статья посвящена коннотативному аспекту семантики зоонимической лексики. В ходе работы выделяются, анализируются и сопоставляются коннотативные компоненты значений зоонимов русского и английского языков. В качестве материала для исследования используются названия распространенных животных. Кроме того, исследуются значения соответствующих отзоонимных производных, а также фразеологических и паремических единиц с компонентом-зоонимом. В результате изучения лексикографических источников были выявлены общие и специфические для каждого языка коннотации, особенности эмоционально-оценочных и экспрессивных значений. Приведенные примеры иллюстрируют национально-культурную специфику зоосимволов и широкий спектр коннотаций, закрепленных за зоолексемами. Делается вывод об использовании зоонимов для передачи преимущественно отрицательных характеристик человека.

Аннотация: зооним, коннотация, оценочность, семантика, переносное значение, английский язык

Наименования животных, окружающих человека, относятся к культурно маркированной лексике и являются предметом изучения лингвистов в широком ряде аспектов. Особое внимание уделяется исследованию национально-культурной специфики зоометафор, в основе которых лежит перенос свойств представителей животного мира на человека. Подобный перенос подразумевает оценочность, что приводит к внедрению коннотативного аспекта в семантику зоонимов. Таким образом, «значимая особенность зоонимов как класса состоит в их устойчивой способности развивать вторичное оценочно-эмотивное значение» [2, с. 168].

Семантика слова включает в себя помимо денотативного компонента «различные разновидности коннотативного компонента значения, характеризующего то или иное отношение говорящего к акту общения, участникам акта общения, сообщаемому и т.д., т.е. несущего дополнительную информацию» [9, с. 30]. Коннотативный макрокомпонент охватывает «внутреннюю форму, оценочный смысл, стилистическую маркированность и экспрессивную окраску, характеризующую обозначаемое слово в целом» [10, с. 15]. Рассматривая содержание коннотации, Г.Н. Складневская [7] выделяет три уровня (или круга): 1) потенциальные семы, репрезентирующие ассоциативные признаки, общие для всего языкового коллектива; 2) скрытые, вероятностные, нечеткие семы; 3) окказиональные семы, отражающие индивидуальные ассоциации, которые служат инструментом поэтических тропов.

Денотативное значение зоонимов связано с наименованием представителя животного мира. Объективные признаки, связанные с внешностью, образом жизни и функциональным применением животных, составляют их сигнификативное значение. Наблюдение за животными позволяет челове-

ку приписывать им ряд оценочных характеристик, которые зачастую закрепляются в коллективном сознании носителей языков. Эмоционально-оценочная составляющая зоо-образа отражена в коннотативном макрокомпоненте лексического значения зоонимов. Определяющими взаимосвязанными компонентами коннотации зоонимов представляются экспрессивность, образность и оценка. Экспрессивность, рассматриваемая как семантическое содержание слова и функция языка, создается контрастом «между метафорическим и собственно номинативным словом – зоонимом, за которым стоит смена сферы употребления и прагматического аспекта слова» [8, с. 13]. Образность связана с национально-культурным представлением о конкретном животном, облеченном «в форму оценочного стереотипа» [8, с. 13]. Оценка выражает личное или общественно закрепленное отношение носителей языка к образу, стоящему за названием животного.

В разных языках за зоонимом закрепляются свои образные значения в следствие индивидуальности мышления конкретного этноса. Некоторые коннотации, перерастающие в символы, являются общими для ряда языков. Изучение зоонимов с точки зрения коннотативного аспекта лексической семантики представляет интерес, т.к. позволяет получить культурно-значимую информацию о носителях языка. Многочисленные исследования семантики зоонимов подтверждают, что «универсальность содержания проявляется по большей части в сфере ядерных сем, в то время как национально-специфические особенности наблюдаются в периферической части лексического значения» [5, с. 233].

Цель данной работы – изучить коннотативный потенциал зоонимов на материале 50 распространенных наименований животных русского и английского языков. В задачи исследования входило

рассмотреть вторичные значения зоонимов, их производных, фразеологических и паремических единиц с исследуемым зоокомпонентом по данным толковых словарей, выделить коннотативные компоненты значения и провести их межъязыковое сопоставление.

Выделение коннотативных аспектов значения осуществлялось в области переносных значений, содержащих положительную или отрицательную оценку, а также на основании эмоционально-оценочных помет в словарях: одобрительное (одобр.), неодобрительное (неодобр.), презрительное (презр.), бранное (бран.), уничижительное (уничиж.), ласкательное (ласк.), шутливое (шутл.), насмешливое (насмешл.), порицательное (пориц.) и др. Следует отметить, что отсутствие подобных помет далеко не всегда свидетельствует об отсутствии коннотации.

Наличие или отсутствие эмоциональных, оценочных и экспрессивных сем в содержании зоонимов, выявляемых при сопоставлении с их коррелятами в другом языке свидетельствует о национально-коннотативной специфике семантики. Исследование оценочных значений позволяет выявить универсальные для многих культур образы, символизирующие определенные качества. *Зайцам* обычно приписываются такие качества, как незащитность и трусость, *собакам* – преданность, *ослам* – упрямство и т.д. Некоторые лексемы помимо общих для двух языков актуальных значений имеют безэквивалентные денотативные семы. Так *лиса* обычно ассоциируется с человеком, беззащитно пользующимся чужой добротой и жалостью – соответственно, и в английском и русском языках обнаруживаются значения «хитрый, коварный, ловкий»; однако английское *fox* употребляется для обозначения «привлекательной, соблазнительной женщины». *Овца* в обоих языках – «робкий, застенчивый человек» и «ограниченный, безвольный человек», а в русском – еще и просторечное, бранное «глупая женщина, дура». В русском языке *орел* имеет положительную коннотационную окраску: так мы говорим о человеке, отличающемся мужественной красотой или удачью, отвагой, смелостью. *Сорокой* мы называем болтливую, шумно говорящего человека, *дятлом* – надоедливую человека, тупицу или зануду, *стукача* (на криминальном жаргоне), *кабаном* – грубого или грузного мужчину. В английском языке *bulldog* – упорный человек, с твердым характером; *suckoo* – глупый человек; *pigeon* – доверчивый человек, простак; «подсадная утка». Встречаются зоонимы с противоположной коннотацией: например, русское *сова* ассоциируется с мудростью, в то время как английское *owl* используется в значении «глупый человек, чванливый дурак». В

некоторых случаях зоониму с нейтральной коннотацией противопоставляется коррелят с ярко выраженной оценочностью: так английское *crab* употребляется по отношению к ворчливому, раздражительному человеку, что не свойственно русскому эквиваленту. В целом важно отменить преобладание отрицательно окрашенных значений в семантическом поле зоонимов обоих языков.

Зоонимы-инвективы, экспрессивные единицы, используемые в качестве оскорблений, характерны для многих языков. Так, инвективное использование названий животных, преимущественно домашних, отмечается у таких русских и английских лексем, как: *собака, пес / dog, кошка / cat, осел / ass, поросенок / pig, свинья / swine, hog, коза, козел / goat, bull / бык, крыса / rat, обезьяна / monkey* и др.

Зоонимы-обращения слабо представлены в лексикографических источниках как оттенки значений наименований животных. Метафоризация этих языковых универсалий часто размыта: зоонимы могут утрачивать свое основное значение и выступать лишь средством передачи близкого или фамильярного отношения говорящего. В русском языке это преимущественно существительные с диминутивной суффиксацией, имеющие ласкательное значение: *зайчик, медвежонок, котик, слоник, кисонька* и т.п. Из исследуемых английских зоонимов выявлено английское обращение *duck*, сопоставимое с русским *голубушка*.

Семантика слова не исчерпывается его дефиницией, а дополняется за счет деривационной, фразеологической и паремической активности исследуемых слов. В этой сфере в значительной степени расширяется коннотативный потенциал зоолексем.

Основой метафорического переноса при образовании отзоонимных глаголов могут служить типичные действия и звуки животного (*обезьяничать, ишачить, to bug* – надоедать, *to beaver* – трудиться не покладая рук), а также приписываемые свойства, черты характера и особенности поведения (*окрыситься* – повести себя по отношению к кому-нибудь злобно, раздражённо; *проворонить* – упустить, прозевать; *собачиться* – громко ругаться, браниться, ссориться; *насобачиться* – научиться или приноровиться ловко, умело делать что-либо; *ершиться* – упрячиться, упираться, горячиться; *быковать* – вести себя неадекватно агрессивно с окружающими; *to pigeon* – обманывать; *to crow* – бахвалиться, злорадствовать; *to cow into* – страхом заставлять; *to chicken out* – выйти из игры, смалодушничать).

Русские отзоонимные прилагательные обнаруживают оценочные значения в словосочетаниях, выражающих сравнение какого-либо объекта с

животным: *лошадиное здоровье, щенячий восторг, медвежья походка, змеиная сущность*. В английском языке вторичные оценочные значения отзоонимных прилагательных встречаются чаще: *crabbed* – сердитый, недовольный, раздражительный, ворчливый; *tigerish* – свирепый, кровожадный; *cattish* – злой, сварливый, недоброжелательный, язвительный; *dovish* – миролюбивый, дружелюбно настроенный; *goatish* – распутный, похотливый; *horsey* – неуклюжий; пестро и крикливо одетый; *lion-hearted* – смелый, храбрый; *rabbit-hearted* – трусливый, *foxy* – хитрый, привлекательный; *piggish* – жадный или упрямый.

В русском языке широко используется метафорическая группа с существительным в творительном падеже в функции обстоятельства: *волком выть, красться кошкой, вести себя свиньей, реветь белугой*. Эти значения могут закрепляться за эквивалентными наречиями: *по-волчьи выть, красться кошкой, вести себя по-свински*. Отзоонимные наречия в обоих языках, как правило, метафоричны и носят преимущественно отрицательную коннотационную окраску.

Экспликация коннотативного потенциала зоолексикой свойственна устойчивым сравнениям и сравнительным оборотам, таким, как: *as melancholy as a cat* – меланхоличный как кошка; *like a scalded cat* – как угорелая кошка; *беден как церковная мышь; как свинья в апельсинах*. Подобные языковые единицы представляются наиболее продуктивными источниками национально-культурной интерпретации зоообразов, они «накоплены в процессе развития нации и определяются по умолчанию для каждого члена языкового коллектива» [13, с. 56]. Наряду с универсальными лингвокультурами (*as hungry as a wolf* – голодный как волк; *as proud as a peacock* – гордый, важный, как павлин; *as quiet as a mouse* – тихий как мышь) выявляется широкий ряд сравнений, не обнаруживающих эквивалентов в исследуемых языках: *тощая как вобла; надутый / важный как индюк; feel as sick as a parrot* – быть разочарованным, подавленным; *as clever as a cartload of monkeys* – быть очень умным; *as happy as a lark* – очень счастливый, веселый; *drunk like a fish / whale* – пьяный как свинья.

Несмотря на то что часть фразеологизмов утрачивает изначальные семы зоонимов, большинство компонентов-названий животных при фразеологическом употреблении «помещаются в разные ситуации, где могут быть акцентированы их различные признаки, что не всегда отражено в семах самого названия животного» [3, с. 206]. Коннотация фразеологизма с зоокомпонентом «транслирует образы, сложившиеся в миропонимании нации, ее характерологические черты и усваивается вместе с овладением языком, через опосредованную интерпретацию и трансляцию культурно-маркирован-

ного знака и образа» [13, с. 56]. При сопоставлении зоофразеологизмов русского и английского языков встречаются единицы, схожие по значению: *lone wolf* – волк-одиночка (человек, живущий особняком, избегающий знакомств и общественной жизни), *a dog in the manger* – собака на сене (о человеке, не желающем делать что-либо и мешающем другим), *snake in the grass* – змея подколотная (обманчивый, изменчивый человек, скрытый враг). Большая часть идиом безэквивалентна и позволяет выявить национально-специфические коннотации зоонимов, входящих в их состав: *пустить козла в огород; медвежья услуга; канцелярская крыса; to go ape* – сильно разволноваться или вести себя как сумасшедший; *horse sense* – здравый смысл, мудрость в принятии решений; *to smell a rat* – подозревать, чувствовать подвох, чутать неладное. И в русском, и в английском языке преобладают фразеологизмы с пейоративной окрашенностью, что объясняется «универсальностью механизма оценки представителей животного мира языковыми сообществами, который имеет психологическую подоплеку: животные в мире человека стоят на низшей ступени иерархии» [11, с. 21].

Яркими экспрессивно-оценочными значениями обладают пословицы с зоокомпонентом, свойственные всем языкам и отражающие национально-культурные особенности мышления этносов. При наличии определенного числа полных и частичных смысловых эквивалентов (*The wolf may change his coat, but not his disposition* – Как волка ни корми, он все в лес смотрит; *A cock is valiant on his own dunghill* – На своей улочке храбра и курочка) выявляются паремии со специфическим для каждого языка коннотативным наполнением зоонимов (*Корова черна, да молоко у неё белое; Собаке – собачья смерть; Быстро заяц бегаёт, да дешево стоит; Old foxes need no tutors* – Яйца курицу не учат; *You can take a horse to the water but you cannot make him drink* – Силою не все возьмешь).

Таким образом, в лексической системе русского и английского языков прослеживается смешанная эмоционально-оценочная коннотация зоонимов, отражающая субъективные стороны восприятия окружающего мира и животных этносами. При этом исследование подтвердило выводы ряда ученых о том, что зоонимы как единицы вторичной номинации «чаще всего используются для отрицательной характеристики человека и для выражения различных негативных речевых интенций, что позволяет включать их в состав инвективной лексики» [2, с. 45]. Различия в степени коннотативной наполненности и качестве коннотаций может давать представление о своеобразии ценностной картины мира и менталитета носителей языка.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
2. Гэн Юаньюань. Моделирование лексико-derivационного пространства (на материале русской зоолексики): дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2018. 238 с.
3. Лазарева О.М. Структурно-семантические, прагматические и гендерные особенности анималистической фразеологии (на материале электронных версий англоязычных изданий): дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2018. 240 с.
4. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. СПб.: Норинт, 2000. 716 с.
5. Палкина Н.Н. Семантика интернациональных зоонимов русского и английского языков. Современный ученый, 2020. № 4. С. 230 – 235.
6. Семантический словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068&di=vsem1&wi=6363> / (дата обращения: 27.04.2021)
7. Складневская Г.Н. Метафора в системе языка. СПб.: Наука, 2004. 165 с.
8. Солнцева Н.В. Сопоставительный анализ зоонимов русского, французского и немецкого языков в этносемантическом аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2004. 32 с.
9. Стернин И.А. Проблемы анализа структура значения слова. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1979. 156 с.
10. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986. 141 с.
11. Тишкина Д.А. Фразеологические единицы с компонентом-зоонимом в английском и русском языках: сопоставительный анализ: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2008. 22 с.
12. Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: Норинт, 2004. 768 с.
13. Яковлева Е.С. Особенности фразеологических единиц с компонентом-зоонимом (на материале китайского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2018. 201 с.
14. Cambridge Idioms Dictionary. 2nd ed. Cambridge University Press, 2009. 502 p.
15. Free Dictionary: Dictionary, Encyclopedia and Thesaurus [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.thefreedictionary.com/> / (дата обращения: 27.04.2021)
16. Longman Dictionary of Contemporary English Online [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ldoceonline.com/> / (дата обращения: 27.04.2021)
17. Speake J. (ed.). The Oxford Dictionary of Proverbs. 5th ed. Oxford University Press, 2009. 388 p.
18. Woordhunt [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://woordhunt.ru/word/eurasian/> / (дата обращения: 27.04.2021)

References

1. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka. Sost. i gl. red. S.A. Kuznecov. SPb.: Norint, 2000. 1536 s.
2. Gen YUan'yuan'. Modelirovanie leksiko-derivacionnogo prostranstva (na materiale russkoj zooleksiki): dis. ... kand. filol. nauk. Ekaterinburg, 2018. 238 s.
3. Lazareva O.M. Strukturno-semanticheskie, pragmaticheskie i gendernye osobennosti animalisticheskoy frazeologii (na materiale elektronnyh versij angloyazychnyh izdaniy): dis. ... kand. fi-lol. nauk. Moskva, 2018. 240 s.
4. Mokienko V.M., Nikitina T.G. Bol'shoj slovar' russkogo zhargona. SPb.: Norint, 2000. 716 s.
5. Palkina N.N. Semantika internacional'nyh zoonimov russkogo i anglijskogo yazykov. Sovremennyy uchenyj, 2020. № 4. S. 230 – 235.
6. Semanticheskij slovar' [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068&di=vsem1&wi=6363> / (data obrashcheniya: 27.04.2021)
7. Sklyarevskaya G.N. Metafora v sisteme yazyka. SPb.: Nauka, 2004. 165 s.
8. Solnceva N.V. Sopostavitel'nyj analiz zoonimov russkogo, francuzskogo i nemeckogo yazykov v etnosemanticheskom aspekte: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Omsk, 2004. 32 s.
9. Sternin I.A. Problemy analiza struktura znacheniya slova. Voronezh: Izd-vo VGU, 1979. 156 s.
10. Teliya V.N. Konnotativnyj aspekt semantiki nominativnyh edinic. M., 1986. 141 s.
11. Tishkina D.A. Frazeologicheskie edinicy s komponentom-zoonimom v anglijskom i russkom yazykah: sopostavitel'nyj analiz: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Kazan', 2008. 22 s.
12. Himik V.V. Bol'shoj slovar' russkoj razgovornoj ekspressivnoj rechi. SPb.: Norint, 2004. 768 s.
13. YAkovleva E.S. Osobennosti frazeologicheskikh edinic s komponentom-zoonimom (na materiale kitajskogo i anglijskogo yazykov): dis. ... kand. filol. nauk. Saratov, 2018. 201 s.
14. Cambridge Idioms Dictionary. 2nd ed. Cambridge University Press, 2009. 502 p.

15. Free Dictionary: Dictionary, Encyclopedia and Thesaurus [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.thefreedictionary.com/> (data obrashcheniya: 27.04.2021)
16. Longman Dictionary of Contemporary English Online [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.ldoceonline.com/> (data obrashcheniya: 27.04.2021)
17. Speake J. (ed.). The Oxford Dictionary of Proverbs. 5th ed. Oxford University Press, 2009. 388 p.
18. Woordhunt [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://woordhunt.ru/word/eurasian/> (data obrashcheniya: 27.04.2021)

*Palkina N.N.,
Russian State Agrarian University
Moscow Timiryazev Agricultural Academy*

CONNOTATIVE CONTENT OF ZOONYMS

Abstract: the presented article is devoted to the connotative aspect of the semantics of zoonymic vocabulary. In the course of the work, the connotative components of the meanings of zoonyms of the Russian and English languages are distinguished, analyzed and compared. The names of common animals are used as research material. In addition, the meanings of the corresponding derivatives of zoonyms, as well as phraseological and paremic units with a zoonym component are investigated. As a result of the study of lexicographic sources, general and specific features of connotations, emotional-evaluative and expressive meanings were identified for each language. The given examples illustrate the national and cultural peculiarity of zoonymic symbols and a wide range of connotations assigned to zoonymic vocabulary. The conclusion is made about the use of zoonyms for the transmission of predominantly negative characteristics of a person.

Keywords: zoonym, connotation, evaluation, semantics, figurative meaning, the English language

*Погорелова И.В., кандидат филологических наук, доцент,
Коренева А.О.,
Липецкий государственный педагогический
университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского*

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ВЕКТОРЫ ЛИБФИКСНОЙ ДЕРИВАЦИИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация: цель исследования – раскрыть особенности семантики либфиксов (единиц аффиксного типа, отличающихся связанным употреблением). В статье рассматривается специфика либфиксной деривации. Показано, что как особый класс аффиксоидов либфиксы не просто образуют слова разных лексико-грамматических классов, но и сообщают им дополнительные социокультурные смыслы. Научная новизна исследования заключается в подходе к изучению деривационных процессов с участием либфиксов одновременно с точки зрения лексического значения рассматриваемых единиц и ролевой семантики отношений между корневой морфемой и аффиксоидом (либфиксом). В результате определены и охарактеризованы семантические векторы взаимодействия либфиксов с корневыми морфемами: агенсный, пациенсный, каузативный, бенефактивный, статусный, локативный, эрготивный и инструментальный. Практическая значимость исследования заключается в том, что предлагаемый в статье опыт интеграции лексической и ролевой семантики при анализе функционирования аффиксоидов особого типа (либфиксов) может быть применён в аналогичных исследованиях на материале других языков, способствуя лучшему пониманию глубинных семантических процессов, лежащих в основе лексической деривации. Результаты исследования могут быть использованы в вузах гуманитарного направления при изучении спецкурсов и спецсеминаров по лексикологии, семантике, типологии, а также в практическом курсе английского языка.

Ключевые слова: либфикс; семантика; лексическая деривация; семантическая роль; аффиксоид

Введение

Актуальность проблематики, затрагиваемой в статье, связана с тем, что рассматриваемые в ней семантические процессы вызваны относительно новым явлением в английском языке 21 века – либфиксами. Термином «либфиксы» обозначается особая группа словообразовательных средств, с помощью которых осуществляется наиболее продуктивный способ словообразования в современном английском языке – аффиксация. Аффиксация представляет собой процесс прибавления аффикса к корню или основе слова. В зависимости от позиционной характеристики в классе аффиксальных морфем различают префиксы, суффиксы, постфиксы и инфиксы [1]. Большой интерес для анализа представляют морфемы переходного типа, являющиеся корневыми морфемами, аналогичными по функции аффиксам, но изменяющими семантику слова путём привнесения в него нового значения. Данные морфемы объединяются в отдельную группу сложных компонентов слов, также обозначаемых термином аффиксоиды (combining forms). Являясь компонентами сложных слов, они делятся на префиксоиды и суффиксоиды [4]. Вопросам функционирования аффиксоидов как в русском, так и в английском языках посвящено немало количество исследований [5, 7, 8, 9, 10, 11] и мн. др.). Учитывая, что о морфемах, находящихся в пограничном состоянии (скажем, в процессе перехода от корня к аффиксу или от части слова к компоненту сложного слова / аффиксу), учёные говорят ещё с середины прошлого века [2, 3, 4, 12]

и др.), аффиксоиды нельзя назвать новым лингвистическим явлением. Однако, как показывает анализ языкового материала, и этот класс морфем демонстрирует в английском языке интересную тенденцию в развитии, выразившуюся в появлении т.н. либфиксов – независимых отделившихся частей слов, формально и функционально соответствующих аффиксам и используемых чаще всего только в составе слова. Актуальность представленного исследования обусловлена тем, что, с одной стороны, в настоящее время либфиксы получают всё большее распространение в языке англоязычных СМИ (прежде всего онлайн-медиа), а с другой – остаются малоизученным вопросом в англистике: работы, посвящённые функционированию либфиксов, за редким исключением имеют формат лингвистических блогов, а не научных статей.

Достижение цели исследования – рассмотрение специфики либфиксной деривации в английском языке – потребовало решения следующих задач: во-первых, продемонстрировать возрастающую употребительность либфиксов в современном английском языке; во-вторых, охарактеризовать либфиксы как морфемообразные единицы, передающие лингвокультурную информацию, что будет способствовать уточнению статуса либфиксов в классе аффиксоидов; в-третьих, выявить семантические векторы деривационных процессов, в которых задействованы либфиксы.

Решение поставленных задач осуществлялось с помощью таких **методов исследования**, как ана-

лиз и синтез, конкретизация, а также системный анализ.

Теоретической базой исследования послужили идеи профессора лингвистики Стэнфордского университета Арнольда Цвики, который в 2010 году выделил особую группу аффиксоидов, назвав её «либфиксы» ([20], [21]), а также исследования С. Кери ([13], [14]), К. Горман [16], К. Максвелла [17], М. Норде [18] и основные положения ролевой семантики [6].

Материалом исследования послужили либфиксные дериваты, полученные методом выборки из текстов блогов, онлайн-словаря Urban Dictionary [19] и корпуса текстов онлайн-ресурса Fraise.it [15].

Согласно определению А. Цвики, либфиксы – это свободные (*liberated*) части слов, схожие по функции и форме с аффиксами и используемые чаще всего только в составе слова. Функционально аналогичные аффиксам, либфиксы имеют более специализированную семантику, чем такие распространённые аффиксы, как, скажем, *re-*, *-er*, *in-*, *-ment*, *-ation* и т.п. [3]. Исследователь также придерживается разделения данных морфем на прелибфиксы и постлибфиксы в зависимости от их расположения относительно корня слова [5].

Появляясь в языке и постепенно закрепляясь в нём, многие либфиксы становятся привычными для пользователей данного языка. В качестве примера можно привести прелибфикс (префиксоид) *eco-* в таких лексических единицах, как *eco-friendly* (экологичный), *ecotourism* (экотуризм), *ecomaterial* (экоматериал), *ecoeficiency* (экологическая эффективность). К группе наиболее распространённых либфиксов автор термина относит известные префиксоиды, типа *lingua-*, *socio-*, *geo-*, *bio-*. Например: *linguacide* (*lingua-* + *-cide* – гибель языка), *geobag* (*geo-* + *-bag* – биоразлагаемый пакет), *sociolect* (*socio-* + *-lect* – диалект, используемый определённой социальной группой), *bioterrorism* (*bio-* + *-terrorism* – биотерроризм).

Всё больше проникая в современную английскую речь, либфиксы, как любые деривационные морфемы, служат средством образования новых существительных, прилагательных и глаголов, однако при этом либфиксы нередко бывают нагружены информацией социокультурного порядка, что является их отличительной особенностью. Так, лексические единицы, образованные либфиксом *-splain* (от англ. *explain* («объяснять»)), связаны с гендерно-расовым аспектом жизни общества (*mansplaining* (снисходительный тон, которого придерживается мужчина в общении с женщиной из-за убеждённости в превосходстве мужского пола), *whitesplaining* (дискурс белого человека в разговоре с представителем другой расы при обсуж-

дении расовых вопросов), *blacksplaining* (то же, что и *whitesplaining*, но с позиции говорящего-представителя негроидной расы); либфикс *-cation* (от англ. *vacation* («каникулы» / «отпуск») предполагает лингвокультурную отсылку к быту англоязычного социума – в частности, к распространённым в нём видам отдыха (*daycation* (однодневная развлекательная поездка), *haycation* (отдых на ферме), *greycation* (семейный отдых вместе с бабушками и дедушками)), а *-tastic* и *-tacular* (от англ. *fantastic* («фантастический» / «потрясающий») и *spectacular* («зрелищный» / «захватывающий»)) образуют прилагательные, отражающие современную речевую моду (*spooktacular* (страшный и захватывающий одновременно), *craptacular* (очень плохого качества), *poptastic* (отличный), *babetastic* (красивая (о девушке))).

Примечательна способность либфиксов образовывать слова многовекторной семантики. К примеру, либфикс *-fluencer* (от англ. *influencer* («влиятельный человек»)), получивший распространение с развитием СМИ и социальных сетей, в целом, обозначает человека, активно использующего социальные сети для рекламы определённых продуктов или собственных идей. Например: *bookfluencer* (человек, влияющий на выбор книг), *fatfluencer* (человек, влияющий на выбор калорийной пищи), *gymfluencer* (человек, вдохновляющий своим спортивным видом на здоровый образ жизни), *tumfluencer* (женщина-мать, которая оказывает влияние на выбор потребительских товаров благодаря публикациям в своём блоге) и др. Однако анализ семантической структуры производных данного ряда позволяет говорить о разнонаправленных семантических векторах, наблюдающихся в их структуре. Так, *teenfluencer* может одновременно обозначать и подростка, использующего социальные сети для продвижения своих идей (агенсный вектор), и к лицу любого возраста, влияющего на потребительские привычки подростков, и на их комбинацию, то есть подростка, влияющего на своих сверстников (патиенсный вектор). Дериват *petfluencer* (вкуче с его вариантами *catfluencer*, *pupfluencer*, *dogfluencer*) обнаруживает двойной агенсный вектор, поскольку может обозначать и человека, использующего своего питомца для увеличения собственной популярности, и самого питомца, имеющего свой аккаунт в социальных сетях [4].

Интересны сочетания либфиксов с именами собственными. Возвращаясь к либфиксу *-fluencer*, можно сказать, что его комбинация с именами собственными называет человека, использующего методы достижения целей, характерные для лица, обозначенного именем собственным. Так, например, слово *Trumpfluencer*, получив своё начало в

политической сфере, обозначает человека или онлайн-сервис / платформу, поддерживающие экс-президента США Д. Трампа (бенефактивный вектор). Комбинация либфикса *-geddon* (от англ. *Armageddon* («Армагеддон»)) с именами собственными характеризуется патиенсным и каузативным векторами. Сравните: *Osamageddon*, где данный либфикс сочетается с компонентом, обозначающим лицо, чьё влияние ставится под угрозу уничтожения (патиенсный вектор), и *Obamageddon* / *Trumpageddon* где первый компонент деривата обозначает лицо, ставшее причиной социально-экономического или политического упадка (каузативный вектор). Аналогичная тенденция прослеживается при образовании дериватов с помощью близкого по значению к *-geddon* либфикса – *rococalypse* (от англ. *apocalypse* («апокалипсис»)). Так, в словах *alpacocalypse* (апокалиптическая теория гибели планеты от нашествия альпак) / *robotocalypse* (гибель человечества в результате захвата власти роботами) либфикс сочетается с элементом, называющим причину всеобщей катастрофы (каузативный вектор), а в слове *beepocalypse* (массовая гибель пчёл) – с элементом, обозначающим нечто, чьё существование находится на грани исчезновения (патиенсный вектор).

Особенно следует отметить набирающий всё большую популярность либфикс *-preneur*. Отделившись от слова *entrepreneur* (предприниматель), в сочетании с другими корнями он используется для описания различных категорий людей, занимающихся предпринимательством. Корни, с которыми сочетается данный либфикс, чаще всего выражают отсылку к человеку, однако смысловые отношения между компонентами слов, образованных с его помощью, могут быть различными. Так, например, *tata-preneur* – это предпринимательница, чья деятельность неразрывно связана с собственным материнством. К другим дериватам этого ряда относятся *tut-preneur* (как вариант *tata-preneur*), *dad-preneur* и *teen-preneur* (от англ. *dad* («папа») и *teen* («подросток»)). Либфикс *-preneur* в данном случае обозначает предпринимателя, имеющего определённый социальный статус. Иными словами, в этой группе либфиксных дериватов реализуется статусный семантический вектор.

В другой части дериватов с либфиксом *-preneur* первый элемент указывает на сферу деятельности предпринимателя. В результате возникают слова, которые обозначают лицо, самостоятельно создающее продукт и продающее его: например, *teacher-preneur* (от англ. *teacher* («учитель»)) – человек, занимающийся одновременно преподаванием и созданием собственных образовательных продуктов / программ (сюда же относятся учителя-фрилансеры, работающие дистанционно); *pas-*

torpreneur (от англ. *pastor* («пастор»)) – христианский лидер-новатор, желающий идти на риск, аналитичный бизнес-рискам, в попытке вырастить свою церковь и общество для продвижения христианской миссии, а также *actor-preneur* и *writer (author)-preneur* (от англ. *actor* («актёр») и *writer* («писатель»)). Сочетание подобных корней с либфиксом *-preneur* реализует эрготический семантический вектор (от греч. *ergon* («работа»)).

Также распространены комбинации с постлибфиксом *-preneur*, в которых первый элемент называет нечто, являющееся объектом предпринимательства или же продуктом, продающимся в процессе предпринимательской деятельности. Среди них *inventpreneur* (от англ. *to invent* («изобретать»)) – человек, стремящийся продавать и производить собственные изобретения и продукты, *infopreneur* (от англ. *information* («информация»)) – человек, занимающийся сбором и продажей электронных данных, *ganja-preneur* (тот, кто нелегально торгует наркотиками) и по аналогии *food-preneur*, *book-preneur* (от англ. *ganja* («конопля»), *food* («еда») и *book* («книга»)) [6]. Реализующийся здесь семантический вектор можно считать разновидностью эрготического или же, возвращаясь к терминологии ролевой семантики, его можно назвать инструментальным.

К числу либфиксов профессором Цвики также относится суффикс множественного числа латинского происхождения *-apa*, который «освобождаясь» (отделяясь) от слов, обозначающих названия литературных произведений / объектов культурного наследия, позволяет образовывать собирательные существительные. Данные существительные обозначают явления, связанные с тем или иным лицом, местом, периодом, или же сферой, представляющими собой интерес для человека или науки. С помощью указанного либфикса могут образовываться такие дериваты, как *Americana* / *Africana* / *Alaskana* / *Californiana* / *Hungariana*, обозначающие географию, предметы, символы, документы и явления, связанные с жизнью людей в Америке, Африке, на Аляске, в Калифорнии, Венгрии соответственно. Так в деривационных отношениях либфикса и корня проявляется ещё один семантический вектор – локативный. Однако в таких словах, как *Victoriana* и *Edwardiana*, наблюдается одновременно и темпоративный, и агенный семантические векторы. Дело в том, что данные слова могут обозначать и явления, свойственные Викторианской и Эдвардианской эпохам в истории Великобритании и Индии, то есть определённому периоду времени, и предметы и явления, связанные непосредственно с королевой Викторией и королём Эдуардом VII и их правлением. Этот же либфикс встречается в словах типа *Dis-*

пеуана (всё, что относится к деятельности компании Уолта Диснея), *Shakespeareana* (произведения У. Шекспира и всё, что связано с его личностью), *Johnsoniana / Swinberneana* (высказывания и труды английских писателей Сэмюэла Джонсона / Алджернона Ч. Суинберна), реализуя агенсно-авторский вектор.

Ещё одним примером реализации векторной семантики в либфиксных деривационных процессах является либфикс *-gate*, берущий своё начало в политической сфере от знаменитого политического скандала «Уотергейт» (англ. *Watergate*) в США в 1972-1974 годах, ставший причиной ухода Р. Никсона с поста президента. Многие дериваты, образованные с его помощью, постепенно выходят из употребления, однако дериваты, обозначающие значительные исторические моменты, используются до сих пор. Как показывает анализ фактического материала, либфикс *-gate* используется для обозначения различного рода разногласий и конфликтов. Так, *Angolagate* обозначает политический конфликт 2008 года, связанный с поставками оружия из Франции в Анголу с 1993 по 2000 годы (бенефактивно-целевой вектор); *Robogate* служит обозначением конфликта во время выборов в Канаде, когда избирателям поступали автоматизированные (роботизированные) звонки с целью срыва выборов (инструментальный вектор); лексическая единица «*Pizzagate*» обозначает скандал, когда в 2004 году тренера футбольного клуба «Манчестер Юнайтед» забросали остатками еды (в том числе пиццы), демонстрирует и тематический, и инструментальный векторы. *Obamagate* – предполагаемые попытки экс-президента США Б. Обамы предотвратить вступление Д. Трампа на пост президента (агенсно-каузативный вектор).

Наконец, широкую популярность имеет либфикс *-tainment*, отделившийся от слова *enter-*

tainment («развлечение») и, соответственно, использующийся для обозначения различного рода развлечений. Так, *China-tainment* обозначает различные способы развлечься в Китае (локативный вектор), а слова *computainment*, *teletainment*, *digitainment* – развлечения с помощью компьютера, телевизора и прочей электроники (инструментальный вектор). Слово же *Inter-tainment* означает и использование Интернета для развлечения (инструментальный вектор), и способы развлечения, найденные посредством Интернета, или же находящиеся в сети (вектор-источник)

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. Либфиксы являются быстро растущим явлением в современном английском языке. Как особый класс аффиксоидов они не просто образуют слова разных частей речи, но в подавляющем большинстве случаев сообщают им дополнительные социокультурные смыслы, а также взаимодействуют с корневыми морфемами по разным семантическим векторам, обнаруживающимся не только в различных группах либфиксных дериватов, но и внутри них. В частности, в статье было продемонстрировано функционирование агенсного, патиенсного, каузативного, бенефактивного, локативного, статусного, эрготивного и инструментального векторов.

Перспективы дальнейшего исследования мы видим в более детальном изучении либфиксной деривации в современном английском языке, предполагающем акцент на корреляции той или иной группы либфиксов и комбинаторности компонентов сложного слова, а также прагмасемантических факторов адресата (целевой аудитории) и статусности продуцента и реципиента.

Литература

1. Абдурахманова П.Д., Идрисова П.Г., Османов У.Ю. Образование сложных слов в английском языке при помощи аффиксов // МНКО. 2017. № 2 (63). С. 391 – 393.
2. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.-Л.: Учпедгиз, 1947. 784 с.
3. Виноградов В.В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии // Вопросы теории и истории языка в свете трудов И.В. Сталина по языкознанию. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. 494 с.
4. Волкова Н.А., Драчева С.И. Аффиксоиды как морфемы переходного типа в словообразовательной системе русского языка // МНКО. 2020. №4 (83). С. 307 – 309.
4. Григорьев В.П. О границах между словосложением и аффиксацией // Вопросы языкознания, 1956. № 4. С. 38 – 53.
5. Заботкина В.И. Новая лексика современного английского языка. М.: Высшая школа, 1989. 126 с.
6. Кубрякова Е.С., Панкрац Ю.Г. Падежная грамматика // Современные зарубежные грамматические теории. М., 1985.
7. Мешков О.Д. Словообразование современного английского языка. М.: Наука, 1976. 248 с.
8. Мурзаков А.А. Роль слияний в образовании аффиксоидов в современном английском языке // Известия СПбГЭТУ «ЛЭТИ». 2011. № 2. С. 92 – 96.

9. Немченко В.Н. Термины «аффиксоид», «префиксоид», «суффиксоид» и их синонимы в современном языкознании // Гуманитарные термины в специальной литературе. Горький, 1990. С. 31 – 37.
10. Тарасова Л.А. К вопросу о дифференциации понятий «аффиксоид» и «комбинирующаяся форма»: Materiály IX Mezinárodní Vědecko-Practická Konference “Dny Vědy-2013”, 27.03. 2013 – 05.04.2013, Díl 21, Filologické vědy. Praha. Publishing House “Education and Science” s.r.o. 2013. P. 26 – 29.
11. Plag I. Word-formation in English. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 264 p.
12. Шанский Н.М. Основы словообразовательного анализа. М.: Учпедгиз, 1953. 56 с.
13. Carey S. It’s a libfix-aganza! [Электронный ресурс]. URL: <https://www.macmillandictionaryblog.com/its-a-libfix-aganza> (дата обращения: 05.05.2021).
14. Carey S. Vocative commas, -ise/-ize, and the -fishing libfix [Электронный ресурс]. URL: <https://stancarey.wordpress.com/2020/01/16/vocative-commas-ise-ize-and-the-fishing-libfix/> (дата обращения: 15.05.2021)
15. Frazе.it [Электронный ресурс]. URL: <https://frazе.it/> (дата обращения: 15.05.2021)
16. Gorman K. Defining libfixes [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wellformedness.com/blog/defining-libfixes/> (дата обращения: 15.05.2021)
17. Maxwell K. Buzzword fluencer [Электронный ресурс]. URL: <https://www.macmillandictionary.com/buzzword/entries/fluencer.html> (дата обращения: 15.05.2021)
18. Norde M., Sippach S. Nerdalicious scientainment: A network analysis of English libfixes // Word Structure, Volume 12 Issue 3, Page 353-384, ISSN 1750-1245 Available Online Oct 2019 (<https://doi.org/10.3366/word.2019.0153>).
19. Urban Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.urbandictionary.com/> (дата обращения: 15.05.2021).
20. Zwicky A. Libfixes. [Электронный ресурс]. URL: <https://arnoldzwicky.org/2010/01/23/libfixes/> (дата обращения: 15.05.2021)
21. Zwicky A. Preneurs. [Электронный ресурс]. URL: <https://arnoldzwicky.org/2010/01/03/preneurs/> (дата обращения: 15.05.2021)

References

1. Abdurahmanova P.D., Idrisova P.G., Osmanov U.YU. Obrazovanie slozhnyh slov v anglijskom yazyke pri pomoshchi affiksov. MNKO. 2017. № 2 (63). S. 391 – 393.
2. Vinogradov V.V. Russkij yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove. M.-L.: Uchpedgiz, 1947. 784 s.
3. Vinogradov V.V. Slovoobrazovanie v ego otnoshenii k grammatike i leksikologii. Voprosy teorii i istorii yazyka v svete trudov I.V. Stalina po yazykoznaniiyu. M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1952. 494 s.
4. Volkova N.A., Dracheva S.I. Affiksoidy kak morfemy perekhodnogo tipa v slovoobrazovatel'noj sisteme russkogo yazyka. MNKO. 2020. №4 (83). S. 307 – 309.
4. Grigor'ev V.P. O granicah mezhdru slovoslozheniem i affiksaciej. Voprosy yazykoznaniiya, 1956. № 4. S. 38 – 53.
5. Zabotkina V.I. Novaya leksika sovremennogo anglijskogo yazyka. M.: Vysshaya shkola, 1989. 126 s.
6. Kubryakova E.S., Pankrac YU.G. Padezhnaya grammatika. Sovremennye zarubezhnye grammaticheskie teorii. M., 1985.
7. Meshkov O.D. Slovoobrazovanie sovremennogo anglijskogo yazyka. M.: Nauka, 1976. 248 s.
8. Murzakov A.A. Rol' sliyanij v obrazovanii affiksoidov v sovremennom anglijskom yazyke. Izvestiya SPbGETU «LETI». 2011. № 2. S. 92 – 96.
9. Nemchenko V.N. Termini «affiksoid», «prefiksoid», «suffiksoid» i ih sinonimy v sovremennom yazykoznanii. Gumanitarnye terminy v special'noj literature. Gor'kij, 1990. S. 31 – 37.
10. Tarasova L.A. K voprosu o differenciacii ponyatij «affiksoid» i «kombiniruyushchayasya forma»: Materiály IX Mezinárodní Vědecko-Practická Konference “Dny Vědy-2013”, 27.03. 2013 – 05.04.2013, Díl 21, Filologické vědy. Praha. Publishing House “Education and Science” s.r.o. 2013. P. 26 – 29.
11. Plag I. Word-formation in English. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 264 p.
12. SHanskij N.M. Osnovy slovoobrazovatel'nogo analiza. M.: Uchpedgiz, 1953. 56 s.
13. Carey S. It’s a libfix-aganza! [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.macmillandictionaryblog.com/its-a-libfix-aganza> (data obrashcheniya: 05.05.2021).
14. Carey S. Vocative commas, -ise/-ize, and the -fishing libfix [Elektronnyj resurs]. URL: <https://stancarey.wordpress.com/2020/01/16/vocative-commas-ise-ize-and-the-fishing-libfix/> (data obrashcheniya: 15.05.2021)
15. Frazе.it [Elektronnyj resurs]. URL: <https://frazе.it/> (data obrashcheniya: 15.05.2021)

16. Gorman K. Defining libfixes [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.wellformedness.com/blog/defining-libfixes/> (data obrashcheniya: 15.05.2021)
17. Maxwell K. Buzzword fluencer [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.macmillandictionary.com/buzzword/entries/fluencer.html> (data obrashcheniya: 15.05.2021)
18. Norde M., Sippach S. Nerdalicious scientainment: A network analysis of English libfixes // *Word Structure*, Volume 12 Issue 3, Page 353-384, ISSN 1750-1245 Available Online Oct 2019 (<https://doi.org/10.3366/word.2019.0153>).
19. Urban Dictionary [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.urbandictionary.com/> (data obrashcheniya: 15.05.2021).
20. Zwicky A. Libfixes. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://arnoldzwicky.org/2010/01/23/libfixes/> (data obrashcheniya: 15.05.2021)
21. Zwicky A. Preneurs. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://arnoldzwicky.org/2010/01/03/preneurs/> (data obrashcheniya: 15.05.2021)

*Pogorelova I.V., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Koreneva A.O.,
Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University*

SEMANTIC VECTORS OF LIBFIXATION IN THE ENGLISH LANGUAGE

Abstract: the study aims to explore some peculiarities of the semantics of libfixes (affix-like units distinguished by their bound character). The article discusses the specificity of libfix-effected derivation. It was demonstrated that as a special class of affixoids, libfixes not only form words of different lexico-grammatical classes, but they also impart additional socio-cultural meanings to them. The scientific novelty of the research lies in the comprehensive analysis of the semantics of libfixes which takes into consideration both the lexical meaning of the units under discussion and the participant role semantics realised in derivational processes effected by libfixes. As a result, agent, patient, causative, beneficial, status, locative, ergotive and instrumental vectors of semantic interaction between libfixes and root morphemes were determined and described. The practical significance of the research consists in the fact that the comprehensive analysis taking into account both the lexical meaning of a combining form and semantic roles of its components in studying a special type of affixoids (libfixes) can be applied in similar research using the material of other languages, which will contribute to a better understanding of the deep semantic processes underlying lexical derivation. The research results can be of interest to students and teachers of Linguistics as well as to any learner of modern English.

Keywords: libfix; semantics, lexical derivation, semantic role, affixoid

*Акимова А.С., кандидат филологических наук, научный сотрудник,
Институт гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера Сибирского отделения
Российской академии наук*

О ТЕРМИНОЛОГИИ ЯКУТСКОГО ХОМУСА

Аннотация: в статье рассматриваются слова-термины относящиеся, к якутскому хомусу, обозначающие его разновидности и приемы игры на этом музыкальном инструменте. Хомус (варган) – древний музыкальный инструмент народа саха. По предположениям исследователей, возраст якутского хомуса составляет более пяти тысяч лет. Этот музыкальный инструмент дошел до наших дней благодаря якутским кузнецам.

Термины приемов игры на хомусе в большинстве случаев переданы составными терминами. Составные термины состоят из двух компонентов – некогда свободных словосочетаний, которые в результате лексикализации приобретают семантическую цельность, проявляющуюся в устойчивой связи его компонентов.

Автор акцентирует внимание на необходимости создания в якутском языке двуязычных терминологических словарей по терминам народного искусства. Язык обладает множеством функций. Но в данном случае мы хотели бы остановиться на функционировании его как языка науки. Одним из показателей развития науки является наличие и развитие ее терминологии. Условием для этого является наличие его научной терминосистемы. Термины постоянно разрабатываются, обогащаются. Такая деятельность осуществляется путем написания научных трудов по различным областям, составлением терминологических словарей.

Ключевые слова: якутский язык, термин, кузнечное дело, народ саха, хомус, варган

Кузнечное ремесло уходит своими корнями вглубь веков. Кузнец всегда пользовался особым почетом и уважением, а выкованные им изделия превращались в предметы народного культа. Выкованные умелыми руками кузнеца изделия высоко ценились и почитались народом саха. К ряду удивительных якутских кузнечных изделий можно отнести музыкальный инструмент – хомус, к которому якуты относились с особенным трепетом и любовью.

Хомус (варган) – древний музыкальный инструмент народа саха. По предположениям исследователей, возраст якутского хомуса составляет более пяти тысяч лет. Хомус дошел до наших дней благодаря потомственным кузнецам-мастерам и национальным традициям народа саха. По мнению ученых, кузнечное ремесло у народа саха было развито с X-XI вв.

В старину для изготовления якутского хомуса мастера использовали древесину или кости, а прототипом музыкального инструмента являлось расщепленное молнией дерево. При порывах ветра оно издавало загадочные, «космические» звуки. Такое дерево у народа саха считается священным, а его щепки бережно хранят и используют в ритуальных обрядах. Поэтому хомус считался шаманским инструментом, а издаваемые им звуки по поверью якутов были сотканы из космических вибраций, которые связывали человека со сверхъестественными силами.

Надо отметить, что хомус и сегодня не утратил былое сакральное значение и занимает особое место среди музыкальных инструментов народа саха.

Более того хомус является символом национальной культуры якутского народа.

В дальнейшем стоит задача сохранить и развивать терминологию национальных видов искусства, потому что, в условиях всеобщей глобализации мы можем утратить богатство и выразительность якутского языка. Если мы не будем беречь и дальше преумножать своеобразную сущность и достижения родного языка, то в скором времени можем утратить и его носителя. Не секрет, что в настоящее время во всем мире стоит острый вопрос о сохранении национальных языков. По оценке ученых, из шести тысяч ныне существующих на планете языков едва ли не половина находится под угрозой исчезновения. Надо со всей серьезностью относиться, к вопросам национальной терминологии и кропотливо трудиться над изучением и сохранением родного языка.

«Язык обладает множеством функций. Но в данном случае мы хотели бы остановиться на функционировании его как языка науки. Одним из показателей развития науки является наличие и развитие ее терминологии. Условием для этого является наличие его научной терминосистемы. Термины постоянно разрабатываются, обогащаются. Такая деятельность осуществляется путем написания научных трудов по различным областям и составлением терминологических словарей» [2, с. 16].

В связи с этим, начата научно-исследовательская работа по теме: «Термографическое возрождение этно-культурной терминологической

лексики языка саха». По этой теме будут составлены переводные терминологические словари по кузнечному и ювелирному делу народа саха.

В данной статье мы проанализируем слова-термины относящиеся, к якутскому хомусу, рассмотрим его разновидности и способы игры на этом музыкальном инструменте.

Для начала дадим определение термину варган. Слово-термин варган возможно был образован от старославянского «варга, который обозначает ‘рот’ или от греческого ‘органон – инструмент’ – музыкальный инструмент в виде свободно колеблющегося в проеме рамки язычка, приводимого в движение пальцем или дерганьем за нитку» [6, с. 95].

Варган является широко распространенным музыкальным инструментом у многих народов земли на разных континентах. Как пишет, Семенов П.П. «Хомус музыкальный инструмент, распространенный у тюркских народов. У многих они сохранились до нас [5, с. 28]. Также он отметил три разновидности древней музыки тюрков: ритуальный, кастовый и развлекательный.

В давние времена у народа саха, вплоть до XIX века существовали различные виды варгана это: *кулуһун хомус* ‘камышовый хомус’ и *мас хомус* ‘деревянный хомус’. Потом со временем на первый план вышел *тими́р хомус* ‘железный хомус’ и *икки тыллаах хомус* ‘двухязычковый хомус’. Первые из них *кулуһун хомус* ‘камышовый хомус’ и *мас хомус* ‘деревянный хомус’ были известны только до середины XIX века. «...Двухязычковый хомус тоже не был широко распространен, по-видимому, из-за неотработанности технологии изготовления и приемов игры» [6, с. 18].

Мастера хомуса и сейчас продолжают древние традиции своих предшественников, постоянно совершенствуя свое мастерство и технические достижения якутского кузнечного дела. Кузнецы наравне с техническими секретами, усваивают религиозные воззрения древних металлургов. Потому что кроме технологических вопросов, связывающим звеном между ремесленниками разных поколений выступает их общая идеология – культ кузнеца. Любой кузнец во все времена должен твердо помнить, что дар кузнечного ремесла он получили от своего родового предка, который в свою очередь получил его от всемогущего родоначальника, духа-покровителя всех кузнецов – Кудай Бахсы.

В настоящее время якутский хомус делают из железа. Классический хомус состоит из подковообразного железного ободка, который состоит из следующих частей: *тиэрбэс* ‘кольцо корпуса’, *сынгаах* ‘корпус’. Они имеют четыре грани, которые называются: *ис издэс* ‘внутренние щеки кор-

пуса’ и *мас издэс* ‘внешние щеки корпуса’. На конце щек хомуса расположен *язычок* ‘тыл’, который загибается в форме колена, образуя *хохуора* ‘колени язычка’ и загнутый *тыл* ‘язычок’, который имеет закруглённый *чыычаах* ‘кончик язычка’.

Варган является широко распространенным музыкальным инструментом у разных народов мира, он имеет более 162 разновидностей и может иметь от одного до четырех язычков. Классический якутский одноязычковый хомус играет на одной ноте. Играют на нем, прижимая слегка щеки хомуса к зубам и ударяя по нему, хомусист при помощи выдыхаемого воздуха издает вибрационные звуки. Регулируют звуки при помощи губ и языка, а также гортанью и дыханием.

Существует несколько разновидностей якутского хомуса: *кулуһун хомус* ‘камышовый хомус’; *муос хомус* ‘костяной хомус’; *мас хомус* ‘деревянный хомус’; *тими́р хомус* ‘металлический хомус’; *биһилэхтээх хомус* ‘варган с кольцевой держалкой на корпусе’; *биир тыллаах хомус* ‘одноязычковый хомус’; *икки тыллаах хомус* ‘двухязычковый хомус’.

Игра на хомусе – это обычно импровизация, отражающая внутреннее состояние и душевные переживания играющего. Однако обязательно нужно освоить базовые навыки и приемы игры на хомусе, чтобы издаваемые звуки слились в стройную мелодию.

Главную роль при игре на хомусе занимает дыхание, именно она способствует формированию красивой мелодии. С помощью дыхания можно регулировать громкость, ритм и тональность звучания варгана.

Приведем примеры традиционных приемов игры на хомусе: *бэлэс дорбооно* ‘глоточный звук’; *дьүрүһүтүү* ‘вибрационная игра’; *дьиэрэһитии* ‘звонкая игра’; *дэгиттэр*; *күөрэгэйдэтии* ‘пение жаворонка’; *күөрэгэйдэтии* ‘подражание жаворонку’; *кыталыктатыы* ‘подражание голосу стерха’; *сыыйа тардыы* ‘плавная игра, протяжная игра’; *табыгыр* ‘стаккато’; *хаастатыы* ‘гусиное пение’; *наар охсуулар* ‘односторонние удары’; *хардары-таары охсуулар* ‘двусторонние удары’; *тарбах араас охсуулар* ‘варианты ударов пальцами’; *хос ырыа* ‘двуголосие’; *мурун дорбоон* ‘носовой звук’; *тыыныы араастара* ‘разновидности дыхания’; *хомуһунан тутта хоһууу* ‘импровизация на хомусе’ и др.

Как показывают приведенные примеры, термины приемов игры на хомусе в большинстве случаев переданы составными терминами. «Составные термины состоят из двух компонентов, которые в результате лексикализации приобрели семантическую цельность, проявляющуюся в устойчивой

связи его компонентов» [1, с. 19]. Термины словосочетания отличаются однозначностью и большей терминологической точностью, что не всегда достигается при подборе однословных слов-терминов.

Термины, обозначающие музыканта играющего на хомусе: *хомусчут* 'хомусист' и *туйгун маастар* 'виртуоз'.

В столице Якутии, в городе Якутске находится единственный в мире музей хомуса. В этом уникальном музее собрано более двух тысяч экспонатов, наглядно свидетельствующих о богатой истории этого удивительного музыкального инструмента. Музей бережно хранит культурное наследие разных народов мира. В стенах музея проводятся разные мероприятия: конференции, экскурсии, передвижные выставки, лекции, встречи и т.д.

Важно отметить, что дореволюционная якутская хомусная музыка сильно отличалась от современных композиций своим характером звучания и исполнения. В настоящее время, благодаря фантазии современных, якутских виртуозов-хомусистов породили разнообразные композиции, близкие к импровизационной природе якутского фольклора.

Современный импровизационный стиль хомусистов достаточно обогатил хомусную музыку новыми исполнительскими приемами и типами композиций. Все это стимулирует развитие хомуса, как концертного инструмента, а также порождает новые термины, которые в дальнейшем нуждаются в упорядочении в терминологическом плане.

Литература

1. Акимова А.С. Способы образования якутской общественно-политической терминологической лексики (на материале словарей и периодической печати): автореф. дис. ... к. филол. н. Якутск, 2013. С. 19.
2. Акимова А.С. Якутские термины традиционных женских ювелирных украшений // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 9 (51): в 2-х ч. Ч. I. С. 16.
3. Захарова А.Н. Сходства и различия варганов // <https://rus.ilkhomus.com/?p=293>
4. Музыкальный энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 95.
5. Семенов П.П. Древнеякутские музыкальные инструменты // Хотугу сулус = Полярная звезда. Якутск, 1970. № 2. С. 28.
6. Уткин К.Д. Железодельное производство якутов. Якутск, ЧИФ «Ситим». 1994. С. 18.

References

1. Akimova A.S. Sposoby obrazovaniya yakutskoj obshchestvenno-politicheskoy terminologicheskoy leksiki (na materiale slovarej i periodicheskoy pechati): avtoref. dis. ... k. filol. n. YAkutsk, 2013. S. 19.
2. Akimova A.S. YAkutskie terminy tradicionnyh zhenskih yuvelirnyh ukrashenij. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2015. № 9 (51): v 2-h ch. CH. I. S. 16.
3. Zaharova A.N. Skhodstva i razlichiya varganov // <https://rus.ilkhomus.com/?p=293>
4. Muzykal'nyj enciklopedicheskij slovar'. M.: Sovetskaya enciklopediya, 1990. S. 95.
5. Semenov P.P. Drevneyakutskie muzykal'nye instrument. Hotugu sulus = Polyarnaya zvezda. YAkutsk, 1970. № 2. S. 28.
6. Utkin K.D. ZHelezodelatel'noe proizvodstvo yakutov. YAkutsk, CHIF «Sitim». 1994. S. 18.

*Akimova A.S., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Research Officer,
Institute for Humanities Research and Indigenous Studies
of the North of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences*

ON THE TERMINOLOGY OF THE YAKUTSK KHOMUS

Abstract: the article discusses the words-terms related to the Yakut khomus, denoting its varieties and techniques of playing this musical instrument. Khomus (jew's harp) is an ancient musical instrument of the Sakha people. According to researchers, the age of the Yakut khomus is more than five thousand years. This musical instrument has survived to this day thanks to the Yakut blacksmiths.

The terms of the techniques of playing the khomus in most cases are conveyed in compound terms. Compound terms consist of two components – once free phrases, which, as a result of lexicalization, acquire a semantic integrity, manifested in the stable connection of its components.

The author focuses on the need to create in the Yakut language bilingual terminological dictionaries based on the terms of folk art. The language has many functions. But in this case, we would like to dwell on its functioning as the language of science. One of the indicators of the development of science is the presence and development of its terminology. The condition for this is the presence of its scientific terminology system. Terms are constantly being developed and enriched. Such activity is carried out by writing scientific papers in various fields, compiling terminological dictionaries.

Keywords: Yakut language, term, blacksmithing, Sakha people, khomus, jew's harp

Дударова Л.М., кандидат филологических наук, профессор,
Долгиева А.М., аспирант,
Ингушский государственный университет

АНГЛИЦИЗМЫ В РЕГИОНАЛЬНОМ ВАРИАНТЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация: с каждым днем русский язык все больше пополняется иностранными словами, а точнее «англицизмами» т.е. иностранными словами английского происхождения. Этому способствует факт того, что в практически во всех сферах жизни (культуры, науки, торговли, туризма, спорта, музыки, медицины и т.д.), происходят постоянные перемены. Такой поток англицизмов увеличивается по той причине, что английский язык является международным языком.

В данной работе, мы рассмотрим способы образования англицизмов, причины заимствований, определим степень употребления и востребованности английских слов в региональном варианте русского языка. Здесь же мы постараемся ответить на вопрос, который является причиной спора многих ученых на протяжении уже долгого времени: «Каковы последствия такого потока англицизмов в русский язык?».

Для написания статьи использованы труды Брейтера М.А.: Англицизмы в русском языке: история и перспективы [1], Крысин Л.П.: Иноязычные слова в современной жизни [3], А.И.Дьякова: Причины интенсивного заимствования англицизмов в современном русском языке [2], Максимовой С.В.: Англицизмы в современном русском языке [4], Мюллера В.К.: Новый англо-русский словарь.

Целью написания статьи является исследование англицизмов в ингушском варианте русского языка. В соответствии с поставленной целью сформулированы следующие задачи:

1. Определить основные причины заимствования иностранных слов, а точнее слов из английского языка;
2. Рассмотреть основные способы образования англицизмов;
3. Исследовать англицизмы на материале русского языка используемого на территории Республики Ингушетия.

Ключевые слова: региональный вариант языка, заимствования, англицизмы, жаргонизмы, калька, гибриды, экзотизмы.

Словарный состав любого языка подвержен постоянным изменениям, исключением.

Самой главной причиной таких изменений является процесс заимствования слов.

Заимствование – это процесс, касающийся всех языков планеты. Это явление есть следствие экономических, культурных, политических связей.

В настоящее время лингвисты проявляют большой интерес к данному процессу, в связи с чем разделились на два лагеря. Одни считают это явление «проблемой», которую необходимо устранять, другие же являются сторонниками заимствованных слов, объясняя это тем, что словарный состав языка обогащается благодаря иноязычной лексике.

Как известно, заимствование – это процесс, при котором слово переходит из одного языка в другой. Таким образом, в один и тот же язык могут вливаться слова из множества других языков.

Естественно русский язык не является исключением, он также постоянно развивается и меняется. Особенно это проявляется в результате заимствования слов из английского языка или, иначе говоря, «англицизмов».

Объектом исследования в данной статье являются англицизмы в региональном варианте русского языка. Для начала определим, что означает понятие «региональный вариант языка».

Региональный вариант языка – это вариант языка свойственный тому или иному региону, функционирующий в определенной местности, городе, районе и т.д.

Региональный вариант языка или же «региолект», также подвержен проникновению в него иноязычной лексики.

Теперь рассмотрим англицизмы, употребляемые в русском языке, функционирующем на территории республики Ингушетия.

Как уже неоднократно расписывалось, появлению иностранных слов в языке, включая англицизмы, сопутствует много причин. Так, Крысин в своей работе обозначает следующие причины [3, с. 10]:

1. Для названия нового предмета, нового явления, например: *принтер, факс, компьютер, файл, блог, ноут – бук, сайт*.

2. Потребность разделять близкие по содержанию, но в это же время отличающиеся понятия, например: *уют – комфорт, персонал – коллектив, будильник – таймер*.

3. Для разделения понятий в той или иной сфере, т.е. стремление к точности, например: *ввоз – импорт, митинг – сход*.

4. Целый, не разделенный на отдельные составляющие объект и обозначающийся «цельно», а не словосочетанием, например: *сендвич – два ломти-*

ка хлеба с начинкой, рингтон, термопот – чайник и термос в одном.

5. Присутствие во взятом языке установившихся систем терминов.

6. Осмысление иностранного слова как более модного [3, с. 10], например: *шопиться вместо ходить по магазинам, презентовать вместо представлять, кликать вместо нажимать, стиль, имидж вместо внешний вид.*

М. А. Брейтер пишет, что основной причиной появления новых англицизмов в языке является отсутствие подходящего названия в языке – рецептуре [1, с. 7].

Различают следующие, наиболее распространенные способы образования англицизмов [1, с. 7].

Вот более распространенные из них:

1. Жаргонизмы. Слова, появившиеся в результате изменения каких-либо звуков, например: *фешенебельный (модный) от английского слова fashionable.*

2. Прямые заимствования. Слова, обозначающие в русском языке примерно то же, что и в языке оригинала: например: *modern модернизированный (современный), уик-энд – weekend (конец недели, выходные), гол.*

3. Экзотизмы. Слова, описывающие особенности обычаев народов разных национальностей и используемые для обозначения нерусской реальности. Эти слова не имеют аналогичного перевода на русский язык, например: *сендвич – sandwich, бифитекс – beefsteaks, спонсор – sponsor, блогер – blogger, фитнес – fitness* [1, с. 7-10].

4. Гибриды. Слова, образованные путем присоединения к иностранному корню русского суффикса, приставки и окончания, при этом возможно изменение значения иностранного слова – источника, например: *чатиться т.е. вести чат (переписку) от английского глагола to chat.*

5. Калька. Слова, пришедшие из иностранных языков, и утвердившиеся в нем не меняя свой облик (фонетический, графический), например: *фильм, кино, видео, постер, клуб.*

6. Полукалька. Слова, меняющиеся по правилам русской грамматики, образованные путем прибавления русских морфем

7. Иноязычные вкрапления. Такие слова нередко имеют лексические синонимы или аналоги, но стилистически от них отличаются и используются для выразительности текста, речи, например: *упс – ups, вау – wow.*

8. Композиты. Сложные слова, состоящие из двух английских слов, которые пишутся через дефис, например: *секонд – хенд (sekond – hand) прайс – лист (price – list), фейс – контроль (face – control)* [1, с. 7–10].

Официальными языками в республике Ингушетия являются ингушский и русский. Кроме своего родного, ингуши говорят также на русском языке. Так как, как мы уже писали ранее, английский язык признан международным языком, детям в школе преподают его в качестве обязательного иностранного языка. Особенно англицизмы распространены в речи ингушской молодежи.

Недостаточное знание родного (ингушского) языка вынуждает молодых людей говорить в основном на русском языке, который просто забит сплошь английскими словами.

Отметим, что региональных особенностей в русском языке, на котором говорят ингуши, мы не наблюдаем. Полагаю, будет справедливо отметить то, что нынешняя молодежь, в том числе и я, предпочитают излагать свои мысли, употребляя в своей речи преимущественно английские слова.

Использование англицизмов в разговоре считается престижным, например: *бейбик вместо малыш, крейзи вместо сумашедший, мани вместо деньги, паника вместо страх, информация вместо сообщение, имидж вместо внешний вид, голкипер вместо вратарь, и т.д.*

Употребление англицизмов в речи стало своего рода модой. Это можно объяснить идеализацией американского (английского) общества, культуры нашей молодежью. Бесспорно, уровень жизни и темпы технического прогресса в этих странах значительно выше.

Таким образом, используя в своей речи английские слова, молодым людям кажется, что они становятся немного ближе к этому обществу. В связи с этим в нашей стране, также и в нашем регионе увеличивается число людей изучающих и уже владеющих английским языком.

Проезжая по городу можно заметить, что очень часто англицизмы используют в качестве рекламы, т.е. названия кафе, ресторанов, предприятий, магазинов – всему этому даются английские названия, например: *магазин Zalina–brend, клиника Lege–artis, аптека Formacy, 24hours, аэровокзалная станция Iievbrothersroil, кафе Sun–city, и т.д.*

В песнях современных исполнителей нередко можно услышать много английских слов, т.е. припев может полностью звучать на английском, а основной текст песни передается на русском языке, либо песня может быть написана полностью на русском языке, но с многочисленными вставками английских слов.

Таким образом, разобрав причины заимствования англицизмов, рассмотрев способы их образования, мы можем сказать, что использование англицизмов в настоящее время не является бесполезным, а точнее вредным для языка, напротив,

происходит обогащение словарного состава языка. Л.Н. Толстой писал: «Как ни говори, а родной язык всегда останется родным. Когда хочешь говорить по душе, ни одного французского слова в голову нейдет, а ежели хочешь блеснуть, тогда другое дело». Язык – это история народа, это

культурное наследие народа. Без языка не может быть нации. Несмотря на безвредность использования англицизмов, стоит помнить, что русский язык также богат и разнообразен и нужно стараться не вставлять в свою речь иностранные слова без необходимости.

Литература

1. Брейтер М.А. Англицизмы в русском языке: история и перспективы. Владивосток, Изд-во «Диалог», 1997. С. 156.
2. Дьяков А.И. Причины интенсивного заимствования англицизмов в современном русском языке / Язык и культура. Новосибирск, 2003. С. 35 – 43.
3. Крысин Л.П. Иноязычные слова в современной жизни / Русский язык конца 20-го столетия. М., 1996. С. 142 – 161.
4. Мюллер В.К. Новый англо-русский словарь. 9-е изд. М., 2006. С. 736.
5. Максимова С.В. Англицизмы в современном русском языке // Международный научный журнал «Молодой ученый». 2019. № 4. С. 440 – 441.

References

1. Brejter M.A. Anglicizmy v russkom yazyke: istoriya i perspektivy. Vladivostok, Izd-vo «Dialog», 1997. С. 156.
2. D'yakov A.I. Prichiny intensivnogo zaimstvovaniya anglicizmov v sovremennom russkom yazyke. YAzyk i kul'tura. Novosibirsk, 2003. С. 35 – 43.
3. Krysin L.P. Inoyazychnye slova v sovremennoj zhizni. Russkij yazyk konca 20-go stoletiya. M., 1996. С. 142 – 161.
4. Myuller V.K. Novyj anglo-russkij slovar'. 9-e izd. M., 2006. С. 736.
5. Maksimova S.V. Anglicizmy v sovremennom russkom yazyke. Mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal «Molodoj uchenyj». 2019. № 4. С. 440 – 441.

*Dudarova L.M., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Professor,
Dolgieva A.M., Postgraduate,
Ingush State University*

ANGLICISMS IN THE REGIONAL VERSION OF THE RUSSIAN LANGUAGE

Abstract: every day the Russian language is being replenished more and more with foreign words, or rather with "Anglicisms" that is foreign words of English origin. This is facilitated by the fact that in almost all spheres of life (culture, science, trade, tourism, sports, music, medicine, etc.), there are constant changes. This flow of Anglicisms is increasing because English is an international language.

In this work, we will consider the methods of formation of Anglicisms, the reasons for borrowing, we will determine the degree of use and demand for English words in the regional version of the Russian language. Here we will try to answer the question that has been the cause of the controversy of many scientists –for a long time: "What are the consequences of such a flow of Anglicisms into the Russian language?"

To write the article, the works of M.A.Breiter were used: Anglicisms in the Russian language: history and perspectives. [1], Krysin LP: Foreign words in modern life [3], Dyakova A.I.: The reasons for the intensive borrowing of Anglicisms in modern Russian [2], Maksimova S.V.: Anglicisms in modern Russian [4], Müller V.K: New English-Russian dictionary.

The purpose of this article is to study Anglicisms in the Ingush version of the Russian language. In accordance with this goal, the following tasks are formulated:

1. Determine the main reasons for borrowing foreign words, in particular words from the English language;
2. Consider the main ways of study of Anglicisms
3. Investigate Anglicisms on the material of the Russian language used on the territory of the Republic of Ingushetia

Keywords: regional variant of the language, borrowings, anglicisms, jargon, calque, exoticism

*Мукоеева Я.Ю.,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет*

СТРУКТУРНО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НОМИНАЦИЙ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОБЪЕКТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ПУТЕВЫХ ЗАПИСОК УЧЕНЫХ-ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII В.)

Аннотация: изучение структурных и синтаксических особенностей многокомпонентных номинаций производственных объектов в путевых записках ученых-путешественников второй половины XVIII в. П.С. Палласа, И.И. Лепехина, И.П. Фалька. Из текста путевых записок с помощью метода контент-анализа выделены многокомпонентные номинации производственных объектов уральских медеплавильных и железоделательных заводов. Структура номинаций изучена по количеству компонентов. Построены синтаксические модели многокомпонентных номинаций. Структурный анализ показал преобладание двухкомпонентных номинаций производственных объектов. Изучение синтаксических моделей номинаций выявило доминирование синтаксической модели имя прилагательное и имя существительное.

Ключевые слова: многокомпонентные номинации, номинации производственных объектов, компонентная структура номинаций, синтаксические модели, путевые записки

Введение

В статье рассматриваются многокомпонентные номинации производственных объектов, представленные в источнике, текстах путевых записок ученых-путешественников, участников научных экспедиций второй половины XVIII в. В XVIII в. государственные и научные интересы были направлены на изучение российской территории и получение новых сведений об экономическом и промышленном ее состоянии, промышленных предприятиях и источниках природных ресурсов. Получению данных сведений способствовала деятельность академических отрядов научно-исследовательской экспедиции второй половины XVIII в. Инициаторами организации экспедиций выступил М.В. Ломоносов, и его инициатива была поддержана Академией наук и государственными структурами. Для реализации планов академических экспедиций Академия наук организовала пять отрядов. Три Оренбургских отряда экспедиции занимались исследованием уральской территории, в том числе ими были исследованы уральские медеплавильные и железоделательные заводы.

В статье изучены многокомпонентные номинации производственных объектов, относящихся к сфере горнорудного и металлургического производства. К ним отнесены номинации промышленных тепловых устройств (печи и горны), оборудования и производственных помещений.

Исследователи Н.Д. Арутюнова, В.Г. Гак, Г.В. Колшанский, В.Н. Телия, А.А. Уфимцева рассматривали в своих работах проблемы номинации. Номинация определяется как процесс «образования единиц языка, характеризующихся номинативной функцией, служащих для называния и вычленения фрагментов неязыковой действительности

сти и формирования соответствующих понятий о них в форме слов, словосочетаний и предложений», под номинацией понимается и результат процесса наименования, значимая языковая единица [9, с. 26, 13, с. 336-337].

Номинация в статье понимается как обозначение или именование с помощью слов производственных объектов промышленных тепловых устройств (печей и горнов), оборудования и производственных и непромышленных помещений в текстах ученых-путешественников, производственного оборудования и тепловых устройств, помещений уральских металлургических заводов [10, с. 48].

Цель исследования – изучить и выявить структурные и синтаксические особенности многокомпонентных номинаций производственных объектов в текстах ученых-путешественников второй половины XVIII в.

В качестве источника материала использованы путевые записки трех руководителей академических Оренбургских отрядов экспедиции 1768-1774 гг. Общее руководство экспедиции осуществлял известный ученый-натуралист Петр Симон Паллас (руководил одним из трех Оренбургских отрядов). Руководителями двух других Оренбургских отрядов были исследователи Иван Иванович Лепехин и Иоганн Петер Фальк. С целью организации и систематизации научных исследований разработана Инструкция, в которой сформулированы основные задачи экспедиции. Одна из задач экспедиции состояла в сборе сведений о промышленном состоянии уральских заводов.

Согласно Инструкции, ученые-путешественники описывали ход и маршрут экспедиционного отряда в путевых записках, или дневниковых записях, в которых фиксировались основные наблю-

дения и замечания [5, с. 209]. Путевые записки представляли собой повествование о путешествии и имели форму рассуждения об увиденных явлениях [3, с. 2017, 49]. Авторы записок вели постоянные и регулярные записи, отмечали знаковые явления, на основе которых они представили точную и ясную картину состояния действительности XVIII в. Ученые-путешественники стремились к научному описанию явлений окружающего мира, при этом они являлись не только наблюдателями событий, но и их непосредственными участниками.

Основная часть

Из источника материала, путевых записок, с помощью метода контент-анализа выбраны многокомпонентные номинации производственных объектов. На первом этапе исследования проводился анализ структуры номинаций по количеству компонентов. В результате анализа выявлены номинации, имеющие в структуре от двух до двадцати пяти компонентов. Структурный состав номинаций представлен в табл. 1.

Таблица 1

Количественный состав номинаций производственных объектов

Группы терминов	Количество терминов	Количество контекстов
Двухкомпонентные номинации	186	415
Трехкомпонентные номинации	28	36
Четырехкомпонентные номинации	49	58
Пятикомпонентные номинации	42	61
Шестикомпонентные номинации	35	32
Семикомпонентные номинации	22	21
Восьмикомпонентные номинации	10	13
Девятикомпонентные номинации	5	5
Десятикомпонентные номинации	4	3
Одинадцатикомпонентные номинации	1	1
Тринадцатикомпонентные номинации	2	2
Четырнадцатикомпонентные номинации	1	1
Шестнадцатикомпонентные номинации	1	1
Двадцатипятикомпонентные номинации	1	1

Данные, приведенные в табл. 1, показывают, что в тексте источника преобладали двухкомпонентные термины, представленные в 415 контекстах.

Второй этап изучения многокомпонентных номинаций состоял в синтаксическом моделировании. Для синтаксического обозначения частей речи, входящих в состав многокомпонентных номинаций, использовались специальные латинские буквенные символы. Для обозначения частей речи в синтаксических моделях в научных работах символы применяли А.З. Абдурахманова, Н.Д. Артюнова, К.А. Дегтяренко, С.Г. Казарина, О.И. Москальская, Н.Ю. Шведова [1, 4, 6, 11, 15]. В нашем исследовании номинации изучались с помощью синтаксического моделирования, поэтому для обозначения частей речи в моделях использовались следующие символы: N – имя существительное, Adj. – имя прилагательное, V – глагол,

Vr. – отглагольное прилагательное, Num. – числительное, Adv. – наречие, pron. – местоимение, предлог – prep., conj. – союз [7].

Синтаксические модели распределены по группам от двух до двадцати пяти компонентных номинаций. Рассмотрим первую группу, в которую вошли двухкомпонентные номинации, для которых основной словообразовательной моделью была модель **Adj. + N**. Так, например, номинация *обжигальная печь* отмечена в контексте: «... кузница с 4 горнами и *обжигальная печь*...» [8, с. 218]. Другой пример двухкомпонентной номинации – *ветряная мельница*, выявлен в контексте: «С верх того построена *ветряная мельница*...» [12, с. 45]. Третий пример номинации – *проволочная фабрика*, в контексте: «*Проволочная фабрика* с 8 волоками...» [14, с. 334].

Двадцать четыре двухкомпонентных номинаций представлены моделью **N + Adj**. К таким но-

минациям относились *мельница мушная, мехи ручные* и *фабрика молотовая*. Первая номинация обозначена в контексте: «...одна слесарная, для которой особливья два горна, *мельница мушная*, и меховая фабрика» [8, с. 118]. Вторая номинация выделена из контекста: «В четвертом два молота с двойным горнами; молот дляковки заводских больших утварей, у коего *мехи ручные* в пятом ниже прежних две» [12, с. 311]. Третья номинация, *очаг доменной*, обнаружена в контексте «Заводския здания ниже плотины тут же выстроенныя вместе, и все ныне действующия суть, две доменные, выше коих состроен железом покрытый дом, с литейною, одна из сих доменных вышиною в двадцать аршин, имеет две раздувальныя снасти о четырех мехах и в сутки до семи сот пуд чугуна выплавляет, и сколько мне известно, она в России из всех наибольшая, другаяж, которую про запас токмо держат, вышиною 15 аршин, при том находятся и две большие или мусарьные молоты, коими железняк разбивая в кошах на *очаг доменной* взносят» [12, с. 228].

В источнике материала выявлено 28 трехкомпонентных номинаций, образованных по синтаксическому способу. Всего в тексте источника выявлено 6 синтаксических моделей, структура которых состояла из имен прилагательного и существительного. Основными моделями были **Adj.+Adj.+N** и **N+prep.+N**. Примером для первой модели явилась номинация *Саксонская лесопильная мельница*. Номинация выделена в контексте: «*Саксонская лесопильная мельница* и нужные амбары» [12, с. 272]. Второй пример номинации для второй модели – *мусарня для угля*. Номинация обнаружена в контексте: «Кроме шестнадцати кривых печей находятся там же три гартильных горна под одною трубою, и *мусарня для угля*» [12, с. 307]. Остальные модели были представлены по одной номинации (4 модели). Приведем следующий пример модели, **Adj.+N+N**, выраженной номинацией желтой *меди фабрика*. Модель представлена в контексте: «Бывшая *желтой меди фабрика* с двумя обжигальными печами по недостатку меди так как большею частью и протчие Нейвянския медодельни, оставлена без действия» [12, с. 242].

Следующая группа представлена синтаксическими моделями четырехкомпонентных номинаций. Всего выявлено восемь моделей, из которых наибольшее количество номинаций представлено моделью **N+prep.+N+N**, в составе которой присутствовали имена существительные с предлогом. Примером данной моделью служит *печь для плавки металла*. Номинация выявлена в контексте: «Новозаложенная литейная, в которой льют ныне большею частью колокола для новой церкви; в

ней *печь для плавки металла*, один горн для железной, а другой для медной при сем случающейся работы» [12, с. 250]. Примером для модели **N+prep.+Adj+N** – номинация *фабрика для медной посуды*. Модель представлена в контексте: «В 1771 году было на нем 4 толчеи, 18 обжигален, 3 плавильныя печи, 3 отчищательные горна, *фабрика для медной посуды* и 80 человек собственных работников» [14, с. 280]. Остальные номинации в данной группе представлены по одной модели. Приведем пример одной из моделей, **N+Adj.+Adj.+N** и пример номинации – *дом господской проянтской магазейни*. Номинация выявлена в следующем контексте: «Сверх того есть здесь точильня действующая водою, кузница, сарай, где делают мехи, анбар для складки железа и при конце плотины на левой стороне Туры Кантора, *дом господской проянтской магазейни* до ста десяти жильев» [12, с. 276].

В группе пятикомпонентных номинаций присутствовало восемь синтаксических моделей. В группу входили следующие модели: **Adj.+N+prep.+Num.+N**, представленная номинацией *лесопильная мельница о двух станах*. Данная номинация обнаружена в контексте «... *лесопильная мельница о двух станах...*» [8, с. 215]. Ко второй модели, **Adj.+N+prep.+Adj.+N**, относилась номинация *обжигальная печь для полоснаго железа*. Номинация выявлена в контексте: «Так же на правой стороне находится *обжигальная печь для полоснаго железа*, а на другой кузница о шести горнах с ручными мехами, литейня, в коей во время строившейся доменной сделаны две маленькия печки для плавления чугуна, чтобы лить пули, бомбы и гранаты» [12, с. 235]. Пять номинаций представлены по одной модели. Например, одна из моделей – **N+prep.+Adj+Adj+N** обозначена номинацией *фабрика для мелких железных вещей*. Номинация выделена в контексте: «На нем 2 домны, 15 действующих и 4 запасных молотов, якорная кузница с 1 молотом, 1 стальной горн с 1 молотом, 1 обжигальная печь и *фабрика для мелких железных вещей*» [14, с. 264].

В группе шестикомпонентных номинаций выявлено четырнадцать моделей. Первый пример шестикомпонентных номинаций – *молот для розковки меди и железа*, описан моделью **N+prep.+N+N+conj.+N**. Номинация выделена из контекста: «...*молот для розковки меди и железа...*» [8, с. 235-236]. Второй пример модели, **Adj.+Adj.+N+prep.+Num.+N**, характерен для номинации *Саксонская лесопильная мельница об одной раме*. Номинация выявлена в контексте «Здания суть *Саксонская лесопильная мельница об одной раме*, три молотовые, каждая о четырех молотах и трех двойных горнах» [12, с. 276]. Третий

пример модели, **N+prep.+N+Adj.+Adj.+N**, для номинации *горн для разковки кровельного листового железа*. Номинация обнаружена в контексте: «...горн для разковки кровельного листового железа...» [8, с. 250]. Четвертой модели, **Adj.+N+prep.+N+Adj.+N**, соответствовала номинация *различные амбары для складки полосного железа*. Номинация присутствовала в контексте «В почем содержат также в готовности одну обжигальную печь для полосного железа; для стали, для малых проб железа, кузницу, кладовую для хранения мехов, весовню и *различные амбары для складки полосного железа*» [12, с. 176]. Остальные номинации представлены одной моделью. Приведем пример модели **N+conj.+N+prep.+N+V**, выраженной номинацией *машина, где железо на куски разрезают*. Номинация представлена в следующем контексте: «Плющильня, в коей машина промежду двух валов растягивает и плющит полосное железо, два горна, на коих дровами раскачивают железо, *машина, где железо на куски разрезают*, и плющильный молот с горном» [12, с. 228].

Многочисленной по количеству синтаксических моделей представлена группа семикомпонентных номинаций, в которую входят 19 моделей. Приведем несколько примеров синтаксических моделей этой группы. Так, примером для модели **N+prep.+N+Adj.+N+conj.+N** стала номинация *молот для разбивания крепких руд и флюсу*. Номинация выделена из контекста: «На оном выстроены две фабрики: в одной из оных три медиплавленныя печи, толчея о пяти пестях для мусора, *молот для разбивания крепких руд и флюсу*» [8, с. 49]. Для модели **N+prep.+N+N+conj.+N+N**, примером служит номинация *горн для дела укладу и толчения руды*. Она выявлена в контексте: «...фабрика меховая, и в поддоменике молот и *горн для дела укладу и толчения руды*» [8, с. 218]. Модель **Adj.+Adj.+N+prep.+N+Adj.+N** представлена номинацией *лудильная каменная фабрика для лужения дощатаго железа*. Номинация выявлена в контексте: «... *лудильная каменная фабрика для лужения дощатаго железа с 1 горном...*» [8, с. 211-212]. Остальные пятнадцать номинаций представлены по одной синтаксической модели. Приведем пример одной из моделей, **Adj.+N+prep.+N+N+prep.+N** для номинации *литейной горн, для литья меди в кирпичи*. Номинация обнаружена в контексте: «...в третьем при плотине горн для гарты и *литейной горн, для литья меди в кирпичи...*» [12, с. 311].

В группе восьмикомпонентных номинаций отмечено 10 синтаксических моделей, представленных по одной модели. Приведем пример двух моделей и номинаций:

N+prep.+N+conj.+N+N+conj.+N для номинации *фабрика для дела и починки молотов и пятников*. Номинация выделена из контекста: «*фабрика для дела и починки молотов и пятников*, в которой один вододействуемый молот и два горна» [Лепехин, 1772, 209]. Второй пример модели и номинации: **Adj.+N+prep.+N+conj.+N+Adj.+N**, *котельная фабрика для делания и лужения медной посуды*. Номинация выявлена из контекста: «...*котельная фабрика для делания и лужения медной посуды с 1 горном...*» [8, с. 236-237].

Деятикомпонентные номинации представлены 5 моделями. Например, модель **N+prep.+N+N+prep.+N+prep.+N+N** для номинации *фабрика для делания кос, для разрезки и плющения железа*. Номинация обнаружена в контексте: «...*фабрика для делания кос, для разрезки и плющения железа...*» [8, с. 250]. Вторая модель, **N+prep.+Num.+N+V+conj.+V+Adj.+N**, для номинации – *машина двух валов растягивает и плющит полосное железо*. Номинация выявлена в контексте: «Плющильня, в коей *машина промежду двух валов растягивает и плющит полосное железо*, два горна, на коих дровами раскачивают железо, машина, где железо на куски разрезают, и плющильный молот с горном» [12, с. 228].

В группу десятикомпонентных номинаций входили 4 модели. Приведем пример одной синтаксической модели: **Adj.+N+Vr.+Adj.+V+prep.+Num.+N+conj.+N**, которая выражена номинацией *Саксонской образец построенная лесопильная мельница об одной раме и тисках*. Номинация присутствовала в контексте «мехи, на *Саксонской образец построенная лесопильная мельница об одной раме и тисках*, и мусарья действующая водою, но в последней для сбережения воды работают иногда и люди» [12, с. 262].

Одиннадцатикомпонентная номинация представлена одной моделью: **Adj.+Adj.+N+prep.+N+conj.+Adj.+N+prep.+N** – это номинация *особливая вододействуемая толчея для мусору и медных руд, с 10 пестами*). Номинация выделена из следующего контекста: «...*особливая вододействуемая толчея для мусору и медных руд, с 10 пестами...*» [8, с. 260].

В источнике материала обнаружены три тринадцатикомпонентные номинации, представленные одной моделью: это модель **N+prep.+Num.+N+prep.+N+conj.+prep.+Num.+Adj.+prep.+N+N**, например – *толчея о пяти пестях для углей и о пяти других для разбития руды*). Номинация представлена в следующем контексте: «Подле медиплавленны находится еще *толчея о*

пяти пестях для углей и о пяти других для разбития руды» [12, с. 1786, 114].

Для четырнадцатикомпонентных номинаций выявлено две номинации: *печь с многими трубами (на подобие укладной печи или сталовни), где железо вновь разжигают* (модель: **N+prep.+Adv.+N+(prep.+N+Adj.+N+conj.+N)+pron.+N+Adv.+V**) и *семь кривых печей для плавленья меди, по две и по три под одну трубою* (модель: **Num+Adj.+N+prep.+N+N+ prep.+ Num+ prep.+ prep.+ Num+ prep.+ Num+N**). Первая номинация представлена в контексте: «*печь с многими трубами (на подобие укладной печи или сталовни), где железо вновь разжигают*, и одна обыкновенная сталовня» [12, с. 161]. Вторая номинация – в контексте: «*...семь кривых печей для плавленья меди, по две и по три под одну трубою...*» [12, с. 311].

Выявлено по одной синтаксической модели для шестнадцати- и двадцати пяти компонентных номинаций. Шестнадцатикомпонентная номинация описана моделью **N+prep.+pron.+V+conj.+V+N+conj.+N+prep.+N+Adj.+N+prep.+Adj.+N**. Модель выражена номинацией *фабрика, в которой делают и обжигаются фурмы и болваны к литью чугунной посуды и заводских припасов*). Номинация выделена из контекста: «*...фабрика, в которой делают и обжигаются фурмы и болваны к литью чугунной посуды и заводских припасов...*» [8, с. 259].

Двадцати пяти компонентная номинация описана моделью **Num+Num+N+Adj+N+prep.+Num+prep.+prep.+Num+Vr+prep.+pron.+**

Adj.+Adj.+prep.+V+N+N+N+N+N+N+prep.+pron. – *двадцать четыре горна, поперечными стенами по два и по четыре отделенные, в коих жестяные и железные делают приборы, котлы, горшки, сковороды, махотки, иготи и проч.* Данная номинация выявлена в контексте: «изрядно

выстроенная каменная кузница о шести больших горнов дляковки больших заводских и рудоконных орудий; и *двадцать четыре горна, поперечными стенами по два и по четыре отделенные, в коих жестяные и железные делают приборы, котлы, горшки, сковороды, махотки, иготи и проч.*» [12, с. 228].

Анализ синтаксических моделей позволил отметить особенности синтаксической структуры номинаций. В синтаксическом отношении преобладали двухкомпонентные номинации, в состав которых входили имена прилагательное и существительное, всего 186 номинаций. При возрастании числа компонентов структуры номинаций, количество моделей для групп номинаций уменьшалось. Меньше всего моделей выявлено в группах от одиннадцати до двадцати пяти компонентных номинаций.

Заключение

В статье рассмотрены структурно-синтаксические особенности многокомпонентных номинаций производственных объектов. Номинации производственных объектов представлены в источнике, путевых записках ученых-путешественников второй половины XVIII в. Путевые записки ученых-путешественников содержали информацию об уральских медеплавильных и железоделательных заводах.

Изучение структурно-синтаксических особенностей показало, что номинации производственных объектов имели от двух до двадцати пяти компонентов. В проанализированном материале обнаружено преобладание двухкомпонентных номинаций. Исследование синтаксической структуры проводилось с помощью синтаксического моделирования. В результате анализа выявлено преобладание двухкомпонентной модели **Adj.+N**, в состав которой входили имена прилагательное и существительное.

Литература

1. Абдурахманова А.З. Лингвистическое моделирование строительной терминологии (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 25 с.
2. Виноградова Л.В. Терминология туризма английского и русского языков в синхронном и диахронном аспектах: автореф. дис. ... на соиск. ученой степени канд. филолог. наук. Великой Новгород, 2011.
3. Гуминский В.М. Русская литература путешествий в мировом историко-культурном контексте / Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького РАН. М.: ИМЛИ РАН, 2017. 608 с.
4. Дегтяренко К.А. Структурно-семантические особенности и способы перевода терминологической лексики военного дискурса (на материале англоязычных периодических изданий) // Научный диалог. 2017. № 5. С. 33 – 43.
5. Инструкция для отправленных от имп. Академии наук в Россию физических экспедициях // Фрадкин Н.Г. Академик И.И. Лепехин и его путешествия по России в 1768-1773 гг. М.: Географгиз, 1953. С. 209 – 212.
6. Казарина С.Г. Типологические характеристики отраслевых терминологий. Краснодар: Изд-во Кубанской государственной медицинской академии, 1998. 276 с.

7. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь: Около 50 000 слов. 2-е изд. Москва: Изд-во Русский язык, 1976. 1096 с.
8. Лепехин И.И. Продолжение Дневных записок путешествия академика и медицины доктора Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1770 году. Т. 2. СПб, при Императорской Академии наук, 1772. 353 с.
9. Лозовой А.Ю., Названова И.А. К проблеме номинации. Особенности современной эргонимии // Известия Южного федерального университета. Технические науки. 2013. № 10. С. 25 – 30.
10. Малинка А.В., Нагель О.В. Лексическая номинация: ономаσιологический и когнитивный подходы // Язык и культура. 2011. № 4 (16). С. 44 – 56.
11. Москальская О.И. Грамматика текста. М.: Высшая школа, 1981. 189 с.
12. Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российской империи. Физическое путешествие по разным провинциям Российской империи, бывшее в 1770 году. СПб.: при Императорской Академии наук, 1786. Ч. 1. Кн. 1. 476 с.
13. Телия В.Н. Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд., доп. М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. С. 336 – 337.
14. Фальк И.П. Записки путешествия академика Фалька. Ч. 1. // Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою Академиею наук, по предложению ее Президента. СПб.: при Императорской Академии наук, 1824. 560 с.
15. Шведова Н.Ю. Основы построения описательной грамматики современного литературного русского языка. М.: Наука, 1955. 211 с.
16. Faber P., Kockaert H.J., Steurs F. eds. Frames as a framework for terminology // Handbook of Terminology. Philadelphia: John Benjamins, 2014. Vol. 1. Amsterdam P. 14 – 33.

References

1. Abdurahmanova A.Z. Lingvisticheskoe modelirovanie stroitel'noj terminologii (na materiale anglijskogo yazyka): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2016. 25 s.
2. Vinogradova L.V. Terminologiya turizma anglijskogo i russkogo yazykov v sinhronnom i diahronnom aspektah: avtoref. dis. ... na soisk. uchenoj stepeni kand. filolog. nauk. Velikoj Novgorod, 2011.
3. Guminskij V.M. Russkaya literatura puteshestvij v mirovom istoriko-kul'turnom kontekste. In-t mirovoj literatury im. A.M. Gor'kogo RAN. M.: IMLI RAN, 2017. 608 s.
4. Degtyarenko K.A. Strukturno-semanticheskie osobennosti i sposoby perevoda terminologicheskoy leksiki voennogo diskursa (na materiale angloyazychnyh periodicheskikh izdaniy). Nauchnyj dialog. 2017. № 5. S. 33 – 43.
5. Instrukciya dlya otpravlennyh ot imp. Akademii nauk v Rossiyu fizicheskikh ekspeditsiyah. Fradkin N.G. Akademik I.I. Lepekhin i ego puteshestviya po Rossii v 1768-1773 gg. M.: Geografgiz, 1953. S. 209 – 212.
6. Kazarina S.G. Tipologicheskie harakteristiki otraslevykh terminologij. Krasnodar: Izd-vo Kubanskoj gosudarstvennoj medicinskoj akademii, 1998. 276 s.
7. Dvoreckij I.H. Latinsko-russkij slovar': Okolo 50 000 slov. 2-e izd. Moskva: Izd-vo Russkij yazyk, 1976. 1096 s.
8. Lepekhin I.I. Prodolzhenie Dnevnyh zapisok puteshestviya akademika i mediciny doktora Ivana Lepekhina po raznym provinciyam Rossijskogo gosudarstva v 1770 godu. T. 2. SPb, pri Imperatorskoj Akademii nauk, 1772. 353 s.
9. Lozovoj A.YU., Nazvanova I.A. K probleme nominacii. Osobennosti sovremennoj ergonimii. Izvestiya YU-zhnogo federal'nogo universiteta. Tekhnicheskie nauki. 2013. № 10. S. 25 – 30.
10. Malinka A.V., Nagel' O.V. Leksicheskaya nominaciya: onomasiologicheskij i kognitivnyj podhody. YAzyk i kul'tura. 2011. № 4 (16). S. 44 – 56.
11. Moskal'skaya O.I. Grammatika teksta. M.: Vysshaya shkola, 1981. 189 s.
12. Pallas P.S. Puteshestvie po raznym mestam Rossijskoj imperii. Fizicheskoe puteshestvie po raznym provinciyam Rossijskoj imperii, byvshee v 1770 godu. SPb.: pri Imperatorskoj Akademii nauk, 1786. Ch. 1. Kn. 1. 476 s.
13. Teliya V.N. Nominaciya. Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar'. gl. red. V.N. YArceva. 2-e izd., dop. M.: Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya, 2002. S. 336 – 337.
14. Fal'k I.P. Zapiski puteshestviya akademika Fal'ka. CH. 1. Polnoe sobranie uchenykh puteshestvij po Rossii, izdavaemoe Imperatorskoju Akademiej nauk, po predlozheniyu ee Prezidenta. SPb.: pri Imperatorskoj Akademii nauk, 1824. 560 s.

15. SHvedova N.YU. Osnovy postroeniya opisatel'noj grammatiki sovremennogo literaturnogo russkogo yazyka. M.: Nauka, 1955. 211 s.

16. Faber P., Kockaert H.J., Steurs F. eds. Frames as a framework for terminology. Handbook of Terminology. Philadelphia: John Benjamins, 2014. Vol. 1. Amsterdam P. 14 – 33.

*Mukoseeva Ya.Yu.,
Perm State National Research University*

**STRUCTURAL AND SYNTACTIC FEATURES OF THE NOMINATIONS
OF INDUSTRIAL OBJECTS (BASED ON THE MATERIAL OF TRAVEL NOTES
OF SCIENTISTS-TRAVELERS OF THE SECOND HALF OF THE XVIII CENTURY)**

Abstract: the study of structural and syntactic features of multicomponent nominations of production facilities in the travel notes of scientists-travelers of the second half of the XVIII century P.S. Pallas, I.I. Lepekhin, I.P. Falk. Multicomponent nominations of production facilities of the Ural copper smelting and iron-making plants are selected from the text of travel notes using the content analysis method. The structure of the nominations was studied by the number of components. Syntactic models of multicomponent nominations are constructed. The structural analysis showed the predominance of two-component categories of production facilities. The study of syntactic models of nominations revealed the dominance of the syntactic model of the adjective and noun.

Keywords: multi-component nominations, industrial facility nominations, component nominations structure, syntax models, travel notes

*Небольсина М.С., кандидат филологических наук,
Алтайский государственный педагогический университет*

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ ГЛАГОЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ В КОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ

Аннотация: цель данного исследования заключается в попытке рассмотрения глагольной семантики с точки зрения описания процессов познания и порождения речи, осуществляемых Говорящим, т.е. в когнитивном аспекте. Такой подход актуален для решения прикладных проблем лингвистики, в частности для методики обучения русскому языку как иностранному, поскольку позволяет адекватно моделировать процесс обучения иностранному языку. Новизна настоящего исследования заключается в том, что когнитивный процесс, осуществляемый Говорящим представлен как деривационный. Деривация в работе понимается предельно широко, как процесс перехода от глубинных (неязыковых) структур представления знания к поверхностным (языковым). Семантическая деривация глагольного содержания рассматривается ономаσιологически: в направлении от реально существующей ситуации-денотата, далее через прототипическую ситуацию на когнитивном уровне к типовой ситуации на когнитивно-языковом уровне, и, наконец, к реализации на языковом уровне в конкретных глаголах. Таким образом, содержание глагола представляется как непрерывный семантический континуум, изменяющийся на разных уровнях его существования. В результате исследования выявлены принципиальные различия в фиксации ситуации, существующие на каждом из уровней и описаны следствия, важные для лингводидактики.

Ключевые слова: семантика, глаголы речевого воздействия, деривация, полиситуативность, ситуатема

Интерес к изучению коммуникации, дискурса, речевой деятельности, а также развитие прикладных направлений лингвистики, таких как компьютерная лингвистика, лингводидактика, активизируют необходимость изучения процессов порождения и восприятия речи, осуществляемых Говорящим и Слушающим. Особую актуальность понимание сути указанных процессов приобретает в лингводидактике, а именно методике обучения русскому языку как иностранному (далее – РКИ). Методические принципы естественного (природосообразного) обучения языку, когда овладение иностранным языком повторяет процессы овладения родным языком, не могут не учитывать и, более того, должны опираться на знания об устройстве этих процессов. Таким образом, представление о том, какие действия последовательно осуществляет Говорящий, познавая и номинируя объективную действительность, дает возможность адекватно моделировать процесс обучения иностранному языку. Применение этих знаний в области лингводидактики дает теоретическую основу для разработки лингвистически грамотной методики обучения языку, которая строится на имитации стратегии Говорящего.

На наш взгляд, одним из вариантов познания сущности процессов порождения речи могут выступать исследования естественного языка в когнитивном аспекте. Когнитивный подход к языку предполагает, что за категориями языковой семантики стоят иные, понятийные, категории, которые представляют собой результат освоения мира человеческим познанием. В

частности, наблюдения за семантикой слова в когнитивном аспекте дают возможность выяснить, какое содержание подразумевает Говорящий, когда передает посредством определенной формы конкретную информацию и, далее, последовательно восстановить стратегию Говорящего.

В современной лингвистике обоснованно закрепилось понимание когнитивной лингвистики как сверхглубинной семантики. Как отмечал Ч. Филлмор, «изучение семантики есть изучение когнитивных сцен, которые создаются или активизируются высказываниями» [8, с. 59]. Описание грамматики языка в рамках когнитивной семантики также получает специфическое наполнение. Одно из центральных мест в современных семантических исследованиях занимает изучение глагольного содержания в совокупности его лексических и грамматических значений. В отечественной теоретической лингвистике когнитивный подход к изучению глагольной семантики продолжает традиции предшествующих направлений семантического исследования глагола (см. работы Ю.Д. Апресяна, Е.С. Кубряковой, Н.Д. Арутюновой, Е.В. Падучевой, Г.И. Кустовой и др.), реализуя «стремление к возможно более полному описанию значения глагола» и попытку выяснить, «какие структуры знания стоят за ним, какая информация вербализуется при подведении ее под тело такого знака, как глагол» [2, с. 84]. Спецификой глагольной семантики считается наличие своеобразного сценария, динамической схемы, фиксирующей изменения объектов во времени, т.е. глаголы, кроме собственно действий, кодируют также знания о задействованных в них объектах. Как отмечает

Е.С. Кубрякова, «в основе глаголов движения и действия (этих самых типичных представителей глагольной лексики) лежит идея меняющегося соотношения или положения объектов во времени и пространстве и образ динамического конструкта, фиксирующего последовательные этапы смены исходного состояния в другое» [3, с. 261]. Одной из ключевых характеристик глагола, по мнению исследователя, является то, что он имеет метонимическую природу, которая «заключается именно в том, что в семантической структуре глагола фиксируется только один или несколько признаков из общей схемы, способных замещать представление о действии в целом» [2, с. 89].

Представление о том, что глагол связан в сознании Говорящего с целой ситуацией и глагольная форма является своего рода «упаковкой» для знаний об этой ситуации, является ключевым в нашей работе [6], где мы, рассматривая «процесс номинации конкретной денотативной ситуации определенной глагольной формой» [6, с. 68] в ономаσιологическом аспекте, подробно описывали уровни существования ситуации: онтологический, когнитивный, когнитивно-языковой и собственно языковой. В работе [7] были рассмотрены прототип и ситуатема и описаны как базовые структуры представления знаний о конкретной ситуации. Однако, в данных работах акцент был сделан на статичном описании уровней, как элементов структуры, а не в динамике, как этапов процесса. Наблюдения за деятельностью обучающихся на уроках РКИ, а также попытки теоретического осмысления проблем, возникающих в ходе обучения РКИ, побудили нас переосмыслить сущность описанных явлений и предположить, что есть необходимость рассматривать их в процессуальном аспекте как последовательный переход Говорящего от одного уровня представления ситуации к последующему. Этот процесс для изучающих русский язык тем более осложняется, что они «входят в круг» чужого языка, то есть переход от этапа к этапу становится многоступенчатым. Методическое преодоление этих трудностей не может быть успешным без решения вопроса об их природе. Мы предполагаем, что объяснить трудности, с которыми сталкиваются инофоны, изучающие русский язык (например, проблему интерференции), а также найти методическое решение этой проблемы возможно, если представить процесс порождения речи Говорящим как деривационный.

Поскольку ранее в исследованиях [6, 7] нами были установлены качественные различия между содержанием уровней, это позволило предположить, что их следует рассматривать как результат деривационного процесса. Деривацию мы понимаем

предельно широко, как «фундаментальный и универсальный способ представления нового на базе исходных суппозиций» [1, с. 65]. В данном случае – как переход от глубинных структур представления знания к языковым. При этом очень важно, что в процессе деривации содержание уровней претерпевает изменения. Как отмечает Н.Д. Голев, «"данное плюс новое" – формула деривационных процессов и структур, в которых они опредмечиваются. Всякое новое есть продолжение, развитие исходных суппозиций или – в крайнем варианте – реализация деривационно-мотивационного потенциала, носителем которого является любая единица языка» [1, с. 65]. Аналогичным образом, с нашей точки зрения, может быть описана не только языковая структура, но и структура процесса представления знания в языке: каждый уровень формирует определенный образ ситуации, представляя собой развитие предшествующего уровня и основу для появления следующего.

В работе Н.Б. Лебедевой стратегия Говорящего с когнитивной точки зрения описывается таким образом: «он выделяет фрагмент действительности, наблюдает его, выделяет опорные узлы этого фрейма, делает акцент на тех или иных аспектах и компонентах, ставя их в коммуникативный фокус, придавая ту или иную модальность, интерпретируя ситуацию в том или ином модусе. Он отдает себе, в той или иной мере, отчет обо всех этих деталях передаваемой информации, то есть выносит на уровень осознания» [5, с. 26]. Далее Говорящему необходимо перевести заданное содержание в языковую форму. Для этого он обращается к имеющемуся у него (индивидуально обусловленному) арсеналу языковых средств и выбирает из него наиболее подходящую форму. Адекватность выбора зависит от многих факторов как объективно, так и субъективного порядка.

Представим семантическую деривацию глагольного содержания как процесс, в результате которого формируется образ ситуации на разных уровнях ее представления.

Онтологический уровень соответствует первому этапу стратегии Говорящего («выделяет фрагмент действительности, наблюдает его»). На этом этапе Говорящий выделяет в бытийном континууме некую реальную ситуацию. Наблюдение за ней позволяет выявить ее разнообразные характеристики, принадлежащие всем участникам деятельности: субъектам, действиям, объектам, обстоятельствам, ее сопровождающим. В дальнейшем знание этих характеристик помогает Говорящему вычленять данную ситуацию и отличать от смежных или похожих. С точки зрения деривационного процесса, содержание этого этапа соответствует

понятию «данное». Как правило, любая реальная ситуация представляет собой плохо масштабируемый обширный набор участников, действий и их признаков.

Следующий этап стратегии – «выделяет опорные узлы этого фрейма» – соотносится с переходом на когнитивный уровень, где существует прототипическая ситуация – ментальная модель реальной ситуации, зафиксированная в сознании Говорящего. Именно она позволяет выделять реально наблюдаемую ситуацию из ряда подобных и соотносить ее с образом ситуации, зафиксированным в языке. Особенностью прототипической ситуации является то, что она представляет мыслительное содержание той или иной денотативной ситуации в полном объеме: «все её аспекты и элементы, а также их параметры и значения этих параметров» [4, с. 36], которые выстраиваются в определенную иерархию: от наиболее значимых к наименее значимым. Прототипичный экземпляр определяется набором ядерных (наиболее существенных) признаков. Таким образом, прототипическая ситуация может быть определена как общая семантическая схема, являющаяся своеобразным эталоном, образцом, с которым человек сравнивает денотативную ситуацию. Деривация на данном уровне проявляется в иерархизации глагольного содержания: «данное», т.е. реальные признаки ситуации, структурируется в направлении «типичное – нетипичное», «важное – неважное», образуя «новое».

Задача следующего этапа стратегии Говорящего – перевод содержания в языковую форму – решается последовательно на разных уровнях. Сначала на когнитивно-языковом уровне определяется весь «арсенал» возможных средств выражения. В качестве такой переходной единицы нами была определена типовая ситуатема, которая представляет собой «когнитивно-языковой инвариант, тип развития ситуации, который является общим для группы глаголов» [6, с. 75]. Все составляющие прототипическую ситуацию компоненты, входят в состав типовой ситуатемы, но специфически структурируются: одна часть из них эксплицирована в содержании ситуатемы, другая является имплицитной. Это связано с тем, что типовая ситуатема является способом представления языкового содержания прототипической ситуации. В языке типовая ситуатема представлена семантической парадигмой (например, ЛСГ глаголов). Деривация глагольного содержания на этом уровне заключается в том, что «данное», т.е. прототип ситуации, адаптируется под возможности языка и потребности Говорящего, количественно и качественно изменяясь. Часть признаков, важных для

дифференциации ситуации, оказываются второстепенными в языковом содержании.

На завершающем этапе, перейдя на языковой уровень, Говорящий должен выбрать форму, которая бы адекватно передавала как внеязыковое содержание (диктум), так и отношение говорящего к этому содержанию (модус). Такой формой является конкретный глагол в определенном значении, который, как отмечает Г.И. Кустова, «"выбирая" из ситуации только часть информации, дает определенный способ концептуализации, осмысления этой ситуации, – другими словами, что-то подчеркивает, высвечивает, а что-то затемняет, отодвигает на задний план» [4, с. 38]. На этом этапе результат деривации выражается в различии между единицами когнитивно-языкового и языкового уровней: типовая ситуатема соотносится с содержанием ЛСГ в целом, а ситуатема соответствует различным «регулярным» реализациям, денотативным вариантам ситуации, выраженным конкретным глаголом.

Рассмотрев процесс порождения речи Говорящим как переход от одного этапа к другому на пути от реальности к языковому воплощению, оценим результаты этого процесса с точки зрения их производности, т.е. в деривационном ключе.

Во-первых, можно сделать вывод о том, что основой, на которой происходит деривационный процесс языкового содержания на первых этапах, являются знания о ключевых признаках ситуации. Во-вторых, деривационные изменения происходят не по модели прироста (как, например, в словообразовании: основа(данное)+формант=новое), а по иной модели, назовем ее условно семантической спецификацией. То есть «новое» проявляется в количественном отборе и качественном выделении тех компонентов, которые становятся актуальными на каждом этапе. В-третьих, содержание глаголов, в отличие от прототипа и типовой ситуатемы, является коммуникативно гибким и подвижным, актуализируя в соответствии с потребностями Говорящего тот или иной компонент своей семантики. В глаголах в свернутом виде заложена вся структура ситуации, зафиксированы знания носителей языка об условиях, характере протекания и участниках ситуации. Однако поименованными в языке оказываются в основном те аспекты ситуации, которые являются релевантными для носителей языкового сознания. Таким образом, в результате исследования семантической деривации в когнитивном аспекте выявлены различия в фиксации ситуации, которые являются наиболее существенными на каждом из уровней.

Переводя результаты данных наблюдений в плоскость лингводидактики, следует отметить, что любой инофон, изучающий РКИ, регулярно нахо-

дится в позиции Говорящего и при производстве речи последовательно проходит все описанные этапы, испытывая при этом дополнительно специфические трудности, связанные с межъязыковым переходом (от родного языка к изучаемому иностранному). Иными словами, наблюдая реальную ситуацию и в дальнейшем соотнося ее с прототипом, инофон находится в пределах «родного» языкового сознания и определяет ее так, как это принято в его родном языке. А на этапе выбора формы он должен перейти в область изучаемого языка. По нашим наблюдениям, трудности возникают

именно на этапе перевода когнитивных моделей (прототипа) в языковую форму и, далее, на этапе выбора адекватной содержанию языковой формы из ряда смежных единиц. Это связано с объективными причинами, выявленными нами в ходе когнитивного анализа, а именно, свойством глагольного содержания сужаться в направлении от действительности к языку. Для того, чтобы обучить инофона навыкам отбора необходимых средств для адекватного выражения мысли, необходимо учитывать особенности семантической деривации в когнитивном аспекте.

Литература

1. Голев Н.Д. Деривация и мотивация как формы оязыковленной детерминации // Очерки по лингвистической детерминации и дериватологии русского языка: коллективная монография / под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 65 – 84.
2. Кубрякова Е.С. Глаголы действия через их когнитивные характеристики // Логический анализ языка: Модели действия. М., 1992. С. 84 – 90
3. Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
4. Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки русской культуры, 2004. 470 с.
5. Лебедева Н.Б. Полиситуативный анализ глагольной семантики. 2-е изд. испр. и доп. М.: Либроком, 2010. 192 с.
6. Небольсина М.С. Русские глаголы речевого воздействия в аспекте полиситуативности: дис. ... канд. филолог. наук. Барнаул, 2006.
7. Небольсина М.С. Соотношение прототипа и ситуатемы как разных типов когнитивных структур // Научное обозрение: гуманитарные исследования. 2016. №12. С. 168 – 174.
8. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988; Вып. 23. С. 52 – 92.

References

1. Golev N.D. Derivaciya i motivaciya kak formy oязыkovlenoj determinacii. Oчерki po lingvisticheskoj determinologii i derivatologii russkogo yazyka: kollektivnaya monografiya. pod red. N.D. Goleva. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1998. S. 65 – 84.
2. Kubryakova E.S. Glagoly dejstviya cherez ih kognitivnye harakteristiki. Logicheskij analiz yazyka: Modeli dejstviya. M., 1992. S. 84 – 90
3. Kubryakova E.S. YAzyk i znanie. Na puti polucheniya znaniy o yazyke: chasti rechi s kognitivnoj tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira. M.: YAzyki slavyanskoj kul'tury, 2004. 560 s.
4. Kustova G.I. Tipy proizvodnyh znachenij i mekhanizmy yazykovogo rasshireniya. M.: YAzyki russkoj kul'tury, 2004. 470 s.
5. Lebedeva N.B. Polisituvativnyj analiz glagol'noj semantiki. 2-e izd ispr. i dop. M.: Librokom, 2010. 192 s.
6. Nebol'sina M.S. Russkie glagoly rechevogo vozdejstviya v aspekte polisituvativnosti: dis. ... kand. filolog. nauk. Barnaul, 2006.
7. Nebol'sina M.S. Sootnoшенie prototipa i situatemy kak raznyh tipov kognitivnyh struktur. Nauchnoe obozrenie: gumanitarnye issledovaniya. 2016. №12. S. 168 – 174.
8. Fillmor CH. Frejmy i semantika ponimaniya. Novoe v zarubezhnoj lingvistike. M., 1988; Vyp. 23. S. 52 – 92.

*Nebolsina M.S., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.),
Altai State Pedagogical University*

COGNITIVE ASPECTS OF SEMANTIC DERIVATION OF VERBAL CONTENT

Abstract: this article is devoted to the description of semantic derivational processes in the cognitive aspect. This approach is relevant for solving applied problems of linguistics, in particular for the methodology of teaching Russian as a foreign language, as it allows to adequately model the process of teaching a foreign language. The novelty of the present research lies in the attempt at a derivational description of the cognitive process carried out by the speaker. Derivation is understood very broadly as a process of transition from deep (non-linguistic) structures of knowledge representation to superficial (linguistic) ones. The semantic derivation of the verb content is considered onomasiologically: in the direction from a real-life denotation situation through a prototypical situation at the cognitive level, the situatheme at the cognitive-linguistic level to implementation at the linguistic level in specific verbs. In the process of derivation, the content of the levels undergoes changes. As a result, fundamental differences in the fixation of the situation that exist at each of the levels are revealed.

Keywords: semantics, speech act verbs, derivation, polysituativity, situatheme

*У Цзыпэн,
Тяньцзиньский университет иностранных языков, Китай*

ОБРАЗ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ « КРЫМ » В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Аннотация: объектом исследования в данной статье является образ языкового сознания «Крым» в русской литературе. С использованием теории функционального разделения языкового сознания Е.В. Быковы рассматривается образ языкового сознания «Крым», написанный Пушкиным, Львом Толстым, Чеховым и советскими писателями с позиции лингвокультурологии. Целью данной работы является рассмотрение образа языкового сознания «Крым» в разных произведениях. В результате анализа образа языкового сознания «Крым» в русской литературе выявлены следующие характеристики: 1) часть национально-культурного происхождения; 2) стереотип в речевом общении; 3) тесная связь с богатой ассоциацией типичных национально-культурных характеристик. Были сделаны следующие выводы: 1) содержание образа языкового сознания «Крым» в художественных текстах разных периодов также различно, например: романтизм, патриотизм, самооправдание и космополитизм; 2) в разных исторических контекстах образ языкового сознания «Крым» постоянно перекодируется; 3) исторические и культурные изменения придают ему разные семантические образы. Теоретическое значение состоит в расширении аспекта исследования образа языкового сознания «Крым» с помощью художественных текстов разных периодов. Практическое значение заключается в содействии пониманию образа языкового сознания «Крым».

Ключевые слова: языковое сознание, образ языкового сознания «Крым», русская литература, национальная культура, стереотип, полуостров Крым

Введение

Изучение языкового сознания можно проследить до философии языка Гумбольдта, он указывал, что язык – это инструмент для мышления и восприятия людей, каждый язык содержит уникальное мировоззрение. Ещё в 1960-х и 1970-х годах Такие ученые, как П.Я. Галлперин, подняли вопрос о языковой осведомленности с точки зрения изучения преподавания иностранных языков. Изучение языкового сознания в России в основном сосредоточено в области психолингвистики. Представитель Московской школы психолингвистики А.А. Леонтьев считает, что национальная психолингвистика относится к категории психолингвистики, изучающей национальное культурное разнообразие. Национальное культурное разнообразие проявляется в трёх аспектах: 1) весь процесс речевого действия, речевого поведения и речевой деятельности; 2) языковое осознание, то есть когнитивное использование языка и функционально эквивалентной языковой символики; 3) организация процессов речевого общения [1]/ Мы считаем, что в вышеперечисленных трёх аспектах языковое сознание является основным содержанием выражения национального культурного разнообразия. Образ языкового сознания является одной из основных форм экстернализованного выражения языкового сознания. Крым играет очень важную роль в российской истории и культуре, это топонимическое название, как и Москва и Петербург, вышло за рамки символики обычной географии, географические факторы полуострова, этнические факторы и историческая память составляют уникальные текстовые свойства Крыма.

С позиции литературы изучение образа языкового сознания « Крым » может дать нам более полное понимание культурной коннотации этого образа языкового сознания и важности Крыма для России. В данной статье используя в качестве корпуса крымские тексты, написанные Пушкиным, Л. Толстым, Чеховым и писателями советской эпохи, автор проанализировал содержание и семантический образ языкового образа « Крым » в литературных произведениях разных периодов.

1. Образ языкового сознания

В лингвистических кругах нет единого взгляда на определение языкового сознания. Е.Ф. Тарасов считает, что языковое сознание – это объединение образов сознания, сформированных и экстернализованных языковыми средствами, такими как слова, фразы, тексты и ассоциативные области [2].

Е.В. Ейгер классифицировал функции языкового сознания: 1) отражательная функция – отражение человеческим воображением реальности в форме и значении языка, включая воображение и понимание самого языка. 2) оценочная функция – языковая единица, которая оценивает на уровне стандартов, риторики, эстетики, этнической принадлежности и общества. 3) ориентировочно-селективная функция – выбор языковых средств в контексте и тенденция при определении значения в структуре языка. 4) интерпретационная функция – описание свойств произвольных символов. 5) регулятивно-управляющая функция – Регуляция языкового сознания заключается в регулировании стандартов, и доминирующая функция отражается в проблемах и сквозных аспектах, возникающих в языковой деятельности [3]. Образ языкового со-

знания является основной единицей изучения языкового сознания. Е.Ф.Тарасов считает, что образ языкового сознания – это объединение перцептивных знаний и концептуальных знаний об объектах реального мира, сформированных пользователями языка для их духовного существования [2].

Можно считать, что образ языкового сознания представляет собой систематическое отражение знаний, приобретенных субъектом через наблюдение и восприятие внешнего мира. Эти знания будут экстернализованы в вещах, которые человек знает, в поведении человека и в языке человека.

2. Историческое познание образа языкового сознания «Крым»

Образ языкового сознания «Крым» претерпевает длительный процесс формирования, развития и изменения в истории и тесно связывает с религией, историей и культурой.

2.1 В религиозной сфере

Формирование образа языкового сознания «Крым» сопровождалось подъёмом Русской Православной Церкви в Крыму. Становление и развитие Православной Церкви в Крыму началось во времена Византийской империи, и в раннем Средневековье византийская Таврида сыграла важную роль в распространении Православной Церкви в северной части Крыма. В 851 году нашей эры святой Кирилл изучал язык Захарии по пути в Захарию (нынешний Крым) и пробыл в Херсоне шесть месяцев, именно здесь святой Кирилл впервые увидел Евангелия и некоторые церковные стихи, переведённые на древнеславянский язык [6]. В 988 году святой князь Владимир принял православное крещение в Херсоне и привел весь русский народ к принятию православного христианства. Содержание, связанное с образом языкового сознания «Крым», зафиксировано в большом количестве религиозных книг, отражающих историю развития Православной Церкви, конкретное содержание тесно связано с такими топонимами, как «Греция», «Захария», «Таврида», «Херсонес»; с такими именами, как «Святой Кирилл», «Святой Владимир»; с такими событиями, как «Крещение святого Владимира», «Крещение Руси» и т.д.

2.2. В исторической сфере

Ещё до нашей эры в Крыме существовали государственные организации, а затем он принадлежал татарам и туркам. Крымский полуостров был тесно связан с реформами Петра Великого и усилиями России по созданию государства, принадлежащего европейской цивилизации. Во время правления Екатерины II Россия получила доступ к Чёрному морю, и Крым был включен в состав российской территории. Многие города и поселения позже были основаны под руководством князя Потемкина. За этой землей последовали Крымская

война и битва за Севастополь во время второй мировой войны. Образ языкового сознания «Крым» также тесно связан с именами, топонимами и историческими событиями. Например, имени: Пётр первый, Екатерина вторая, Князь Григорий Потёмкин. топонимы: Таврида, Севастополь. основные исторические события: взятие Чёрного моря, создание черноморского флота, Путешествие Екатерины второй по югу России, Крымская война.

2.3 В культурной сфере

Формирование образа языкового сознания «Крым» сопровождается взаимодействием российских культурных знаменитостей с Крымом. После того, как Крым стал российской территорией, он привлек многих русских писателей и художников и сформировал «Крымский текст» в литературе и культуре. Этот термин отражает взаимосвязь между крымскими произведениями и связь между крымской мифологией и культурными кодами. Принято считать, что крымский текст начался в конце 18-го века и в начале 19-го века, жизнь и творчество знаменитого поэта Пушкина в южной ссылке были началом крымского текста. Гоголь, Лев Толстой, Чехов, Пунин, Горький и другие писатели создали крымские тексты. На протяжении более 100 лет Крым находится в постоянном диалоге и взаимодействии с российскими писателями и поэтами, формируя уникальную культуру Крыма. Кроме того, Крым также является известным курортом и местом отдыха. По данным национального корпуса русского языка, образ современного русского языкового сознания «Крым» связан с понятиями «отдых», «досуг», «лечение» и так далее.

3. Анализ образа языкового сознания «Крым» в литературных произведениях

Анализ будет основан на функциональной теории языкового сознания, проанализировав образ языкового сознания «Крым» в произведениях Пушкина, Льва Толстого, Чехова и писателей Советской эпохи, раскрывает отражательную функцию, оценочную функцию, ориентировочно-селективную функцию, интерпретационную функцию, регулятивно-управляющую функцию в художественных текстах разных периодов, с тем чтобы объяснить уникальную коннотацию образа языкового сознания «Крым».

3.1 Образ языкового сознания «Крым» в произведениях Пушкина

Во время своей ссылки на юг поэт путешествовал по городам Симферополь, Феодосия, Керчь, Гурзуф, Бахчисарай на крымском полуострове. Пушкин писал в стихотворении «Таврида»:

*“Кто видел край, где роскошью природы
Оживлены дубравы и луга,
Где весело шумят и блещут воды*

*И мирные ласкают берега,
Где на холмы под лавровые своды
Не смеют лечь угрюмые снега?
Скажите мне; кто видел край прелестный,
Где я любил, изгнанник неизвестный?» [7].*

Цель стихотворения заключается в том, чтобы выразить похвалу Крыму. Необузданное море всегда было предметом поклонения Пушкина. Как писал поэт в «Нереида»:

*“Там нкогда в горах, сердечной думы полный,
Над морем я влачил задумчивую лень,
Когда на хижины сходила ночи тень –
И дева юная во мгле тебя искала
И именем своим подругам называла.”*

Затем в Бахчисарае Пушкин написал повествовательную поэму «бахчисарайский фонтан». В отличие от нескольких других южных псалмов, это стихотворение отражает смесь восточной и западной культур и романтические чувства поэта. Пушкин выбирая уникальный ракурс, использовал гарем крымского хана в качестве фона. Крым для России в то время был глубоким гаремом, хотя он и далек от шума и суеты, но красивые пейзажи страстно рьят.

В конце стихотворения говорится:

*“О, скоро вас увижу вновь,
Брега веселые Салгира!
Приду на склон приморских гор,
Воспоминаний тайных полный, –
И вновь таврические волны
Обрадуют мой жадный взор.
Волшебный край, очей отрада!” [8]*

В этих стихотворениях в основном существуют такие функции, как отражательная функция, оценочная функция, ориентировочно-селективная функция, регулятивно-управляющая функция. Отражая прекрасную природную среду Крыма, эти стихотворения придают колорит романтизму Крыма. Упоминание о крымском тексте Пушкина сопровождается ассоциативными словами, такими как красивые окрестности, море и романтизм.

3.2 Образ языкового сознания «Крым» в произведениях Льва Толстого

Описание Крымской войны более полно отражено в романе Льва Толстого «История Севастополя». В романе изображен упадок разрушения города, кровавая битва солдат и резкий контраст между этническими обычаями Крыма и блеском, ленью и вестернизацией высшего общества, отраженными в петербургских текстах того же периода. Лев Толстой не только видел сцену кровавых боев простых русских солдат, но и чувствовал их патриотические чувства и мужество. Как сказано в романе: “Оглядываясь назад с Северного берега, чтобы сдать Севастополь, почти каждый солдат испытывал неопишумую боль в сердце, они взды-

хали и махали кулаками на врага” [4]. Эта коллективная память русской нации ослабила её экзотические характеристики и укрепила чувство идентичности России в истории развития крымского текста.

Роман Льва Толстого воплощает отражательную функцию, оценочную функцию и регулятивно-управляющую функцию образа языкового сознания «Крым». Отражая прекрасные пейзажи Крыма и патриотизм простых российских солдат, он восхвалял храбрость российских солдат. Когда упоминается крымский текст Льва Толстого, появляются ассоциативные слова, такие как патриотизм, война и национальное единство.

3.3 Образ языкового сознания «Крым» в произведениях А.П. Чехова

Ялта, расположенная на южном побережье Крымского полуострова, благословлена природными условиями, а средиземноморский климат идеально подходит для восстановления сил. Мода высшего общества ведёт за собой моду общества в целом, и в Крыму бесконечный поток отдыхающих. Постепенно в крымском текстовом пространстве появился новый смысловой символ – «санаторий». Ялта, как рай для богатых для развлечений, сильно контрастирует с духом Севастополя. Ещё один смысл, закрепленный в крымском тексте, Толстой считал это «вульгарным», но Чехов нашёл духовное спасение от этого «вульгарного». Здесь написаны «Три сестры», «Вишневый сад», «Женщина с соборкой». «Женщина с соборкой» происходит в Ялте, в рассказе Чехов написал: “Здесь наиболее поразительны две характеристики высшего общества Ялты: пожилые женщины, одетые как молодые женщины, и большое количество генералов” [5]. Здесь Чехов акцентирует внимание на духовном пробуждении и самоспасении героя. Он использует уникальную перспективу для построения крымского текста, критикуя беды городской жизни, но также выражает стремление и ожидание лучшей жизни: “Кажется, что через некоторое время вы найдете способ, начнётся новая хорошая жизнь” [5].

Образ языкового сознания «Крым» в чеховской «Женщине с соборкой» в основном имеет отражательную функцию, оценочную функцию и регулятивно-управляющую функцию. Он отражает удалённость Крыма от мирской среды, утверждает его важность как духовного дома самооправдания. Упомянув о крымском тексте Чехова, появляется такие ассоциативные термины, как святая земля, самоспасение и духовный дом.

3.4 Образы языкового сознания «Крым» в произведениях советской эпохи

После Октябрьской революции образы языкового сознания, присущие крымскому тексту, были

полностью трансформированы. Маяковский писал в своём стихотворении «Крым»: “И все это/наслаждало/одного царя!/Смешно – /честное слово!/А теперь/играет /меж цветочных ливней/ветер, /пламя флажков теребя. /Стоят санатории/разных именей: /Ленина, /Дзержинского, /Десятого Октября...” [9]. В этом стихотворении Крым впервые описывается как советский санаторий. В произведении В.П. Аксёнова «Остров Крым» содержится не только памятник Пушкину, но и интертексты классических крымских текстов. К примеру, фразы в рассказе «Дама с собором» [10]. Автор рассматривает эти традиционные символы в контексте глобализации, выделяя тем самым еще одну смысловую особенность текста – «космополитизм». «Космополитизм» романа отчетливо отражен в лексике, например: бэби-baby, фривей- freeway, дад-dad.

Образы языкового сознания «Крым» советских писателей имеют такую функцию, как отражательная функция, ориентировочно-селективная функция и регулятивно-управляющая функция.

Когда упоминается крымский текст советских писателей, появляются такие ассоциативные слова, как всесоюзный санаторий, космополитизм, государственное имущество.

4. Заключение

Основываясь на крымском тексте русской литературы разных периодов, в данной статье систематически исследуется образ языкового сознания «Крым», написанный Пушкиным, Львом Толстым, Чеховым и советскими писателями с точки зрения лингвокультурологии.

В результате анализа образа языкового сознания «Крым» в художественных текстах разных периодов выявлены следующие характеристики: 1) часть национально-культурного происхождения; 2) стереотип в речевом общении; 3) тесная связь с богатой ассоциацией типичных национально-культурных характеристик. Таким образом, Мы пришли к следующим выводам: 1) по мере развития общества содержание образа языкового сознания «Крым» постоянно меняется и видоизменяется. 2) в лексико-семантическом поле, связанном с этим образом языкового сознания, есть такие понятия, как санаторий, романтизм, патриотизм, духовный дом, всеобщая собственность, самооправдание и космополитизм. 3) исторические факторы, социокультурные факторы, исторические факторы знаменитостей постоянно расширяются, трансформируя коннотацию образа языкового сознания «Крым».

Литература

1. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М: Смысл, 1997. С. 191 – 192.
2. Тарасов Е.Ф. Языковое сознание и образ мира / Отв. ред. Н.В. Уфимцев. М.: Институт языкознания РАН, 2000. С. 28.
3. Эйгер Е.В. Тезисы IX Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М: Институт языкознания РАН, 1988. С. 56.
4. Бурнашева Н.И. Комментарии. Толстой Л.Н. Как умирают солдаты // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 100 т.; Художественные произведения: в 18 т. Т. 2: 1852-1856. М.: Наука, 2002. С. 275 – 267.
5. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М., 2008. Т. 10. С. 130 – 145.
6. Андреев А.Р. История Крыма. М.: Монолит-евролинц-традиция, 2002. URL: <http://acrimea.narod.ru/p3.htm>
7. Ходанен Л.А. Романтический миф о Тавриде в творчестве Батюшкова и Пушкина. М: культура и текст, 1998, С. 77 – 79.
8. Люсьин А.П. Крымский текст в русской литературе. СПб: 2003. С. 15.
9. Маяковский В.В. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 9. М., 1958. С. 228.
10. Чиалашвили-Гордеева Е.Ш. «Остров Крым» – «Воплощённая мечта, модель будущей России». М: Вопросы русской литературы, 2019, С. 102.

References

1. Leont'ev A.A. Osnovy psiholingvistiki. M: Smysl, 1997. S. 191 – 192.
2. Tarasov E.F. Yazykovoe soznanie i obraz mira. Otv. red. N.V. Ufimcev. M.: Institut yazykoznaniya RAN, 2000. S. 28.
3. Ejger E.V. Tezisy IX Vsesoyuznogo simpoziuma po psiholingvistike i teorii kommunikacii. M: Institut yazykoznaniya RAN, 1988. S. 56.
4. Burnasheva N.I. Kommentarii. Tolstoj L.N. Kak umirayut soldaty. Tolstoj L.N. Polnoe sobranie sochinenij: v 100 t.; Hudozhestvennyye proizvedeniya: v 18 t. T. 2: 1852-1856. M.: Nauka, 2002. S. 275 – 267.
5. Chekhov A.P. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. M., 2008. T. 10. S. 130 – 145.
6. Andreev A.R. Istoriya Kryma. M.: Monolit-evrolinc-tradiciya, 2002. URL: <http://acrimea.narod.ru/p3.htm>

7. Hodanen L.A. Romanticheskij mif o Tavride v tvorchestve Batyushkova i Pushkina. M: kul'tura i tekst, 1998, S. 77 – 79.
8. Lyusyj A.P. Krymskij tekst v russkoj literature. SPb: 2003. S. 15.
9. Mayakovskij V.V. Poln. sobr. soch.: v 13 t. T. 9. M., 1958. S. 228.
10. CHialashvili-Gordeeva E.SH. «Ostrov Krym» – «Voploshchyonnaya mechta, model' budushchej Rossii». M: Voprosy russkoj literatury, 2019, S. 102.

*Wu Zipeng,
Tianjin Foreign Studies University, China*

THE IMAGE OF LINGUISTIC CONSCIOUSNESS OF CRIMEA IN RUSSIAN LITERATURE

Abstract: the object of the research in this article is the image of the language consciousness "Crimea" in Russian literature. Using the theory of functional division of language consciousness by E.V. Bykova, the author examines the image of language consciousness "Crimea", written by Pushkin, Leo Tolstoy, Chekhov and Soviet writers from the position of linguoculturology. The research is aimed at examining the image of the language consciousness "Crimea" in different works. The analysis of the image of the language consciousness "Crimea" in the Russian literature revealed the following characteristics: 1) part of the national-cultural origin; 2) a stereotype in speech communication; 3) a close connection with a rich association of typical national-cultural characteristics. The following conclusions were made: 1) the content of the image of the language consciousness "Crimea" in the literary texts of different periods is also different, for example: romanticism, patriotism, self-justification and cosmopolitanism; 2) in different historical contexts, the image of the language consciousness "Crimea" is constantly recoded; 3) historical and cultural changes give it different semantic images. The theoretical significance is to expand the aspect of the study of the image of the language consciousness "Crimea" with the help of literary texts from different periods. The practical value is to promote the understanding of the image of the language consciousness of "Crimea".

Keywords: language consciousness, image of language consciousness "Crimea", Russian literature, national culture, stereotype, Crimean peninsula

Ханоян Л.О., аспирант,
Дальневосточный федеральный университет

«ПОЭТИКА ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ, ДЕРЕВЕНСКОЙ, АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ. КОНТАМИНАЦИЯ ЯЗЫКОВЫХ ФАКТОВ» (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА А.Н. ПЛЕТНЕВА «ШАХТА»)

Аннотация: в статье рассматривается контаминация жанровых элементов, отражающих принадлежность романа А.Н. Плетнева «Шахта» к следующим литературным жанрам: 1) производственная проза, 2) деревенская проза, 3) автобиографическая проза. В полижанризме реализуется жанровый синтез – и, в частности, такая его разновидность, как жанровая контаминация, выступающая предметом рассмотрения в настоящей работе. Мы подчеркиваем роль таких характеристик литературного жанра, как его языковые маркеры: языковые особенности текста определяются в первую очередь именно его жанром. «Филологический» подход в анализе жанров не входит в противоречие с литературоведческими подходами, получившими наибольшее распространение, – но скорее дополняет такое исследование достаточно строгим лингвистическим и филологическим инструментарием. Выбор лексико-семантических единиц и индивидуально-авторский подход к их систематизации, а также особенности использования синтаксиса, структура и композиция текста выступают как равноправные маркеры при определении жанровой природы произведения. Языковая репрезентация жанра происходит преимущественно на уровне выбора лексических и синтаксических художественно-выразительных средств, определенного «спектра» узуальных и контекстуальных значений лексических единиц, определенного типа, специфики авторской и диалогической речи, наличия/отсутствия лирических отступлений и/или пейзажных зарисовок, особенностей синтаксического построения текста.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования её выводов для дальнейших научных исследований, в современном рассмотрении роли в советской литературе второй половины XX века производственного, деревенского и автобиографического жанров, сочетающихся в одном произведении и их лингвистических особенностей, также даёт возможность расширения изучения языковой картины мира советских писателей/писательниц соцреалистической производственной прозы и отечественной науки о соцреализме.

Ключевые слова: А.Н. Плетнев, роман «Шахта», контаминация жанров, производственная проза, деревенская проза, автобиографическая проза

В своем исследовании романа А.Н. Плетнева «Шахта» мы, в качестве концептуально-теоретической базы, опираемся на подходы отечественных исследователей – в частности, Н.А. Николиной, писавшей: «Филологический анализ текста предусматривает многоаспектное его рассмотрение и интерпретацию, которая невозможна без учета жанра произведения» [3, с. 3].

Жанровая специфика романа «Шахта» – в контаминации языковых фактов различных представленных в нем жанров. «Жанровая контаминация» рассматривается как «сочетание элементов двух или более самостоятельных жанров в одном тексте, которое приводит к созданию новой текстовой макроструктуры» [2, с. 366].

В случае исследуемого романа основным среди контаминируемых жанров следует назвать жанр производственной прозы. Мы выделяем две главные разновидности – «реалистическая производственная проза» (РПП) и «соцреалистическая производственная проза» (СПП). Изначальное тяготение производственной прозы к реалистическому методу безусловно, поскольку в основе ее всегда лежит профессиональная деятельность, а следова-

тельно именно максимально реалистическое ее изображение как основы всего повествования, сюжета, поэтики и пр. Отсюда и стилистические особенности производственной прозы – достаточно сжатый и «скромный» стиль, отсутствие стремления к «украшательству», заострение читательского внимания на деталях происходящих событий, особенно на «производственных», обилие подобных деталей и пр.)

СПП, в рамках производственной прозы, также имеет и собственные специфические особенности. Собственно «реалистичным» остается отображение профессиональной деятельности, связанные с ней хронологические особенности и т.д.; упор, однако, теперь на воспитательном, агитационно-пропагандистском аспекте, отсюда – выбор героя и его антагониста, типа конфликта, фактически все художественные особенности подчинены уже этой цели.

Роман Плетнева «Шахта» формально относится, безусловно, к категории СПП. Изданный в 1981 году, он представляет определенный этап эволюции этого жанра. Понятие «производственный роман» начинает в это время приобретать отрица-

тельный смысл. Одной из причин деградации жанра называли излишек производства и профессиональной, не всегда понятной читателю лексики. Характерной чертой позднего производственного романа 70-80-х годов выступает несоответствие эпического характера жанра и негероического состояния мира. Сфера производства становится лишь фоном или только одной из сторон жизни героя; производственный и частный конфликты становятся равноправными. Противоречие между новым и старым уместается строго в производственных рамках и утрачивает эстетическое качество. «Своеобразными эстетическими основами художественного мира производственного романа на последнем этапе его истории становятся деловитость и неуверенность персонажей» [2].

Первый фактор, на который следует обратить внимание: место действия. Основное действие романа «Шахта» разворачивается «на фоне» вполне конкретных производственных реалий – шахтного комплекса города Артема. Само слово «Шахта», титульное для романа, как и «Завод» в романе Ф. Гладкова «Цемент», обретает некий фундаментальный статус, выступая, с одной стороны, конкретным местом действия, с другой – базовой метафорой всего повествования. Конечно же, это находит отражение и на лексическом уровне текста. Так, слова с корнем «шахт» встречаются в тексте целых 227 раз.

Этот базовый лексический уровень можно рассматривать как первый, который, в свою очередь, формирует, организует и упорядочивает «надстраиваемый» над ним следующий (второй) уровень, охватывающий уже *весь* массив лексем, в рамках которого реализуется производственная тематика. Вместе же оба уровня – первый, фундаментальный, и «надстраиваемый» над ним второй – образуют специфическое «производственное» терминологическое поле. Здесь с равным основанием можно использовать слово «профессиональное», поскольку именно профессиональная деятельность персонажей романа в значительной степени определяет используемую автором лексику.

Весь «производственный» и/или «профессиональный» лексический массив романа «Шахта» можно разделить также на несколько тематических блоков:

- Инструменты, оборудование.
- Материалы.
- Профессиональная деятельность.
- Разновидности профессионального «топоса» (подземные, надземные и пр.: например, «выработка») и их собственные конкретные типы и пр.).

Плетнев, за редкими исключениями, не дает в тексте определений и/или объяснений профессио-

нальной терминологии, что, безусловно, создает определенный «инсайдерский» эффект.

В отдельных случаях объяснения и не требуются: некоторые термины оказываются настолько «на слуху», что читатель, даже совсем далекий от горнорудного производства, способен понимать, о чем идет речь. В качестве наиболее яркого примера можно привести такой излюбленный автором профессиональный термин, как «на-гора»: в романе он встречается 28 раз, обозначая (как легко догадается читатель как минимум по контексту) «принятое в профессиональном языке горняков обозначение земной поверхности (подъем на-гора и т.п.)» [5, с. 21]. Особенно часто Плетнев употребляет данный термин в антитетической конструкции «верх – низ».

Однако таких «общепонятных» слов среди используемой автором романа профессиональной терминологии немного. Можно отметить, что в отдельных случаях трудности с пониманием конкретных терминов непосредственно препятствуют адекватному восприятию сюжетной линии.

Следующая важная характеристика, которую нам следует рассмотреть, чтобы отнести роман Плетнева к производственной прозе, – тип конфликта. Базовый конфликт в производственной прозе, как правило, именно конфликт производственный. В основе сюжета «Шахты» также лежит производственный конфликт, но с некоторой оговоркой. В романе мы наблюдаем два сюжетобразующих конфликта: «внешний» и «внутренний» (психологический) – причем базовым выступает все-таки первый, именно его развитие приводит героя к психологическому кризису и необходимости выбора, определяющего всю его дальнейшую судьбу.

Роман «Шахта» в равной степени относится и к жанру «деревенской» прозы.

Хронотоп в литературном произведении является жанроопределяющим. Два контрастирующих между собой топоса – шахта и деревня, Восток и Запад (относительно Приморья) объединяют в себе два жанра, к которым добавляется жанр хроники, поскольку к центральному описанию жизни представителей одного, определенного, поколения, примыкает жизнь их дедов, родителей и детей.

Описание жизни в деревне уходит глубже в историю: он повествует о жизни в деревне до войны, во время, после войны, а также в 60-70-е годы прошлого века.

«Деревенская» часть противопоставлена «шахтерской» и в географическом положении: родная деревня Михаила, Чумаковка, находится в Сибири, значительно западнее приморского шахтерского городка Многоудобного, и в описании

быта, хотя и в шахтерском поселке семья Михаила живет в собственном доме, обрабатывает огород, ухаживает за садом. Но в Чумаковке живут крестьяне-колхозники, а в Многоудобном – шахтеры, это разные социальные классы, крестьяне и рабочие, которые были основой советского государства, представлявшие две его производительные силы, дающие ему жизнь.

Следовательно, социальное пространство романа однородно как социальное пространство производственного романа соцреализма. Но, как и в большинстве литературных произведений этого художественного метода, социальные различия, все-таки, присутствуют. Персонажный ряд представлен рабочими шахтерами, представителями ИТР и творческой интеллигенции, крестьянами, поскольку значительная часть советских шахтеров происходила из крестьянства.

Представители ИТР – начальство и администрация шахты. Среди них выделяется начальник участка Василий Матвеевич Головкин, который, в отличие от главного инженера шахты и своего однокашника по институту Александра Комарова, вышел не из крестьянской семьи, а является потомственным инженером. Очевидно, что он получил иное воспитание, чем остальные герои романа. Но именно он не любит шахту потому, что она для него чужая.

Внутренний конфликт главного героя репрезентируется посредством контаминации языковых средств как производственного романа, так и «деревенской прозы».

Основные следы такого влияния мы находим, во-первых, в последовательно проводимой антитезе «город» – «деревня», выступающей в качестве основного конфликта произведения. Его главный герой Михаил Свешнев, выросший в деревне, работает теперь на шахте – но никак не может забыть отчий дом, тоскует по нему и стоит перед мучительной дилеммой: остаться в городе или вернуться в родное степное село. Эта антитеза определяет дуалистический хронотоп романа и постоянные нарушения линейности композиционного его построения: последовательное развитие повествования раз за разом прерывается ностальгическими воспоминаниями Свешнева. В этих случаях отчетливо меняется даже стилистическая окраска повествования: если для «производственных» эпизодов (место действия – шахта, время действия – условное настоящее) характерны либо достаточно спокойный нарратив, либо, в кульминационные моменты развития сюжета, нарастающий драматизм и выраженная экспрессивность), – эпизоды «деревенские» отмечены высокой степенью лиризма, поэтичности и проникновенности авторского стиля.

Влияние деревенской прозы можно отметить и на лексическом уровне. Плетнев в своем романе практически не использует приморскую региолектную лексику – за исключением таких слов, как, например, слово «сопка» {36}, ныне достаточно широко распространенное, но начало свое берущее именно в приморском говоре, или «распадок» (низменность у подножия сопки {36}). В авторской речи, особенно в речи старшего поколения персонажей романа, встречаются слова, определенно имеющие диалектное происхождение, но не привязанные автором к какому-то конкретному региону. Например, о старой банщице Дарье Веткиной: «взялась», «взяла голову»; в другом месте также «где взялись сопки. В.И. Даль определяет глагол «взнять» как диалектную форму глагола «вздымать» – обнаруживаемую, однако, не в приморском, а в поморском (архангельском) говоре [1, с. 31]; также: «онучи» (портянки), «баско» (хорошо, красиво), «водолей» (ветер с дождем), «козанки» (костяшки на пясти рук), «наособицу», «оквелел», «творило» (затвор), «ись» (есть), «загибнет» (погибнет), «того» (в значении вводного слов), «семой» в значении «седьмой», «спокой» (покой), «скользом» (то есть «скользя», напр.: «глаза все скользом да скользом мимо лиц»), «окоем», «гуркотит» (от укр. «гуркотня» – беспокойство, беспорядочные действия) и др.

Именно речь старшего поколения у Плетнева особенно цветиста, необычна, богата диалектизмами. Вот, например, как описывается приезд из деревни отца к тогдашнему студенту, ныне директору шахты Александру Комарову:

«Ешь, Лександр, наводи тело... Таку науку одолеть! Ой-е-ей! Это тебе не кнутом коров охлестывать... Мы ведь, Комаровы... сколь помним себя, все скотники. А тут вот... бог создал головушку золоту на всю родову...» [Здесь и далее роман цитируется по изданию: 4].

В основном же речь персонажей романа представлена как вариант «общероссийской» разговорной речи с активным использованием просторечных оборотов и аграмматизмов. Примеры использования просторечий: коль {15}, поди (в значении «возможно, вероятно» {10}), ишь {10}, вишь {10}, охота или неохота (в значении «хочется» или «не хочется») {9}, шибко {8}, туда-сюда {6}, слышь {5}, сколь {4}, вчерась {2}, ихнее, сказывали {2}, во (вот), уши (уши), те (тебя), кабы, иль, то да се, култыхались, сурьезно, тык-мык, храпанем.

Представляется также, что Плетнев делает попытку отобразить тягучесть деревенских говоров фонетически: речь его героев часто искусственно «затянута» путем «продления» гласных: «Не-ет», «Во-он», «Ниче-его», «Любо-овь?!», «И-и-ись, И-

и-с-с-сь охота-а», «Ми-и-ша-а-а», «ку-у-да те» и т.п. (Правда, тот же прием автор применяет и для выражения накала эмоций в драматические моменты – например, при аварии в шахте: «Бригадир-ир!», «Медсестра где-е?», «Колыба-аев!», «Прощай, Миш-ка-а-а!..»)

Излюбленный авторский стилистический прием – использование сложных составных лексем, включающих два (повторяющихся либо различных) слов, что придает его речи почти сказовую напевность. (Составные лексемы с повторением слов: «никому-никому не нужна», «разглядывала-разглядывала картинки», «бровки <...> подвигались-подвигались». Еще более часто употребление составных лексем из различных слов: «помаленьку-потихоньку», «посудили-порядили», «целовать-зацеловывать», «до рева-крика», «с пути-дорожки», «звон-колокол», «обуют-оденут», «де-рево-яблоня», «дела-заботы», «травы-спасительницы», «теща-покойница», «мушка-крапинка», «шум-трескотня», «пацан-мальчонка» и еще множество подобных.)

Учитывая период создания романа, полагаем также, что влияние деревенской прозы проявилось и в наличии христианских мотивов в романе. В советский период деревня оставалась оплотом христианской нравственности; обходя идеологические препоны, «деревенщики» старались отразить это в своей прозе. В «Шахте» христианская мотивика представлена, на наш взгляд, в первую очередь в образе главного героя Михаила: его роль спасителя позволяет сопоставить его с популярным православным святым Михаилом. Особенную важность приобретает в этом контексте доминирующая при создании этого образ лексика таких семантических полей, как «жалость», «вина» и «стыд» – чего мы практически не увидим в каноническом производственном романе. Также обращает на себя внимание постоянное для Плетнева сравнение шахты и условий шахтерского труда с картинами преисподней.

Кроме того, роман «Шахта» (как, впрочем, и очень многие другие производственные романы) имеет выраженный автобиографический характер, поскольку многие события из жизни его автора, в том числе и жизнь в шахтерском поселке, и работа в шахте, были пережиты самим писателем. Это очевидно при сравнении текста романа с автобиографией А.Н. Плетнева, являющейся послесловием к изданию романа.

Роман Плетнева разделяет со всей автобиографической прозой такие характеристики, как субъективность и ретроспективность. Однако автобиографизм производственной прозы, и, в частности, романа «Шахта», имеет специфический характер. В стилистике это находит отражение в первую очередь в реалистическом и скрупулезно-точном воссоздании производственного «фона» описываемых событий; в общей поэтике произведения – в «перенесении» собственного психологического опыта автора на фигуру главного героя произведения.

Итак, мы можем сделать следующие выводы.

1. Жанровая специфика романа «Шахта» – в контаминации языковых фактов различных представленных в нем жанров. Основным среди них следует назвать жанр производственной прозы (а именно – соцреалистической производственной прозы, СПП).

2. В «Шахте» заметно прослеживается серьезное влияние деревенской прозы, проявляющееся, в частности, в последовательно проводимой антитезе «город» – «деревня», выступающей в качестве основного конфликта произведения; в широком использовании диалектной и просторечной речи, сказовой напевности, попытках фонетического отображения особенностей деревенского говора, важности христианских мотивов.

3. Роман «Шахта» также имеет выраженный автобиографический характер.

Литература

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Вологда: ВОУНБ, 2012.
2. Земскова Д.Д. Советский производственный роман: эволюция и художественные особенности жанра: дис. ... канд. фил. наук. М., 2016. 247 с.
3. Николина Н.А. Поэтика русской автобиографической прозы. М.: Флинта, 2011. 424 с.
4. Плетнев А.Н. Шахта: Роман. М.: Художественная литература, 1981.
5. Яковлев Г. Словарь горных терминов и понятий // Яковлев Г. Никита Изотов. М.: Молодая гвардия, 1989.

References

1. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. Vologda: VOUNB, 2012.
2. Zemskova D.D. Sovetskij proizvodstvennyj roman: evolyuciya i hudozhestvennye osobennosti zhanra: dis. ... kand. fil. nauk. M., 2016. 247 s.

3. Nikolina N.A. Poetika russkoj avtobiograficheskoj prozy. M.: Flinta, 2011. 424 s.
4. Pletnev A.N. SHAhta: Roman. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1981.
5. YAKovlev G. Slovar' gornyh terminov i ponyatij. YAKovlev G. Nikita Izotov. M.: Molodaya gvardiya, 1989.

*Khanoyan L.O., Postgraduate,
Far Eastern Federal University*

**«POETICS OF INDUSTRIAL, RURAL, AUTOBIOGRAPHICAL
PROSE. CONTAMINATION OF LINGUASTIC FACTS»
(ON THE EXAMPLE OF THE NOVEL "MINE" BY A.N. PLETNEV)**

Abstract:the article examines the contamination of genre elements that reflect the belonging of the novel by A.N. Pletnev "Mine" to the following literary genres: 1) industrial prose, 2) village prose, 3) autobiographical prose. In "poly-genre", genre synthesis is realized - and, in particular, such a variety of genre contamination, which is the subject of this work. We emphasize the role of such characteristics of a literary genre as its linguistic markers: the linguistic features of the text are determined primarily by its genre. The "philological" approach to the analysis of genres does not contradict the most widespread literary approaches, but rather complements such a study with a rigorous linguistic and philological toolkit. The choice of lexical and semantic units and the individual author's approach to their systematization, as well as the peculiarities of the use of syntax, the structure and composition of the text act as equal markers in determining the genre nature of the work. The linguistic representation of the genre occurs mainly at the level of the choice of lexical and syntactic artistic and expressive means, a certain "spectrum" of conventional and contextual meanings of lexical units, a certain type, the specificity of the author's and dialogical speech, the presence / absence of lyrical digressions and / or landscape sketches, peculiarities of syntactic construction text.

The practical significance of the work lies in the possibility of using its findings for further scientific research, in the modern consideration of the role in the Soviet literature of the second half of the twentieth century of the industrial, rural and autobiographical genres. Combined in one work and their linguistic features, also makes it possible to expand the study of the linguistic picture of the world of the Soviet writers of socialist realist production prose and domestic science of socialist realism.

Keywords.: A.N. Pletnev, novel "The Mine", contamination of genres, production prose, village prose, autobiographical prose

*Земцова О.В., кандидат филологических наук, доцент,
Липецкий государственный педагогический
университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского*

КОНТРАСТИВНЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИКИ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Аннотация: данная статья посвящена вопросам контрастивной лексикологии, в частности проблеме семного описания исследуемых единиц языка сопоставления в процессе контрастивного исследования. Автор рассматривается возможность использования контрастивного анализа лексики в качестве одного из способов формирования социокультурной компетенции у студентов языковых специальностей. Для этого дается определение данной компетенции в соответствии с существующими образовательными стандартами. В статье дается обоснование необходимости семного описания как главного условия успешности контрастивного анализа. Автор останавливается на основных компонентах значения слова, которые подлежат описанию в результате семного анализа. В качестве практического материала приводятся данные контрастивного описания лексических группировок «дети и подростки» в русском и английском языках, в котором поэтапно дается их семный анализ и выявляется национальная специфика. Полагаем, что информация и факты, изложенные в статье, могут представлять интерес для других исследователей, работающих в данном направлении.

Ключевые слова: сема, семный анализ, контрастивное описание, лексическая группировка, национальная специфика лексики, языковая компетенция, социокультурная компетенция, денотативный, коннотативный и функциональный компоненты значения слова

В последние десятилетия одним из важных направлений в лингвистике является контрастивный анализ, в развитие которого внесены большой вклад такими учеными как Р. Ладо, В. Матезиус, И.А. Стернин, З.Д. Попова, А. Гудавичюс, А.А. Залевская, С.Г. Климченко.

Как отмечает В.Г. Гак, исторически контрастивная лингвистика вышла из преподавания языка, и потому способна содействовать усовершенствованию современной методики преподавания иностранного языка с точки зрения теоретического обоснования [2, с. 5].

В современной методике преподавания иностранным языкам все больше внимания уделяется коммуникативным методам, наряду с традиционными способами обучения. Так, последователи коммуникативно-сознательного метода (Колкер Я.М., Устинова Е.С.) полагают, что «коммуникативная ориентированность является стержнем, пронизывающим весь процесс обучения, а осознанность структуры языковых и речевых действий, целей, способов их достижения и результатов учебной деятельности делает учащегося субъектом учебного процесса, создает предпосылки для сотрудничества преподавателя и учащегося и для дальнейшего самообучения» [4]. Полагаем, что контрастивный анализ лексики может успешно использоваться для обучения, так как его результаты предоставляют студентам возможности для осознанного формирования лексических навыков. Кроме того, внедрение контрастивного анализа способно оказаться полезным с точки зрения базиса для исследовательской работы.

Данная статья имеет своей целью показать, что контрастивный анализ лексики может быть полезен и для формирования социокультурной компетенции на основе выявления схожих и отличных компонентов в родном и изучаемом языке, определения национальной специфики языков и культур. Известно, что язык является одновременно продуктом и частью культуры народа, язык выражает черты национальной ментальности, а значит, эти два понятия тесно взаимосвязаны и изучение их особенностей составляет основу формирования социокультурной компетенции и понимания коммуникативно-прагматического пространства изучаемого языка.

В различных вузах при изучении дисциплины «Иностранный язык» студентам необходимо овладеть рядом общекультурных компетенций: способность к самообразованию, развитие когнитивных и исследовательских умений, развитие информационной культуры, уважение к духовным ценностям разных стран и народов и др.

Рассмотрим социокультурную компетенцию более подробно. Социокультурная компетенция предполагает знание о том, что язык может быть средством передачи культурного опыта страны, отражением исторических изменений, а также знание норм речевого поведения в зависимости от коммуникативной ситуации; подразумевает умение обнаружить национально-маркированную лексику в текстах разных стилей и понимать их значение. Одной из составляющих социокультурной компетенции является владение способами применения языка (адекватное употребление

национально-маркированной лексики в речи в различных сферах межкультурного общения) [6].

В качестве примера использования элементов контрастивного анализа хотелось бы представить контрастивное описание лексических единиц группировки «дети и подростки», составленное в соответствии с алгоритмом контрастивного анализа лексики И.А. Стернина [5]. Данная методика доказала свою эффективность, так как на ее основе только в рамках Воронежской теоретико-лингвистической школы сопоставительных исследований было проведено большое количество исследований в данном направлении, результатом которых, например, стала публикация ряда контрастивных словарей (Книга А.В. Русско-английский дифференциальный толково-переводной словарь. Наименования явлений природы. – Воронеж: «Истоки», 2015, Селезнева К.О. Проблемы русско-испанской контрастивной лексикографии. Контрастивный словарь наименований профессий и должностей в области образования. – Борисоглебск, 2014).

Как отмечается в методике контрастивного анализа лексики (Стернин И.А., Чубур Т.А.), в качестве языкового материала для контрастивного анализа целесообразно избрать лексическую группировку целиком, так как это придаст исследованию системный характер и обеспечит исчерпывающий набор лексических единиц для компонентного анализа. На первом этапе работы, методом сплошной выборки из толковых словарей, был составлен список лексических единиц, относящихся к теме «дети и подростки». Далее список пополнился словами и словосочетаниями из данного семантического поля путём использования синонимических словарей и анализа разговорной речи. Данный список слов называется базовым списком слов лексической группировки. В данном исследовании в список вошло 58 лексических единиц.

После формирования тематической группы слов (семем), были выделены семантические признаки (семы), согласно которым слова, входящие в состав группировки можно отнести к различным структурно-семантическим подгруппам. Набор сем для анализа, а также их иерархия подробно описана Стерниным И.А. и Поповой З.Д. в их трудах, посвященных семной семасиологии.

Возрастной период: дети до 11 лет: *грудничок, грудник, грудной ребенок, дошкольник, искусственник, карапуз, кнопка, кроха, крошка, маленький, малолетний, малыш, малютка, малявка, младенец, несовершеннолетний, новорожденный, ребенок, ребеночек, ребяенок. Дети старше 11 лет:* *малец, несовершеннолетний, парнишка, подросток, тинейджер/тинэйджер, юнец. Половая принадлежность:* *девочка, девчушка, девчурка,*

девчонка, малец, карапуз, малыш, мальчик, мальчишка, мальчуган, отрок, отроковица, парнишка, пузан, пузырь, щенок, юнец. Наличие или отсутствие биологического/кровного родства детей с родителями/ наличие/ отсутствие родителей или порядок рождения в семье родных детей: *кровинка, найденный, первенец, отпрыск, подкидыш, последний, сирота. Положительное отношение к ребенку со стороны говорящего:* *грудничок, девочка, девчушка, девчурка, детвора, детище 1, деточка, детка, дитя, дитенок, дитяtko, дитятка, дочурка, дочка, доченька, дочечка, карапуз, кровинка, кроха, крошка, маленький, малыш, мальчуган, несмышленыш, птенец, пузан, ребеночек, ребяенок. Отрицательное отношение к ребенку со стороны говорящего:* *девчонка, мальчишка, отродье, спионогрыз, щенок, юнец. Ироничное обращение к ребенку:* *дите, дитя, карапуз, кнопка, малолетка, малой, отпрыск, чадо. Категория родства по отношению к родителям:* *дочурка, дочка, доченька, дочечка, чадо.*

Некоторые слова можно отнести к двум и более структурно-семантическим подгруппам одновременно, согласно их семному составу. В таких семемах присутствуют семы, которые определяют семантику слова по нескольким параметрами или характеристикам. Так, семема «*малыш*» включает семы, определяющие лицо в раннем детском возрасте, преимущественно мужского пола, а также в семном составе содержится положительная коннотативная окраска.

На данном этапе исследования были выявлены просторечные слова, для которых не существует отдельных словарных статей в толковых словарях русского языка, это такие слова как: *дитенок, малой*. Также были определены безэквивалентные лексические единицы русского языка, а именно те единицы, которым не было найдено переводных соответствий в русско-английских словарях, например: *дитенок, кнопка, малой, пузан*. Результатом первого этапа стало описание состава и структуры лексической группировки наименований лиц детского возраста, а именно детей от рождения до совершеннолетия.

На втором этапе исследования проводилось определение межъязыковых соответствий отдельных единиц. Каждое слово из лексической группировки, установленной на первом этапе, проверялось по двуязычным англо-русским словарям, и были выписаны все возможные соответствия в английском языке. Все полученные английские лексемы, в свою очередь, проверялись по синонимическим словарям английского языка, что пополнило список соответствий. После данной проверки английских лексических единиц список переводных соответствий был пополнен следующими

ми английскими единицами: *neonate, juvenile, chick 3, youngling* и др. Таким образом, данный список переводных соответствий становится списком межъязыковых соответствий, так как учитывает не только иноязычные эквиваленты каждого слова, но и ряд синонимов английских слов, полученных при использовании русско-английских словарей. Например, русской лексеме *дитя* соответствуют английские лексемы *child, baby, infant, babe, bairn*.

Ниже представлен список всех исследуемых лексических единиц вместе с их межъязыковыми соответствиями. Стоит отметить, что при анализе многозначного слова, оно приводится с цифрой, указывающей на порядковый номер соответствующего значения. Например, девочка 1. Если русская лексическая единица является безэквивалентной, отсутствие английского соответствия обозначается с помощью знака 0. Например, дитенок – 0.

Грудничок – *infant 1, babe/ infant in arms, child, baby*; *грудник* – *infant, baby, babe/ infant in arms*; *грудной ребенок* – *baby at breast, infant in arms*; *девочка* – *girl, girlie, female child, lassie*; *девчушка /девчурка* – *girlie / girly, sissy/ cissy 3. a little girl, lassie/ lass, a chit of a girl*; *девчонка* – 0; *детвора* – *small children, kiddies, children, youngsters*; *демушке 1* – *child, offspring*; *деточка /детка* – *poult, honey chile, childie; думе – child; дименок – 0; дитя* – *child, baby, infant, babe, bairn; дитятко* – *baby, little one, little child4;искусственник* – *bottle-baby*; *карануз* – *tot, tiny little child, tiny tot*; *кнопка* – 0; *кровинка* – *my (own) flesh and blood, one's own flesh and blood*; *кроха/крошкa* – *baby, little one*; *маленький* – *baby, child, little one*; *малец* – *stripling, chap 2, cub 2, lad*; *малолетний* – *minor, underage*; *малолеток/малолетка* – *young child, preteen, youngster*; *малой* – ; *мальш* – *kid 3, baby, child, tot, kiddy, small boy, tyke, tiny tot, sprog, babbie, bubby*; *мальчик* – *boy, youngster, lad, man-child, male child*; *мальчишка* – *urchin, whipper-snapper*; *малютка* – *baby, moppet, babe, babbie, a dot of a child, a mite of a child, honey chile*; *малявка* – *little one*; *младенец* – *neonate, baby, infant, babe, child, child in arms, babbie, young child*; *найденыйш* – *foundling*; *несмышлennyш* – *silly / unreasonable child*; *несовершеннолетний* – *minor, juvenile*; *новорожденный* – *neonate, new-born infant, newborn*; *отпрыск* – *offspring*; *отрок* – *boy, lad, adolescent, child, youth, youngling*; *отроковица* – 0; *парнишка* – *chap 3, charpie, laddie, charrу*; *первенец* – *firstborn*; *подкидыш* – *foundling*; *подросток* – *teenager, teen, adolescent, juvenile, teeny, stripling*; *последыйш* – *youngest child, the last-born child*; *птенец 2* – *nestling 2, chick 3;ребенок* – *child 1, baby, kid 3, infant, babe, bairn, tad, wean, youngling, kiddy 2*; *ребеночек* – *baby, little child*; *сирота* – *orphan*; *спиногрыз* – *ankle biter*; *тинейджер/ тинэйджер* – *teenager*; *чадо* – *child2, offspring, progeny*; *щенок* – *puppy 2, pup 3, whelp, cub*; *юнец* – *stripling, youngster, chicken 2,cub, young / little shaver*.

По результатам этого этапа получилось 167 контрастивных пар.

Как правило, в контрастивном анализе лексики учитывается количество лексических единиц языка сопоставления, которые соответствуют исследуемой лексической единице исходного языка [5]. Нами были выделены три типа существующих, с данной точки зрения, соответствий: 1) линейные соответствия (единице исходного языка соответствует только одна единица языка сопоставления). Например: дите – *child*, искусственник – *bottle-baby*. 2) векторные соответствия (единице исходного языка соответствует две и более единицы языка сопоставления). Например: дитя – *child, baby, infant, babe, bairn*; малыш – *kid, baby, child, tot, kiddy, small boy, tyke, tiny tot, sprog, babbie, bubby*; кроха – *baby, little one* и др. 3) лакуны (единице исходного языка не соответствует ни одной единицы языка сопоставления). Например: малой – 0 (ср. англ *baby*) и др.

На третьем этапе все лексические единицы обоих языков были подвергнуты семному описанию. В результате мы получили описание значений слов исходного языка и языка сопоставления в виде перечня семантических компонентов (сем). Набор сем, характеризующих значение одной лексической единицы, называется семемой. Например, семема *мальчик* в результате семного описания представляет собой следующий набор сем:

лицо, мужской пол, ребенок до окончания полового созревания (13-15 лет), неочечное, межстилевое, общераспространенное, современное, высокоупотребительное. Аналогичным образом была представлена семная структура всех исследуемых русских и английских единиц.

Четвертый этап исследования был посвящен семантическому описанию контрастивных пар. Ранее, на втором этапе, мы определяли межъязыковые соответствия и выявляли их типы. Так, линейные содержат лишь одну контрастивную пару, в то время как векторные – столько, сколько найдено соответствий исходной единицы в сопоставляемом языке. Безэквивалентные единицы, участвующие в нашем исследовании, являются одноязычным набором сем, то есть вовсе не формируют контрастивных пар.

На пятом этапе выявляются и характеризуются национально-специфические семы в каждой контрастивной паре. Семы сравниваются попарно в каждой паре единиц. Каждую пару сопоставляемых сем можно описать как пару эквивалентных друг другу, несопадающих, безэквивалентных или лакунарных сем. Приведем несколько примеров такого сопоставления.

Таблица 1

Дитя – Child		
Русская сема	Английская сема	Тип соответствия
лицо	лицо	Экв.
ребенок	ребенок	Экв.
мальчик или девочка	мальчик или девочка	Экв.
неоценочное	неоценочное	Экв.
эмоциональное	неэмоциональное	Несовп.
Книжное/поэтическое	межстилевое	Несовп.
общераспространенное	общераспространенное	Экв.
устаревшее	современное	Несовп.
употребительное	высокоупотребительное	Несовп.

Также здесь дается семное описание безэквивалентных единиц исходного языка. Например, сема *кнопка* включает следующие семы: *лицо, маленький ребенок (чаще девочка), оценочное, шутливое, разговорное, общераспространенное, современное, употребительное.*

На шестом этапе выделяются и перечисляются лишь национально-специфические компоненты слов, также их называют дифференцирующими

компонентами контрастивных пар. Выделяются лакунарные или безэквивалентные и несовпадающие семы исследуемых единиц. Семы, как правило, отражают денотативный, коннотативный и функциональный аспект значения слова. Мы рассмотрим примеры различия в рамках этих трех разновидностей компонентов значения в каждой смысловой подгруппе. Например,

Таблица 2

дети до 11 лет: денотативная специфика

младенец	neonate
от рождения до одного года	от 6 месяцев до 2-х лет

коннотативная специфика

ребеночек	baby
ласкательное	преимущественно неэмоциональное

функциональная специфика**дети старше 11 лет:****денотативная специфика**

несовершеннолетний	juvenile
не достигший совершеннолетия	в возрасте между подростковым периодом и взрослостью (14-21 год)

подросток	teenager
возрастной период от 12 до 16-17 лет	возрастной период от 13 до 19 лет

функциональная специфика

парнишка	chap 3
общераспространенное	диалектное (южно-американский вариант)

половая принадлежность:**денотативная специфика****функциональная специфика**

парнишка	laddie
общераспространенное	шотландский вариант

функциональная специфика

отпрыск	offspring
устаревшее	современное

Согласно проанализированному языковому материалу, различия значений русских и английских слов в лексической группировке слов, обозначающих детей, чаще встречаются в денотативном и функциональном компонентах, реже в коннотативном.

Завершающий этап контрастивного анализа характеризуется дифференциальным толкованием единиц исходного языка. Дифференциальное толкование подразумевает описание семного состава единицы. Подобное толкование содержит указание

на все иноязычные эквиваленты изучаемого языка, соответствующие каждой лексической единице исходного языка, с перечислением семантических компонентов обеих единиц. Добавим, что безэквивалентные единицы тоже перечислены в подобном толковании с отображением их полного семного состава. Несовпадающие или безэквивалентные (лакунарные) семы обозначены жирным шрифтом в данном сравнении контрастивных пар. Приведем пример:

Таблица 3

Ребенок – infant

лицо	лицо
мальчик или девочка	мальчик или девочка
ранний детский возраст (от рождения до отрочества)	ранний детский возраст (младенец от 6 мес. до 2-х лет)
0	еще не умеет ходить
неоценочное	неоценочное
неэмоциональное	неэмоциональное
межстилевое	книжное/ официально-деловое
общераспространенное	общераспространенное
современное	современное
высокоупотребительное	употребительное

Ребенок – bairn

лицо	лицо
мальчик или девочка	мальчик или девочка
ранний детский возраст (от рождения до отрочества)	ранний детский возраст (от рождения до отрочества)
неоценочное	неоценочное
неэмоциональное	неэмоциональное
межстилевое	межстилевое
общераспространенное	диалектное, региональное: шотландский вариант
современное	современное
высокоупотребительное	употребительное

Ребенок – youngling

лицо	лицо
мальчик или девочка	0
ранний детский возраст (до отрочества)	ранний детский возраст (до отрочества)
неоценочное	неоценочное
неэмоциональное	неэмоциональное
межстилевое	поэтическое
общераспространенное	общераспространенное
современное	современное
высокоупотребительное	употребительное

Подведем итоги контрастивного описания русских слов в области понятий «подросток» и «ребенок» в сравнении с английским лексическим составом той же лексической группировки. Национальная специфика показала различия изучаемой лексической группировки в двух языках. Как и

предполагалось на этапе планирования исследования, нами были выявлены полные соответствия слов и их значений, что говорит о схожести понятий в сфере изучаемых понятий. Среди основных особенностей стоит отметить более высокое содержание английских диалектных единиц, в срав-

нении с русским, более точно обозначенный возрастная период ребенка, а также разницу стилистических пометам слов и в их эмоциональной окраске.

Говоря о практическом применении контрастивного анализа для формирования языковых компетенций, стоит отметить, что его внедрение в школьную программу является достаточно проблематичным, однако может оказаться полезным для учителей при введении новой лексики и объяснении оттенков значения новых лексических единиц. Также, контрастивный метод определяет национальную специфику лексики, которая и составляет социокультурной компетенции. Форми-

рование социокультурной компетенции осуществляется через призму национально-специфических компонентов изучаемого языка в сравнении с родным языком, так как язык является частью культуры, а значит менталитета и картины мира народа, который на нем говорит. Что касается обучения студентов языковых направлений в рамках высшего образования, то изучение контрастивного анализа, как уже отмечалось ранее, происходит в рамках дисциплин «сравнительная типология», «перевод», «практика устной и письменной речи иностранного языка», а также представляет широкие возможности для исследовательской работы.

Литература

1. Аманбаева А. О направлениях сопоставительно-типологических исследований в науке о языке / ИГУ им. К. Тыныстанова // Вестник Исык-Кульского университета. 2015. № 40 (3).
2. Гак В.Г. О контрастивной лингвистике // Новое в зарубежной лингвистике / Сост. д-ра филол. наук В.П. Нерознака; Общ. ред. и вступ. ст. д-ра филол. наук В.Г. Гака. М.: Прогресс, 1989. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика. С. 5 – 17.
3. Климченко С.Г. Контрастивные исследования в контексте сопоставительного языкознания // Лингвистика, лингводидактика, лингвокультурология: актуальные вопросы и перспективы развития: материалы II Международной научно-практической конференции / Отв. ред. О.Г. Прохоренко. Минск: Белорусский государственный университет, 2018. С. 49 – 54.
4. Колкер Я.М., Устинова Е.С., Еналиева Т.М. Практическая методика обучения иностранному языку: учеб. пособие. М.: Издательский центр «Академия», 2000. 264 с.
5. Стернин И.А. Контрастивная лингвистика: проблемы теории и методики исследования: монография. М.: АСТ-Восток-Запад, 2006. 206 с.
6. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования: бакалавриат: направление подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки): принят и введен в действие Приказом Минобрнауки России от 09 февраля 2016 г. № 91 / разработан Министерством образования и науки Российской Федерации / ФГОС – Федеральные государственные образовательные стандарты: официальный сайт. URL: <https://fgos.ru> (дата обращения: 01.07.2020)

References

1. Amanbaeva A. O napravleniyah sopostavitel'no-tipologicheskikh issledovaniy v nauke o yazyke. IGU im. K. Tynystanova. Vestnik Issyk-Kul'skogo universiteta. 2015. № 40 (3).
2. Gak V.G. O kontrastivnoj lingvistike. Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Sost. d-ra filol. nauk V.P. Neroznaka; Obshch. red. i vstup. st. d-ra filol. nauk V.G. Gaka. M.: Progress, 1989. Vyp. XXV. Kontrastivnaya lingvistika. S. 5 – 17.
3. Klimchenko S.G. Kontrastivnye issledovaniya v kontekste sopostavitel'nogo yazykoznanija. Lingvistika, lingvodidaktika, lingvokul'turologiya: aktual'nye voprosy i perspektivy razvitiya: materialy II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Otv. red. O.G. Prohorenko. Minsk: Belorusskij gosudarstvennyj universitet, 2018. S. 49 – 54.
4. Kolker YA.M., Ustinova E.S., Enaljeva T.M. Prakticheskaya metodika obucheniya inostrannomu yazyku: ucheb. posobie. M.: Izdatel'skij centr «Akademiya», 2000. 264 s.
5. Sternin I.A. Kontrastivnaya lingvistika: problemy teorii i metodiki issledovaniya: monografiya. M.: AST-Vostok-Zapad, 2006. 206 s.
6. Federal'nyj gosudarstvennyj obrazovatel'nyj standart vysshego obrazovaniya: bakalavriat: napravlenie podgotovki 44.03.05 Pedagogicheskoe obrazovanie (s dvumya profilyami podgotovki): prinyat i vveden v dejstvie Priказом Минобрнауки России от 09 fevralya 2016 g. № 91. razrabotan Mi-nisterstvom obrazovaniya i nauki Ros-sijskoj Federacii. FGOS – Federal'nye gosudarstvennye obrazovatel'nye standarty: oficial'nyj sajt. URL: <https://fgos.ru> (data obrashcheniya: 01.07.2020)

*Zemtsova O.V., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Lipetsk State Pedagogical University
named after P.P. Semenov-Tyan-Shanskiy*

**CONTRASTIVE ANALYSIS OF WORDS AS A MEANS
TO IMPROVE SOCIOCULTURAL COMPETENCE**

Abstract: the article deals with contrastive lexicology and focuses on semantic description of words for the contrastive language study. The author attempts at demonstrating that the contrastive analysis of words can be effectively used as a tool to improve the language competence of learners who study at foreign language departments in universities. The author considers comparing the semantic structuring of words belonging to a certain lexical group as an effective means to state the national peculiarities of these words. It is stated in the article that knowing these peculiarities allows foreign language learners to improve their sociocultural competence. The contrastive description of the lexico-semantic grouping “children” in Russian and English is given as an example. It is supposed that the issues of the article as well as the practical material can be of value for scholars and researchers specializing in the field of contrastive linguistics and foreign language acquisition.

Keywords: sema, semantic analysis, contrastive description, lexical grouping, national peculiarities of the words, language competence, sociocultural competence, denotational, connotational and functional components of word meanings

Мельгунова А.В., кандидат филологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ СУБСТАНТИВНЫХ КОМПОЗИТОВ С КОМПОНЕНТОМ TRAUM «СНОВИДЕНИЕ» В МОНОГРАФИИ З. ФРЕЙДА «ТОЛКОВАНИЕ СНОВИДЕНИЙ»

Аннотация: в статье рассматриваются немецкие сложные существительные с компонентом Traum и их использование в одной из самых известных работ австрийского психолога Зигмунда Фрейда – «Толкование сновидений». Материалом послужил оригинальный немецкоязычный текст монографии. Целью исследования является анализ лексики с данным компонентом, которая в основном носит терминологический характер, и её особенностей. На примере работы З. Фрейда можно наблюдать формирование терминологии отдельного направления научных исследований. Задачи заключаются в выявлении наиболее частотных характеристик композитов в данной монографии, определении семантических групп слов с компонентом Traum и возможностей перевода немецких композитов на русский язык. Актуальность исследования связана с тем, что в настоящее время терминология многих наук получает более широкое распространение – в научно-популярной литературе, в журналах, на сайтах соответствующей тематики в сети Интернет. Лексика, свойственная психологии как науке, доступна и неспециалистам, в связи с чем рассмотрение её особенностей представляет интерес для лингвистов. Практическое применение результатов исследования заключается в возможности их использования в теоретических курсах и на семинарах по словообразованию, терминоведению, лексикологии немецкого языка.

Ключевые слова: имя существительное, словообразование немецкого языка, словосложение, субстантивные композиты, терминология, перевод сложных слов

Словосложение является продуктивным и частотным способом словообразования в немецком языке. Слова, образованные по данной модели, можно назвать характерной чертой словарного состава немецкого языка, при этом большинство сложных слов – это имена существительные, субстантивные композиты.

Отдельно следует упомянуть роль словосложения в научном тексте, где оно применяется ещё более широко, чем в остальных сферах коммуникации [4, с. 88]. Многочисленные термины в различных областях науки создаются по данной модели. При этом для терминологической лексики снимается ограничение по длине композита. Оптимальными для восприятия считаются композиты, образованные на базе двух основ, а многосоставные могут затруднять коммуникацию. Однако в терминологии не являются редкостью, например, четырёхсоставные композиты [1, с. 49].

Исследователи отмечают роль сложных слов в создании изотопии текста [6, с. 27], значимость композитов в создании тематического единства текста – при повторении как самих слов, так и их составных частей. Повторяющийся компонент композита может служить в качестве смысловой доминанты [1, с. 18-19].

В статье будут рассмотрены композиты с повторяющимся компонентом на примере труда известного австрийского психоаналитика Зигмунда Фрейда «Толкование сновидений», где подобной смысловой доминантой и компонентом большого количества сложных слов служит слово *der Traum* – «сон, сновидение». Будет учитываться использо-

вание слова Traum именно в этом основном значении. Нужно отметить, что оно обладает ещё другим значением – «мечта». Использование композитов с компонентом Traum в этом значении более свойственно разговорной речи, например, *der Traumjob* «работа мечты». Подобные сложные слова не используются в источнике, который является научным трудом.

Говоря об обозначении понятия «сон» в немецком и русском языках, следует отметить, что в отличие от русского языка, где существует одно слово «сон» для обозначения состояния сна и сновидения – «крепкий сон», «видеть сон», и т.п., в немецком языке используются разные слова в данных значениях: *der Traum* – сон, сновидение, *der Schlaf* – сон как состояние, процесс.

Само название вышедшей в 1900 году монографии З. Фрейда – *Die Traumdeutung* «Толкование сновидений» является примером композита с компонентом Traum-. В связи с тем, что сновидение является основным предметом изучения в данной работе, композиты с этим компонентом присутствуют практически на каждой странице книги. Большинство из них отсутствует в словарях, так как их использование ограничено литературой по психоанализу. Многие новые понятия были сформулированы Зигмундом Фрейдом в этой работе.

Все анализируемые композиты являются детерминативными, т.е. определительными: первый компонент служит определением ко второму. При этом компонент Traum может выступать в каче-

стве как первой, так и второй части сложного слова.

Большинство примеров (80%) представляют собой композиты, в которых Traum- является определительным компонентом. Данные композиты не содержат соединительных элементов между компонентами, являются полносложными.

Редко встречаются композиты на базе трёх корней – как, например, die Traumbilderentstehung – возникновение образов сновидения. В данном случае слово Traum является частью первого, определительного компонента Traumilder-. Несмотря на упомянутое ранее отсутствие ограничения по длине композита для терминологической лексики, большинство рассмотренных слов являются двусоставными.

В качестве второго компонента выступают имена существительные, различные по структуре – как корневые (das Traumbuch – книга о сновидениях), так и продукты суффиксального словообразования (die Traumentstehung – возникновение сновидений) и субстантивации, т.е. перехода других частей речи в класс имён существительных (das Traumwollen – желания во сне).

Субстантивированными частями речи являются в основном глаголы, однако есть более редкие случаи – например, das Traum-Ich – «я» в сновидении. В данном слове вторым компонентом является субстантивированное местоимение первого лица. Подобные слова с редкими компонентами часто пишутся через дефис для облегчения восприятия читателями. Словообразовательные структуры с включением местоимений не являются частотными, однако характерны для терминологии гуманитарных наук, в том числе психологии [3, с. 61].

Второй компонент может иметь иностранное происхождение: die Traumätiologie – этиология сна, das Traumphänomen – феномен сна.

Семантические характеристики рассмотренных композитов разнообразны. Преобладают абстрактные номинации, но есть и отдельные номинации лиц – обозначения либо ученого, занимающегося данной проблемой, либо людей, фигурирующих в сновидении: der Traumdeuter – толкователь сновидений, der Traumforscher – исследователь сновидений, die Traumperson – лицо в сновидении.

Среди рассмотренных слов можно выделить самые частотные композиты, повторяющиеся в книге многократно, например, der Trauminhalt – содержание сновидения, das Traummaterial – материал сновидения, die Traumquelle – источник сновидения. Первое из этих слов можно считать гиперонимом по отношению к обозначению отдельных элементов и деталей сна.

Все абстрактные существительные с определительным компонентом Traum- представляют собой понятия, имеющие отношение ко сну, но среди них можно также выделить некоторые семантические группы:

1) направления науки, научные труды и теории
die Traumforschung – исследование сновидений, die Traumlehre – учение о сновидениях, die Traumtheorien – теории о сновидениях, die Traumliteratur – литература о сновидениях, die Traumsammlung – собрание сновидений, die Traumanalyse – анализ сновидений

2) содержание сна, элементы его содержания, причины его возникновения

der Trauminhalt – содержание сновидений, Traumelemente – элементы сна, Traumsituation – ситуация во сне, die Traumquelle – источник сна, Traumanlässe – поводы к сновидению, das Traumrätsel – загадка сновидения, die Traumszene – сцена во сне

3) аспекты формирования, протекания сна
die Traumbildung – формирование снов, die Traumentstehung – возникновение сновидений, die Traumverdichtung – сгущение в сновидении, die Traumverschiebung – смещение в сновидении, die Traumentstellung – искажение сновидения, die Traumhemmung – торможение сновидения

4) чувства, эмоции, испытываемые во сне, выполняемые во сне действия

die Traumphantasie – фантазия во сне, Traumgedanken – мысли во сне, Traumsünden – грехи сновидения, die Traumrede – речь во сне, der Traumwunsch – желание во сне, das Traumerlebnis – переживание во сне, die Traumverwunderung – удивление во сне, das Traumhandeln – действия во сне

5) части сновидения
das Traumstück – отрезок сна, das Traumbruchstück – фрагмент сна, die Traumhälfte – половина сна

6) время сновидения
der Traumtag – день сновидения

Сложное слово с данным компонентом может быть противопоставлено в контексте композиту с аналогичной структурой, в котором первый компонент обладает противоположным значением: das Traumleben – das Wachleben: Der Widerspruch dieser beiden Ansichten über die Beziehung von Traumleben und Wachleben scheint in der Tat unauflösbar [7, S. 24]. – Противоречие обеих точек зрения о взаимоотношении сна и бодрствования (дословно: жизни в сновидении и жизни наяву) кажется неразрешимым (перевод А.В. Мельгуновой).

Доля композитов со вторым компонентом – traum составляет 20%.

Как и в первой группе, присутствуют лишь единичные композиты, образованные на базе трёх корней, например: *Wunscherfüllungsträume* – сны об исполнении желаний.

Некоторые из данных сложных слов являются неполносложными композитами, то есть содержат соединительный элемент -s: *der Verlegenheitsstraum* – сон о смущении, *der Nacktheitstraum* – сон о наготы, *der Geburtstraum* – сон о рождении. Некоторые соединительные элементы, задействованные в процессе образования композитов, исторически связаны с падежными флексиями. Однако они не могут рассматриваться как флексии применительно к современному варианту немецкого языка, т.к. во многих случаях имеет место образование таких слов по аналогии [5, с. 88]. Первые компоненты рассмотренных композитов, после которых присутствует соединительный элемент – s, относятся к женскому роду, в котором отсутствуют аналогичные падежные окончания. Наличие такого элемента объясняется исключительно аналогией – как в примерах с суффиксом –heit, после которых обязательно наличие соединительного элемента.

По своей семантической принадлежности все существительные этой группы абстрактные, так как основным, определяемым словом является абстрактное понятие *der Traum*.

Е.С. Кубрякова отмечает, что при словосложении нечто называемое выделяется из класса предметов [2, с. 67]. Это как раз имеет отношение к композитам, в которых второй компонент -traum конкретизируется первым, благодаря чему создаётся разнообразная классификация сновидений, имеющих различные характеристики. Можно выделить следующие семантические группы, приведённые далее. К первой группе относится большинство слов.

1) тема сновидения, при этом первый компонент также можно классифицировать по подгруппам в зависимости от того, что является темой:

а) ощущения, состояния: *Hungerträume* сны о голоде, *der Falltraum* – сон о падении, *der Flugtraum* – сон о полёте, *der Wunschtraum* – сон о желании

б) предметы, объекты окружающей среды: *der Stiegentraum* – сон о лестнице, *der Blumentraum* – сон о цветах, *der Wassertraum* – сон о воде

в) мероприятия, участие в них: *der Prüfungstraum* – сон об экзамене, *der Kurtraum* – сон о лечении

г) человек (родственник либо известная личность): *der Onkeltraum* – сон о дяде, *der Goethe-Traum* – сон о Гёте

2) фаза сна *der Haupttraum* – основной сон, *der Vortraum* – предварительный сон

3) время сна

Tagträume – дневные сны, *Nachtträume* – ночные сны

Перевод данных терминов на русский язык производится при помощи словосочетаний, что связано с ограниченными возможностями русского языка в образовании сложных слов.

Нельзя сказать, что словосочетания не используются и в самой работе З. Фрейда, однако композиты составляют большинство. Можно предположить, что использование словосочетания вместо композита у Фрейда имеет свои причины. Иногда это просто один из возможных в языке вариантов, как *die Entstehung des Traumes* [7, р. 41] – *die Traumentstehung* – возникновение сновидений. При этом также могут играть роль такие факторы как желание избежать многозначности: *das Wesen des Traumes* [7, S. 15] – сущность (суть) сна. Существительное *das Wesen* обладает также и другим значением – существо (живое), и в случае использования композита была бы возможна другая трактовка слова – существо, которое привиделось во сне. Также при использовании определения к одному из слов автор иногда делает выбор в пользу словосочетания: *das wissenschaftliche Verständnis des Traumes* [7, р. 15] – научное понимание сновидения, чтобы сделать акцент на словах «научное понимание», и в то же время подчеркнуть слово *Traum* как отдельное понятие, предмет изучения.

Для передачи композитов с компонентом *Traum* на русский язык могут использоваться субстантивные словосочетания – как беспредложные, так и предложные: *die Traumschätzung* – оценка сновидения, *der Geburtstraum* – сон о рождении. В обоих типах русских словосочетаний определительный и определяемый компоненты меняются местами по сравнению с немецкими композитами. Последние начинаются с определительного элемента, в то время как словосочетания им заканчиваются. Беспредложные словосочетания состоят из существительных, одно из которых имеет форму именительного падежа, другое – родительного.

Предложные словосочетания более типичны при переводе композитов со вторым компонентом – *traum*, характеризующим тему сновидения (т.к. обозначение тематики предполагает наличие предлога «о» – сон о чем-либо), а также с первым компонентом – если слова обозначают чувства, эмоции, действия, которые имеют место во сне – соответственно, в переводе требуется наличие предлога «в». Это можно проиллюстрировать на примере двух композитов из монографии, которые состоят из одних и тех же компонентов, расположенных в разном порядке: *die Traumangst* – страх во сне, *der Angsttraum* – сон о страхе.

Даже при наличии выбора вариантов перевода, которые иногда используются в текстах по психо-

логии, в многих случаях предпочтительным является предложное словосочетание, как более точная характеристика понятия. Например, die Traumverdichtung может переводиться либо как «сгущение сновидения», либо как «сгущение в сновидении». При этом второй вариант представляется нам более точным, так как смысл термина именно в том, что различные элементы действительности могут в сновидении совмещаться, соединяясь друг с другом.

Рассмотренный материал позволяет прийти к выводу о том, что использование композитов в работе З. Фрейда представляет собой характерный для научной литературы пример функционирования слов в научном тексте. В данной работе мы наблюдаем также формирование терминологии такой области психологии, как изучение сновидений, с чем связано широкое использование слож-

ных слов, в том числе авторских неологизмов, с компонентом Traum – как в качестве определяющего (80%), так и в качестве определяемого компонента (20%). Можно выделить самые частотные семантические типы, которыми для композитов с первым компонентом Traum являются обозначения содержательных элементов сновидения и аспектов протекания сна, а для композитов со вторым компонентом – обозначения, классифицирующие сновидения по их тематике. Немецкие композиты с данным компонентом передаются на русский язык при помощи словосочетаний, что обусловлено нехарактерностью словосложения в системе словообразования русского языка. Языковые особенности трудов Зигмунда Фрейда, безусловно, не ограничиваются только использованием рассмотренных композитов и могут стать предметом отдельного рассмотрения.

Литература

1. Вашунин В.С. Субстантивные сложные слова в немецком языке. М.: Высшая школа, 1990. 159 с.
2. Кубрякова Е.С. Теория номинации и словообразование. М.: Книжный дом «Либроком», 2016. 86 с.
3. Мельгунова А.В. Местоимения как словообразовательный элемент в терминологии гуманитарных наук (на материале немецкого языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. № 3. С. 57 – 62.
4. Нефёдов С.Т. Грамматическое пространство научного текста // Грамматика в научно-исследовательском контексте современной лингвистики. Материалы научных чтений памяти проф. Л.В. Шишковой: сб. статей / отв. ред. проф. Л.Б. Копчук. СПб.: Свое издательство, 2017. С. 87 – 103.
5. Нефёдов С.Т. Теоретическая грамматика немецкого языка. Морфология. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2018. 354 с.
6. Fleischer W., Barz I. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Göttingen: Walter de Gruyter, 2012. 484 p.
7. Freud S. Die Traumdeutung. Moskau: T8RUGRAM / Original, 2018. 904 p.

References

1. Vashunin V.S. Substantivnye slozhnye slova v nemeckom yazyke. M.: Vysshaya shkola, 1990. 159 s.
2. Kubryakova E.S. Teoriya nominacii i slovoobrazovanie. M.: Knizhnyj dom «Librokom», 2016. 86 s.
3. Mel'gunova A.V. Mestoimeniya kak slovoobrazovatel'nyj element v terminologii gumanitarnyh nauk (na materiale nemeckogo yazyka). Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2019. № 3. S. 57 – 62.
4. Nefyodov S.T. Grammaticheskoe prostranstvo nauchnogo teksta. Grammatika v nauchno-issledovatel'skom kontekste sovremennoj lingvistiki. Materialy nauchnyh chtenij pamyati prof. L.V. SHishkovej: sb. Statej. otv. red. prof. L.B. Kopchuk. SPb.: Svoe izdatel'stvo, 2017. S. 87 – 103.
5. Nefyodov S.T. Teoreticheskaya grammatika nemeckogo yazyka. Morfologiya. SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2018. 354 s.
6. Fleischer W., Barz I. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Göttingen: Walter de Gruyter, 2012. 484 p.
7. Freud S. Die Traumdeutung. Moskau: T8RUGRAM. Original, 2018. 904 p.

*Melgunova A.V., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
St. Petersburg State University*

**FEATURES OF SUBSTANTIVE COMPOSITES WITH THE TRAUM COMPONENT
“DREAM” IN Z. FREUD’S MONOGRAPH “INTERPRETATION OF DREAMS”**

Abstract: the article discusses German compound nouns with the Traum component and their use in one of the most famous works of the Austrian psychologist Sigmund Freud – “Interpretation of Dreams”. The material was the original German-language text of the monograph. The purpose of the study is to analyze the vocabulary with this component, which is mainly of a terminological nature, and its features. On the example of the work of Z. Freud forming the terminology of a separate direction of scientific research can be observed. The tasks are to identify the most frequent characteristics of composites in this monograph, to determine the semantic groups of words with the Traum component and the possibilities of translating German composites into Russian. The relevance of the research is due to the fact that currently the terminology of many sciences is becoming more widely used – in popular scientific literature, in journals, on websites of relevant topics on the Internet. The vocabulary characteristic of psychology as a science is also available to non-specialists, and therefore the consideration of its features is of interest to linguists. The practical application of the research results is the possibility of their use in theoretical courses and seminars on word formation, terminology, lexicology of the German language.

Keywords: noun, word formation of the German language, word composition, substantive composites, terminology, translation of complex words

У Цзынэн,
Тяньцзиньский университет иностранных языков, Китай

ОСОБЕННОСТИ МОДЕЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ «ГУСАР»

Аннотация: предметом анализа в данной статье является концепт «Гусар». В работе рассмотрены особенности модельной языковой личности «Гусар» с точки зрения лингвокультурологии. Используя русские анекдоты, афоризмы, рекламные слова и литературные произведения как материалы анализа, автор излагает национальное культурное происхождение, отражённое концептом «Гусар», в таких аспектах, как слой изображения, концептуальный слой и оценочный слой концепта «Гусар». Целью данной работы является выявление особенностей модельной языковой личности «Гусар» и её влияние на формирование национального характера. В результате анализа особенностей модельной языковой личности «Гусар» было выявлено, что гусар обладает следующими особенностями: 1) великолепная одежда; 2) неформальность; 3) горячая храбрость; 4) богемность; 5) азартные игрок. Согласно анализу, были сделаны следующие выводы: 1) модельная языковая личность «Гусар» является стереотипом поведения, оказывающий существенное влияние на культуру; 2) модельная языковая личность «Гусар» оказывает существенное влияние на формирование русского национального характера. 3) через модельную языковую личность «Гусар», мы можем лучше понять российскую нацию и преодолеть препятствия межкультурного общения. Теоретическое значение данной работы заключается в расширении исследовательского содержания языковой личности и систематическом анализировании модельной языковой личности. Практическое значение данной статьи состоит в обобщении коннотации и стереотипы концепта Гусар.

Ключевые слова: гусар, особенности модельной языковой личности, модельная языковая личность, национальный характер, стереотипы, межкультурное общение

Введение

Гусар является не только важной модельной языковой личностью в русском языке и культуре, но и стереотипом, существующим в общении. Сочетание языковой личности и коммуникативного типа для изучения культурного концепта Гусара помогает нам понять формирование этого культурного концепта и его влияние на формирование национального характера. [1] Основываясь на русских анекдотах, рекламных словах и литературных произведениях, в данной статье исследуются особенности модельной языковой личности «Гусар» и её влияние на формирование национального характера из слоя изображений, концептуального слоя и оценочного слоя в рамках теории языковой личности.

1. Модельная языковая личность

Концепт языковой личности была впервые предложена российскими учёными Г.И. Богин. [2] «Русский язык и языковая личность», опубликованная Ю.Н. Караулов в 1987 году, стала основой теории языковой личности [3]. Русский лингвист Ю.Н. Караулов считает, что языковая личность – это концепция, которая отражает языковые способности и существенные характеристики человека, а также является пониманием и порождением речевых произведений и отделена от трёх аспектов овладения языком, понимания языка, применения языка: 1) уровень вербально-семантический, а также нулевой уровень, он является своего рода овладением языком. 2) Уровень лингвокогнитивный, а также первый уровень, который

также является точками зрения и концептами в «картине мира» каждой языковой личности. 3) мотивационный, целепологающий или прагматический уровень, то есть вторичный уровень, включающий мотивацию, цель, намерение и так далее [2]. Мы считаем, что очень практично начинать с точки зрения социокультурной лингвистики в процессе изучения и разделения языковой личности среди российских ученых. Анализ модельной языковой личности относится к вышесказанной категории. Модельная языковая личность имеет в виду идентифицируемую социальную группу, такую как английские джентльмены, японские ронины и венецианские купцы, выраженную через вербальное или невербальное поведение и ценности. Модельная языковая личность представляет собой не только упрощённое воспроизведение национальной культуры, но и цель мотивационного слоя языковой личности [4]. С помощью модельной языковой личности можем более глубоко понимать национальный характер коммуникаторов, понимать их поведение и модель мышления.

2. Образование образа Гусара

Гусар впервые появился в Венгрии в 1458 году и был популярным кавалерийским родом войск в Европе в 16-18 веках, а также был представлен в России во время своей популярности. Согласно руководству по обслуживанию полевой кавалерии, изданному Павлом I в 1796 году, русская гусарская кавалерия должна использоваться для разведки флангов поисковых и прикрытийных войск, никогда не атаковать в лоб без полной уверенно-

сти в победе, это боевое руководство резюмируется в одном предложении: « Борьба с превосходящим противником не более важна, чем активное отступление» [6].

В битве 1812 года русские довели роль гусарской кавалерии до крайности, заставив большое количество казаков атаковать фланги и линии снабжения великой армии, одновременно мобилизуя крестьян для участия в партизанской войне. Самым известным гусарским офицером России является Денис Давыдов, сыгравший важную роль в Великой Отечественной войне 1812 года, и его можно найти во многих произведениях русской литературы, анекдотах и афоризмах. Гусар обычно относится к образу офицера, одетого в гусарский костюм, с бородой, саблей, готового к бою, пьющего шампанское и играющего в карты в свободное время, танцующего на балу и преследующего любимого человека. В « Игроке » Гоголя есть тост за гусара, который охватывает почти все его характеристики: «Господа, за здоровье будущего гусарского юнкера!

Пусть он будет первый рубака, первый волокита, первый пьяница, первый... словом, пусть его будет что хочет!» (Гоголь. Игроки) [9] Толковый словарь русского языка даёт следующее определение этой модельной языковой личности: В царской и некоторых иностранных армиях: военно-служащий частей легкой кавалерии [11].

3. Особенности модельной языковой личности «Гусар»

Изучение типичных типов общения с помощью теории модельной языковой личности помогает нам понять возникновение, развитие и эволюцию конкретного культурного феномена нации, помогает выявить стоящую за ним социальную и культурную коннотацию и понять национальный характер других народов. Культурный концепт гусара – это модельная языковая личности в русской национальной культуре.[5] Автор начнёт со слоя изображения (характеристики образа «Гусара»), концептуального слоя (разъяснение концепта «Гусара»), оценочного слоя (особенности оценки «Гусара») и изложит типичный тип коммуникации «Гусара» и выявит инварианты восприятия, стоящие за ним, проанализировав образ «Гусара» в анекдотах, афоризмах, рекламных словах и литературных произведениях.

3.1 Слой изображения: особенности образа «Гусара»

В «Войне и мире» Льва Толстого есть такой отрывок о гусарской кавалерии: «на чистых, щеголеватых гусар, стройно проходивших мимо них». [8] Очевидно, что отличительная одежда, привлекательный внешний вид – это разница между гусаром и обычным человеком. Есть такое описание в

работе Дениса Давыдова: «Когда гусары Давыдова впервые показали в русских

деревнях, в тылу у врага, русские мужики их чуть не перестреляли, потому что мундиры – и французские, и русские в золотом шитье – были для крестьян одинаково чужими, и они приняли гусар за французов» [12]. Видно, что большинство гусар – хорошо одетые и выдающиеся офицеры, и слово гусар стало лингвистическим стереотипом, который можно связать с этими имиджевыми характеристиками.

3.2 Концептуальный слой: разъяснение концепта Гусар »

3.2.1 Разъяснение концепта Гусар » в русских анекдотах

«Гусара» как исторический образ известен российской публике с 18 века, но с непрерывным развитием общества и культуры коннотация образа «Гусара» изменилась в представлении современных россиян. С одной стороны, значение этого образа расширилось, и теперь он обычно считается общим термином для офицеров. С другой стороны, значение этого образа также было сжато, и теперь ссылка на «Гусара» обычно относится к определенным поведенческим характеристикам. Об этом хорошо свидетельствуют некоторые русские анекдоты, которые служат прецедентными текстами. Например: «Поручик танцует с Наташей Росто вой. Она говорит: – Поручик, от вас пахнет. У вас, вероятно, грязные носки. Сходите и снимите их. – Хорошо, – отвечает т поручик. Вскоре он вернулся и снова стал танцевать с Наташей. – Поручик, от вас опять пахнет! Вы что, не сняли?... – Снял-с! – говорит поручик, элегантно жестом вынимая носки из-под мундира. » Как мы видим из этой шутки, грубость и элегантность – две вещи, которые не могут сосуществовать, но это характерно для «Гусара» типа общения.

3.2.2 Разъяснение концепта «Гусара» в рекламных словах и афоризмах

Типичный образ «Гусара» в рекламе в основном призван стимулировать ассоциацию аудитории, произвести впечатление на аудиторию, чтобы лучше продвигать продукты. В то же время реклама также подтверждает, что это тип коммуникации, признанный современными россиянами. В рекламе пива «Российская корона» гусар и благородная дама собрались на обед в ресторане, и благородная дама получила дорогой подарок в виде изумрудного ожерелья, но в итоге она заплатила Гусару за бутылку пива «Российская корона» вместе с ожерельем. Это подчеркивает ценность этого пива. Образ «Гусара» как поклонницы и пьяницы стал глубоко популярным и стал языковым стереотипом. Когда речь идёт об этом образе, россияне, как раньше, так и сейчас, в первую очередь задумываются об особенностях алкоголизма и плейбоя. Образ «Гусара» в пословице также дока-

зывает особенности этого вида общения, например: «Если хочешь быть красивым, то поступи в гусары». Автор примера – современный русский, и коннотация примера понятна современным людям. Кроме того, есть предложения, которые описывают этот тип общения и показывают современное понимание этого образа, как мы видим из примера: «Имидж политика подобен бравым гусарским панталонам, через которые выпирают потенциальные общественные достоинства, и не видны грязные семейные трусы». Из приведённой выше пословицы, концепция гусара символизирует красивого, уважаемого и любимого, а также имеет определенный социальный статус. Несмотря на накопленную историю, эта модельная языковая личность «Гусар» все ещё может быть признан современными россиянами.

3.2.3 Разъяснение концепта «Гусар» в литературных произведениях

Образ «Гусар» много раз появлялся в русских литературных прецедентных текстах 19 века, и как один из самых известных гусарских генералов России, Бурцов часто появлялся в произведениях Пушкина, Дениса Давыдова, Вяземского.

Например, в пушкинской повести «Выстрел» герой Сильвио сказал: «В наше время буйство было в моде; я был первым буйном по армии. Мы хва-стались пьянством: я перепил славного Бурцова, воспетого Денисом Давыдовым» [7]. Поэт Вяземский написал об этом в своем стихотворении: «О Бурцов! Бурцов! Честь гусаров. По сердцу Вакха человек!». Поэт Денис Давыдов также написал ряд стихотворений, посвящённых Бурцова, в которых образ гусара ярко отображён в виде фрагмента: «Бурцов, ера, забияка, Собутыльник дорогой! Ради бога и арака Посети домишко мой!...» [14].

Через литературные произведения мы можем лучше понять образ гусара в России в 19 веке. Из отрывков из пушкинской «Выстрел» и стихотворений поэтов Вяземского и Дениса Давыдова мы видим, что гусару присущи черты агрессивности, безрассудства и одержимости женщинами. Кроме того, гусарская группа разговорчива и общительна, характеризуется склонностью к выпивке, склонностью к пирушкам и частым пьянством. Денис Давыдов в стихотворении «Песня старого гусара» сравнил гусара с председателями беседы. Они мастера тостов, и даже в конце шумного приема они продолжают разливать шампанское, и все возможные тосты у них в голове, и они любят поговорить. Как писал Давыдов в своем стихотворении: «Где друзья минувших лет, Где гусары коренные, Председатели бесед, Собутыльники седые? Деды, помню вас и я, Испивающих ковшами, И сидящих вокруг огня, С красно-сизыми носами. Все мерт-

вечки, Пьют и, преклонясь челом, Засыпают молодецки» [12]

3.3 Оценочный слой: особенности оценки «Гусара»

3.3.1 Горячее чувство и Мужество

Декабрист и поэт Рылеев написал в стихотворении «Думы»: «Да будешь, малютка, как папа, бесстрашен, Пусть пламень гусара пылает в крови!» [10] Лев Толстой написал об этом в своей книге «Два гусара»: «Нет, я не хочу гусара... Они – все отчаянные, говорят» [8]. В своих стихах поэт Рылеев использовал гусарских детей в качестве примера, размышляя о том, что гусарских детей с раннего возраста учили быть горячими, храбрыми и бесстрашными, Лев Толстой использовал слова трусов, чтобы более ярко отразить образ гусарской храбрости и стойкости в книге «Два гусара».

3.3.2 Небрежность и приволье

Лев Толстой в «Войне и мире» писал: «Я затем в гусары и пошел, думал, что здесь не нужно тонкостей» [8]. Кроме того, русская шутка о генерале гусаре, снимающем носки в концептуальном слое, доказывает эти особенности (эта шутка здесь повторяться не будет), и через приведенную выше шутку и фразу в «Войне и мире» Льва Толстого мы видим, что врождённая свобода и небрежность являются одной из отличительных черт гусара, и далее, это также отражает русский национальный характер.

3.3.3 Постоянно меняемые чувства и разнужданность

Бестужев Маринский в книге «Испытание» написал: «Однако страсть моя, как прилично благородному гусару, выкипела в неделю» [13]. Пушкин в стихотворении «Гусар» написал: «Ей-ей, не жаль отдать души, За взгляд красотки чернобри-вой» [7]. Через стихи Бестужева Маринского и Пушкина мы видим, что гусар обладает чертами брата-свингера, пойдет на риск ради своей любви, но в то же время нерешителен, не может долго поддерживать любовь.

3.3.4 Азарт и увлечение азартными играми

Гоголь писал в «Игроке»: «Проиграть двести тысяч! Да знаешь ли, какую ты этим себе славу, сделаешь в полку? Слышь, безделица! Ещё не будучи юнкером, да уж проиграл двести тысяч! Да тебя гусары на руках будут носить!» [9] Кроме того, в России есть такая пословица: «Гусаром игры не заканчивать». Из этого разговора в «Игроке» Гоголя и этой пословицы мы видим, что гусар очень увлекается азартными играми, даже если проигрывает, ему всё равно, что отражает его готовность рисковать и безрассудный фанатизм.

Подводя итог, путём уточнения различных текстов, можно сделать вывод, что образ гусара явля-

ется воплощением горячей крови и мужества, безудержного, богемного, фанатичного и азартного. Нет сомнений в том, что коммуникативный тип «Гусар» является очень важной модельной языковой личностью в современном русском языке и культуре, которая оказывает влияние на формирование национального характера и служит ориентиром для формирования более поздних культурных концепций.

4. Анализ лингвокультурной ценности образа «Гусар»

4.1 Лингвистические особенности материалов Гусар

Анализируя русские анекдоты, афоризмы, рекламные слова и литературные произведения, автор приходит к выводу, что русские чаще всего используются при описании этой модельной языковой личности следующие слова: пьяница, волокита, Бурцов, безрассудство, собутыльник, красавец, горячность, азарт и др.

Кроме того, Русские поэты и писатели использовали различные риторические приемы при описании и выражении образа гусара, прежде всего, сравнение, например: «Имидж политика подобен бравым гусарским панталонам, через которые выпирают потенциальные общественные достоинства, и не видны грязные семейные трусы» Образ политика напрямую сравнивается с брюками гусара, которые подразумевают социальный статус. Модельная языковая личность «Гусар» ярко воплощает социальный статус политика. Второй риторический метод является иронией, есть такой разговор в «Игроке» Гоголя: «Ещё небудучи юнкером, да уж проиграл двести тысяч! Да тебя гусары на руках будут носить!» [9] Автор высмеивает бесстрашие офицера в потере денег из-за недостатков гусара.

4.2 Культурная ценность образа «гусар»

4.2.1 Национальный характер, отражённый образом гусара

Проведя анализ русских анекдотов, рекламных слов, афоризмов, литературных произведений, мы можем сделать вывод, что образ гусара обладает преимуществами храбрости, красивой внешности, тёплого обращения, хороших манер и т.д. Но есть и некоторые недостатки, такие как: неосторожность, непоследовательное использование любви, азартные игры, пристрастие к алкоголю. Эти особенности более или менее соответствуют национальному характеру России. Особенности образа гусара коренятся в русском национальном характере определённого периода, воздействуют на русский национальный характер этого периода и оказывают влияние на дальнейшее развитие русского национального характера. Об этом свидетельствует большое количество литературных произведений с изображением гусара в более

поздних поколениях. Образ гусар также обладает характеристиками реалистичной стабильности и диахронной динамики. Реалистичная стабильность означает, что тип общения Гусара по-прежнему имеет исходные основные характеристики. Диахронная динамика означает, что с изменениями времени содержание этого типа общения изменилось, добавив содержание, которого раньше не было, и распространив новое понятие – «воюющая нация».

4.2.2 Ценности, отражённые образом гусара

Образ гусара ярко воплощает некоторые синхронические характеристики русских, то есть ценности русской синхронии. Этот тип коммуникации был образом, введенным и локализованным русскими в 19 веке, когда они взаимодействовали с европейскими странами, и некоторые характеристики гусара все ещё сохраняются по сей день и по-прежнему имеют практическое значение для межкультурной коммуникации. Как в произведениях искусства, так и в реальном общении русские смелы, бесстрашны, пристрастны к вину, а раскованный характер впечатляет. Но концепт гусар – это культурная вакансия для азиатских стран. В процессе межкультурного общения между азиатским и русским народами родилась альтернатива образу гусара – «воюющая нация». Другими словами, воюющая нация унаследовала образ гусара, современную версию гусара, коммуникативный тип. Подобно типу общения, в котором сосуществуют преимущества и недостатки гусара, расширенный культурный концепт «воюющей нации» имеет два восприятия, с одной стороны, представляющая оценку героических и смелых ценностей русской нации, с другой стороны, также присутствует насмешка над русскими, которые часто делают непонятные вещи, но в целом в ней нет унижения или иронии. Короче говоря, будь то национально-культурное происхождение образа «гусар» или его расширенный тип коммуникации «воюющая нация», они воплощают ценности русской нации воинственные, героические.

5. Заключение

По итогам анализа особенностей модельной языковой личности «Гусар» было выявлено, что гусар обладает следующими особенностями: 1) великолепная одежда; 2) неформальность; 3) горячая храбрость; 4) богемность; 5) азартные игрок. Согласно анализу, мы пришли к следующим выводам: 1) модельная языковая личность «Гусар» является стереотипом поведения, оказывающий существенное влияние на культуру; 2) модельная языковая личность «Гусар» оказывает существенное влияние на формирование русского национального характера. 3) через модельную языковую личность «Гусар», мы можем лучше понять российскую нацию и преодолеть препятствия межкультурного общения.

Литература

1. Маслова В.А. Лингвокультурология. М: Академия, 2001. С. 145 – 148.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М: Изд-во ЛКИ, 2010. С. 202 – 204.
3. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М: МГУ, 2008. С. 44 – 48.
4. Шмелёв А.Д. Русская языковая модель мира. М, 2002. С. 56 – 59.
5. Дмитриева О.А. Коммуникативный типаж «Гусар» в зеркале русской Культуры // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2005. № 10. С. 28 – 31.
6. Эпизоды истории французских гусар [Электронный ресурс]: www.kulichki.com/gusary/kruzhenki/istoriya/taktika/french/french1.html
7. Дымова И.А. «Гусар» А.С. Пушкина (к вопросу о генезисе стихотворной новеллы). С. 8 – 10.
8. Толстой Л.Н. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 3. Казаки. Война и мир. М.: Правда, 1987.
9. Гоголь Н.В. Игроки // Соч.: в 2 т. М.: Худож. лит., 1969. Т. 2. С. 149 – 184. Давыдов Д. Сочинения. М.: Современник, 1985.
10. Рылеев К. Думы. Л.: Лениздат, 1984.
11. Толковый словарь русского языка / под ред. С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой. М.: Рус. яз., 1995. 928 с.
12. Вацуру В. Четыре рассказа о Денисе Давыдове. К 200-летию со дня рождения поэта-партизана // Звезда. 1984. № 7. С. 192 – 207.
13. Бестужев (Марлинский) А.А. Испытание // Ночь на корабле: повести и рассказы. М.: Худож. лит., 1988. С. 22 – 82.
14. Пётр Андреевич Вяземский «К партизану-поэту» (Давыдов баловень, счастливый...) <http://artsportal.ru/poetry/19010>

References

1. Maslova V.A. Lingvokul'turalogiya. M: Akademiya, 2001. S. 145 – 148.
2. Karaulov YU.N. Russkij yazyk i yazykovaya lichnost'. M: Izd-vo LKI, 2010. S. 202 – 204.
3. Ter-Minasova S.G. YAzyk i mezhkul'turnaya kommunikaciya. M: MGU, 2008. S. 44 – 48.
4. SHmelyov A.D. Russkaya yazykovaya model' mira. M, 2002. S. 56 – 59.
5. Dmitrieva O.A. Kommunikativnyj tipazh «Gusar» v zerkale russkoj Kul'tury. Izvestiya Volgogradskogo gosudvrstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2005. № 10. S. 28 – 31.
6. Epizody istorii francuzskih gusar [Elektronnyj resurs]: www.kulichki.com/gusary/kruzhenki/istoriya/taktika/french/french1.html
7. Dymova I.A. «Gusar» A.S. Pushkina (k voprosu o genezise stihotvornoj novelly). S. 8 – 10.
8. Tolstoj L.N. Sbranie sochinenij: v 12 t. T. 3. Kazaki. Vojna i mir. M.: Pravda, 1987.
9. Gogol' N.V. Igroki Soch.: v 2 t. M.: Hudozh. lit., 1969. T. 2. S. 149 – 184. Davydov D. Sochineniya. M.: Sovremennik, 1985.
10. Ryleev K. Dumy. L.: Lenizdat, 1984.
11. Tolkovij slovar' russkogo yazyka. pod red. S.I. Ozhegova, N.YU. SHvedovoj. M.: Rus. yaz., 1995. 928 s.
12. Vacuro V. CHetyre rasskaza o Denise Davydove. K 200-letiyu so dnya rozhdeniya poeta-partizana. Zvezda. 1984. № 7. S. 192 – 207.
13. Bestuzhev (Marlinskij) A.A. Ispytanie. Noch' na korable: povesti i rasskazy. M.: Hudozh. lit., 1988. S. 22 – 82.
14. Pyotr Andreevich Vyazemskij «K partizanu-poetu» (Davydov baloven', schastlivyj...) <http://artsportal.ru/poetry/19010>

*Wu Zipeng,
Tianjin Foreign Studies University*

FEATURES OF THE MODEL LANGUAGE PERSONALITY "HUSSAR"

Abstract: the subject of analysis in this article is the concept of "Hussar". The paper considers the features of the model language personality "Hussar" from the point of view of linguoculturology. Using Russian anecdotes, aphorisms, advertising words and literary works as analysis materials, the author sets out the national cultural origin reflected by the concept of "Hussar" in such areas as the image layer, the conceptual layer and the evaluation layer of the cultural concept of "Hussar". The purpose of this work is to identify the features of the model language personality "Hussar" and its influence on the formation of national character. As a result of the analysis of the features of the model language personality "Hussar", it was revealed that the hussar has the following characteristics: 1) gorgeous clothes; 2) informality; 3) hot courage; 4) bohemian; 5) a gambler. According to the analysis, the following conclusions were made: 1) the model language personality "Hussar" is a behavior stereotype that has a significant impact on culture; 2) the model linguistic personality "Hussar" has a significant impact on the formation of the Russian national character; 3) through the model language personality "Hussar", we can better understand the Russian nation and overcome the obstacles of intercultural communication. The theoretical significance of this work lies in the expansion of the research content of the language personality and the systematic analysis of the model language personality. The practical significance of this article is to generalize the connotations and stereotypes of the concept of Hussars.

Keywords: hussar, features of the model language personality, model language personality, national character, stereotypes, intercultural communication

*Дреева Дж.М., доктор филологических наук, профессор,
Фарниева Б.У., аспирант,
Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова*

МОДАЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ МОДАЛЬНОСТИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Р. КИПЛИНГА)

Аннотация: цель настоящей статьи, посвященной проблеме модальности в английском языке, заключается в изучении особенностей вербализации категории модальности в рамках художественного дискурса посредством анализа модальных глаголов. В качестве теоретической предпосылки исследования используются концепции представителей западноевропейской лингвистической мысли, выделяющих эпистемическую, деонтическую и динамическую виды модальности.

Подробно анализируются точки зрения Дж. Лайонза, К. Хенгевельда, Ф. Палмера и М. Халлидея на изучаемую проблематику; основные положения рассматриваемых концепций иллюстрируются примерами из собранного и привлеченного к анализу эмпирического материала.

На основании результатов изучения способов вербализации субъективной и объективной модальности в прозаических произведениях Р. Киплинга делается вывод о правомерности отнесения эпистемической модальности к разряду субъективной и, следовательно, таким образом, о несостоятельности концепции Дж. Лайонза и К. Хенгевельда, отмечающих двуплановость данного вида модальности, т.е. признающих ее объективный и субъективный характер.

Проведенное исследование, подтверждая, в частности, справедливость традиционного подхода к оценке динамических модальных глаголов как средств выражения объективной модальности, свидетельствует также о зависимости статуса деонтических модальных глаголов (их объективного или, соответственно, субъективного характера) от условий реализации коммуникативного акта.

Ключевые слова: модальность, модальные глаголы, художественный дискурс, эпистемическая модальность, деонтическая модальность, динамическая модальность, субъективная/объективная модальность, коммуникативный акт

Модальность как одна из фундаментальных категорий философской логики связана с наиважнейшими аспектами бытия и их отражения в человеческом сознании и языке. Феномен языковой модальности находится в центре интереса ученых-лингвистов уже не одно десятилетие. Модальность изучается в рамках различных направлений лингвистической науки (см. напр.: [1, 2, 3, 5]). В настоящее время общепризнанным является факт принадлежности модальности к числу важнейших категорий языка, поэтому она считается, в сущности, одной из абсолютных языковых универсалий, выражающей различные «виды отношений высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого» [4, с. 14].

Однако следует отметить, что по многим частным вопросам – таким, как объем и внутренняя структура понятия модальности, виды модальности, совокупность средств и способов выражения данной функционально-семантической категории, корреляция модальности с другими языковыми категориями – точки зрения исследователей не только не совпадают, но порой существенно расходятся.

Задача данной статьи состоит в рассмотрении особенностей выражения категории модальности в

рамках художественного дискурса. В качестве средств вербализации анализируемой грамматической категории и, следовательно, в качестве предмета настоящего исследования, выступают модальные глаголы.

Своеобразие модальных глаголов заключается в способности выражать как объективную, так и субъективную модальность.

Согласно определению, зафиксированному в «Русской грамматике» (2005), объективно-модальные значения «это – <...> отношения сообщаемого к действительности, т.е. значения реальности <...> и ирреальности <...>» [7, с. 214]. Поскольку объективная модальность является обязательным признаком любого высказывания, некоторые исследователи называют ее «первичной модальностью» (см. об этом: [6, с. 10]).

Что касается субъективной модальности, то она выражает отношение говорящего к излагаемым в высказывании фактам и не является его обязательным признаком. Субъективная модальность образует в предложении «второй модальный слой» и иногда именуется «вторичной модальностью» (см.: [6, с. 10]).

Решение обозначенной в настоящей статье задачи предполагает рассмотрение модальных глаголов с опорой на классификацию основных видов

модальности в английском языке и определение статуса каждого вида модальности на предмет субъективности и объективности.

Так, представители западноевропейской лингвистической мысли, изучающие проблему модальности, выделяют, как правило, эпистемическую, деонтическую и динамическую виды модальности.

Под **эпистемической** модальностью Дж. Лайонз, в частности, понимает «любое высказывание, в котором говорящий чётко определяет правдивость своего высказывания, одновременно выступая её гарантом» [13, с. 793]. В более широком смысле рассматриваемая категория модальности представляет собой комплекс информации об оценке степени достоверности высказывания с позиции говорящего и информации говорящего об источниках произносимого им высказывания, т.е. эвиденциального значения.

Считается также, что разная степень вероятности (эвиденциальности) может выражаться посредством модальных глаголов *may, can, can't, would, might, should, ought to, be to, have to, will*, выступающих в составе сложных предикатов. Приведем примеры из проанализированного нами фактического материала.

(1) «*It's too far for your little fat legs,*» said Tegumai. «*Besides, you **might** fall into the beaver-swamp and be drowned*» [11].

(2) «*A little more expression, please, and don't grunt quite so much, or Painted Jaguar **may** hear us*» [11].

(3) «*The Boy **must have spent** half the night in writing to his people, <...> and as soon as he had finished, **must have shot** himself, for he had been dead a long time when we came in*» [12].

В первых двух случаях речь идет о вероятности или возможности действия в настоящем времени, выраженных модальным глаголом **may** в **Present simple** (2) и в **Past Simple** (1). Как видим, форма **Past Simple** в первом примере не является показателем вероятности действия в прошлом, а выражает меньшую степень уверенности в настоящем, по сравнению с **may** во втором примере (30% и 50%, соответственно). Что касается последнего примера, то здесь выражается стопроцентная степень уверенности говорящего в достоверности высказывания посредством употребления модального глагола **must** в составе сложного предиката.

Таким образом, фактически область значения эпистемической модальности может простирается от неуверенности до абсолютной уверенности, убежденности.

Что касается **деонтической** модальности, или модальности моральной нормы, то, в отличие от эпистемической, она представляет собой модаль-

ность долженствования, связанную с различного рода предписаниями (разрешениями, рекомендациями, запретом). Деонтическая модальность детерминируется сводом правил, определяющим нормативное / ненормативное поведение участников коммуникативной ситуации (см. об этом: [13, с. 823-841]).

Третий, выделяемый в западноевропейской лингвистике, тип модальности – модальность **динамическая**, ориентированная не на отношение говорящего к высказыванию, а на физическую возможность исполнителя действия, зависящую как от внутренних (в том числе физических) способностей субъекта, так и от внешних обстоятельств, детерминирующих необходимость либо возможность реализации некоего действия. Таким образом, под динамической модальностью понимается не отношение говорящего к высказыванию и степень его убеждения в возможности или вероятности излагаемых фактов, как это имеет место при эпистемической модальности, а собственные возможности субъекта (отправителя информации) либо существование в реальном мире определенных обстоятельств, влияющих на ход событий. Согласно Ф. Палмеру, динамическая модальность включает в себя не только выделяемую в логике модальность умения, но и так называемую субъектно-ориентированную модальность волеизъявления [14, с. 39].

Анализ собранного нами эмпирического материала подтверждает вывод, сделанный на основании обзора теоретической литературы по изучаемой проблеме, а именно: один и тот же модальный глагол способен иметь совершенно разные оттенки модальности.

(1) «Son, son! - said Mother Jaguar ever so many times, graciously waving her tail, 'a Hedgehog is a Hedgehog, and **can't** be anything but a Hedgehog; and a Tortoise is a Tortoise, and can never be anything else» [11].

(2) «So he gave Taffy the shark's tooth, and she lay down flat on her tummy with her legs in the air, like some people on the drawing-room floor when they want to draw pictures, and she said, 'Now I'll draw you some beautiful pictures! You **can** look over my shoulder, but you mustn't joggle» [11].

(3) «Oh! - said she. 'Now I see! You want my Mummy's living-address? Of course, I **can't** write, but I **can** draw pictures if I've anything sharp to scratch with. Please lend me the shark's tooth off your necklace» [11].

В первом случае с помощью глагола **can** выражается уверенность (эпистемическая модальность), этот же глагол служит средством выражения деонтической модальности, а именно – разрешения, третий пример иллюстрирует употребле-

ние данного модального глагола в значении способности/неспособности (динамическая модальность).

В зарубежной лингвистике указанные выше три типа модальности рассматриваются также с точки зрения их объективного и/или субъективного характера. Однако, как показал анализ существующих точек зрения, фактическое разграничение субъективных и объективных значений модальных глаголов вызывает серьезные разногласия среди лингвистов, занимающихся проблемой модальности.

Так, Дж. Лайонз и Ф. Палмер утверждают, что как эпистемическая, так и деонтическая модальность могут быть субъективными и объективными [13, с. 787-840; 14, с. 24-52]; М. Халлидей приходит к выводу, что только деонтическая модальность может быть как субъективной, так и объективной, а эпистемическая модальность всегда субъективна [8, с. 615]; по мнению К. Хенгевельда, только эпистемическая модальность может быть как субъективной, так и объективной, а деонтическая модальность никогда не бывает субъективной [9, с. 264].

При этом ученые предлагают три грамматических признака, которые можно рассматривать в качестве критериев дифференциации объективной и субъективной модальности. Иными словами, тип модальности детерминируется контекстом, а именно – условиями реализации высказывания, включающего в себя компонент модальности. Такими условиями выступают сложноподчиненные предложения с придаточными предложениями условия, вопросительные предложения, а также категория времени.

Для решения поставленной в данной работе задачи представляется целесообразным остановиться несколько подробнее на каждом из этих критериев.

Первым критерием для дифференциации субъективных и объективных функций модальных глаголов является их использование в **придаточных предложениях условия**. К. Хенгевельд, вслед за Дж. Лайонзом, указывает при этом на неодинаковые потенциальные возможности предикатов с объективной и субъективной модальностью, а именно: “объективно модализированные предикации могут быть гипотезированы в условном предложении, субъективно модализированные не могут” [9, с. 236].

С данным утверждением можно согласиться лишь частично. Не вызывает сомнений, что субъективные модальные глаголы не часто появляются в условных предложениях, однако их появление не полностью исключено, о чем свидетельствует наш эмпирический материал.

Анализ выявленных методом сплошной выборки примеров из произведений Р. Кипплинга позволяет утверждать, что субъективная модальность все же встречается в придаточных предложениях условия. Однако при этом она, в силу особых обстоятельств осуществления коммуникативного акта, приобретает оттенок объективности и сближается таким образом с объективной модальностью. Под особыми обстоятельствами имеются в виду, в частности, случаи, когда один из участников коммуникативного акта соглашается с субъективно ощущаемой партнером объективной необходимостью, что иллюстрирует приведенный ниже пример:

(1) «I will tell you stories and sing you songs, and Wali Dad will talk his English nonsense in your ears. Is that worse than watching the caged animal yonder? Go to-morrow then, **if you must**, but to-day such and such an one will be here, and he will speak of wonderful things» [10].

Так, используя модальный глагол *must* в условной конструкции, говорящий, как явствует из примера, привносит мнение, высказанное участником другого коммуникативного акта, в свой собственный. Примечательно, что такие конструкции содержат в себе, как правило, определенный полемический потенциал, обусловленный «существованием» в рамках одного предложения «своего» и «чужого» мнений. Иными словами, когда говорящий включает в обстоятельственную часть сложноподчиненного предложения – в придаточное условия – мнение другого человека, выводы, сделанные в главной части, могут противоречить этим предположениям, как это имеет место в рассматриваемом примере.

Есть, безусловно, также случаи, когда глагол *must* в условных придаточных предложениях эксплицирует объективную необходимость в чистом виде, безотносительно к условиям коммуникативного акта и его участникам. В таких случаях деонтическая модальность приобретает статус объективной.

(2) «To rear a boy under what parents call the “sheltered life system” is, if the boy **must** go into the world and fend for himself, not wise» [12].

Такое двоякое поведение деонтических модальных глаголов в условных конструкциях объясняется, на наш взгляд, столкновением перформативной функции субъективной модальности с сущностной характеристикой условных придаточных предложений, априори лишенных перформативности.

Функция маркера условности заключается, как известно, в нивелировании отношения говорящего к высказыванию, в то время как функция субъективных модальных глаголов заключается именно в

вербализации обязательств говорящего. Это столкновение функций приводит к эхо-эффекту, наблюдаемому в примере (1): перформативная модальность в условном протасисе больше не является перформативной в смысле выражения позиции продуцента речи, а начинает функционировать как своего рода интертекстуальная отсылка к предшествующему контексту, в котором модальный глагол имел перформативную функцию, то есть выражал позицию участника коммуникативного акта, выступающего в примере (1) в качестве реципиента.

Динамические модальные глаголы, выражающие способность и волеизъявление, могут возникать без всяких проблем в условных конструкциях, как показано в следующих примерах:

«If you **won't** ask me questions, you'll know all about it in a little time, and you'll be surprised» [11].

«Try if you **can** make out what that means in the Tegumai language. If you **can**, we've found the Secret» [11].

В исследуемом нами практическом материале не обнаружено примеров использования эпистемических модальных глаголов в условных конструкциях, что подтверждает их субъективный статус.

В качестве следующего критерия дифференциации субъективной и объективной модальности К. Хенгевельд выделяет **вопросительное предложение**. Согласно его теории, «объективно модализированные предикации могут функционировать в вопросительных предложениях, субъективно модализированные – нет» [9, с. 236].

Отобранный нами эмпирический материал опровергает идею, что высказывания с субъективной модальностью становятся неприемлемыми в контексте вопросительных предложений.

В вопросительных высказываниях могут встречаться как субъективные, так и объективные модальные глаголы, но разница состоит в том, что субъективные модальные глаголы в вопросительных предложениях меняют направленность модальности, от говорящего она смещается к собеседнику. При объективной модальности такой феномен не наблюдается.

Наше предположение о смещении ориентации модальности подтверждается функционированием деонтических модальных глаголов в вопросительных высказываниях. Например:

«Then Cat pretended to be sorry and said, '**Must** I never come into the Cave? **Must** I never sit by the warm fire? **Must** I never drink the warm «white milk? You are very wise and very beautiful. You should not be cruel even to a Cat» [11].

Приведенный фрагмент иллюстрирует «сдвиг» модальности в рамках изображаемой коммуника-

тивной ситуации: запрет, выраженный модальным глаголом **must** в рамках вопросительного высказывания, исходит не от говорящего (продуцента), а смещается в данном случае к собеседнику (реципиенту). Задавая подобные вопросы, говорящий пытается тем самым выяснить отношение собеседника к предмету сообщения, а именно: узнать, запрещает ли ему собеседник приходить в пещеру, сидеть у костра и пить молоко.

Что касается эпистемической модальности, то она ведет себя так же, как и деонтическая: в рамках вопросительного высказывания наблюдается смещение нацеленности модальности на собеседника. Так, в примерах, подобных приведенному ниже, отправитель информации не берет на себя ответственность за вероятность действия в рамках эпистемической модальности, выраженной модальным глаголом **may**, а перекладывает эту ответственность на собеседника (т.е. получателя информации):

"Oh, you had that much sense, you young Rip," groaned poor Cobby, half amused and half angry. "And how many people **may** you have told about it?" [10].

В случаях с динамической модальностью подобного смещения ориентации не наблюдается:

«Oh, now and then you will hear grown-ups say, '**Can** the Ethiopian change his skin or the Leopard his spots?' » [11].

Таким образом, мы делаем вывод, что, согласно второму критерию, динамическая модальность в английском языке является объективной.

Третьим критерием для дифференциации субъективной и объективной модальности является, согласно мнению К. Хенгевельда, **категория времени** [9, с. 237]. По мысли К. Хенгевельда, объективные модальные глаголы имеют в своей парадигме формы выражения присущего им оттенка модального значения во всех трех срезах времени: прошлом, настоящем и будущем. Что касается субъективных модальных глаголов, то они могут относиться лишь к действию, происходящему в момент говорения, т.е. в настоящем.

Эту точку зрения разделяют также М. Халлидей и Ф. Палмер, считая, что глаголы, выражающие волю и способность и относящиеся, в соответствии с их классификацией, к динамической модальности, имеют объективный характер (см. об этом: [8, с. 36-343; 14, с. 3-34;]). Данный тезис подтверждается результатами анализа собранного нами эмпирического материала. Рассмотрим примеры из произведений Р. Киплинга:

1) «All the fishes he **could** find in all the sea he ate with his mouth – so!» [11].

2) «I told him truthfully that I was a truthful Tortoise, but he **wouldn't** believe it, and he made me

jump into the river to see if I was, and I was, and he is surprised» [11].

Выражаемые глаголами *can* и *will* физическая способность и волеизъявление относятся, как явствует из приведенных фрагментов, к прошлому, что репрезентируется на морфологическом уровне соответствующими формами прошедшего времени.

Что касается эпистемических модальных глаголов, то своей формой прошедшего времени они не отсылают к прошлому, а репрезентируют отношение говорящего к действию, происходящему в момент речи.

Например:

1) «It's too far for your little fat legs,' said Tegumai. 'Besides, you **might** fall into the beaver-swamp and be drowned» [11].

2) «He was afraid that the Whale **might** be angry with him» [11].

Как видим, **might**, будучи формой прошедшего времени глагола *may*, либо манифестирует меньшую степень уверенности говорящего в достоверности высказывания (1), либо, подчиняясь правилу согласования времен, маркирует трансформацию прямой речи в косвенную (2), сохраняя и в том, и в другом случае свойственный данному глаголу оттенок модальности.

Особого внимания заслуживает модальный глагол *must*, относящийся к «сфере влияния» деонтической модальности. Являясь главным средством выражения долженствования, обязанности, запрета (и относясь тем самым к субъективной модальности), он, как известно, не имеет временных форм. При соотношении с прошлым или будущим срезами времени используется так называемый модальный эквивалент *have to*. Рассмотрим следующий пример:

«I **had to** pay two deerskins – soft ones with fringes – to the Stranger-man for the things we did to him» [11].

Как видим, форма прошедшего времени модального глагола *have to (had to)*, выражает здесь необходимость в прошлом, детерминированную внешними обстоятельствами. Таким образом, в данном случае имеет место объективно обусловленная деонтическая модальность. Примеров использования субъективных деонтических модальных глаголов в прошедшем времени нами не обнаружено.

Обобщая вышеизложенные наблюдения, можно констатировать следующее. Проведенное исследо-

вание подтверждает точку зрения М. Халлидея относительно статуса основных выделяемых в науке трех видов модальности.

Результаты анализа вербализации категории модальности в прозаических произведениях Р. Киплинга свидетельствуют о том, что эпистемическую модальность действительно следует отнести к разряду субъективной модальности. Утверждение Дж. Лайонза и К. Хенгевельда о том, что эпистемическая модальность может быть как объективной, так и субъективной, результатами осуществленного нами анализа не подтверждается: случаев объективной эпистемической модальности в прозе Р. Киплинга не выявлено.

Что касается деонтической модальности, которая, согласно концепции М. Халлидея, может выражать как субъективные, так и объективные значения [8, с. 622], то следует уточнить, что нет никаких оснований отрицать субъективный статус данного вида модальности. Согласно результатам проведенного нами исследования, определенные виды использования деонтической модальности явно служат для кодирования позиции говорящего, например, для разрешения или запрета. В дополнение к субъективным употреблением существует также объективная категория деонтической модальности, которая выражает существование некоторой необходимости, исходящей из тех или иных внешних факторов и обстоятельств, а не от говорящего.

Относительно динамической модальности можно утверждать, что верным оказывается традиционное предположение об объективности динамических модальных глаголов: динамические модальные глаголы могут функционировать в придаточных условиях, имеют временные формы и не меняют ориентацию модального значения в вопросительных предложениях. Следовательно, динамические модальные глаголы не служат для выражения позиции говорящего по отношению к пропозициональному содержанию высказывания.

В целом же, на основании результатов проведенного исследования можно заключить, что категория модальности в языке является сложным, многоаспектным феноменом, и решение данной проблемы требует комплексного, разностороннего подхода с учетом достижений не только лингвистики, но и других наук, как смежных, так и не смежных с ней.

Литература

1. Ваулина С.С. Эволюция средств выражения модальности в русском языке (XI-XVII вв.): дис. ... д-ра филол. наук. Калининград, 1990. 376 с.
2. Гуревич В.В. Модальность и семантика глагольного вида. Вопросы языкознания. М.: Наука, 2000. № 2. С. 71 – 78.
3. Дреева Дж.М., Отрошенко А.И. Особенности реализации грамматических категорий времени и модальности в ранненовоанглийском и ранненововерхненемецком языках (на примере текстов Евангелия от Матфея Библии Дж. Уиклифа, У. Тиндейла и М. Лютера) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2020. № 6. С. 46 – 55.
4. Зайнуллин И.В. Модальность как функционально-семантическая категория. Саратов, 1986. 300 с.
5. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973. 351 с.
6. Оленчук О.Г. Языковые средства репрезентации проблематической модальности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2012. 23 с.
7. Русская грамматика: научные труды: в 2 т. / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2005. 1496 с.
8. Halliday M.A.K. An introduction to Functional Grammar. London: Arnold, 1994. 689 p.
9. Hengeveld K. Illocution, mood and modality in a functional grammar of Spanish // Journal of Semantics, 1988. P. 227 – 269.
10. Kipling R. Indian Tales. URL [https://kv1madurailibrary.files.wordpress.com/2011/04/indian-tales.pdf] (дата обращения^ 17.06.2021).
11. Kipling R. Just So Stories. URL [https://www.gutenberg.org/files/2781/2781-h/2781-h.htm] (дата обращения^ 17.06.2021).
12. Kipling R. Plain Tales from the Hills. URL [https://www.gutenberg.org/files/1858/1858-h/1858-h.htm] (дата обращения^ 17.06.2021).
13. Lyons J. Semantics. Vol. 2 Cambridge: Cambridge University Press, 1977. 897 p.
14. Palmer F.R. Mood and modality. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. 236 p.

References

1. Vaulina S.S. Evolyuciya sredstv vyrazheniya modal'nosti v russkom yazyke (XI-XVII vv.): dis. ... d-ra filol. nauk. Kaliningrad, 1990. 376 s.
2. Gurevich V.V. Modal'nost' i semantika glagol'nogo vida. Voprosy yazykoznanija. M.: Nauka, 2000. № 2. S. 71 – 78.
3. Dreeva Dzh.M., Otroshenko A.I. Osobennosti realizacii grammaticheskikh kategorij vremeni i modal'nosti v rannenovoanglijskom i rannenovoverhnenemeckom yazykah (na primere tekstov Evangelija ot Matfeya Biblii Dzh. Uiklifa, U. Tindejla i M. Lyutera). Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika. 2020. № 6. S. 46 – 55.
4. Zajnullin I.V. Modal'nost' kak funkcional'no-semanticheskaya kategoriya. Saratov, 1986. 300 s.
5. Zolotova G.A. Ocherk funkcional'nogo sintaksisa russkogo yazyka. M.: Nauka, 1973. 351 s.
6. Olenchuk O.G. YAzykovye sredstva reprezentacii problematicheskoy modal'nosti: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Izhevsk, 2012. 23 s.
7. Russkaya grammatika: nauchnye trudy: v 2 t. Gl. red. N.YU. SHvedova. M.: Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova RAN, 2005. 1496 s.
8. Halliday M.A.K. An introduction to Functional Grammar. London: Arnold, 1994. 689 p.
9. Hengeveld K. Illocution, mood and modality in a functional grammar of Spanish. Journal of Semantics, 1988. P. 227 – 269.
10. Kipling R. Indian Tales. URL [https://kv1madurailibrary.files.wordpress.com/2011/04/indian-tales.pdf] (data obrashcheniya^ 17.06.2021).
11. Kipling R. Just So Stories. URL [https://www.gutenberg.org/files/2781/2781-h/2781-h.htm] (data obrashcheniya^ 17.06.2021).
12. Kipling R. Plain Tales from the Hills. URL [https://www.gutenberg.org/files/1858/1858-h/1858-h.htm] (data obrashcheniya^ 17.06.2021).
13. Lyons J. Semantics. Vol. 2 Cambridge: Cambridge University Press, 1977. 897 p.
14. Palmer F.R. Mood and modality. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. 236 p.

*Dreeva Dzh.M., Doctor of Philological Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Farnieva B.U., Postgraduate,
North Ossetian State University after K.L. Khetagurov*

**MODAL VERBS AS MEANS OF EXPRESSING THE CATEGORY OF MODALITY
IN ENGLISH (BASED ON THE WORKS OF R. KIPLING)**

Abstract: the aim of this article, devoted to the problem of modality in the English language, is to study the features of the verbalization of the category of modality by means of modal verbs within the framework of fiction discourse, namely the prose works of R. Kipling. As the theoretical base serve the concepts of representatives of Western European linguistic thought distinguishing epistemic, deontic and dynamic types of modality.

The authors analyze in detail the ideas of J. Lyons, F. Palmer, M. Halliday and K. Hengeveld on the studied problem and illustrate their main concepts by examples from the empirical material collected and involved in the analysis.

The results of the study indicate the relevance of attributing epistemic modal verbs to the category of subjective modality and, thus, the inconsistency of the concepts of J. Lyons and K. Hengeveld, who note the twofold nature of this type of modality and recognize its objective and subjective nature.

The conducted research, confirming in general the validity of the traditional approach to the assessment of dynamic modal verbs as means of expressing objective modality, also indicates the dependence of the status of deontic modal verbs (their objective or subjective nature, respectively) on the conditions of the implementations of the communicative act.

Keywords: modality, modal verbs, fiction discourse, epistemic modality, deontic modality, dynamic modality, subjective / objective modality, communicative act

*Халина Н.В., доктор филологических наук, профессор,
Каширских А.А.,
Фурсова А.Н.,
Сухомлинова Л.А.,
Алтайский государственный университет*

ФРАЗЕОМЕДИАОБРАЗ КАК МАРКЕР ВКЛЮЧЕНИЯ АКТУАЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В МЕНТАЛЬНЫЙ ЛЕКСИКОН ПОТРЕБИТЕЛЯ МЕДИЙНОГО КОНТЕНТА

Аннотация: интеграция экономического дискурса и повседневной реальности, отождествимой с синхронным существованием в множестве информационных потоков, делает актуальным изучение экономической языковой картины мира, содержащей маркеры актуального экономического знания. В статье экономическая языковая картина мира рассматривается в ее медийном аспекте: в качестве среды формирования образа современной экономической реальности избирается медийный дискурс. В качестве единицы, интегрирующей актуальные для синхронного момента коммуникативной истории российского социума, рассматривается фразеомедиаобраз – медиафразеобразование, отражающее информационно-семантический контент экономического знания, релевантного для социального субъекта и, по этой причине, интегрированного в его вербальный тезаурус и, как следствие, ментальный лексикон. Актуальным представляется введение в языковедческий терминологический оборот понятия «медийная деривация», основанием при разработке которого становится деривационная теория Л.Н. Мурзина. В ходе анализа медиаэкономического дискурса выделены деривационные разновидности медиафразеобразных деривационных шагов: особенности построения фразеомедиаобраза экономики и ментальной аксиологии современного социального субъекта в статусе медиапотребителя. Исследование деривационных процессов в экономической картине мира социального субъекта с позиций медийной деривации позволяет деривационные процедуры, конструирующие его образ мира при переработке экономического знания в персональный семантический контент, впоследствии трансформируемый в ментальную аксиологию.

Ключевые слова: деривация; медиатекст; фразеологический образ; медиафразеология; экономическая картина мира; ментальная аксиология

Введение

Экономическая картина мира, ее контуры, принципы формирования/оформления становятся особым объектом внимания лингвистов. Н.А. Нечаева, опираясь на понятие Н.Н. Болдырева «уровень стандартизации знаний», связанное со способами овладения знаниями членами культурных, национальных и пр. общностей [2], приходит к выводу о возможности не только вычленения как самостоятельного феномена языковой экономической картины мира, но и полагает возможным градуализацию экономической картины мира, в соответствии с таксономией знаний, представленных в ней: дифференцированное представление через научную, коллективную и индивидуальную экономические картины мира (см. подробнее [12]). Экономическая картина мира в языке фиксирует интерпретации экономической действительности, преобразующие усвоенное экономическое знание и придающие ему новые коннотации, то есть смысловые оттенки. Е.А. Попова рассматривает экономическую картину мира в качестве основы интеграции разных сфер человеческой жизнедеятельности, включающей в себя систему экономических знаний, формируемую общественным и индивидуальным сознанием [14]. Экономическая

картина формируется экономическими знаниями и строится на основе обобщения и синтеза фундаментальных экономических понятий (см. подробнее [9]), которые должны пройти семантическую адаптацию и лингвистическую «апробацию» в условиях синхронных коммуникаций, одним из способов моделирования которых является медийная среда.

Экономическая картина мира является элементом экономического дискурса, в границах которого осуществляется создание и передача знаний, а также оперирование ими. Следует обратить внимание на то, что при характеристике экономического дискурса мы исходим из понимания дискурса Е.С. Кубряковой: дискурс, «по своей сути, явление когнитивное, то есть имеющее дело с передачей знаний, с оперированием знаниями особого ряда и, главное, с созданием новых знаний» [10, с. 30]. Экономический дискурс существует во взаимодействии с другими типами дискурсов в пространстве особого типа – пространстве дискурсивном. С.Н. Плотникова предлагает рассматривать дискурсивное пространство в качестве логической среды существования дискурсов и людей, производящих эти дискурсы (дискурсивных личностей) [13]. Исследование пространственных аспектов

дискурса позволяет раскрыть специфику трансформаций социального пространства и ментальных моделей социальных субъектов. Достаточно интересный материал для наблюдения за подобными трансформациями содержит экономический медиадискурс. В качестве материала для исследования были отобраны устойчивые единицы экономического медиадискурса, или медиаэкономического дискурса, маркирующие «точки» семантической активности дискурсивного пространства – логической среды существования экономического дискурса. Выделенные медиаэкономические идиомы характеризуют: а) концептуальные модификации экономической картины мира; б) направления-векторы преобразований дискурсивного пространства; в) актуальные для социального субъекта в конкретной исторической ситуации коммуникации деривационные модели, которые, по своей сути, представляют формы реагирования на обстоятельства жизни и формулы ментального переживания, а также схемы теоретического моделирования языкового образа мира.

Обзор литературы (концептуальное сопровождение)

Теоретическое моделирование языкового образа мира детерминируется параметрами онтологического единства «картина мира – языковая картина мира – национальная языковая картина мира» [12]. Представленное онтологическое единство демонстрирует креативную поливариативность социальной и лингвистической деятельности социального субъекта, что обуславливает историческую и культурологическую маркированность онтологической триады.

Принципы моделирования языкового образа мира зависят от ментального лексикона социального субъекта. Как считают Н.В. Халина и Т.С. Хребтова [17], в качестве строевых единиц ментального лексикона следует рассматривать фразеологический образ и фразеосемантическое поле, сопровождающие процесс получения новых знаний.

Фразеологический образ связывает фразеологическое значение с реальным значением компонентов, являясь основанием формирования фразеологического значения и переосмысления компонентов (см. подробнее [21]). Участвуя в моделировании языковой картины мира, фразеологический образ способствует структурированию ее фрагментов [16]. Как считают исследователи, восприятие фразеологического образа сопровождается произвольным семантическим анализом фразеологизма: его делением на «образные составляющие» – строевые элементы языковой картины мира, которые одновременно являются единицами ментального лексикона социального субъекта.

В современных обстоятельствах коммуникации достаточно продуктивной средой формирования фразеологического образа становится медиасреда. Изменение политической, социальной, культурной, экономической реальности находит отражение в медиа-картине мира, которая, в свою очередь, детерминирует конструирование нового, виртуального, типа реальности – медиареальности. Медиареальность представляет собой комплекс образов действительности, продуцируемый и транслируемый средствами массовой информации в форме медиасообщений, по факту транслирующих медиакартину мира – не имеющее физических границ концептуально бесконечное сообщение, сопоставимое с метадискурсом, порождаемым социальной реальностью и адресованным социальному субъекту [7, 8]. Медиареальность создает особую – медийную – среду обитания социального субъекта, замещая эмпирическую социальную реальность [7]. Е.Я. Дугин, рассуждая о функционировании медиа в современном мире, обращает внимание на их базовую составляющую – отношения людей, которые выступают и в качестве движущей силы современной экономики знаний, дополненные семантикой человеческого капитала (см. подробнее [3]). О.Р. Самарцев считает, что медийность, наравне с виртуализацией действительности, интерактивностью, глобальностью, меняет не столько способ распространения информации, сколько её тип и среду [15].

Особое влияние на формирование и оформление медиатекста как элемента медийной среды, по мнению И.В. Ерофеевой, оказывает ментальная аксиология, детерминированная моделью мира языковой личности (см. подробнее [10]). Ментальная аксиология репрезентирована единицами ментального лексикона, которые определяют специфику деривационных процессов, вовлекающих в текстопорождающую деятельность социального субъекта. Наиболее активно деривационная деятельность социального субъекта, состоящая в «порождении и преобразовании предикативных (коммуникативных и номинативных) единиц» (см. [1, с. 10]) получает отражение во фразеологических, или устойчивых, сочетаниях слов, которые представляют интегрированные структуры знаний.

В обществе экономики знаний интегрированные структуры знаний принимают участие в формировании экономической картины мира, отражающей в языке акты интерпретации экономической действительности. Подобные акты интерпретации преобразуют уже усвоенное экономическое знание, включая в себя «упорядоченную систему экономических знаний о действительности, которая формируется в общественном и индивидуальном сознании» [14].

Устойчивые сочетания экономических медиатекстов – медиафразеологизмы, являясь единицами экономической картины мира и строевыми единицами медиадискурса, выступают в качестве индикаторов как социальных, так и семантических деривационных процессов при моделировании языкового образа мира. Когнитивный ракурс рассмотрения моделирования языкового образа мира мы считаем необходимым связать с теорией концептуальной интеграции, базирующейся на идеи бленда. Создание бленда, или порождение интегрального ментального пространства на основе нескольких базовых ментальных пространств (inputspaces), обусловлено способностью человека создавать новые смыслы на основе имеющихся [19]. Согласно теории блендинга, языковое значение выводится из структур знаний, порождаемых или актуализируемых в реальной синхронной коммуникации (см. подробнее [28, 27, 23, 29, 30, 6, 5, 24, 25]). Языковые значения и понятия являются результатом осуществления когнитивных операций, связывающих язык и мышление [26].

Устойчивые сочетания в экономическом медиатексте маркируют актуальные для синхронной коммуникации структуры знаний, влияющие на модель мира языковой личности и ее ментальный лексикон. Поскольку фразеологическая единица более, чем другие единицы языковой системы, связана с национальной культурой, историей и рефлексией личностно-ориентированного общения [Чалкова 1999], то изучение преобразований ментального лексикона пользователя языка вследствие воздействия на языковое сознание экономической картины мира рационально осуществлять на основе медиафразеологических единиц, или медиаидиом.

Основные процессы блендинга пространств Grady, Oakly, Coulson (см. подробнее [28, 27, 23]) дифференцируют как «построение» («composition»), «завершение» («completion») и «развитие» /совершенствование («elaboration»), в результате осуществления которых формируется новое ментальное пространство. Процессы блендинга сопоставимы с процессом фразеологизации, включающим выделение в базовых пространствах необходимых для построения элементов (а), присоединение к сформированной структуре контекстуального содержания (б), преобразование элементов с учетом нового концептуального содержания (в) [19].

Создание нового ментального пространства, становясь процедурой, сопровождающей оформление экономической картины мира в медийном пространстве, осуществляется на основе медийной деривации.

Результаты и обсуждение

В процессе получения новых знаний при освоении данных экономического медиадискурса, иллюстрирующего синхронную экономическую картину мира, происходит формирование ментальных образований, которые становятся единицами ментального лексикона социального субъекта и строевыми единицами модели мира языковой личности, структурными элементами ее ментальной аксиологии.

В качестве единицы ментального лексикона рассматривается фразеологический образ, формирование которого сопровождает процесс получения нового знания [17]. Фразеологический образ является результатом деривационных процессов, обеспечивающих моделирование языкового образа мира и оформление экономической картины мира в медиадискурсе. Полагаем, что актуальной темой при рассмотрении трансформации семантики лексических единиц при их использовании и функционировании в медийном дискурсе является тема медийной деривации.

Базовой теорией при исследовании проблем медийной деривации полагается деривационная теория Л.Н. Мурзина [11], ее структурный блок, раскрывающий особенности деривационного моделирования, составляющий основу текстопорождения. Л.Н. Мурзин отмечает, что «имея дело с зафиксированным текстом, мы должны обнаружить в нем динамические черты – «следы» порождения, т.е. такие элементы, на основании которых можно воссоздать (реконструировать) процесс деривации. Иначе, на основе предварительного анализа текста мы строим гипотезу (или ряд гипотез) – модель деривационного процесса» [11]. Деривационная методика, предлагаемая Л.Н. Мурзиным, может продуктивно применяться при анализе взаимодействия медиатекста и медиасреды как среды его порождающей и гарантирующей его функционирование.

В деривационной методике Л.Н. Мурзина выделяются три основных этапа: 1) предварительный анализ текста, рассмотрение которого планируется в аспекте текстопорождения; 2) конструирование деривационной модели, сопоставимое с конструированием схемы взаимодействия социального субъекта с коммуникативно-информационной средой; 3) проверка валидности созданной деривационной модели.

Объектом рассмотрения в данном исследовании стали устойчивые сочетания, фиксирующие в медиатекстах экономической проблематики состояние экономической языковой картины мира. В качестве предмета рассмотрения определено изучение деривационной специфики выделенных устойчивых сочетаний – медиафразеобразований,

отражающей особенности построения фразеомедиаобраза экономики и ментальной аксиологии современного социального субъекта в статусе медиапотребителя.

Фразеомедиаобраз по своим качествам сопоставим с информационным образом, который рассматривается как совокупность атрибутов и аспектов, дающих целостное представление о конкретном объекте [20]. А.В. Чернявский, А.О. Мороженко, А.А. Харченко выделяют семантическую формулу информационного образа объекта, представленную в виде логической последовательности элементов: «что?» + «где?» + «когда?» + «как?» + «кому?». Состав элементов семантической формулы информационного образа подобен составу драматургической пентады Кеннота Бёрка, включающей акт, сцену, деятеля, действие и цель. Элементы пентады Берка обусловлены логической необходимостью ответа на вопросы, которые возникают при рассмотрении любой темы: кто, что, где, как, когда – и иллюстрируют отношения, производные от агента. Важным в драматургическом подходе является понятие терминистического экрана. Это понятие означает набор символов, выступающих в качестве своеобразного экрана, или сетки доступности, посредством которого мир для человека приобретает определенный смысл. Особая функция языка усматривается К. Берком в том, что язык открывает человеку смыслы мира и, таким образом, показывает, что мир имеет смысл для человека. Язык не просто «отражает» реальность, но и помогает выбрать реальность или изменить её, поскольку социальный субъект, как и социум, в котором он осуществляет социально-информационный коммуникационный цикл, располагает своей системой убеждений. Каждая система убеждений, согласно конвенциям К. Бёрка, в свою очередь, располагает своим персональным словарем, содержащим дескрипции устройства мира и значений вещей, и, таким образом, предлагая приверженцам этой системы в качестве среды коммуникаций определенный тип реальности, естественно, виртуальной по своей природе.

К. Бёрк убежден в том, что реальность для человека становится реальностью только благодаря системе символов, объединяемой с вещами, знание о которых человек получает по ознакомлению с картами, журналами, газетами (см. подробнее [22]). При таком способе получения знаний о предметном содержании мира актуальным становится именно информационный образ объекта-вещи, создаваемый в медиатексте, и цели структурирования информации, в ряду которых А.В. Чернявский, А.О. Мороженко, А.А. Харченко выделяют получение качественно нового знания о системе или процессе; упорядочение некоторой со-

вокупности знаний; выделение временного, пространственного, функционального аспектов информации; сокращение избыточности представления информации.

Медийная деривация, таким образом, предполагает создание образных конструкций, входящих в особую поисковую – «вопросную» – систему валентностно-коннективного типа, регенерирующую в виртуальной (по сути абстрактной) среде ситуации коммуникации в реальной действительности, фактически информационно «проявляя» и закрепляя те данные, ту информацию, которую социальный субъект получил в процессе реальной коммуникации.

Фразеомедиаобраз, структурируя информацию об объекте реальности в соответствии с определенной целью, порождает реальность, открывая через нее смыслы мира и предлагая деривационные модели ее выбора или изменения.

На первом этапе из экономических медиатекстов были отобраны идиомы, представляющие собой лингвоментальные дескрипции современных экономических процессов. Использование авторами медиатекстов подобных лингвоментальных дескрипций решает задачу сообщения социальному субъекту, или медиапотребителю, в различной форме информации о текущем состоянии дел в экономическом сегменте социума.

На втором этапе в наши задачи входило на основе деривационного анализа отобранных единиц определить общий характер деривационных процессов, отличающих экономический дискурс и получающих отражение в экономической языковой картине мира. Моделирование и описание деривации Л.Н. Мурзин предлагает осуществлять, используя термины «деривационный шаг», «трансформация», «операция» и «оператор» [11, с. 19]. Наиболее активным при моделировании и описании медийной деривации становятся операторы – идиомы, или медиафразеодериваты, вводимые в экономический деривационный процесс извне – из набора единиц, конструктивно и семантически подобных единицам ментального лексикона медиапотребителя. Оператор в деривационной теории Л.Н. Мурзина «способствует образованию новой статической единицы и маркирует её, то есть выделяет из других, является показателем ее производности. То, что в словообразовании называют формантом, является с точки зрения динамики оператором. Операторами могут быть слова, союзы, предлоги, грамматические формы, контекст» [11, с. 21]. В медиатексте оператор маркирует модель деривационного процесса, определяющего формирование экономической картины мира и медиафразеобраз, характеризующего мен-

тальную аксиологию и ментальный лексикон социального субъекта.

Нами выделено три деривационных разновидности медиафразеобразных операторов: 1) оператор расширения семантического контента экономической картины мира (разновидность блендинга – семантический блендинг): *консервативная цена, зарезервированная сумма, астрономические суммы, кризисная вилка, дефицитный бюджет, плавающая процентная ставка, «бумажные» статьи активов*; 2) оператор наложения (интерференции) семантики экономического дискурса на социальное дискурсивное пространство /семантику дискурсивно-дифференцированного общества (экономический бленд): *экономическая стагнация, инвестиционная привлекательность, инвестиционное колебание, финансовые доноры, холдинговый режим*; 3) оператор опрощения/упрощения экономической терминосистемы – метонимический блендинг: *сентябрьский нокдаун, «последний залп», санкционный список, санкционная риторика*.

Ряд динамических единиц, маркирующих деривационные процессы, характеризующие экономическую языковую картину мира, составляют фразеодеривационные конструкции с центральным глагольным компонентом. В деривационной теории Л.Н. Мурзина динамические единицы рассматриваются в качестве процессуальных единиц, которые «характеризуются не столько объемным, сколько временным параметром и соответствует некоторому «отрезку» порождающего процесса, заключенному между начальной и соответствующей конечной статической единицей» [11, с. 21]. Динамические единицы сопоставимы с деривационными шагами, включающими в себя деривационные операции, например, такие, как замещение, инверсия, элиминация и т.п.

В ходе анализа медиаэкономического дискурса выделено три деривационные разновидности медиафразеобразных деривационных шагов: 1) метафоризация: *закачивать средства, не отличаться прозрачностью, резать расходы, подчищать сайты конкурентов*; 2) оптимизация признаков пространства через введение дополнительного адъективного маркера: *отступить от бюджетного правила, поддержать доходную базу бюджета, использовать позитивный сценарий, высвободятся «свободные руки», сократить долговую нагрузку*; 3) предикация: *стихнет анкционная риторика; экономика столкнулась с серьезными вызовами; ВВП упал*

В результате деривационного шага образуется новая единица, создание которой сопровождается трансформацией начальных единиц при отсутствии изменений ее содержания, происходит свое-

го рода расширение коммуникативно-средовой валентности единицы. При исследовании деривационных процессов в экономической картине мира в качестве начальных единиц рассматриваются единицы ментального лексикона медиапользователя: *наскоки Белого дома* (единица ментального лексикона медиапользователя (далее – ЕМЛМ): Белый дом), *«дочка» российского банка* (ЕМЛМ: российский банк), *двигатель роста экономики* ((ЕМЛМ: рост экономики), *оружие против конкурентов* (ЕМЛМ: против конкурентов), *экосистема взаимосвязанных монополий* (ЕМЛМ: монополии), *«Козырь Газпрома»* (ЕМЛМ: Газпром), *буря на внешнем рынке* (ЕМЛМ: внешний рынок), *волатильность рубля* (ЕМЛМ: рубль), *обвал курса рубля* (ЕМЛМ: курс рубля), *мораторий на банкротство* (ЕМЛМ: банкротство).

Это трансформации внутренних связей дискурсивного пространства и валентностей единиц ментального лексикона медиапотребителя. Возможны трансформации междискурсивных связей/системы связей дискурсивных пространств: *горячий воздух перегрева рынка* – рост цен на рынке.

Система событийных коннекторов деривационных процессов экономической картины мира: *наряду с выгодами имеются подводные камни; может стать на время тормозом для быстрого развития маркетплейса; пока малый бизнес не почувствует достаточную почву под ногами; без этих глубинных драйверов эффективность программ носит ограниченный характер; в рамках «одного окна».*

Медийная деривация обеспечивает медиапотребителю как пользователю языка доступ к деривационной семантике национального языка, что, в свою очередь, позволяет осуществлять семантическую интерференцию фразеосемантических полей и смоделировать информационной адаптации знаньевого капитала как капитала языкового первоначально к дискурсивно-дифференцированной языковой картине мира, а затем к национальной языковой картине мира. Медиафразеобразование, в этом случае, выполняет две функции: 1) определяет деривационный и дескриптивный потенциал ментального лексикона социального субъекта; 2) уровень доступности и валидности национального семантического континуума.

Заключение

Исследование медийной деривации открывает перспективы изучения механизмов порождения семантического контента медийного дискурса. При рассмотрении информационных и коммуникационных технологий, организующих пространство виртуальной коммуникации, акцент в работах последних лет делается на коммуникативном и когнитивном подходах к лингвистическому мате-

риалу. Фактически большее внимание уделяется языковому сопровождению и обеспечению виртуальных взаимодействий, т.е. степени комфортности коммуникации искусственного интеллекта с социальным субъектом. Наблюдение за поведением языковой системы в условиях виртуальной реальности отошло на второй план. Исследование медийных деривационных процессов позволяет по-новому оценить функции естественного языка и роль последнего в формировании языкового

уровня ментальной аксиологии социального субъекта. Особое внимание, по-прежнему, необходимо уделять языковой картине мира, которая будучи порождением языкового сознания носителя и пользователя языка, отражает трансформации систем дескрипции социального субъекта, адаптирующего ментальный лексикон и вербальный тезаурус к требованиям медиатизации и медийным обстоятельствам жизни.

Литература

1. Адливанкин С.Ю., Мурзин Л.Н. О предмете и задачах дериватологии // Деривация и текст: межвуз. сб. науч. тр. Пермь: Перм. гос. ун-т. 1984. С. 3 – 12.
2. Болдырев Н.Н. Оценочные категории как формат знания // Исследование типов знаний и проблема их классификации: сб. науч. трудов. М.-Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина. 2008. С. 25 – 37.
3. Дугин Е.Я. Медиасоставляющая цифровой экономики // Вестник Московского университета. Серия 10, Журналистика. 2018. № 4. С. 159 – 175.
4. Ерофеева И.В. Аксиология медиатекста в российской культуре: репрезентация ценностей в журналистике начала XXI в.: дис. ... д-ра филол. наук. Санкт-Петербург. 2010. 398 с.
5. Ирисханова О. К Игры фокуса в языке: семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. Москва: Языки славянской культуры. 2014. 320 с.
6. Ирисханова О.К. О теории концептуальной интеграции // Традиционные проблемы языкознания в свете новых парадигм знания: материалы круглого стола. Москва. 2000. С. 62 – 68.
7. Комаров Е.Н. К вопросу о роли СМИ в формировании медиа-картины мира // *Lingua mobilis*. 2014. № 3 (49). С. 122 – 129.
8. Комаров Е.Н. Коммуникативные аспекты современной лингвистики и методики преподавания иностранных языков // Материалы межрег. науч. конф., г. Волгоград, 8 февраля 2007 г. / сост. Н.Л. Шамне и др. Волгоград: науч. изд-во. 2007. С. 132 – 137.
9. Кохановский В.П., Лешкевич Т.Г., Матяш Т.П., Фатхи Т.Б. Основы философии науки: учеб. пособие для аспирантов / отв. ред. В.П. Кохановский. Ростов-на-Дону: Феникс. 2004. 603 с.
10. Кубрякова Е.С. О термине «дискурс» и стоящей за ним структуре знания // Язык. Личность: сб. статей к 70-летию Т.М. Николаевой / отв. ред. В.Н. Топоров. М: Языки славянских культур. 2005. С. 23 – 33.
11. Мурзин Л.Н. Основы дериватологии. Пермь: Перм. ун-т. 1984. С. 19.
12. Нечаева Н.А. Интегративность экономической картины мира // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. 2015. № 6. С. 16 – 22.
13. Плотникова С.Н. Дискурсивное пространство: к проблеме определения понятия // Научно-педагогический журнал Восточной Сибири *Magister Dixit*. 2011. № 2. С. 152 – 158.
14. Попова Е.А. Человек как основополагающая величина современного языкознания // Филологические науки. 2002. № 3. С. 69 – 77.
15. Самарцев О.Р. Цифровая реальность: журналистика информационной эпохи: факторы трансформации, проблемы и перспективы. М.: Издательские решения. 2017. 120 с.
16. Филоненко Т.М. Фразеологический образ в языковых моделях пространства, времени и количества: на материале фразеологии современного русского языка: дис. ... д-ра филол. наук. Магнитогорск, 2004. 435 с.
17. Хребтова Т.С., Халина Н.В. Фразеодериватология: фразеосемантика в контексте деривационной морфологии (на материале американских произведений Г.Д. Гребенщикова) // Филологические науки. 2019. № 4. С. 25 – 32.
18. Чалкова Е.Г. Основы иноязычной личностно-ориентированной фразеосемантики: дис. ... д-ра филол. наук. Москва. 1999. 330 с.
19. Черникова А.Э. Особенности процесса фразеологизации на базе семантического компонента «природа» во французском языке: дис. ... на соиск. уч. степ. канд. филол. наук. Воронеж. 2018. 366 с.
20. Чернявский А.В., Мороженко А.О., Харченко А.А. Формирование информационного образа промышленного предприятия объекта энергоаудита // Новые технологии и проблемы технических наук: сб. науч. тр. по итогам международной научно-практической конференции. Красноярск. 2015. № 2. С. 34 – 37.

21. Чой Юн Хи. Фразеологический образ в коннотативном аспекте (на примере соматических фразеологизмов русского и корейского языков) // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов Москва. 2001. С. 81 – 97.
22. Burke Kenneth. Language as Symbolic Action. 1966. URL: https://www.peoples.ru/art/literature/story/kenneth_burke/ (дата обращения: 30.01.2021)
23. Coulson S. Semantic Leaps. Cambridge: Cambridge University Press. 2000. 318 p.
24. Fauconnier G. Mental Spaces. Cambridge: MIT Press. 1985. 240 p.
25. Fauconnier G. Space, Motion, and Abstract Thought // Behavioral Sciences of Space. Kyoto: University of Kyoto. 2005.
26. Fauconnier G. Turner M. Blending as a Central Process of Grammar // Conceptual Structure, Discourse, and Language. Stanford: Center for the Study of Language and Information (CSLI). Cambridge University of Press. 1998. P. 113 – 129.
27. Grady J.E. Metaphor // The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics. Oxford: Oxford University Press. 2007. P. 188 – 213.
28. Grady J.E., Oakley T., Coulson S. Blending and Metaphor // Metaphor in Cognitive Linguistics. Philadelphia. 1999. P. 101 – 124.
29. Sweetser E. Blended Spaces and Performativity Text // Cognitive Linguistics. 2000. № 11. P. 305 – 333.
30. Williams R.F. Making Meaning from a Clock: Material Artifacts and Conceptual Blending in Time-telling Instruction (Unpublished Doctoral Dissertation). San Diego: University of California. 2004. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.611.5882&rep=rep1&type=pdf> (дата обращения: 18.01.2018)

References

1. Adlivankin S.YU., Murzin L.N. O predmete i zadachah derivatologii. Derivaciya i tekst: mezhvuz. sb. nauch. tr. Perm': Perm. gos. un-t. 1984. S. 3 – 12.
2. Boldyrev N.N. Ochenochnye kategorii kak format znaniya. Issledovanie tipov znaniy i problema ih klassifikacii: sb. nauch. trudov. M.-Tambov: Izdatel'skij dom TGU im. G.R. Derzhavina. 2008. S. 25 – 37.
3. Dugin E.YA. Mediasostavlyayushchaya cifrovoy ekonomiki. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10, Zhurnalistika. 2018. № 4. S. 159 – 175.
4. Erofeeva I.V. Aksiologiya mediateksta v rossijskoj kul'ture: reprezentaciya cennostej v zhurnalistike nachala HKHI v.: dis. ... d-ra filol. nauk. Sankt-Peterburg. 2010. 398 s.
5. Iriskhanova O. K Igry fokusa v yazyke: semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovaniya. Moskva: YAzyki slavyanskoj kul'tury. 2014. 320 s.
6. Iriskhanova O.K. O teorii konceptual'noj integracii. Tradicionnye problemy yazykoznaniya v svete novyh paradigm znaniya: materialy kruglogo stola. Moskva. 2000. S. 62 – 68.
7. Komarov E.N. K voprosu o roli SMI v formirovanii media-kartiny mira. Lingua mobilis. 2014. № 3 (49). S. 122 – 129.
8. Komarov E.N. Kommunikativnye aspekty sovremennoj lingvistiki i metodiki prepodavaniya inostrannyh yazykov Materialy mezhreg. nauch. konf., g. Volgograd, 8 fevralya 2007 g. sost. N.L. SHamne i dr. Volgograd: nauch. izd-vo. 2007. S. 132 – 137.
9. Kohanovskij V.P., Leshkevich T.G., Matyash T.P., Fathi T.B. Osnovy filosofii nauki: ucheb. posobie dlya aspirantov. otv. red. V.P. Kohanovskij. Rostov-na-Donu: Feniks. 2004. 603 s.
10. Kubryakova E.S. O termine «diskurs» i stoyashchej za nim strukture znaniya. YAzyk. Lichnost': sb. statej k 70-letiyu T.M. Nikolaevoj. otv. red. V.N. Toporov. M: YAzyki slavyanskih kul'tur. 2005. S. 23 – 33.
11. Murzin L.N. Osnovy derivatologii. Perm': Perm. un-t. 1984. S. 19.
12. Nechaeva N.A. Integrativnost' ekonomicheskoy kartiny mira. Vestnik MGOU. Seriya: Lingvistika. 2015. № 6. S. 16 – 22.
13. Plotnikova S.N. Diskursivnoe prostranstvo: k probleme opredeleniya ponyatiya. Nauchno-pedagogicheskij zhurnal Vostochnoj Sibiri Magister Dixit. 2011. № 2. S. 152 – 158.
14. Popova E.A. CHelovek kak osnovopolagayushchaya velichina sovremennoy yazykoznaniya. Filologicheskie nauki. 2002. № 3. S. 69 – 77.
15. Samarcev O.R. Cifrovaya real'nost': zhurnalistika informacionnoj epohi: faktory transformacii, problemy i perspektivy. M.: Izdatel'skie resheniya. 2017. 120 s.
16. Filonenko T.M. Frazеологический образ в языковых моделях пространства, времени и количества: на материале фразеологии современного русского языка: дис. ... д-ра фил. наук. Magnito-gorsk, 2004. 435 s.

17. Hrebtova T.S., Halina N.V. Frazeoderivatologiya: frazeosemantika v kontekste derivacionnoj morfologii (na materiale amerikanskih proizvedenij G.D. Grebenshchikova). *Filologicheskie nauki*. 2019. № 4. С. 25 – 32.
18. Chalkova E.G. Osnovy inoyazychnoj lichnostno-orientirovannoj frazeosemantiki: dis. ... d-ra filol. nauk. Moskva. 1999. 330 s.
19. Chernikova A.E. Osobennosti processa frazeologizacii na baze semanticheskogo komponenta «priroda» vo francuzskom yazyke: dis. ... na soisk. uch. step. kand. filol. nauk. Voronezh. 2018. 366 s.
20. Chernyavskij A.V., Morozhenko A.O., Harchenko A.A. Formirovanie informacionnogo obraza promyshlennogo predpriyatiya ob"ekta energoaudita. *Novye tekhnologii i problemy tekhnicheskikh nauk: sb. nauch. tr. po itogam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. Krasnoyarsk. 2015. № 2. S. 34 – 37.
21. Choj YUn Hi. Frazeologicheskij obraz v konnotativnom aspekte (na primere somaticheskikh frazeologizmov russkogo i korejskogo yazykov). *Yazyk, soznanie, kommunikaciya: sb. Statej. otv. red. V.V. Krasnyh, A.I. Izotov* Moskva. 2001. S. 81 – 97.
22. Burke Kenneth. *Language as Symbolic Action*. 1966. URL: https://www.peoples.ru/art/literature/story/kenneth_burke/ (data obrashcheniya: 30.01.2021)
23. Coulson S. *Semantic Leaps*. Cambridge: Cambridge University Press. 2000. 318 p.
24. Fauconnier G. *Mental Spaces*. Cambridge: MIT Press. 1985. 240 r.
25. Fauconnier G. *Space, Motion, and Abstract Thought*. *Behavioral Sciences of Space*. Kyoto: University of Kyoto. 2005.
26. Fauconnier G. Turner M. *Blending as a Central Process of Grammar. Conceptual Structure, Discourse, and Language*. Stanford: Center for the Study of Language and Information (CSLI). Cambridge University of Press. 1998. P. 113 – 129.
27. Grady J.E. *Metaphor*. *The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics*. Oxford: Oxford University Press. 2007. P. 188 – 213.
28. Grady J.E., Oakley T., Coulson S. *Blending and Metaphor*. *Metaphor in Cognitive Linguistics*. Philadelphia. 1999. P. 101 – 124.
29. Sweetser E. *Blended Spaces and Performativity Text*. *Cognitive Linguistics*. 2000. № 11. P. 305 – 333.
30. Williams R.F. *Making Meaning from a Clock: Material Artifacts and Conceptual Blending in Time-telling Instruction* (Unpublished Doctoral Dissertation). San Diego: University of California. 2004. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.611.5882&rep=rep1&type=pdf> (data obrashcheniya: 18.01.2018)

*Khalina N.V., Doctor of Philological Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Kashirskikh A.A.,
Fursova A.N.,
Sukhomlinova L.A.,
Altai State University*

PHRASEOLOGICAL MEDIA IMAGE AS A MARKER OF INCLUSION OF CURRENT ECONOMIC KNOWLEDGE IN MENTAL LEXICON OF A MEDIA CONTENT CONSUMER

Abstract: the integration of economic discourse and everyday reality, identified with synchronous existence in multiple information flows, makes it relevant to study the economic language picture of the world containing markers of current economic knowledge. The paper examines the economic language picture of the world in its media aspect: Media discourse is chosen as the environment for shaping the image of modern economic reality. As a unit integrating communication history of the Russian society relevant for the synchronous moment, phraseological media image is considered – mediaphraseology reflecting information-semantic content of economic knowledge relevant for a social subject and, for this reason, integrated into its verbal thesaurus. The introduction of the concept of "media derivation" into the linguistic terminological turnover, the basis for the development of which becomes the derivation theory of Leonid Nikolaevich Murzin, seems relevant. In the analysis of the media economic discourse, derivational varieties of media phraseological derivational steps are highlighted: features of constructing the phraseomedia image of economics and the mental axiology of a modern social subject in the status of a media consumer. Idioms of the language user's economic picture of the world represent the direction of the world's image transformation in its adaptation to the media environment. It is more rational to carry out in-depth study of the parameters of such an environment with a support on derivational theories, taking into account its potential at the description of processes of sense generation.

Keywords: derivation, media text, phraseological image, media phraseology, economic picture of the world, mental axiology

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

*Гатауллин З.Ш., кандидат юридических наук, доцент,
Елабужский институт (филиал) Казанского
(Приволжского) федерального университета*

УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ПО ДЕЛАМ О ВОВЛЕЧЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Аннотация: уголовное преследование по делам о преступлениях террористической направленности находится в центре внимания, как теоретиков, так и практических работников. Большая часть научных работ главным образом посвящены исследованию уголовно-правовых и криминологических аспектов борьбы с данным видом преступной деятельности, тогда как исследований, посвященных уголовно-процессуальным аспектам терроризма в целом, сравнительно не много. Имеющиеся в наличии научные труды посвященные исследованиям проблемных аспектов вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений террористической направленности также не много. Автор данной статьи попытался в своих исследованиях восполнить, в том числе этот пробел.

На основе анализа статистических данных, автор характеризует состояние преступности несовершеннолетних как тревожное. В юридической литературе специалистами высказано беспокойство, связанное с ростом количества преступлений совершаемых несовершеннолетними, в число которых входят и преступления террористической направленности.

Изучение материалов судебной практики свидетельствует, достаточно большое количество уголовных дел вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений террористической направленности рассматриваются судами общей юрисдикции.

Обосновано последствиями вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений террористической направленности являются причинение существенного физического и морального вреда, помимо этого наблюдается деформация личности и деградация подрастающего поколения.

Внесены конкретные предложения, направленные на повышение эффективности производства следственных действий, в частности варианты тактических приёмов для следователя с целью преодоления конфликтных ситуаций во время проведения допроса несовершеннолетнего обвиняемого.

Ключевые слова: преступление, несовершеннолетний, уголовное дело, вовлечение, террористический акт, суд

В условиях сохранения тенденции сложной криминогенной обстановки в Российской Федерации, преступность среди несовершеннолетних становится тревожной, особую озабоченность вызывает вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность.

Исследователями отмечается, большая часть преступлений террористической направленности осуществляется несовершеннолетними или с их участием под руководством членов террористических организаций, имеются случаи использования несовершеннолетних в качестве смертников, так называемых «шахидов». Для организации совершения преступлений террористической направленности организаторы террористических организаций стали использовать несовершеннолетних женского пола, что вызывает повышенную общественную опасность, ведет к деградации личности, сказывается на физическом и психическом развитии несовершеннолетнего [1, с. 76-78; с. 34].

Так, Сунгатов и Р. Ямалиев обвинялись по ч. 1 ст. 205.5 УК РФ за организации деятельности террористической организации «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» [12] и ч. 4 ст. 150 УК РФ за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений террористической направленности, приговором Приволжского окружного военного суда от 13 марта 2019 г. признаны виновными и осуждены на различные сроки лишения свободы [3].

Статистические данные свидетельствуют, вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений, в том числе и преступлений террористической направленности, достаточно распространенный вид преступления.

Так, если в 2016 г. по линии МВД России было зарегистрировано – 1850 преступлений вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления, то в 2020 г. наблюдается снижение, выявлено – 1554 подобных преступлений, для сравнения, (в 2017 – 2003, в 2018 г. – 1662, в 2019 г. – 1615 преступлений) [9].

К числу основных направлений вовлеченных в террористическую деятельность несовершеннолетних следует отнести совершение террористического акта (ст. 205 УК РФ) и содействия террористической деятельности публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, захват заложника (ст.ст. 205.1-205.6, 206 УК РФ).

Проведенный анализ судебной практики совершения террористического акта (ст. 205 УК РФ), в том числе с участием несовершеннолетних показывают о сохранении тенденции роста. Так, если в 2016 г. судами с вынесением приговора было рассмотрено – 7 уголовных дел (осуждено – 28 лиц), то в 2019 г. наблюдается рост до – 24 уголовных дел (осуждено – 37 лиц), для сравнения, (в 2017 г. – 13, в 2018 г. – 18 уголовных дел), в 2020 г. наблюдается резкое снижение до – 7 уголовных дел.

Опубликованные официальные статистические данные за содействие террористической деятельности, публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, захват заложника (ст.ст. 205.1-205.6, 206 УК РФ) также свидетельствуют о сохранении тенденции роста. Так, если в 2016 г. судами с вынесением приговора было рассмотрено – 167 уголовных дел (осуждено – 182 лица), в 2019 г. количество подобных дел возросло до – 315 уголовных дел (осуждено – 386 лица), для сравнения, (2017 г. – 243, в 2018 г. – 282 уголовное дело), то в 2020 г. наблюдается снижение до – 161 уголовного дела (осуждено - 173 лица) [10].

Установлено, представители террористических организаций для вовлечения, в террористическую деятельность, учитывая психологические особенности несовершеннолетних, прибегают к различным методам. В отношении одних вербуемых несовершеннолетних, у которых, во время проведения зачисток, контртеррористических и иных операций были убиты или пропали без вести близкие, используется мотив мести, других прибегают к методике вербовки на религиозной почве, третьих запугивают, подкупают, зомбируют.

Тем не менее, ни при каких обстоятельствах, совершение преступлений террористической направленности не может быть оправдано, лица, виновные в совершении подобных преступлений в обязательном порядке должны быть привлечены к уголовной ответственности в соответствии с действующим законодательством.

Примером такого подхода может служить приговор Ставропольского краевого суда от 29 ноября 2001 года в отношении Г. осужденного на 10 лет и 6 месяцев лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии строгого режима за вовлечение несовершеннолетних в совершение пре-

ступлений террористической направленности и организации террористического акта [8].

Вербовщики обладая особыми умениями и навыками нейролингвистического программирования несовершеннолетних женского пола вовлекают их в террористическую деятельность, выбирая из неблагополучных семей, испытывающих сложные материальные затруднения, не имеющих защиту со стороны близких родственников, подвергают мощной психологической обработке не оставляя никаких шансов на возвращение прежнему укладу жизни, кроме как быть потенциальной смертницей.

Так, несовершеннолетняя девушка, остановленная для проверки документов сотрудниками, страхом перед собственной гибелью не успела произвести взрывное устройство в действие, заявила, что является шахидкой, от вовлекателей имеет установку не сдаваться, сопротивляться, в безвыходной ситуации подорвать себя поясом шахида или гранат в момент задержания [6].

Проведенный анализ материалов следственной и судебной практики свидетельствует, вовлеченные в террористическую деятельность несовершеннолетние привлекаются для вербовки своих сверстников по месту жительства и учебы, в местах массового пребывания молодежи. Становятся исполнителями и пособниками в таких преступлениях как террористический акт (205 УК РФ), содействие террористической деятельности, публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, захват заложника (ст.ст. 205.1-205.6, 206 УК РФ).

Так, приговором Московского окружного военного суда от 18 мая 2016 г. несовершеннолетний Т. осуждён за совершение преступления по ч. 1 ст. 205.2 УК РФ Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма [2].

Изучение материалов судебной практики свидетельствует, несовершеннолетние достаточно часто привлекаются для совершения преступлений направленных убийство сотрудников силовых структур с использованием взрывчатых устройств, как самостоятельно, так и в соучастии с совершеннолетними представителями террористических организаций.

Так, приговором Краснодарского краевого суда от 3 марта 2003 года установлено, совершеннолетний У.А. неоднократно привлекал несовершеннолетнего У. на совершение преступлений в соучастии по ст. 205 УК РФ путём подрыва автомобиля «Урал» и БМП с военнослужащими, а также обстрела из гранатомёта комендатуры в г. Грозном [7].

В более ранних работах нами было отмечено, на первоначальном этапе уголовного преследования, в частности при возбуждении уголовного дела, большое значение имеет правильная квалификация деяния, у сотрудника могут возникнуть сомнения, является ли деяние несовершеннолетнего преступлением террористической направленности или имеет место быть посягательство на жизнь и здоровье лица [4].

Преступления, совершенные путём взрыва, поджога с целью оказания воздействия на орган или должностное лицо, направленное на принятие добываемых террористами решений следует квалифицировать по ст. 205 УК РФ. В случае отсутствия такой цели, из положений Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 N 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» [11] вытекает возможность возбуждения уголовного дела по признакам иных преступлений предусмотренных в особенной части УК РФ.

Производство следственных действий с участием несовершеннолетних направленные на формирование доказательной базы имеет свои особенности, которые отличают ее от преступности взрослых. Так, при допросе несовершеннолетнего следователю необходимо не нарушать требование закона, помимо привлечения защитника, обеспечить обязательное участие педагога или психолога, если допрашиваемый в возрасте до 16 лет, либо имеет подтверждённый диагноз психического заболевания.

Представляет интерес, на установление психологического контакта кого из них заранее вызвать, видимо следователю предстоит определить ему самому, так как законодатель между ними, педагогом или психологом ставить знак равенства.

Кажется, особой разницы нет, педагогу пользующемуся авторитетом и уважением со стороны допрашиваемого несовершеннолетнего, и психологу владеющего навыками общения установить контакт между следователем и подростком в бесконфликтной ситуации не составит большого труда [5].

Сложности могут возникнуть в случае конфликтной ситуации, как показывает практика, немалая часть несовершеннолетних обвиняемых избегают всякого контакта, проявляют агрессию, более того угрожают следователю расправой.

В подобной конфликтной ситуации следователю необходимо выбрать такие тактические приемы как:

- использовать признательные показания, полученные от иных соучастников, прежде всего у которых с ним имелись неприязненные отношения;

- оглашать показания соучастников свидетельствующих о его роли как организатора теракта (зная, что таковым и не является);

- озвучивание содержания протокола допроса соучастника, признавшего участие в террористической организации.

Таким образом, проведенное исследование вызывает делать следующие выводы:

1. Факторы, способствующие вовлечения несовершеннолетних представителями террористических организаций в преступную деятельность:

- социально-экономическая ситуация в стране, сохранение тенденции ухудшения уровня жизни, нищета немалой части населения, поиск справедливости сложившейся жизненной ситуации;

- конфликтные, отчужденные отношения между родителями и детьми, неблагополучная ситуация в семье, наличие безнадзорности и беспризорности подростков, ограниченные возможности институтов самореализации и социализации;

- отсутствие легальных форм зарабатывания средств существования, высокая безработица, способствующая радикализации молодежи, низкое правосознание, правовой нигилизм;

2. Представители террористических организаций привлекают вовлеченных несовершеннолетних в террористическую деятельность по следующим направлениям:

- через возможности интернета, социальные сети к публичным призывам сверстникам подростков присоединиться к террористической организации;

- совершение террористических актов путем взрыва на рынках, стадионах и в других местах массового пребывания граждан;

- покушение на жизнь и здоровье политического, общественного деятеля, сотрудника правоохранительного органа.

3. Безотлагательно принять следующие превентивные меры минимизации вовлечения несовершеннолетних представителями террористических организаций к совершению преступлений террористической направленности:

- своевременное выявление, пресечение и прекращение деятельности преступных сообществ, прежде всего, террористических организаций представляющих большую общественную опасность, в т.ч. осуществляющие вовлечение несовершеннолетних в террористическую деятельность;

- выявление подростков склонных к совершению правонарушений на ранней стадии развития личности по месту жительства, учёбы и работы.

Литература

1. Алиева С.Ю. Вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений террористической направленности и проблемы противодействия (региональное исследование): дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2014. С. 76-78; Кришин В.Г., Багаутдинов Ф.Н. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против несовершеннолетних // Законность. 2010. № 4. С. 34.
2. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 21.07.2016 N 201-АПУ16-20. <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.04.2021 г.)
3. Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 13.01.2020 N 223-АПУ19-4. <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.04.2021 г.)
4. Гатауллин З.Ш. Возбуждение уголовного дела по терроризму – начальный этап уголовного преследования // В мире научных открытий. Красноярск: Научно-инновационный центр, 2013. № 1.3 (37) (Гуманитарные и общественные науки). С. 193 – 209.
5. Гатауллин З.Ш., Гатауллина М.И. Участие педагога (психолога) при допросе несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых) в совершении террористических преступлений // Юридические и социально-педагогические аспекты профилактики правонарушений несовершеннолетних и молодежи: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Елабуга, 17 апреля 2015 г. Елабуга: изд-во ЕИ КФУ, 2015. С. 39 – 41.
6. Гончарова Т.А. Первоначальный этап расследования: дис. ... на соискание учёной степени канд. юрид. наук. М. 2006. С. 46.
7. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 06.05.2003 N 18КПО03-40. <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.04.2021 г.)
8. Определение Верховного Суда РФ от 19 февраля 2002 г. N 19/1-кпо02-3. <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.04.2021 г.)
9. Официальный сайт МВД России <https://mvd.rf/reports/item/22678184/> (дата обращения: 15.04.2021 г.)
10. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 15.04.2021 г.)
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 N 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Российская газета. 17 февраля. 2012 г.
12. Хизб ут-Тахрир аль-Ислами (Партия исламского освобождения) 14 февраля 2003 года Верховным Судом РФ признана террористической и внесена в список запрещенных на территории России. <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.04.2021 г.)

References

1. Alieva S.YU. Vovlechenie nesovershennoletnih v sovershenie prestuplenij terroristicheskoy napravlenosti i problemy protivodejstviya (regional'noe issledovanie): dis. ... kand. jurid. nauk. Mahachkala, 2014. S. 76-78; Krishin V.G., Bagautdinov F.N. Differenciaciya ugovolnoj otvetstvennosti za prestupleniya protiv nesovershennoletnih. Zakonnost'. 2010. № 4. S. 34.
2. Apellyacionnoe opredelenie Verhovnogo Suda RF ot 21.07.2016 N 201-APU16-20. <http://www.consultant.ru> (data obrashcheniya: 15.04.2021 g.)
3. Apellyacionnoe opredelenie Sudebnoj kollegii po delam voennosluzhashchih Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 13.01.2020 N 223-APU19-4. <http://www.consultant.ru> (data obrashcheniya: 15.04.2021 g.)
4. Gataullin Z.SH. Vozbuzhdenie ugovolnogo dela po terrorizmu – nachal'nyj etap ugovolnogo presledovaniya. V mire nauchnyh otkrytij. Krasnoyarsk: Nauchno-innovacionnyj centr, 2013. № 1.3 (37) (Gumanitarnye i obshchestvennye nauki). S. 193 – 209.
5. Gataullin Z.SH., Gataullina M.I. Uchastie pedagoga (psihologa) pri doprose nesovershennoletnih podozrevaemyh (obvinyaemyh) v sovershenii terroristicheskikh prestuplenij. YUridicheskie i social'no-pedagogicheskie aspekty profilaktiki pravonarushenij nesovershennoletnih i molodezhi: Materialy II Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Elabuga, 17 aprelya 2015 g. Elabuga: izd-vo EI KFU, 2015. S. 39 – 41.
6. Goncharova T.A. Pervonachal'nyj etap rassledovaniya: dis. ... na soiskanie uchyonoy stepeni kand. jurid. nauk. M. 2006. S. 46.
7. Kassacionnoe opredelenie Verhovnogo Suda RF ot 06.05.2003 N 18KPO03-40. <http://www.consultant.ru> (data obrashcheniya: 15.04.2021 g.)
8. Opredelenie Verhovnogo Suda RF ot 19 fevralya 2002 g. N 19/1-kpo02-3. <http://www.consultant.ru> (data obrashcheniya: 15.04.2021 g.)
9. Oficial'nyj sajt MVD Rossii <https://mvd.rf/reports/item/22678184/> (data obrashcheniya: 15.04.2021 g.)

10. Oficial'nyj sajt Sudebnogo departamenta pri Verhovnom Sude Rossijskoj Federacii <http://www.cdep.ru> (data obrashcheniya: 15.04.2021 g.)

11. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 09.02.2012 N 1 «O nekotoryh voprosah sudebnoj praktiki po ugovnym delam o prestupleniyah terroristicheskoj napravlenosti». Rossijskaya gazeta. 17 fevralya. 2012 g.

12. Hizb ut-Tahrir al-Islami (Partiya islamskogo osvobozhdeniya) 14 fevralya 2003 goda Verhovnym Sudom RF priznana terroristicheskoj i vnesena v spisok zapreshchennyh na territorii Rossii. <http://www.consultant.ru> (data obrashcheniya: 15.04.2021 g.)

*Gataullin Z.Sh., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Yelabuga Institute (branch) of Kazan (Volga region) Federal University*

CRIMINAL PROSECUTION IN CASES INVOLVING MINORS IN THE COMMISSION OF TERRORIST CRIMES

Abstract: criminal prosecution in cases of terrorist crimes is in the focus of attention of both theorists and practitioners. Most of the scientific works are mainly devoted to the study of criminal-legal and criminological aspects of combating this type of criminal activity, while there are relatively few studies devoted to the criminal-procedural aspects of terrorism in general. The available scientific works devoted to the research of problematic aspects of the involvement of minors in the commission of terrorist crimes are also not many. The author of this article tried to fill in this gap in his research, among other things

Based on the analysis of statistical data, the author characterizes the state of juvenile delinquency as alarming. In the legal literature, experts have expressed concern about the growing number of crimes committed by minors, including crimes of a terrorist nature.

The study of the materials of judicial practice shows that a fairly large number of criminal cases involving minors in the commission of terrorist crimes are considered by the courts of general jurisdiction.

It is proved that the consequences of involving minors in the commission of terrorist crimes are causing significant physical and moral harm, in addition, there is a deformation of the personality and degradation of the younger generation.

Specific proposals were made to improve the efficiency of investigative actions, in particular, options for tactical techniques for the investigator in order to overcome conflict situations during the interrogation of a minor accused.

Keywords: crime, minor, criminal case, involvement, terrorist act, court

*Тронина Е.Г., кандидат политических наук, доцент,
Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого*

К ВОПРОСУ О КОНСТИТУЦИОННОЙ ПРИРОДЕ ПРАВА НА ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: в статье рассматриваются ключевые аспекты конституционного регулирования права на образование как неотъемлемого элемента правового статуса личности в Российской Федерации; при этом подчеркивается статус образования как одной из приоритетных, динамично трансформирующихся и жизненно важных сфер современного российского общества. Обосновывается мысль о том, что значительный массив статей Конституции РФ, утверждающих принципы приоритета прав и свобод человека как высшей ценности, демократизма, федеративного устройства, правового государства и республиканизма, прямо или опосредованно связан с регулированием отношений в сфере образования. Рассуждая над смыслом содержания ряда норм Конституции РФ, автор подчеркивает, что она в полной мере следует международно-правовым стандартам в вопросах реализации права на образование, при этом всесторонне учитывает национально-культурную специфику России. Сформулирован вывод о том, что в Конституции РФ особое внимание уделено установлению системы гарантий реализации права каждого на образование на основе принципов общедоступности, равноправия и бесплатности, разграничению полномочий в данной сфере между Российской Федерацией и ее субъектами, эффективной государственной регламентации образовательной деятельности, что в целом является мощным правовым фундаментом для успешного достижения национальных целей развития России.

Ключевые слова: Конституция, образование, правовой статус личности, право на образование, система образования, федеральные государственные образовательные стандарты, воспитание

Юридическое значение Конституции как Основного закона государства состоит в фундаментальном значении ее основополагающих норм для развития всех сфер общественных отношений, в определении базовых начал их функционирования. Образование, бесспорно, является одной из приоритетных, динамично трансформирующихся сфер современного российского общества; ее эффективное правовое регулирование в соответствии с внутренними потребностями и внешними вызовами является, без преувеличения, жизненной необходимостью для всего государства. Связано это с целым рядом факторов, к наиболее актуальным из которых, на мой взгляд, относится потребность в реализации действенных государственных гарантий конституционного права на образование в России, воспитании подрастающих поколений в соответствии с традиционными духовно-нравственными ценностями, обеспечении устойчивого экономического роста, научно-технологического прогресса, высокого международно-правового статуса России как великой державы, ее национальной безопасности. Более того, Конституция РФ содержит мощный созидательный потенциал и перспективы для применения в будущем, «дает импульс развитию законодательства и принятию большого массива новых нормативных юридических актов, воплощающих общие идеи и отдельные положения конституции» [1].

Формируя ядро правовой системы государства, Конституция РФ имеет определяющее, приоритетное влияние на регулирование отношений в

сфере образования, что подтверждают нормы Федерального закона от 29.12.2012 №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ч. 1 ст. 4). Целями данного правового регулирования признается «установление государственных гарантий, механизмов реализации прав и свобод человека в сфере образования, создание условий развития системы образования, защита прав и интересов участников отношений в сфере образования» (ч. 2 ст. 4) [2]. В Конституции РФ содержится значительное число статей, имеющих базовое значение для сферы образования, в понятие которого законодатель закладывает триединый смысл как процесса, результата и системы, определяет как «единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов» [2].

Значительный массив статей Конституции РФ, утверждающих принципы приоритета прав и свобод человека как высшей ценности, демократизма, федеративного устройства, правового государства и республиканизма, прямо или опосредованно связан с регулированием образовательных отношений. В условиях динамичного развития нашей

страны и мира в целом особый интерес вызывает понимание конституционной природы и сущности права на образование, чье унифицированное понятие на данный момент отсутствует. Как известно, нормы ч. 4 ст. 15 Конституции РФ закрепляют механизм интеграции общепризнанных норм и принципов международного права в правовую систему России, а ее статус как правопреемника СССР, подтвержденный в ст. 67.1 одной из недавних конституционных поправок, продолжает историческую преемственность вопросов участия Российской Федерации в ранее заключенных международных договорах и выполнения предусмотренных ими обязательствах [3]. Безусловно, это относится к международно-правовым актам, формирующим фундаментальные основы правового статуса личности, в частности к Всеобщей Декларации прав человека от 10 декабря 1948 г. В ст. 26 данного документа закрепляется приоритетный характер права каждого без какой бы то ни было дискриминации на образование, направленное на всестороннее развитие личности, ее воспитание в духе гуманизма, мира и международного сотрудничества, Признается обязательность начального образования, общедоступность технического и профессионального образования, равноправный доступ к высшему образованию на основе индивидуальных способностей. При этом подчеркивается преимущество выбора родителями вида образования для своих малолетних детей [4]. Стремлением обеспечить поистине демократическую сущность права на образование каждого, противодействовать его дискриминационным ограничениям, проникнута Конвенция о борьбе с дискриминацией в области образования от 14 декабря 1960 г. [5]. Закрепляя систему принципов правового статуса личности, гарантий ее прав, в частности, на свободу и личную неприкосновенность, свободу слова, мысли, совести и религии, на защиту каждого ребенка семьей, обществом и государством без какой бы то ни было дискриминации, нормы Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. способствуют наиболее полноценной реализации права на образование [6]. Детализации и развитию демократических принципов в этой сфере способствуют нормы Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г., относящиеся именно к данной категории закрепленное в ст. 13 право на образование [7]. Конвенция о правах ребенка от 20 ноября 1989 г. в ст. 28 закрепляет цель постепенного создания государствами-участниками равных возможностей для реализации права детей на образование, обеспечения бесплатности и обязательности его начального уровня, необходимых условий бесплатного харак-

тера среднего образования, доступности высшего образования на основе индивидуальных способностей, регулярной посещаемости школ и запрета обращения в них с детьми, способами, унижающими человеческое достоинство, развития международного диалога в сфере образования.

Конституция РФ в полной мере следует международно-правовым стандартам в вопросах реализации права на образование, при этом всесторонне учитывает специфику нашего государства, его национально-культурные традиции. Так, ст. 43 Конституции РФ закрепляет право каждого человека на образование и государственные гарантии его реализации как важнейшую неотъемлемую функцию социального правового государства. Равноправие в вопросах получения образования должно обеспечиваться, в частности, через общедоступный и бесплатный характер дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования в государственных или муниципальных образовательных организациях и на предприятиях. Кроме того, закрепляется возможность для каждого при успешном прохождении конкурсного отбора бесплатно обучаться по образовательным программам высшего образования в государственном или муниципальном образовательном учреждении или на предприятии [3]. Аналогичный смысл содержится в нормах ст. 5 ФЗ «Об образовании в РФ», в частности, запрещающих любые дискриминирующие ограничения всеобщего и равноправного доступа к образованию. Развивая и конкретизируя конституционные нормы, ст. 3 рассматриваемого закона среди ключевых принципов государственной политики и правового регулирования отношений в сфере образования закрепляет, в частности, ее приоритетность для развития не только человека, но и всего общества, государства, обеспечение равноправного доступа к образованию для каждого, без какой бы то ни было дискриминации. В ч. 7 ст. 3 провозглашается принцип свободы выбора в зависимости от потребностей и способностей человека форм получения образования, форм обучения, профессий, специальностей, направлений подготовки при реализации образовательных программ различного уровня. Продиктована необходимостью создания максимально благоприятных условий для гармоничного развития человека и возможность свободного выбора им образовательных организаций, типология которых представлена в ст. 23 настоящего закона [4].

Таким образом, в структуре конституционно-правового статуса личности важнейшее место, безусловно, принадлежит праву на образование, выступающему одновременно и в качестве обязанности применительно к уровню основного общего образования, обеспечить получение которого

детьми должны родители либо лица, их заменяющие. Признавая приоритетность семейного воспитания, государство возлагает на себя родительскую функцию в отношении оставшихся без попечения детей. Вышеуказанные нормы находят подтверждение в ст. 63 Семейного кодекса РФ, равно как и право законных представителей ребенка на свободный выбор форм образования и обучения [8]. Однако именно федеральные и региональные органы государственной власти, а также органы местного самоуправления реализуют нормативно-правовые гарантии данного права, обеспечивая функционирование детских садов, школ, техникумов, колледжей, вузов и других образовательных организаций в Российской Федерации. Законодательно закрепляются принципы непрерывного образования в течение всей жизни человека согласно его склонностям и способностям, а также инклюзивного образования, то есть создания равных образовательных возможностей для всех обучающихся с учетом разнообразия их образовательных потребностей и индивидуальных возможностей (в том числе обучающихся с ограниченными возможностями здоровья, высоким уровнем интеллектуального развития и выдающимися творческими способностями в различных сферах, мигрантов, лиц, для которых русский язык не является родным, граждан, оказавшихся в трудной жизненной ситуации и нуждающихся в социальной поддержке и др.) [2]. Именно органы государственной власти и местного самоуправления призваны создавать соответствующие социально-экономические условия для реализации права каждого человека на образование.

Закономерно, что, согласно п. «е» ст. 72 Конституции РФ, общие вопросы воспитания, образования, науки, культуры, физической культуры и спорта, молодежной политики относятся к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов [3]. С целью оптимизации управленческого процесса, федеральный закон «Об образовании в РФ» в ст.ст. 6-9 закрепляет нормы, конкретизирующие полномочия органов власти различного уровня. В частности, подчеркивается, что именно федеральные органы государственной власти, реализуя нормы ч.5 ст.43 Конституции РФ и определяя единую государственную политику в сфере образования, утверждают федеральные государственные образовательные стандарты. Наряду с федеральными государственными требованиями, образовательными стандартами и образовательными программами, они являются исходным структурным компонентом системы образования РФ. Именно ФГОСы устанавливают необходимые требования к структуре основных образовательных программ, различным условиям их реализа-

ции и освоения в рамках компетентностного подхода. Тем самым такого рода государственная стандартизация образования призвана обеспечить единство образовательного пространства Российской Федерации с учетом специфики ее государственного устройства, в том числе разнообразия видов субъектов и исторических традиций многонационального народа России. Исполнение обязательных на всей территории требований федеральных государственных образовательных стандартов призвано обеспечить преемственность в процессе освоения основных образовательных программ, их разнообразие и вариативность, и, что очень важно, – гарантировать со стороны государства соответствующий уровень и качество образования, полноценную реализацию конституционных прав личности в данной сфере. Таким образом, утверждая необходимость установления федеральных государственных образовательных стандартов, Конституция РФ подчеркивает приоритетное значение образовательной деятельности и важность ее государственной регламентации, включающей, согласно ФЗ «Об образовании в РФ», процедуры лицензирования, государственной аккредитации и государственного контроля (надзора) в сфере образования.

Однако целостное понимание конституционной природы права на образование необходимо формировать через признание единства и неразрывной взаимосвязи процессов воспитания и обучения, причем первому из них сегодня государство уделяет особое внимание. Ряд норм Конституции РФ, внесенных поправками, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года, закрепил необходимые цели и задачи воспитания, в первую очередь, детей как важнейшего приоритета государственной политики, направленной на их всестороннее духовное, интеллектуальное, нравственное и физическое развитие (ст. 67.1). Главный вектор социализации личности любого обучающегося должен быть направлен на формирование «социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в российском обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства, формирование у обучающихся чувства патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества, закону и правопорядку, человеку труда и старшему поколению, взаимного уважения, бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального народа Российской Федерации, природе и окружающей среде» [2].

Таким образом, в Конституции РФ, закрепляющей основы правового социального государства, особое внимание уделяется установлению систе-

мы гарантий реализации права каждого на образование на основе принципов общедоступности, равноправия и бесплатности, разграничению полномочий в данной сфере между Российской Федерацией и ее субъектами, эффективной государственной регламентации образовательной деятельности. Признание особой социальной значимости образования детей предполагает эффективную реализацию конституционного курса на создание условий, «способствующих их всестороннему духовному, нравственному, интеллектуаль-

ному и физическому развитию», а важность «учета интересов несовершеннолетних является конституционным ориентиром государственной политики в образовательной сфере» [9]. Конституционное признание права на образование как неотъемлемого элемента правового статуса личности, приоритетного характера сферы образования в обществе и государстве в целом является мощным правовым фундаментом для успешной реализации национальных целей развития Российской Федерации.

Литература

1. Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://constitution.garant.ru/science/work/modern/1776651/chapter/89300effb84a59912210b23abe10a68f/>
2. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 24.03.2021) "Об образовании в Российской Федерации" [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/1560b86214aac60b37e70fdd2d755b0a262b2c58/
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <http://kremlin.ru/acts/constitution>
4. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/2f2f19d786e4d18472d3508871a9af6e482ad9ca/
5. Конвенция о борьбе с дискриминацией в области образования (Париж, 14 декабря 1960 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://base.garant.ru/2540455/>
6. Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 16 декабря 1966 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2540295/>
7. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (Нью-Йорк, 19 декабря 1966 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://base.garant.ru/2540291/4d6cc5b8235f826b2c67847b967f8695/>
8. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/6ef44561bc44714ff21426ceca1e8390b9e970cf/
9. Постановление Конституционного Суда РФ от 23 июля 2020 г. № 39-П "По делу о проверке конституционности пункта 1 части 1 статьи 61 и части 5 статьи 67 Федерального закона "Об образовании в Российской Федерации" в связи с жалобой гражданина И.И. Пикулина" [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74322403/>

References

1. Avak'yan S.A. Konstituciya Rossii: priroda, evolyuciya, sovremennost' [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa. URL: <https://constitution.garant.ru/science/work/modern/1776651/chapter/89300effb84a59912210b23abe10a68f/>
2. Federal'nyj zakon ot 29.12.2012 N 273-FZ (red. ot 24.03.2021) "Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii" [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/1560b86214aac60b37e70fdd2d755b0a262b2c58/
3. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmene-niyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa. URL: <http://kremlin.ru/acts/constitution>
4. Vseobshchaya deklaraciya prav cheloveka (prinyata General'noj Assambleej OON 10.12.1948) [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/2f2f19d786e4d18472d3508871a9af6e482ad9ca/
5. Konvenciya o bor'be s diskriminaciej v oblasti obrazovaniya (Parizh, 14 dekabrya 1960 g.) [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa. URL: <https://base.garant.ru/2540455/>

6. Mezhdunarodnyj pakt o grazhdanskih i politicheskikh pravah (N'yu-Jork, 16 dekabrya 1966 g.) [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa. URL: <https://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2540295/>
7. Mezhdunarodnyj pakt ob ekonomicheskikh, social'nyh i kul'turnyh pravah (N'yu-Jork, 19 de-kabrya 1966 g.) [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa. URL: <https://base.garant.ru/2540291/4d6cc5b8235f826b2c67847b967f8695/>
8. Semejnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 29.12.1995 N 223-FZ [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/6ef44561bc44714ff21426ceca1e8390b9e970cf/
9. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 23 iyulya 2020 g. № 39-P "Po delu o provereke konstitucionnosti punkta 1 chasti 1 stat'i 61 i chasti 5 stat'i 67 Federal'nogo zakona "Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii" v svyazi s zhaloboj grazhdanina I.I. Pikulina" [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74322403/>

*Tronina E.G., Candidate of Political Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Tolstoy Tula State Pedagogical University*

ON THE CONSTITUTIONAL NATURE OF THE RIGHT TO EDUCATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract: the article examines the key aspects of the constitutional regulation of the right to education as an integral element of the legal status of the individual in the Russian Federation, while emphasizing the status of education as one of the priority, dynamically transforming and vital areas of modern Russian society. The author substantiates the idea that a significant number of articles of the Constitution of the Russian Federation, which affirm the principles of the priority of human rights and freedoms as the highest value, democracy, federal structure, rule of law and republicanism, are directly or indirectly related to the regulation of relations in the field of education. Reflecting on the meaning of the content of a number of norms of the Constitution of the Russian Federation, the author emphasizes that it fully follows international legal standards in the implementation of the right to education, while taking into account the national and cultural specifics of Russia. The conclusion is formulated that the Constitution of the Russian Federation pays special attention to the establishment of a system of guarantees for the realization of the right of everyone to education based on the principles of accessibility, equality and free of charge, the division of powers in this area between the Russian Federation and its subjects, effective state regulation of educational activities, which in general is a powerful legal foundation for the successful achievement of the national development goals of Russia.

Keywords: Constitution, education, legal status of the individual, right to education, education system, federal state educational standards, upbringing

*Красильников Т.С., кандидат юридических наук, судья,
Истринский городской суд Московской области*

ВОЛОСТНОЙ СУД В СИСТЕМЕ СУДОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Аннотация: в статье рассматривается организационное и правовое положение волостных судов в судебной системе Российской империи в конце XIX века. Отмечается, как в результате развития крепостного права значительная часть населения России оказались вне юрисдикции государственных судов при разрешении споров. Для разрешения возникающих споров крепостные крестьяне были вынуждены обращаться к традиционным институтам, существовавшим внутри крестьянской общины. В статье раскрывается роль традиционного общинного суда – сход, громада и т.п., в разрешении споров между крестьянами как до отмены крепостного права, так и после реформы 1861 года, отменившей крепостную зависимость. Также отмечается, что главным следствием отмены крепостного права стала необходимость проведения судебной реформы 1864 года, с равным внесловным допуском лиц к правосудию. В тоже время, указываются причины, повлекшие проведение судебной контрреформы в 1889 году, когда государство было вынуждено формализовывать крестьянские общинные суды в целях обеспечения правосудия. В статье сделаны выводы как о недостатках, так и о позитивных результатах деятельности волостных судов до революции 1917 года.

Ключевые слова: отмена крепостного права, судебная реформа 1864 года, крестьянская община, волостной суд, судебная контрреформа, земские участковые начальники

Отмена крепостного права занимает центральное место не только в истории царствования Александра II, но и отечественной истории XIX века.

Незавершенность самой реформы, неразрешенность многих социальных проблем российского общества середины XIX века, начавшийся процесс контрреформ во второй половине XIX века повлек за собой нарастание кризиса, окончившегося революцией 1917 года, которая привела к переустройству всей государственной и социально-экономической системы в целом.

Эта реформа – освобождение крестьян от крепостной зависимости – повлекла за собой череду не менее важных общественных преобразований, в первую очередь, таких как реформы суда и муниципального управления. Уже современники называли эпоху реформ Александра II – «великими», что способствовало их специальному изучению как по прошествии небольшого промежутка времени, так и в настоящее время, спустя полтора столетия.

Крепостная зависимость определялась тремя факторами: «прикрепление к земле» (запрет на свободный переход), уплата подушного налога (который за своих зависимых крестьян должен был вносить помещик), помещичьей (или вотчинный) суд.

Помещичьей (или изначально – вотчинный) суд формировался в течение длительного времени с момента возникновения древнерусского государства, когда первоначально вотчинникам, являвшимся владельцами земель, а затем испомещенным дворянам, которым земля выделялась на период их военной службы, предоставлялись так называемые «несудные грамоты». По «несудной грамоте» владелец вотчины (или поместья) приоб-

ретал право суда над людьми, обязанных обеспечить его военную службу и проживавших на территории соответствующей вотчины или поместья. При этом, по той же «несудной грамоте» жалобы лиц, проживающих на территории указанной в ней вотчины (или поместья), изымались из государственной юрисдикции (суд князя, суд наместника и т.п.). Исключение из общего правила составляли жалобы о душегубстве (убийстве), татьбе (грабеже) и разбое. К середине XVII века помещичьей (или вотчинный) суд уже сформировался окончательно в виде самостоятельной юрисдикции, признаваемой со стороны государства [1].

В 1648 году в текст Соборного Уложения была включена норма, запрещающая крестьянам жаловаться на своего помещика или вотчинника. Во второй половине XVIII века этот запрет был повторен в указе императрицы Екатерины II от 22 августа 1767 года, когда подача жалобы наказывалась кнутом и ссылкой «в вечную работу в Нерчинск» [9].

Впрочем, народная жизнь выработала свой собственный механизм разрешения споров в условиях, когда невозможно было прибегнуть к государственному суду. Таким судом стал суд крестьянской общины – именуемый иначе как мир, сход, громада, «суд стариков» и т.п. Исторически суд общины уходил своими корнями в еще догосударственную эпоху, когда община решала споры между общинниками. В отличие от Западной Европы, где территориальная община распалась вследствие развития феодализма, в России крестьянская община и суд внутри общины сохранялись до конца XIX века, показав свои жизнеспособность и авторитет не только при разрешении

споров между общинниками, но и принудительном исполнении решений общинного суда.

При этом, необходимо отметить, что суд крестьянской общины в России – это бесписьменный процесс, где споры разрешались на основе принятых в каждой местности обычаев.

Одним из следствий отмены крепостного права являлось предоставление личной свободы бывшим крепостным. Этим актом не только устранялась юридическая зависимость бывших крепостных от их владельцев, но также одновременно предоставлялись крестьянам гражданские свободы, в число которых входило и право на подачу жалобы в государственный суд. Фактически с отменой крепостного права ликвидировался помещичий суд над крестьянами [4, с. 327-328].

В такой ситуации правительство было вынуждено через небольшой промежуток времени после отмены крепостного права вводить новые принципы судопроизводства и организации судебной системы.

Отдельные разработки реформы суда имели место и до 1864 года и были связаны с предоставлением судьям более широких полномочий для разрешения дела, введению судебного усмотрения при разрешении споров и отказ от predetermined силы письменных доказательств [4, с. 317-322].

В ноябре 1864 года императором Александром II был утвержден Судебный Устав, который ознаменовал реформу и коренное переустройство организации суда и судопроизводства.

В Российской империи были введены новый суд – судебные присутствия, а для разрешения дел небольшой сложности – мировые судьи. Каждый из видов судов имел по две инстанции – первую и апелляционную: для мировой юстиции – это мировые судьи и мировые съезды (апелляция); для общей юрисдикции – окружные суды и судебные палаты. Правительствующий Сенат выступал в качестве суда кассационной инстанции для обоих видов судебных учреждений [10, ст. 1].

Существенным образом изменились принципы и процедуры судопроизводства: суд стал гласным, открытым и устным, вводилась состязательность процессом, при котором стороны получили равные права на предоставление и опровержение доказательств противной стороны. В уголовный процесс был введен институт судебного следствия, в рамках которого проверялись данные предварительного следствия [10, ст. 2].

Однако довольно быстро перед правительством возникло несколько организационных проблем, которые привели к обсуждению вопроса дальнейшего развития судебной реформы и созданию осо-

рых комиссий еще в годы царствования Александра II.

Отмена помещичьего суда и предоставление гражданских свобод бывшим крепостным, в том числе право на подачу жалобы в суд, привело к резкому увеличению количества дел, рассматриваемых как судебными присутствиями, так и мировыми судьями. Особенно возросла нагрузка на мировых судей, которые рассматривали дела небольшой сложности, но наиболее распространенные в крестьянской среде. Увеличение количества дел повлекло в свою очередь проблемы подбора и расстановки юридических кадров, распределения нагрузки, а также обеспечению финансирования нового аппарата судов [6]. Следует признать, что в целом правительство оказалось не готово к столь быстрому росту судебной нагрузки, т.к. не имело данных об общем объеме рассматриваемых споров (дела, рассматриваемые помещичьими судами, если можно так говорить, оказались полностью за пределами какой-либо государственной статистики).

Другая проблема была отчасти обратной вышележащей. Новые судебные учреждения еще не пользовались достаточным авторитетом в крестьянской среде после отмены крепостного права. Несмотря на значительное увеличение дел, рассматриваемых государственными судами – судебными присутствиями и мировыми судьями – еще более значительное количество споров оставалось вне рамок государственной процедуры и разрешалось «по старинке» – в рамках неформального суда – суда крестьянской общины.

Как отмечалось в исследованиях крестьянских судов, которые проводились как правительственными комиссиями, так и частным порядком: «Свой суд хорош тем, – говорили крестьяне, признававшие его неумелость и незнание законов, – что близко, да дешево; к мировому с пустяшным делом не пойдешь: далеко, а для нашего брата и пустяк дорог; у мирового пошлина, да издержка и адвоката надо» [8, с. 112].

В качестве способа разрешения возникших проблем в организации судебной власти на низовом уровне правительством были введены институт участковых земских начальников и волостной суд, которым фактически был формализован прежний суд крестьянской общины. Указанные учреждения были призваны заменить мировую юстицию в сельской местности.

В литературе сложилось твердое убеждение, что введение института земских участковых начальников вместо мировых судей явилось отступлением от внедрения судебных институтов, контрреформой, направленной на сокращение функций и полномочий судебных учреждений [6].

Следует признать обоснованность критики судебной контрреформы, поскольку кадровый состав участковых земских участковых начальников, состоявший в основном из дворян, ранее проходивших военную или полицейскую службу, не обладал достаточными знаниями даже для разрешения споров небольшой сложности. К тому же, объем жалоб, подлежащих рассмотрению, был по-прежнему достаточно высок. При этом, в круг обязанностей участковых земских участковых начальников, помимо судебных, входили также административные функции на соответствующей территории. Современниками отмечалось, что довольно часто земские начальники «перепоручали» рассмотрение дел лицам, не входившим в администрацию, но имевшим необходимое юридическое образование. Такой подход приводил к тому, что процесс рассмотрения жалоб участковыми земскими начальниками становился все более формальным [6].

Между тем, суть преобразований судебных институтов в 1880-ые годы в первую очередь были сокращение бюджетных расходов на содержание судебной системы. Упраздняя мировую юстицию в сельской местности, одновременно правительство включало в общую государственную систему крестьянские общинные суды, получивших наименование волостных судов.

Как указывалось ранее, общинные суды, несмотря на свой неформальный характер, как традиционный институт в крестьянской среде обладали реальным авторитетом, как при постановлении итоговых решений, так и при их исполнении. Именно общинные (волостные) суды были призваны заменить мировых судей, тогда как участковые земские начальники осуществляли общий надзор за их деятельностью и обеспечивали исполнение решений волостных судей.

Порядок формирования и осуществления деятельности волостных судов определялся Положением о Сельском состоянии (Особое Приложение к тому IX Законов о Состояниях) [7].

В соответствии с указанным Положением члены волостного суда избирались местным обществом или выборными (по одному представителю от десяти дворов) (ст. 180). Местное общество или выборные избирали не менее восьми кандидатов, из которых формировался состав волостного суда по решению земского участкового начальника (ст. 114). В состав волостного суда входили четверо судей, один из которых по решению вышестоящей судебной инстанции – Уездного съезда, назначался председателем (ст. 113). Судьей волостного суда мог стать крестьянин-домохозяин, достигший возраста 35 лет, пользующийся уважением своих односельцев и, по возможности, грамотный. Не

могли занимать должность судьи волостного суда лица, ранее осужденные за хищения либо осужденные к телесному наказанию, лица, содержавшие торговлю алкогольными напитками, а также лица, занимавшие иную должность по волостному или сельскому управлению (ст. 115).

Волостной суд собирался не менее двух раз в месяц, преимущественно в воскресенье (ст. 118). В заседании волостного участвовали не менее трех судей, решение принималось большинством голосов, если участвовало четверо судей, то при равенстве голосов решающим являлся голос председателя (ст. 119). Рассмотрение гражданских дел волостным судом производилось как по письменным жалобам, так и по устным, которые заносились в специальную книгу. Рассмотрение проступков производилось волостным судом по предписанию земского начальника, сообщение полиции и других властей, в том числе сельских (ст. 120).

Волостной суд, рассматривая дела, отнесенные к его компетенции, принимал решения «по советам на основе доказательств, руководствуясь местными обычаями» (ст. 135). При этом волостной суд был обязан заслушать стороны и по возможности склонить их к примирению (ст. 136).

Решение волостного суда записывалось «в заведенную для сего книгу и затем объявляется сторонам в том же заседании» (ст. 136), стороны вправе были получить копию решения бесплатно (ст. 137).

Делопроизводство велось одним из волостных судей по указанию земского участкового начальника, который в свою очередь не менее двух раз в год обязан был проводить ревизию каждого из волостных судей (ст. 121).

Решения волостного суда вступали в силу, если не были обжалованы сторонами, решение о назначении наказания в виде ареста, телесного наказания исполнялись с разрешения земского участкового начальника, который был вправе заменить телесное наказание другим взысканием (ст. 139). Жалобы на решения волостных судов могли быть поданы земскому участковому начальнику в течение 30 дней со дня объявления решения волостного суда (ст. 140). Земской участковый начальник в течение 14 дней направлял жалобу Уездному съезду (суд апелляционной инстанции). Однако по отдельным категориям дел – по искам небольшой суммы либо когда за проступок был назначен арест на срок менее трех суток – дело направлялось земским участковым начальником в Уездный съезд, только если нарушены пределы полномочий волостного суда или, признавалось земским участковым начальником, неправосудным (ст. 141).

При пересмотре дел, рассмотренных волостными судами, Уездный съезд был вправе отменить решение, рассмотренных с нарушением правил подсудности, «а по остальным или оставляет в силе решение волостного суда, или постановляет новое решение по существу, или передает дело в другой волостной суд для нового рассмотрения» (ст. 142).

Изложенный порядок осуществления деятельности волостных судов показывает, что производство в волостных судах было максимальным образом приближено к производству в судах общей юрисдикции. Однако главной проблемой в деятельности волостных судов оставалось отсутствие профессионального юридического образования у судей волостных судов [5], которые решали дела «по совести на основе доказательств, руководствуясь местными обычаями» без учета складывавшейся судебной практики и влияния письменных предписаний нормативных актов.

Такая ситуация порождала обоснованную критику деятельности волостных судов. В связи с чем, после революции 1905 года правительство стало предпринимать меры по расширению института мировых судей и замене судей волостных судов судьями, имеющими юридическое образование и получавшими жалование за счет государства [6].

В то же время, практика деятельности волостных судов показала и положительные результаты. Среди основных принципов правосудия Россий-

ской империи после судебной реформы 1864 года был утвержден принцип коллегиального рассмотрения дел судами общей юрисдикции, как в первой, так и последующих инстанций (кроме мировых судей) [10, ст. 3] Деятельность волостных судов, где состав суда формировался непосредственно населением, показала возможность привлечения к участию в работе судов общей юрисдикции непрофессиональных заседателей, которые наделались одинаковыми с профессиональными судьями полномочиями при рассмотрении дел.

Однако в полной мере этот принцип – привлечение к деятельности судов непрофессиональных заседателей, был уже реализован после установления советской власти.

Революция 1917 года прервала поступательное развитие волостного суда как низового (мирового) звена судебной системы. Декретом о суде, изданном в конце 1917 года [3], волостные суды были распущены, полномочия переданы мировым судьям, а затем – народным судам. Государство брало на себя единоличные полномочия по формированию органов судебной власти, где центральное место стал занимать государственный судья, а представительство населения в отправлении правосудия обеспечивалось участием в процессе наряду с профессиональными судьями также народных заседателями, обладавшими тем же объемом прав, что и профессиональный судья [2].

Литература

1. Веселовский С.Б. К вопросу о происхождении вотчинного режима. М., 1926. 128 с.
2. Декрет ВЦИК РСФСР от 07.03.1918 №2 «О суде» // Собрание узаконений РСФСР, 1918, № 26, ст. 420.
3. Декрет Совета народных комиссаров РСФСР от 24.11.1917 «О суде» // Собрание узаконений РСФСР, 1917, №4, ст. 50.
4. Джаншиев Г.А. Эпоха Великих реформ. С.-Пб.: «Наука», 2016. 776 с.
5. Калякина А.В. Судебная реформа 1864 года: модели местного правосудия // Мировой судья. 2017. № 10. С. 3 – 7.
6. Краковский К.П. Земские начальники и мировая юстиция (реформа местного суда 1889 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/zemskie-nachalniki-i-mirovaya-yustitsiya-reforma-mestnogo-suda-1889-g/viewer> (дата обращения: 18.05.2021)
7. Положение о Сельском Состоянии. Особое Приложение к тому IX Законов о Состояниях. Издание 1902 г. // В кн.: Свод Законов Российской империи. Часть II (Т. 9 – Т. 16). С.-Пб.: издание товарищества «Общественная польза», 1904.
8. Страховский И.М., Корнилов А.А. Крестьянский вопрос в законодательстве и в законодательных комиссиях после 1861 года // В кн.: Крестьянская реформа 19 февраля 1861 года: Крестьянский вопрос в законодательстве и в законодательных комиссиях после 1861 года. 2-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБЕРОКОМ», 2013. 168 с. (Академия фундаментальных исследований: история.) С. 78 – 162.
9. Указ Сенатский от 22 августа 1767 года с резолюцией императрицы Екатерины II «О бытии помещичьим людям и крестьянам в повиновении и послушании у своих помещиков, и о неподавании челобитен в собственные ея величества руки» // Полное собрание законов Российской империи. С.-Пб.: типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. Т. 18. С. 334 – 336. (12.966)
10. Учреждение Судебных Установлений. Т. 16. Ч. I. Издание 1892 г. // В кн.: Свод Законов Российской империи. Ч. II (Т. 9 – Т. 16). С.-Пб.: издание товарищества «Общественная польза», 1904.

References

1. Veselovskij S.B. K voprosu o proiskhozhdenii votchinno go rezhima. M., 1926. 128 s.
2. Dekret VCIK RSFSR ot 07.03.1918 №2 «O sude». Sobranie uzakonenij RSFSR, 1918, № 26, st. 420.
3. Dekret Soveta narodnyh komissarov RSFSR ot 24.11.1917 «O sude». Sobranie uzakonenij RSFSR, 1917, №4, st. 50.
4. Dzhanshiev G.A. Epoha Velikih reform. S.-Pb.: «Nauka», 2016. 776 s.
5. Kalyakina A.V. Sudebnaya reforma 1864 goda: modeli mestnogo pravosudiya. Mirovoj sud'ya. 2017. № 10. S. 3 – 7.
6. Krakovskij K.P. Zemskie nachal'niki i mirovaya yusticiya (reforma mestnogo suda 1889 g.) [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/zemskie-nachalniki-i-mirovaya-yustitsiya-reforma-mestnogo-suda-1889-g/viewer> (data obrashcheniya: 18.05.2021)
7. Polozhenie o Sel'skom Sostoyanii. Osoboe Prilozhenie k tomu IX Zakonov o Sostoyaniyah. Izda-nie 1902 g. V kn.: Svod Zakonov Rossijskoj imperii. CHast' II (T. 9 – T. 16). S.-Pb.: izdanie tovarishchestva «Obshchestvennaya pol'za», 1904.
8. Strahovskij I.M., Kornilov A.A. Krest'yanskij vopros v zakonodatel'stve i v zakonodatel'nyh komissiyah posle 1861 goda. V kn.: Krest'yanskaya reforma 19 fevralya 1861 goda: Krest'yanskij vopros v zakonodatel'stve i v zakonodatel'nyh komissiyah posle 1861 goda. 2-e izd. M.: Knizhnyj dom «LIBEROKOM», 2013. 168 s. (Akademiya fundamental'nyh issledovanij: istoriya.) S. 78 – 162.
9. Ukaz Senatskij ot 22 avgusta 1767 goda s rezolyuciej imperatricy Ekateriny II «O bytii pomeshchich'im lyudyam i krest'yanam v povinovenii i posluchanii u svoih pomeshchikov, i o nepodavanii chelobiten v sobstvennye eya velichestva ruki». Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. S.-Pb.: tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii. T. 18. S. 334 – 336. (12.966)
10. Uchrezhdenie Sudebnyh Ustanovlenij. T. 16. CH. I. Izdanie 1892 g. V kn.: Svod Zakonov Rossijskoj imperii. CH. II (T. 9 – T. 16). S.-Pb.: izdanie tovarishchestva «Obshchestvennaya pol'za», 1904.

*Krasilnikov T.S., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.), Judge,
Istra City Court of the Moscow region*

VOLOST COURT IN THE SYSTEM OF COURTS OF THE RUSSIAN EMPIRE

Abstract: the article examines the organizational and legal status of volost courts in the judicial system of the Russian Empire at the end of the XIX century. It is noted that as a result of the development of serfdom, a significant part of the Russian population found themselves outside the jurisdiction of state courts in resolving disputes. To resolve the disputes that arose, the serfs were forced to turn to the traditional institutions that existed within the peasant community. The article reveals the role of the traditional community court – assembly, community, etc., in resolving disputes between peasants both before the abolition of serfdom, and after the reform of 1861, which abolished serfdom. It is also noted that the main consequence of the abolition of serfdom was the need for judicial reform in 1864, with equal non-pedigree admission of persons to justice. At the same time, the reasons that led to the judicial counter-reform in 1889, when the state was forced to formalize peasant communal courts in order to ensure justice, are indicated. The article draws conclusions about both the shortcomings and the positive results of the activity of the volost courts before the revolution of 1917.

Keywords: abolition of serfdom; judicial reform of 1864; peasant community; volost court; judicial counter-reform; zemstvo district chiefs

*Манукян К.А., аспирант,
Васильев А.М., доктор исторических наук,
кандидат юридических наук, профессор,
член Российской академии юридических наук,
Кубанский государственный университет*

КРИПТОДЕНЬГИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА КРИМИНОГЕННУЮ СРЕДУ

Аннотация: в настоящем исследовании мы затронули дискуссионный на наш взгляд вопрос, влияние криптовалюты на криминальную среду. Электронные средства, называемые криптовалютой стали одной из самых острых тем для теоретического и практического обсуждения в начале 2017 года и продолжают дискуссии по настоящее время. Их стремительный рост в электронной среде превзошел все прогнозы и самые неожиданные перспективы в аналитической сфере. В настоящее время рынок электронных денежных средств в России в целом не регулируется из-за отсутствия полного пакета со стороны нормативных документов, так же это регулирование не прослеживается и в уголовном законодательстве. По нашему мнению данная проблема могла бы быть разрешена посредством включения криптовалют в статьи уголовно правового регулирования.

Ключевые слова: электронная платформа; криптовалюта: нормативно – правовое регулирование; биржа; денежные средства; финансовые манипуляции; Биткойн; Эфириум

Электронные денежные средства, как принято их называть в сети интернет начали набирать очень большую популярность с развитием электронных ресурсов. В России электронные деньги выпускают, в частности, системы Яндекс.Деньги и PayCash и т.д.. Кроме всего прочего, российским гражданам еще доступны и зарубежные системы электронных денег, которые на территории России во все не регулируются отечественным законодательством [1, с. 3].

Если обратиться к теории и правописанию которое рассматривается словарем, то криптовалюта (по-английски «Crypto-currency») – это средство платежа и одновременно денежный эквивалент, расположенный в электронной среде Интернета. Электронные деньги существуют только виртуально (их нельзя трогать руками). Иногда в повседневной жизни их называют «крипто», «цифровая валюта», «крипто-монеты». Проще говоря, «криптовалюта» – это просто электронные ресурсы, средства, активы, в которые люди выкладывают деньги государственного образца. Существующая электронная среда в виде криптовалюты не выпускается, каким либо государственным органом, а существуют только в локальной среде интернета. Криптовалюта в виде Биткойна, Эфириума и других цифровых сегментов никому не принадлежит, у них нет органа администрирования, который мог бы ими управлять и распоряжаться.

Все выше исследуемое еще раз подтверждает, что любую криптовалюту (электронные деньги) можно обменять на реальные существующие денежные средства (рубли, доллары, евро и т.д.) через специальные сервисы, которые сегодня называются обменниками. Каких-либо проблем с переводом или обналичиванием в свете nano техноло-

гий не имеется. Обмен и торги на деньги государственного образца происходит довольно мгновенно и без какого либо обмана, ну если только лицо не попало на сайт двойника, который вводит человека в заблуждение и обманывает, тем самым люди теряют не только финансовые средства государственного образца, но и не получают криптовалюту [2, с. 77-82]. Слухи о том, что криптографические деньги нельзя обменять на реальные купюры, к которым мы привыкли (рубли, доллары, евро и т.д.), 2 всего лишь миф и не более того.

База данных криптовалют (транзакции, балансы) хранятся в виде большой неразрывной цепочки электронных блоков на основе технологии «Блокчейн». Любой желающий человек приобретающий криптовалюту может просмотреть информацию обо всех переводах и в целом изучить историю электронных денежных средств. Каждый создающийся новый блок содержит информацию о предыдущих переводах, комиссиях и другую информацию об услуге. Данные новые электронные сопровождения в виде блоков в цепочке для каждой монеты появляются через равные промежутки времени, и их частота примерно 10-15 минут. Этот интервал известен каждому компьютерному гению и определяется ими заранее, что бы не упустить прерывание данной цепочки. Каждый новый блок появляется в результате работы так называемых «майнеров». Эта работа или как выражаются специалисты (процесс) называется «майнинг» [3, с. 629-639]. Сотрудники электронных ресурсов в лице майнеров поддерживают сеть и позволяют криптовалюте функционировать: они совершают транзакции и защищают криптовалюту от взлома. Взамен своей работы они получают некое вознаграждение в виде комиссий за транзак-

ции и производства новых монет в результате чего эти действия не регулируются ни уголовным кодексом ни налоговым законодательством.

Важно то, что многие люди, очень достаточно часто обращались к поисковику Яндекс за информацией о криптовалюте. Например, с 2019 по 2020 годы поступили запросы от более ста миллионов человек, которые упомянули формулировку криптовалюты в запрашиваемым ими тексте, а также упоминалась и другая формулировка как Биткойн, Эфириум, Дэш. То есть можно рассуждать в том направлении, что лица целенаправленно пытаются изучить криптовалюту и на ней зарабатывать.

Многие спорят: «Можно ли криптовалюту называть легитимными денежными средствами?» Этот вопрос требует подробного изучения со стороны не только теории, но практики. В общем: назвать их деньгами, которые находятся в свободном обороте, и под пристальным вниманием государства действительно сложно. К сожалению, согласно нашему обычному пониманию и восприятию, за легализацией денежных средств должно быть что-то и только в этом случае стоимость или ликвидность цифровой валюты определяется присутствующим спросом [4, с. 67-72]. Экономисты не раз утвердительно говорили о том, что если имеется спрос на рынке, то любой продукт и даже криптовалюта дорожает и раскрывает свой потенциал. Если нет спроса, то продукция в виде той самой криптовалюты дешевеет. С другой стороны в результате циклических электронных манипуляций, криптовалюту можно обменять на настоящие деньги в любое удобное время для человека как с потерей в прибыли, так и с увеличением.

На 2020 год в интернет-сообществе насчитывается более 5500 видов криптовалют. Их конечно же слишком много, чтобы даже знать их «Имена». И это совсем для электронных деятелей не обязательно. Многие из них останутся неизвестными и, большая вероятность, что со временем они закончат свое существование на рынке «Ценных продуктов».

Давайте рассмотрим, что такое «Биткойн» (от англ. Bitcoin, BTC "bit" – бит, "coin" – монета), хотя сегодня он уже всем известен, но только как название и в действительности эта самая известная и старая по происхождению криптовалюта, которая была основана еще в начале 2009 года. «Биткойн» считается эталоном новых цифровых технологий, зачастую его на биржах озвучивают как (цифровым золотом). Исходный электронный код и ресурс уже сильно устарел на фоне нано технологий и не позволяет конкурировать с новыми циклическими процессами «альткоинами». Однако из-за своей большой популярности в интернет

портале, он считается одной из лучших и дорогих электронных монет. Его настоящая капитализация составляет практически 60-80% всего мирового рынка электронных ресурсов. При всем этом каждый новый блок, состоящий из сложной цифровой цепочки, появляется каждые 10 минут, где максимальное количество электронных монет может достигать 21 миллиона btc. Сеть Bitcoin сегодня полностью децентрализована и к большому сожалению никому не принадлежит, что и говорит о правовом провале [5, с. 187-195].

Следующая не мало важная электронная сегментация денежных средств это Эфириум (Ethereum, ETH), она также одна из популярных в мире криптовалют, которая в настоящее время находится на втором месте после Биткойна исходя из данных цифровой градации. С момента своего создания в 2015 году Ethereum сразу же стал одной из самых многообещающих криптовалют. Она была разработана авторами как технология «Биткойн 2.0», но разработчики решили назвать ее иначе. Ethereum – это больше, чем просто криптовалюта. Это большая комплексная платформа для создания новых электронных децентрализованных приложений на уже сформировавшейся основе «Блокчейн». Разработчик – Виталий Бутерин, это русский программист канадского происхождения. Количество штук в настоящее время не ограничено электронными ресурсами. По состоянию на конец 2020 года в обращении уже находится не мало и немного как говорят эксперты, но более 110 миллионов монет [6, с. 761-766].

И третье место в среде популярных электронных денежных средств занимает Дэш (DarkCoin, Dash), который был преобразован и закреплен в электронной системе «Интернет». Dash появился не так давно, а именно в 2014 году и сразу стал популярной криптовалютой среди всех существующих. Он занял достойное премиальное место в рейтинге криптоденег. Быстрые транзакции позволили ему чувствовать себя достаточно на высоком уровне в электронной среде, при его эскалации присутствовала и высокая безопасность, а также со стороны разработчиков по отношению к новой криптовалюте существовала и анонимность. Создатели Dash стараются повсюду распространять свои дорогостоящие электронные монеты и таким образом их развивают на мировой электронной платформе. Dash постоянно меняет свой финансовый рейтинг то значительно опускается, то становится вновь популярным. Но в связи с широким распространением он, скорее всего, всегда будет на виду [7].

Существующие в сети интернет криптовалюты можно найти почти в любом обменном сервисе или криптобирже. Данные криптомонеты перспек-

тивны, подвижны, ликвидны. Каждая существующая криптовалюта хранится в так называемых специальных электронных онлайн-кошельках. Как показано интернет платформой, данный сберегательный кошелек – это обычная электронная программа (или приложение), устанавливаемая на компьютер, а также и телефон.

В сознании многих людей биткойн и другие криптоденеги по-прежнему идут рука об руку с преступной деятельностью и даркнетом. Однако результаты многих криминологических исследований говорят об обратном и предоставляют статистику, которая немного искажает реальные события с криптовалютой.

В мае 2019 года на сайте Oxford University Press было опубликовано обширное исследование, которое показало, что 26% всех пользователей биткойнов и до 46% всех транзакций биткойнов могут быть связаны с незаконной деятельностью [8. С. 143]. Отмыть деньги сегодня, конечно же, не просто, но виновные лица в совершении преступлений не сдаются. В незаконном отмывании денег все еще есть лазейки и к ним относятся одноранговые обмены (P2P), децентрализованные обмены (DEX), биржи, не соблюдающие строгие процедуры AML / KYC и т. д. В действительности самый простой способ продать и на этом получить выгоду – это релизация со скидкой. Так, по данным CipherTrace, за 2020 год по состоянию на октябрь объем криптопреступлений сократился до \$1,8 млрд. против \$4,5 млрд. годом ранее. Много это или мало судить только экспертам, но на самом деле преступления в сфере высоких технологий и криптоденег соответственно только усиливает свое популяризацию и латентность.

Пример тому может служить те случаи, когда большое количество осужденных или привлекаемых к уголовной ответственности чиновников до их разоблачения пытались легальные деньги перевести в криптовалюту и в дальнейшем уже существующие у них электронные кошельки содержащие криптовалюту утаивать от правоохранительных органов. Поверьте утаить флешку с миллионными электронными средствами намного проще, когда их разоблачают в хищение бюджетных средств наличными. Недавний случай с сенатором от КЧР. Во время обысков у Арашуковых и их близких были обнаружены в большом количестве оружия, более пятидесяти килограммов ювелирных и драгоценных изделий, не обошлось и без обнаружении крупных денежных сумм в долларах, евро и рублях, а также были обнаружены биткойны, которые изъять не представилось возможным, отчитался Следственный комитет России [9, с. 58-61]. Уверенность в том, что биткойн замешан чуть ли не во всей нелегальной деятельности сенатора

от КЧР охарактеризовать сложно. Хотя можно было с уверенностью сказать, что при заполнении декларации сенатором Арашуковым данные электронные денежные ресурсы можно было и не показывать, как он это и делал. Вот с этого маленького проступка и начинается более серьезные правонарушения. Данный случай не носит единичные фрагменты.

Соответственно, в конце 2020 года Генеральный прокурор РФ Игорь Краснов напомнил госслужащим, что в январе 2021 года вступает в силу закон «О цифровых финансовых активах», который, в том числе в целях борьбы с коррупцией, признает цифровую валюту собственностью, имуществом признаваемого владельца. Документ вводит понятие цифровой валюты – криптовалюты, а также признает ее имуществом для некоторых сфер правоотношений. Например, статья 22 добавляет понятие цифровой валюты, называя ее собственностью, в Закон о борьбе с коррупцией [10].

Нравится нам это или нет, но искусственный интеллект и связанные с ним опасности постепенно проникают в самые разные области нашей жизни и профессиональной деятельности.

Так дело обстоит и с криптовалютой, которая, достаточно часто становится предметом или объектом страшного преступления, а именно киберпреступлений, нельзя забывать и о преступлениях вне виртуальной реальности. Мы понимаем, что Киберпреступность это область, для расследования которой требуются не только лица с юридическими знаниями и правильной интерпретации законодательной базы, но и понимание особенностей работы IT-технологий, и именно она постепенно становится бичом современности.

Самая широкая категория киберпреступлений, связанных с криптовалютами, в мире связана с хакерскими атаками на обменники криптовалют путем создания, использования и распространения вредоносных компьютерных программ, а затем непосредственно с кражей криптовалюты или фишингом.

Но нельзя забывать и о мошенничестве в сфере компьютерных технологий, это также не редкость в следственно – судебной практике, по данной статье в основном возбуждаются дела, связанные с инвестированием проектов, выдвигаемых на ICO. По данным Международной фирмы по кибербезопасности Group-IB более 56% средств на ICO было похищено с помощью фишинга. В 2020 году было похищено более 11,3% всех привлеченных инвестиций, а 82,7% проектов не выполнили обязательства перед инвесторами и исчезли после сбора средств.

Особо стоит выделить отдельную категорию преступлений, связанных с добычей полезной информации через мининг. Во-первых, это нанесение имущественного ущерба путем обмана и злоупотребления доверием в интернет секторе из-за ненадлежащего использования существующего электронного оборудования. А также прямое мошенничество при купле-продаже «несуществующих» ферм и их комплектующих.

Использование криптовалют для легализации (отмывания) преступных доходов, финансирования терроризма, финансирования и распространения оружия массового поражения вызывает серьезную озабоченность международного сообщества в целом. Создатели цифрового золота определенно не собирались использовать его для финансирования такого рода преступлений, но это оказалось черной меткой для криптоденег, которые настроили против себя все силовое лобби.

Соответственно на основании выше изложенного можно сказать что интернет ресурсы выраженные в криптовалюте стали очередным фактором беды для населения. Так в Пермском крае были возбуждены уголовные дела по статьям 210, 228.1, 174.1 УК РФ в связи с противоправной деятельностью злоумышленников, организовавших сбыт наркотических средств и психотропных веществ в городах России, а именно Пермь, Екатеринбург, Ижевск и другие города. Оплата в интернет-магазине за получаемую продукцию производилась криптовалютой. При тщательном разбира-

тельстве следствие установило, что обвиняемые взыскали с потенциальных лиц около девяти миллионов рублей. Если обратить внимание на электронную платформу, то мы можем увидеть, что зачастую сайты обманщики предлагают продукцию в виде не реализации, а подарков, конечно уголовных дел в открытых источниках нет, но сюжет обвинения можно предположить: покупатель перевел биткойны на криптокошельки ответчиков, после чего обвиняемые, используя обменники криптовалюты, поменяли биткойны на российские рубли, и здесь мы можем говорить о том что, средства были легализованы и переведены на контролируемые банковские счета или электронные кошельки, которые впоследствии были сняты или оставлены на счетах.

В другом субъекте России, а именно в Марий Эл следователи возбудили уголовное дело по признакам мошенничества в сфере криптовалюты. По данным полиции потерпевший в Интернете, используя «игровую» биржу, хотел купить цифровые монеты – биткойны. После перевода денежных средств в сумме 100 тысяч рублей на счет продавца биткойны ему не поступили, а сайт оказался заблокирован. Злоумышленники создали так называемый «сайт-двойник» официального сайта биржи криптовалют, в названии которого имеется незначительная разница в знаках или буквах. И это не единственные случаи. Поэтому виновные лица для легализации денежных средств идут на различные хитрости с помощью IT-технологий.

Литература

1. Максуров А.А. Криптовалюты и правовое регулирование их обращения: монография. Изд-во "Дашков и К", 2018. С. 3.
2. Зубарева К.В., Бадуртдинов А.А., Васильев А.М. Домашнее насилие, выраженное в побоях, избиении и в угрозе убийством // В сборнике: Фундаментальная и прикладная наука: состояние и тенденции развития: Сборник статей V Международной научно-практической конференции. 2020. С. 77 – 82.
3. Васильев А.М. Типология и особенности криминологической характеристики личности преступника, совершившего сопряженное с исчезновением человека преступление // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 4. С. 629 – 639.
4. Tileubergenov Y., Pelevina N., Taubaev B., Vasiliev A. The role of social memory in reconstruction of the historical past. social memory and historical past // Astra Salvensis. 2018. Т. 6. № 12. P. 67 – 72.
5. Sidorova E.Z., Tarubarov V.V., Okruzhko V.Y., Vasiliev A.M., Pelevin S.I. Safety issues of the russian educational system // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2020. Т. 11. № 1. P. 187 – 195.
6. Pelevin S., Vasiliev A., Taubaev B., Tileubergenov Y. The participation of youth of western countries in political life of the society. the youth in the political life of the society // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2018. Т. 9. № 2 (32). P. 761 – 766.
7. <https://mining--cryptocurrency-ru.turbopages.org/mining-cryptocurrency.ru /s/ ispolzovanie-kriptovalyuty-v-prestupnoj - deyatelnosti/>
8. Лосев К.В., Молчанова С.М., Дроздова А.П., Самойлов А.В., Надточий Ю.Б., Горелова Л.И., Майорова Т.В., Васильев А.М. Актуальные проблемы и современные тенденции развития экономики, менеджмента и юриспруденции в свете инновационных исследований. Москва, 2019. С. 143.

9. Васильев А.М., Окрузко В.Ю. Особенности криминологической характеристики личности террориста // Юридическая наука. 2019. № 9. С. 58 – 61.
10. РБК: <https://www.rbc.ru/crypto/news/5f8efcb89a79473f70a1d5e7>

References

1. Maksurov A.A. Kriptovalyuty i pravovoe regulirovanie ih obrashcheniya: monografiya. Izd-vo "Dashkov i K", 2018. S. 3.
2. Zubareva K.V., Badurtdinov A.A., Vasil'ev A.M. Domashnee nasilie, vyrazhennoe v poboyah, izbieni i v угрозе убийством. V sbornike: Fundamental'naya i prikladnaya nauka: sostoyanie i tendencii razvitiya: Sbornik statej V Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. 2020. S. 77 – 82.
3. Vasil'ev A.M. Tipologiya i osobennosti kriminologicheskoy harakteristiki lichnosti prestupnika, sovershivshogo sopryazhennoe s ischeznoveniem cheloveka prestuplenie. Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava. 2015. T. 9. № 4. S. 629 – 639.
4. Tileubergenov Y., Pelevina N., Taubaev B., Vasiliev A. The role of social memory in reconstruction of the historical past. social memory and historical past. Astra Salvensis. 2018. T. 6. № 12. P. 67 – 72.
5. Sidorova E.Z., Tarubarov V.V., Okruzko V.Y., Vasiliev A.M., Pelevin S.I. Safety issues of the russian educational system. Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2020. T. 11. № 1. P. 187 – 195.
6. Pelevin S., Vasiliev A., Taubaev B., Tileubergenov Y. The participation of youth of western countries in political life of the society. the youth in the political life of the society. Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2018. T. 9. № 2 (32). P. 761 – 766.
7. <https://mining--cryptocurrency-ru.turbopages.org/mining-cryptocurrency.ru /s/ ispolzovanie-kriptovalyuty-v-prestupnoj - deyatelnosti/>
8. Losev K.V., Molchanova S.M., Drozdova A.P., Samojlov A.V., Nadtochij YU.B., Gorelova L.I., Majorova T.V., Vasil'ev A.M. Aktual'nye problemy i sovremennye tendencii razvitiya ekonomiki, menedzhmenta i yurisprudencii v svete innovacionnyh issledovanij. Moskva, 2019. S. 143.
9. Vasil'ev A.M., Okruzko V.YU. Osobennosti kriminologicheskoy harakteristiki lichnosti terrorista. YUridicheskaya nauka. 2019. № 9. S. 58 – 61.
10. РБК: <https://www.rbc.ru/crypto/news/5f8efcb89a79473f70a1d5e7>

*Manukyan K.A., Postgraduate,
Vasilyev A.M., Doctor of Historical Sciences (Advanced Doctor),
Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.), Professor,
Member of the Russian Academy of Juridical Sciences,
Kuban State University*

CRYPTO MONEY AND ITS IMPACT ON THE CRIMINAL ENVIRONMENT

Abstract: in this study, we touched on a controversial issue in our opinion, the impact of cryptocurrency on the criminal environment. Electronic means, called cryptocurrency, became one of the most acute topics for theoretical and practical discussion at the beginning of 2017 and continue to be discussed at the present time. Their rapid growth in the electronic environment has surpassed all forecasts and the most unexpected prospects in the analytical field. Currently, the e-money market in Russia as a whole is not regulated due to the lack of a full package of regulatory documents, as well as this regulation is not traced in the criminal legislation. In our opinion, this problem could be solved by including cryptomoney in the articles of criminal law regulation.

Keywords: electronic platform; cryptocurrency; legal regulation; exchange; money; financial manipulation; Bitcoin; Ethereum

*Диденко К.В., кандидат юридических наук, доцент,
Белгородский юридический институт Министерства
внутренних дел Российской Федерации им. И.Д. Путилина*

К ВОПРОСУ О МЕХАНИЗМЕ ЗАЩИТЫ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОТ ПРЕСТУПНЫХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ И ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ В СЕМЬЕ

Аннотация: при подготовке статьи автор ставит цель, которая заключается в проведении детального анализа механизма защиты несовершеннолетних от преступных посягательств и жестокого обращения в семье. Автором достигнута цель исследования, а именно проведен детальный анализ механизма защиты несовершеннолетних от преступных посягательств и жестокого обращения в семье, а также выработан алгоритм действий, подлежащих выполнению соответствующими должностными лицами с целью выявления насилия, применяемого в семье в отношении несовершеннолетних. Для достижения цели автором статьи ставились и решались следующие задачи: перечислить и разграничить формы проявления насилия в семье, проанализировать меры, направленные на защиту несовершеннолетних от преступных посягательств и жестокого обращения в семье. Актуальность темы исследования заключается в том, что на современном этапе развития общества и государства насилие, совершаемое в семье в отношении несовершеннолетних, является одной из серьезных социальных проблем. Степень научной разработанности проблемы, поставленной автором статьи: в различные годы изучению вопросов, связанных с защитой несовершеннолетних от преступных посягательств и жестокого обращения в семье, были посвящены труды таких ученых, как Д.В. Жмуров, В.И. Пищулин, М.А. Рогачев и др. В качестве объекта исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в связи с насилием в отношении несовершеннолетних в семье, а также комплекс мер, направленных на предупреждение указанных насильственных проявлений. Предметом исследования являются уголовно-правовые нормы, устанавливающие ответственность за преступления, совершенные в семье в отношении несовершеннолетних. Практическая значимость исследования заключается в следующем: внесение в действующий Уголовный кодекс Российской Федерации предложенных автором статьи изменений и дополнений позволит достигнуть единообразного понимания уголовно-правовых норм, следовательно, станет возможным эффективное их применение в практической деятельности, что приведет к значительному снижению количества преступлений, совершаемых в семье в отношении несовершеннолетних.

Ключевые слова: преступное посягательство, жестокое обращение, семья, несовершеннолетние, социальные нормы, социализация личности, общесоциальные меры, специальные криминологические меры, специализированные службы

Семья является важнейшей структурной составляющей общества. Именно в семье закладываются основы социальных норм, происходит процесс первичной социализации личности. Именно семья является для ребенка первым и одним из важнейших социальных институтов, в котором ребенок всегда должен чувствовать себя в безопасности. К сожалению, в последние несколько лет наблюдается рост жестокости и насилия между членами семьи. Насилие в семье нередко проявляется в отношении несовершеннолетних. Именно по этой причине насилие в семье можно назвать одной из наиболее серьезных социальных проблем современности.

Говоря о насилии, совершаемом в отношении несовершеннолетних, особое внимание необходимо обратить на то, что несовершеннолетние относятся к наименее защищенной категории потерпевших от преступных посягательств и жестокого обращения в семье.

Важно знать о том, что статья 21 Конституции Российской Федерации гарантирует каждому пра-

во на уважение достоинства личности и защиту от насилия. В соответствии с ч. 1 ст. 38 Конституции РФ материнство и детство, семья находятся под защитой государства [1].

Насилие в семье, в том числе совершаемое в отношении несовершеннолетних, имеет пять форм проявления:

– к одному из наиболее распространенных видов насилия в семье относится физическое насилие. Говоря о физическом насилии, совершаемом в семье в отношении несовершеннолетних, мы понимаем применение в отношении несовершеннолетних грубых и опасных для жизни и здоровья методов воспитания: нанесение ударов, хватание, бросание, удушение, запугивание, использование подручных предметов с целью причинения боли, нанесение травм;

– психологическое (эмоциональное) насилие, совершаемое в семье в отношении несовершеннолетнего – это совершение любого действия, вызывающего у несовершеннолетнего состояние эмоционального напряжения, что подвергает опасно-

сти нормальное развитие его эмоциональной сферы. К таким действиям, в частности, относятся отказ от обсуждения возникающих проблем, высказывание оскорбительных слов, высказывание угроз, запугивание, шантаж. Считаем возможным назвать последствия психологического (эмоционального) насилия. К таким последствиям относятся физическое недомогание, постоянное чувство тревоги, депрессивное состояние, суицидальные мысли и др.;

– сексуальное (половое) насилие выражается как в совершении одним членом семьи преступного посягательства на половую неприкосновенность другого члена семьи, так и в совершении членом семьи действий сексуального характера в отношении несовершеннолетних членов семьи. Особое внимание хотелось бы обратить на то, что сексуальное (половое) насилие имеет высокий уровень латентности;

– экономическое насилие заключается в утаивании собственных доходов, а также расходовании денежных средств исключительно на собственные нужды. Об экономическом насилии можно говорить и в том случае, когда один член семьи умышленно лишает другого члена семьи жилья, продуктов питания, одежды. К последствиям экономического насилия относятся нарушение физического или психического здоровья, смерть;

– пренебрежение интересами и потребностями ребенка заключается в отсутствии должного обеспечения со стороны родителей или заменяющих их лиц интересов и жизненно необходимых потребностей ребенка. К основным потребностям ребенка относятся потребности в пище, одежде, заботе, внимании, воспитании, медицинской помощи, образовании. Пренебрежение интересами и потребностями ребенка может иметь место как в силу объективных причин (например, неопытность родителей, бедность, наличие у родителей психического расстройства), так и без таковых причин. К основным признакам, свидетельствующим о пренебрежении интересами и потребностями ребенка, относятся отставание в физическом развитии, отставание в психоречевом развитии, агрессивность, несоответствие одежды погоде или размеру. К последствиям рассматриваемой формы проявления насилия в семье относятся ухудшение здоровья ребенка и задержки в его развитии.

К факторам риска применения насилия в семье в отношении несовершеннолетних относятся несовершенство действующего законодательства Российской Федерации, низкий уровень правовой грамотности населения, неосведомленность детей о своих правах и законных интересах, отсутствие доверительных отношений в семье, недостаток внимания и заботы к детям со стороны родителей

и иных законных представителей, стремление несовершеннолетних лиц как можно скорее стать взрослыми, материальная или иная зависимость потерпевшего лица от преступника, демонстрация насилия в средствах массовой информации, неполное и несвоевременное раскрытие совершенных в отношении несовершеннолетних преступлений, высокий уровень латентности преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних.

Меры, направленные на защиту несовершеннолетних от преступных посягательств и жестокого обращения в семье, подразделяются на две большие группы: общесоциальные меры и специальные криминологические меры.

К общесоциальным мерам, направленным на защиту несовершеннолетних от преступных посягательств и жестокого обращения в семье, относятся экономические и социальные меры.

К экономическим мерам относятся меры, основными целями реализации которых являются:

– обеспечение семей минимальными жизненно необходимыми потребностями (жилье, пища, одежда);

– официальное трудоустройство несовершеннолетних лиц;

– обеспечение государственной поддержки материнства и детства, семьи;

– разработка и реализация программ социального сопровождения семей с детьми.

Социальные меры, включающие меры, направленные на поддержку малоимущих граждан, укрепление семейных устоев, создание благоприятных условий для социализации личности. Мы согласны с позицией Рогачева М.А. и Пищулина В.И., заключающейся в том, что семья должна стать приоритетом социальной политики государства [3, с. 93-97].

Хотелось бы также сказать о том, что на территории Российской Федерации работа по предотвращению насилия в отношении несовершеннолетних в семье осуществляется такими специализированными службами, как кризисные центры, социально-реабилитационные центры для несовершеннолетних, центры социальной помощи семье и детям. Работа ведется по двум направлениям: оказание помощи эмоционального и поведенческого характера, решение комплекса социальных проблем ребенка.

Основной задачей специальных криминологических мер является устранение действия конкретных криминогенных факторов, создание обстоятельств, препятствующих совершению преступлений [4, с. 121].

К специальным криминологическим мерам, направленным на защиту несовершеннолетних от

преступных посягательств и жестокого обращения в семье, относятся:

1. Правовые меры. Преступления против семьи и несовершеннолетних объединены в гл. 20 УК РФ. Статьей 156 Уголовного кодекса Российской Федерации установлена уголовная ответственность за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего [2]. Необходимо отметить, что в связи с высоким уровнем латентности анализируемых преступлений в правоприменительной деятельности возникают сложности применения положений указанной уголовно-правовой нормы. Полагаем, что совершенствование уголовно-правовых норм, а также норм, направленных на правовое регулирование всех сфер жизнедеятельности общества, позволит сократить количество совершаемых в отношении несовершеннолетних преступных посягательств и случаев жестокого обращения с несовершеннолетними в семье. В целях совершенствования действующего уголовного законодательства предлагаем гл. 20 УК РФ дополнить статьей 156.1, которая устанавливала бы уголовную ответственность за систематическое неисполнение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по их воспитанию и содержанию. В отличие от ст. 156 УК РФ, предлагаемое нами деяние не должно быть связано с жестоким обращением с несовершеннолетним. Также полагаем целесообразным ужесточить наказание за совершение преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ.

2. Организационно-управленческие меры. С целью выявления несовершеннолетних лиц, которые могут стать жертвой насилия в семье, инспекторам по делам несовершеннолетних необходимо на постоянной основе взаимодействовать с детскими больницами, детскими поликлиниками, кожно-венерологическими диспансерами, психоневрологическими учреждениями и многими другими учреждениями и организациями.

3. Работники специализированных служб в обязательном порядке должны осуществлять просветительскую деятельность, целью которой является доведение до населения информации о деятельности конкретного специализированного учреждения или организации. Работникам специализированных служб необходимо регулярно выступать в средствах массовой информации, публиковать важную информацию в печатных периодических

изданиях, подготавливать статьи для публикации в научных изданиях, размещать в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» объявления, фото- и видеоматериалы, организовывать встречи с гражданами и проводить индивидуальные беседы.

4. Меры виктимологической профилактики должны быть направлены на развитие института самозащиты несовершеннолетних. В данном случае речь идет о необходимости предоставления несовершеннолетнему лицу права самостоятельно инициировать процесс защиты своих прав и законных интересов от неправомерных действий, совершенных в отношении него родителями или другими лицами, от которых несовершеннолетний находится в материальной или иной зависимости.

С целью выявления насилия, применяемого в семье в отношении несовершеннолетних, считаем необходимым на государственном уровне разработать четкий, последовательный алгоритм действий, подлежащих обязательному выполнению соответствующими службами, учреждениями, организациями:

– создать достаточно простые и понятные всем условия для передачи несовершеннолетними и иными лицами (соседями, врачами, учителями, друзьями и др.) информации о детях, находящихся в сложных семейно-бытовых отношениях, по горячей телефонной линии, работающей круглосуточно и на безвозмездной основе;

– учредить так называемое «независимое подразделение по делам несовершеннолетних», основной задачей которого являлось бы проведение независимого контроля в части принятия мер к лицам, совершившим в отношении несовершеннолетних преступные посягательства, а также лицам, допустившим жестокое обращение с несовершеннолетними в семье.

Таким образом, можно сделать однозначный вывод о том, что механизм защиты несовершеннолетних от преступных посягательств и жестокого обращения в семье является несовершенным. На современном этапе развития общества и государства необходимо принять меры, направленные на совершенствование действующего законодательства Российской Федерации, разработку и реализацию программ социальной защиты и поддержки семей, развитие института самозащиты несовершеннолетних.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.07.2020)

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 07.04.2020) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

3. Рогачев М.А., Пищулин В.И. Проблемы противодействия насильственным преступлениям несовершеннолетних: меры общесоциального характера // Наука и современность. 2015. С. 93 – 97.
4. Жмуров Д.В. Криминальная агрессия несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08. Иркутск, 2009. 162 с.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993) (s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020). Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii: <http://www.pravo.gov.ru> (data obrashcheniya: 15.07.2020)
2. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 07.04.2020). Sobranie zakonodatel'stva RF. 1996. № 25. St. 2954.
3. Rogachev M.A., Pishchulin V.I. Problemy protivodejstviya nasil'stvennym prestupleniyam nesovershennoletnih: mery obshchesocial'nogo haraktera. Nauka i sovremennost'. 2015. S. 93 – 97.
4. Zhmurov D.V. Kriminal'naya agressiya nesovershennoletnih: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. 12.00.08. Irkutsk, 2009. 162 s.

*Didenko K.V., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation named after I.D. Putilin*

MECHANISM FOR PROTECTING MINORS FROM CRIMINAL ATTACKS AND ABUSE IN THE FAMILY

Abstract: when preparing the article, the author sets a goal, which is to conduct a detailed analysis of the mechanism for protecting minors from criminal encroachments and ill-treatment in the family. The author achieved the purpose of the study, namely, a detailed analysis of the mechanism for protecting minors from criminal attacks and ill-treatment in the family was carried out, and an algorithm of actions to be performed by relevant officials was developed in order to identify violence used in the family against minors. To achieve this goal, the author of the article set and solved the following tasks: to list and distinguish the forms of manifestation of domestic violence, to analyze measures aimed at protecting minors from criminal attacks and ill-treatment in the family. The relevance of the research topic lies in the fact that at the present stage of the development of society and the state, violence committed in the family against minors is one of the serious social problems. The degree of scientific elaboration of the problem posed by the author of the article: in various years, the works of such scientists as D.V. Zhmurov, V.I. Pishchulin, M.A. Rogachev, etc. were devoted to the study of issues related to the protection of minors from criminal encroachments and ill-treatment in the family. The object of the study is the social relations that develop in connection with violence against minors in the family, as well as a set of measures aimed at preventing these violent manifestations. The subject of the study is the criminal law norms that establish responsibility for crimes committed in the family against minors. The practical significance of the study is as follows: the introduction of the amendments and additions proposed by the author of the article to the current Criminal Code of the Russian Federation will allow achieving a uniform understanding of criminal law norms, therefore, their effective application in practice will be possible, which will lead to a significant reduction in the number of crimes committed in the family against minors.

Keywords: criminal assault, ill-treatment, family, minors, social norms, socialization of the individual, general social measures, special criminological measures, specialized services

*Зорина Е.А., кандидат юридических наук, доцент,
Медведева А.А., доктор юридических наук, доцент,
Метельков А.Н., кандидат юридических наук, доцент,
Трапезникова М.М., кандидат юридических наук, доцент,
Санкт-Петербургский университет Государственной
противопожарной службы МЧС России*

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ РАБОТОДАТЕЛЯ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВ РАБОТНИКОВ

Аннотация: настоящая статья посвящена исследованию вопросов уголовной ответственности работодателя за нарушение трудовых прав работников в современном российском и зарубежном законодательстве. Как с позиции теории, так и практики эта проблема остается на данный момент недостаточно исследованной. Анализ литературных источников подтверждает поиск новых методов и средств правового регулирования уголовной ответственности работодателя в сфере нарушения трудовых прав. В статье излагаются результаты сравнительно-правового анализа уголовно-правовых запретов, связанных с нарушением трудовых прав работников. Целью исследования является экспериментальная проверка эффективности норм определяющих применение требований к безопасности и охране труда в правоотношениях работников и работодателей. Исходя из поставленной цели, нами были сформулированы следующие задачи: 1) провести исследование особенностей уголовной ответственности работодателя за нарушение прав работников; 2) оценить эффективность норм права в данной сфере общественных правоотношений; 3) обосновать необходимость введения уголовной ответственности работодателя за нарушение прав работников. Для определения эффективности применения норм при регулировании безопасности и охраны труда использовались статистические данные Госкомстата и материалы судебной практики. По итогам проведенного научного исследования сформулированы предложения по оптимизации национальной правовой базы с учетом правоприменительной практики в сфере правового регулирования уголовной ответственности за нарушение трудовых прав.

Ключевые слова: уголовная ответственность, нарушение трудовых прав, безопасность труда, юридические лица

Эффективная защита трудовых прав граждан возможна лишь при наличии должным образом выстроенного уголовного права, включая нормы, регулирующие ответственность юридических лиц. Рассмотрение сложного вопроса уголовной ответственности корпораций за преступления, посягающие на трудовые отношения, в УК РФ продиктовано, прежде всего тем, что в России как стране с переходной экономикой роль и значение юридических лиц в жизнедеятельности общества существенно возросли. Введение института уголовной ответственности позволило бы получить правоохранительным органам необходимый механизм для проникновения их в предпринимательскую деятельность и оказания на нее влияния с целью пресечения преступлений. Принцип охраны труда и обеспечения его безопасности является отражением одной из граней международно-правового принципа уважения прав человека. Проблемная ситуация, связанная с введением такой формы ответственности юридических лиц, рассматривалась в литературе. Красной линией в обсуждениях являлась их безответственность за обладающие большой общественной опасностью правонарушения. Дискуссия продолжается три десятилетия. Сторонниками введения такого вида ответственно-

ности юридических лиц являются такие ученые-криминалисты как: Б.В. Волженкин, А.П. Козлов, С.Г. Келина, М.В. Мельникова, А.В. Наумов, А.С. Никифоров, А.И. Рарог, А.В. Федоров и др., их оппоненты – Н.Ф. Кузнецова, С.Ф. Милкоков, В.Г. Павлов, Н.С. Таганцев, А.К. Савюк, А.В. Шекслер и др. Как справедливо отмечает М.В. Мельникова, введение института мер уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц «позволит юридическим лицам осуществлять непосредственный контроль за должностными лицами организации, причем профилактика преступлений будет являться основной целью таких действий» [1]. Вместе с тем, в процессе становления рыночных отношений законодатель в России проявляет определенную нерешительность, незаинтересованность в установлении уголовной ответственности юридических лиц как самого строго и наиболее эффективного ее вида юридической ответственности. Как показывает анализ научных публикаций и попыток принятия законопроектов, объективные и субъективные условия для включения этой новеллы в уголовный закон еще находятся в стадии формирования и осмысления. Юридические последствия фактического состава дела, связанного с деятельностью юридических лиц, не

всегда определяются одной единственной правовой системой. Следует помнить об утверждении международного частного права, согласно которому правовой статус иностранных юридических лиц определяется их национальным законодательством, исходя из которого российские и иностранные суды должны учитывать и признавать права таких лиц. Поэтому изучение зарубежных доктрин и практик в сфере регулирования уголовной ответственности корпоративных субъектов возможно вообще лишь на основе учений о государстве и праве и сравнительно-правового исследования норм регулирования в рыночных условиях отношений в сфере охраны и безопасности труда.

Правовая система России развивается под влиянием романо-германской и других правовых систем, что вызвано объективными общецивилизационными процессами с учетом исторических, политических, социально-экономических и иных условий и особенностей существования отдельных государств. Трудно разрешимым в решении проблемы уголовной ответственности юридических лиц в современных условиях «является вопрос об уголовно-правовой вине корпораций» [2]. Большая юридическая практика в ряде государств (Англия, Бельгия, Дания, Канада, США, Швейцария, Шотландия) с рыночной экономикой является веским доводом для установления уголовной ответственности корпоративных субъектов. Ведение такого вида ответственности создаст возможность «привлечь виновных корпоративных субъектов к значительным штрафам, что оказывает существенное воздействие на других участников рыночных отношений» [3] и обеспечит более справедливое регулирование отношений в сфере охраны и безопасности труда. Корпоративная уголовная ответственность в зарубежных государствах исследована в работах Г.И. Агафонова, Е.Ю. Антоновой, Б.В. Волженкина, Г.А. Есакова, А.А. Комоско, Н.Е. Крыловой, Н.Ф. Кузнецовой, А.В. Наумова, А.Н. Тарбагаева и др. Обобщение статистики Госкомстата с 2000 г. по 2019 г. показывает увеличение в 1,7 раза продолжительности больничного отпуска у сотрудников, получивших травму на работе. Наибольшее число погибших по причине травматизма из расчета на 1000 работников в 2019 г. отмечается в сфере водного транспорта (11,2 погибших), специализированного строительства (10,7 погибших), на производстве особых видов машин и оборудования (9,8), в химической промышленности (8,9), в сфере добычи металлических руд (7,1). Например, в угледобывающих организациях Кемеровской области, где фиксируются одни из самых высоких показателей смертельного травматизма в России, в 2017 г. произошло

17 случаев из всех 47 случаев производственного травматизма в регионе со смертельным исходом, в 2018 г. – 13 из 37, в 2019 – 16 из 33. Основными причинами травматизма является падение с высоты, воздействие механизмов и предметов, падение предметов на человека, дорожно-транспортные происшествия. Если в зарубежных странах показатель, рассчитываемый как частное от деления общего числа несчастных случаев на количество фактов, связанных со смертельным исходом, находилось в пределах 500-800, то в России этот показатель на порядок ниже и имеет тенденцию к снижению. Если в 1990 г. отношение составляло 51:1, то в 2016 г. «оно составляло лишь 21:1, в 2019 г. – 22:1» [4].

Международной организацией труда (МОТ), на основе практики ведущих экономически развитых стран, разработаны специальные рекомендации, которые преследуют основной своей целью оценку вероятного общего числа пострадавших на производстве в государствах, где такой учет должным образом не налажен, использовать отношение общего количества травм к одному смертельному исходу, равное (500-1000):1. Использование данной характеристики возможно и для России с учетом некоторых изменений и дополнений. При рекомендуемом показателе число пострадавших на производстве возросло бы до 1,0-2,1 млн. по сравнению с 39,9 тыс. официально зарегистрированных. Вследствие сокрытия юридическими лицами несчастных случаев возникают препятствия при формировании объективной информационной базы и принятию обоснованных управленческих решений. В сокрытии производственного травматизма безусловно заинтересованы, в первую очередь, юридические лица, пытающиеся уйти от различных форм ответственности. Анализ показывает, что одним из действенных правовых механизмов повышения роли работодателей в управлении охраной труда и уровня защиты трудовых прав, обеспечения охраны и безопасности труда, может стать введение уголовной ответственности корпоративных субъектов. Авторы полагают, что юридические лица представляют сложную форму реализации общественного сознания в экономической деятельности любого государства. Такая форма коллективного сознания проявляется в совокупных воле и сознании его участников и представителей органов управления. Корпоративные субъекты экономики выполняют главную роль в экономическом развитии страны, а их деятельность связана с наиболее значительными правовыми последствиями при нарушении трудовых прав граждан и безопасности труда. Поэтому они не должны уходить от уголовной ответственности, прикрываясь своими работниками.

В качестве основного аргумента для положительного решения вопроса в российском законодательстве об уголовной ответственности организаций является общественная опасность деяния юридического лица. При этом причиненный ущерб, связанный с деятельностью юридических лиц, очевидно, может явиться достаточно дополнительным весомым доводом в этом вопросе. Как показывает практика такой ущерб по размерам может существенно превышать последствия тех же деяний, совершенных физическими лицами. По мнению оппонентов, это вовсе не означает, что «организация должна быть субъектом преступлений только с материальным составом» [5, с. 101]. Вполне достаточно только потенциальной повышенной общественной опасности совершаемых юридическими лицами деяний. Следовательно, «невозможно признать организацию субъектом использования рабского труда, необоснованного отказа в приеме на работу или необоснованного увольнения беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет, невыплаты заработной платы, пенсий, ...» [5, с. 101]. Оппоненты утверждают, что по степени общественной опасности подобные деяния, совершенные корпоративными субъектами, не отличаются от таких же преступлений физических лиц. Таким образом ответственность организаций за совершение таких преступлений может не устанавливаться. По словам Викинга Хусберга, эксперта субрегионального бюро МОТ, на производстве в России фиксируется «около 120 тыс. несчастных случаев ... в год» [6], что сопоставимо с небольшой Финляндией и подтверждает большие «погрешности измерений и недостоверности данных» [6].

В России уже три десятилетия активно ведутся острые дискуссии среди ученых-юристов и представителей органов власти по вопросу возможности привлечения организаций к уголовной ответственности. Представители Следственного комитета Российской Федерации (СК РФ) полагают, что такой вид юридической ответственности должен наступать и для юридического лица, а не только для физического лица, которое непосредственно совершило преступление в интересах организации. В случае если физическое лицо было уполномочено юридическим лицом в совершении противоправных деяний или использовало для этого возможности корпоративного субъекта, для организации должна быть установлена также уголовная ответственность. Установление в уголовном законе корпоративной ответственности будет стимулировать принятие юридическими лицами по предупреждению их работниками и состоящих с ними в иных отношениях преступлений. К организациям в качестве одной из эффективных мер

воздействия может применяться ликвидация юридического лица, которое было создано специально для совершения или сокрытия преступлений. С заслуживающей внимания правовой позиции СК РФ уголовная ответственность корпоративных субъектов будет способствовать снижению количества техногенных катастроф в сферах авиаперевозок и оказания частных медицинских услуг, в горнодобывающей промышленности. Уголовно-правовая ответственность корпораций имеет многовековую историю от отрицания до ее признания. В процессе обсуждения различных аспектов ее введения рассматривались позиции против ее введения в связи с отсутствием у юридических лиц сознания и воли. Лишить свободы и приговорить к тюремному заключению в качестве наказания юридических лиц также невозможно. Сторонники введения уголовной ответственности обоснованно считают необходимость более взвешенного распределения ответственности с учетом принципов равенства и справедливости.

Постоянно возрастающая роль юридических лиц в экономической и социальной жизни общества требует более справедливой дифференциации ответственности корпораций и их работников. Полезность установления корпоративной уголовной ответственности, по нашему мнению, может создать возможность их ликвидации в судебном порядке. Ключевым вопросом в рассматриваемой проблеме является правосубъектность юридического лица. Проблема корпоративной вины проанализирована в диссертации И.В. Ситковского, которым корпоративные субъекты рассмотрены с позиций «теории олицетворения юридического лица, ...теории сущности юридического лица как целевого имущества, как реального существа, как коллектива людей» [7], а также синтеза теорий сущностей юридического лица. Признаки субъекта правонарушения как физического лица исчезают в случае уголовной ответственности корпоративных субъектов. Следует заметить, что в условиях информационного общества, где информация становится производительной силой понятие субъекта расширяется, приобретает новые непривычные для традиционных правовых институтов формы. В частности, при защите информации от неправомерного доступа в информационных системах применяют термин «субъект доступа (субъект)».

Под субъектом доступа в информационных технологиях рассматривается не только пользователь, но и процесс, действие которого регламентировано правилами, разграничивающими доступ к защищаемой информации. Корпоративная уголовная ответственность, по мнению оппонентов введения такой ответственности, вступает в конфликт

с положением о личной виновной ответственности. Введение в УК РФ таких правовых норм связано с существенными изменениями всей уголовно-правовой системы. Так, Т.Ф. Миняева и А.В. Серебренникова, изучив зарубежный опыт, выделяют в Германии «квазиуголовный» характер ответственности корпораций. Уголовная ответственность юридических лиц устанавливается на основании Закона о нарушениях общественного порядка от 24 мая 1968 г. Учеными-юристами подчеркивается законодательное закрепление в России и Германии норм уголовного права, направленных именно на вину конкретного лица. Такой дееспособностью и вменяемостью юридическое лицо не обладает. Поэтому, по их мнению, не стоит разрушать сложившиеся законодательные подходы в правоприменении. В интересах повышения качественных и количественных показателей борьбы с преступностью достаточным будет совершенствование законодательства. Учеными высказывается мнение о нецелесообразности «установления уголовной ответственности юридических лиц в России и в Германии» [8]. А.В. Шеслер полагает, что положительное решение вопроса введения такой ответственности «позволит уйти от такого вида ответственности руководителям предприятий, которые своими конкретными решениями наносят преступный вред, представляемый как результат деятельности юридического лица в целом» [9]. Корпоративная уголовная ответственность не коррелирует со смежными и иными уголовно-правовыми институтами, направленными на личную ответственность физических лиц. В целом он считает, что «подход, при котором юридические лица несут гражданско-правовую или административную ответственность за ведение вредоносной деятельности, а физические лица, представители этих организаций, несут уголовную ответственность за принятие уголовно наказуемых решений, наиболее оптимален» [9]. Трудности могут возникнуть при подготовке судом решений в отношении уголовной ответственности крупных государственных корпораций и компаний, частных публичных акционерных обществ без консультаций и одобрения правительства и экономистов. Главные доводы оппонентов учеными-юристами обобщены и предложены пути разрешения стоящих перед обществом на настоящем этапе его развития проблем посредством внесения изменений «в гражданское и административное законодательства» [10]. Среди обстоятельств, затрудняющих установление корпоративной уголовной ответственности считается отсутствие целостных теоретических представлений, которые бы доказывали и объясняли необходимость ее установления. В фундаментальных представлениях о субъекте пре-

ступления, по мнению ряда ученых, лежит одушевление абстрактной правовой модели – юридического лица. Многие юристы разделяют мнение о том, что корпоративные субъекты могут и являются орудием преступления. Однако считать их субъектом уголовной ответственности они не решаются. В теории отождествления некорректно с научной точки зрения приравнять вину искусственно сконструированной людьми идеальной конструкции – юридического лица с виной конкретного человека – физического лица. Вину юридического лица лишь весьма условно можно отождествить с виной физического лица. Юридическое лицо не осуществлено, оно не обладает сознанием. Авторы, полагают, что в России экономические и социально-политические предпосылки еще недостаточно созрели для введения института корпоративной уголовной ответственности в связи неполным развитием рыночных механизмов и определенного недоверия у бизнеса и части общества в целом правоохранительной системе. Общество и экономические круги частного бизнеса опасаются вооружения правоприменителей острым правовым инструментом в целях влияния на бизнес. Представляющие общественную опасность угрозу обществу явления требуют эффективных механизмов борьбы с ними с учетом международного опыта не только гражданско-правовыми, но уголовными средствами. Следует отметить, что некоторые осторожные шаги уже в этом направлении сделаны. Например, в примечании к статье 201 УК РФ, которое введено 25 декабря 2008 г., предусмотрена уголовная ответственность за злоупотребление полномочиями лица, выполняющего управленческие функции (организационно-распорядительные, административно-хозяйственные, единоличного исполнительного органа, члена совета директоров, члена иного коллегиального исполнительного органа).

Проблема корпоративной уголовной ответственности весьма актуальна, потому что юридические лица уходят от ответственности за вред, серьезно причиняемый жизни и здоровью людей, экологии и во многих других сферах. В международных соглашениях за правонарушения предусматривается вариативность ответственности корпораций, включая уголовную ответственность. Апробированная многими странами практика применения международных соглашений и их системного толкования предъявляет к участникам таких соглашений требования о необходимости введения корпоративной ответственности.

Последовательно линию на введение уголовной корпоративных субъектов проводит СК РФ и близкие к нему научные круги. В 2011 г. Председателем СК РФ в Госдуме РФ для апробации было

направлено предложение о введении такого вида ответственности организаций в российское уголовное законодательство, которое было представлено в форме законопроекта. Повышенное внимание СК РФ к уголовной ответственности корпораций объясняется пассивностью государства в борьбе с остающейся безнаказанной общественно опасной деятельностью отдельных юридических лиц при низкой эффективности правовых мер противодействия. Авторы законопроекта придерживаются мнения, что в России юристы не должны снижать интереса к изучению различных аспектов корпоративной уголовной ответственности и углубления понимания протекающих социально-экономических процессов с целью выработки адекватных средств юридического воздействия. Исследователи убеждены в том, что по мере укрепления экономики, ухода из нее криминальных элементов законодатель в среднесрочной перспективе поддержит добросовестных субъектов экономической деятельности, создавая для всех участников экономической деятельности более справедливые условия ведения бизнеса. Одним из таких условий может явиться введение в России института корпоративной уголовной ответственности. При обосновании своей позиции авторы исходят из введенного в научный оборот утверждения о том, что «уголовной ответственности подлежат организации, обладающие признаками юридического лица, предусмотренными гражданским законодательством и зарегистрированные в установленном порядке» [7], кроме государственных органов, органов местного самоуправления, а также организаций, осуществляющих отдельные полномочия государства.

Вопрос введения рассматриваемого правового института в России в юридической литературе обсуждается на протяжении почти трех десятилетий. В целом все точки зрения можно условно отобразить в виде трех моделей. Рассмотрение юридического лица одновременно с физическим лицом в качестве субъекта преступления представляет собой модель так называемой классической уголовной ответственности. Содержание другой модели состоит в возможности привлечения юридического лица к мерам уголовной ответственности в случае его причастности к преступлению, даже если субъектом преступления формально является только физическое лицо. Привлечение юридического лица, причастного к преступлению к административной ответственности, является содержанием третьей модели.

В развитых странах правовой институт уголовной ответственности корпораций устоялся в юридической практике. Среди стран общего права показательным примером внедрения такого правового

института являются Англия, а из континентального права – Франция. Вместе с тем, подвергается критике модель «строгой» ответственности, лежащая в основе уголовной ответственности корпораций в странах с англосаксонской системой права. Виновность юридических лиц в такой модели во внимание не принимается, а «субсидиарная ответственность несправедлива, является плохой государственной политикой и должна быть отменена» [11] для корпораций и их руководителей. Рассмотрение отдельных аспектов истории, основных предпосылок и причин введения уголовной ответственности корпораций в развитых странах позволяет глубже понять необходимость правовых преобразований в данном вопросе в России, что и предопределяет актуальность указанной темы исследования и необходимость выбора путей внедрения корпоративной ответственности в систему российского уголовного права.

Законопроект об уголовной ответственности юридических лиц в 2011 г. был инициирован СК РФ. Его основные идеи рассматривались в НИУ-ВШЭ. Рядом специалистов были высказаны по этому поводу критические замечания, касающиеся непосредственно угрозы объективного вменения без вины в традиционном ее понимании, опасности проникновения государства с использованием методов оперативно-розыскной деятельности в органы управления предприятий различной организационно-правовой формы, а также признания в уголовном процессе недействительности гражданско-правовых сделок, ответственности коллегиального органа и др. Анализ норм правовых систем развитых государств позволяет наметить определенные пути развития уголовной правовой науки в России в направлении введения корпоративной уголовной ответственности. В уголовных нормах целого ряда (Австралия, Великобритания, Испания, Канада, Китай, Нидерланды, США, Финляндия, Франция и др.) стран допускается уголовная ответственность для юридических лиц. Однако правовая позиция зарубежных законодателей весьма существенно отличается от уголовного закона России. Вместе с тем зарубежные уголовные кодексы не исключают и персональную ответственность для непосредственных виновных исполнителей и других причастных к противоправным деяниям лиц. Положения ст. 318 УК Испании, согласно нормам которой «юридическое лицо может выступать субъектом рассматриваемого преступления, но при этом уголовное наказание назначается руководителям или иным сотрудникам, виновным в его совершении» [12], могут служить одним из характерных примеров. Предлагается дополнить статью 143 УК РФ положением об ответственности юридических лиц за

причиненный существенный вред охраняемым законодательством интересам гражданина, общества и государства.

Следует подчеркнуть, что законодательство также предусматривает наказание за необоснованный отказ в приеме на работу или увольнение беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет (ст. 145 УК РФ), а также за невыплату заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат (ст. 145.1 УК РФ).

Всего за восемь месяцев 2020 г. были восстановлены трудовые права более 580 тысяч работников. Например, в 2020 г. работодатель допустил задолженность по заработной плате за полгода перед 52 работниками ООО «Южно-Уральская буровая компания» в Оренбургской области, 208 работниками АО «172 центральный автомобильный ремонтный завод» в Воронежской области, за 4 месяца – перед 54 работниками ООО «Бемхолдинг» в Республике Адыгея, 55 работниками муниципального предприятия «АДС городского хозяйства» и работниками ОАО «Боринское» в Липецкой области, 95 работниками ООО «УК «Энергострой»» в Тюменской области, 103 работниками АО «Улану-удэнский авиаремонтный завод», 192 работниками ОАО «Курорт «Озеро Шира»» в Республике Хакасия, 423 работниками АО «Русавиаинтер» в Воронежской области. Работодатель допустил задолженность по заработной плате также перед 219 работниками АО «Научно-исследовательский институт полимерных материалов», 200 работникам ПАО «Трест №14» в Пермском крае, более 1300 работникам ОАО «Специализированное управление №2» в Московской области, перед 1760 работниками ООО «СтройТрансГаз-Восток» в Приморском крае. В приведенных и многих других случаях инспекторами виновные должностные лица были привлечены к незначительным административным штрафам.

Трудовым кодексом России предусмотрен регулярный порядок выплаты заработной платы. За задержку заработной платы предусмотрена административная, материальная и уголовная ответственность. По требованию работника (ст. ст. 236, 237 ТК РФ) работодатель обязан уплатить проценты и компенсировать моральный вред за задержку выплаты заработной платы. В случае задержки выплаты заработной платы работник правомочен подать иск в суд, а также обратиться в органы прокуратуры, государственную инспекцию труда. Административное наказание в этом случае не зависит от количества дней просрочки и предусматривает штраф. Величина штрафа находится в пределах от 30 тыс. до 50 тыс. руб. За несвоевременную выплату заработной платы для руководства компании штрафные санкции составляют от 10 до 20 тысяч руб.,

при повторном нарушении – от 20 до 30 тыс. руб. Штраф с компании может составить от 50 до 100 тыс. руб. Незначительные по размерам штрафы по сравнению с величиной задерживаемой месячными зарплатами финансово выгодны юридическим лицам. Поэтому такие штрафы не останавливают юридические лица и их руководителей от невыплат зарплат или выплат «серых» зарплат.

Таким образом, среди российских юристов и в органах власти существуют различные подходы по вопросу корпоративной уголовной ответственности. В этих подходах отражается объективно существующий дисбаланс общественных интересов и корпораций. Ведущая уже не одно десятилетие не всегда плодотворная дискуссия затягивает процесс внедрения данного вида ответственности в УК РФ. Авторы разделяют позицию юристов и других специалистов, которые видят перспективу формирования с учетом зарубежного опыта политических, экономических и социальных условий для введения в российское уголовное законодательство правовых норм об ответственности юридических лиц. На основе анализа позиций сторон авторами в данной работе обосновывается вывод: для современной экономики, в которой должны обеспечиваться права человека, необходимо наличие реальных механизмов ограничения экономической власти корпоративных субъектов. Одним из таких проверенных мировой практикой механизмов является введение корпоративной уголовной ответственности. В основе современных представлений об охране труда должны лежать общепринятые в международном праве походы, направленные на обеспечение трудовых прав личности с недопустимостью ограничения гражданских прав человека на жизнь и здоровье, равенство и достоинство, личную неприкосновенность, на свободу. Отечественное законодательство в этой части по структуре и содержанию самой нормы отличается от законодательств зарубежных стран. Уяснение содержания разрешения проблемы охраны труда в ряде развитых стран путем уголовно-правовых норм направлено на предупреждение травматизма на производстве. Осмысление возможных опасных для работников последствий травматизма на производстве руководителями хозяйствующих субъектов, а также управленческим персоналом предприятий, в первую очередь, тем, в должностные регламенты которых входит обеспечение охраны и безопасности труда, безусловно оказывает профилактическое воздействие на охрану и безопасность труда. Снижение травматизма и уровня смертности на производстве, по нашему мнению, основанному на анализе отечественной практики и норм зарубежного законодательства, возможно достичь путем введения уголовной от-

ветственности за умышленное поставление работника в опасные для его жизни и здоровья условия трудовой деятельности, а также позволит сформировать обстановку нетерпимости к попуститель-

ству и халатности в сфере охраны труда, исключению угроз жизни и здоровью работников в получении прибыли любой ценой.

Литература

1. Мельникова М.В. Уголовная ответственность для юридических лиц: теория и практика. 2011. URL:<https://online.zakon.kz/Lawyer> (дата обращения: 16.03.2021)
2. Наумов А.В. Избранные труды. О реформе Уголовного кодекса Российской Федерации (публикации 2009-2019 гг.) / сост. Е.Н. Карбанова, И.А. Стаценко; вст. ст. О.С. Капинус; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. М., 2019. 384 с.
3. Федоров А.В. Уголовная ответственность юридических лиц за коррупционные преступления. IX Ежегодные научные чтения памяти профессора С.Н. Братуся // Журнал российского права. 2015. № 1. С. 56.
4. Розенфельд Е.А. Проблемы статистического учета несчастных случаев на производстве в России // Безопасность и охрана труда. 2020. № 3. С. 36 – 41.
5. Минин Р.В. Формирование перечня преступлений, совершаемых юридическими лицами // Lex Russica. 2016. № 10. С. 97 – 104.
6. Хусберг В. В России просто не регистрируются все несчастные случаи // Business Guide (Охрана труда). Приложение № 207 от 07.11.2006. С. 29.
7. Ситковский И.В. Уголовная ответственность юридических лиц: автореф. дис... канд. юрид. наук. Москва. 2003. 30 с.
8. Миняева Т.Ф., Серебренникова А.В. Уголовная ответственность юридических лиц в России и Германии: к постановке проблемы // Lex Russica. 2017. № 2. С. 147 – 154.
9. Шеслер А.В. Проблемы установления уголовной ответственности юридических лиц в российском уголовном законодательстве // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 2. С. 361 – 369. DOI: 10.17150/2500-4255
10. Богданов Е.В., Богданов Д.Е., Богданова Е.Е. Проблема введения уголовной ответственности юридических лиц: аргументы против // Всероссийский криминологический журнал. 2017. № 2. С. 370 – 379.
11. Greenberg J.D., Brotman E.C. Strict vicarious criminal liability for corporations and corporate executives: stretching the boundaries of criminalization // American criminal law review. 2014. № 51 (1). P. 79 – 98.
12. Ходусов А.А. Нарушение требований охраны труда в действующем законодательстве России и зарубежных стран // Безопасность бизнеса. 2016. № 2. С. 15 – 18.

References

1. Mel'nikova M.V. Ugolovnaya otvetstvennost' dlya yuridicheskikh lic: teoriya i praktika. 2011. URL:<https://online.zakon.kz/Lawyer> (data obrashcheniya: 16.03.2021)
2. Naumov A.V. Izbrannye trudy. O reforme Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii (publikacii 2009-2019 gg.). sost. E.N. Karabanova, I.A. Stacenko; vst. st. O.S. Kapinus; Un-t prokuratury Ros. Federacii. M., 2019. 384 s.
3. Fedorov A.V. Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lic za korrupcionnye prestupleniya. IX Ezhegodnye nauchnye chteniya pamyati professora S.N. Bratusya. ZHurnal rossijskogo prava. 2015. № 1. С. 56.
4. Rozenfel'd E.A. Problemy statisticheskogo ucheta neschastnyh sluchaev na proizvodstve v Rossii. Bezopasnost' i ohrana truda. 2020. № 3. S. 36 – 41.
5. Minin R.V. Formirovanie perechnya prestuplenij, sovershaemyh yuridicheskimi licami. Lex Russica. 2016. № 10. S. 97 – 104.
6. Husberg V. V Rossii prosto ne registriruyutsya vse neschastnye sluchai. Business Guide (Ohrana truda). Prilozhenie № 207 ot 07.11.2006. S. 29.
7. Sitkovskij I.V. Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lic: avtoref. dis... kand. yurid. nauk. Moskva. 2003. 30 s.
8. Minyazeva T.F., Serebrennikova A.V. Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lic v Rossii i Germanii: k postanovke problem. Lex Russica. 2017. № 2. S. 147 – 154.
9. SHesler A.V. Problemy ustanovleniya ugolovnoj otvetstvennosti yuridicheskikh lic v rossijskom ugolovnom zakonodatel'stve. Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2017. T. 11. № 2. S. 361 – 369. DOI: 10.17150/2500-4255
10. Bogdanov E.V., Bogdanov D.E., Bogdanova E.E. Problema vvedeniya ugolovnoj otvetstvennosti yuridicheskikh lic: argumenty protiv. Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2017. № 2. S. 370 – 379.

11. Greenberg J.D., Brotman E.C. Strict vicarious criminal liability for corporations and corporate executives: stretching the boundaries of criminalization. *American criminal law review*. 2014. № 51 (1). R. 79 – 98.

12. Hodusov A.A. Narushenie trebovanij ohrany truda v dejstvuyushchem zakonodatel'stve Rossii i zarubezhnyh stran. *Bezopasnost' biznesa*. 2016. № 2. S. 15 – 18.

*Zorina E.A., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Medvedeva A.A., Doctor of Juridical Sciences (Advanced Doctor), Associate Professor,
Metelkov A.N., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Trapeznikova M.M., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
St. Petersburg University of the State
Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia*

CRIMINAL RESPONSIBILITY OF THE EMPLOYER FOR VIOLATION OF THE RIGHTS OF EMPLOYEES

Abstract: this article is devoted to the study of the issues of the employer's criminal liability for violation of the labor rights of workers in modern Russian and foreign legislation. Both from the standpoint of theory and practice, this problem remains insufficiently studied at the moment. Analysis of literary sources confirms the search for new methods and means of legal regulation of the employer's criminal liability in the field of violation of labor rights. The article presents the results of a comparative legal analysis of criminal-legal prohibitions associated with violation of labor rights of workers. Some provisions of the Criminal Codes of foreign countries are considered. The purpose of the study is to experimentally test the effectiveness of the norms that determine the application of requirements for labor safety and health in legal relations between employees and employers. Based on this goal, we formulated the following tasks: 1) conduct a study of the features of the employer's criminal liability for violating the rights of employees; 2) evaluate the effectiveness of the rule of law in this area of public legal relations; 3) substantiate the need to introduce criminal liability of the employer for violation of the rights of employees. To determine the effectiveness of the application of standards in the regulation of safety and labor protection, statistical data from the State Statistics Committee and materials of judicial practice were used. Based on the results of the research, proposals were formulated to optimize the national legal framework, taking into account the law enforcement practice in the field of legal regulation of criminal liability for violation of labor rights.

Keywords: criminal liability, violation of labor rights, labor safety, legal entities

*Гатауллин З.Ш., кандидат юридических наук, доцент,
Елабужский институт (филиал) Казанского
(Приволжского) федерального университета*

УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Аннотация: статистические данные, полученные из официальных источников, материалы следственной и судебной практики свидетельствуют о сохранении тенденции роста преступлений террористической направленности. В это число входят и количество преступлений совершенных несовершеннолетними, либо с их участием, совершившие или принявшие соучастие в совершении преступлений террористической направленности.

Научных работ посвященных проблемным аспектам правового регулирования уголовного преследования несовершеннолетних совершивших преступлений имеется значительное количество, исследований охватывающих особенностей уголовного преследования несовершеннолетних совершивших преступлений террористической направленности сравнительно мало.

Автором данной статьи изучены научные труды по исследуемой проблематике, проведен анализ зарубежного и отечественного уголовно-процессуального законодательства, исследованы материалы следственной и судебной практики.

Относительно гуманизации уголовного судопроизводства по делам о несовершеннолетних высказана отличающаяся от других позиция автора статьи направленная на усиление ответственности несовершеннолетних совершивших преступления террористической направленности.

С учетом того, что несовершеннолетними преступления террористической направленности, как правило, совершаются в соучастии, автором обоснована необходимость правового регулирования возможности заключения досудебного соглашения о сотрудничестве несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым).

На основе проведенного исследования внесены конкретные предложения о необходимости внесения изменений в действующий уголовно-процессуальный закон и правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: преступление, несовершеннолетний, уголовное преследование, уголовное дело, террористический акт, суд

В условиях сохранения сложной оперативной обстановки в Российской Федерации в целом и отдельных её регионах в частности, при одновременном снижении раскрываемости данного вида преступлений (в 2019 г. раскрываемость преступлений террористической направленности составила 47%, в 2020 г. наблюдается снижение до 39%) наблюдается динамика роста преступлений террористической направленности [1, с. 235-238].

Для сравнения, если в 2019 г. было зарегистрировано – 1806 преступлений террористической направленности, то в 2020 г. количество подобных преступлений выросло до - 2342 преступлений. В это количество входят и преступления террористической направленности совершенные несовершеннолетними или с их участием.

Коренные преобразования в российском обществе связанные с изменением курса общественно-экономической формации в 90-е годы, проводимые в стране реформы в политической, экономической, социальной и идеологической сферах не могли не повлиять, на преступность с участием несовершеннолетних.

Казалось бы, официальные статистические данные свидетельствуют о заметном снижении преступности с участием несовершеннолетних.

Так, если в 2016 г. с участием несовершеннолетних было совершено 48 тыс. 589 преступлений (4,8% от общего количества преступлений), то в 2020 г. подобных преступлений совершено 33 тыс. 575 преступлений (3,9% от общего количества преступлений) [8].

Количественные показатели по видам наказаний также показывают динамику на снижение. Так, если в 2016 г. количество осужденных приговором суда к лишению свободы было 3 тыс. 991 несовершеннолетний (из них 1 тыс. 745 несовершеннолетних женского пола), освобождены от наказания и направлены в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа – 402 несовершеннолетних. В 2020 г. количество осужденных приговором суда к лишению свободы снизилось до - 994 несовершеннолетних (из них несовершеннолетних женского пола стало - 519), освобождены от наказания и направлены в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа - 110 несовершеннолетних [9].

Несмотря на сохранение тенденции на снижение статистических показателей уровня преступности с участием несовершеннолетних, ситуация с подростковой преступностью безусловно, не мо-

жет не тревожить современное российское общество [2, с. 39-41].

Исследований посвященных проблемам уголовного судопроизводства с участием несовершеннолетних имеется достаточное количество [3], однако научных трудов затрагивающих различные аспекты уголовного преследования несовершеннолетних именно по делам о преступлениях террористической направленности крайне мало.

В уголовно-процессуальной науке С.Ю. Соломина [11] и ряд других авторов указывают на необходимости строго соблюдения международно-правовых норм права в отношении несовершеннолетних, в частности положений Пекинских правил [6], которые рекомендуют не лишать их свободы, ограничиться применением принудительных мер воспитательного воздействия.

Безусловно, уголовно-правовая политика современного российского государства направлена гуманизации правосудия в отношении несовершеннолетних. По сути, Пекинские правила носят не императивный, а дискреционный характер, значит это не обязанность, для правоприменителя является его правом, тем не менее, суды достаточно часто освобождают от уголовного наказания несовершеннолетних подсудимых, выносят итоговые решения о направлении их в специальные учебно-воспитательные учреждения. Так, в 2017 г. таких решений было принято в отношении – 384 несовершеннолетних, в 2018 г. в отношении – 365 несовершеннолетних, в 2019 г. в отношении – 296 несовершеннолетних [9].

Однако в отношении несовершеннолетних совершивших преступления террористической направленности освобождение от уголовного наказания последующем помещением в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа не может применяться (ч. 5 ст. 92 УК РФ).

Следует признать возможность, более того, в отдельных случаях и необходимость принудительных мер воспитательного воздействия, как меру восстановительного правосудия в отношении лиц, не достигших возраста уголовной ответственности установленная законодателем верная. По уголовным делам несовершеннолетних совершивших преступления террористической направленности учитывая тяжкий характер подобных преступлений, в итоговом судебном решении должно быть, зафиксировано не освобождение, а реальное предусмотренное законом наказание.

Именно с этих позиций исходил Краснодарский краевой суд 3 марта 2003 года в отношении несовершеннолетнего «У» обвиняемого в совершении преступления по ст. 205 ч. 2 п. п. "а", "б" УК РФ приговорившего его к 12 годам лишения свободы [4].

Проведенный анализ материалов следственной и судебной практики свидетельствует, большая часть уголовных дел с участием несовершеннолетних рассматриваются судом в общем порядке. Однако законодатель предоставил возможность расследования и судебного рассмотрения ускоренного (упрощенного) по-иному в особом порядке принятия судебного решения, для этого требуется получение обязательства подозреваемого (обвиняемого) содействовать следствию в раскрытии и расследовании преступления, которое начинается с момента заключения досудебного соглашения с прокурором о сотрудничестве.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство не указывает, какие субъекты обладают таким правом, какие лишены такого права. Отсюда следует делать вывод, несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым) должно быть разрешено, пользоваться правом заключения досудебного соглашения с прокурором о сотрудничестве.

Более того, в положениях устанавливающие порядок заявления ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (ч. 1 ст. 317.1 УПК РФ) указано на возможность приглашения защитника законным представителем подозреваемого (обвиняемого). Законные представители могут быть именно у несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого (п. 12 ст. 5 УПК РФ).

Отсутствие четкого указания в законе такого права стало предметом рассмотрения в Пленуме Верховного Суда РФ от 28.06.2012 N 16, который в своем постановлении указал на невозможность заключения досудебного соглашения о сотрудничестве несовершеннолетним, подозреваемым или обвиняемым (п. 4) [10].

Отсутствие четкой позиции законодателя по данному вопросу вызвало острую дискуссию среди процессуалистов, одни авторы выступают на необходимости правового регулирования заключения досудебного соглашения о сотрудничестве несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым) и такой шаг законодателя оценивали бы положительно [5, с. 25-31] другие к таким возможным новеллам законодателя относятся отрицательно [7, с. 42-46].

Изучение законодательства других государств по данному вопросу показывает, имеются примеры, конкретного подхода законодателя к возможности заключения досудебного соглашения о сотрудничестве несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым), в том числе, в отношении несовершеннолетних совершивших преступления террористической направленности. Например, в УПК Республики Казахстан, право несовершенно-

летнего на заключения досудебного соглашения о сотрудничестве определено конкретно (п. 2 ч. 1 ст. 612 УПК РК) [12].

Одной из возможных причин отсутствия прямого указания отечественным законодателем возможности заключения досудебного соглашения о сотрудничестве несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым), в том числе, в отношении несовершеннолетнего совершившего преступления террористической направленности, заключается в наличии проблем обеспечения его безопасности.

Казалось бы, правовая основа обеспечения безопасности подозреваемого (обвиняемого), который сотрудничал со следствием, оказал помощь в расследовании и раскрытии преступления имеется (ч. 2 ст. 317.9 УПК РФ), поэтому лицо уверенно рассчитывает на то, что его одного со своими проблемами в беде не оставят. Однако, как показывает практика, «после того как лицо осуждено к реальному сроку лишения свободы, о нем забывают» [13]. Не исключается игнорирование своих прямых обязанностей со стороны соответствующих органов и должностных лиц. Следовательно, механизм исполнения положений закона направленные на обеспечение защиты лица оказывающего (оказавшего) содействие органам следствия нуждается в совершенствовании.

Таким образом, проведенное исследование вызывает делать следующие выводы:

1. Значительная часть преступлений террористической направленности с участием несовершеннолетних совершаются в групповом составе. Правовое регулирование заключения досудебного соглашения о сотрудничестве несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым) под гарантии смягчения наказания стимулировало бы его оказать помощь следствию выявить иных соучастников, установить роли каждого из них.

2. По аналогии с зарубежным уголовно-процессуальным законодательством предлагаем прописать в УПК РФ возможность заключения досудебного соглашения о сотрудничестве несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым).

3. Отсутствие полноценного обеспечения безопасности не только несовершеннолетних, но и совершеннолетних лиц оказывающих (оказавших) содействие в раскрытии и расследовании преступлений, свидетельствует о наличии проблемы в правоприменительной деятельности, требующего незамедлительного разрешения в интересах совершенствования уголовного преследования, прежде всего, лиц совершивших преступления террористической направленности.

Литература

1. Гатауллин З.Ш., Епихин А.Ю. Принуждение в производстве по уголовным делам о преступлениях террористической направленности // Современный ученый. 2021. № 1. С. 235 – 238.
2. Гатауллин З.Ш., Гатауллина М.И. Участие педагога (психолога) при допросе несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых) в совершении террористических преступлений // Юридические и социально-педагогические аспекты профилактики правонарушений несовершеннолетних и молодежи: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции (г. Елабуга, 17 апреля 2015 г.). Елабуга: изд-во ЕИ КФУ, 2015. С. 39 – 41.
3. Ерофеева В.А. Присмотр за несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2018. 25 с.; Надеяева Т.В. Особенности процессуальной формы отправления правосудия по уголовным делам с участием несовершеннолетних в суде первой инстанции: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. 187 с.
4. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 6 мая 2003 г. Дело N 18КПО03-40. <http://www.consultant.ru>.
5. Кувалдина Ю.В. Отдельные элементы ювенальной юстиции уже сейчас могут быть внедрены в уголовное судопроизводство по делам в отношении несовершеннолетних // Мировой судья. 2014. № 1. С. 25 – 31.
6. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) (Приняты 29.11.1985 Резолюцией 40/33 на 96-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН). <http://www.consultant.ru>
7. Новиков С.А. Досудебное соглашение о сотрудничестве: разъяснения получены, но проблемы остались // Российский судья. 2013. № 2. С. 42 – 46.
8. Официальный сайт МВД России <https://мвд.рф/reports/item/22678184/>
9. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации <http://www.cdep.ru>

10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 N 16 "О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве". <http://www.consultant.ru>

11. Солонина С.Ю. Дискреционные основания прекращения уголовного преследования в отношении несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2015. 22 с.

12. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 02.01.2021 г.). https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852&doc_id2=31575852#pos=689;-116&pos2=7538;-98.

13. Эдилова П.В. Заключение досудебного соглашения о сотрудничестве с несовершеннолетними // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 5 (55): в 2-х ч. Ч. II. С. 215 – 217.

References

1. Gataullin Z.SH., Epihin A.YU. Prinuzhdenie v proizvodstve po ugovolnym delam o prestupleniyah terroristicheskoy napravlenosti. *Sovremennyy uchenyj*. 2021. № 1. S. 235 – 238.

2. Gataullin Z.SH., Gataullina M.I. Uchastie pedagoga (psihologa) pri doprose nesovershennoletnih podozrevaemyh (obvinyaemyh) v sovershenii terroristicheskikh prestuplenij. *Yuridicheskie i social'no-pedagogicheskie aspekty profilaktiki pravonarushenij nesovershennoletnih i molodezhi: Materialy II Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (g. Elabuga, 17 aprelya 2015 g.). Elabuga: izd-vo EI KFU, 2015. S. 39 – 41.

3. Erofeeva V.A. Prismotr za nesovershennoletnim podozrevaемым, obvinyaемым v ugovolnom sudoproizvodstve: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Moskva, 2018. 25 s.; Nadelyaeva T.V. Osobennosti processual'noj formy otpravleniya pravosudiya po ugovolnym delam s uchastiem nesovershennoletnih v sude pervoj instancii: dis. ... kand. jurid. nauk. Ekaterinburg, 2018. 187 s.

4. Kassacionnoe opredelenie Verhovnogo Suda RF ot 6 maya 2003 g. Delo N 18KPOO3-40. <http://www.consultant.ru>.

5. Kuvaldina YU.V. Otdel'nye elementy yuvenal'noj yusticii uzhe sejchas mogut byt' vnedreny v ugovolnoe sudoproizvodstvo po delam v otnoshenii nesovershennoletnih. *Mirovoj sud'ya*. 2014. № 1. S. 25 – 31.

6. Minimal'nye standartnye pravila Organizacii Ob'edinennyh Nacij, kasayushchiesya otpravleniya pravosudiya v otnoshenii nesovershennoletnih (Pekinskie pravila) (Prinyaty 29.11.1985 Rezolyuciej 40/33 na 96-om plenarnom zasedanii General'noj Assamblei OON). <http://www.consultant.ru>

7. Novikov S.A. Dosudebnoe soglasenie o sotrudnichestve: raz'yasneniya polucheny, no problemy ostalis'. *Rossijskij sud'ya*. 2013. № 2. S. 42 – 46.

8. Oficial'nyj sajt MVD Rossii <https://mvd.rf/reports/item/22678184/>

9. Oficial'nyj sajt Sudebnogo departamenta pri Verhovnom Sude Rossijskoj Federacii. <http://www.cdep.ru>

10. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 28.06.2012 N 16 "O praktike primeneniya sudami osobogo poryadka sudebnogo razbiratel'stva ugovolnyh del pri zaklyuchenii dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve". <http://www.consultant.ru>

11. Solonina S.YU. Diskreционные основания прекращениа уголовного преследованиа в otnoshenii nesovershennoletnih: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Voronezh, 2015. 22 s.

12. Uголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 iyulya 2014 goda № 231-V (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 02.01.2021 g.). https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852&doc_id2=31575852#pos=689;-116&pos2=7538;-98.

13. Edilova P.V. Zaklyuchenie dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve s nesovershennoletnimi. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota, 2015. № 5 (55): v 2-h ch. CH. II. С. 215 – 217.

*Gataullin Z.Sh., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Yelabuga Institute (branch) of Kazan (Volga region) Federal University*

CRIMINAL PROSECUTION OF MINORS IN CASES OF TERRORIST CRIMES

Abstract: statistical data obtained from official sources, materials of investigative and judicial practice indicate that the trend of increasing terrorist crimes continues. This number also includes the number of crimes committed by minors, or with their participation, who have committed or accepted complicity in the commission of terrorist crimes.

There are a considerable number of scientific papers devoted to the problematic aspects of the legal regulation of the criminal prosecution of minors who have committed crimes, while there are relatively few studies covering the specifics of the criminal prosecution of minors who have committed terrorist crimes.

The author of this article studied scientific works on the subject under study, analyzed foreign and domestic criminal procedure legislation, and studied the materials of investigative and judicial practice.

Regarding the humanization of criminal proceedings in cases of minors, the author of the article expressed a different position from the others, aimed at strengthening the responsibility of minors who have committed crimes of a terrorist nature.

Taking into account the fact that terrorist crimes are usually committed by minors in complicity, the author justifies the need for legal regulation of the possibility of concluding a pre-trial agreement on cooperation by a minor suspect (accused).

On the basis of the conducted research, specific proposals were made on the need to amend the current criminal procedure law and law enforcement activities.

Keywords: crime, minor, criminal prosecution, criminal case, terrorist act, court

*Литвяк О.В., кандидат филологических наук, доцент,
Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова*

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА ПСИХОПАТА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ПОСРЕДСТВОМ МОДУЛЯЦИИ ВЫСКАЗЫВАНИЙ

Аннотация: в предлагаемой научной статье теоретически обосновывается и анализируется образ психопата в англоязычном кинематографическом дискурсе на основе киноматериала художественного сериала «Декстер». В статье подробно освещаются психологические компоненты и критерии личности психопата, а также выделены важные признаки, *определяющие* «синдром психопатии» у главного героя. Теоретическая часть статьи включает исследование, в котором раскрывается использование приёма модуляции высказываний при переводе с английского языка на русский язык, и как данный переводческий приём влияет на понимание, восприятие и интерпретацию образа героя зрителем. Раскрыто и теоретически обосновано такое языковое понятие как «модуляция». Эмпирическая часть статьи строится на анализе личности психопата по имени Декстер, главного героя одноименного сериала. В качестве примера описания образа психопата («гения убийства») в эмпирической части статьи используется метод цитирования.

Ключевые слова: психопат, репрезентация, психологический аспект, личность, модуляция высказываний, кинематографический дискурс

Постановка проблемы

В предлагаемой научной статье раскрывается проблема воздействия переводческого приёма «модуляция высказываний» на восприятие героев зарубежных кинофильмов и киносериалов самим зрителем или реципиентом. Проблема реализации языковых средств в кинематографическом дискурсе является актуальной в современной лингвистике. Фильмы оказывают воздействие, влияют на человека через ощущения непосредственно (звуками и ритмами) и символически (образами, ассоциациями и т.п.) [2, с. 144]. В данном кинематографическом дискурсе с помощью лингвистического измерения рассмотрим англо-культурную репрезентацию образа психопата в художественном сериале «Декстер». Лингвистическое измерение дискурса основывается на анализе языковых средств – структур (слова, высказывания), процессов (метафоризация) и правил (грамматика) [2]. Механизмы, техники и приёмы перевода оказывают непосредственное влияние на эмоции, восприятие, реакцию, эстетический вкус, переоценку ценностей зрителя [3]. С использованием приема «модуляции высказываний» (смысловое развитие), мы произведем анализ личности психопата и выясним каким предстает герой перед зрителями, а также исследуем личностные характеристики психопата Декстера.

Анализ литературы

Основой для написания данной научной статьи послужили работы таких исследователей в области лингвистики, как А.В. Корячкина, А.В. Коллегаева, О. Берендеева, Я.И. Тяжлов, Л.В. Цыбина, Ф.Ю. Виталь, Н.Г. Надеждина, О.А. Юдина. Для репрезентации образа психопата мы обратились к информационным источникам «Интернет», где

использовали рецензии реальных зрителей и кинокритиков.

Цель данной научной статьи – определить особенности языкового переводческого приёма «модуляция высказываний», а также определить роль базовых переводческих трансформаций в индивидуальном восприятии зрителем (реципиентом) главного героя сериала.

Изложение основного материала

В настоящее время существует множество переводческих приёмов, подходов к разделению переводческих трансформаций на виды и типы, множество классификаций, предложенных и сформулированных различными авторами и исследователями в области лингвистики. Переводческие преобразования и трансформации бывают весьма различными – от трансформаций, порождающих совсем небольшое сходство с исходным, до случаев, что называется парадоксальный перевод, где внешняя несхожесть исходного и переводного настолько различна, что в работе, предложенной самим автором и языковым посредником, трудно признать перевод, и лишь «по долгому размышлению» становится понятно, что решение оптимально, что перевод ближе к тексту совершенно невозможен. Рассмотрим один из специфических приёмов перевода – «модуляцию». А.В. Корячкина отмечает, что модуляция (или смысловое развитие, логическое развитие, семантическое развитие) подразумевает под собой экспликацию в переводном тексте смыслов, непосредственно не выраженных в оригинале, но потенциально вычленимых в результате построения логических цепочек [4]. Обратим внимание, В.Н. Комиссаров называет экспликацией описательный перевод или лексико-грамматическую трансфор-

мацию, при которой лексическая единица исходного языка заменяется словосочетанием, эксплицирующим ее значение, то есть дающим более или менее полное объяснение, или определение этого значения на язык перевода [3, с. 125]. Н.Г. Надеждина и О.А. Юдина выдвигают своё понятие, что модуляция – это замена лексической единицы (слова или словосочетания) исходного языка единицей языка перевода, значение которой логически выводится из значения исходной единицы. Авторы полагают, что словосочетания или значения соотнесенных слов в оригинале и переводе чаще всего оказываются связанными причинно-следственными связями [5]. А.В. Корячкина обращает внимание на то, что модуляция высказываний основывается на том, что исходное выражение выдвигает только часть компонентов того отрезка действительности, к которому адресуется. Автор доказывает, что переводчик путем логической обработки может создать модель ситуации, а затем, в зависимости от контекста, направить свое внимание и отобразить для передачи тот или иной набор сведений, который в большей или меньшей степени будет расходиться с актуализированным в оригинале [4]. Демонстрируем примером предложение, преобразованное с помощью приёма модуляции, выделенное Н.Г. Надеждиной и О.А. Юдиной:

– *I don't blame them.*

Авторы отмечают, что в переводе данное простое предложение переводчик может представить в виде сложноподчиненного причинно-следственного предложения и таким образом скрасить:

– «Я их не виню потому (следствие), что я их понимаю (причина)».

Также, для перевода можно выбрать любую из этих частей сложного предложения, наиболее подходящую для перевода. Замена следствия причиной:

– «*I don't blame them.*» – «Я их понимаю и во всё поддерживаю» [5].

Для сравнения приведём пример, демонстрирующий приём модуляции (замена причины следствием): заголовок кинофильма «*Intouchables*», оригинальное название – «Неприкасаемые», в русскоязычном авторском переводе – «1+1». Берем смелость утверждать, что переводчик выбрал приём замены по причине того, что оба главных героя находились на периферии социального общества. Опираясь на опыт и зная сюжет данного кинофильма, подчеркнём, что главные герои две противоположные личности. Богатый парализованный аристократ нанял себе в помощники криминального переселенца из Сенегала, но спустя время они очень привязываются друг к другу. Следо-

вательно, можно предположить, что дословный перевод был бы предпочтительнее и эмоционально скрашен. По нашему глубокому убеждению, два главных героя относятся к такой категории людей, с которыми нормы обращения иные: над инвалидами нельзя смеяться, стоит подбирать выражения при общении с ними, также, как и с африканцами общаются крайне осторожно, стараясь не задеть словами. Отсюда следует, что оба героя относятся к классу людей, с которым общество, в реальной жизни, боится соприкоснуться.

Для подробного изучения такого переводческого приёма как «модуляция высказываний», по нашему субъективному мнению, направленного на создание глубокой и эмоциональной рецепции актёрских реплик, образов главных героев реципиентом в целом, мы рассматриваем типичный англоязычный кинематографический дискурс посредством экспликации образа психопата на примере главного героя сериала «Декстер». И мы согласны с утверждением Л.В. Цыбиной, что кинематографический дискурс представляет собой новую единицу лингвистического анализа, сложное образование, состоящее из текста, как единицы коммуникации, в совокупности с определёнными экстралингвистическими факторами [7].

Сериал «Dexter» («Декстер»), в России – это «Правосудие Декстера», снятый по мотивам романа современного английского писателя Джеффри Линдсея «Дремлющий демон Декстера» (с английского языка «Darkly dreaming Dexter», дословный перевод – «Мрачно мечтающий Декстер»), получил популярность не только у узкой аудитории кинолюбителей подобного жанра психологического триллера, детектива и криминала, но и среди простой обывательской публики с романтическими предпочтениями. Обратим внимание, что перевод названия сериала на русский язык был выполнен с помощью приёма модуляции: к исходному названию было добавлено слово, связь которого сочетается с сюжетом сериала – «Правосудие Декстера».

Главным персонажем одноименного сериала является маньяк – психопат Декстер Морган, работающий экспертом-криминалистом в полицейском управлении. К добавлению ко всему, он является социофобом, лишенным человеческих эмоций. Следует отметить, что психопатическим диагнозом Декстер описан не зря. Все признаки данного синдрома на лицо, они уже проявляются с первого сезона сериала, акцентируя внимание на главном герое. Известный канадский психиатр Роберт Д. Хаэр, автор множества научных публикаций в области психиатрии, разработал известный «Контрольный перечень признаков психопатии», то есть особенностей и характерных черт,

типичных для определения и диагностики психопатических личностей. Мы перечислим те признаки, которые, по нашему убеждению, присущи Моргану Декстеру: неглубокое обаяние; эгоцентризм, убежденность в собственном величии и необыкновенной значимости; патологическая лживость и склонность к мошенничеству; коварство, склонность к манипуляциям; чёрствость, отсутствие эмпатии, отсутствие чувства вины и сожаления [4].

Вернемся к образу «киношного» психопата и отметим, что Декстер ведёт вполне непримечательную опосредованную жизнь, но его секретное и необычное «хобби» – выслеживание и убийство преступников, коллекционирование крови преступников и получение удовольствия от «правосудия» над жестокостью и несправедливостью. В список осужденных Декстером входят преступники, бандиты и отбросы общества, сумевшие избежать наказания из-за знакомств, денег, злоупотребления властью и должностными полномочиями. Главный герой эмоционально воздействует на зрителей хладнокровными, но справедливыми по своей сути репликами и фразами, предстаёт «положительным» и «добрым» маньяком-убийцей, вершащим «божий суд»:

Kill one man, and you are the murderer! Kill millions of men, and you are the conqueror! Kill them all, and you are a God! [8] – *Если убьёшь одного человека – ты преступник! Убьёшь тысячи – ты кумир! А если убить всех? Станешь ли ты Богом?* (перевод наш – О.Л.)

В приведённой выше цитате мы используем не дословный перевод, а приём синтаксической модуляции высказывания: одно восклицательное предложение «*Kill them all, and you are a God!*» мы переводим двумя вопросительными «*А если убить всех? Станешь ли ты Богом?*», при этом добавляя исходной реплике главного героя психопатической экспрессивности и эмоциональности, воздействующих на зрителя (реципиента). Обратим также внимание на тот момент, что употребление неопределённого артикля *a* перед словом *God* в русскоязычном переводном варианте несёт в себе оттенок некой неопределённости героя в содеянных преступлениях: сомнения, осознание чувства вины, раскаяние. И мы можем с полной уверенностью утверждать, что образ психопата здесь интерпретируется как нельзя более транспарентно.

Приведём ещё один пример:

Killing? Must it serve a purpose? Yes, it must! Otherwise, it's just a plain murder! [8]. – *Убийство – это жертвоприношение, а не простая бессмысленная резня* (перевод наш – О.Л.). И в данном случае мы полностью уходим от дословного перевода и сохранения синтаксической структуры

английского эквивалента высказывания или реплики главного героя-психопата. Мы, используя всё тот же приём синтаксической модуляции высказывания, прибегаем к языковой экономии и конкретике интерпретации образа психопата.

Что касается образа героя, Декстер часто задает себе вопрос: «Я добро или Зло?». Он не отрицает, что является монстром, психопатом, маньяком-убийцей, но в глубине души гордится этим, признаёт себя «гением убийств». Борьба суждений и косвенных самобичеваний в голове Декстера ведется с первого сезона по восьмой.

Каждый из восьми сезонов сериала посвящен одной из существенных жизненных тем Декстера: «Брат», «Враг», «Друг», «Семья», «Мечь», «Религия», «Любовь», «Корни». Каждый раз герой предстает перед зрителями в разных образах, что заставляет зрителя переживать за доброго «гения убийств», его психические проблемы и борьбу со своей личностью, тем самым выявляется механизм эмоционального воздействия на зрительскую аудиторию. По мнению Ф.Ю. Виталия, кинофильмы способны ввести реципиента в катарсическое состояние, то есть в процесс высвобождения эмоций, возникающий в ходе самовыражения или сопереживания при восприятии произведений искусства. Катарсическое состояние напрямую связано с вовлеченностью зрителя в происходящее [1]. Следовательно, можно утверждать, что киносериал «Декстер» способен ввести зрителя в катарсис своим сюжетом и глубоким эмоциональным воздействием главного героя-психопата. Я.И. Тяжлов поддерживает ту точку зрения, что одна из ключевых задач современной кинокритики непосредственно и с большой силой находить механизмы воздействия на аудиторию, с помощью техник перевода и текста оказывать непосредственное влияние на эмоции, восприятие, реакцию, эстетический вкус, переоценку ценностей зрителя [6].

Кроме того, короткое название каждого эпизода ассоциируется с сюжетом и построено на причинно-следственных связях с событиями в каждой серии. Берем смелость утверждать, что данная техника преподносит заинтересованность, вовлекает зрителя в состояние любопытства и желание скорейшего просмотра киносериала. Наряду с этим, заметим, что автор перевода также использует приём языковой модуляции как авторский перевод.

Приведём примеры:

1) 2 сезон/ Эпизод 4 «*See through*» – «*Увидеть насквозь*» (дословный перевод). В предлагаемом авторском переводе звучит как «*Прозрачный*»;

2) 1 сезон/ Эпизод 2 «*Crocodile*» – «*Крокодил*» (дословный перевод). В оригинальном авторском

переводе – «Крокодиловы слезы»;

3) 4 сезон/ Эпизод 1 «*Living the Dream*» – «Жизнь мечты» (дословный перевод). В оригинальном авторском переводе – «*Не жизнь, а сказка*» [8].

Выводы

Таким образом, проблема реализации языковых средств, приёмов и техник перевода в англоязычном кинематографическом дискурсе является актуальной в лингвистике. Мы исследовали одну из

актуальных техник перевода – модуляция высказываний (или приём смыслового развития), тем самым доказав, что использование переводческого приёма «модуляции высказываний», грамотный и художественный подход к переводу «киношного» текста влияют на индивидуализацию восприятия зрителем психопатического образа героя Декстера, «гения убийств» во всей его внутренней и внешней составляющей.

Литература

1. Виталь Ф.Ю. Катарсис в кинодраме. Условия возникновения // Журнал Театр. Живопись. Кино. Музыка. 2017. С. 147 – 159 [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/katarsis-v-kinodrame-usloviya-vozniknoveniya> (дата обращения^ 12.03.2021)
2. Колегаева А.В., Берендеева О. Особенности реализации языковых средств в кинематографическом дискурсе // Журнал «Вестник Кемеровского государственного университета». 2008. С. 144 – 146. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-realizatsii-yazykovykh-sredstv-v-kinematograficheskom-diskurse> (дата обращения: 12.03.2021)
3. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1990. 253 с.
4. Корячкина А.В. Англоязычный художественный кинодискурс и потенциал его интерпретативно-коммуникативного перевода: дис. ... кан-та фил. наук. Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, 2017. 312 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://www.dissercat.com/content/angloyazychnyi-khudozhestvennyi-kinodiskurs-i-potentsial-ego-interpretativno-kommunikativnog> (дата обращения: 12.03.2021)
5. Надеждина Н.Г., Юдина О.А. Переводческие трансформации и приемы перевода. Методические указания к практическому курсу профессионально ориентированного перевода для студентов, обучающихся по программе «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации». Н. Новгород: ННГАСУ, 2015. 28 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://bibl.nngasu.ru/electronicresources/uch-metod/ling/858826.pdf> (дата обращения: 12.03.2021)
6. Тяжлов Я.И. Базовые риторические комплексы массового кинематографа // Журнал «Вопросы журналистики, педагогики, языкознания». 2016. С. 157 – 140. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bazovye-ritoricheskie-kompleksy-massovogo-kinematografa> (дата обращения: 12.03.2021)
7. Цыбина Л.В. Языковые и неязыковые средства актуализации эмоции "гнев" в кинематографическом дискурсе (гендерный аспект): на материале английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Пятигор. гос. лингвист. ун-т. Саранск, 2005. 19 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://www.dissercat.com/content/yazykovye-i-neyazykovye-sredstva-aktualizatsii-emotsii-gnev-v-kinematograficheskom-diskurse-> (дата обращения: 12.03.2021)
8. Dexter. Seasons 1-6 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://english-with-fun.com/ru/tv-show/dexter_2006 (дата обращения: 12.03.2021)

References

1. Vital' F.YU. Katarsis v kinodrame. Usloviya vozniknoveniya. ZHurnal Teatr. ZHivopis'. Kino. Muzyka. 2017. С. 147 – 159 [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/katarsis-v-kinodrame-usloviya-vozniknoveniya> (data obrashcheniya^ 12.03.2021)
2. Kolegaeva A.V., Berendeeva O. Osobennosti realizatsii yazykovykh sredstv v kinematograficheskom diskurse. ZHurnal «Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta». 2008. С. 144 – 146. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-realizatsii-yazykovykh-sredstv-v-kinematograficheskom-diskurse> (data obrashcheniya: 12.03.2021)
3. Komissarov V.N. Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty): ucheb. dlya in-tov i fak. inostr. yaz. M.: Vyssh. shk., 1990. 253 s.

4. Koryachkina A.V. Angloyazychnyj hudozhestvennyj kinodiskurs i potencial ego interpretativno-kommunikativnogo perevoda: dis. ... kan-ta fil. nauk. Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet, g. Sankt-Peterburg, 2017. 312 s. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: URL: <https://www.dissercat.com/content/angloyazychnyi-khudozhestvennyi-kinodiskurs-i-potentsial-ego-interpretativno-kommunikativnog> (data obrashcheniya: 12.03.2021)

5. Nadezhkina N.G., YUdina O.A. Perevodcheskie transformacii i priemy perevoda. Metodicheskie ukazaniya k prakticheskomu kursu professional'no orientirovannogo perevoda dlya studentov, obuchayushchihся po programme «Perevodchik v sfere professional'noj kommunikacii». N. Novgorod: NNGASU, 2015. 28 s. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: URL: <https://bibl.nngasu.ru/electronicresources/uch-metod/ling/858826.pdf> (data obrashcheniya: 12.03.2021)

6. Tyazhlov YA.I. Bazovye ritoricheskie komplekсы massovogo kinematografa. ZHurnal «Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaniya».2016. S. 157 – 140. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bazovye-ritoricheskie-komplekсы-massovogo-kinematografa> (data obrashcheniya: 12.03.2021)

7. Cybina L.V. YAzykovye i neyazykovye sredstva aktualizacii emocii "gnev" v kinematograficheskom diskurse (gendernyj aspekt): na materiale anglijskogo yazyka: avtoref. dis. ... kand. filol. Nauk. Pyatigor. gos. lingvist. un-t. Saransk, 2005. 19 s. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: URL: <https://www.dissercat.com/content/yazykovye-i-neyazykovye-sredstva-aktualizatsii-emotsii-gnev-v-kinematograficheskom-diskurse-> (data obrashcheniya: 12.03.2021)

8. Dexter. Seasons 1-6 [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: https://english-with-fun.com/ru/tv-show/dexter_2006 (data obrashcheniya: 12.03.2021)

*Litvyak O.V., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov*

REPRESENTATION OF THE IMAGE OF A PSYCHOPATH IN THE ENGLISH-LANGUAGE CINEMATIC DISCOURSE BY MEANS OF UTTERANCE MODULATION

Abstract: the proposed scientific article theoretically substantiates and analyzes the image of a psychopath in the English-language cinematic discourse on the basis of the film material of the series "Dexter". The article highlights in detail the psychological components and criteria of the personality of a psychopath, as well as highlights important signs that determine the "psychopathy syndrome" in the main character. The theoretical part of the article includes a study that reveals the use of the method of utterance modulation when translating from English into Russian, and how this translation technique affects the understanding, perception and interpretation of the image of the hero by the viewer. The following language concept as "modulation" is disclosed and theoretically justified. The empirical part of the article is based on the analysis of the personality of a psychopath named Dexter, the main character of the TV series of the same name. The citation method is used as an example of describing the image of a psychopath ("murder genius") in the empirical part of the article.

Keywords: psychopath, representation, psychological aspect, personality, utterance modulation, cinematic discourse

*Щербенко Л.Р., старший преподаватель,
Орловский юридический институт МВД России им. В.В. Лукьянова,
Щербенко В.Н.,
Национальный исследовательский
университет Высшая школа экономики*

К ВОПРОСУ ОБ АНТОНИМИИ В ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Аннотация: статья посвящена рассмотрению антонимии как проявлению языковой системности.

Целью исследования было рассмотрение функционирования антонимов в предметной области уголовного и уголовно-процессуального права.

Рассмотрены взгляды ученых на типы антонимов, выделяемых в соответствии с разными критериями. В частности, рассматриваются контрарные, комплементарные антонимы.

Антонимические отношения перенесены на лексико-семантическую систему терминов уголовного и уголовно-процессуального права. Показана разница в объеме семантического содержания антонимических пар в двух языках, а также предопределение одного из возможных антонимов синтагматическими связями, заложенными в языке.

Проведенный анализ позволил установить системную связь антонимических отношений с родовыми и семантическими вариантами в структуре значения каждого из антонимов.

Ключевые слова: антоним, юридические термины, терминсистема, уголовное право, противоположность, лексико-семантические отношения.

В последние годы наблюдается снижение уровня знаний выпускников средней школы. Бывшие школьники часто имеют смутное представление о языковых явлениях, плохо ориентируются в языковых понятиях. В связи с этим возникают трудности в процессе изучения иностранного языка в вузе. Одна из таких проблем связана с антонимией. Преподаватель сталкивается с тем, что студенты либо недостаточно хорошо знакомы с понятием антонимии, либо рассматривают любое противопоставление слов как антонимию.

Чтобы разобраться, какие слова являются антонимами, необходимо определить, что такое антонимия. По вопросу антонимии, как и по многим вопросам, среди лингвистов существуют разногласия, предлагаются различные точки зрения на эту проблему.

Д.Н. Шмелев расценивает антонимию как «наиболее полное противопоставление слов» [7].

По мнению Л.А. Новикова, «антонимия есть семантическое отношение возможных для каждого случая употребления крайних (полярных) членов тематической группы» [3]. Он считает, что понятие противоположности является ключевым понятием антонимии. Средством реализации антонимии являются антонимы. «Антонимы, выступающие в качестве знаков «раздвоенного» на противоположности единства, одновременно и определяют предел проявления какого-нибудь качества, свойства и т.п., и указывают на неразрывную связь противоположностей в каждом конкретном проявлении данной сущности» [3].

По определению В.Н. Комиссарова, антонимы – это слова, которые «противопоставлены по са-

мому общему и существенному для их значения семантическому признаку, причем находятся на крайних точках соответствующей лексико-семантической парадигмы» [2].

Достаточно полное определение антонима мы находим у А.А. Уфимцевой, которая считает, что к антонимам, т.е. словам, наиболее полно противопоставленным по контрасту их семантического содержания, относятся не любые лексемы, а только те, в значении которых содержится оценка, сравнение качества предмета, явления, а также отображение разных «точек отсчета» на одно и то же действие, отношение, состояние, отражение смысловых (логических) связей двух или более частей или действий в пределах единого целого» [4].

В определениях Н.М. Шанского и А.В. Калинина также присутствует понятие «противоположность», так как антонимы определяются как слова «разного звучания, которые выражают противоположные, но соотносительные друг с другом понятия» [6] или как «слова с противоположным значением» [1].

При определении антонимов следует обратить внимание обучающихся на то, что антонимами могут быть признаны слова, которые противопоставляются по существенному признаку и находятся на краях лексической парадигмы. Так, например, в паре антонимов холодный-горячий можно проследить движение к краям парадигмы: холодный-прохладный – теплый-горячий. Антонимы горячий-холодный отражают логически контрастные, но соотносительные друг с другом понятия. Обучающиеся порой рассматривают лю-

бое противопоставление как антонимию. Но «если в отношении противопоставления вступают понятия несоотносимые, то называющие эти понятия слова не являются антонимами» [5]. Так, противопоставление невысокий, но длинный забор нельзя рассматривать как антонимию, так как слова невысокий и длинный характеризуют предмет с совершенно разных, а не с противоположных сторон. Слово невысокий характеризует понятие высота, а слово длинный - понятие длина.

Антонимы неоднородны по своей структуре. Лингвисты выделяют следующие разновидности антонимов:

1) разнокорневые антонимы (радость-горе, правда-ложь, горячо-холодно, покупать-продавать, да-нет,);

2) однокорневые антонимы (вдохнуть-выдохнуть, системный-бессистемный, законный-незаконный).

подавляющее большинство антонимов являются словами разных корней: радость-горе, правда-ложь, горячо-холодно, покупать-продавать, да-нет, благословлять-проклинать, любить-ненавидеть. Разнокорневая антонимия пронизывает важнейшие части речи, особенно, прилагательные, наречия, существительные и глаголы. Необходимо помнить, что антонимичные пары слов должны принадлежать к одной и той же части речи, т.е. слова типа истина и ложный антонимами не являются.

В однокорневых антонимах противоположность значения слова обусловлена не корнями слов, а присоединением к одному и тому же слову противоположных по смыслу приставок или присоединением приставки, придающей слову противоположный смысл. Так, например: приносить-уносить (при-у); опасный-неопасный (0-не).

Некоторые лингвисты, в частности Л.А. Новиков, рассматривают как особый тип антонимии энантиосемию. Под энантиосемией понимают способность слова иметь противоположные значения. Антонимия проявляется в данном случае не через корневые или аффиксальные морфемы, а через контекст употребления слова в его полярных значениях: одолжить кому-нибудь денег (дать в долг)-одолжить у кого-нибудь денег (взять в долг).

Антонимы объединяются в группы в зависимости от характера обозначаемой противоположности. В частности, Л.А. Новиков, различая два вида противоположности – контрарную (от лат. *contrarius* – противоположный) и комплементарную (от лат. *complementum* – дополнение), выделяет следующие основные группы антонимов [3].

1. Антонимы, выражающие качественную противоположность. Слова этой группы реализуют

контрарную противоположность, которая предполагает наличие между двумя полярными понятиями третьего понятия. В подобных антонимических парах выражаются крайние проявления качества, а промежуточные члены данной оппозиции дают представление о постепенном изменении качества. Таким образом, антонимы данной группы характеризуются градуальностью. Например, молодой-средних лет-пожилой-старый; жарко-тепло-прохладно-холодно; громкий-негромкий-тихий и т.п.

2. Антонимы, выражающие дополненность (комплементарность). Члены такой антонимической пары дополняют друг друга и не предполагают наличие третьего члена: жизнь-смерть, война-мир, соблюдать-нарушать, нельзя-можно. Отрицание одного из таких антонимов дает значение другого. Например, не+зрячий значит слепой, не война значит мир и т.п.

3. Антонимы, «выражающие противоположную направленность действий, свойств и признаков. Это векторная противоположность антонимов, основанная на логически противоположных понятиях» [3]. Векторная противоположность представлена глаголами, существительными, прилагательными, наречиями, предлогами: одеваться-раздеваться, полнеть-худеть, сторонник-противник, наступательный-оборонительный, вперед-назад, к-от и др.

Современная лингвистика знает и другие классификации антонимов, в основном совпадающие с предложенной Л.А. Новиковым.

Изучение антонимических отношений как типа лексико-семантических связей внутри терминосистемы уголовного или уголовно-процессуального права требует уточнения ряда фундаментальных вопросов. В частности, одним из вопросов, требующих решения, является вопрос о лексическом составе антонимических пар. Не подлежит сомнению, что отдельные слова, относящиеся к одной части речи и имеющие противоположные значения, относятся к антонимам. Для изучения антонимов в терминологической системе, лексический состав которой представлен комплексными номинативами, состоящими из более чем одной лексемы, необходимо определиться с разграничением комплексной номинативной единицы и словосочетания, а также с возможностью рассмотрения номинативов, включающих в свой состав несколько лексем, в качестве антонимов. Мы придерживаемся точки зрения, в соответствии с которой терминологические сочетания могут рассматриваться в качестве антонимов. Так, например, в Примерном уголовном кодексе США [8] наименования статей «burglary» – кража со взломом, «criminal trespass»

– преступное нарушение владения. Объединённые общим семантическим компонентом кражи, номинативные единицы являются антонимами с точки зрения элементов состава преступления. Притом одна единица представлена единичной лексемой (burglary), вторая единица является комплексным номинативом (criminal trespass).

Второй вопрос, требующий внимания, касается выбора антонима, который часто предопределён типовой сочетаемостью. В английском языке к антонимам прилагательного «legal» в разных контекстах относятся лексемы «illegal», «illicit», «unlawful», «illegitimate», «unauthorised» и «wrongful». Каждый из указанных антонимов прилагательного «legal» имеет устойчивые валентностные связи с определяемыми существительными: «illegal migration» – незаконная миграция, «illicit arm trade» – незаконная торговля оружием, «unlawful interference» – незаконное вмешатель-

ство, «illegitimate child» – незаконнорожденный ребёнок, «unauthorized use of smth» – незаконное использование чего-л., «wrongful dismissal» – незаконное увольнение. Таким образом, можно говорить о том, что антонимия может проявляться в родовых понятиях (legal-illegal), которые далее могут конкретизироваться в определённых лексико-семантических вариантах, обусловленных сочетаемостью. Этот вывод ещё раз указывает на системность терминов в рамках терминологического поля, проявляющуюся в различных типах лексико-семантических отношений. В этом смысле характерные черты функционирования антонимов при описании референтной области уголовного права и / или уголовно-процессуального права можно рассматривать как маркер всей терминосистемы.

Литература

1. Калинин А.В. Лексика русского языка. Изд-во МГУ, 1971
2. Комиссаров В.Н. Проблема определения антонима. «Вопросы языкознания», 1957. № 2.
3. Новиков Л.А. Антонимия в русском языке. М., МГУ, 1973
4. Уфимцев А.А. Слово в лексико-семантической системе языка. М., Наука, 1968.
5. Фомина М.И. Лексика современного русского языка. М., Высшая школа, 1973.
6. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. М., Просвещение, 1964.
7. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М., Наука, 1973.
8. Model Penal Code. Official Draft and Explanatory Notes. Philadelphia, PA.<https://www.ali.org/publications/show/model-penal-code/>

References

1. Kalinin A.V. Leksika russkogo yazyka. Izd-vo MGU, 1971
2. Komissarov V.N. Problema opredeleniya antonima. «Voprosy yazykoznanija», 1957. № 2.
3. Novikov L.A. Antonimiya v russkom yazyke. M., MGU, 1973
4. Ufimcev A.A. Slovo v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka. M., Nauka, 1968.
5. Fomina M.I. Leksika sovremennogo russkogo yazyka. M., Vysshaya shkola, 1973.
6. SHanskij N.M. Leksikologiya sovremennogo russkogo yazyka. M., Prosveshchenie, 1964.
7. SHmelev D.N. Problemy semanticheskogo analiza leksiki (na materiale russkogo yazyka). M., Nauka, 1973.
8. Model Penal Code. Official Draft and Explanatory Notes. Philadelphia, PA.https://www.ali.org/publications/show/model-penal-code

*Shcherbenko L.R., Senior Lecturer,
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia,
Shcherbenko V.N.,
National Research University Higher School of Economics*

ON ANTONYMY IN THE TERMS OF LAW

Abstract: the article is devoted to consideration of antonymy as a manifestation of linguistic consistency.

The purpose of the study was to examine the functioning of antonyms in the subject area of criminal law and criminal procedure.

The views of scientists on the types of antonyms allocated in accordance with different criteria are considered. In particular, contrarian, complementary antonyms are discussed. Antonymic relations are transferred to the lexical and semantic system of terms of criminal law and criminal procedure law. The difference in the volume of semantic content of antonymic pairs in the two languages is shown, as well as the predisposition of one of the possible antonyms by syntagmatic connections inherent in the language.

The analysis made it possible to establish a system connection of antonymic relations with hypero-hyponimic relations and lexico-semantic variants in the structure of the meaning of each of the antonyms.

Keywords: antonym, legal terms, terminological system, criminal law, opposition, lexico-semantic relations

*Гантемиров К.Р., аспирант,
Кубанский государственный университет*

ИСТОРИЯ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ПРИВИЛЕГИЙ НА ИЗОБРЕТЕНИЯ В РОССИИ ДО XIX ВЕКА КАК ПРЕДПОСЫЛКА ВОЗНИКНОВЕНИЯ ИХ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

Аннотация: в данной статье исследуется история правовой охраны изобретений в России до XIX века, когда законодатель примет первые нормативные правовые акты об них в виде Манифеста «О привилегиях на разные изобретения и открытия в художествах и ремеслах» 1812 года, Положения о привилегиях 1833 года, и затем установит уголовно-правовую охрану в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. Рассмотрены привилегии, которые устанавливают ответственность за посягательства на привилегированные объекты. Также рассмотрены нормативные правовые акты, посредством которых устанавливалась ответственность и применялись наказания за нарушения норм данных привилегий. Устанавливаются взаимосвязь и динамика развития правовой охраны привилегий на разные объекты: на пользование земли, ведение торговли, ведение промышленности и в итоге на изобретения, – в разные периоды истории России. Устанавливаются особенности установления противоправных деяний в отношении указанных объектов, а также перечня наказаний за совершения указанных деяний. В итоге было выявлено, что уголовно-правовая охрана изобретений, впервые закрепленная в Уложении о наказаниях 1845 года, установлена под непосредственным влиянием прошлого опыта установления охраны привилегий на ведение торговли, промышленности, и затем изобретений.

Ключевые слова: жалованная грамота, привилегия, патент, исключительное право, изобретение, секрет производства

Впервые законодатель установил уголовно-правовую охрану изобретений в «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 года и позже полезных моделей в данном законе в редакции 1866 года. Возникновению уголовно-правовой охраны указанных объектов предшествовала защита изобретений государством на основе привилегий, которых оно выдавало заявителям.

Для начала отметим, что Уложение о наказаниях в первой редакции устанавливала ответственность за посягательство на изобретения в статье 1788, которая гласит: «кто нарушит чью-либо привилегию на изобретение, тот, сверх вознаграждения привилегированного за понесенные им от того убытки, подвергается: денежному взысканию от ста до трехсот рублей» [4, с. 917]. И законодатель расположил указанную статью в разделе «О преступлениях и проступках против общественного благоустройства и благочиния», в главе «О нарушении Уставов фабричной, заводской и ремесленной промышленности», в отделении «О нарушении Уставов фабричной и заводской промышленности» Уложения о наказаниях 1845 года. Отметим, законодатель рассматривал изобретение как часть промышленности. Он установил уголовную ответственность именно за нарушение чужой привилегии на изобретения, не указывая конкретные действия. А также установил наказание в виде штрафа, а также возмещения убытков в диспозиции статьи. Соответственно, именно развитие правовой охраны изобретений посредством выдачи на

них привилегий повлияло на дальнейшее развитие уголовно-правовой охраны объектов патентного права в Российской империи, и позже в Российской Федерации.

В период действия Русской Правды на Руси, как и в некоторых странах Европы в то время, действовала система «жалованной» или добровольной юрисдикции. Данная система предполагала составление органами публичной (светской или церковной) власти актов частных лиц от своего имени и удостоверяли эти акты печатью, а также предполагала разрешение контрагентам добровольно позволять публичной власти оформить и поставить под свой контроль сделку [8, с. 68].

В указанном периоде государство «жаловало» исключительные права выдачей привилегий в виде жалованных грамот. Таким образом оно проявляло свою милость и «монаршую волю» к «властям предержавшим» [2, с. 101].

Жалованная грамота предоставляла церквям, монастырям, корпорациям, учреждениям и частным лицам известные льготы и преимущества [16, с. 407]. Монарх выдавал эти документы на беспослинную торговлю, на заведение заводов и фабрик, на прииск полезных ископаемых. Афанасьева В.И. отмечает, жалованная грамота содержит основные принципы современного патента, которые имели развитие с этого времени: право передачи (так как князь являлся собственником), охрана и защита от посягательства со стороны третьих лиц [2, с. 87].

Относительно охраны отметим, что не каждый, а некоторые жалованные грамоты, позже привилегии указывали противоправные деяния и ответственность в случае их совершения. Укажем несколько грамот до принятия Соборного уложения 1649 года. В жалованной грамоте Ивану Кафтыреву на его земли в Костромском уезде от 30 января 1424 года указывает: «А через сию мою грамоту хто что на них возмет или их чем избидит, быти от меня в казни» [1, с. 260]. Санкция «быти от меня в казни» содержит в себе светский элемент, который выражает реализацию санкции абстрактно [11, с. 77]. Подобная конструкция лишь указывает о возможности применения и неотвратимости наказания в случае совершения нарушения и умалчивает о виде санкции за противоправное деяние. Указанная грамота описывает абстрактно и противоправные деяния.

Некоторые грамоты, например, Григорию Строганову от Ивана Грозного в 1564 году на владение земель на выделенной в документе территории современного Пермского края по обе стороны реки Камы, указывали, если его обладатель «ложно бил челом, или станет не по сей грамоте ходити, или учнет воровата, – и ся грамота не в грамоту» [5]. Тем самым, она указывала основание признания его недействительным, которое соответствует признаку современного патента.

Как можем заметить, жалованные грамоты до XVII века указывали абстрактно неправомерные деяния и санкции в случаи их совершения третьими лицами и самим лицом, которое получило данный документ.

В XVII веке в России возникали мануфактуры и развивалось ремесленное производство. Государство проводило политику протекционизма, то есть поддержку отечественных купцов и промышленников и вытеснение иностранцев с российского рынка. Государство издает Соборное уложение 1649 года и затем Новоторговый устав 1667 года, которые регулировали указанные сферы и на основе которых монарх руководствовался в установлении неправомерных деяний и ответственности за их совершение при выдачи жалованных грамот.

В жалованной грамоте от 7 сентября 1654 году «Полотским посадским людям» указано, что в случае сотрудничества с «Польскими и Литовскими людьми» для учинения всякого злого дела виновного лица следует задержать и приводить к воеводам [13]. Данная грамота соответствует пункту 3 главы VI Соборного уложения 1649 года содержит норму: «... он впрям ездил в иное Государство без проезжей грамоты для измены, или для иного какого лихого дела: и того по сыску за измену казнити смертию» [17, с. 12]. И данная норма расширяет понимание последствия совер-

шения указанного деяния. И сама грамота демонстрирует, что в то время монарх мог устанавливать ответственность за любое деяние даже против государства, не только в той сфере, где документ разрешает осуществлять определенную деятельность.

Остальные жалованные грамоты из Полного собрания законов Российской империи, соответствуют охране сферы деятельности, которые они позволяют осуществлять заявителям.

В жалованной грамоте от 30 июня 1658 года цареградскому греку Михаилу Николаеву, если кто-то из корысти будет взимать с него пошлину или налог, то он будет «в опале и наказании; а взятое велим отдать вдвойне» [13].

В жалованной грамоте от 13 июня 1667 года астраханскому татарину Мамаю Исупову Касимову, в случае нарушения правил данной торговли, а именно утаивания товара, такой товар взимается в государственную казну [13]. Уточним, опала подразумевает запрет общения с царем, присутствовать при нем, отказ виновному в просьбах, милостях и наградах, отстранение от должности, тюремное заключение, ссылка и другие [9, с. 30].

Указанные грамоты соответствуют пункту 2 главы VI Соборного Уложения: «А будет которые Воеводы проезжих грамот кому вскоре давати не учнут, и тем учинят кому простой и убытки, и в том на них челобитчики, и сыщется про то до прямиа: и Воеводам за то быти от Государя в великой опале. А что они кому учинят убытка: и то на них доправити вдвое, и отдати челобитчиком» [17, с. 12]. Также Новоторговый устав 1667 года содержит некоторые нормы, которые устанавливают запрет на совершения действий, например, ввоз товаров «утайкою» по статье 74, под угрозой применения наказаний в виде «взять (имать) на великого государя» [15, с. 129].

Стоит отметить, глава XVIII «О печатных пошлинах» Соборного уложения 1649 года предписывает случаи и размер выплаты пошлин за получение жалованных грамот [17, с. 204–221]. Наличие данных норм лишь подтверждают тезис, что жалованные грамоты имели признаки патента.

Поэтому в этом периоде монарх устанавливал охрану деятельности, за которые он мог выдать жалованные грамоты, на основе Соборного уложения 1649 года и Новоторгового устава 1667 года, указав на свое усмотрение деяния и санкции, применяемые в случае их совершения. Сами деяния в основном предполагали нарушение правил, предусмотренных в жалованных грамотах, а также санкции имели преимущественно имущественный характер.

В периоде правления Петра Первого существовала мысль о необходимости развития промыш-

ленности, в поддержке лиц в заведении новых промыслов [12, с. 176-177]. И как отмечает Пиленко А.А., в конце XVII века государство все чаще начинал выдавать жалованные грамоты-привилегии на «заведение мануфактур», на «прииск» полезных ископаемых [12, с. 31].

Указанный период примечателен тем, что монарх уже устанавливает охрану нового для государства товара. 18 января 1699 года голландцы Христофор Бранс и Иван Любс получили привилегию на закупку «новоприисканного» товара в виде овечьей шерсти в России и на вывоз ее за границу. И документ устанавливает, неявленная и утаенная шерсть «имать на Великого Государя бесповоротно», если такое деяние совершат люди и приказчики указанных голландцев без их ведома, то именно эти люди несут ответственность по Торговому Уставу. Также если к этим иностранцам или к их приказчикам воеводы и всякие приказные люди, а также таможенные и заставные Головы и целовальники учинят им обиду и в торговле помешательство, то на них будет взято в казну Великого государя пени и будет учинено жестокое наказание, а также возмещение ущербов от их деяния голландцам [13].

Пиленко А.А. отмечает, правительство ввело критерий «новоприисканного» товара для ограничения числа монополий, которые тогда превысили предел и начали оказывать вредное воздействие на народное хозяйство, нарушали его нормальное функционирование [12, с. 184].

Как можем заметить, в отношении нового объекта государство выдало именно привилегию, не жалованную грамоту. А также обширны и перечень противоправных деяний со стороны представителей лиц, получившие привилегию, и третьих лиц. Причем, выделяются не столько деяния в виде утайки товаров или причинения обиды и помешательства в торговле, которых монарх и раньше предусматривал в жалованных грамотах, сколько в виде наказаний в отношении третьих лиц в виде пени, жестокого наказания и возмещение ущербов потерпевшим лицам, которые получили привилегию. Именно представляет интерес «жестокое наказание», ведь это однозначно новый вид наказания, которую монарх указал в подобных документах.

«Краткое изображение процессов или судебных тяжб» от марта 1715 года перечисляют жестокие телесные наказания и тяжелое чести нарушение. Первые включали тяжелое заключение (особый вид ареста, которое предполагает заковывание заключенного в колодки и цепи, содержание его хлебом и водой [6, с. 49]), шпицрутен и лоза, «егда от палача (кнутом) бит и запятнан железом или обрезанием ушей, отсечением руки или палцов

казнен будет, то ж ссыланием на каторгу или на несколько лет». Вторые включали «имя на вислице прибито, или шпага ево от палача переломлена, и вором (шелм) объявлен будет» [15, с. 424]. Ранее действовали «Уложение или право воинского поведения» 1702 года и «Краткий артикул» 1706 года, которые не содержали термина «жестокое наказание» и предусматривали похожие виды наказаний [6, с. 45, 46].

Поэтому полагаем, «жестокое наказание» могло включать перечисленных ранее видов жестоких наказаний, которые законодатель затем определит в «Кратком изображении процессов или судебных тяжб» 1715 года.

В связи с указанным наказанием стоит выделить в рамках той же специфики петровского периода жалованные грамоты от 10 февраля 1700 года голландцу Ивану Тесенгу на печатание в Голландии книг и провозу их в России, а также от 8 июня 1717 года подканцлеру Шафирову и тайному советнику Толстому на исключительное заведение в России фабрик для делания всяких материй и парчей. Оба документа запрещали третьим лицам осуществлять привилегированные виды деятельности «под жестоким указом и пеней» и изъятием данных предметов у них в случае обнаружения в первом документе [13], а также во втором акте указано, немедленно те заводы и фабрики «возбранить и запретить под жестоким гневом и пеней...» [13].

Оба документа устанавливали похожие деяния и санкции в случае их совершения. И они указывают на применение жестокого гнева и жестокого указа. Предполагаем на основании схожести формулировки указанных наказаний, эти термины являются синонимами. Они выражены абстрактно, как и опала. Поэтому можем высказать предположение, жестокий указ и жестокий гнев могли подразумевать более строгую форму опалы, однако ввиду указанной абстрактности формулировок, неизвестно конкретные виды наказаний в рамках жестокого гнева или указа.

Тем не менее, можем заметить различие между охраны новых товаров «жестоким наказанием» и обычных товаров «жестоким указом (гневом)». И вероятно, монарх устанавливал более строгую ответственность за неправомерные действия в отношении новых товаров.

Помимо привилегий в петровском периоде были изданы Берг-Коллегиум от 10 декабря 1719 года и Регламент Мануфактур-Коллегии от 3 декабря 1723 года. И второй документ выступал условием дальнейшего возникновения уголовно-правовой охраны объектов патентного права. Он устанавливал порядок выдачи привилегий на заведение мануфактур и фабрик лицам независимо от «чина и

достоинства». В пункте 6 «О мануфактурах и фабриках»: документ предписывает Мануфактур-Коллегии снабжать надлежащими привилегиями данные предприятия для ввода в Россию «курьезные художества» [14, с. 169]. Также в пункте 21 Регламент указывает «а когда к лучшей пользе в произведении к совершенству фабрик усмотрит, то ... как за благо изобретено будет» [14, с. 172].

Поэтому Регламент Мануфактур-Коллегии устанавливал порядок выдачи привилегий на изобретения, в отношении которых будет в дальнейшем осуществляться защита в рамках указанного Регламента. Данный документ устанавливал ответственность за совершение отдельных правонарушений в рамках производства с применением санкций имущественного характера. И полагаем, что именно данное обстоятельство и повлияло в итоге на установление санкций за нарушение привилегий на изобретения в их имущественном виде.

Ярыш В.Д. полагает на основе Полного Собрания законов Российской Империи, первая привилегия на изобретения была выдана 2 марта 1748 года «О привилегии купцу Тавлееву на устройство фабрик для делания красок и о правилах на учреждение оных» [19, с. 59]. Данный акт устанавливает, «утеснения и обид не чинить», а также «иные фабрики теми водками кормчества не было, под такими штрафами ... без всякого послабления и упущения, ежели в том кто из оных заводчиков и их прикащиков явится» [13].

Также государство выдавало привилегия и на секреты производства. Выдало оно 13 декабря 1749 года московским купцам Сухареву и Беляеву на заведение фабрики для делания красок кармина, бакана и прочих, а также 25 октября 1751 года купцам Тавлееву, Давыдову, Волоскову и Комолову на заведение фабрики для делания из Российских материалов синей брусковой краски. Причем, первый документ запрещает употребление денежной суммы из государственной поддержки не на фабрику, а на купеческий промысел под угрозой конфискации [13]. Второй документ устанавливает режим тайны, нарушение которого приводит к ответственности в виде наказания «наижесточайшего истязания» [13].

Термин «наижесточайшее истязание» также, как и в привилегиях петровского периода, неопределенно говорит о конкретных видах наказаний. Лишь приведем утверждение Иванова А.А., Эриашвили Н.Д. и Джафарова Н.К., что во второй половине XVIII века государство смягчало телесные наказания и постепенно отменяло виды отсечений частей тела, оставляло в силе битье плетью, кнутом и другими подобными предметами наказания [7, с. 17].

Также упомянем привилегию в Сенатском Указе от 14 августа 1755 года «О подтверждении, чтобы никто не делал шпалеров до истечения данного купцу Ботлеру исключительного на то права на 10 лет». Ведь он предусматривает, если лицо будет делать шпалеры, то его производство подвергнется немедленному запрету; если данное лицо продолжает производить шпалеры, несмотря на запрет, то изъятие материалов и инструментов в казну безденежно, и он должен выплатить штраф по указам [13]. Ярыш В.Д. полагает, что использование в привилегии термина «исключительное право» говорит о наличии в то время понимания права на новое как исключительное, которое исключает притязания других лиц [19, с. 64].

К тому времени государство осознало специфичность изобретений и секретов производства как объектов привилегий по сравнению с торговлей и производством. Однако оно еще рассматривало указанные специфичные объекты не как результаты творческих усилий их авторов в интеллектуальном содержании, а как части производства в их материальном содержании.

Также в периоде после правления Петра Первого перечень противоправных деяний изменился вследствие выделения в качестве объекта выдачи привилегий изобретений, а также иных объектов, например секретов производства. Привилегии упоминали такие противоправные деяния, как осуществление привилегированной деятельности третьими лицами и повторное совершение данного деяния, растрата денежных средств государственной поддержки, а также разглашение секрета производства, который относится скорее к охране режиму тайны, чем к самому секрету в его интеллектуальном содержании. Заметим, Уголовный Кодекс Российской Федерации похожим образом устанавливает в статье 183 уголовную ответственность за нарушение режима коммерческой тайны, в которую входит секрет производства.

Соответственно наказания по большей части носили имущественный характер в виде штрафа и конфискации, а также «наижесточайшее истязание» при разглашении секрета производства. В целом они соответствуют Регламенту Мануфактур-Коллегии, который также в предусмотренных случаях устанавливал только имущественные санкции.

Согласно Полному Собранию законов Российской Империи, привилегии на изобретения в XIX веке уже не содержат перечень противоправных деяний и санкций за их совершения. Пиленко А.А. отмечает, с 1797 по 1811 годов правительство отказывается в защите всем изобретателям без исключения, хоть они и подавали прошения на эту защиту [12, с. 185].

Затем уже в XIX веке, на протяжении которой законодатель для регулирования выдачи привилегий на изобретения и защиты изобретателей примет Манифест «О привилегиях на разные изобретения и открытия в художествах и ремеслах» 1812 года, и затем ему на замену принял Положение о привилегиях 1833 года, уточнявший многие положения первого акта, а также «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 года. Манифест 1812 года указывает наказание имущественного характера в виде возмещения убытков [10, с. 356]. Положение 1833 года называет санкции в виде взыскание за понесенные убытки и штрафа [3, с. 696]. И Уложение о наказаниях 1845 года устанавливает уголовную ответственность за нарушение чужой привилегии на изобретения под угрозой применения штрафа в размере 100-300 рублей сверх вознаграждения привилегированного за понесенные им убытки [4, с. 917].

Таким образом, дальнейшие нормативные правовые акты об изобретениях в России действовали в соответствии с прошлым опытом регулирования и охраны указанных объектов до окончания дореволюционного периода и наступления советского периода. Дореволюционный законодатель на основе опыта в выдаче привилегий установил нака-

зания имущественного характера, а также штраф как вид уголовного наказания, в качестве основных видов наказаний в случае совершения нарушений чужих привилегий на изобретения в гражданской и уголовной сферах. И сегодня указанные наказания применяются в рамках действующего законодательства в упомянутых правовых сферах.

Исходя из ранее сказанного, отметим, что до XVII века включительно государство выдавало привилегия на осуществление торговли и ведение производства, запрещая совершение деяний, связанных в основном с нарушением ведения указанных дел под угрозой применения имущественных наказаний. В период правления Петра Первого появляется «новоприисканные» товары как новый объект охраны, наказания стали носить более строгий, «жестокый» характер, предполагающий применение санкций вплоть до телесных и членовредительских наказаний. После периода Петра Первого на протяжении XVIII века выделились изобретения и секрет производства как объекты охраны привилегиями, наказания носили в целом имущественный характер. В итоге дореволюционный законодатель использовал рассмотренный опыт для установления уголовно-правовой охраны привилегий на изобретение от их нарушений.

Литература

1. Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси конца XIV-начала XVI вв.: в 3 т. Т. 3 / сост. И.А. Голубцов. 1964. Ст. 237
2. Афанасьева В.И. Привилегия как источник исключительного права в процессе становления и развития патентного права России X-XIX вв.: историко-правовое исследование: дис. ... д-р юрид. наук. Москва, 2007. 350 с.
3. Высочайше утвержденное «Положение о привилегиях» от 22 ноября 1833 года // Полное Собрание законов Российской Империи. Собрание второе. СПб., 1834. Т. 8. № 6588.
4. Высочайше утвержденное «Уложение о Наказаниях Уголовных и Исправительных» от 15 августа 1845 года // Полное Собрание законов Российской Империи. Собрание второе. СПб., 1846. Т. 20. № 19283
5. Жалованная грамота Ивана Грозного Григорию Строганову (1564 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.bibliotekar.ru/4-1-14-hrestomatiya-po-istorii/175.htm> (дата обращения: 31.03.2021)
6. Егошин О.А. Виды наказаний в отношении военнослужащих и их применение в эпоху Петра I // Марийский юридический вестник. 2009. № 7. С. 43 – 55.
7. Иванов А.А., Эриашвили Н.Д., Джафарова Н.К. Об «индивидуализирующих началах» при исполнении телесных и членовредительских наказаний в пенитенциарной практике России в XVII-XVIII вв. // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 3. С. 15 – 18.
8. Каштанов С.М. Документация европейских городов периода позднего Средневековья // Археологический ежегодник. 1999. М.: Наука, 2000. С. 66 – 85.
9. Лоба В.Е. Понимание преступления и наказания по судебникам XV-XVI веков / Философия права. 2015. № 5. С. 28 – 33.
10. Манифест «О привилегиях на разные изобретения и открытия в художествах и ремеслах» от 17 июня 1812 года // Полное Собрание законов Российской Империи. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 32. № 25143.
11. Оспенников Ю.В. Проблемы ответственности в жалованных грамотах // Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки. 2014. № 4. С. 76 – 78.
12. Пиленко А.А. Право изобретателя. М.: Статут, 2005. 779 с.
13. Привилегии // Полное Собрание законов Российской Империи. Собрание первое: №№ 137, 231, 411, 1671, 1751, 3089, 9487, № 9693, № 9895, 10445.

14. Регламент Мануфактур-Коллегии от 3 декабря 1723 года // Полное Собрание законов Российской Империи. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 7, № 4378.
15. Российское законодательство XX-XX веков.: в 9 т. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. М.: Юрид. лит., 1986. 512 с.
16. Славянская энциклопедия: Киевская Русь – Московия: в 2 т. Т. 1. А-М / Авт.-сост. В.В. Богуславский. М.: Олма-Пресс, 2003. 784 с.
17. Уложение государя царя и великого князя Алексея Михайловича. М: Государственная типография, 1913.
18. Ярыш В.Д. Становление и развитие отечественного патентного права в XIX-XX вв.: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. 224 с.

References

1. Akty social'no-ekonomicheskoy istorii severo-vostochnoj Rusi konca XIV-nachala XVI vv.: v 3 t. Т. 3. sost. I.A. Golubcov. 1964. St. 237
2. Afanas'eva V.I. Privilegiya kak istochnik isklyuchitel'nogo prava v processe stanovleniya i razvitiya patentnogo prava Rossii X-XIX vv.: istoriko-pravovoe issledovanie: dis. ... d-r jurid. nauk. Moskva, 2007. 350 s.
3. Vysochajshe utverzhdennoe «Polozhenie o privilegiiyah» ot 22 noyabrya 1833 goda. Polnoe Sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie vtoroe. SPb., 1834. Т. 8. № 6588.
4. Vysochajshe utverzhdennoe «Ulozhenie o Nakazaniyah Ugolovnyh i Ispravitel'nyh» ot 15 avgusta 1845 goda. Polnoe Sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie vtoroe. SPb., 1846. Т. 20. № 19283
5. ZHalovannaya gramota Ivana Groznogo Grigoriyu Stroganovu (1564 g.) [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.bibliotekar.ru/4-1-14-hrestomatiya-po-istorii/175.htm> (data obrashcheniya: 31.03.2021)
6. Egoshin O.A. Vidy nakazaniy v otnoshenii voennosluzhashchih i ih primenenie v epohu Petra I. Marijskij yuridicheskij vestnik. 2009. № 7. S. 43 – 55.
7. Ivanov A.A., Eriashvili N.D., Dzhafarova N.K. Ob «individualiziruyushchih nachalah» pri ispolnenii telesnyh i chlenovreditel'skih nakazaniy v penitenciarnoj praktike Rossii v XVII-XVIII vv. Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2016. № 3. S. 15 – 18.
8. Kashtanov S.M. Dokumentaciya evropejskih gorodov perioda pozdnego Srednevekov'ya. Arheologicheskij ezhegodnik. 1999. М.: Nauka, 2000. S. 66 – 85.
9. Loba V.E. Ponimanie prestupleniya i nakazaniya po sudebnikam XV-XVI vekov. Filosofiya prava. 2015. № 5. S. 28 – 33.
10. Manifest «O privilegiiyah na raznye izobreteniya i otkrytiya v hudozhestvah i remeslah» ot 17 iyunya 1812 goda. Polnoe Sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie pervoe. SPb., 1830. Т. 32. № 25143.
11. Ospennikov YU.V. Problemy otvetstvennosti v zhalovannyh gramotah. Vektor nauki TGU. Seriya: YUridicheskie nauki. 2014. № 4. S. 76 – 78.
12. Pilenko A.A. Pravo izobretatelya. М.: Statut, 2005. 779 s.
13. Privilegii. Polnoe Sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie pervoe: №№ 137, 231, 411, 1671, 1751, 3089, 9487, № 9693, № 9895, 10445.
14. Reglament Manufaktur-Kollegii ot 3 dekabrya 1723 goda. Polnoe Sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie pervoe. SPb., 1830. Т. 7, № 4378.
15. Rossijskoe zakonodatel'stvo HKH-HKH vekov.: v 9 t. Т. 4. Zakonodatel'stvo perioda stanovleniya absoljutyizma. М.: YUrid. lit., 1986. 512 s.
16. Slavyanskaya enciklopediya: Kievskaya Rus' – Moskoviya: v 2 t. Т. 1. А-М. Avt.-sost. V.V. Boguslavskij. М.: Olma-Press, 2003. 784 s.
17. Ulozhenie gosudarya carya i velikogo knyazya Alekseya Mihajlovicha. М: Gosudarstvennaya tipografiya, 1913.
18. YArush V.D. Stanovlenie i razvitie otechestvennogo patentnogo prava v XIX-XX vv.: dis. ... kand. jurid. nauk. Krasnodar, 2004. 224 s.

*Gantemirov K.R., Postgraduate,
Kuban State University*

**THE HISTORY OF LEGAL PROTECTION OF PRIVILEGES FOR
INVENTIONS IN RUSSIA BEFORE THE XIX CENTURY AS A PREREQUISITE
FOR THE EMERGENCE OF THEIR CRIMINAL LEGAL PROTECTION**

Abstract: this article examines the history of legal protection of inventions in Russia until the XIX century, when the legislator will adopt the first normative legal acts on inventions in the form of the Manifesto "On privileges for various inventions and discoveries in arts and crafts" of 1812, the Provisions on Privileges of 1833, and then establish criminal legal protection in the Code on Criminal and Correctional Punishments of 1845. Privileges that establish responsibility for encroachments on privileged objects are considered. The normative legal acts through which responsibility was established and penalties were applied for violations of the norms of these privileges were also considered. The interrelation and dynamics of the development of legal protection of privileges for different objects are established: for the use of land, conducting trade, conducting industry and, as a result, for inventions – in different periods of the history of Russia. The peculiarities of the establishment of illegal acts in relation to these objects, as well as the list of punishments for the commission of these acts, are established. As a result, it was revealed that the criminal-legal protection of inventions, first fixed in the Penal Code of 1845, was established under the direct influence of past experience in establishing the protection of privileges for conducting trade, industry, and then inventions.

Keywords: charter of merit, privilege, patent, exclusive right, invention, secret of production

*Страхова С.В., кандидат юридических наук, доцент,
Крымский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации*

ПРОБЛЕМЫ НАЗНАЧЕНИЯ СУДЕБНОГО ШТРАФА ПРИ ОСВОБОЖДЕНИИ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Аннотация: целью статьи является совершенствование правового института судебного штрафа. На основе анализа норм уголовного, уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, регулирующих применение меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, материалов судебной и прокурорской практики выявлены проблемы применения судебного штрафа при освобождении от уголовной ответственности лиц, совершивших преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, преступления коррупционной направленности, преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности, преступления, связанные с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, повлекшие по неосторожности тяжкий вред здоровью или смерть человека. Предложены пути совершенствования правовой регламентации меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности, мера уголовно-правового характера в виде судебного штрафа

С момента начала применения института судебного штрафа в Российской Федерации прошло пять лет. Только последние четыре года количество судебных постановлений об удовлетворении ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначении лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа возросло почти в 4 раза: в 2017 г. вынесено 9411 решений [1], в 2020 г. – 34733 [2]. Анализ соответствующих норм уголовно-процессуального закона и судебной практики за прошедший период обозначил ряд проблем, которые требуют своего разрешения.

Так, положения ч. 2, 3 ст. 446.1 УПК РФ не обязывают следователя ни согласовывать постановление о возбуждении перед судом ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначении судебного штрафа с прокурором, ни направлять прокурору его копию. При таких условиях указанное постановление с материалами уголовного дела, минуя прокурорский надзор, направляется в суд. Вместе с тем, имеют место случаи, когда в суде выявляется, что сведения об участии лица в совершенном преступлении, изложенные в постановлении, не соответствуют фактическим обстоятельствам дела. Нередко лишь принципиальная позиция прокурора, участвующего в судебном заседании, способствует принятию законного судебного решения – постановления об отказе в удовлетворении указанного ходатайства.

Так, в К-ский районный суд г. Симферополя поступило ходатайство следователя СО ГУ СК Российской Федерации по Республике Крым о прекращении уголовного дела в отношении М., обвиняемого по ч. 5 ст. 159 УК РФ, с назначением

меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. При исследовании материалов дела в суде было установлено, что органом предварительного следствия занижена сумма причиненного материального ущерба, что свидетельствует о необходимости квалифицировать действия обвиняемого по иной статье УК РФ. По инициативе прокурора в соответствии с п. 2 ч. 5 ст. 446.2 УПК РФ суд принял решение об отказе в удовлетворении указанного ходатайства. Апелляционная жалоба адвоката в интересах М. апелляционным определением Верховного Суда Республики Крым от 25.04.2019 оставлена без удовлетворения [3, с. 5].

В отдельных случаях, удовлетворяя ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования с назначением судебного штрафа, суды не учитывают императивность оснований прекращения уголовного дела, содержащихся в примечаниях к соответствующим статьям УК РФ, что противоречит требованиям п. 2 ч. 5 ст. 446 УПК РФ. В подобных случаях прокурору надлежит использовать право опротестования судебных решений. В этой связи приведем следующий пример.

Уголовное дело в отношении М., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 145.1 УК РФ, было прекращено с назначением судебного штрафа в 20 тысяч рублей [3]. При этом суд оставил без внимания наличие в материалах уголовного дела сведений о погашении М. задолженности по заработной плате в полном объеме в течение двух месяцев со дня возбуждения уголовного дела, а также то обстоятельство, что в действиях М. не содержится иного состава преступления. С учетом указанных условий суд кас-

сационной инстанции пришел к выводу о том, что М. необходимо было освободить от уголовной ответственности на основании примечания 2 к ст. 145.1 УК РФ [4]. По кассационному представлению заместителя прокурора Республики Крым президиум Верховного Суда Республики Крым от 16.10.2019 постановление суда первой инстанции в отношении М. отменил [3].

Серьезную проблему, на наш взгляд, таит в себе возможность освобождения от уголовной ответственности на основании ст. 76.2 УК РФ, лиц, совершивших впервые любое преступление небольшой или средней тяжести, в том числе, преступление с формальным составом (в частности, к таковым относятся ч. 1 ст. 222 УК РФ, ч. 1 ст. 228 УК РФ, ч. 1 ст. 231 УК РФ, ч. 1 ст. 242 УК РФ, ч. 1 ст. 292 УК РФ, ч. 1 ст. 307 УК РФ, ч. 1 ст. 308 УК РФ, ч. 1 ст. 309 УК РФ, ст. 322.3 УК РФ, ст. 327 УК РФ и др. – Прим. авт.). Между тем, суть правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации в этой связи такова: любое преступление влечет причинение вреда или реальную угрозу его причинения, при этом характер вреда, наступившего от различных преступлений, отличается, поэтому и действия, направленные на заглаживание вреда и свидетельствующие о снижении степени общественной опасности преступления, нейтрализации его вредных последствий, определяются особенностями конкретного деяния [5]. При этом способы возмещения ущерба и заглаживания вреда законом никак не ограничиваются. Верховный Суд Российской Федерации в этой связи разъяснил, что суды решают вопрос о том, достаточно ли выполненных обвиняемым действий для компенсации тех негативных изменений, которые причинены преступлением охраняемым законом общественным отношениям, и снижения общественной опасности содеянного в той степени, что позволяет освободить лицо от уголовной ответственности [6].

В частности, преступлениями, предусмотренными ч. 1 ст. 228 УК РФ, вред причиняется обществу в сфере здоровья населения. На практике лица, совершившие такие преступления, возмещают причиненный вред путем внесения взносов в благотворительные фонды, добровольного выполнения общественных работ в реабилитационных центрах и т.п. [7]. Более того, в отдельных случаях суды, принимая решения об освобождении от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, учитывают в качестве действий, направленных на заглаживание вреда, признание вины, раскаяние в содеянном, способствование раскрытию и расследованию преступлений [8]. В связи с этим возникают вопросы: каким образом заглаживание вреда

указанными способами может уменьшить общественную опасность данной категории преступлений и как способствует применению данной меры уголовно-правового характера решению задачи предупреждения наркопреступлений, стоящей перед правоохранительными органами? Заметим, что среди уголовных дел, рассматриваемых судами в Российской Федерации, уголовные дела о преступлениях в сфере незаконного оборота наркотиков занимают вторую позицию [2].

Подобные вопросы возникают и в связи с возможностью применения судебного штрафа в отношении лиц, совершивших преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности (в частности, предусмотренные ч. 1 ст. 132, ч. 1, 2 ст. 133, ч. 1 ст. 134, ч. 1 ст. 135 УК РФ. – Прим. авт.). Каким должен быть способ заглаживания вреда, наступившего от совершения этих преступлений? И может ли в принципе быть найден такой способ, в особенности, если потерпевшие – несовершеннолетние? Ведь общественно-опасные последствия таких преступлений в виде вреда, причиненного психическому здоровью потерпевших, могут проявляться в течение всей их последующей жизни. С другой стороны, данные судебной статистики о преступлениях, предусмотренных указанными статьями УК РФ, свидетельствуют о росте с 2012 года на 40% количества уголовных дел, рассматриваемых судами по существу с вынесением приговора (2875 – в 2012 г. и 4746 – в 2020 г.). Вместе с тем, количество судебных решений о прекращении уголовных дел данной категории с 2012 года возросло почти в 5 раз (316 – в 2012 г. и 1427 – в 2020 г.) [9; 2]. Учитывая, что среди лиц, отбывших наказание за совершение половых преступлений, как известно, достаточно распространены рецидивы, последствия применения судебного штрафа к лицам, впервые совершившим преступление против половой неприкосновенности и половой свободы личности, на наш взгляд, нетрудно себе представить.

С учетом разъяснений Верховного Суда, мнение прокурора, не поддерживающего ходатайство о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначении судебного штрафа, не препятствуют удовлетворению такого ходатайства, если судом будут установлены обстоятельства, свидетельствующие о наличии обязательных для такого прекращения оснований [6]. Поэтому судами принимаются соответствующие решения и при возражении прокурора против удовлетворения ходатайств органов предварительного расследования, в том числе, и в отношении лиц, совершивших преступления коррупционной направленности.

Так, апелляционным определением Верховного Суда Республики Крым от 02.07.2019 оставлено без удовлетворения апелляционное представление государственного обвинителя на постановление К-ского районного суда от 15.05.2019, которым удовлетворено ходатайство заместителя К-ского МСО ГСУ СК РФ по Республике Крым о прекращении уголовного дела и назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в размере 40 тысяч рублей в отношении В., подозреваемой в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 285 УК РФ, постановление суда - без изменений.

Доводы апелляционного представления государственного обвинителя обосновывал тем, что инкриминируемое В. деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 285 УК РФ, относится к преступлениям против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, является преступлением коррупционной направленности, которым нанесен вред публичным интересам, интересам государства, в связи с чем положения ст. 76.2 УК РФ применены быть не могут. Однако суд апелляционной инстанции в опровержение доводов государственного обвинителя сослался на обязательные условия применения судебного штрафа, предусмотренные ст. 76.2 УК РФ [3, с. 11].

Применение судебного штрафа при освобождении от уголовной ответственности лиц, совершивших преступления, предусмотренные ч. 1, 2, 3, 5 ст. 264, ст. 264.1 УК РФ, и вовсе создает противоречивую ситуацию. В силу того, что освобождение от уголовной ответственности исключает возможность назначения наказания, в том числе, дополнительного, в виде лишения права управлять транспортным средством, лица, совершившие указанные выше преступления, которые, заметим,

могут повлечь последствия в виде тяжкого вреда здоровью или наступления смерти потерпевших, продолжают управлять транспортными средствами. (Аналогичная ситуация имеет место и при применении судебного штрафа к лицам, совершившим преступления коррупционной направленности). В этой связи следует согласиться с коллегами, которые отмечают, что смерть человека – последствие неустранимое (в том числе, в случае причинения его по неосторожности), компенсировать или загладить которое не представляется возможным [10, с. 17]. Кроме того, следует заметить, что среди уголовных дел, рассматриваемых судами в Российской Федерации, уголовные дела о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, занимают третью позицию [2]. Таким образом, выполнению превентивной функции применение меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа явно не способствует.

Принимая во внимание, что уголовное судопроизводство имеет своим назначением, в первую очередь, защиту прав и законных интересов потерпевших, а также с целью предупреждения совершения новых преступлений и восстановлению социальной справедливости, по нашему мнению, целесообразно законодательно ограничить применение судебного штрафа к лицам, совершившим преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, коррупционной направленности, против половой неприкосновенности и половой свободы личности, а также преступления в сфере нарушений правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, повлекшие по неосторожности смерть человека.

Литература

1. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2017 год: отчет о работе судов по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4476> (дата обращения: 28.05.2021)
2. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2020 год: отчет о работе судов по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671> (дата обращения: 28.05.2021)
3. Обзор практики освобождения лиц от уголовной ответственности с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа / Прокуратура Республики Крым. Симферополь, 2020. 12 с.
4. Справка по результатам изучения судебной практики применения мировыми судьями законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности (Глава 11 УК РФ) в 2019 году, 1 полугодии 2020 года // Сайт Верховного Суда Республики Крым. URL: http://vs.krm.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=167 (дата обращения: 16.06.2021)

5. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Гафитулиной Таисии Ивановны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 статьи 1 Федерального закона от 3 июля 2016 года n 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности»: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 26 октября 2017 г. N 2257-О // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Российской Федерации. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-26102017-n-2257-o/#:~:text=ОпределениеКонституционногоСудаРФот,основанийипорядкаосвобожденияот> (дата обращения: 17.06.2021)
6. Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 762 УК РФ) // Сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/all/28088/> (дата обращения: 15.06.2021)
7. Суд прекратил уголовное дело по ч. 1 ст. 228 УК РФ с назначением судебного штрафа // Информационный портал ZASUDILI.RU. URL: https://zasudili.rf/actual/sud-postanovil_-shtraf-po-ch_1-st_228-uk-rf/ (дата обращения: 21.06.2021)
8. Постановление № 1-349/2017 от 9 октября 2017 г. по делу № 1-349/2017 Предгорного районного суда Ставропольского края // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/KiDYEsQFD6bX/> (дата обращения: 21.06.2021)
9. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2012 год: отчет о работе судов по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=1775> (дата обращения: 18.06.2021)
10. Жуков Г.К., Артамонов П.В. Теоретические и прикладные проблемы применения судебного штрафа // Следственная практика. М., 2020. С. 11 – 19.

References

1. Svodnye statisticheskie svedeniya o deyatel'nosti federal'nyh sudov obshchej yurisdikcii i mirovyh sudej za 2017 god: otchet o rabote sudov po rassmotreniyu ugovolnyh del po pervoj instancii. Sajt Sudebnogo departamenta pri Verhovnom Sude Rossijskoj Federacii. URL <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4476> (data obrashcheniya: 28.05.2021)
2. Svodnye statisticheskie svedeniya o deyatel'nosti federal'nyh sudov obshchej yurisdikcii i mirovyh sudej za 2020 god: otchet o rabote sudov po rassmotreniyu ugovolnyh del po pervoj instancii. Sajt Sudebnogo departamenta pri Verhovnom Sude Rossijskoj Federacii. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671> (data obrashcheniya: 28.05.2021)
3. Obzor praktiki osvobozhdeniya lic ot ugovolnoj otvetstvennosti s naznacheniem mery ugovolno-pravovogo haraktera v vide sudebnogo shtrafa. Prokuratura Respubliki Krym. Simferopol', 2020. 12 s.
4. Spravka po rezul'tatam izucheniya sudebnoj praktiki primeneniya mirovymi sud'yami zakonodatel'stva, reglamentiruyushchego osnovaniya i poryadok osvobozhdeniya ot ugovolnoj otvetstvennosti (Glava 11 UK RF) v 2019 godu, 1 polugodii 2020 goda. Sajt Verhovnogo Suda Respubliki Krym. URL: http://vs.krm.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=167 (data obrashcheniya: 16.06.2021)
5. Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanki Gafitulinoj Taisii Ivanovny na narushenie ee konstitucionnyh prav punktom 1 stat'i 1 Federal'nogo zakona ot 3 iyulya 2016 goda n 323-fz «O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii i Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii po voprosam sovershenstvovaniya osnovanij i poryadka osvobozhdeniya ot ugovolnoj otvetstvennosti»: opredelenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 26 oktyabrya 2017 g. N 2257-O. Zakony, kodeksy i normativno-pravovye akty v Rossijskoj Federacii. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-26102017-n-2257-o/#:~:text=ОпределениеКонституционногоСудаРФот,основанийипорядкаосвобожденияот> (data obrashcheniya: 17.06.2021)
6. Obzor sudebnoj praktiki osvobozhdeniya ot ugovolnoj otvetstvennosti s naznacheniem sudebnogo shtrafa (stat'ya 762 UK RF). Sajt Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/all/28088/> (data obrashcheniya: 15.06.2021)
7. Sud prekratil ugovolnoe delo po ch. 1 st. 228 UK RF s naznacheniem sudebnogo shtrafa. Informacionnyj portal ZASUDILI.RU. URL: https://zasudili.rf/actual/sud-postanovil_-shtraf-po-ch_1-st_228-uk-rf/ (data obrashcheniya: 21.06.2021)

8. Postanovlenie № 1-349/2017 ot 9 oktyabrya 2017 g. po delu № 1-349/2017 Predgornogo rajonnogo suda Stavropol'skogo kraja. Sudebnye i normativnye akty RF. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/KiDYEsQFD6bX/> (data obrashcheniya: 21.06.2021)

9. Svodnye statisticheskie svedeniya o deyatelnosti federal'nyh sudov obshchej yurisdikcii i mi-rovyh sudej za 2012 god: otchet o rabote sudov po rassmotreniyu ugolovnyh del po pervoj instancii. Sajt Sudebnogo departamenta pri Verhovnom Sude Rossijskoj Federacii. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=1775> (data obrashcheniya: 18.06.2021)

10. ZHukov G.K., Artamonov P.V. Teoreticheskie i prikladnye problemy primeneniya sudebnogo shtrafa. Sledstvennaya praktika. M., 2020. S. 11 – 19.

*Strakhova S.V., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Crimean Law Institution (branch)
of the University of the Prosecutor Office of the Russian Federation*

PROBLEMS OF IMPOSING A FINE IN EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY

Abstract: the purpose of the article is to improve the legal institution of judicial fine. Based on the analysis of the norms of the criminal and criminal procedural legislation of the Russian Federation, regulating the application of a criminal-legal measure in the form of a court fine, materials of judicial and prosecutorial practice, the problems of the application of a court fine when releasing from criminal liability persons who have committed crimes in the field of illegal drug trafficking and psychotropic substances, crimes of corruption, crimes against sexual inviolability and sexual freedom of the individual, crimes related to violation of traffic rules and the operation of vehicles, which, through negligence, entailed serious harm to human health or death are identified. The ways of improving the legal regulation of a criminal law measure in the form of a court fine are proposed.

Keywords: exemption from criminal liability, a measure of a criminal-legal nature in the form of a court fine

*Шацкая Е.А., кандидат социологических наук,
Восточно-Сибирский институт МВД России*

ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА В КОНТЕКСТЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация: автором статьи предложен теоретический анализ классификации и типологии лиц, совершивших преступления. Приводятся различные классификации и типологии преступников, выделяемые по разным основаниям, а именно: по социально-демографическому, по правовому, по мотивационному, по уровню опасности. Объектом исследования выступает типология и классификация лиц, совершивших преступления. Предметом исследования является социальный портрет лиц, совершивших преступления. Автор подробно рассматривает теоретические основы типологии и классификации лиц, совершивших преступления. Особое внимание автор обратил на несовершеннолетних, совершивших правонарушения. Предложен обобщенный психологический портрет несовершеннолетних, совершивших правонарушения, выделены их характерные черты поведения. К основным выводам проведенного исследования можно отнести то, что меняется не только способ совершения преступления, но и преступное поведение. Особенностью проведенного теоретического анализа является четкая характеристика выделенных признаков лиц, склонных к совершению преступлений. Новизна исследования заключается в том, что классификация и типология как взаимодополняющие категории, позволяют составить социальный портрет личности преступника, который может быть взят за основу профилактических мероприятий по предотвращению противоправных действий. Кроме этого, знания о характеристиках личности преступника способствуют выявлению готовящихся преступлений, своевременной работе с несовершеннолетними, попавшими в трудную жизненную ситуацию.

Ключевые слова: классификация, личность, мотивация, преступник, признак, социальный портрет, структура типологии, типология, характеристика личности

В современном мире проблемы, связанные с личностью преступника, остаются актуальными. Реалии таковы, что преступления являются неотъемлемым атрибутом общества. Особое внимание требуется к изучению личности преступника еще и потому, что мотивы совершения преступления, являясь факультативным признаком, могут способствовать построению социального портрета данного лица. Понимая мотивы и причины противоправных действий, можно выработать более эффективную систему профилактических мероприятий.

В научной литературе вопросами изучения личности преступника занимались М.И. Еникеев, Г.Х. Ефремова, В.А. Жбанков, Н.С. Лобас, А.В. Шеслер, М.А. Шкляр [6, 7, 8, 14, 21, 22] и др. В основе их работ лежит исследование социально-психологических факторов, влияющих на поведение лица, совершившего преступление.

Представляет интерес работа С.В. Познышев «Преступные типы» [18], в которой определена группа эмоциональных преступных элементов. Иными словами, лицо совершает преступление для удовлетворения конкретного чувства.

Исследованием личностных характеристик преступников занимались Ю.М. Антонян, М.В. Гончарова, В.И. Коваленко, В.И. Шиян [13] и др.

В современном информационном мире широкое распространение получили преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере

компьютерной информации. Данная проблема отражена в работах К.Н. Евдокимова, Р.И. Коробеева, Д.И. Макушева, С.В. Склярова [10, 15, 20].

К известным работам зарубежных ученых в сфере киберпреступности отнесем труды М. Бреннера и С. Гудмана, М. Кабэя [24, 25] и др.

Заслуживают особого внимания труды в области криминологии Б.В. Волженкина и С.М. Иншакова [5, 9].

При изучении данной темы обращаем внимание на интерпретацию понятий: «личность преступника» и «лицо, совершившее преступление». Личность преступника – лицо, обладающее особыми свойствами (Ч. Ломброзо, Г. Тард). Лицо, совершившее преступление, – лицо, нарушившее закон (А.И. Долгова, И.И. Карпец). В статье тема «личность преступника» рассматривается как объект междисциплинарного исследования таких наук криминология, социология и психология. Это связано с тем, что в веке информационных технологий меняются не только способы совершения преступлений, но и преступное поведение. Так, например, в криминологической науке принято различать типологию и классификацию личности преступника. Для характеристики лиц, совершивших преступления, следует определить отличия между данными методологическими подходами. Классификация – более узкое понятие, включающее отдельные признаки. Типология представляет совокупные типичные особенности социальных групп. Иными словами, при изучении типологии и

классификации личности преступника исследуются социально-демографические признаки.

Одним из самых распространенных признаков во многих классификаторах выступает социально-демографический (социологический). Безусловно, это базовый признак, позволяющий построить социальный портрет личности преступника.

Данные социального паспорта носят первичную информацию о человеке: пол, возраст, уровень образования, уровень материальной обеспеченности, социальное положение, наличие семьи, социальное происхождение, род занятий, место жительства.

В структуру социально-демографического признака для характеристики лица, совершившего преступления, входят: пол, возраст, социальное положение, место жительства и длительность проживания, физическое состояние лица в момент совершения преступления.

Итак, первым структурным элементом социально-демографического признака является пол. В силу врожденных (природных) особенностей женщинам наиболее присущи такие черты, как: эмоциональная зависимость, привязанность к сложившейся ситуации; темпераментная открытая реакция на окружающий мир (лицемерие, хамство или комплимент, подарок); способность к ролевым играм; умение оказать психологическую поддержку человеку; готовность ввести в заблуждение.

Безусловно, мужчинам не чужда эмоциональная сторона их жизни, однако, способ контроля за ее проявлением различен. Полагаем, что мужчины более сдержаны в эмоциях. Соответственно и эмоциональная составляющая в преступном поведении будет проявляться по-разному у мужчин и женщин.

Второй структурный элемент – возраст. На сегодняшний день четко выделенных возрастных групп нет. Согласно методики определения возрастных групп населения, утвержденной приказом Федеральной службы государственной статистики Министерства экономического развития РФ [2], к населению в возрасте моложе трудоспособного относятся лица в возрасте 0-15 лет.

В классификации Всемирной организации здравоохранения выделяют группы:

- 18-44 лет – молодость;
- 44-60 лет – средний возраст;
- 60-75 лет – пожилой человек;
- 75-90 лет – старческий период;
- 90+ лет – долгожитель.

Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» [1] определяет молодежь (молодые граждане), как социально-демографическую группу, лиц в возрасте от 14 до 35 лет.

С точки зрения психологического знания выделим три группы. К первой отнесем детей в возрасте от 0 до 11 лет; ко второй – несовершеннолетних (12-14 лет – младший подростковый возраст [23], 15-17 лет – старший подростковый возраст; к третьей – совершеннолетних (18-29 лет – лица молодого возраста, 30 и старше – лица зрелого возраста).

Следующий структурный элемент социально-демографического признака – социальное положение. Огромное значение имеет реализация своих трудовых потенциальных возможностей. В этом смысле можно разбить такие группы: учащиеся, служащие, рабочие, частные предприниматели, фермеры, пенсионеры; трудоспособные, но не работающие и не учащиеся; безработные.

Иными словами, разделение лиц, совершивших преступления, на две категории – имеющие работу и не имеющие работы, определяет их привлеченность к трудовой деятельности. Можно понять источник дохода: временный он или постоянный. Имеется ли тенденция к совершению противоправных действий или нет. Кроме этого, важно знать, определяет ли себя не работающий в государственных структурах (центр занятости) или нет. У тех кто не состоит на учете по безработицы больше шансов совершить преступление для получения материальных средств.

Немаловажное значение имеет место жительства и длительность проживания на определенной территории: город или сельская местность; постоянный житель, мигрант или переселенец.

Учитывается участие в культурной, образовательной, экономической, управленческой среде, знание традиций и обычаев на территории проживания.

Следующий элемент – физическое состояние лица в момент совершения преступления. Находилось ли лицо в состоянии алкогольного опьянения или наркотического. Было ли осознанием своих действий или нет.

Приведенный перечень элементов не является исчерпывающим и может быть дополнен другими.

В юридической науке классификация лиц, совершивших преступления, производится по правовому признаку. Для определения мер юридической ответственности необходимо знать: характер, степень тяжести совершенных преступлений; совершение преступлений впервые или повторно; совершение преступлений в группе или в одиночку; длительность преступной деятельности; объект преступного посягательства; форму вины.

Таким образом, для классификации лиц, совершивших преступления, необходима планомерная и систематическая работа. Современные исследования направлены на изучение разнообраз-

ных групп лиц, совершивших преступления; определение сходных и отличительных критериев таких групп; установление совпадений и различий в определении криминологического поведения разных групп; прогнозирование степени общественной опасности личности; использование профилактических норм к различным группам преступников.

В дополнение классификации рассмотрим типологию личности преступника, которая объединяет групповые формы, обладающие более похожими признаками.

При типологии определение групп личности преступника осуществляется по схожим критериям. Однако, в отличие от классификации типология не обладает большим количеством уровней (структурных элементов). По сути, типология является основой, на которой строится методика прогнозирования индивидуального поведения и применения дифференцированных и индивидуализированных мер профилактического и правового воздействия.

Криминологическая наука выделяет характерные типы лиц, совершившие преступления, разбивая их на группы. Одной из интереснейшей и информационно насыщенной группой является типология по мотивационному признаку. При этом учитываются личностные особенности преступника, скрытая индивидуальность.

Структура типологии по мотивационному признаку: 1) особо опасные преступники; 2) насильственные преступники; корыстные преступники; 3) преступники, совершившие преступления против общественного порядка; 4) неосторожные преступники.

Исходя из этого, можно выделить типы преступников по мотивационному параметру (мотив рассматривается как совокупность стимула и потребности): корыстный; престижный; насильственный; сексуальный.

Первый тип характеризуется стремлением увеличению материального обеспечения, получению материальных благ любыми способами. Заметим, что корысть не является отрицательным качеством личности. Она присуща практически всем людям, но проявляется по-разному: от получения выгоды до незаконного обогащения.

Второй тип, как правило, связан с занимаемой должностью, имеющимися возможностями распоряжаться (распределять) государственное имущество. Важно не только материальное обогащение, но и повышение социального положения.

Третий тип можно раскрыть как совершение насилия ради самого насилия. Человек, обладающие психическими отклонениями, способен совершать противоправные действия. Однако, не

всегда к этому типу относят людей психически нездоровых. При рассмотрении данного типа основными мотивами могут быть враждебность, желание отомстить, ревностное чувство, ненависть, неприязнь.

Четвертый тип связан с желанием удовлетворить свои сексуальные потребности. Поэтому нормы правовые и морально-этические не являются ориентирующими в поведении лиц, которые совершают преступления по мотиву сексуальному. Это аморальные люди, вероятно с психическими отклонениями.

Типология личности преступника по мотивационному признаку опирается на индивидуально-личностные характеристики человека.

Типология по уровню опасности включает в себя степень общественной опасности, криминогенную зараженность, ее выраженность и активность. Выделяют следующие типы по уровню опасности: 1) особо опасные преступники (активные антисоциальные) – многократно судимые рецидивисты; 2) десоциализированные опасные преступники (пассивные асоциальные) – лица, «выпавшие» из системы нормальных связей и общения, длительное время ведущие паразитическое, часто бездомное, существование; 3) неустойчивые преступники – лица, совершающие преступления (порой неоднократно) не в силу стойких антиобщественных установок и представлений, а в связи с включенностью в жизнедеятельность некоторых групп отрицательной направленности, ведения образа жизни на грани социально приемлемого и антиобщественного; 4) ситуативные преступники – лица, общественная опасность личности которых выражена в поведении незначительно, но, тем не менее, имеется и проявляется в соответствующих ситуациях.

Характерные черты, присущие особо опасному типу личности преступника: готовит средства и инструменты для совершения преступных деяний; развивает преступные умения и знания; договаривается с иными лицами, склонными к совершению преступлений; вовлекает других лиц к себе в преступную среду; сформированы устойчивые криминальные установки, которые не поддаются корректировке.

В отличие от особо опасного преступника опасный тип не инициирует никаких активных действий к формированию обстоятельств, которые способствуют осуществлению преступления. Опасному типу личности более свойственно применение удачно сложившихся условий для реализации криминальных действий. Кроме этого, криминальная установка личности данного типа выражена слабее. Лица, относящиеся к категории опасных преступников могут самостоятельно пре-

кратить преступные деяния под влиянием каких-либо обстоятельств (рождение ребенка, ухудшение здоровья).

К обозначенному типу можно отнести наркоманов, алкоголиков, лиц, которые ведут социопатическую и паразитивную жизнедеятельность. Им свойственны корыстные и насильственные преступления.

Ситуативный тип отличен от всех иных типов этой группы. Он не пребывает в обязательной готовности к реализации преступных деяний, но при возникновении или повторении определенной ситуации такая готовность может возникнуть.

Таким образом, типология лиц, совершивших преступления, может быть использована при прогнозировании личностного криминального поведения и его специфичности; определения степени преступной пораженности личностей; выработка мер общей и личностной профилактики.

Изучая классификацию и типологию личности преступника, обращаем внимание на социальный

портрет лица, совершившего преступление. В научной литературе широко освещен метод моделирования при построении криминалистического (психологического) портрета [4, 12, 19].

Кроме этого, статистические данные позволяют проводить анализ совершенных преступных деяний. Так, в 2020 году в Российской Федерации наблюдается увеличение на 1,0% общего числа преступлений. В структуре преступности наибольших вес занимают кражи (36,7%), мошенничество (16,4%), а также взяточничество (0,7%), убийство (1,5%), хулиганство (0,1%), нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию (3,3%), нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (0,9%), грабеж и разбой (2,1%), присвоение или растрата (0,7%), прочие (37,6%). Представим характеристику лиц, совершивших преступления (табл. 1) [16].

Таблица 1

Характеристика лиц, совершивших преступления

Категория лиц	2019 год (всего 884661 чел.)		2020 год (всего 852506 чел.)	
	чел.	%	чел.	%
Несовершеннолетние	37953	4,3	33575	3,9
Женщины	142505	16,1	136318	15,9
Учащиеся, студенты	40910	4,6	34773	4,1
Лица, не имеющие постоянного источника дохода	563986	63,8	544829	63,9
Безработные	4935	0,6	7634	0,9
Ранее совершавшие преступления	504416	57	492107	57,7

Из данных, представленных в таблице следует, что общее количество преступлений имеет отрицательную динамику (-32155) в 2020 году в сравнении с 2019 годом. Несущественное снижение по количеству совершенных преступлений наблюдается среди несовершеннолетних, женщин, учащихся, студентами. Однако, зафиксировано некоторое увеличение преступлений, совершенных ли-

цами, не имеющими постоянного источника дохода, безработными и ранее совершавшими преступления.

Рассматривая структуру преступности, сформируем обобщенный портрет лиц, совершивших преступления, опираясь на ряд исследований (табл. 2).

Таблица 2

Социальный портрет лиц, совершивших преступления

Критерии	Кража (ст. 158 УК РФ) [17]	Мошенничество (ст. 159 УК РФ) [11]	Мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ) [3, 15]
Возраст	14-17 лет – 9% 18-30 лет – 58% 31-45 лет – 26% 45 и более лет – 7%	25-49 лет – 60%	18-24 лет – 39,6% 25-29 лет – 30,6% 30-49 лет – 26,8% 50 и старше – 2,9% или 16-25 лет – 52,1% 26-35 лет – 34,3% 36-45 лет – 13,6%

Продолжение таблицы 2

Пол	93% – мужчины 7% – женщины	64% – мужчины 36% – женщины	90% – мужчины или 91,7% – мужчины
Уровень образования	69% – среднее общее образование; 7-10% – начальное образование	50% – высшее или среднее специальное образование	37,4% – среднее специальное; 29,7% – высшее, неоконченное высшее; 26,3% – среднее общее; 6,3% – неполное среднее или 40% – среднее образование; 37% – среднее специальное; 23% – высшее образование
Род деятельности	Лица, не имеющие постоянного дохода	50% – не имеют постоянного дохода	23,4% – рабочие; 14,4% – служащие коммерческой или иной организации; 10,2% – учащиеся, студенты; 5,5% – предприниматели; 1,3% – государственные и муниципальные служащие или 59,3% – работники технической сферы и сферы обслуживания; 28,3% – безработные; 11,4% – учащиеся, студенты; 1% – служащие

Исходя из обобщенных данных, можно говорить о том, что тайное хищение чужого имущества чаще совершают мужчины 18-35 лет, ранее судимые, не имеющие постоянного заработка, не обучающиеся в учебных заведениях.

Несмотря на то, что большую часть преступлений по ст. 159 УК РФ совершают мужчины, женщины чаще совершают именно мошенничество, чем другие преступления.

Следует отметить, что в 2020 году зафиксировано 510396 преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации. В 2019 году таких преступлений выявлено 294409 [16]. Из представленных в таблице данных можно говорить о том, что преступления по ст. 159.6 УК РФ совершаются лицами преимущественно мужского пола от 16 до 45 лет, обла-

дающими либо большим опытом работы в сфере компьютерных технологий, либо такой опыт отсутствует.

Используя совокупные теоретические знания о классификации и типологии личности преступника, обратим внимание на их практическую значимость.

По данным работы ОП-1 Межмуниципального управления МВД России «Иркутское» девиантное поведение проявляется в основном у несовершеннолетних, проживающих в неблагополучных семьях. Родители злоупотребляют наркотическими средствами, алкогольной продукцией, страдают игроманией, ведут аморальный образ жизни. Общее количество несовершеннолетних, поставленных на учет и доставленных за совершение правонарушений, представлено в таблице (табл. 3).

Таблица 3

Общее количество несовершеннолетних

Месяц	2019 год												итого
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	
Количество несовершеннолетних, поставленных на учет, чел.	8	8	10	12	8	2	13	9	13	5	5	10	103
Количество несовершеннолетних, доставленных за совершение правонарушений	20	26	10	25	20	10	20	30	14	19	16	20	230

Продолжение таблицы 3

Месяц	2020 год												итого
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	
Количество несовершеннолетних, поставленных на учет, чел.	8	10	8	11	2	3	5	2	8	15	9	7	88
Количество несовершеннолетних, доставленных за совершение правонарушений	15	22	15	8	8	11	6	19	10	21	15	9	159

Среди несовершеннолетних, поставленных на учет:

- ранее судимые (в том числе осужденных условно) – 4,9% (2019 г.); 4,6% (2020 г.);
- поставленных на учет за употребление наркотических и психотропных веществ – 1,1% (2020 г.);
- поставленных на учет в системе АБД ИЦ – 95,1% (2019 г.); 94,3% (2020 г.).

Среди несовершеннолетних, доставленных за совершение правонарушений:

- состоящих на учете – 12,6% (2019 г.); 6,9% (2020 г.);
- в нетрезвом виде – 6,1% (2019 г.); 10,1% (2020 г.);
- в наркотическом состоянии – 0,9% (2019 г.);
- поставлено на дакто, видео, фото учеты – 12,6% (2019 г.); 11,9% (2020 г.);
- вынесено постановлений по п. 5 ст. 5 УПК РФ – 2,6% (2019 г.); 3,8% (2020 г.);
- в отношении которых вынесено постановление – 2,6% (2019 г.); 3,8% (2020 г.).

Несмотря на то, что среди несовершеннолетних не было выявлено лиц, которые совершили преступления по статистическим данным работы ОП-1 Межмуниципального управления МВД России «Иркутское», однако, смеем предположить, что значительная численность несовершеннолетних, состоявших на учете или совершивших правонарушения, в будущем склонны к совершению преступлений.

Так, например, можно сконструировать обобщенный психологический портрет несовершеннолетних, совершивших правонарушения, выделяя характерные черты поведения. Во-первых, это употребление алкогольных напитков, курение. Значительная часть правонарушений совершается в состоянии алкогольного опьянения. Во-вторых,

ведение бродяжнического образа жизни либо систематический побег из дома или воспитательных учреждений. В-третьих, половая распущенность. В-четвертых, демонстративное пренебрежение к общепринятым нормам поведения. В-пятых, низкий образовательный уровень, отсутствие увлечений, хобби. Ключевым мотивом в противоправных действиях несовершеннолетних является вызов окружающему миру, заключающийся в привлечении внимания к своей персоне. К сожалению, отсутствие правильно выстроенной социализации, недостаток родительского тепла и заботы толкают несовершеннолетних на правонарушения. В-шестых, слабо проявляется или отсутствует эмпатия, выраженная в сочувствии, сопереживанию, чувственности к другим людям и животным, а демонстрируется гнев, раздражительность, конфликтность.

Таким образом, исследуя классификацию и типологию личности преступника, как две взаимодополняющие категории, возможно составить обобщенный социальный портрет личности преступника и определить характерные черты поведения.

Следует помнить, что мотивы и причины совершения преступлений разнообразны. Считаем, что социально-экономические причины занимают ведущую роль. Это связано со стремлением удовлетворить свои потребности любым способом.

Кроме этого, на формирование личности преступника влияют мировоззренческие основы, формируемые социальной средой. Огромное значение в характеристике личности преступника играют индивидуально-личностные факторы. Важно понимать, что лежит в основе мотива совершения преступления: реализация личных амбиций, психологические особенности характера (акцентуации характера), психические травмы и др.

Литература

1. Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации»: [Электронный ресурс]. Программа инф. поддержки рос.науки и образования // Справ. правовые системы Консультант Плюс: Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>
2. Приказ Федеральной службы государственной статистики Министерства экономического развития РФ от 17.07.2019 № 409 «Об утверждении методики определения возрастных групп населения»: [Электронный ресурс]. Программа инф. поддержки рос.науки и образования // Справ. правовые системы Консультант Плюс: Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>
3. Афанасьева О.Р., Гончарова М.В., Шиян В.И. Криминология: учебник и практикум для академического бакалавриата. Москва: Изд-во Юрайт, 2018. 360 с.
4. Бадаева Ю.Р. Криминологический портрет личности преступника, совершившего преступление, предусмотренное статьей 282 УК РФ / Ю.Р. Бадаева // Молодой ученый. 2019. № 47 (285). С. 255 – 257.
5. Волженкин Б.В. Избранные труды по уголовному праву и криминологии (1963-2007 гг.). Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2008. 969 с.
6. Еникеев М.И. Юридическая психология. С основами общей и социальной психологии: учебник для вузов. М.: Норма, 2005. 640 с.
7. Ефремова Г.Х., Ратинов А.Р. Правовая психология и преступное поведение. Теория и методология исследования: монография. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1988. 256 с.
8. Жбанков В.А., Авдонин В.А. Специфика личности преступника при расследовании таможенных преступлений: монография. Москва: Российская таможенная академия, 2017. 124 с.
9. Иншаков С.М. Зарубежная криминология. М.: Изд. Группа ИНФРА.М-НОРМА, 1997. 374 с.
10. Коробеев А.И., Дремлюга Р.И., Кучина Я.О. Киберпреступность в Российской Федерации: криминологический и уголовно-правовой анализ ситуации // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 3. С. 416 – 425.
11. Кравцов И.А. Криминологические особенности личности преступников, совершающих мошенничества в России // Вестник Воронежского института МВД РФ. Воронеж, 2017. № 3. С. 134 – 139.
12. Леонгард К. Акцентуированные личности: пер. с нем. В. Лещинской. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 446 с.
13. Антонян Ю.М. и др. Личностные характеристики преступников: монография. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 311 с.
14. Лобас Н.С. Убийцы. Некоторые черты психофизики преступников. Со снимками преступников. Москва: Современная гуманитарная академия, 2008. 159 с.
15. Макушев Д.И. Криминологическая характеристика личности киберпреступника // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. Москва, 2016. № 3. С. 202 – 204.
16. Министерство внутренних дел: официальный сайт. Москва. URL: <http://мвд.рф/reports/item/21933965/> (дата обращения 25.05.2021).
17. Перица Е.И. Криминалистическая характеристика лиц совершающих кражи // Молодой ученый. 2013. № 12 (59). С. 672 – 673.
18. Познышев С.В. Криминальная психология. Преступные типы. Ленинград, Государственное издательство, 1926. // Пси-фактор: [сайт]. 2020. URL: <https://psyfactor.org/hist/poznishev-criminalniy.htm> (дата обращения: 10.05.2021)
19. Сибгатуллина С.Р. Психологический портрет преступника // Современные научные исследования и инновации. 2017. № 5.
20. Складов С.В., Евдокимов К.Н. Современные подходы к определению понятия, структуры и сущности компьютерной преступности в Российской Федерации // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2016. Т. 10. № 2. С. 322 – 330.
21. Шеслер А.В. Личность преступника в криминологических исследованиях советского периода // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14. № 2. С. 193 – 205.
22. Шкляр М.А. Отечественные теории причин преступности // Молодой ученый. 2018. № 19 (205). С. 346 – 348.
23. Эльконин Д.Б. Детская психология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / ред.-сост. Б. Д. Эльконин. 4-е изд., стер. М.: Издательский центр «Академия», 2007. 384 с.
24. Brenner S.W., Googman M.D. The emerging consensus on criminal conduct in cyberspace // UCLA Journal of Law and Technology. 2002. № 3.
25. Kabay M. Studies and Surveys of Computer Crime. Northfield, 2001.

References

1. Federal'nyj zakon ot 30.12.2020 № 489-FZ «O molodezhnoj politike v Rossijskoj Federacii»: [Elektronnyj resurs]. Programma inf. podderzhki ros.nauki i obrazovaniya. Sprav. pravovye sistemy Konsul'tant Plyus: Rezhim dostupa: <http://www.consultant.ru/>
2. Prikaz Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki Ministerstva ekonomicheskogo razvitiya RF ot 17.07.2019 № 409 «Ob utverzhdenii metodiki opredeleniya vozrastnyh grupp naseleniya» [Elektronnyj resurs]. Programma inf. podderzhki ros.nauki i obrazovaniya. Sprav. pravovye sistemy Konsul'tant Plyus: Rezhim dostupa: <http://www.consultant.ru/>
3. Afanas'eva O.R., Goncharova M.V., SHiyan V.I. Kriminologiya: uchebnik i praktikum dlya akademicheskogo bakalavriata. Moskva: Izd-vo YUrajt, 2018. 360 s.
4. Badaeva YU.R. Kriminologicheskij portret lichnosti prestupnika, sovershivshego prestuplenie, predusmotrennoe stat'ej 282 UK RF. YU.R. Badaeva. Molodoj uchenyj. 2019. № 47 (285). S. 255 – 257.
5. Volzhenkin B.V. Izbrannye trudy po ugolovnomu pravu i kriminologii (1963-2007 gg.). Sankt-Peterburg: YUridicheskij centr Press, 2008. 969 s.
6. Enikeev M.I. YUridicheskaya psihologiya. S osnovami obshchej i social'noj psihologii: uchebnik dlya vuzov. M.: Norma, 2005. 640 s.
7. Efremova G.H., Ratinov A.R. Pravovaya psihologiya i prestupnoe povedenie. Teoriya i metodologiya issledovaniya: monografiya. Krasnoyarsk: Izd-vo Krasnoyarsk. un-ta, 1988. 256 c.
8. ZHbankov V.A., Avdonin V.A. Specifika lichnosti prestupnika pri rassledovanii tamozhennyh prestuplenij: monografiya. Moskva: Rossijskaya tamozhennaya akademiya, 2017. 124 c.
9. Inshakov S.M. Zarubezhnaya kriminologiya. M.: Izd. Gruppy INFRA.M-NORMA, 1997. 374 s.
10. Korobeev A.I., Dremlyuga R.I., Kuchina YA.O. Kiberprestupnost' v Rossijskoj Federacii: kriminologicheskij i ugolovno-pravovoj analiz situacii. Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2019. T. 13. № 3. С. 416 – 425.
11. Kravcov I.A. Kriminologicheskie osobennosti lichnosti prestupnikov, sovershayushchih moshennichestva v Rossii. Vestnik Voronezhskogo instituta MVD RF. Voronezh, 2017. № 3. S. 134 – 139.
12. Leongard K. Akcentuirovannye lichnosti: per. s nem. V. Leshchinskoj. M.: EKSMO-Press, 2001. 446 s.
13. Antonyan YU.M. i dr. Lichnostnye harakteristiki prestupnikov: monografiya. Moskva: YUNITI-DANA, 2017. 311 c.
14. Lobas N.S. Ubijcy. Nekotorye cherty psihofiziki prestupnikov. So snimkami prestupnikov. Moskva: Sovremennaya gumanitarnaya akademiya, 2008. 159 c.
15. Makushev D.I. Kriminologicheskaya harakteristika lichnosti kiberprestupnika. Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk. Moskva, 2016. № 3. S. 202 – 204.
16. Ministerstvo vnutrennih del: oficial'nyj sajt. Moskva. URL: <http://mvd.rf/reports/item/21933965/> (data obrashcheniya 25.05.2021).
17. Perina E.I. Kriminalisticheskaya harakteristika lic sovershayushchih krazhi. Molodoj uchenyj. 2013. № 12 (59). S. 672 – 673.
18. Poznyshev S.V. Kriminal'naya psihologiya. Prestupnye tipy. Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1926. Psi-faktor: [sajt]. 2020. URL: <https://psyfactor.org/hist/poznishev-criminalny.htm> (data obrashcheniya: 10.05.2021)
19. Sibgatullina S.R. Psihologicheskij portret prestupnika. Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovacii. 2017. № 5.
20. Sklyarov S.V., Evdokimov K.N. Sovremennye podhody k opredeleniyu ponyatiya, struktury i sushchnosti komp'yuternoj prestupnosti v Rossijskoj Federacii. Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava. 2016. T. 10. № 2. С. 322 – 330.
21. SHesler A.V. Lichnost' prestupnika v kriminologicheskikh issledovaniyah sovetskogo perioda. Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2020. T. 14. № 2. С. 193 – 205.
22. SHklyar M.A. Otechestvennye teorii prichin prestupnosti. Molodoj uchenyj. 2018. № 19 (205). S. 346 – 348.
23. El'konin D.B. Detskaya psihologiya: ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. Zavedenij. red.-sost. B. D. El'konin. 4-e izd., ster. M.: Izdatel'skij centr «Akademiya», 2007. 384 s.
24. Brenner S.W., Googman M.D. The emerging consensus on criminal conduct in cyberspace. UCLA Journal of Law and Technology. 2002. № 3.
25. Kabay M. Studies and Surveys of Computer Crime. Northfield, 2001.

*Shatskaya E.A., Candidate of Sociological Sciences (Ph.D.),
East-Siberian Institute of the Ministry of
Internal Affairs of the Russian Federation*

PERSONALITY OF THE CRIMINAL IN THE CONTEXT OF INTERDISCIPLINARY RESEARCH

Abstract: the author of the article proposed the theoretical analysis of the classification and typology of persons who committed crimes. Various classifications and typology of criminals allocated on different grounds are given, namely: on the socio-demographic, according to the legal, on the motivational, in terms of the level of danger. The object of the study is the typology and classification of persons who have committed crimes. The subject of the study is the social portrait of people who have committed crimes. The author considers the theoretical foundations of the typology and classification of persons who committed crimes in detail. Special attention by the author drew on minors who committed offenses. The generalized psychological portrait of minors who committed offenses were proposed, their characteristic features of behavior were allocated. The main conclusions of the study can be attributed to what is changing not only the method of committing a crime, but also criminal behavior. A feature of the theoretical analysis is a clear characteristics of the dedicated signs of persons prone to committing crimes. The novelty of the study is that classification and typology of both complementary categories make it possible to compile a social portrait of the personality of a criminal, which can be taken as a basis for preventive measures to prevent unlawful actions. In addition, the knowledge of the characteristics of the personality of the criminal contribute to the identification of preparing crimes, timely work with minors who fell into a difficult life situation.

Keywords: classification, personality, motivation, criminal, sign, social portrait, typology structure, typology, personality characteristics

*Магомедова Е.А., кандидат юридических наук, доцент,
Воробьева М.О.,
Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского,
Зайцева М.А.,
Калужский институт (филиал) Московского
гуманитарно-экономического университета*

АДВОКАТУРА КАК ИНСТИТУТ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация: в статье проводится исследование существующих в современной отечественной юридической науке точек зрения по вопросу адвокатуры как института гражданского общества. Исследуются доктринальные позиции, отражающие противоположные точки зрения на вопрос включения адвокатуры в структуру гражданского общества. Авторы, апеллируя к законодательно закреплённому статусу адвокатуры в Российской Федерации, излагают позицию, заключающуюся в признании адвокатуры институтом гражданского общества. Кроме того, приводятся аргументы в пользу рассмотрения института адвокатуры в контексте гражданского общества в части деятельности адвокатов по повышению уровня правосознания и правовой культуры общества. Также авторами высказываются предложения о более широком использовании адвокатского представительства в консультативных советах при органах государственной власти в целях укрепления статуса адвокатуры как института гражданского общества. Определённое внимание уделено исследованию сложного и дискуссионного вопроса адвокатской монополии. Подчеркивается, что предпринятые попытки модернизировать действующее законодательство по данному вопросу в настоящее время не получили логического завершения. Также в заключительной части статьи формулируются предложения по совершенствованию законодательства об адвокатуре, касающиеся повышения эффективности защиты прав и свобод человека и гражданина данным институтом гражданского общества.

Ключевые слова: адвокатура, гражданское общество, адвокатская монополия, междисциплинарный подход, адвокатская деятельность, юридическая наука, законодательство

Современный этап развития научного юридического знания в России характеризуется целым рядом тенденций, которые сформировались в начале двадцатого века и продолжают развиваться в настоящее время. Представляется, что основной из этих тенденций является использование междисциплинарного подхода к познанию явлений и процессов государственно-правовой действительности нашей страны. Характеризуя междисциплинарный подход к познанию правовой плоскости, отметим, что «междисциплинарный подход выступает синтезирующим конструктом, или алгоритмом поиска, общего и особенного, движения от абстрактного к конкретному, от простого к сложному и так далее в построении и производстве знания, обосновываемого при помощи философии и социологии права, истории и политологии права, экономико-правовых, теоретико-правовых и иных научных подходов и направлений в объяснении одного и того же объекта» [8, с. 382-383].

Принимая во внимание вышеприведённые теоретические постулаты, считаем возможным использование междисциплинарного подхода при исследовании адвокатуры как института гражданского общества. Представляется, что данный подход будет весьма продуктивен, поскольку, с одной стороны, позволит охарактеризовать адвокатуру

как институт гражданского общества с учетом проблемности и дискуссионности этого вопроса, а с другой стороны – даст возможность сформулировать предложения по модернизации отечественного законодательства в части совершенствования правового статуса адвокатуры в контексте развития гражданского общества в современной России.

Прежде, чем характеризовать адвокатуру как институт гражданского общества, считаем целесообразным обратиться к определению понятия «гражданское общество», разрабатываемому современной юридической наукой. В формате дефиниции данного понятия существует определенный терминологический разнобой. Однако в целом гражданское общество можно определить как совокупность нравственных, религиозных, национальных, социально-экономических, семейных отношений и институтов, с помощью которых удовлетворяются интересы индивидуумов и их групп [5, с. 64]. При этом необходимо констатировать, что данное понятие входит в предмет исследования не только юристов, но и политологов, социологов, историков при чем как представителей отечественного гуманитарного знания, так и зарубежного. В этой связи, а также с учетом темы статьи, стоит обозначить, что А.С. Туманова, исследуя концепции гражданского общества, говорит, что Ю. Хабермас понимает гражданское общество

как общественную сферу, расположенную между личностью и государством, где осуществляется их коммуникация [9, с. 12]. Данная дефиниция представляется наиболее продуктивной в разрезе исследования адвокатуры как института гражданского общества.

В соответствии с Конституцией РФ «человек, его права и свободы являются высшей ценностью» [1]. Эта ключевая норма, является краеугольным камнем в построении демократического правового государства в нашей стране. Когда права и свободы человека не могут быть в полной степени защищены и ущемляются без должного восстановления, происходит посприание не только норм, содержащихся в действующем законодательстве, но и нарушение основного закона страны. Данные обстоятельства вынуждают граждан отстаивать свои интересы и настаивать на протекции декларированных и закрепленных прав посредством использования потенциала институтов гражданского общества, являющихся связующим звеном между личностью и государством. Одним из таких институтов гражданского общества является адвокатура, цель которой в соответствии со статьей 1 Федерального закона Федеральный закон от 31.05.2002 №63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре Российской Федерации» – защита прав и свобод человека и гражданина, а также обеспечение доступа к правосудию. Статья 3 данного закона закрепляет, что адвокатура является элементом гражданского общества [3].

Реализация адвокатурой своих публично-правовых функций происходит через многостороннюю деятельность по защите прав и свобод личности. По нашему мнению, принципы функционирования адвокатуры являются одним из оснований включения данного института в структуру гражданского общества. В соответствии с Федеральным законом от 31.05.2002 №63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре Российской Федерации» адвокатура действует на основе следующих принципов: законность; независимость; самоуправление; корпоративность; равноправие (адвокаты равны между собой) [3].

Принципы определяют, что адвокатуре как институту гражданского общества присуще независимость от государства и лиц, обладающих определенными полномочиями властного характера. Если к адвокату обратился клиент, то способ защиты адвокат выбирает сам, при этом на него не имеют права оказывать внешнее влияние какие-либо государственные органы. Именно в таком статусе адвокатуру возможно рассматривать в контексте гражданского общества, сдерживающего и ограничивающего систему государственного давления.

Вместе с тем необходимо констатировать, что в юридической науке существует точка зрения, что адвокатура выделяется в качестве института гражданского общества ошибочно. Некоторые ученые полагают, что принадлежность адвокатуры к гражданскому обществу имеет декларативный характер, а законодательное закрепление адвокатуры как института гражданского общества произошло только по причине схожести признаков адвокатуры с признаками гражданского общества. Так, по мнению М.В. Ситникова, адвокатуру нельзя рассматривать как институт гражданского общества, поскольку ей не хватает двух обязательных признаков – общественности и добровольности [7, с. 67]. Здесь ученый, аргументирую свою позицию обозначает, что для того чтобы стать членом адвокатского сообщества необходимо соответствовать определенным требованиям, которые перечислены в статье 9 Федерального закона от 31.05.2002 №63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре Российской Федерации»: высшее юридическое образование, либо ученая степень по юридической специальности; стаж работы по юридической специальности не менее двух лет либо пройти стажировку в адвокатском образовании. Не могут приобрести статус адвоката лица: признанные недееспособными или ограниченно дееспособными; имеющие непогашенную или неснятую судимость за совершение умышленного преступления [3].

Складывается мнение, что признак общественности действительно не может быть связан с адвокатурой, так как речь идет о профессиональном сообществе. Но относительно института адвокатуры признак общественности не значителен, потому что если рассматривать другие институты гражданского общества, то очевидно, что для вступления в них также необходимо соответствовать определенному перечню критериев. Второй признак, который М.В. Ситников не находит у адвокатуры – это добровольность. Здесь подразумевается, что адвокаты обязаны являться членами адвокатских палат и нести ряд обременений как финансовых, так и организационных. Но ведь членство в некоторых институтах гражданского общества также наделяет соответствующего субъекта не только определенным перечнем прав но и спектром обязанностей, что в принципе предполагает и статус адвоката. Поэтому, доктринальные позиции, предполагающие исключение адвокатуры из институтов гражданского общества, по нашему мнению являются не состоятельными.

С учетом дискуссионности вопроса принадлежности адвокатуры к институтам гражданского общества, следует констатировать, что она является особым институтом гражданского общества,

выделяемым в отдельную категорию. В связи с чем считаем необходимым исследовать, какие признаки позволяют детерминировать её особый, отличный от других институтов гражданского общества, характер. Г.Б. Мирзоева считает, что особенным адвокатуре делает то, что она исполняет роль не только института гражданского общества, но и его защитника [6, с. 150]. То есть в обязанности адвокатуры входит отстаивание интересов общественных групп. Как было сказано выше, адвокаты реализуют свою деятельность через представительство и защиту конкретных лиц. Но реализуя цель, направленную на удовлетворение интереса частного лица, невозможно отказаться от юридических концептов достижения истины, охраны прав и свобод граждан и общечеловеческих ценностей. А такие концепты не могут быть обращены на индивидуализированных персон, такие концепты обеспечивают защиту корпоративных интересов, порой это группы населения выделяемые по определенным критериям: национальность, вероисповедание, политические взгляды или общая деятельность. Именно поэтому демократическое государство и порождает независимую адвокатуру, чтобы уберечь тех, кто может пострадать от крупной бюрократической машины управления. Получается, что адвокатуре предоставляется возможность представлять и защищать интересы отдельной личности, социальной группы и общество в целом.

В качестве дополнительного аргумента в пользу признания адвокатуры институтом гражданского общества необходимо обозначить, что адвокаты, посредством оказания профессиональной юридической помощи, совершенствуют правовую культуру населения. А совершенствование правовой культуры населения и повышение уровня общественного правосознания стимулирует развитие гражданского общества. Кроме того, немаловажную роль играют такие общественные объединения адвокатов, которые преследуют своей целью эскалацию эффективности правовой защиты различных слоев населения, а также осуществление информационной деятельности по просвещению населения в области права. В этой связи предлагается создать в субъектах РФ такие образования (возможно в виде комиссий), в которых будут решаться задачи правового просвещения населения. В состав таких комиссий обязательно надо включить представителей адвокатского сообщества.

Также необходимо увеличить число представителей адвокатского сообщества в общественных советах при органах государственной власти. Если установить квоту количества адвокатов в образованиях такого рода, это повысит качество их дея-

тельности, потому что именно адвокаты в большинстве своем обладают активной гражданской позицией и высоким уровнем правовой культуры.

Профессиональные адвокаты зачастую являются активными участниками политической жизни страны. Адвокаты, занимающиеся социальной поддержкой населения и благотворительностью, безусловно, оказывают самое благотворное влияние на устройство общественной жизни. И, несмотря на то, что в таких ипостасях они выступают как лица, занимающиеся не адвокатской, а публичной деятельностью, все же их специальные навыки и понимание организационного правового устройства государства позволяют им успешно реализовываться в формате функционирования гражданского общества.

В развитие темы статьи представляется целесообразным обратиться к проектам нормативных правовых актов, предполагающих модернизацию правового обеспечения деятельности адвокатуры как института гражданского общества. Так, 27 сентября 2017 года в Государственную Думу Российской Федерации поступил законопроект №273154-7 «Об осуществлении представительства сторон в судах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты». Данным законопроектом было предложено внести ряд изменений в законодательство РФ – а центральным пунктом этого законопроекта являлось сужение круга лиц способных являться представителями в суде. Идея такого законопроекта состояла в том, чтобы представлять интересы в судах могли только высококвалифицированные специалисты, и снизить количество предоставляемых низкокачественных юридических услуг на территории России.

24 октября 2017 года на официальном сайте Министерства юстиции РФ был размещен проект Концепции регулирования рынка профессиональной юридической помощи, в контексте госпрограммы Российской Федерации «Юстиция» [4]. Положения проекта данной концепции закрепляют, что с 2023 года оказанием юридической помощи, в том числе осуществлением представительства в суде, на возмездной основе смогут заниматься только адвокаты и адвокатские образования. На наш взгляд, эти изменения имеют позитивный характер, поскольку адвокатская монополия снизит число рисков для процессуальных сторон из-за повышения требований к лицу, оказывающему юридическую помощь в данном формате.

Приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что на сегодняшний день в гражданском обществе РФ вызревают предпосылки для установления адвокатской монополии: потребность в четком урегулировании юридической деятельно-

сти, совершенствовании состояния гражданского судопроизводства, эскалации качества его функционирования. Адвокатская монополия – это хороший способ повышения добротности предоставляемых юридических услуг населению.

Однако негативной стороной адвокатской монополии является то, что при реализации данного проекта «бенефициарами» преобразованного рынка юридических услуг окажется Министерство юстиции РФ. Так как в соответствии с проектом вышеупомянутой концепции данный орган будет иметь полный контроль над всем рынком юридических услуг через взаимосвязи с руководящим составом крупнейших адвокатских образований. Это следует из того, что договоры на оказание юридических услуг планируется заключать не напрямую с адвокатами (членами вышеуказанных коллегий или бюро), а с адвокатскими образованиями, руководство которых в свою очередь будет распределять поступающие обращения на оказание юридической помощи между членами адвокатского образования, с учетом своих «личных предпочтений».

Поэтому введение адвокатской монополии – это сложный, проблемный, дискуссионный вопрос, особенно в части функционирования адвокатуры как института гражданского общества. В этом контексте важно, чтобы в разрезе адвокатской монополии, представители адвокатуры как института гражданского общества, осуществляющие свою деятельность за материальное вознаграждение, понимали, что оно не является конечной целью их деятельности, а относились к материальному вознаграждению как к компенсации затраченных усилий.

Также следует сказать о наличии серьезной проблемы, связанной с нарушением профессиональных прав защитников в виде недопуска либо несвоевременного допуска к их доверителям, подозреваемым в совершении административных или уголовных правонарушений. Одним из примеров таких нарушений является введение плана «Крепость» фактически представляющего собой не что иное, как ограничение действия норм Конституции РФ, мотивированное необходимостью обеспечения антитеррористической защищенности зданий отделов внутренних дел. Решение данной проблемы не может быть сведено к какому-то одноразовому и точечному действию, в данной ситуации речь идет о существенном «сбое» в правосознании лиц, допускающих такие действия. Адвокат является независимым элементом в рамках системы осуществления правосудия. Его присутствие на досудебных стадиях в этом качестве гарантирует должную реализацию прав граждан, связанных с осуществлением в отношении них

процедур публичного преследования. Именно поэтому международным стандартом справедливого правосудия закреплена возможность получения квалифицированной юридической помощи и допуск адвоката к защищаемому им лицу с момента фактического задержания. В противном случае лишение этого ключевого конституционного права ставит под сомнение законность всей процедуры публичного преследования и справедливость итогового акта правосудия.

Адвокатура как институт гражданского общества – это механизм социального контроля над государственной деятельностью выраженный посредством узаконенного противопоставления между этактистскими институтами и институтом адвокатуры, проявляющийся через протекцию клиентов, нуждающихся в защите от произвола государственных органов в целом и органов судебной власти, в частности. Так в процессе судопроизводства адвокат обязан выявлять ошибки органов следствия и пресекать их противозаконные последствия в отношении своего клиента, обеспечивая принципы законности и охраны прав и свобод человека и гражданина, а также обеспечивая своему клиенту право на защиту.

Вместе с тем анализ содержания правовых предписаний, закрепляющий правовой статус адвоката в контексте уголовного судопроизводства, позволил выявить негативную черту, свойственную отечественному правосудию и являющуюся проблемой для адвокатуры как института, причисляемого к гражданскому обществу и защищающего его. В статьях 15 и 244 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации установлены соответственно состязательность и равноправие сторон [2]. Однако данные положения де-факто не могут быть реализованы стороной защиты, потому что полноценного права на оценку доказательств законодателем не было предусмотрено для стороны защиты. Об оценке доказательств речь может идти, только если мы говорим о стороне обвинения. В статье 88 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации говорится о том, что доказательства подлежат оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – достаточности для разрешения уголовного дела. Статья 17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации определяет перечень лиц, обладающих правом свободной оценки доказательств. К ним относятся судья, присяжные заседатели, прокурор, следователь, дознаватель [2]. Из указанного следует, что адвокат отсутствует в перечне лиц, которые могут оценивать доказательства. Становится очевидным, какое значение это имеет для судей, которые, об-

рашаясь к данным нормам, могут игнорировать доводы защиты, приведенные по оценке каких-либо доказательств. По нашему мнению, необходимо совершенствовать действующее законодательства в части обеспечения права стороны защиты в уголовном судопроизводстве на оценку и переоценку доказательств.

Таким образом, по результатам проведенного в данной статье исследования считаем возможным констатировать, что адвокатуру необходимо счи-

тать институтом гражданского общества. Тем более, что данное положение получило правовое закрепление в Федеральном законе «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Именно данный подход к оценке адвокатуры создает предпосылки для качественного и эффективного её функционирования как элемента гражданского общества, способствующего его поступательному развитию, а, следовательно, и построению в нашей стране правового государства.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (действующая редакция) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.06.21)
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (действующая редакция) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.01.21)
3. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (действующая редакция) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.01.21)
4. Проект концепции регулирования рынка профессиональной юридической помощи [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства Юстиции Российской Федерации. URL: <http://minjust.ru/ru/novosti/opublikovanproekt-konceptii-regulirovaniya-rynka-professionalnoy-yuridicheskoypomoshchi>
5. Короткова О.А., Белова К.И. Проблемы построения гражданского общества // Вестник Калужского университета. 2019. № 1. С. 27 – 30.
6. Мирзоев Г.Б. Адвокатура как правовой институт гражданского общества // Адвокатура. Государство. Общество: Сборник материалов X ежегодной научно-практической конференции. М.: Федеральная палата адвокатов, 2015. С. 143 – 152.
7. Ситников М.В. Проблемы правового регулирования взаимодействия адвокатуры и институтов гражданского общества в современной России // Современное право. 2013. № 10. С. 66 – 68.
8. Степаненко Р.Ф. Общеправовая теория маргинальности и стратегии правового развития // Стратегии правового развития России / Под ред. О.Ю. Рыбакова. М.: Юстиция, 2015. С. 381 – 385.
9. Туманова А.С. Концепции гражданского общества западных обществоведов XX века // Гражданское общество в России и за рубежом. 2013. № 1. С. 11 – 16.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii (dejstvuyushchaya redakciya). SPS «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya: 15.06.21)
2. Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 18.12.2001 № 174-FZ (dejstvuyushchaya redakciya). SPS «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya: 15.01.21)
3. Federal'nyj zakon ot 31.05.2002 № 63-FZ «Ob advokatskoj deyatel'nosti i advokature v Rossijskoj Federacii» (dejstvuyushchaya redakciya). SPS «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya: 15.01.21)
4. Proekt koncepcii regulirovaniya rynka professional'noj yuridicheskoy pomoshchi [Elektronnyj resurs]. Oficial'nyj sajт Ministerstva YUsticii Rossijskoj Federacii. URL: <http://minjust.ru/ru/novosti/opublikovanproekt-konceptii-regulirovaniya-rynka-professionalnoy-yuridicheskoypomoshchi>
5. Korotkova O.A., Belova K.I. Problemy postroeniya grazhdanskogo obshchestva. Vestnik Kaluzhskogo universiteta. 2019. № 1. S. 27 – 30.
6. Mirzoev G.B. Advokatura kak pravovoj institut grazhdanskogo obshchestva. Advokatura. Gosudarstvo. Obshchestvo: Sbornik materialov X ezhegodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. M.: Federal'naya palata advokatorov, 2015. S. 143 – 152.
7. Sitnikov M.V. Problemy pravovogo regulirovaniya vzaimodejstviya advokatury i institutov grazhdanskogo obshchestva v sovremennoj Rossii. Sovremennoe pravo. 2013. № 10. S. 66 – 68.
8. Stepanenko R.F. Obshchepравovaya teoriya marginal'nosti i strategii pravovogo razvitiya. Strategii pravovogo razvitiya Rossii. Pod red. O.YU. Rybakova. M.: YUsticiya, 2015. S. 381 – 385.
9. Tumanova A.S. Koncepcii grazhdanskogo obshchestva zapadnyh obshchestvedov XX veka. Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii i za rubezhom. 2013. № 1. С. 11 – 16.

*Magomedova E.A., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Vorobyova M.O.,
Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky,
Zaitseva M.A.,
Kaluga Institute (branch) of the Moscow
University of Humanities and Economics*

ADVOCACY AS AN INSTITUTION OF CIVIL SOCIETY: PROBLEMATIC ASPECTS

Abstract: the article examines the existing points of view in modern Russian legal science on the issue of the bar as an institution of civil society. The author examines the doctrinal positions reflecting the opposite points of view on the issue of the inclusion of the bar in the structure of civil society. The authors, appealing to the legally established status of the Bar in the Russian Federation, state the position that the bar is recognized as an institution of civil society. In addition, arguments are given in favor of considering the institution of advocacy in the context of civil society in terms of the activities of lawyers to improve the level of legal awareness and legal culture of society. The authors also make proposals for a wider use of lawyer representation in advisory councils under state authorities in order to strengthen the status of the bar as an institution of civil society. Some attention is paid to the study of the complex and controversial issue of the lawyer monopoly. It is emphasized that the attempts made to modernize the current legislation on this issue have not received a logical conclusion yet. Also, in the final part of the article, proposals are formulated to improve the legislation on the bar, concerning increasing the effectiveness of the protection of human and civil rights and freedoms by this institution of civil society.

Keywords: bar, civil society, lawyer monopoly, interdisciplinary approach, advocacy, legal science, legislation

Слепцов А.Н., кандидат юридических наук,
Слепцова И.А.,
Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова

К ВОПРОСУ О СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ ПО ВОПРОСАМ ЗАЩИТЫ ИСКОННОЙ СРЕДЫ ОБИТАНИЯ И ТРАДИЦИОННОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ МАЛОЧИСЛЕННЫХ ЭТНИЧЕСКИХ ОБЩНОСТЕЙ

Аннотация: статья посвящена анализу судебной практики о защите исконной среды обитания, традиционного образа жизни, хозяйственной деятельности и промыслов коренных малочисленных народов Севера.

Право коренных малочисленных народов на доступ к земле, природным и водным биологическим ресурсам, на традиционное природопользование являются основополагающими в системе конституционно-правового статуса этих народов.

Одним из механизмов защиты прав является судебная защита, которая имеет свои особенности. Это государственные гарантии прав малочисленных народов на судебную защиту исконной среды обитания, традиционного образа жизни, хозяйственной деятельности и промыслов. При рассмотрении судебных споров всеми судами с участием лиц, относящимся к малочисленным народам, могут приниматься во внимание традиции и обычаи этих народов. Право обжалования общинами действий органов государственной власти, органов местного самоуправления и их должностных лиц, ущемляющих права общин и их членов, право на возмещение убытков, причиненных общине в результате деятельности юридических лиц всех форм собственности.

Особое место коренных малочисленных народов среди коренных народов страны, вызвано географическими и климатическими особенностями их исконной среды обитания в Арктике. Именно эти особенности привели к тому, что традиционными видами хозяйственной деятельности и основой жизни этих народов является оленеводство, охота и рыболовство.

Значение судебной защиты исконной среды обитания, традиционного образа жизни, хозяйственной деятельности и промыслов малочисленных народов неосцимемо, она позволяет не только восстановить нарушенные права граждан или их объединений, охранять уникальную природу Арктики, но и скорректировать законодательство и правоприменительную практику в русле требований Конституции России.

Ключевые слова: Конституция России, судебная защита, малочисленные народы, исконная среда обитания, традиционное природопользование, традиционный образ жизни, возмещение убытков

Введение

Известно, что Россия является многонациональным и социальным государством.

В настоящее время к коренным малочисленным народам официально относят более 40 народов. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., их общая численность составляла 257,9 тыс. человек, а общая численность отдельных малочисленных народов колеблется от 44,6 тыс. человек (ненцы) до 227 человек (энцы).

Доступ к земле, родовым угодьям, природным и водным биологическим ресурсам, права на традиционное природопользование являются основополагающими в системе конституционно-правового статуса этих народов. Одним из механизмов защиты прав находящихся на грани исчезновения этносов является судебная защита. Они имеют право на защиту исконной среды обитания, традиционного образа жизни, органами власти принимаются во внимание традиции и обычаи этих народов.

Судебная практика

В судебной практике судов общей юрисдикции последних лет было много дел о признании при-

надлежности к малочисленным народам. Такие споры были вызваны отсутствием в паспорте отметки о национальности, а имеющаяся информация из свидетельства о рождении, не всегда была законным основанием для органов власти при решении социальных вопросов.

На основе правоприменительной практики были внесены изменения в действующее законодательство. В настоящее время органами власти, на основании заявления граждан, составляются списки лиц, относящихся к этим народам.

Одним из актуальных проблем общественных отношений и правоприменительной практики является вопрос эффективного взаимодействия недропользователей и малочисленных народов.

Только в Якутии принят единственный в стране нормативный правовой акт об этнологической экспертизе. Опыт Якутии показывает, что при проведении государственной этнологической экспертизы взаимоотношения между промышленными компаниями и народами Севера переводятся в правовое русло с участием Правительства Республики Саха (Якутия], общественных и научных институтов, что обеспечивает реализацию конститу-

ционных гарантий, направленных на защиту исконной среды обитания и традиционного образа жизни этих самобытных народов[1].

Ярким примером эффективности правового акта, является решение Верховного Суда Республики Саха (Якутия). Жители национального эвенкийского села Иенгра Нерюнгринского района потребовали от старательной артели ООО «Артель старателей Новая», в соответствии с республиканским законом провести этнологическую экспертизу добычи россыпного золота, которая и могла нанести вред здоровью населения и традиционным видам хозяйственной деятельности – оленеводству, охотничьим и рыболовным промыслам.

После официального отказа недропользователя от проведения этнологической экспертизы, в интересах неопределенного круга лиц прокурор обратился в суд с иском к старательской артели о возложении обязанности провести этнологическую экспертизу.

Судебным решением города Нерюнгри, затем Верховным судом Якутии, ООО «Артель старателей Новая» было предписано провести государственную этнологическую экспертизу бизнес-проекта.

В Республике Коми Российской Федерации сельскохозяйственный производственный кооператив (СХПК) «Красный Октябрь» обратился в суд с иском к представителям коренных малочисленных народов – ненцам с требованием освободить земельный участок от чумов и оленеводческого стойбища и о запрете выпаса оленей на земельном участке, который кооператив взял в аренду. СХПК «Красный Октябрь» в доказательство своих прав представил заключенный с муниципальным образованием «Город Воркута» Республики Коми договор аренды земельного участка.

Спор между СХПК «Красный Октябрь» и оленеводами-ненцами возник в связи с заявлением обеими сторонами права на пользование одним и тем же земельным участком. Ненцы в свою очередь заявили, что они являются представителями малочисленных народов и обладают правом на пользование оспариваемым земельным участком на основе своих обычаев, согласно которым ненцы – кочевой народ, издавна кочующий по оспариваемой территории. Также ответчики отметили, что ограничение размещения чумов и стойбища на Воркутинских землях приведет к ущемлению их обычного права.

Согласно решению суда ненцев обязали освободить земельный участок от самовольно размещенных на нем чумов и оленеводческого стойбища, а также запретили выпас оленей на земельном

участке. Дело дошло до Верховного суда Республики Коми.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда Республики Коми установила, что решение городского суда Воркуты от 23 мая 2012 г является законным и обоснованным и отмене по доводам апелляционной жалобы не подлежит.

Верховный Суд Российской Федерации практически не рассматривает споры с участием представителей малочисленных народов.

Можно отметить, только Постановление Пленума Верховного Суда России от 23 ноября 2010 года (с изм. от 18 октября 2012 г.) в котором раскрывались особенности квалификации традиционного рыболовства. Была дана правовая оценка таким понятиям как традиционное рыболовство, традиционное природопользование.

Верховный Суд Российской Федерации, опираясь на положения федерального законодательства отметил, что право на традиционные виды деятельности имеют лица относящиеся к малочисленным народам постоянно проживающим в местах традиционного проживания, а также лица, не относящиеся к малочисленным народам, при условии, что они постоянно проживают в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов, ведут такой же как и эти народы, традиционный образ жизни.

Инициаторами обращений в Конституционный Суд РФ являются органы региональной публичной власти, общественные объединения малочисленных народов и отдельные граждане.

Особо следует отметить, Постановление Конституционного Суда РФ обращению гражданина Г.К. Щукина -главы семейно-родовой общины коренного малочисленного народа «Долган», председателя Ассоциации общественных объединений коренных малочисленных народов Севера Таймырского Долгано-Ненецкого района Красноярского края 8 от 28 мая 2019 года №21-П.

Осенью 2014 года Щукин предложил председателям семейно-родовых общин одноразово произвести отстрел дикого северного оленя, поручив добычу охотникам в объеме, рассчитанном на всех членов общины (при квоте 8 оленей на человека – около 217 особей). Делегирование общинных лимитов, рассчитанных на одного охотника, вызвали претензии правоохранительных органов.

Суды признали Щукина виновным в подстрекательстве к незаконной охоте, совершенной группой лиц по предварительному сговору. От назначенного наказания в виде штрафа 120 тыс. рублей он был амнистирован.

По мнению заявителя, практика применения оспариваемых норм не соответствуют Конститу-

ции РФ. Право коренных малочисленных народов осуществлять свободную (без каких-либо разрешений) охоту в целях ведения традиционного образа жизни и хозяйства предоставлено только лично, каждому члену семейно-родовых общин. Не имеющие охотничьего билета, возможности самостоятельно охотиться по состоянию здоровья, малолетству или в силу других причин лишаются данных гарантий. Заявитель полагает необоснованным запрет членам общины делегировать свое право на охоту в пределах установленных лимитов уполномоченным охотникам.

Давая толкование нормам Федерального закона «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» конституционная судебная инстанция страны вышла на несколько актуальных вопросов правоприменительной практики по традиционным видам хозяйственной деятельности малочисленных народов, как охота и оленеводство.

Конституционный суд отметил, особое место народов Севера, среди иных народов страны, что вызвано географическими и климатическими особенностями их среды обитания, которая практически все представляет сухопутную территорию российской Арктики. Именно эти особенности привели к тому, что традиционными видами хозяйствования этих народов является оленеводство и охота.

Для обеспечения ведения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности традиционная охота малочисленных народов определена законодателем отдельным видом охотничьего промысла. Подобный вид охотничьего промысла осуществляется без разрешения на добычу дичи, а объем добычи охотничьих ресурсов определяется с учетом количества необходимого для личного потребления по лимиту установленном органом власти субъекта по согласованию федеральным органом. Более того, эти лимиты не облагаются сборами.

Согласно действующего законодательства добыча дичи возможна только лицами имеющими разрешение на хранение и ношение охотничьего оружия и охотничий билет. Охотник имеет права добывать охотничьи ресурсы как для личных нужд, так и нужд членов общины (в том числе работающих в иных сферах). При этом переуступка вышеуказанного права иным лицам запрещено.

Охота, как основной вид традиционной деятельности должна быть прописана в учредительных документах общины малочисленного народа.

Споры о сути статуса малочисленных народов в сфере защите исконной среды обитания, традиционного образа жизни, хозяйственной деятельно-

сти и промыслов коренных малочисленных народов Севера рассматривались в органах региональной юстиции субъектов Российской Федерации.

Следует особо отметить, решения Конституционного суда Якутии в частности республиканский орган конституционной юстиции разъяснял суть конституционно-правового статуса народов Севера в сфере защиты исконной среды обитания, на социальную поддержку в сфере образования и подготовки кадров, на учет местных особенностей территории при организации местного самоуправления, на приоритетное пользование промысловыми охотничьими угодьями на территориях традиционного природопользования, на традиционное рыболовство в целях удовлетворения личных нужд представителей малочисленных народов.

В частности, Конституционный суд раскрывая содержание норм прав малочисленных народов на традиционный образ жизни пришел к выводу, что под этим надо понимать право проживать в границах исторически сложившихся территории и вести традиционные формы хозяйствования адаптированные под экстремальные природно-климатические условия.

Следует подчеркнуть, что активная правовая позиция Конституционного Суда Республики Саха (Якутия) во многом способствовала становлению передового в России законодательства и правоприменительной практики в сфере защиты прав малочисленных народов Севера.

На основе анализа судебной практики по вопросам защиты исконной среды обитания, традиционного образа жизни можно сделать следующие выводы:

Права граждан нередко нарушаются действиями (бездействием) органов публичной власти при правовом регулировании вопросов природопользования и особенно в правоприменительной практике.

Права малочисленных народов нарушаются и достаточно часто со стороны промышленных компаний. Чаще всего это правонарушения, приносящие непоправимый вред природе, животному миру и водным биологическим ресурсам, наносят невосполнимые убытки правообладателям земельных участков, хозяйствующим субъектам малочисленных народов.

Судебная практика не отличается единообразием, так как при принятии каждого решения тот или иной суд вынужден учитывать всю сложность и специфику общественных отношений в каждом конкретном случае.

Учет культурных и иных особенностей представителей северных народов – важное условие индивидуализации и справедливого разрешения судебных дел с их участием [2].

Важное значение судебной защиты неопределимо, она позволяет не только восстанавливать нарушенные права граждан и их объединений, но охранять уникальную ранимую природу Арктики. Судебная практика позволяет скорректировать действующее законодательство и правоприменительную практику.

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Российского фонда фундаментальных

исследований (РФФИ), проекта №20-010-00252 «Экономико-правовые механизмы регулирования и развития территорий традиционного природопользования в контексте промышленного освоения Арктики» и проекта №21-510-22001 ФДНЧ_а «Государственное регулирование недропользования и охраны окружающей среды во Франции и в арктической зоне Российской Федерации».

Литература

1. Слепцов А.Н. Государственная этнологическая экспертиза Республики Саха (Якутия) // Арктика XXI век. Гуманитар. науки. 2015. № 1 (4). С. 15 – 24.
2. Кряжков В.А. Коренные малочисленные народы Севера в российском праве. М., 2010. С. 469 – 484.

References

1. Slepsov A.N. Gosudarstvennaya etnologicheskaya ekspertiza Respubliki Saha (Yakutiya). Arktika XXI vek. Gumanitar. nauki. 2015. № 1 (4). S. 15 – 24.
2. Kryazhkov V.A. Korennye malochislennyye narody Severa v rossiiskom prave. M., 2010. S. 469 – 484.

*Slepsov A.N., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.),
Slepsova I.A.,
North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov*

ON THE ISSUE OF JUDICIAL PRACTICE ON THE PROTECTION OF THE NATIVE HABITAT AND TRADITIONAL WAY OF LIFE OF SMALL-NUMBERED ETHNIC COMMUNITIES

Abstract: the article is devoted to the analysis of judicial practice on the protection of the native habitat, traditional way of life, economic activity and crafts of indigenous peoples.

The right of indigenous small-numbered peoples to access to land, natural and aquatic biological resources, and traditional use of natural resources is fundamental in the system of the constitutional and legal status of these peoples. One of the mechanisms for protecting rights is judicial protection, which has its own characteristics. They are state guarantees of the rights of small-numbered peoples to judicial protection of the native habitat, traditional way of life, economic activity and crafts. All courts may take into consideration the traditions and customs of these peoples during a hearing of legal disputes by with the participation of persons belonging to small-numbered peoples. The right of communities to appeal against the actions of state authorities, local self-government bodies and their officials, infringing on the rights of communities and their members, the right to compensation for losses caused to the community as a result of the activities of legal entities of all forms of ownership.

The special place of the indigenous small-numbered peoples among the indigenous peoples of the country is explained by the geographical and climatic features of their native habitat in the Arctic. These particular features have led to the fact that the traditional types of economic activity and the basis of the life of these peoples are reindeer husbandry, hunting and fishing.

The value of judicial protection of the native habitat, traditional way of life, economic activity and crafts of small-numbered peoples is invaluable, it allows not only to restore the violated rights of citizens or their associations, to protect the unique environment of the Arctic, but also to adjust legislation and law enforcement practice in line with the requirements of the Constitution of Russia.

Keywords: the Constitution of Russia, judicial protection, small-numbered peoples, native habitat, traditional nature management, traditional way of life, compensation for losses

*Абдулгалимова А.Г.,
Северо-Кавказский институт (филиал) Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста России)*

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ И ФРАНЦИИ

Аннотация: в данной статье рассматриваются глубокие политические и экономические преобразования во всех сферах общественной жизни Российского государства, интеграция в европейские правовые процессы, обращение к международному опыту развития права. Прослеживается тенденция сближения правовой системы российской с романо-германской правовой семьей. Также, в статье представлен сравнительный анализ уголовного права России и Франции. Обращается внимание на сходство и различия (по форме, названию, структуре, содержанию, значимости) источников права, обусловленные объективными и субъективными факторами, а также особенностями их правовых систем. Прослеживаются современные тенденции к значительному расширению и усложнению правовой системы российского права и ее сближения с законодательством Франции. Делается вывод о размерах и сроках наказаний в исследуемых странах за совершение преступлений. Отдельное внимание уделяется строгости мер государственного принуждения в отношении лиц, совершивших преступное посягательство. Сравняются Общая часть УК РФ и первой «Книги» УК Франции, аналогичные нормы Российского законодательства в сфере уголовного права и в регулировании общественных отношений, а также система уголовных норм Франции. В Уголовном кодексе Российской Федерации действуют аналогичные нормы, которые регулируют виды наказаний, основания освобождения от уголовной ответственности и наказания. Анализируются правовые аспекты уголовной ответственности аналогичных составов, исследуются законодательная и нормативная часть Уголовного Кодекса Франции, а именно первая и вторая «Книга» Франции, отмечается сходство правового акта Уголовного Кодекса Франции с особенной частью Уголовного Кодекса РФ. В основу также положены цитаты известных ученых-правоведов, профессоров в области сравнительного правоведения. Широко привлечен нормативно-правовой материал, который тщательно исследован и изложен. Исследуется Общая часть Уголовного Кодекса РФ и первой «Книги» Уголовного Кодекса Франции. Также, отмечены сходства и различия Уголовного кодекса России и Франции.

Ключевые слова: сравнительный анализ, уголовный кодекс, правовые аспекты, уголовная ответственность, преступление, правовая система

Сближение российской и романо-германской правовой системы привело к возникновению понятия «уголовно-правовая система», которая носит разные значения. С одной стороны, это «правовая семья», с другой стороны «национальная правовая система». Оба понятия имеют схожие признаки, что говорит об их единстве.

Известный ученый, специалист в области сравнительного правоведения А. Х. Саидов, считает, что правовая семья носит следующий характер, это «более или менее широкая совокупность национальных правовых систем, объединенных общностью исторического формирования, структуры, источников, ведущих отраслей и правовых институтов, правоприменения, понятийно-категориального аппарата юридической науки» [1]. Так как, в настоящее время существует множество правовых систем, имеющих схожие признаки, то французский ученый Рене Давид считал, что «нет ни одной правовой системы, которая не позаимствовала бы те или иные элементы у одной из этих семей» [4].

Ю.А. Тихомиров, советский и российский ученый-правовед, считает что, романо-германская правовая семья, отличается «нормативной упоря-

доченностью и структурированностью источников, устойчивыми демократическими правовыми принципами, обеспечением строгой юридической техники» [2].

Примером такой правовой семьи является Франция.

В настоящее время наиболее значимые общественные отношения в большинстве правовых государств мира охраняются и регулируются уголовным правом. В определенных странах это нормативно-правовой акт (Россия, Франция) [3]. В настоящее время повышение уровня правовых систем государств однозначно зависит от процесса придания юридической силы международно-правовым актам. Именно внедрение передовых международных идей оказывает влияние на такие слои общества, как социальная и экономическая.

Если государства отказываются от применения и внедрения международного опыта во внутреннее законодательство, то это может привести к неспособности обеспечить оперативное реагирование как на внутреннюю, так и на глобальную организованную преступность, а это приводит к уменьшению степени авторитета на мировой арене правового государства. Таким образом, уверенность

иностранных государственных инвесторов падает и не дает возможность вкладывать средства в экономику данного государства. В результате, этот факт оказывает отрицательное влияние на экономическую ситуацию в стране и также на уровень преступности.

Для научного общества, а именно для российского, утверждение о сходстве и даже аналогии Уголовного кодекса Российской Федерации и Франции не является чем-то новым. Уголовное право России и Франции определяется близостью и схожестью основополагающих принципов и институтов в области регулирования уголовно-правовых отношений. Таким образом, можно сказать, что идеи защиты личности и права собственности, а также правового государства от преступных деяний являются общими чертами этих правовых систем и в частности, основополагающей концептуальной идеей.

После распада СССР стало ясно, что в период смены государственного строя, прежние нормы уголовного права не могли долго просуществовать. В результате чего, работа над проектом нового уголовного законодательства началась практически сразу. Необходимо отметить, что Франция и Россия относятся к романо-германской семье, этот факт в целом объясняет сходство некоторых норм уголовного права.

Структура УК Франции делится на две части: нормативную и законодательную. Законодательная часть и нормативная состоят из 7 «книг». При этом, законодательная делится на статьи, главы, разделы, отделы и также подотделы. А нормативная часть делится на положения, которые в свою очередь, уточняют, дополняют и разъясняют законодательную часть. Следует отметить, что нумерация отличается: статьи законодательной части обозначаются буквой «R». УК Франции имеет принцип и идеи важности социальных ценностей, приоритетности международного права, равенства и справедливости, принципов законности, и являются важнейшим аспектом правовых норм.

Первая «Книга» включает в себя общие положения:

- статья 121.1-121.7 УК Франции: наступление уголовной ответственности;
- статья 111.1-111.5 УК Франции: ключевые принципы;
- статья 131.1-131.3 УК Франции: применяемые к физическим лицам виды уголовных наказаний;
- статья 131.37-131.39 УК Франции: применяемые к юридическим лицам виды уголовных наказаний;
- статья 132.8-132.15 УК Франции: рецидивы.

Если проанализировать и сравнить Общую часть УК РФ и первой «Книги» УК Франции, то

можно сказать, что законодательство России в сфере уголовного права и в регулировании общественных отношений, а также система уголовных норм Франции имеют аналогичные нормы. В Уголовном кодексе Российской Федерации действуют аналогичные нормы: освобождение от уголовной ответственности, амнистии и помилования.

Необходимо отметить довольно существенные различия, а именно статья 111.1 УК Франции делит преступные деяния: на преступления, проступки и нарушения [2]. Исходя из этого, можно сделать вывод, что «деяния», за которое лицо может быть наказано, определены законом и регламентом (статья 111.3 УК Франции). В Уголовном кодексе РФ такого разделения нет, т.к. имеет одну черту - преступление (статья 14 УК РФ).

Следует отметить, что законодательство Франции постепенно отходит от более суровых наказаний, связанных с лишением или ограничением прав, несмотря на достаточно жесткие меры в отношении лиц, которые совершили преступления против личности [4]. По мнению ФЗ, помещение виновника преступления в режим условно-досрочного освобождения, окажет положительное влияние на уровень преступности. Можно также отметить, что во Французском Уголовном Кодексе есть отдельные нормы, которые регулируют наказание юридических лиц, к которым применяются уголовные или исправительные наказания, а именно статья 131.37 УК Франции, что подразумевает собой штраф [5]. Однако, согласно статье 131.39 УК Франции имеется еще перечень исправительных наказаний: прекращение деятельности; судебный надзор; конфискация имущества и тд.

В соответствии с уголовным законодательством Франции, суд за совершение преступления вправе назначить наказание в виде лишения свободы и назначения штрафа, а также возможно назначение дополнительных мер наказания, таких как исправительные работы с указанием штраф-часов (статья 131.2 УК Франции) [6].

Вторая «Книга» Уголовного Кодекса Франции имеет сходство с особенной частью Уголовного Кодекса РФ.

Особенность ее заключается тем, что в ней определяются признаки конкретных составов преступлений и меры уголовно-правового принуждения.

Если говорить о мерах наказаний, согласно УК РФ, УК Франции намного строже к лицам, признанными виновными в совершении преступления. Например, злоупотребление должностными полномочиями согласно УК Франции наказываются лишением свободы на срок до 12 (двенадцати) лет, а согласно УК РФ лишением свободы до 10 (десяти) лет и с лишением права занимать данную должность [4, 6].

Таким образом, можно сделать вывод об имеющих схожих принципов и точек соприкосновения между российским и французским уголовным законодательством и хотелось бы отметить, что

уголовное право Франции является достаточно сложным и требует более многостороннего и детального изучения.

Литература

1. Саидов А.Х. Сравнительное правоведение: учебник / Под ред. В.А. Туманова. М.: Юрист, 2005. 448 с.
2. Тихомиров Ю.А. Курс сравнительного правоведения. М.: Изд-во НОРМА, 1996. 432 с.
3. Арсланов К.М. О взаимосвязи российского гражданского права с германской правовой системой // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. Т. 154. Кн. 4. С. 67 – 73.
4. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности: пер. с фр. В.А. Туманова. М.: Международные отношения, 1999. 400 с.
5. Лубенский А.И. Систематизация законодательства во Франции // Информация о законодательстве зарубежных стран. М.: ВНИИСЗ, 1970. Вып. 50. 32 с.
6. Марку Ж. Закон и правотворчество во Франции // Журнал зар рубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2015. № 4 (53). С. 555 – 560.
7. Уголовный кодекс (УК РФ) // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/10108000/>
8. Уголовный кодекс Франции URL: https://yurist-online.org/laws/foreign/criminalcode_fr/_doc-5-.pdf
9. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 №146-ФЗ (ред. от 30.06.2008)
10. Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в в Российской Федерации» от 25.07.2002 N 115-ФЗ (последняя редакция). 25 июля 2002 года N 115-ФЗ.

References

1. Saidov A.H. Sravnitel'noe pravovedenie: uchebnik. Pod red. V.A. Tumanova. M.: YUrist, 2005. 448 s.
2. Tihomirov YU.A. Kurs sravnitel'nogo pravovedeniya. M.: Izd-vo NORMA, 1996. 432 s.
3. Arslanov K.M. O vzaimosvyazi rossijskogo grazhdanskogo prava s germanskoj pravovoj sistemoj. Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2012. T. 154. Kn. 4. S. 67 – 73.
4. David R., ZHoffre-Spinozi K. Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti: per. s fr. V.A. Tumanova. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1999. 400 s.
5. Lubenskij A.I. Sistematizaciya zakonodatel'stva vo Francii. Informaciya o zakonodatel'stve zarubezhnyh stran. M.: VNIISZ, 1970. Vyp. 50. 32 s.
6. Marku ZH. Zakon i pravotvorchestvo vo Francii. ZHurnal zar rubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. 2015. № 4 (53). S. 555 – 560.
7. Ugolovnyj kodeks (UK RF). SPS «Garant». URL: <https://base.garant.ru/10108000/>
8. Ugolovnyj kodeks Francii URL: https://yurist-online.org/laws/foreign/criminalcode_fr/_doc-5-.pdf
9. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' tret'ya) ot 26.11.2001 №146-FZ (red. ot 30.06.2008)
10. Federal'nyj zakon «O pravovom polozhenii inostrannyh grazhdan v v Rossijskoj Federacii» ot 25.07.2002 N 115-FZ (poslednyaya redakciya). 25 iyulya 2002 goda N 115-FZ.

*Abdulgalimova A.G.,
North Caucasus Institute (branch) of All-Russian State
University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)*

FEATURES OF THE CRIMINAL-LEGAL SYSTEM OF RUSSIA AND FRANCE

Abstract: this article examines the profound political and economic transformations in all spheres of public life of the Russian state, integration into European legal processes, appeal to international experience in the development of law. There is a tendency to bring the Russian legal system closer to the Romano-German legal family. Also, the article presents a comparative analysis of the criminal law of Russia and France. Attention is drawn to the similarities and differences (in form, name, structure, content, significance) of the sources of law, due to objective and subjective factors, as well as the peculiarities of their legal systems. The article traces the current trends towards a significant expansion and complication of the legal system of Russian law and its convergence with the legislation of France. The conclusion is made about the size and terms of punishments in the studied countries for committing crimes. Special attention is paid to the severity of state enforcement measures against persons who have committed a criminal offense. The article compares the General part of the Criminal Code of the Russian Federation and the first "Book" of the Criminal Code of France, similar norms of Russian legislation in the field of criminal law and in the regulation of public relations, as well as the system of criminal norms of France. The Criminal Code of the Russian Federation has similar norms that regulate the types of punishments, the grounds for exemption from criminal liability and punishment. The article analyzes the legal aspects of criminal liability of similar structures, examines the legislative and regulatory part of the Criminal Code of France, namely the first and second "Book" of France, notes the similarity of the legal act of the Criminal Code of France with the special part of the Criminal Code of the Russian Federation. It is also based on quotations from well-known legal scholars, professors in the field of comparative law. The regulatory and legal material is widely involved, which is thoroughly researched and presented. The article examines the General part of the Criminal Code of the Russian Federation and the first "Book" of the Criminal Code of France. Also, the similarities and differences of the Criminal Code of Russia and France are noted.

Keywords: comparative analysis, criminal code, legal aspects, criminal liability, crime, legal system

*Мохов А.Ю., ассистент,
Волгоградский институт управления – филиал
Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ*

РАССМОТРЕНИЕ ЖАЛОБ НА НАРУШЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД В СИСТЕМЕ ПОЛНОМОЧИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: целью статьи является обозначение основных новелл законодательного регулирования принятия жалоб к производству в Конституционном Суде Российской Федерации, требований к самой жалобе. В контексте происходящей конституционной реформы в статье рассмотрены, с учётом изменённого законодательства, основы деятельности Конституционного Суда Российской Федерации по рассмотрению жалоб граждан и их объединений на нарушение конституционных прав и свобод. Делается вывод о системообразующем характере рассмотрения жалоб в общей системе функций Конституционного Суда, поскольку, рассматривая конкретное дело об умалении прав и свобод в результате применения неконституционного правового акта, Суд непосредственно осуществляет правосудие, реализуя при этом конституционный контроль. Устанавливается содержание основных требований к жалобе для принятия её к производству Конституционным Судом, в связи с законодательными изменениями делается вывод о значительном усложнении процедуры подачи жалобы, установлении дополнительных требований не только к содержанию документа, но и к предполагаемой заявителем неконституционности акта, оспариваемого в тексте жалобы, ранее использованным способам правовой защиты. С точки зрения практического применения результаты исследования могут быть использованы при дальнейшем совершенствовании соответствующего законодательства, толкования отдельных положений главы 7 Конституции, Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» в части принятия к производству и рассмотрению жалоб на нарушение конституционных прав и свобод.

Ключевые слова: правосудие, Конституционный Суд, конституционное судопроизводство, защита прав и свобод, жалоба, процессуальные сроки, исчерпание средств защиты

Рассматривая основные функции Конституционного Суда Российской Федерации, некорректно будет сводить основную сущность конституционного судопроизводства исключительно к нормоконтролю, осуществляемому по инициативе властных субъектов. Несомненно, принятие решений о конституционности того или иного законодательного акта федерального или регионального уровня (или их проекта), подлежащего применению международного договора или иного международно-правового обязательства Российской Федерации имеет большую значимость, направлено на разрешение коллизий различного рода и уровня, опосредованно влияет на обеспечение, гарантирование и защиту базовых прав и свобод личности, законных интересов общества. Однако, нормоконтроль, осуществляемый Конституционным Судом непосредственно по жалобам граждан, права и свободы которых нарушаются, затрагиваются в связи с практическим исполнением неконституционных нормативных актов, позволяет с полной уверенностью говорить о Суде не только как о контрольном органе, но и как о субъекте отправления правосудия на территории страны. В этой связи стоит согласиться с В.А. Кряжковым, отмечая, что наличие и признание в отечественной правовой практике института конституцион-

ной жалобы гражданина (или объединения граждан) в полной мере способствует «оперативному и эффективному реагированию на нарушения гарантированных Конституцией прав и законных интересов, повышает степень доверия и уважения не только к самим правам, как к реально действующим, но и к органам судебной системы» [8, с. 67].

Нужно отметить, что возможность обращения граждан с жалобой в орган конституционного контроля является новшеством в сравнении с ранее действовавшим статусом Конституционного Суда РСФСР (РФ). До принятия Конституции 1993 г., в соответствии с Законом РСФСР «О Конституционном Суде» [4] граждане либо юридические лица имели право только подавать индивидуальные (коллективные) обращения в орган конституционного контроля. На основании рассмотрения таких обращений Суд делал уникальное для сегодняшнего правового опыта действие – проверка конституционности ненормативного акта, решения по конкретным управленческим вопросам, конкретного акта судов общей юрисдикции, арбитражных судов; (по смыслу ст. 66 Закона РСФСР «О Конституционном Суде»).

Наличие возможности непосредственного обращения с жалобой в Конституционный Суд определяет необходимость предварительной про-

верки жалобы на предмет соответствия формальным требованиям, определения подведомственности и подсудности дела Конституционному Суду РФ – такая деятельность осуществляется Секретариатом судебного органа. Допустимость жалобы граждан о нарушении их прав, свобод и законных интересов, представляет собой, по мнению В.И. Анишиной, специфическое требование к жалобе как форме конституционного запроса, совокупность законодательно установленных обязательных критериев к форме подачи жалобы, её оформлению, надлежащим субъектам и предмету судебного обращения, которые – в своей совокупности – указывают на возможность принятия дела к производству Конституционным Судом Российской Федерации [1, с. 19]. Важность установления конкретных критериев к содержанию жалобы отмечает и Председатель Конституционного Суда В.Д. Зорькин, отмечающий, что Судом в среднем рассматривается более пятнадцати тысяч в год жалоб; только около пятисот из которых (в общей совокупности – 2-3% от общего количества подаваемых в Секретариат Конституционного Суда жалоб) принимаются к рассмотрению в порядке конституционного судопроизводства. Таким образом, законодательством устанавливаются требования к содержанию жалобы, что в целом выражается в институте допустимости жалобы гражданина (юридического лица) в Конституционный Суд Российской Федерации [5, с. 6].

С точки зрения содержания требований допустимости конституционной жалобы стоит согласиться с Т.Г. Моршаковой, предлагающей определять допустимость не только с точки зрения соответствия жалобы конкретным требованиям, регламентированным ст. 97 ФКЗ «О Конституционном Суде» [14], но и общим формальным критериям, которые необходимы для подачи абсолютно любой формы заявления – соответственно, верно говорить о допустимости жалобы о нарушении прав и свобод граждан, организаций «в узком и широком смысле» [10, с. 159].

С точки зрения базовых требований к обращению в Конституционный Суд РФ обязательными требованиями допустимости конституционной жалобы являются:

- соблюдение установленной в законодательном порядке формы подачи обращения в судебный орган (письменный документ с обязательным подписанием уполномоченным на то лицом (или лицами); с 2015 г. допускается подача конституционной жалобы в электронной форме, порядок которой устанавливается Регламентом Конституционного Суда РФ. Вопросы электронной подачи жалобы, переписки с Секретариатом Суда посредством электронных документов регулированы па-

раграфами 22.1-22.3. Регламента Конституционного Суда [13]. В жалобе должны быть указаны необходимые реквизиты, позволяющие идентифицировать заявителя, определить подведомственность дела Конституционному Суду РФ, а также однозначно установить акт, подлежащий оспариванию заявителем, орган, принявший и издавший его, конкретные антиконституционные по мнению заявителя положения оспариваемого документа, краткое изложение позиции заявителя по существу жалобы, а также требование, предъявляемое органу конституционного судопроизводства в связи с подаваемой жалобой (ст. 37 ФКЗ «О Конституционном Суде»);

- кроме того, требуется соблюсти требования к перечню прилагаемых документов (ст. 38 Закона, перечень документов обязательно отражается в тексте жалобы), уплатить государственную пошлину (ст. 39 Закона). Порядок и размеры государственной пошлины, подлежащей уплате в связи с подачей жалобы в Конституционный Суд Российской Федерации, устанавливается Налоговым кодексом Российской Федерации [10]. Практике известны случаи отказа принятия дела к производству при отсутствии хотя бы одного из требуемых для подачи конституционной жалобы документов. Так, в апреле 2020 г. Судом было отказано в принятии к рассмотрению жалобы гражданина М. по причине отсутствия в комплекте прилагаемых им документов копии официального документа, которым подтверждалось бы применение подлежащей потенциальному обжалованию нормы в конкретном деле. Доводы заявителя об отсутствии реальной возможности получения такого рода копии суд не принял ко вниманию, обосновав, что выдача лицу заверенной копии правоприменительного акта осуществляется соответствующим органом, рассматривавшим дело, по требованию заявителя [12].

Теперь представляется необходимым подробно рассмотреть непосредственные требования к жалобе гражданина, организации в Конституционный Суд Российской Федерации в порядке ст. 97 соответствующего ФКЗ.

1. Прежде всего, в отличие от действовавшей до ноября 2020 г. редакции ФКЗ «О Конституционном Суде», значительно было регламентировано основание, связанное с непосредственным нарушением затрагиваемого оспариваемым нормативным актом прав или свобод заявителя. Если в первоначальной редакции статьи жалоба могла быть признана допустимой и принята к рассмотрению при ситуации, когда оспариваемый законодательный акт затрагивал конституционные права и свободы, то на сегодняшний день п. 1 ст. 97 ФКЗ «О Конституционном Суде» конкретизирует данное

требование, определяя возможность обращения в Суд исключительно при наличии «признаков нарушения прав и свобод заявителя, иного лица, в интересах которого подана конкретная конституционная жалоба по итогам применения оспариваемого документа в конкретном деле с непосредственным участием субъекта жалобы (или иного лица, в защиту конституционных прав и свобод которого подаётся данный тип обращения. Отметим, что до 2011 г. действовала редакция данной нормы, при которой допустимой могла быть признана жалоба по закону, который не только был принят, но и *подлежал бы* принятию в связи с разрешением конкретной спорной ситуации.

Как представляется, постепенное сужение действия оспариваемого в жалобе нормативного акта до непосредственного применения в ходе дела позволяет не только существенно облегчить и разгрузить Конституционный Суд РФ (прежде всего, в части отказов о принятии подобных обращений к рассмотрению), но и предметно рассматривать дело применительно к каждому конкретному спорному случаю, нарушению прав и свобод отдельного заявителя. Именно этот признак, на наш взгляд, отличает конкретный контроль, осуществляемый Конституционным Судом РФ именно в связи с рассмотрением жалоб граждан, организаций, от контроля абстрактного, осуществляемого исключительно в связи с запросами предусмотренных ФКЗ «О Конституционном Суде» субъектов государственной власти, уже имеющих более полное представление о месте оспариваемого акта в правовой системе, последствиях его принятия и дальнейшего применения в отношении неограниченного круга лиц [6, с. 25-26]. Нужно отметить, что, по сложившейся практике Конституционного Суда, собственно оспаривание положений пп. 1-2 ст. 97 ФКЗ, определяющих основные критерии для признания жалобы допустимой, по обращению граждан не принимается к рассмотрению.

2. В отличие от ранее действовавшей редакции ст. 97 ФКЗ «О Конституционном Суде», где не предусматривалось никаких требований к сроку подачи жалобы (т.е., временного промежутка, прошедшего с момента принятия решения до подачи соответствующего заявления в Суд, согласно действующей норме (принятой в ноябре 2020 г.) жалоба должна быть подана в Секретариат Конституционного Суда РФ не позднее, чем по прошествии одного года с принятия судебного решения по законодательному акту, который подлежит оспариванию потенциальным заявителем. Если оспариваемое решение было не рассмотрено судом в связи с пропуском сроков обжалования – то жалоба подлежит в подаче в течение года с принятия последнего судебного решения, в котором от-

ражается оспариваемый нормативный акт. Отметим, что положение, ограничивающие сроки подачи жалобы в Конституционный Суд РФ, существовало в ранее действовавшем Законе РСФСР «О Конституционном Суде». В период действия действующего ФКЗ «О Конституционном Суде» до ноября 2020 г. неограничение срока подачи жалобы в Суд часто оспаривалось в научных исследованиях: в частности, по мнению Н. А. Марокко, ограничение, предусмотренное для деятельности Конституционного Суда РСФСР (РФ) представлялось весьма разумным в части предотвращения злоупотребления гражданами и организациями своим правом подачи жалобы в порядке конституционного судопроизводства [9, с. 4].

В целом отметим, что ограничение срока подачи жалобы является общим местом не только для органов конституционного контроля зарубежных стран, но и в контексте деятельности международных юрисдикционных органов. К примеру, в Европейский Суд по правам человека позволено обратиться только в течение полугода с момента подачи итогового решения национальной юрисдикции по оспариваемому нормативному акту (или его положению) [6, с. 191]. Как представляется, ограничение сроков подачи жалобы в Конституционный Суд РФ представляет собой важный формальный «фильтр», позволяющий не только обеспечить деятельности органов конституционного судопроизводства по наиболее важным и требующим оперативного нормоконтроля моментам, но и позволить решить сложившуюся ситуацию иными юрисдикционными методами, противостоять процессуальным злоупотреблениям.

3. Важным (и наиболее объёмным по определению его содержания и правовой оценки) обстоятельством, подтверждающим допустимость подачи лицом конституционной жалобы и её рассмотрение в порядке конституционного судопроизводства, является обязательное *исчерпание* предусмотренных национальным законодательством внутригосударственных средств судебной защиты заявителя, иного лица, в интересах которого была подана конституционная жалоба. Под исчерпанием средств внутригосударственной защиты в новой редакции ФКЗ «О Конституционном Суде» понимается преодоление (в соответствии с процессуальными требованиями, установленными для конкретной категории споров специальным процессуальным законодательством) кассационной или надзорной инстанции (которые должны рассматриваться по конкретному делу в качестве высшей инстанции), если решениями этих судов не было устранено, по мнению заявителя, прямое противоречие, нарушение его конституционных прав и свобод. Интересно привести в этой связи

мнение А.Р. Глазунова, считавшего ранее действовавший порядок возможной подачи конституционной жалобы (только при завершении рассмотрения дела в суде – прохождении первой и апелляционной инстанций) в полной мере соответствующим принципам демократического государства, проверке дела в двух инстанциях [3, с. 114]. На наш же взгляд, в условиях постепенного усложнения судебной системы Российской Федерации, включения в систему федеральных судов общей юрисдикции специализированных апелляционных и кассационных судов дополнительно подкрепляет необходимость рассмотрения в порядке деятельности Конституционного Суда исключительно самых сложных дел, в отношении которых уже были приняты решения высшими судебными инстанциями, которые могли бы решить до обращения в Суд сложившиеся проблемы.

Важно отметить, что в соответствии с новой редакцией п. 3 ст. 97 «ФКЗ О Конституционном Суде», суд приобретает самостоятельные полномочия, связанные с определением степени исчерпанности средств внутригосударственной судебной защиты, как основания для обращения в орган конституционной юстиции. Так, судьи вправе, применительно к конкретной группе дел признать существующие и применяемые в отношении их решения не соответствующими конституционным принципам защиты, если сложившаяся практика исчерпывает внутригосударственные способы, либо существующее официальное толкование оспариваемого акта, которое изложено в руководящих положениях по вопросам судебной практики, указывает на то, что иное применение оспариваемого акта, чем уже осуществлённое в рассматриваемом в связи с жалобой деле, не предполагается. Данное положение представляется интересным, поскольку оно позволяет Конституционному Суду РФ, самостоятельно осуществляя толкование законодательства, признавать существующие на момент поступления жалобы способы применения оспариваемого акта, изложенные в руководящих положениях Верховного Суда РФ, исчерпывающими внутригосударственными средствами защиты, и, соответственно, подлежащими рассмотрению в порядке конституционного судопроизводства. Не совсем понятным в этой связи остаётся процесс определения «исчерпаемости» средств защиты (и,

по факту заведомой неконституционности трактовки применяемого акта). По логике ст. 97 предполагается, что Конституционный Суд РФ станет осуществлять толкование документов по своей инициативе, что, несомненно, расширяет его полномочия по последующему нормоконтролю.

Стоит отметить, что подобное распределение не является исключением только для отечественной модели конституционного контроля. Так, согласно материалам отчётности Конституционного Суда ФРГ, практикой выработано большое количество условий для отклонения конституционных жалоб. Е.В. Герасимова указывает, что, в сравнении с отечественной практикой конституционного судопроизводства, индивидуальные жалобы могут быть приняты к рассмотрению исключительно в случаях, если они нарушают ограниченный перечень прав, предоставленных гражданам Конституцией ФРГ 1947 г. При этом действие конституционной жалобы в Германии распространяется не только на судебные решения и законодательные акты, но и на «иные официальные действия должностных лиц (например, отказ в рассмотрении и удовлетворении заявления должностным лицом федерального органа государственной власти). В свою очередь, Конституцией Королевства Испания и соответствующим испанским Органическим законом «О Конституционном Суде» отмечается, что граждане по собственной инициативе вправе обжаловать только *базовые неотчуждаемые права*, перечень которых отдельно установлен ст. 53.2 Основного закона Испании [2, с. 42].

Таким образом, Конституционный Суд РФ, приняв к рассмотрению жалобу на нарушение законом конституционных прав и свобод граждан, уведомляет об этом суд, принявший последнее судебное постановление по делу заявителя, в котором применен обжалуемый закон, а по требованию заявителя – орган, осуществляющий в соответствии с федеральным законом исполнение данного судебного постановления, и суд, рассматривающий дело, для которого данное судебное постановление может иметь значение. Соответствующий суд может приостановить исполнение судебного постановления или производство по делу до принятия Конституционным Судом РФ постановления.

Литература

1. Анишина В.И., Корзина И.А. Субъекты судебной защиты местного самоуправления при обращении в Конституционный Суд Российской Федерации // Вопросы экономики и права. 2011. № 9. С. 18 – 22.
2. Герасимова Е.В. Доступ граждан к конституционному правосудию в России и зарубежных странах // Уральский форум конституционалистов: материалы Пятого Уральского Форума конституционалистов. Екатеринбург, 2020. С. 37 – 47.

3. Глазунов А.Р. Реплика в защиту судов. Налоговое право в решениях Конституционного Суда РФ // *Налоговое право*. 2006. № 1. С. 113 – 117.
4. Закон РСФСР от 6 мая 1991 г. «О Конституционном Суде РСФСР» // *Ведомости СНД и ВС РСФСР*. 1991. № 19. Ст. 621.
5. Зорькин В.Д. Конституционный суд на переходном этапе истории развития России // *Журнал конституционного правосудия*. 2016. № 4. С. 1 – 7.
6. Игнатенко В.В., Петров А.А. Основные механизмы регулирующего воздействия в правовой системе решений Конституционного Суда Российской Федерации по делам о нормоконтроле // *Журнал конституционного правосудия*. 2019. № 1. С. 21 – 27.
7. Конституционное право зарубежных стран: учебник и практикум для вузов / под ред. А.В. Поповой, М.Г. Абрамовой. М.: Издательство Юрайт, 2020. 371 с.
8. Кряжков В.А. Российская модель конституционной жалобы // *Конституционное и муниципальное право*. 2012. № 5. С. 65 – 71.
9. Марокко Н.А. Определение критериев допустимости жалобы в Конституционный Суд РФ на нарушение конституционных прав и свобод человека и гражданина // *Современное право*. 2018. № 4. С. 3 – 7.
10. Моршакова Т.Г. Комментарий к Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации». М.: Норма, 2012. 160 с.
11. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (ред. от 20 апреля 2021 г.) // *Собрание законодательства РФ*. 2000. № 32. Ст. 3340.
12. Определение Конституционного Суда РФ от 23 апреля 2020 г. № 851-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Машукова Анзора Владимировича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 96 и пунктом 2 статьи 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.06.2021)
13. Регламент Конституционного Суда Российской Федерации (в ред. от 28 января 2021 г.) // *Вестник Конституционного Суда РФ*. 2016. № 4.
14. Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ (ред. от 9 ноября 2020 г.) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // *Собрание законодательства РФ*. 1994. № 13. Ст. 1447.

References

1. Anishina V.I., Korzina I.A. Sub"ekty sudebnoj zashchity mestnogo samoupravleniya pri obra-shchenii v Konstitucionnyj Sud Rossijskoj Federacii. *Voprosy ekonomiki i prava*. 2011. № 9. S. 18 – 22.
2. Gerasimova E.V. Dostup grazhdan k konstitucionnomu pravosudiyu v Rossii i zarubezhnyh stranah. *Ural'skij forum konstitucionalistov: materialy Pyatogo Ural'skogo Forumu konstitucionalistov*. Ekaterinburg, 2020. S. 37 – 47.
3. Glazunov A.R. Replika v zashchitu sudov. *Nalogovoe pravo v resheniyah Konstitucionnogo Suda RF*. *Nalogovoe pravo*. 2006. № 1. S. 113 – 117.
4. Zakon RSFSR ot 6 maya 1991 g. «O Konstitucionnom Sude RSFSR». *Vedomosti SND i VS RSFSR*. 1991. № 19. St. 621.
5. Zor'kin V.D. Konstitucionnyj sud na perekhodnom etape istorii razvitiya Rossii. *ZHurnal konstitucionnogo pravosudiya*. 2016. № 4. S. 1 – 7.
6. Ignatenko V.V., Petrov A.A. Osnovnye mekhanizmy reguliruyushchego vozdejstviya v pravovoj si-steme reshenij Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii po delam o normokontrole. *ZHurnal konstitucionnogo pravosudiya*. 2019. № 1. S. 21 – 27.
7. Konstitucionnoe pravo zarubezhnyh stran: uchebnik i praktikum dlya vuzov. pod red. A.V. Po-povoj, M.G. Abramovoj. M.: Izdatel'stvo YUrajt, 2020. 371 s.
8. Kryazhkov V.A. Rossijskaya model' konstitucionnoj zhaloby. *Konstitucionnoe i municipal'-noe pravo*. 2012. № 5. S. 65 – 71.
9. Marokko N.A. Opredelenie kriteriev dopustimosti zhaloby v Konstitucionnyj Sud RF na narushenie konstitucionnyh prav i svobod cheloveka i grazhdanina. *Sovremennoe pravo*. 2018. № 4. S. 3 – 7.
10. Morshakova T.G. Kommentarij k Federal'nomu konstitucionnomu zakonu «O Konstitucion-nom Sude Rossijskoj Federacii». M.: Norma, 2012. 160 s.
11. Nalogovyj kodeks Rossijskoj Federacii (chast' vtoraya) ot 5 avgusta 2000 g. № 117-FZ (red. ot 20 aprelya 2021 g.). *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 2000. № 32. St. 3340.

12. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 23 aprelya 2020 g. № 851-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Mashukova Anzora Vladimirovicha na narushenie ego konstitucionnyh prav chast'yu vtoroj stat'i 96 i punktom 2 stat'i 97 Federal'nogo konstitucionnogo zakona «O Konstitucionnom Sude Rossijskoj Federacii» [Elektronnyj resurs]. Dostup iz spravочно-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya: 22.06.2021)

13. Reglament Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii (v red. ot 28 yanvarya 2021 g.). Vestnik Konstitucionnogo Suda RF. 2016. № 4.

14. Federal'nyj konstitucionnyj zakon ot 21 iyulya 1994 g. № 1-FKZ (red. ot 9 noyabrya 2020 g.) «O Konstitucionnom Sude Rossijskoj Federacii». Sobranie zakonodatel'stva RF. 1994. № 13. St. 1447.

*Mokhov A.Yu., Assistant Professor,
Volgograd Institute of Management branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration*

CONSIDERATION OF COMPLAINTS FOR VIOLATION OF CONSTITUTIONAL RIGHTS AND FREEDOMS IN THE SYSTEM OF POWERS OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract: the purpose of the article is to outline the main novelties of the legislative regulation of the acceptance of complaints for proceedings in the Constitutional Court of the Russian Federation, the requirements for the complaint itself. In the context of the ongoing constitutional reform, the article examines, taking into account the amended legislation, the fundamentals of the activities of the Constitutional Court of the Russian Federation to consider complaints of citizens and their associations for violation of constitutional rights and freedoms. The conclusion is made about the systemic nature of the consideration of complaints in the general system of functions of the Constitutional Court, as, when considering a specific case of diminishing rights and freedoms as a result of the application of an unconstitutional legal act, the Court directly administers justice, while exercising constitutional control. The content of the basic requirements for the complaint is established for its adoption by the Constitutional Court, in connection with legislative changes, it is concluded that the procedure for filing a complaint is significantly complicated, additional requirements are established not only for the content of the document, but also for the alleged unconstitutionality of the act contested in the text of the complaint by the applicant, previously used methods of legal protection. From the point of view of practical application, the results of the study can be used for further improvement of the relevant legislation, interpretation of certain provisions of Chapter 7 of the Constitution, the Federal Constitutional Law "On the Constitutional Court of the Russian Federation" in terms of acceptance for proceedings and consideration of complaints about violation of constitutional rights and freedoms.

Keywords: justice, the Constitutional Court, constitutional proceedings, protection of rights and freedoms, complaint, procedural terms, exhaustion of remedies